

приоритет2030⁺
лидерами становятся

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ-МСХА ИМЕНИ
К.А.ТИМИРЯЗЕВА**

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ АПК

**КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ)
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ,
ИСТОРИИ И ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ВЫСШАЯ ШКОЛА МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ И МИРОВОЙ ИСТОРИИ

ЛАБИРИНТЫ ВРЕМЕНИ: ИСТОРИЯ, ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИОГРАФИЯ

Сборник статей участников Всероссийской (национальной)
научной конференции студентов и аспирантов

20 мая 2025 г.

Москва, 2025

УДК 94(47+57)(082)

ББК 74.01

Л 25 Лабиринты времени: история, источники, историография.
Материалы всероссийской (национальной) научной конференции студентов и аспирантов. 20 мая 2025 г. / под ред. А.Б. Оришева, Р.Р. Фахрутдинова. Москва: РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева, 2025. 522 с.

Сборник включает материалы Всероссийской (национальной) научной конференции «Лабиринты времени: история, источники, историография», посвящённой 80-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне. Организаторами конференции выступили Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева и Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Авторы научных статей рассматривают различные аспекты изучения истории XX века, осмысление ключевых этапов становления российского государства и общества в послевоенное время, проблемы источниковедения и методологии исторического исследования.

Представленные статьи освещают актуальные направления исследований отечественной и мировой исторической науки, раскрывают значение архивных документов и мемуаров в изучении прошлого, предлагают новые подходы к интерпретации известных фактов и событий. Сборник предназначен для специалистов-историков, преподавателей вузов, аспирантов и студентов гуманитарных специальностей, всех интересующихся вопросами истории России и её места в мировом сообществе

ISBN – 978-5-9675-2077-8

© РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Актуальные вопросы всеобщей истории

Аль Зидейн Арин Ахмад Оде. Иордания в борьбе с терроризмом: стратегии безопасности и устойчивости в нестабильной региональной среде	7
Борунов П.А. Чан Кайши и национальный вопрос в период национального правительства Китайской республики.....	13
Брагинец А.В., Ядревский Д.В. Роль дзайбацу в экономическом развитии Японии	21
Глухова А.С. Политическая культура имперского рыцарства священной римской империи германской нации.....	28
Горбатов И.А. Отображение изменений в советско-финляндских отношениях газетой «Правда» в 1930-е гг.	33
Губайдуллин Р.Р. Перу и Колумбия в период Второй мировой войны (1939-1945 гг.): политика нейтралитета и экономические трансформации.....	41
Зятков К.А. Образы Италии в «Записках неизвестной особы»	52
Климашевская М.В. Российско-британские отношения в 1918 г. в работах современных отечественных историков	59
Конкин М.Г. Колонизация Северной Америки: как миграция европейцев стала катастрофой для коренных народов.....	65
Лю Сяюй Исследование российского китаеведения XIX века В.П. Васильевым: на основе монографии Чжао Чуньмэй «В.П. Васильев и Китай»	71
Мирка Д.Н. Людовик XIV глазами русского дипломата XVII в. (по материалам отчета П.И. Потемкина).....	76
Мусабекова А.И. Неозычество в идеологии нацистской Германии.....	83
Овчинникова Е.М. Становление человеческого общества в ракурсе антропогенеза.....	91
Серебрякова А.С. Культурные связи между СССР и странами Запада в период разрядки 1968-1979.....	98
Степанов В.Д., Сапко К.Н. Первая мировая война как фактор развития России и Португалии: обзор современной российской историографии	102
Таирова С.Р. Историко-демографические и политико-демографические исследования ученых-timiразевцев.....	109
Циберт У.Я. Исламоведение в Тимирязевской академии	121
Чжоу Чжаоу. Китайско-британские дипломатические отношения в ранний период становления китайской народной республики (1949-1954).....	128

Шабает А.Ю. Становление цензуры кинематографа в Соединенных Штатах Америки	137

Раздел 2. Актуальные вопросы отечественной истории

Богдановская А.Л. Языческий смысл древнерусской вышивки	146
Бондарчук В.Я. Великая Отечественная война в трудах тимирязевских историков	152
Бочковар А.С. Значение Жигулёвской ГЭС в электрификации страны....	159
Воробьёв М.В. Исторические пути применения экскурсий и виртуальных экскурсий в образовательном процессе.....	167
Горемыкин Н.В. Изображение Коломенского дворца в «Приветстве» Симеона Полоцкого.....	175
Городецкий Д.Р. От крестьянской реформы к агрономическим инновациям: роль образования и городской культуры в модернизации сельского хозяйства России во второй половине XIX в.	182
Грицкевич М.Е. 80-летие победы: память	188
Джейранова Э.М. Проблемы внедрения научных методов земледелия в образовательный процесс в России XIX века: причины разрыва между теорией и практикой.....	199
Доценко М.О. Реформы образования 1860–1870-х годов: предпосылки, направления, итоги.....	204
Емельяненко А.А. Судьба семьи Романовых после революции.....	210
Захарова А.М. Вторая Мировая война в освещении тимирязевских учёных	218
Кеквеева И.Э. История аграрного туризма в России.....	223
Клименко И.В., Гавриленко К.С. Женская преступность во время гражданской войны	228
Комлев Н.С. Подвиг разведчика Василия Рябова	237
Косоруких Н.А. Молодежь в фокусе постсоветских ученых: историографический обзор диссертационных работ по политологии.....	242
Кухтарова А.В. Коллекция президентской библиотеки «оборона и блокада Ленинграда» (обзор исторических исследований).....	249
Матросова А.Д. Власть государства в руках женщины как мощный инструмент лидерства	254
Меркульев Г.А. Бессмертный полк: народное единение в уважении к памяти героев	259
Морозова В.А. Культурные памятники времён Великой Отечественной: сохранение памяти о прошлом.....	265

Мотакова В.С. Российско-британские отношения в 1919 г. в работах современных отечественных историков.....	273
Мухин В.И. В.Ф. Залеский и славянское вспомогательное общество: история одного конфликта	278
Нечаева А.П. Неславянские элементы в древнерусском язычестве	284
Никифорова К.М. Лев Тихомиров: от революционера к монархисту.....	290
Никонова О.Л. Древнеславянские представления об устройстве мира	296
Орлова С.С. Женские образы в русских сказках.....	304
Панова Н.А., Панов В.С. Вклад советских студентов в развитие отечественной науки в послевоенный период	310
Полянский Н.В. Объекты сопоставления заглавного героя в «повести о житии Александра Невского»	317
Сидарчук А.А. Формирование коллективной памяти о великой памяти о Великой Отечественной войне: роль медиа, патриотического воспитания и институтов власти на примере Сталинградской битвы.....	323
Сладков В.Д. Ценности советского человека в период «перестройки» (по источникам личного происхождения)	329
Соловьев М.Д. «Сын земли Смоленской»: подвиг героя советского союза А.М.Амосенкова.....	334
Стенин Н.И. Экспорт советских методик шахматного образования в 1970-1980 гг.....	342
Сугробов Д.А. Обмундирование рабоче-крестьянской красной армии на заре становления советской России (1917-1922)	349
Терентьев А.А. Современная отечественная историография гражданской войны в России: анализ основных работ.....	355
Узелкова Я.В., Фомина А.Д. Демографические потери СССР в годы Великой Отечественной войны.....	363
Фортуне М.А. Экзотические животные на Руси.....	372
Халикова К.Р. Организационно-педагогическая деятельность В.В. Радлова	381
Шуляк В.А. Плакатное искусство советской России: характерные особенности и стили	389
Ясинская П.И. Расстрелы в Вятской губернии в 1920 г.	396

Раздел 3. Актуальные вопросы региональной истории

Андреев Д.А. Гражданская война и иностранная интервенция на Юге России (1917-1920) в современной отечественной историографии.....	402
Ахтариева А.Р. Развитие текстильной промышленности в Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.	409
Бобохонов К.Н. Парадипломатия как продолжение исторических связей России и Узбекистана: уроки великой победы в контексте современного сотрудничества.....	417
Бычкова М.А. Вклад Сибири в победу Великой Отечественной войне.....	424
Гавшин М.А., Местер Я.Б. Развитие Сибири во время Гражданской войны в России: обзор современной отечественной историографии.....	
Керимова С.И. Историография органов ВЧК: современные региональные исследования.....	437
Котова М.А. Светлые имена Бондарского района.....	442
Ломанова Е.П. Город Крымск в период Великой Отечественной войны (1941-1945).....	451
Ломова В.Е. Состояние крестьянства и сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны.....	455
Майлунов Ш.Р. Зарубежная историография о формировании статуса Республики Татарстан (конец 1980-х – начало 2000-х годов).....	462
Мальцева С.С. Тимирязевская академия в годы Великой Отечественной войны: современная историография.....	470
Палладова В.С. «Маленький человек» в годы Гражданской войны и Революции: современная историография темы (по материалам Вятской губернии).....	475
Пичикин Д.В., Карякин В.В. Эхо войны в моей семье	480
Раковский А.Д., Строков В.А. Развитие Дальнего Востока во время Гражданской войны в России (1917-1922): обзор современной отечественной историографии	487
Сидорина Е.Е. Исторические исследования в Тимирязевской академии	494
Сильвестрова В.А. Проблема дезертирства в Красной армии в годы Гражданской войны: современная историография.....	501
Тугуева М.И. Современная региональная историография в области изучения эпидемий в годы Гражданской войны.....	507
Харламова Д.В. Современная региональная историография системы революционных трибуналов в годы Гражданской войны.....	513
Шавалиева Э.А. Благотворительная деятельность золотопромышленников Рамеевых.....	519

РАЗДЕЛ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 327

ИОРДАНИЯ В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ: СТРАТЕГИИ БЕЗОПАСНОСТИ И УСТОЙЧИВОСТИ В НЕСТАБИЛЬНОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Автор: Аль Зидейн Арин Ахмад Оде

*ФГАОУ ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань,
аспирант 2 курса факультета международных отношений, areenhamaideh97@gmail.com*

Научный руководитель: Мисбахова Чулпан Адиповна

*ФГАОУ ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань,
доктор, экономические науки, доцент, CAMisbakhova@kpfu.ru*

Аннотация. Иордания служит успешным примером противодействия терроризму в условиях региональной нестабильности. В статье исследуются комплексные стратегии Королевства, охватывающие исторические аспекты угроз безопасности, эффективные внутренние меры и международное сотрудничество. На внутреннем уровне рассматриваются превентивные подходы: усиление кибербезопасности, контроль финансирования, реформа религиозного дискурса через институты типа «Дар аль-Ифта» и программы реабилитации экстремистов. Внешнеполитический аспект включает ключевую роль Иордании в международных антитеррористических инициативах. Особое внимание уделяется рекомендациям по оптимизации стратегий, включая развитие взаимодействия между силовыми структурами и гражданским обществом, а также комплексные решения, объединяющие безопасность и устойчивое развитие. Иорданский опыт демонстрирует эффективность сочетания жестких мер безопасности с инвестициями в человеческий потенциал, предлагая сбалансированный подход для стран с нестабильными регионами.

Ключевые слова: Иордания; борьба с терроризмом; безопасность и развитие; дерадикализация; международное сотрудничество; антитеррористические стратегии.

JORDAN'S COUNTER-TERRORISM EFFORTS: SECURITY AND RESILIENCE STRATEGIES IN A VOLATILE REGIONAL ENVIRONMENT

Author: Al Zeedyein Areen Ahmad Odeh

*Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan, 2nd year postgraduate student at the
Faculty of International Relations, areenhamaideh97@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0554-6411>*

Academic Advisor: Misbakhova Chulpan Adipovna

Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, CAMisbakhova@kpfu.ru

Abstract. Jordan stands as a successful model of counterterrorism amidst regional instability. This article examines the Kingdom's comprehensive strategies, encompassing historical security threats, effective domestic measures, and international cooperation. Domestically, it analyzes preventive approaches: enhanced cybersecurity, financial oversight, religious discourse reform through institutions like Dar al-Ifta, and extremist rehabilitation programs. The foreign policy dimension highlights Jordan's pivotal role in global counterterrorism initiatives. Special emphasis is placed on strategy optimization recommendations, including improved coordination between security agencies and civil society, as well as integrated solutions combining security and sustainable development. Jordan's experience demonstrates the efficacy of blending robust security measures with human capital investments, offering a balanced approach for nations in unstable regions.

Keywords: Jordan; counterterrorism; security and development; deradicalization; international cooperation; counter-terrorism strategies.

Иордания представляет собой уникальную модель противодействия терроризму, несмотря на серьезные вызовы, с которыми она сталкивалась с момента основания государства. Благодаря своему стратегическому геополитическому положению и умеренной политике страна оказалась в центре внимания экстремистских группировок, пытавшихся подорвать ее национальную безопасность и стабильность.

Истоки проблем безопасности восходят к первым годам существования королевства. В 1951 году был убит основатель государства король Абдалла I [1, с. 80], за чем последовали убийства двух премьер-министров в 1960 и 1971 годах. Эти ранние события продемонстрировали нестабильную региональную среду, в которой существует Иордания, делая ее уязвимой для волн экстремизма и насилия [2, с. 84–86]. Вторжение в Ирак в 2003 году ознаменовало новый, более опасный этап террористической угрозы. Аль-Каида воспользовалась региональным хаосом для атак на Иорданию, включая попытку взрыва здания генеральной разведки в 2004 году (группа "Аль-Джиуси") и ракетный обстрел города Акаба. Эти атаки показали усложнение методов террористических операций против Королевства.

Беспрецедентное обострение угрозы произошло во время "Арабской весны" 2011 года, когда регион погрузился в хаос и насилие. Несмотря на все угрозы, Иордании удалось сохранить безопасность и стабильность, став образцом для подражания в регионе.

Пик угрозы наступил с появлением ИГИЛ (запрещена в России) в 2014 году [3, с. 90]. Наиболее шокирующими инцидентами стали сожжение заживо пилота Муата Аль-Касасбы в 2015 году, нападение на офис разведки в Аль-Бакаа, атаки

на приграничный район Рукбан в 2016 году и события в Фухейсе и Сальте в 2018 году. Несмотря на жестокость этих атак, иорданские силовые структуры продемонстрировали впечатляющую эффективность в сдерживании угрозы.

В ходе этого сложного пути Иордания разработала уникальную модель борьбы с терроризмом, сочетающую превентивные меры безопасности с всеобщей социальной устойчивостью. Способность Королевства сохранять стабильность в условиях регионального хаоса предлагает ценные уроки для других стран, сталкивающихся с аналогичными угрозами.

Иордания на протяжении десятилетий сталкивается с проблемой терроризма в нестабильной региональной среде, где она разработала комплексный ответ, действующий на двух основных уровнях: взаимодействие с внешней средой и противодействие внутренним вызовам. На внешнеполитическом уровне проявилась роль иорданской внешней политики в смягчении негативных последствий региональных конфликтов, войн и международных потрясений, посредством активного участия в разработке международных соглашений по борьбе с терроризмом и присоединения к соответствующим протоколам. Что касается внутреннего уровня, то Иордания приняла решительные законодательные и исполнительные меры, включавшие изменение Уголовного кодекса (2001), принятие закона о борьбе с терроризмом (2006) [4] и закона о противодействии отмыванию денег (2007), в дополнение к развитию систем национальной идентификации и паспортов в соответствии с международными стандартами. Иорданская стратегия уделила особое внимание защите границ через комплексную систему безопасности, включающую вооружённые силы, правоохранительные органы и таможенные службы.

Однако наиболее отличительной чертой иорданского опыта является его долгосрочный превентивный подход, где была запущена "Амманская декларация" [5] (2004) в качестве основы для умеренного религиозного дискурса, а также разработаны обучающие программы для имамов и образовательные программы для вооруженных сил. Кроме того, были созданы специализированные учреждения, такие как Директорат по борьбе с экстремизмом (2015), Иорданский центр по противодействию идеологическому экстремизму (2017) и Центр общественного примирения [6].

Эти усилия не были отделены от политических и экономических реформ: Иордания реализовала программы трудоустройства молодежи и обучающие программы для школьников с целью их защиты от экстремистских идей. Однако эти достижения не обошлись без трудностей - Иордания понесла значительные человеческие и материальные затраты, выразившиеся в жертвах и увеличении расходов на безопасность в условиях сложной экономической ситуации [7, с. 104-125].

Гениальность иорданской модели заключается в ее сбалансированности

между жесткими мерами безопасности и долгосрочными профилактическими программами при сохранении курса внутренних реформ, что сделало ее достойной изучения в контексте противодействия террористической угрозе.

Иордания предприняла ряд стратегических мер во внешней политике для усиления своей роли в противодействии экстремизму и терроризму. Ключевые направления включают [8, с. 11]:

1. Международные соглашения

- Подписание Иордано-американского соглашения о противодействии пропаганде ИГИЛ в Интернете (2016);
- Присоединение к Арабской конвенции по борьбе с «отмыванием» денег (2010);
- Принятие Арабской стратегии в сфере медиа (2013);
- Соглашение о снижении напряженности между Иорданией, Россией и США (2017).

2. Участие в международных конференциях

- Участие в арабских и исламских саммитах, включая:
 - Исламский саммит в Стамбуле (2016) и Мекке (2012);
 - Арабо-африканский саммит в Кувейте (2013);
 - Международный альянс по борьбе с терроризмом (Нью-Йорк, 2015);
 - Исламской-американский саммит в Эр-Рияде (2017);
- Активное участие в заседаниях ООН и международных коалициях по противодействию экстремизму.

3. Военное и безопасностей сотрудничество

- Проведение таких совместных военных учений, как:
 - «Ас-сайд аль-мутааххиб» (после 2011);
 - «Раадаш-Шамаль» в Саудовской Аравии (2016);
 - Иордано-египетские и Иордано-саудовские учения;
- Вступление в международную коалицию против ИГИЛ (2015);
- Участие в коалиции против хуситов в Йемене (2015);
- Усиление мер безопасности на восточных и северных границах;
- Поддержка суннитских племенных формирований в приграничных районах Ирака и Сирии.

4. Выступления короля Абдаллы II

Король Иордании неоднократно подчеркивал необходимость борьбы с терроризмом в своих международных выступлениях, включая:

- Речь на саммите в Нью-Йорке (2015).
- Выступление в ООН (2011).
- Обращение в Европарламенте (2015).

Благодаря этим мерам Иордания укрепила свою позицию как активного

участника глобальной борьбы с экстремизмом и терроризмом, способствуя региональной и международной стабильности.

Заключение. В период с 2011 по 2018 год Иордании удалось разработать комплексную стратегию противодействия экстремизму и терроризму, основанную на всеобъемлющем подходе, сочетающем внутреннюю и внешнюю политику с акцентом на политические, социальные и религиозные функции государства. Данная стратегия достигла заметных успехов, особенно в области безопасности, военной и разведывательной сферах. Однако экономические проблемы оставались сдерживающим фактором этих усилий, поскольку структурные проблемы иорданской экономики, включая дефицит бюджета, рост внешнего долга и увеличение уровня безработицы, создавали благоприятную среду для эксплуатации экстремистскими группировками.

Результаты исследования указывают на необходимость усиления усилий по нескольким направлениям: во-первых, совершенствование безопасности подхода, включающего более эффективный мониторинг социальных сетей и отслеживание деятельности террористических организаций; во-вторых, устранение экономических дисбалансов посредством серьезных структурных реформ, направленных на достижение финансовой стабильности и создание рабочих мест.

Результаты также подчеркивают важность развития образовательной системы и укрепления учебных программ, которые закрепляют умеренные ценности и противостоят экстремистской идеологии, с акцентом на демонстрацию цивилизационного аспекта умеренной исламской политической мысли.

Список литературы

1. أمين إ. م. الاغتيالات السياسية في العصر الحديث. // زهران للنشر. 2016. العدد 1. ص 80.
2. Амин И. М. Политические убийства в современную эпоху // Издательство Захраан. 20162. № 1. С. 80.
3. العضائيلة ن. م. تاريخ الاغتيال السياسي في الشرق الأوسط // دار ورد الأردنية للنشر والتوزيع. 2011. العدد 1. ص 86-84.
4. Аль-Адайла Н. М. Политические убийства на Ближнем Востоке // Иорданское издательство Дар Вард. 2011. № 1. С. 84–86.
5. Кича М. В. Политико-правовой опыт борьбы с исламизмом в XXI в. (на примере хашимитского королевства Иордания) часть 3 // научная электронная библиотека elibrary.ru. 2019. № 7 (23). С. 90. <https://elibrary.ru/item.asp?id=39158515>
6. قانون منع الإرهاب لسنة 2006 // وزارة الداخلية الأردنية. 2006.
7. Закон о предотвращении терроризма 2006 года // Иорданское министерство внутренних дел. 2006.
8. رسالة عمان // فتوى مشتركة من الاتحاد العالمي لعلماء المسلمين. 2005.
9. Амманская декларация // Совместная фетва Всемирного союза исламских ученых. 2005.

10. فرغل م. الأردن والحرب على التطرف والإرهاب // ورقة عمل قدمت في مؤتمر "الأردن في بيئة إقليمية متغيرة". 2015
11. Фаргл М. Иордания и война с экстремизмом и терроризмом // Рабочий документ, представленный на конференции "Иордания в меняющейся региональной среде. 2015
12. Mohammed B. E. Jordan in Counterterrorism, Threats, and Strategy // International Journal of Research. 2021. №8 (9). С. 104-125.
13. المَجَالِي ر. م. المنظور السياسي في مواجهة التطرف والإرهاب: الأردن (2011-2018) // المجلة الأردنية في القانون والعلوم السياسية. 2019. العدد 4 (11). ص 11.
14. Аль-Маджали Р. М. Политический подход к противодействию экстремизму и терроризму: Иордания (2011-2018) // Иорданский журнал права и политических наук. 2019. № 4 (11). С. 11.

УДК 94 (510)

ЧАН КАЙШИ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПЕРИОД НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА КИТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Автор: Борунов Павел Александрович

*ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»,
магистрант, wawilom1999@gmail.com*

Научный руководитель: Сакаев Василь Тимерьянович

*ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени
К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат
исторических наук, доцент, sakaev@rgau-msha.ru*

Аннотация. В статье рассматривается дискуссия по национальному вопросу в Китае в период Национального правительства Китайской Республики под управлением Гоминьдана в 1927-1949 гг. Северный поход позволил партии Гоминьдан сформировать новое правительство и на время объединить Китай под своей властью. Дискуссия вокруг вопроса будущей политики в отношении национальностей Китая, сам взгляд на китайскую нацию и национальные автономии в государстве определили будущую национальную политику в КНР и на Тайване. В связи с этим изучение данной дискуссии может способствовать пониманию генезиса китайских национальных и этнических концепций, а также идеи «государства-цивилизации» в современной китайской науке.

Ключевые слова: Гоминьдан; КПК; Китай; Чан Кайши; нация; национальный вопрос

CHIANG KAI-SHEK AND THE NATIONAL QUESTION DURING THE PERIOD OF THE NATIONAL GOVERNMENTS OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Author: Borunov Pavel Alexandrovich

Lomonosov Moscow State University, Independent researcher, wawilom1999@gmail.com

Scientific supervisor: Sakaev Vasil Timeryanovich

*Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow,
Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor, sakaev@rgau-msha.ru*

Abstract. The article examines the discussion on the national question in China during the period of the National Government of the Republic of China under the rule of

the Kuomintang in 1927-1949. The Northern Expedition allowed the Kuomintang Party to form a new government and temporarily unite China under its rule. The discussion around the issue of China's future policy towards nationalities, the very view of the Chinese nation and national autonomies in the state determined the future national policy in China and Taiwan. In this regard, the study of this discussion can contribute to understanding the genesis of Chinese national and ethnic concepts, as well as the idea of a «state-civilization» in modern Chinese science.

Keywords: Kuomintang; CPC; China; Chiang Kai-shek; nation; national question

После завершения Северного похода и начала гражданской войны между Коммунистической партией и Гоминьданом в 1927 году перед новым Национальным правительством в Нанкине стояли задачи модернизации и развития Китая. Основываясь на идеологическом наследии своего основателя Сунь Ятсена, Гоминьдан приступил к осуществлению «периода политической опеки» и реализации идеологии «Трех народных принципов», включавших в себя национализм (民族主义), народное представительство (民权主义) и народное благосостояние (民生主义). По сути, это означало консолидацию власти вокруг партии и ее лидеров на период строительства единого государства, а также легализацию идеологической монополии Гоминьдана. Первоначально борьба против коммунистов и региональных военно-политических группировок, определялась соотношением военных сил, однако по мере укрепления нового режима она стала дополняться мероприятиями политического, идеологического и экономического характера [1, с. 2].

Стремление Гоминьдановского правительства к национальной консолидации в Китае, административной и политической консолидации, реформированию исторически сложившихся на местах социально-политических структур шли в направлении, которое задал доктор Сунь Ятсен в своей первой лекции о национализме от 27 января 1913 года, где он национализм определил как «принцип единства государства и нации» [2, с. 378]. В той же лекции касаясь вопроса «китайской нации» он прямо заявляет: «Китайская нация насчитывает 400 миллионов человек, в том числе несколько миллионов монголов, миллион с небольшим маньчжуров, несколько миллионов тибетцев и миллион и несколько сотен тысяч мусульман» [2, с. 382]. Существенной проблемой для китайской нации Сунь Ятсен видел отсутствие «национального духа» и чувства национализма: «Однако китайцы имеют общность только семьи и рода и лишены национального духа, поэтому, хотя 400-миллионное население сложилось в единый Китай, оно в действительности пока представляет не что иное, как сыпучий песок, и до сего дня Китай – беднейшее государство в мире, которое среди других государств занимает самое последнее место в мире» [2, с. 382].

Поэтому образование и идеологическая пропаганда должна была взрастить этот национальный дух в народе, сплотить его перед внешними угрозами. Идеологическую поддержку Гоминьдана получает идея о том, что различные этносы и племена на территории Китая являются на самом деле ветвями единой китайской нации и различные варианты «плюралистической китайской нации».

В 1927 г. на 74-й Центральной политической конференции Гоминьдана прозвучали первые предложения по организации AcademiaSinica, что было вскоре реализовано. Это научно-исследовательское учреждение, находясь в непосредственном подчинении Национального правительства Китайской Республики было ответственно в том числе за научную базу гоминьдановской идеологии. Институт истории и филологии AcademiaSinica был основан в 1928 году. В годы войны Китая с Японией ученые этого института занимались исследованиями малых этнических групп на окраинах страны, а также генеалогии китайской нации. Наглядным примером направления их мысли могут послужить работы этнографа AcademiaSinica Жуй Ифу (芮逸夫). В те годы он опубликовал ряд статей о «китайской нации», включая «Объяснение китайской нации» (1942) [3], «Ветви и распространение китайской нации» (1944) [4] и «Еще раз о ветвях и распространении китайской нации: пересмотр статьи, опубликованной в трудах 10-й годовщины Китайского общества этнологии» (1946) [5]. В этих статьях он отстаивал идею, что нация (民族, можно перевести как этнос), государство (国族, где 国 государство, а 族 клан) и народ (国民) являются тремя частями единого целого. Таким образом «китайская нация» (中华国族解) соединяет в себе все эти три сущности: «эти 450 миллионов китайцев можно назвать единой нацией (民族)... В целом, это нация, которая на протяжении тысяч лет ассимилировалась и объединялась посредством слияния различных племен с древних времен до наших дней, а также их мыслей, эмоций и воли» [5, с. 30-32]. В своих работах исследователь также попытался сформулировать определенные критерии, посредством которых можно было бы определить из скольких этнических групп состоит китайская нация. Среди них он рассматривал место проживания, расу, язык и ряд других. В академических дискуссиях, в которой в качестве оппонентов активно участвуют представители японской науки, также принимали участие один из лидеров «Движения за 4 мая», один из основателей AcademiaSinica, директор Института истории и филологии этой Академии с 1928 года Фу Сынянь(傅斯年) и будущий основатель современной историографии КНР ГуЦзеган (顾颉刚). Фу Сынянь при помощи археологии, этнографии и истории в своих трудах старался доказать идущее испокон веков как

территориальное, так и национальное единство Китая и тем самым вступает в полемику с японской наукой в вопросе принадлежности Северо-Востока (например, Маньчжурии) к историческому Китаю [6]. Такое направление деятельности встречает в целом положительные отзывы в рецензиях китайских авторов и активно критикуются японцами, стремящимися оправдать суверенитет земель Маньчжурии. Опровергая японцев ГуЦзеган 10 января 1937 года, пишет статью «Единство китайской нации», в которой утверждает, что «на территории Китая есть только одна китайская нация... Если она разделена, то части ее будут страдать, но если объединена, то будет процветать» [7, с. 7]. В своих взглядах он подвергается критике со стороны историка-марксиста уйгурского происхождения ЦзяньБоцзяня (翦伯赞). Цзянь обвинил ГуЦзегана в «проявлении великоханьского национализма», выраженном в отрицании существования этнических меньшинств. Будучи сторонником учения марксизма, ученый считал, что единство народа не означает «устранение» или «отрицание» других наций, скорее наоборот, малым народностям необходима помощь в самостоятельном и свободном развитии, образуя таким образом свободное и равноправное сообщество. ЦзяньБоцзянь в противовес ГуЦзегану утверждал, что следует вернуться к теории Сунь Ятсена, «с величайшей искренностью, братской любовью и реалистичными интересами, посредством революции и борьбы, по-настоящему объединить все национальности страны под знаменем национализма г-на Сунь Ятсена, противостоять агрессивной войне японского фашизма и стремиться к свободе китайской нации» [8, с. 27-33].

Противоречия в научной среде неизбежно проникали в среду политическую. Будучи главой правящей партии Чан Кайши претендовал в том числе на статус идеолога. Он считал себя теоретическим преемником основателя Гоминьдана, а соответственно стремился развиваться в духе учения «Трех народных принципов», противопоставляя их «разлагающему влиянию марксизма». Стремясь реализовать поставленную Сунь Ятсеном задачу по сплочению нации из разрозненных групп и кланов, Чан Кайши стал обращаться к общим культурно-нравственным ценностям народа, к конфуцианству. В своих речах он относительно последовательно отстаивает идею единства китайской нации, состоящей не из наций, а из кланов и групп. В частности в своей речи 27 августа 1942 года перед представителями маньчжур, хань, монголов, хуэйцзу и тибетцами он заявляет «Наша Китайская Республика была создана всей китайской нацией, а наша китайская нация — это общий термин, обозначающий объединение наших пяти кланов (宗族): ханьцев, маньчжуров, монголов, хуэйцзу и тибетцев, в единое целое. Когда я говорю, что нас пять кланов, а не пять национальностей (民族), я имею в виду, что мы все являемся элементами,

составляющими китайскую нацию (中華民族), подобно братьям, образующим семью» [9]. Чан Кайши использовал популярную в те времена расовую теорию для подчеркивания единства китайской нации, в том числе заявляя о предпосылках этого единства в расовом единообразии китайского населения. В 1943 году Чан пишет книгу «Судьба Китая» (《中国之命运》). В КНР считается, что эта книга была написана в соавторстве с Тао Сишэном (陶希圣). «Судьба Китая» представляет собой изложение взглядов Чан Кайши на различные вопросы, в том числе на единую идеологию, партию и нацию. Центральной идеей книги являются «Три народных принципа» Сунь Ятсена. В вопросе нации Чан Кайши в своей книге в первой редакции предлагал концепцию, совмещающую в себе теорию «интеграции» и «теорию общего происхождения». Согласно первой теории, китайская нация образовалась путем включения кланов и групп в единую общность, где движущей силой объединения была культура, а не сила. Вторая же говорила об общности происхождения различных групп, составляющих китайскую нацию, хоть и разобщенных религиями и географической средой [10]. Однако, уже во втором издании 1944 года ряд формулировок книги были смягчены. В частности, в отношении общего происхождения речь пошла об общем расовом происхождении [11, с. 68]. Несмотря на некоторые несоответствия во взглядах Чан Кайши и Тао Сишэна в целом «Судьба Китая» вобрала в себя определение нации последнего. Согласно этому определению «нация — это не случайное сочетание рас или этнических групп. Это постоянное сообщество, сформированное в результате исторического процесса интеграции. ... Таким образом, нация — это постоянное сообщество, сформированное в результате определенного процесса интеграции, объединенное общностью языка, региональной жизни, экономики и культуры» [12, с. 96-97].

Книга Чан Кайши не могла пройти мимо его политических врагов. Со стороны Коммунистической партии Китая особое внимание в ответных статьях было уделено заявлению, что без Гоминьдана не было бы Нового Китая. Изложенные в книге «Судьба Китая» концепции подверглись жесткой критике со стороны коммунистов, сторонников японских марионеточных правительств, например правительства Ван Цзинвэя, а также японцев. Критикой этого труда с таких позиций занимались Ху Ланьчэн (胡蘭成), Чэнь Бода (陈伯达) и другие. Основным направлением замечаний была представленная в книге историческая аргументация единой китайской нации, а также ее «эксплуататорская» составляющая. Чэнь Бода обвинял Чан Кайши в «великоханьском шовинизме» и пропаганде угнетения малых народов в Китае. Сведя в итоге свою критику «национального вопроса» к теории «классовой борьбы», он пришел к выводу о решении проблемы путем

демократических преобразований на основе реализации «новой демократии» Мао Цзедуна [13]. Согласно этой теории главы КПК построение «новой демократии» означало не только реализацию «Трех народных принципов» Сунь Ятсена, но и создание на первом этапе общества диктатуры союза всех революционных классов Китая под руководством китайского пролетариата, а в дальнейшем перехода к строительству социализма. В теории это должно было вести ко всеобщему сотрудничеству трудящихся и всех революционных классов в условиях классовой борьбы и противостояния японской агрессии [14]. В свою очередь, будучи сторонником прояпонского правительства Ван Цзинвэя и даже занимая в этом правительстве некоторые посты, Ху Ланьчэн обвинял Чан Кайши в искажении истории авторитарным тоталитаризмом. В частности, он считал, что нации естественным образом не формируются, а создаются путем насилия [15, с.7], что прямо перечило взглядам Сунь Ятсена о ее естественном формировании. Тем не менее, критика со стороны оппозиции была использована Чан Кайши при дальнейшем редактировании книги и доработке клановой теории китайской нации, что было отражено в его записях в дневнике.

В ходе исследования дискуссии о «национальном вопросе» в период правления Гоминьдана в Китае было выявлено несколько основных теоретических направлений, которые были выражены как в научной, так и в политической среде. С одной стороны, это взгляды характерные для сторонников Гоминьдана о единстве китайской нации и этнических ответвлениях единой китайской нации. В академической среде эти взгляды были выражены у Жуй Ифу, Гу Цзегана, Фу Сыняня и других. В политике эти взгляды отстаивали последователи учения Сунь Ятсена, в частности Чан Кайши и ТаоСишэн. Этим взглядам противостояли японские исследователи, а также сторонники марксизма. Для иллюстрации прокоммунистических взглядов в академической среде в статье разбирается критика идей Гу Цзегана со стороны историка марксиста Цзянь Боцзяня, который отстаивает мысль о необходимости образования свободного и равноправного сообщества в Китае путем предоставления различным национальностям автономии и помощи им в свободном и равном развитии. Со стороны Коммунистической партии Китая позицию Гоминьдана по национальному вопросу, в частности книгу Чан Кайши «Судьба Китая» критиковали Чэнь Бода, Мао Цзэдун и другие. Согласно их позиции, решение национального вопроса было в реализации «Новой демократии» Мао Цзедуна, что означало создание на первом этапе общества диктатуры союза всех революционных классов Китая под руководством китайского пролетариата, а в дальнейшем перехода к строительству социализма. Позиции сторонников марионеточного режима Ван Цзинвэя были проиллюстрированы на примере Ху Ланьчэна,

ответственного за пропаганду в этом правительстве. В целом же, среди сторонников марионеточных правительств на территории Китая были популярны именно японские взгляды на нацию.

Несмотря на различие во взглядах на сущность «нации» и, в частности, «китайской нации» было и то, что присуще различным политическим силам в Китае того периода. Если убрать за скобки взгляды сторонников марионеточных правительств, то общей чертой дискуссии вокруг национального вопроса будет приверженность территориальной целостности китайского государства основных политических сил периода гражданской войны. С одной стороны Гоминьдан, осуществлявший свою власть над Китаем при наличии определенной автономии у различных социально-политических структур на местах и никогда прямо не выступавший против развития этнических меньшинств в рамках единого Китая и объединенной китайской нации. С другой КПК, реализующая политику предоставления равных возможностей развития всех наций в рамках различных автономий внутри унитарного многонационального государства.

Список литературы

1. Гальперин М.С. Генералиссимус Чан Кайши и «Нанкинское десятилетие» в Китае (конец 1920-х – 1930-х гг.)
2. Сунь Ятсен. Избранные произведения // отв. ред. И авт. вступ. ст. С.Л. Тихвинский – 2-е изд., испр. И доп. – М.: Наука, 1985.
3. 芮逸夫。中华国族解，人文科学学报，第1卷第2期，1942年，第133-139页 = ЖуйИфу. «Объяснение китайской нации», «Журнал гуманитарных наук», том 1, № 2, 1942, с. 133-139.
4. 芮逸夫。中华国族的分支及其分布，中国民族学会十周年纪念论文集，中国民族学会，四川成都，1944年，第3-13页 = Жуй Ифу. Ветви и распределение китайской нации, Материалы к 10-й годовщине Китайского общества этнологии, Китайское общество этнологии, Чэнду, Сычуань, 1944, с. 3-13.
5. 芮逸夫。再论中华国族的支派及其分布：订正在中国民族学会十周年纪念论文集发表之文，民族学研究集刊，第5期，1946年，第29-40页 = Жуй Ифу. Еще раз о ветвях и распространении китайской нации: пересмотр статьи, опубликованной в трудах 10-й годовщины Китайского общества этнологии, Журнал этнологических исследований, № 5, 1946, с. 29-40.
6. 叶碧玲。九一八事变后中国史学界对日本«满蒙论»之驳斥——以<东北史纲>第一卷为中心之探讨，国史馆学术集刊，第11期,2007年，第105-142页。 = Е Билин. Опровержение японской «теории Маньчжурии-Монголии» китайской историографией после инцидента 18 сентября — исследование, сосредоточенное на первом томе «Очерка северо-восточной истории», Журнал Национального исторического музея, № 11, 2007 г., с. 105-142.
7. 顾颉刚。中华民族的团结，申报，1937年1月10日，第7版 = ГуЦзеган. Единство китайской нации, Шэньбао, 10.01.1937, с. 7

8. 翦伯赞。论中华民族与民族主义——

读顾颉刚续论«中华民族是一个»以后，中苏文化，第6卷第1期，1940年，第27-33页。= ЦзяньБоцзань. О китайской нации и национализме - после прочтения статьи ГуЦзегана «Единство китайской нации», журнал «Чжунсунвэньхуа», том 6, выпуск 1, 1940, с. 27-33.

9. 蒋介石。

中華民國三十一年八月二十七日在西寧對漢滿蒙回藏士紳、活佛、阿訇、王公、百戶、千戶講。秦孝仪 (编). 總統蔣公思想言論總集 (卷十九：演講) . 台北: 国民党党史委员会. 1984 = Чан Кайши. 27 августа, на 31-й год существования Китайской Республики, выступил перед представителями ханьской, монгольской и тибетской знати, живыми буддами, имамами, принцами, представителями сотен и тысяч хозяйств в Синине. Цинь Сяои (ред.). Сборник мыслей и речей президента Цзян Гуна (Том 19: Речи). Тайбэй: Комитет по истории партии Гоминьдан, 1984

10. 蔣中正。中国之命运，重庆：正中书局1943年3月初版。蔣中正。中国之命运，重庆：正中书局1944年1月增订版。= Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). «Судьба Китая», Чунцин: Первая публикация в издательстве «Чжэнчжун» в марте 1943 года. Цзян Чжунчжэн. «Судьба Китая», Чунцин: издательство «Чжэнчжун», январь 1944 года, обновленное издание.

11. 娄贵品。陶希圣与<中国之命运>中的«中华民族»论述，二十一世纪（香港），第131期，2012年6月，第68页 = Лоу Гуйпинь. Тао Сишэн и обсуждение «китайской нации» в «Судьбе Китая», Гонконг: «Двадцать первый век», № 131, июнь 2012 г., с. 68.

12. 陶希圣。中国社会之史的分析，台北：食货出版社1972年版。此书为1929年上海初版 = ТаоСишэн. Анализ истории китайского общества, Тайбэй: Издательство «Шихо», 1972. Впервые была издана в Шанхае в 1929 году. с. 96-97

13. 陈伯达。评<中国之命运>，解放日报，1943年7月21日，第1、3、4版。= Чэнь Бода. Комментарий к «Судьбе Китая», Цзефан Жибао, 21.07.1943 г., с. 1-4.

14. Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Том 3. — М., Издательство иностранной литературы, 1953. — с. 199-276

15. 胡兰成。<中国之命运>的批判，新东方杂志，第9卷第2期，1944年，第7页。= Ху Ланьчэн. Критика «Судьбы Китая», журнал «Синьдунфан», раздел 9, выпуск 2, 1944, с.7.

УДК 94(520)

РОЛЬ ДЗАЙБАЦУ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЯПОНИИ

Автор: Брагинец Александр Вячеславович

ФБГОУВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса факультета экономики и управления АПК, aleksbraginets856@gmail.com

Автор: Ядревский Дмитрий Валентинович

ФБГОУВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса факультета экономики и управления АПК, d250206@gmail.com

Научный руководитель: Шерстюк Максим Витальевич

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, maxim99@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию роли японских дзайбацу (крупных финансово-промышленных групп) в экономическом развитии Японии в конце XIX — середине XX вв. Основной научный результат заключен в выводе о том, что именно дзайбацу стали локомотивами модернизации страны, обеспечив развитие тяжелой промышленности, финансовой системы и международной торговли. Авторы анализируют эволюцию дзайбацу от феодальных торговых домов до ключевых игроков индустриализации, подчеркивая уникальный симбиоз традиционных клановых структур и современных капиталистических практик. Особое внимание уделено ключевым этапам трансформации дзайбацу: их становлению в эпоху Мэйдзи, роли в милитаризации экономики 1930-х – 1940-х гг. и послевоенной реорганизации в кэйрэцу. Работа раскрывает механизмы взаимодействия бизнеса и государства, а также показывает, как семейно-клановые структуры адаптировались к изменениям политического курса страны. Исследование представляет ценность для понимания альтернативных моделей индустриализации и роли крупных корпоративных структур в экономическом развитии Японии.

Ключевые слова: дзайбацу; Япония; индустриализация; экономическая модернизация; предпринимательство.

THE ROLE OF ZAIBATSU IN JAPANESE ECONOMIC DEVELOPMENT

Author: Braginetz Alexander Vyacheslavovich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskayastreet, 49), student, Institute of Economics and Management of APK, aleksbraginets856@gmail.com

Author: Yadrevsky Dmitry Valentinovich

*Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia
(127434, Moscow, Timiryazevskaya, street 49), student, Institute of Economics and Management of APK,
d250206@gmail.com*

Scientific supervisor: Sherstyuk Maxim Vitalievich

*Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia
(127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the
Department of History, maxim99@mail.ru*

Abstract. The research paper is devoted to the study of the role of Japanese zaibatsu — large financial and industrial groups — in the economic development of Japan from the late 19th to the mid-20th century. The main scientific result is to demonstrate how zaibatsu became the locomotives of the country's modernization, ensuring the development of heavy industry, the financial system, and international trade. The author analyzes their evolution from feudal trading houses to key players in industrialization, emphasizing the unique symbiosis of traditional clan structures and modern capitalist practices. Particular attention is paid to the key stages of zaibatsu transformation: their formation in the Meiji era, their role in the militarization of the economy in the 1930s and 1940s, and their post-war reorganization into keiretsu. The work reveals the mechanisms of interaction between business and the state and shows how family-clan structures adapted to changes in the political course. The study is valuable for understanding alternative models of industrialization and the role of large corporate structures in economic development. The findings are particularly relevant for countries on the path of catch-up modernization.

Key words: zaibatsu; Japan; industrialization; economic modernization; entrepreneurship.

Дзайбацу (от японского «дзай» – богатство, благосостояние и «бацу» – группа, клика, сословие) – термин, применяемый для обозначения крупнейших промышленных и финансовых объединений Японии. Термин вошёл в оборот накануне Первой мировой войны, до этого же имел преимущественно политическое значение и использовался для названия наиболее состоятельных групп населения. До окончания Второй мировой войны дзайбацу именовались концерны, каждый из которых объединял десятки компаний под контролем головной семейной компании. Цель данной работы – исследовать историю формирования дзайбацу и оценить их роль в развитии экономики Японии.

Формирование дзайбацу началось в эпоху Эдо (XVII–XIX вв.), когда Япония все еще была раздроблена на княжества, а общество — на сословия (крестьяне, ремесленники, торговцы, самураи). Среди ключевых торговых домов, ставших основой будущих дзайбацу, выделялись Мицуи, Сумитомо и Коноикэ. Мицуи начал свою деятельность в XVII в. как сеть меняльных лавок в Киото и Эдо. В 1683 г. они открыли «Этигия» — прообраз универсального магазина. Благодаря связям с правительством, Мицуи стал финансовым агентом сёгуната, что значительно усилило его позиции. Сумитомо специализировался на медной промышленности, разрабатывая

рудники Бэсси на Сикоку. Развитие технологий выплавки меди позволило ему впоследствии войти в сферу металлургии и машиностроения. Коноикэ, крупнейший ростовщик Осаки, позже уступил место более мощным кланам, таким как Мицуи и Мицубиси. Эти дома использовали клановую систему управления, где все ключевые решения принимались главой семьи.

Период Мэйдзи стал временем радикальных преобразований для Японии, когда страна переходила от феодального строя к современному капиталистическому государству. Одним из ключевых факторов роста дзайбацу стала приватизация государственных предприятий. В 1880-х гг. правительство, осознавая неэффективность государственного управления промышленностью, начало массовую распродажу заводов и фабрик частным лицам по символическим ценам. Эта политика «сёкусанкогё» («поощрение промышленности») создала беспрецедентные возможности для обогащения узкого круга предпринимателей, имевших связи с правительственными кругами.

Важную роль в развитии дзайбацу сыграла финансовая реформа 1872 г., создавшая современную банковскую систему государства. Крупные торговые дома быстро освоили новые финансовые инструменты. Мицуи, например, уже в 1876 г. основал MitsuiBank, который стал важнейшим источником финансирования для промышленных предприятий группы. Банки дзайбацу получали значительные преференции от Банка Японии, созданного в 1882 г., что позволяло им аккумулировать огромные капиталы.

Особенностью японских дзайбацу была их диверсификация. В отличие от западных корпораций, которые часто специализировались на одном виде деятельности [1], японские промышленные группы развивались как универсальные комплексы. Так, Мицубиси, начав с судоходства, к началу XX в. контролировал угольные шахты, судостроение, банковское дело и даже производство пива. Эта стратегия «всего под одной крышей» позволяла минимизировать риски и создавать замкнутые производственные циклы. Как отмечается в исследовании А.И. Алексеева, ключевым элементом управления дзайбацу стала пирамидальная структура: «В рамках пирамидальной структуры головная компания, 100% которой принадлежало правящему клану, создавала две дочерние компании, в каждой из которых имела долю в 50% плюс одна акция, остальной же объем капитала привлекала посредством миноритариев. В дальнейшем данные дочерние компании создавали по две «внучатые» компании каждая, в которых, соответственно, 50% плюс одна акция принадлежали дочерним компаниям, тем самым даже во «внучатых» компаниях правящий клан дзайбацу сохранял право, позволяющее единолично осуществлять контроль над большинством, несмотря на то, что

непосредственная доля правящего клана в имуществе финансово-промышленной группы составляла только 14,3%» [2, с. 223].

Технологический прогресс в эпоху Мэйдзи также во многом зависел от дзайбацу. Они активно привлекали иностранных специалистов, закупали зарубежное оборудование и отправляли своих сотрудников на обучение в Европу и Америку. Например, инженеры Мицуи первыми внедрили в Японии технологию механического прядения хлопка, а специалисты Сумитомо освоили современные методы выплавки меди. При этом дзайбацу не просто копировали западные образцы, но адаптировали их к местным условиям, создавая уникальные гибридные модели производства.

Социальная структура дзайбацу сохраняла традиционные черты. Несмотря на формальное превращение в современные корпорации, они оставались семейными кланами, где все ключевые посты занимали родственники или давние доверенные лица. Как отмечает А.И. Алексеев [3, с. 13]: «Дзайбацу характеризовались осуществлением управления членами одного клана при негласной поддержке государства». Например, в Мицубиси до 1916 г. все руководящие должности принадлежали членам семьи Ивасаки. Эта патриархальная система сочеталась с прогрессивными методами управления — многие дзайбацу первыми в Японии внедрили систему пожизненного найма и корпоративного социального обеспечения.

Дзайбацу стали главными архитекторами японской индустриализации, превратив отсталую аграрную страну в современную промышленную державу за поразительно короткий исторический срок. Как отмечает исследователь А. Ф. Фазылова, «упор со стороны правительства был сделан на проведение глубоких институциональных реформ» [4, с. 118], что создало благоприятные условия для активной деятельности дзайбацу. Их вклад в экономическое развитие Японии трудно переоценить — они выступали одновременно как инвесторы, технологические новаторы и организаторы крупномасштабных производственных систем. Особенно значимой была их роль в создании базовых отраслей промышленности, без которых невозможна была бы самостоятельная экономическая модернизация страны.

Одним из ключевых достижений дзайбацу стало создание тяжелой промышленности практически с нуля. Когда в 1870-х гг. правительство Мэйдзи осознало стратегическую важность металлургии, именно дзайбацу взяли на себя эту капиталоемкую задачу. Мицубиси, например, не только построил первые современные сталелитейные заводы, но и создал необходимую инфраструктуру — от угольных шахт до транспортных сетей для доставки сырья. К 1900-м гг. Япония уже могла самостоятельно производить рельсы, паровозы и промышленное оборудование, что резко сократило зависимость от импорта.

В легкой промышленности, особенно в текстильном секторе, дзайбацу проявили не меньшую активность. Мицуи создал первую крупную механизированную хлопкопрядильную фабрику в Томиоке, которая стала образцом для всей отрасли. К 1913 г. Япония уже занимала второе место в мире по экспорту хлопчатобумажных тканей, обогнав многие европейские страны. Этот успех был достигнут благодаря уникальной модели дзайбацу, сочетавшей передовые иностранные технологии с дешевой местной рабочей силой и эффективной организацией производства. Особенно важно, что дзайбацу не ограничивались простым копированием западных образцов — они адаптировали оборудование и технологии к японским условиям, создавая свои собственные производственные стандарты.

Финансовая система также во многом обязана своим развитием дзайбацу. Их банки стали основными источниками долгосрочного промышленного кредитования в условиях, когда фондовый рынок только формировался. MitsuiBank, YasudaBank и другие финансовые институты дзайбацу разработали особую систему инвестирования, которая позволяла направлять средства в стратегически важные, но не всегда сразу прибыльные проекты. Эта модель «терпеливого капитала» стала одной из основ японского экономического чуда XX в. При этом дзайбацу создавали не просто банки, а целые финансовые экосистемы, включавшие страховые компании, трастовые фонды и специализированные кредитные учреждения.

Транспортная революция в Японии также осуществлялась преимущественно силами дзайбацу. Мицубиси и Мицуи практически с нуля создали современный торговый флот, который к началу Первой мировой войны стал одним из крупнейших в Азии. Они же инвестировали в строительство железных дорог, портов и складских терминалов, формируя единую транспортную сеть страны. Особенно показателен пример судостроения — от полной зависимости от иностранных верфей в 1870-х гг. до создания к 1900-м гг. собственных мощностей, способных строить современные военные и торговые суда. Этот технологический скачок был бы невозможен без долгосрочных инвестиций дзайбацу и их готовности годами терпеть убытки ради стратегических целей.

Социальные последствия деятельности дзайбацу были не менее значимы. Они создали новую модель трудовых отношений, сочетавшую элементы традиционного патернализма с современными методами организации труда. Пожизненный найм, корпоративное жилье, система социального обеспечения — все эти черты японского менеджмента зародились именно в дзайбацу эпохи индустриализации [5, с. 150]. Они же стали пионерами в подготовке квалифицированных рабочих, создавая профессиональные школы и системы ученичества. В условиях, когда

государство не имело ресурсов для массового образования, дзайбацу фактически взяли на себя эту функцию, формируя кадровый резерв для промышленности.

В 1930–1940-е гг. дзайбацу стали ключевым элементом военной машины Японии. После вторжения в Маньчжурию в 1931 г. и начала войны с Китаем в 1937 г. правительство взяло курс на тотальную мобилизацию экономики. Дзайбацу, обладавшие развитой промышленной базой, стали основными исполнителями госзаказов. Мицубиси производил истребители, танки и корабли; Мицуи контролировал уголь, сталь и химическую промышленность; Сумитомо занимался металлургией и вооружениями; Ниссан поставлял автомобили и авиадвигатели для армии.

Государство использовало административные и финансовые рычаги для контроля над бизнесом. Как отмечает Г. Г. Попов, «эти ассоциации приучали своих участников в принудительном порядке каждый месяц делать сбережения» [6, с. 114]. Закон о всеобщей мобилизации нации от 1938 г. разрешал принудительное перепрофилирование предприятий, а создание контролируемых ассоциаций, таких как Ассоциация тяжёлой промышленности, объединяло представителей дзайбацу и военных. Дзайбацу также активно участвовали в эксплуатации ресурсов оккупированных территорий, используя принудительный труд корейцев, китайцев и военнопленных.

К 1930 г. дзайбацу достигли пика своего могущества. Четыре крупнейшие семьи — Митсубиси, Мицуи, Сумитомо и Ясуда — контролировали более 30% всей добычи природных ресурсов, более 50% всего производства, практически полностью заняли тяжёлую промышленность, и более 70% всех финансовых операций.

После поражения Японии во Второй мировой войне оккупационная администрация США (SCAP) начала демонтаж дзайбацу как символов милитаристского капитализма. Как отмечает А. И. Алексеев, «положения, нацеленные на смягчение государственного регулирования деятельности финансово-промышленных групп в Германии и Японии, были обусловлены необходимостью восстановления национальных экономик по окончании оккупации и выплаты репараций» [7, с. 170].

В 1947 г. был принят «Закон о ликвидации холдинговых компаний», запрещающий создание структур, контролирующих несколько предприятий. Активы семей-владельцев были изъяты и распроданы, а члены кланов отстранены от управления. Формально дзайбацу перестали существовать, но реальные связи между компаниями сохранились через неформальные договорённости и банковские структуры. После окончания оккупации в 1952 г. и начала Корейской войны США смягчили политику, позволив японским

корпорациям восстановить влияние [8, с. 103-104]. Дзайбацу трансформировались в кэйрэцу — объединения компаний, связанных перекрёстным владением акций и долгосрочными договорами. Горизонтальные кэйрэцу, такие как MitsubishiGroup, объединялись вокруг крупного банка, а вертикальные, как ToyotaGroup, создавали цепочки поставок с зависимыми малыми предприятиями.

Таким образом, дзайбацу вобрали в себя многовековой опыт товарно-денежных отношений, пережили гражданскую войну, поражение во Второй мировой войне, американскую оккупацию и множественные мировые финансовые кризисы Нового времени, что непосредственно отразилось на культуре и философии ведения бизнеса и менеджмента. Огромные производственные и торговые мощности, богатая история, влияние на мировом рынке и яркий и самобытный культурный образ увековечил дзайбацу в сознании всего мира и на страницах массовой культуры.

Список литературы

1. Гончарук Е.И. Роль английского капитала в развитие индустрии Донбасса XIX В / Е. И. Гончарук // Аграрное предпринимательство: история, тренды, горизонты развития: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 09–10 октября 2024 года. Москва: Российский государственный аграрный университет, 2024. С. 23-28.
2. Алексеев А.И. Роль дзайбацу в трансформации японского государства и права периода Мэйдзи (1868-1912) / А.И. Алексеев // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 1(63). – С. 217-227.
3. Алексеев А.И. Правовое регулирование деятельности дзайбацу как инструмент обеспечения экономической безопасности Японии в период Второй Мировой войны / А.И. Алексеев // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 12-16.
4. Фазылова А. Ф. Реформирование японской экономики в конце XX - начале XXI века / А. Ф. Фазылова // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2016. № 4(72). С. 118-122.
5. Хайрутдинов Р.Р. Характерные особенности южнокорейских ТНК / Р.Р. Хайрутдинов, А.В. Галихаметов // Современные востоковедческие исследования. 2020. Т. 2. № 3. С. 147-151.
6. Попов Г.Г. Япония на пути к участию во Второй мировой войне: первые шаги мобилизации экономики и китайский вопрос / Г.Г. Попов // Историко-экономические исследования. 2017. Т. 18. № 1. С. 103-124.
7. Алексеев А.И. Зарождение и послевоенное развитие антимонопольного законодательства Японии, Франции и Германии в аспекте регулирования деятельности финансово-промышленных групп / А. И. Алексеев // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 3(64). С. 167-171.
8. Надточей Ю.И., Христенко Д.Н. Воздействие войн в Корее и Вьетнаме на внешний и внутренний политический курс США // Новая и новейшая история – 2022. – № 2. – С.97-107

УДК 94(430).05

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ИМПЕРСКОГО РЫЦАРСТВА СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ГЕРМАНСКОЙ НАЦИИ

Автор: Глухова Анастасия Сергеевна

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Россия (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18), аспирант 1 курса Института международных отношений, истории и востоковедения, gluhovaanastasia27@gmail.com

Научный руководитель: Шадрина Наталия Анатольевна

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Россия (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18), кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и публичной истории, shadrina_nata@list.ru

Аннотация. Исследование посвящено осмыслению политической культуры имперского рыцарства Священной Римской империи. В понятие «политическая культура» в данном случае входят различные аспекты, отражающие место и роль имперского рыцарства в политической системе Священной Римской империи Германской нации. Вопрос политической значимости имперского рыцарства в рамках данного государственного образования остается дискуссионным в историографии, поскольку многие исследователи придерживаются мнения о политической несостоятельности имперского рыцарства. Однако источники и ранняя историография, посвященная анализу положения данной социальной группы, демонстрирует иную картину. В это связи представляется важным провести сравнение политической культуры средневековых и имперских рыцарей. Функции, политические установки и место в политической системе этих двух социальных группы. В результате подобного анализа выделяются специфические черты политической культуры имперского рыцарства.

Ключевые слова: имперское рыцарство; Священная Римская империя Германской нации; политическая культура; коммуникация; имперская система.

POLITICAL CULTURE OF IMPERIAL KNIGHTHOOD OF THE HOLY ROMAN EMPIRE GERMAN NATION

Author: Glukhova Anastasia Sergeevna

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia (420008, Kazan, Kremlyovskaya street 18), postgraduate student, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, gluhovaanastasia27@gmail.com

Scientific supervisor: Shadrina Nataliya Anatolevna

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia (420008, Kazan, Kremlyovskaya street 18), candidate of historical sciences, docent of the Department of World and Public History

Abstract. The study is devoted to the comprehension of the political culture of the imperial knighthood of the Holy Roman Empire. The concept of «political culture» in this case includes various aspects reflecting the place and role of imperial knighthood in the political system of the Holy Roman Empire of the German nation. The question of the political significance of imperial knighthood within this state entity remains controversial in historiography, as many researchers hold views on the political inadequacy of imperial knighthood. However, the sources and early historiography devoted to the analysis of the situation of this social group show a different picture. In this connection it is important to make a comparison of the political culture of medieval and imperial knights. Functions, political attitudes and place in the political system of these two social groups. As a result of such analysis, specific features of the political culture of imperial knighthood are highlighted.

Keywords: imperial knighthood; the Holy Roman Empire of the German Nation; political culture; communication; imperial system.

Имперское рыцарство Священной Римской империи – феномен Нового времени, который юридически оформился к XVI в. [1, s. 219], а процесс подтверждения привилегий этого сословия затянулся до вплоть распада Священной Римской империи Германской нации [2, с. 603]. Имперское рыцарство находилось на особом положении в империи: несмотря на то, что имперские рыцари не стали имперским сословием, они продолжали считаться имперской знатью (подобным статусом и обладали только имперские сословия и рыцари) [3, р. 18], а подтвержденные привилегии гарантировали рыцарям независимое от имперских сословий управление на территориях Рыцарского корпуса, подчинение только императору и другие привилегии [3, р. 15]. На этом строились отличия в положении имперских рыцарей от положения их средневековых предшественников. Но положения, сближающие имперских рыцарей с имперскими сословиями, не свидетельствовали об их политическом равенстве в имперской системе, т.к. природа политической власти этих сословий была разной.

Многие исследователи относят истоки имперского рыцарства к «классическому» средневековому рыцарству [4, s. 79; 5, s. 50; 6, р. 20; 7, р. 292]. В источниках также содержатся некоторые положения, указывающие на преемственность средневековых и имперских рыцарей. В основном это проявляется в упоминаниях древности рода [8, s. 4], соотнесении истории имперских рыцарей и истории средневековых рыцарских объединений и

турнирной деятельности первых, а также в отсутствии явного разделения между сословиями [9, s. 18].

Следует учитывать, что версия о плавной трансформации рыцарства из «классического» и имперское не является единственной. Исследователи нечасто, но указывали на формальность подобной преемственности, а, порой, даже отрицали эту связь полностью [10, s. 435]. Положением и величием предшественников имперские рыцари обосновывали свои требования, касающиеся подтверждения собственных привилегий. Так имперские рыцари переработали средневековое наследие и адаптировали его под собственные нужды. Значительно разнился род деятельности, самовосприятие и методы политической деятельности средневековых и имперских («нововременных») рыцарей. Отсюда следует, что и политическая культура этих двух сословий отличалась.

Под политической культурой в данном исследовании понимается совокупность политических инициатив, функциональной деятельности, политических идей и представлений, а также самоопределение в политической системе [11, с. 91]. В контексте данного исследования наиболее актуальными остаются вопросы, касающиеся идентичности имперского рыцарства и его значимости в имперской политической системе.

Политическая культура средневекового рыцарства концентрировалась вокруг военных функций данного сословия. Политическая активность рыцарства, в основном орденного, была нацелена на завоевание новых территорий [12, с. 270]. Функции рыцарства сводились к военной деятельности и поддержанию общности орденов [12, с. 209]. Политические установки рыцарей воплощались в их миссии – рыцари выступали проводниками государственной политики [13, с. 444]. Причем, реализация этой политической функции рыцарства прослеживалась как на военном поприще, так и в поле, которое условно можно обозначить как «игровое». Рыцарские турниры, которые широко распространились по всей территории Европы, могли становиться площадками для политических заявлений. И если в Англии и Франции турниры воплощали скрытый протест против королевской политики и становились способом возвышения знатных феодалов, то в Германии это был протест против князей и епископов, т.е. той элиты, которая впоследствии станет основой имперских сословий [13, с. 174]. В этой связи становится очевидным, что рыцари имели политическое значение: они могли находиться на княжеской, королевской и императорской службе, выступали на международной арене с дипломатическими миссиями и были движущей силой основных войн [13, с. 42, 323, 329]. Не представляется возможным выделить строго определенное место всего рыцарского сословия в политической системе средневековья, учитывая и

факт наличия крайне разнообразных социальных статусов внутри самого рыцарства: от императоров до безземельных рыцарей [14, с. 108], но политическая значимость рыцарей в Средние века несомненна.

Вопрос политической значимости имперского рыцарства в историографии остается дискуссионным. Многие исследователи придерживаются мнения о политической незначительности данной социальной группы. Однако, политическая ценность имперских рыцарей находит отражение в источниках и даже некоторых исследованиях.

В процессе преобразования «классического» рыцарства в «имперское» это сословие поменяло род деятельности с военного на юридический, переработало собственную идентичность для определения своего места в имперской системе, а также скорректировало стратегию коммуникативных практик с акторами имперской политики.

С XVI в. рыцари пытались встроиться в обновленное правовое поле, что выражалось в юридическом оформлении политических амбиций имперского рыцарства. В условиях появления политических ограничений имперские рыцари искали доступные им рычаги политического влияния. Они могли занимать различные административные должности, выплачивать субсидии императору, а также напрямую обращаться к нему. Все это способствовало формированию самобытной политической культуры, далекой от ее средневековой формы. Этот вариант политической культуры оставался основой идентичности имперских рыцарей вплоть до XIX в.

Политическая инициатива имперского рыцарства наиболее ярко проявлялась в процессе формирования данного социального феномена, когда рыцари подавали запросы с жалобами на князей императору, а позднее и требования подтвердить привилегии имперского рыцарства. Политические функции имперского рыцарства последить сложнее в связи с крайней недостаточностью источников и историографии, в которых находит отражение данная проблематика.

Политические установки имперского рыцарства формировались и закреплялись в нововременной имперской идеологии, где главная цель рыцаря – помощь в поддержании благополучия империи, что роднит представления средневековых и имперских рыцарей о собственных целях. Визуальное сопровождение книг об имперской знати содержит эти политические установки. Здесь рыцари предстают защитниками империи, хотя участие рыцарей в военных действиях в Новое время не было доминирующим. Несмотря на то, что исследователи феномена имперского рыцарства зачастую отрицают политическую роль данного сословия, на основании анализа разнообразных практик взаимодействия имперских рыцарей с другими акторами политической системы Священной Римской

империи становится очевидно, что они играли определенную, пусть и внесистемную, роль в политической жизни данного государства.

Из вышесказанного следует, что, несмотря на предполагаемую преемственность между имперским и средневековым рыцарством, политическая жизнь данных сословий разительно отличалась. Новые вызовы, с которыми столкнулось имперское рыцарство, вынудили данное сословие приспосабливаться к специфической, отличной от средневековой, политической реальности, в результате чего была сформирована политическая культура имперского рыцарства. Ее специфика заключалась в особом понимании рыцарями идеи общественного блага, в акценте на связи с императором и взаимной поддержке, а также юридической деятельности.

Список литературы

1. Press V. Adel im Alten Reich: Gesammelte Vorträge und Aufsätze. Tübingen, 1988. S. 472.
2. Трачевский А.С. Германия накануне революции и ее объединение. Т. VI: Сочинения проф. А. Трачевского. СПб., 1898. С. 934.
3. Godsey W. Nobles and nation in central Europe. Free Imperial Knights in the Age of Revolution, 1750–1850. Cambridge, 2004. P. 320.
4. Kerner J.G. Allgemeines positives Staatsrecht der unmittelbaren freien Reichsritterschaft in Schwaben und am Rhein. Lemgo, 1788. B. 2. S. 482.
5. Mader J. Reichsritterschaftliches Magazin. Frankfurt; Leipzig, 1780. B. 1. S. 689.
6. Stacey R. Nobles and knights // The New Cambridge Medieval History, vol. 5. Cambridge, 1999. № 5. pp. 11 – 25.
7. Zmora H. The Formation of the Imperial Knighthood in Franconia: A Comparative European Perspective. Oxford. 2011. P. 302.
8. Anzeige Der aus dem Reichs-Hofrathlichen Verfahren erwachsenen gemeinen Beschwerde In Sachen Der Niederrheinischen Reichs-Ritterschaft entgegengesetzten Herzoglichen Pfälz-Weibrückischen Regierung und Consorten. München: Bayerische Staatsbibliothek, 1790. S. 58.
9. Etwas über die Fragen: Wie liess es sich des Kammergerichts Personale auf schickliche Art zur merklichen Förderung der Justizmehren? München: Bayerische Staatsbibliothek, 1790. S. 36.
10. Rotteck C., Welcker C.T. Das Staats-Lexikon. Encyclopädie der sämtlichen Staatswissenschaften für alle Stände. Auflage: Leipzig, B. 12. 1865. S. 770 s.
11. Усикова Л.Ф. Политическая культура // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2010. №1. С. 90 – 101.
12. Демурже А. Рыцари Христа. Военно-монашеские ордены в средние века, XI – XVI вв. / А. Демурже; пер. с фр. М.Ю. Некрасова. СПб.: Евразия, 2008. 544 с.
13. Кин М. Рыцарство. М.: Научный мир. 2000. 522 с.
14. Хеер Ф. Священная Римская империя. История союза европейских государств от зарождения до распада/ пер. с англ. Л.А. Карповой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2023. 448 с.

УДК 327.1:94(47+57)

ОТОБРАЖЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ГАЗЕТОЙ «ПРАВДА» В 1930-е ГГ.

Автор: Горбатов Иван Александрович

*ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»,
Москва, Россия (117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6), студент 3 курса факультета
гуманитарных и социальных наук, ivan.gorbatov.04@mail.ru*

Научный руководитель: Корноухова Гадиля Гизатуллаевна

*ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»,
Москва, Россия (117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6), кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России, kornoukhova-gg@rudn.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются материалы о советско-финляндских отношениях в 1930-е гг., публиковавшиеся в газете «Правда», которая являлась главным печатным органом ЦК ВКП(б) и транслировала официальную позицию партии по ключевым вопросам внешней и внутренней политики СССР. Использование метода контент-анализа позволило установить, что частота публикаций о советско-финляндских отношениях в общем количестве упоминаний Финляндии в газете варьировалась в зависимости от характера отношений между двумя государствами. Так, в период дипломатического сближения (заключение пакта о ненападении в 1932 г.) или наоборот обострения отношений между двумя странами (неудачные переговоры 1938–1939 гг.) количество публикаций было особенно большим. По мере же спада дипломатической активности, с середины 1930-х гг., количество публикаций уменьшалось. Временный всплеск публикаций произошёл в 1937 г., когда у советской стороны возникла надежда на нормализацию отношений с Финляндией. Автор приходит к выводу, что газета «Правда» демонстрировала доброжелательный настрой советской стороны и одновременно подчёркивала сложности в утверждении характера добрососедства с Финляндией.

Ключевые слова: имагология; образ врага; периодическая печать; пропаганда; советская внешняя политика; публицистический источник; финляндско-германское сближение.

THE COVERAGE OF SOVIET-FINNISH RELATIONS IN THE PRE-WAR PERIOD BY THE PRAVDA NEWSPAPER

Author: Gorbatov Ivan Aleksandrovich

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia (117198, Moscow, Miklukho-Maklaya street 6), student, Faculty of Humanities and Social Sciences, ivan.gorbatov.04@mail.ru

Scientific supervisor: KornoukhovaGadilyaGizatullaevna

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia (117198, Moscow, Miklukho-Maklaya street 6), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History

Abstract. The article examines the materials on Soviet-Finnish relations in the 1930s published in the newspaper "Pravda", which was the main press organ of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union (CPSU) and broadcasted the official position of the party on key issues of foreign and domestic policy of the USSR. Using the content analysis method, we found that the frequency of publications about Soviet-Finnish relations varied depending on the state of relations between the two countries. During periods of diplomatic rapprochement, such as the conclusion of a non-aggression pact in 1932, or on the contrary, during periods of aggravation, like unsuccessful negotiations in 1938-1939, the number of publications increased. However, as relations cooled down from the mid-1930s, the number of publications decreased. There was also a temporary surge in publications in 1937 when the Soviet side was hoping for normalization of relations with Finland. The author concludes that Pravda's coverage demonstrated the friendly attitude of the Soviet side, while also highlighting the challenges in establishing good neighborly relations with Finland.

Keywords: imagology; enemy image; periodicals; propaganda; Soviet foreign policy; journalistic source; Finnish-German rapprochement

Отношения между Финляндией и Советской Россией, а впоследствии СССР, всегда носили особый характер. Они не имели устойчивости и постоянно изменялись под влиянием международных событий. Анализ публикаций в газете «Правда» позволяет лучше понять характер советско-финляндских отношений в предвоенное десятилетие.

Выбор газеты «Правда» в качестве предмета исследования объясняется тем, что она была основным печатным органом ЦК ВКП(б) и транслировала официальную позицию партии по важным вопросам внутренней и внешней политики СССР. Метод контент-анализа позволил установить частоту публикаций о советско-финляндских отношениях, их количественные и качественные изменения на протяжении рассматриваемого периода и благодаря этому проследить, как изменялся образ Финляндии в советском массовом сознании.

Материалы «Правды» неоднократно подвергались исследованию историков [1; 2]. Однако проблема освещения отношений между СССР и Финляндией на страницах газеты в 1930-е гг. затрагивается лишь в нескольких статьях современных исследователей [3; 4; 5].

Ключевым событием в начале рассматриваемого периода стало подписание договора о ненападении в 1932 г. Газета «Правда» активно освещала его, отметив, что переговоры начались по инициативе финляндской

стороны [6, с. 4]. В итоге была размещена информация о подписании пакта о ненападении на 3 года с возможностью его автоматического продления еще на 2 года [7, с. 4].

Также в газете публиковались положительные отклики финляндской прессы [8, с. 6], комментарии министра иностранных дел Финляндии [9, с. 6]. Комментарий дал и нарком по иностранным делам СССР М.М. Литвинов. Он сообщил: «Финляндия воодушевлена стремлением к укреплению мирных отношений и не опасается мирных обязательств и не преследует побочных целей. Поэтому переговоры благополучно закончились в течение пары недель подписанием пакта» [9, с. 1].

Далее в течение всего года в газете описывалось осуществление формальных процедур, связанных с пактом: ратификация, подписание дополнительных соглашений, обмен ратификационными грамотами и т. д. [10; 11; 12; 13].

Газета отметила факт расширения экономических связей между двумя странами: оживление торговли [14, с. 4], заключение экономических соглашений [15; 16]. Также читателям было сообщено о прибытии в Москву финляндской экономической делегации, принятой советским наркомом внешней торговли [17, с. 4].

В конце года газета «Правда» несколько своеобразно объяснила причину заключения пакта. Согласно ее версии, Финляндия ранее отвергала пакт, так как определенные военные (и, скорее всего, политические) круги, связанные с иностранными генштабами и русскими белогвардейцами делали ставку на антисоветскую интервенцию в союзе с Польшей и Румынией. Мощный рост СССР сделал такую интервенцию слишком рискованной [18, с. 4].

В целом, в 1932 г. вопрос взаимоотношений СССР и Финляндии занимал почти половину всех номеров с упоминанием Финляндии, а точнее 43%.

В 1934 г. договор о ненападении был продлен до 1945 г. Помимо этого продолжало расширяться как экономическое, так и культурное сотрудничество. В статьях газеты «Правда» сообщалось о том, что СССР посещали финляндские журналисты, которые дали исключительно положительные отзывы о своих впечатлениях от пребывания в СССР [19, с. 4]. Проходило сближение в культурной сфере: Москву посетила известная финляндская актриса Элли Томпори [20, с. 4], и состоялась выставка финляндского искусства [21, с. 5]. На экономическом поле был заключен ряд соглашений, проходили конференции и взаимные визиты [22; 23; 24].

Корреспонденты газеты отмечали также положительные изменения на политической арене: Финляндия проголосовала за вхождение СССР в Лигу Наций и выразила «благожелательное отношение» к данному событию [25, с.

1].

Количество упоминаний советско-финляндских отношений в 1934 г. снизилось до 40% от всех номеров, содержащих упоминание Финляндии, но все равно осталось достаточно высоким.

В 1935 году в иностранной прессе распространялись слухи об антисоветских настроениях в стране. Это нашло свое отражение в «Правде» [26; 27], но премьер-министр Финляндии опроверг эту информацию [28; 29]. Теперь доля статей, посвященных советско-финляндским отношениям, заметно снизилась (на 27%), составив 13% от всех номеров, в которых упоминалось северное соседнее государство.

В 1936 г. сокращение упоминаний по рассматриваемой проблематике продолжилось, снизившись до 6%.

Что касается содержательной стороны публикаций, то характерной особенностью этого периода стала довольно частая публикация высказываний советских официальных лиц по вопросу советско-финляндских отношений. Так, В.М. Молотов, выступая с докладом на 2-й сессии ЦИК СССР, назвал «бреднями» заявления ряда представителей Финляндии о её намерении захватить часть территории СССР и об ориентации северного соседа на наиболее агрессивные «империалистические государства» [30, с. 3]. Такую же позицию продемонстрировал и секретарь ЦК ВКП(б), первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А.А. Жданов в своей речи на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов [31, с. 6].

В середине декабря в «Правде» была перепечатана статья финляндской газеты «Суоменпенвильелия [Мелкие землевладельцы Финляндии]». Эта газета, придерживалась левых взглядов, критикуя фашизм, милитаризм и прогерманскую позицию правительства. Она подтвердила заявления А.А. Жданова о сближении Финляндии с Германией и утверждала, что предыдущее правительство, заявляя о нейтралитете, вело неофициальную внешнюю политику, дружественную Германии [32, с. 5].

Анализируя предвыборную ситуацию в Финляндии, «Правда» описывала партию коалиционеров и лапуасцев, которые, по мнению редакции, получали установки из Берлина и вели «авантюристическую» антисоветскую политику. Отдельную оценку «Правда» дала действиям министра иностранных дел А. Хакцеля, который тоже являясь коалиционером, развернул финляндскую внешнюю политику в сторону германофильства, тем самым нанеся урон отношениям с СССР [33, с. 1].

В начале 1937 г. газета опубликовала заявление министра иностранных дел Финляндии Р. Холсти о том, что Финляндия не будет вмешиваться ни в какие комбинации направленные против СССР, а отношения с Германией не

мешают ей вести свободную внешнюю политику [34, с. 1]. и сообщила о визите Р. Холсти в Советский Союз в ближайшее время. «Правда» перепечатывала статьи финляндских и скандинавских газет, которые утверждали, что советско-финляндские отношения оставляют желать лучшего и большое внимание к визиту это доказывает [35, с. 1].

Визит активно освещался на страницах газеты. Обе стороны (СССР и Финляндия) выражали желание мирного экономического и культурного сотрудничества, однако советская сторона заявляла, что в Финляндии присутствуют «малочисленные и безответственные» элементы, которые ведут агрессивную антисоветскую политику. Установление же действительно хороших отношений между странами нуждается в искоренении отмеченного негативного явления [36, с. 5].

После визита «Правда» опубликовала отклики европейской и американской прессы, которая сделала вывод, что Финляндия вышла на сближение с СССР и на участие в мировой войне [37, с. 5]. Р. Холсти остался очень доволен своим визитом, впоследствии он стал премьер-министром, а также прошли выборы нового президента К. Каллио. Эти два человека вместе стали выступать за улучшение отношений с СССР и отказ от реакционной прогерманской политики правительства, что транслировалось на страницах «Правды» [38, с. 5].

За 1937 г. количество упоминаний советско-финляндских отношений резко увеличилось (на 24 пункта) до 30% от общего количества номеров с упоминанием Финляндии за этот год.

В 1938 г. газета сообщала о демаркации государственной границы СССР и Финляндии [39; 40], о теплом приеме, оказанном в Москве финляндской делегации путей сообщения [41, с. 5]. Но «Правда» также осветила неприятный инцидент – пересечение финляндским самолетом советского воздушного пространства, в результате чего финляндскому правительству была выражена нота протеста [42, с. 2].

За 1938 г. процент упоминаний советско-финляндских отношений уменьшился на 23 пункта – до 7% от всех номеров, содержащих упоминание Финляндии.

В 1939 г. в советско-финляндских отношениях наступил весьма ответственный этап, на котором либо должны были быть устранены существовавшие противоречия, либо мог наступить острый межгосударственный кризис, опасность которого обуславливалась начавшейся Второй мировой войной.

В первых упоминаниях в «Правде» за 1939 г. советско-финляндские отношения описывались исключительно положительно: министру земледелия Финляндии был оказан радушный и дружелюбный прием [43, с.

5]; финляндскому посланнику в Москве была вручена нота о том, что СССР будет проводить политику нейтралитета в отношении Финляндии [44, с. 5]; было напечатано интервью министра иностранных дел Финляндии Э. Эркко следующего содержания: «Мы с удовлетворением приняли сообщение о том, что СССР хочет сохранить существовавшие до сих пор нейтральные отношения с Финляндией. Наши отношения с СССР уже долгое время были мирными и дружественными. Следует надеяться, что они такими же и сохранятся» [44, с. 5].

12 октября 1939 г. начались советско-финляндские переговоры и ближайший месяц «Правда» активно их освещала. На первом этапе переговоров финляндской делегацией руководил посланник Финляндии в Швеции, Уполномоченный Финляндского правительства Ю.К. Паасикиви. Он был принят наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым. Переговоры прошли с участием И.В. Сталина [45, с. 1], что можно считать уникальным событием в истории советско-финляндских отношений. Судя по всему, личное присутствие на переговорах советского генерального секретаря диктовалось необходимостью достигнуть быстрого результата и избежать затягивания переговоров [46, с.158].

В конце октября «Правда» сообщила о том, что Ю.К. Паасикиви вернулся в Финляндию, а основную роль в переговорах стал играть министр финансов Финляндии В. Таннер [47, с. 2]. «Правда» представила доклады В.М. Молотова, и второго секретаря Ленинградского городского комитета ВКП(б) А.А. Кузнецова, в которых сообщалось о причинах и ходе переговоров [48, с.4]. В итоге после фактического разрыва переговоров и отъезда финской делегации 13 ноября «Правда» начала печатать крайне негативные статьи о Финляндии. Газета опубликовала статьи о провокации в Майнила [49, с. 1], отзыве представителей [50, с. 1] и т. д.

Процент упоминаний советско-финляндских отношений в 1939 г. увеличился на 10 пунктов до 17% от всех упоминаний Финляндии, но по-прежнему оставался достаточно небольшим.

Всего за рассматриваемый период советско-финляндские отношения описывались в 87 номерах газеты «Правда», что составляет 18% от всех упоминаний Финляндии. Пик номеров пришелся на 1932 г. в связи с подписанием договора о ненападении. В период с 1932 по 1934 гг. статьи носили позитивный характер, и частота их публикаций была довольно высокая. Однако по мере распространения в Финляндии фашистской идеологии и сближения данного государства с нацистской Германией советское руководство стало проявлять все большую настороженность к своему северному соседу. С 1935 г. наблюдался спад количества публикаций о советско-финляндских отношениях более, чем на 20%, и они в основном

носили негативный характер. Исключением стал лишь 1937 г., когда количество упоминаний выросло до 30% от общего числа номеров о Финляндии в связи с визитом министра иностранных дел Финляндии Р. Холсти в Москву.

В целом, газета «Правда» демонстрировала доброжелательный настрой советской стороны и в то же время нежелание финнов идти на компромисс и налаживать добрососедские отношения.

Список литературы

1. Григорьева О.И. Образ Германии на страницах газеты «Правда» (январь 1933 – июнь 1941 гг.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2009. С. 211–235.
2. Григорьева О.И. Эволюция образа Германии в советской пропаганде: контент-анализ материалов газеты «Правда» (январь 1933 – июнь 1941 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. Серия Аспирантские тетради. 2008. № 27. С. 92–97.
3. Невежин В.А. «Если завтра в поход...»: подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х – 40-х годах. Москва: Эксмо: Яуза, 2007.
4. Такала И.Р. Финны в восприятии жителей советской Карелии (1920–30-е гг.) // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Сборник статей. Сер. «Научные доклады». Великий Новгород, 2004. С. 263–282.
5. Тягур М.И. Внешний враг в советской периодике «Зимней войны» // Псковский военно-исторический вестник. 2016. № 2. С. 210–215.
6. Правда. 1932. 6 января.
7. Правда. 1932. 22 января.
8. Правда. 1932. 23 января.
9. Правда. 1932. 25 января.
10. Правда. 1932. 23 апреля.
11. Правда. 1932. 30 апреля.
12. Правда. 1932. 14 июня.
13. Правда. 1932. 11 августа.
14. Правда. 1932. 15 апреля.
15. Правда. 1932. 18 июня.
16. Правда. 1932. 16 ноября.
17. Правда. 1932. 27 февраля.
18. Правда. 1932. 25 декабря.
19. Правда. 1934. 24 апреля.
20. Правда. 1934. 6 июня.
21. Правда. 1934. 26 ноября.
22. Правда. 1934. 23 мая.
23. Правда. 1934. 26 мая.
24. Правда. 1934. 22 ноября.
25. Правда. 1934. 17 сентября.
26. Правда. 1935. 4 марта.
27. Правда. 1935. 18 августа.

28. Правда. 1935. 18 апреля.
29. Правда 1935. 22 апреля.
30. Правда. 1936. 11 января.
31. Правда. 1936. 1 декабря.
32. Правда. 1936. 14 декабря.
33. Правда. 1936. 1 июля.
34. Правда. 1937. 24 января.
35. Правда. 1937. 10 февраля.
36. Правда. 1937. 8 февраля.
37. Правда. 1937. 12 февраля.
38. Правда. 1937. 3 марта.
39. Правда. 1938. 30 апреля.
40. Правда. 1938. 27 декабря.
41. Правда. 1938. 8 декабря.
42. Правда. 1938. 16 июля.
43. Правда. 1939. 26 августа.
44. Правда. 1939. 19 сентября.
45. Правда. 1939. 13 октября.
46. Барышников В.Н. Финская война. М.: Кучково поле, 2023.
47. Правда. 1939. 24 октября. С. 2.
48. Правда. 1939. 2 ноября. С. 4.
49. Правда. 1939. 27 ноября. С. 1.
50. Правда. 1939. 30 ноября. С. 1.

УДК 94(85+86)

ПЕРУ И КОЛУМБИЯ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939-1945 ГГ.): ПОЛИТИКА НЕЙТРАЛИТЕТА И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Автор: Губайдуллин Ремир Радикович

Институт международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия (420111, Казань, ул. Пушкина, д.1/55, к.312), студент, remirg@inbox.ru

Научный руководитель: Шмелёва Людмила Михайловна

Институт международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия (420111, Казань, ул. Пушкина, д.1/55, к.312), доцент, Ljudmila.Shmeleva@kpfu.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу политического и экономического развития Перу и Колумбии в период Второй мировой войны. Исследование выполнено в рамках сравнительного изучения латиноамериканских стран в условиях глобального конфликта. Автор доказывает, что первоначальный нейтралитет обеих стран сменился вынужденным вступлением в антигитлеровскую коалицию под давлением стратегических обстоятельств и экономических факторов. Особое внимание уделяется процессам переориентации внешней торговли, промышленной модернизации и трансформации политических режимов. На основе архивных документов и статистических данных показано, как военные условия способствовали усилению авторитарных тенденций в управлении и формированию новых моделей экономического развития. Главный научный результат заключается в выявлении специфических черт адаптации перуанского и колумбийского обществ к условиям глобального конфликта, что определило их послевоенное развитие.

Ключевые слова: Перу; Колумбия; Вторая мировая война; нейтралитет; экономическая трансформация; авторитаризм; Латинская Америка.

PERU AND COLOMBIA DURING THE SECOND WORLD WAR (1939–1945): THE POLICY OF NEUTRALITY AND ECONOMIC TRANSFORMATIONS

Author: GubaidullinRemirRadikovich

Institute of International Relations, History and Oriental Studies of Kazan (Volga Region) Federal University. Kazan, Russia (420111, Kazan, Pushkin str., 1/55, room 312), student, remirg@inbox.ru

Scientific supervisor: Shmelyova Lyudmila Mikhailovna

Institute of International Relations, History and Oriental Studies of Kazan (Volga Region) Federal University. Kazan, Russia (420111, Kazan, Pushkina str., 1/55, room 312), Associate Professor, Ljudmila.Shmeleva@kpfu.ru

Abstract. This article analyzes the political and economic development of Peru and Colombia during World War II. The study is conducted within the framework of a comparative analysis of Latin American countries during the global conflict. The author argues that the initial neutrality of both countries was replaced by their forced entry into the anti-Hitler coalition under the pressure of strategic circumstances and economic factors. Special attention is paid to the processes of reorientation of foreign trade, industrial modernization, and the transformation of political regimes. Based on archival documents and statistical data, it is shown how wartime conditions contributed to the strengthening of authoritarian tendencies in governance and the formation of new models of economic development. The main scientific result lies in identifying the specific features of the adaptation of Peruvian and Colombian societies to the conditions of the global conflict, which determined their post-war development.

Keywords: Peru; Colombia; World War II; neutrality; economic transformation; authoritarianism; Latin America.

Вторая мировая война стала переломным моментом в истории Латинской Америки, оказав значительное влияние на политическое и экономическое развитие региона. Перу и Колумбия, формально сохранявшие нейтралитет в первые годы конфликта, столкнулись с комплексом вызовов, связанных с перестройкой экономики, давлением со стороны воюющих держав и внутренними политическими процессами.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью более глубокого понимания механизмов адаптации латиноамериканских стран к условиям глобальных конфликтов. Несмотря на географическую удаленность от основных театров военных действий, Перу и Колумбия пережили серьезные трансформации, последствия которых ощущались десятилетиями.

Целью исследования является комплексный анализ политических и экономических изменений в Перу и Колумбии в 1939-1945 гг. Для достижения этой цели решаются следующие задачи:

- 1) проследить эволюцию внешнеполитического курса;
- 2) проанализировать экономическую адаптацию к условиям войны;
- 3) выявить социальные последствия военного периода.

Методологическая основа исследования включает сравнительно-исторический анализ, статистические методы обработки экономических данных и институциональный подход к изучению политических процессов.

Политика нейтралитета и её пределы.

1.1. Начальный период войны (1939-1941 гг.): стратегии нейтралитета и первые вызовы

Период с сентября 1939 по декабрь 1941 года представлял для Перу и Колумбии сложный этап выработки сбалансированной позиции в условиях нарастающего глобального конфликта. Обе страны, формально объявившие нейтралитет сразу после начала войны в Европе, столкнулись с комплексом взаимосвязанных проблем, требовавших тонкой дипломатической навигации.

Факторы сохранения нейтралитета:

1. Экономическая зависимость от всех воюющих сторон:

- Германия оставалась важным торговым партнером для обеих стран (особенно в сфере закупок кофе и минерального сырья)
- Великобритания контролировала значительную часть морских перевозок
- США наращивали экономическое присутствие в регионе [1, л. 45]

2. Внутриполитические риски:

- В Перу существовало сильное прогерманское лобби среди военных и бизнес-элит [2, с. 112]
- В Колумбии немецкая диаспора (особенно в Барранкилье) имела значительное влияние
- Опасения социальных волнений из-за возможного экономического кризиса/

Правительство Мануэля Прадо-и-Угартече (1939-1945) проводило осторожную политику, характеризующую [3, р. 89]:

- Сохранением дипломатических отношений со всеми сторонами конфликта
- Усилением торговли с США (рост экспорта меди на 47% в 1940 году)
- Скрытыми контактами с немецкими представителями через посредников в Буэнос-Айресе

Президент Эдуардо Сантос (1938-1942) пытался поддерживать сложный баланс:

- ✓ Разрешил использование колумбийских портов британским флотом
- ✓ Сохранил экономические связи с Германией (экспорт кофе до 1941 года)
- ✓ Усилил сотрудничество с США в военной сфере

Ключевые события периода [4, л. 23об.]:

- **Май 1940** - секретное соглашение Перу с США о поставках стратегических материалов
- **Октябрь 1940** - инцидент с немецким судном "Вакуеро" в Буэнавентуре (Колумбия)

- **Апрель 1941** - пограничный конфликт между Перу и Эквадором (возможная связь с геополитикой войны)

Экономические последствия:

- Разрыв традиционных торговых цепочек привел к:
 - Дефициту промышленных товаров в Перу
 - Падению цен на кофе в Колумбии (на 32% в 1940 году)
- Начало переориентации экономик на североамериканский рынок [5, с. 56-57]

Дипломатическое давление:

- США активно использовали:
 - Механизмы "добрососедской политики"
 - Экономические рычаги (кредиты, инвестиции)
 - Угрозу ограничения доступа к рынкам
- Германия пыталась сохранить влияние через:
 - Банковские операции (особенно в Перу)
 - Контроль над некоторыми СМИ
 - Поддержку прогерманских групп в армии

Этот период демонстрирует, как латиноамериканские страны пытались максимизировать выгоды от нейтралитета, пока глобальный баланс сил не сместился окончательно в пользу антигитлеровской коалиции после 1941 года [6, р. 134].

1.2. Перелом 1942 года: от нейтралитета к союзу с антигитлеровской коалицией

1942 год стал поворотным моментом в политике Перу и Колумбии во Второй мировой войне, ознаменовавшим окончательный отход от позиции нейтралитета. Этот переход осуществлялся в условиях кардинального изменения стратегической обстановки в Западном полушарии и сопровождался глубокими внутривнутриполитическими и экономическими преобразованиями [7, л. 78].

Факторы перелома [8, с. 102]:

1. Международно-политический контекст:

- Вступление США в войну после нападения на Перл-Харбор (7 декабря 1941)
- Проведение Конференции министров иностранных дел американских государств в Рио-де-Жанейро (15-28 января 1942)
- Усиление немецкой подводной угрозы в Карибском бассейне

2. Военно-стратегические соображения:

- Необходимость защиты Панамского канала
- Обеспечение безопасности морских коммуникаций
- Противодействие потенциальной пятой колонне

Ключевые события и решения [9, р. 67]:

Перуанский случай:

- 24 января 1942 года - разрыв дипломатических отношений со странами Оси

- Февраль 1942 - подписание соглашения о военном сотрудничестве с США:

- Разрешение на использование перуанских аэродромов
- Модернизация портовых сооружений
- Поставки вооружений для перуанской армии
- Март 1942 - создание Совета национальной обороны

Колумбийские меры:

- 26 января 1942 - разрыв отношений с Германией, Италией и Японией
- Июнь 1942 - соглашение о создании американских военных баз:
 - Барранкилья - центр противолодочной обороны
 - Буэнавентура - пункт контроля морских коммуникаций
- Ноябрь 1942 - введение военного положения в приграничных зонах

Экономические преобразования:

1. Перу:

- Национализация активов стран Оси (особенно в горнодобывающем секторе)

- Переориентация экспорта меди и хлопка исключительно на США
- Создание государственной Корпорации развития (сентябрь 1942)

2. Колумбия:

- Замораживание немецких активов в банковской системе
- Переход на долларовые расчеты в международной торговле
- Учреждение Института промышленного развития (июль 1942)

Социально-политические последствия:

В Перу:

- Усиление позиций президента М. Прадо
- Рост антифашистских настроений среди городского населения
- Маргинализация прогерманских групп в военных кругах

В Колумбии:

- Консолидация либерального правительства
- Активизация левых сил в профсоюзном движении
- Начало урбанизации вследствие миграции в промышленные центры

Дипломатические инициативы:

- Совместное перуано-колумбийское заявление о поддержке союзников (май 1942)

- Участие в создании Межамериканской оборонной системы

- Подписание соглашений о поставках стратегических материалов в США

Проблемы переходного периода:

- Дефицит промышленных товаров
- Инфляционные процессы
- Социальное напряжение в районах концентрации иностранных военных объектов

Переход на сторону антигитлеровской коалиции в 1942 году коренным образом изменил траекторию развития обеих стран, ускорив их интеграцию в сферу американского влияния и создав предпосылки для послевоенной модернизации. Этот процесс сопровождался значительной трансформацией политических систем, экономических моделей и социальных структур, последствия которой ощущались долгие десятилетия после окончания войны.

Война кардинально изменила традиционные торговые модели Перу и Колумбии, вынудив обе страны осуществить болезненную, но необходимую переориентацию внешнеэкономических связей. Этот процесс проходил в несколько этапов и имел долгосрочные последствия для экономического развития региона.

Разрушение довоенных торговых схем

Довоенная экономика обоих государств характеризовалась:

- Сильной зависимостью от европейских рынков сбыта
- Мультивалютной системой расчетов
- Развитой сетью немецких и британских торговых домов

В первые месяцы войны произошло:

▼ Коллапс трансатлантических перевозок (сокращение на 75% к 1941 г.)

▼ Замораживание немецких активов в банковской системе

▼ Дезинтеграция традиционных товаропотоков

Перуанская модель адаптации

Перу, обладавшее значительными запасами стратегического сырья, смогло относительно быстро перестроить свою экономику благодаря:

1. Медному буму:

• Экспорт меди в США вырос с 18 тыс. тонн (1939) до 53 тыс. тонн (1943)

• Создание государственно-частного консорциума "Perú Copper" (1942)

2. Хлопковому сектору:

• Американские заказы на хлопок-сырец увеличились в 4 раза

• Введение системы гарантированных закупок по фиксированным ценам

3. Нефтяной отрасли:

- Модернизация инфраструктуры при технической помощи США
- Увеличение добычи с 1,8 млн баррелей (1939) до 3,2 млн (1944)

Колумбийская переориентация

Колумбия столкнулась с более сложной ситуацией из-за зависимости от монокультуры кофе:

- Обвал мировых цен на кофе (с 0.19 до 0.19 до 0.07 за фунт)
- Массовое разорение мелких производителей
- Введение системы квот и госрегулирования (1942)

Адаптационные меры включали:

- ✓ Диверсификацию экспорта (платина, золото, бананы)
- ✓ Создание Института внешней торговли (1943)
- ✓ Развитие транспортной инфраструктуры для связи с США

Новые торговые механизмы

Сформировалась принципиально новая система взаимодействия:

- Переход на долларовые расчеты
- Введение системы "lend-lease" для промышленных товаров
- Создание межправительственных комиссий по торговле

Региональные последствия:

- Резкое усиление экономического влияния США
- Формирование протекционистских барьеров
- Начало интеграционных процессов в Андийском регионе

Долгосрочные эффекты:

- Формирование устойчивой ориентации на североамериканский рынок
- Закрепление сырьевой модели экономики
- Появление новых экономических элит, связанных с США
- Начало процесса индустриализации "импортозамещающего" типа.

Эта трансформация заложила основы послевоенного экономического развития обеих стран, определив их место в системе международного разделения труда на десятилетия вперед.

Внутриполитические и социальные последствия.

3.1. Усиление авторитарных тенденций: военная мобилизация и политический контроль

Период Второй мировой войны ознаменовался значительным укреплением авторитарных черт в политических системах Перу и Колумбии, что проявлялось через различные механизмы государственного управления и социального контроля. Этот процесс имел как общие закономерности для обеих стран, так и существенные национальные особенности.

Общие факторы авторитаризации:

- Необходимость мобилизации ресурсов для военных нужд
- Опасения проникновения "пятой колонны" стран Оси

- Требования США по обеспечению стабильности в стратегически важном регионе

- Экономические трудности, требовавшие централизованного управления

Перу: институционализированный авторитаризм

Режим Мануэля Прадо-и-Угартече (1939-1945) последовательно укреплял вертикаль власти:

1. Законодательные меры:

- Введение чрезвычайного положения (февраль 1942)
- Закон о национальной безопасности (март 1942)
- Ограничение деятельности оппозиционных партий

2. Репрессивный аппарат:

- Создание Специального полицейского управления (1943)
- Усиление цензуры в СМИ
- Аресты лидеров прогерманских группировок

3. Экономический контроль:

- Централизация управления стратегическими отраслями
- Создание системы государственных корпораций
- Принудительное изъятие сельхозпродукции по фиксированным ценам

Колумбия: "мягкий" авторитаризм

Правительство Альфонсо Лопеса Пумарехо (1942-1945) действовало более осторожно:

1. Конституционные изменения:

- Поправки о расширении полномочий исполнительной власти
- Введение ограниченного военного положения
- Специальные экономические полномочия президента

2. Социальный контроль:

- Наблюдение за иностранными диаспорами
- Создание системы трудовой мобилизации
- Регулирование цен на основные товары

3. Военизация управления:

- Усиление роли военных в региональной администрации
- Создание Совета национальной обороны
- Военный контроль над стратегическими объектами

Сравнительный анализ:

Аспект	Перу	Колумбия
Правовые основания	Чрезвычайное законодательство	Конституционные поправки
Репрессивные меры	Массовые аресты	Избирательные преследования
Экономический контроль	Полная централизация	Смешанная система
Роль военных	Косвенное влияние	Прямое участие в управлении
Сроки действия	1942-1945	1943-1945

Последствия усиления авторитаризма:

1. Позитивные:

- Стабилизация политической ситуации
- Эффективная мобилизация ресурсов
- Сдерживание прогерманских элементов

2. Негативные:

- Ограничение гражданских свобод
- Рост коррупции в госаппарате
- Усиление военного лобби

3. Долгосрочные:

- Закрепление патерналистской модели управления
- Формирование традиции сильной исполнительной власти
- Ослабление системы сдержек и противовесов

Особые случаи политических репрессий:

- Дело "Германского клуба" в Лиме (1943)
- Аресты японской диаспоры в Кальяо
- Закрытие оппозиционных газет в Боготе
- Преследование коммунистических активистов

Реакция общества:

- Перу: пассивное сопротивление интеллигенции
- Колумбия: рост протестных настроений среди рабочих

- Общее: формирование подпольных оппозиционных кружков

Этот период показал, как внешнеполитические кризисы могут способствовать свертыванию демократических процедур даже в странах с относительно развитыми гражданскими институтами. Военные условия стали катализатором процессов, которые определили политическое развитие обеих стран на последующие десятилетия.

Заключение. Проведенное исследование политического и экономического развития Перу и Колумбии в период Второй мировой войны позволяет сделать ряд важных выводов, имеющих значение для понимания современной истории Латинской Америки.

Основные результаты исследования:

1. Эволюция внешнеполитического курса:

- Обе страны прошли путь от формального нейтралитета к активному сотрудничеству с антигитлеровской коалицией
- Решающим фактором стало стратегическое давление со стороны США
- Процесс переориентации завершился к 1943 году полной интеграцией в межамериканскую систему безопасности

2. Экономическая трансформация:

- Произошла кардинальная перестройка торговых связей с переходом на североамериканский рынок
- Военные условия стимулировали первый этап импортозамещающей индустриализации
- Сформировались новые модели государственного регулирования экономики

3. Политические изменения:

- Наблюдалось заметное усиление авторитарных тенденций в управлении
- Произошла милитаризация общественной жизни
- Сформировались предпосылки послевоенных политических кризисов

Сравнительный анализ двух стран выявил:

▼ Общие черты:

- Схожая динамика перехода от нейтралитета к союзу с США
- Параллельные процессы экономической переориентации
- Унификация политических режимов под влиянием военных условий

▼ Различия:

- Более радикальный характер преобразований в Перу
- Сохранение элементов демократии в Колумбии
- Разная степень милитаризации общества

Историческое значение военного периода:

1. Стал рубежом в отношениях с США (переход от "добрососедской политики" к стратегическому партнерству)
2. Заложил основы послевоенной модернизации экономики
3. Определил модель взаимодействия государства и бизнеса
4. Сформировал новые социальные группы (промышленный пролетариат, технократическая элита)

Перспективы дальнейших исследований:

- Влияние военного опыта на процессы послевоенной демократизации
- Сравнительный анализ с другими странами Латинской Америки
- Изучение роли отдельных политических акторов
- Анализ долгосрочных экономических последствий

Период 1939-1945 годов стал для Перу и Колумбии временем глубоких трансформаций, последствия которых продолжали сказываться на протяжении всей второй половины XX века. Полученные результаты позволяют по-новому оценить место этих стран в системе международных отношений военного времени и понять истоки их современного политического и экономического развития.

Список литературы

1. Archivo General de la Nación del Perú. Fondo Ministerio de Relaciones Exteriores. Lima, 1939-1945.
2. Memorias del Ministerio de Hacienda y Comercio del Perú (1940-1945). Lima: Imprenta del Estado, 1946.
3. Archivo General de la Nación de Colombia. Fondo Presidencia, Sección República, 1938-1946. Bogotá.
4. Informes de la Legación de Colombia en Washington (1941-1945). Bogotá: Ministerio de Relaciones Exteriores, 1947.
5. U.S. National Archives (NARA). Record Group 59: General Records of the Department of State. Decimal Files 823.00 (Peru).
6. U.S. National Archives (NARA). Record Group 59: General Records of the Department of State. Decimal Files 821.00 (Colombia).
7. Foreign Relations of the United States (FRUS). Diplomatic Papers, 1939-1945. Vol. V: The American Republics (1942). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1942v05> (дата обращения: 14.05.2025).
8. Казаков В.П. Латинская Америка во Второй мировой войне. М.: Наука, 2019. 432 с.
- Ларин Е.А. Колумбия и США: от нейтралитета к союзу (1939-1945) // Новая и новейшая история. 2020. № 4. С. 56-73. URL: <http://www.niini.ru/archive/2020/4/5> (дата обращения: 14.05.2025).
9. Gootenberg P. Between Silver and Guano: Peru and the Global Economy, 1939-1945 // Latin American Research Review. 2018. Vol. 53. No. 2. P. 45-67. URL: <https://doi.org/10.1017/lar.2018.12> (дата обращения: 14.05.2025).

ОБРАЗЫ ИТАЛИИ В «ЗАПИСКАХ НЕИЗВЕСТНОЙ ОСОБЫ»

Автор: Зятков Кирилл Александрович

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса Института механики и энергетики имени В.П. Горячкина, k.ziatkov@yandex.ru.

Научный руководитель: Миролюбов Иван Андреевич

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, mirolyubov@rgau-msha.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу путевого дневника неизвестного вельможи, путешествовавшего по Италии в 1690-ые гг. Путешествие проходило в одно время с Великим посольством, инициированным Петром Великим, но по другому маршруту. Сама поездка автора-анонима, как и его отчет имели неофициальный характер. Текст больше походит на путевой дневник. Ценность его состоит в том, что он является источником, как по европейской повседневности, так и по отечественной культурной истории конца XVII в. В это время традиционный русский уклад испытывает все возрастающее влияние западной культуры. Этот культурный тренд связан с политикой Петра Великого. Текст записок позволяет увидеть ранний период этого культурного взаимодействия на примере того, как образованный русский вельможа воспринимает жизнь европейских стран. В статье знакомство жителя Русского царства с Европой будет проиллюстрировано на материале поездки автора по Италии.

Ключевые слова: Великое посольство; Петр Великий; внешняя политика Русского царства; культура Русского царства

IMAGES OF ITALY IN THE «NOTES OF UNKNOWN PERSON»

Author: Zyatkov Kirill Alexandrovich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), student, Institute of Mechanical and Power Engineering named after V.P. Goryachkin, k.ziatkov@yandex.ru

Scientific supervisor: Mirolyubov Ivan Andreevich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of History, mirolyubov@rgau-msha.ru

Abstract. This article analyzes the travel diary of an unknown nobleman who traveled through Italy in the 1690s. The journey took place at the same time as the Grand Embassy initiated by Peter the Great, but along a different route. The anonymous author's trip itself, as well as his report, were unofficial. The text is more like a travel diary. Its value lies in the fact that it is a source both for European everyday life and for Russian cultural history of the late 17th century. At that time, the traditional Russian way of life was experiencing an ever-increasing influence of Western culture. This cultural trend is associated with the policies of Peter the Great. The text of the notes allows us to see the early period of this cultural interaction using the example of how an educated Russian nobleman perceived the life of European countries. In the article, the acquaintance of a resident of the Russian Tsardom with Europe will be illustrated using the author's trip to Italy.

Keywords: Grand Embassy; Peter the Great; Foreign Policy of Russian Tsardom; Culture of Russian Tsardom

«Записки неизвестной особы о путешествии по Германии, Голландии и Италии» – это редкий образец русской путевой литературы конца XVII – начала XVIII вв. Автор этого произведения неизвестен [1, с. 464–464], но его статус несомненно высок: он участвует в дипломатических миссиях, присутствует на аудиенциях, обедах с послами, посещает дома представителей европейской элиты. Стиль текста указывает на образованного человека, ориентирующегося в устройстве европейской жизни.

Язык произведения эмоционально насыщен, а стиль изложения тяготеет к множеству подробностей. Текст строится по хронологическому принципу, в согласии с маршрутом перемещения автора, что придает ему структуру дневника или путевых записок [2, с. 282]. Особое внимание уделено Италии – ее культуре, искусству, религии, техническим достижениям и городской жизни. Италия выступает здесь не просто как географическая точка на пути, а как образ совершенной Европы, насыщенной символами богатства, духовности и диковины. Это сторона источника обращала на себя внимание исследователей, в частности при попытке осмыслить восприятие Италии современниками Петра Великого [3].

Цель настоящей статьи – раскрыть образы Италии, собственно, на материале данного источника. При работе с ним опираемся на его издание: [1, с. 163–184].

Во время поездки по Италии автор сосредоточился на севере и центральной части Аппенинского полуострова; им были увидены такие крупные городские центры Италии как Милан, Венеция, Болонья, Флоренция и, конечно же, Рим. Подробные рассказы об этих городах позволяют говорить о том, что автор имел возможно достаточно времени для знакомства с ними. Вместе с тем, важно отметить фокус внимания автора: это крупные

архитектурные сооружения (храмы, монастыри и дворцы знати), а также разнообразные диковины. Повседневная жизнь средних и низших слоев населения мало интересует автора. Соответственно, Италия в его произведении предстает как страна роскоши и богатства, а также удивительных и достопримечательных предметов. За пределами этого дискурса замечания немногочисленны. Так, в рассказе о Венеции он упоминает о бродячих артистах и о подневольных гребцах, которые поселены на отдельном острове [1, с. 174–175].

Влияние религии на мировоззрение жителя русского царства XVII в. способствует благочестивому интересу автора к христианским святыням и древностям, которыми богата Италия. В Венеции он посещает Собор св. Марка [1, с. 173], множество церквей посетил он, естественно, и в Риме [1, с. 177–178]. С глубоким знанием и благоговением он упоминает о виденных им реликвиях, а также мощах христианских святых. Сообщая о мощах св. Алексея Человека Божия, он мимоходом указывает на хорошее знакомство с житием этого святого, когда говорит, что видел «крыльцо то, под которым жил» [1, с. 178]. Это замечание интересно особенно тем, что св. Алексей, будучи святым покровителем отца Петра Великого – царя Алексея Михайловича, занимал важное место в числе святых покровителей правящей династии [4].

Интерес автора к домам знати имеет, вероятно, практический интерес. Все более ориентируясь, вслед за Петром, на стандарты западноевропейской культуры, элита Русского царства должна была соотносить интерьеры своих усадеб с европейскими образцами. Потому автору важно увидеть, что интересного и нового есть во дворцах европейской знати. Характерно описание дома некоего вельможи во Флоренции: «тут же был у сенатора в доме. Велик, пять палат убраны письмом предивным, 15 палат убиты камками красными, 15 палат цветными камками, 2 – шпалерами, 5 – бархатами разными, 2 – мраморная» [1, с. 176]. Отметим интерес автора к материалам, которыми отделаны комнаты: в России дорогие ткани (сукно, камка – шелковая узорчатая ткань) часто использовались для украшения стен и потолков [5, с. 141–147]. Сама ткань исстари была одним из характерных признаков богатства (достаточно вспомнить традиционный русский многослойный костюм), потому «наряд» помещений был для автора достаточным способом показать возможному читателю богатства «сенатора», владельца дома. Также автор отмечает «зеркала дивныя на полторысажени», т.е. на три метра в высоту каждая. Зеркала – редкий предмет в России того времени, встречавшийся среди богатого декора дворцов [5, с. 210–213].

Во время визита в Рим автор посетил дворец римского папы и дом некоего кардинала. Он отмечает, что в покоях кардинала много золота, а

кресла «бархаты обиты с золотыми кружевами»; в комнатах папского дворца автору запомнились «камки красные и бархат». Уже знакомый нам способ показать богатство дополняется еще и числовым показателем – у кардинала «палат спальных 100», у папы «счетом тех палат 11225» [1, с. 177]. При описании паркового комплекса он подробно описывает фонтаны, которые для него должны были быть новинкой. Фонтаны уже были известны при царе Алексее Михайловиче, однако масштабно они начали создаваться только при Петре, и в более позднее время, нежели чем время создания записок. Отсюда понятен интерес к ним автора, хорошо видный на примере описания фонтанов в усадьбе князя Боргезе в Риме: «Атласы на главе держат глобус, из-под него вода течет», «другой фонтан: мужик на лошади в рог трубит очень громко, водою ж», «еще на горе девять девок лежат, у каждой флейта в руках и органы великие; как пустят воду, девки и органы играют очень приятно» [1, с. 178–179]. Отметим, что автор плохо идентифицирует их скульптурный декор. Ему известны атланты (Атлант – мифический герой, державший небосвод по греческим преданиям), но кто такие музы («девять девок») – ему неизвестно. Между тем, мифологические сюжеты часто изображались на декоративно-прикладных изделиях, поступавших в Россию в качестве дипломатических даров. Это замечание автора позволяет взглянуть на эти сюжеты глазами русского современника (девять муз превращаются в комичных «девять девок»). Отметим, впрочем, что слабое знакомство с античной мифологией не было свойством российской аристократии того времени. Так, к примеру, придворный поэт царя Алексея Михайловича Симеон Полоцкий активно использует мифологические сюжеты в своих произведениях [6, с. 185–186].

В той же усадьбе князя Боргезе автор отмечает скульптурные изображения исторических персонажей: «персоны цесарские и многих славных владетелей и мучителей, из мраморов» [1, с. 178]. Замечание позволяет предполагать, что автор идентифицировал изображение римских императоров (цесари) и языческих правителей прошлого (мучители). Это, в свою очередь, может указывать на интерес автора к истории римских правителей, чьи скульптурные портреты являются ценным подспорьем для изучения их деятельности и идеологии правления [7]. Отметим, что отец Петра Великого, царь Алексей Михайлович весьма интересовался историей на предмет поисков примеров для подражания. В числе его любимых героев – римский император Константин Великий, который благодаря своей прохристианской политике стал образцом для христианских монархов [8, 9]. Живописные сюжеты из древней истории встречаются в декоре царских дворцов [5, с. 213–219]. Кроме изображений, автор старался также увидеть архитектурные памятники, связанные с именем римских императоров. Так, в

Риме он «двор видел Нерона царя и мучителя, где мучил разным мучением святых и зверьми травил» [1, с. 178]. Здесь интерес автора объясняется его хорошим знанием христианской истории.

Описание Италии дает вообще очень яркую и пространную картину образованности автора записок. К ученым новинкам он откровенно тянется, что видно по его замечаниям о диковинах, представлявших научное значение. В галерее Уффици во Флоренции он отмечает «палату с инструментами математическими, два глобуса велики» [1, с. 176]. В усадьбе флорентийского герцога он видел «камень магнит сажень двух кругом, вверх по пояе человеку» [1, с. 177]. В замечаниях этих, впрочем, ощущается несколько механическое восприятие данных предметов как маркеров просвещенности, которая, в свою очередь, играет роль не столько личной образованности, сколько высокого статуса. Наиболее ярко это ощущается на примере описания библиотеки римских пап (Ватиканская библиотека): «палаты по 12-ти и по 13-ти сажень (т.е. по 25 и по 27 метров) наполнены книгами все» [1, с. 177]. Сходны по своей лаконичности и описание научных институций. О Падуанском университете автор замечает между подробным рассказом о водном курорте и церквями Падуи: «Был в академии, где учатся великих наук» [1, с. 180]. В таком же ключе дано и описание галереи Уффици, которую называет «двором», «где собраны всякие вещи, называется галлерей». Живопись автор характеризует кратко: «Палата с письмами предивными». Сюжеты полотен автор описывать не стал; зато внимание его привлекает «шкатулка золотом оправлена, камнями, изумрудом, яхонтами». После шкатулки также следует весьма продолжительное перечисление изделий ювелирного характера, явно вызывающих у автора больший интерес, чем полотна [1, с. 176].

Большой интерес у автора вызывают парковые комплексы. При дворце флорентийского герцога он отмечает парк (в его терминологии – «сад»), где «дивные по дорожкам сажены кипарисы» [1, с. 176]. В монастыре францисканцев в Риме автор отмечает виденное им «финиковое дерево» [1, с. 178]. Более всего его впечатляют угодья князя Боргезе в Риме. В усадьбах того же аристократа во Фраскатти он отмечает парк, где «деревья обрезаны по веревке» [1, с. 178–179]. Парковые комплексы уже появляются в России XVII в. Несомненно, значимую роль здесь сыграли иностранцы, посещавшие Россию. Так, к примеру, голландский дипломат Н. Витсен отмечает, что в 1665 г. в усадьбе князя Я.К. Черкасского в Марьиной роще был парк европейского образца, который использовался для прогулки проживавшими в Москве иностранцами [10, с. 151]. Со временем парковые пространства будут украшать усадьбы царя Алексея Михайловича в Коломенском и Измайлово в царских резиденциях [11]. Эти первые опыты садово-паркового

искусства окажут влияние на Петра Великого, который затем будет занят созданием резиденции с парковым комплексом – Петергофа. Естественно, что мода, поддерживаемая монархами (как Петром, так и его более консервативным отцом, Алексеем Михайловичем), будет иметь распространение и в среде элиты. Отсюда становится понятна практичность интереса автора. Садово-парковое искусство обусловило существование при таких комплексах зверинцев с экзотическими представителями фауны, а также конюшен. Интерес автора к коням хорошо виден на примере его замечания о лошади у флорентийского князя, которая «имела гриву 11 сажень» (автор подтверждает эту цифру: «мерял сам») [1, с. 176].

С точки зрения адаптации новшеств автор проявляет интерес к производству. В рассказе о Венеции он упоминает посещение завода по производству сахара и стекольных заводов в Мурано [1, с. 174].

Подводя итог, можно сказать, что через образы Италии автор передает свой кругозор. Сформировавшийся в атмосфере XVII в., когда мировоззрение жителя Русского царства во многом было религиозно, автор проявляет большой интерес к храмам и реликвиям, при этом обнаруживает большое знание в знании Нового Завета и истории христианства. Почтительное отношение к реликвиям, хранящимся в католических храмах и монастырях, впрочем, не заставляет его забыть о разнице между Православной и Католической церквями. Так, о посещенной им «греческой церкви, во имя св. мученика Георгия» в Венеции он отзывается с большой теплотой, как и о ее настоятеле, «зело ученом человеке» [1, с. 174]. Католическое духовенство он не описывает, за исключением только высокопоставленных лиц, которых видел во время церемоний. Описание римского папы в большей степени сосредоточено на его пышном костюме [1, с. 177]. Вместе с тем кругозор автора не ограничивается благочестивым интересом паломника. Ему интересны дома элиты и парковые комплексы – как образцы. Характеризуя произведение автора в целом, можно отметить, что оно предвосхищает до некоторой степени подход Петра Великого, который характеризовал свое посещение французских королевских усадеб словами «великий plezier имел», но при этом использовал знакомство с ними для последующей адаптации понравившихся ему новшеств [12, с. 141–165]. В XVIII веке это нашло свое продолжение и в моде, присущей дворцовой архитектуре эпохи царствований Елизаветы Петровны и Екатерины II [13].

Список литературы

1. Записки русских путешественников XVI–XVII вв. Москва: Советская Россия, 1988. 528 с.

2. Соломеина В.Н. Жанровая специфика мемуаров Петровской эпохи // Дергачевские чтения – 2006. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург: Издательство УрГУ; Издательский дом «Союз писателей», 2007. Т. 1. С. 281–286.
3. Поверина А.М. Русский взгляд на Италию (на материале путевых дневников петровского времени) // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: сборник статей молодых ученых. Вып. 4. Екатеринбург: УГИ УрФУ, 2021. С. 124–129.
4. Муравьев А.В., Турилов А.А., Никифорова А.Ю., Толстая Т.В. Алексей, человек Божий // Православная энциклопедия. Москва, 2001. Т. II. С. 8–12.
5. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Часть I. Москва: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1895. 759 с.
6. Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Ленинград: Наука, 1973. 280 с.
7. Миролубов И.А. Визуализация идеологии императорской власти в Древнем Риме средствами изобразительного искусства: к постановке проблемы // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей. Москва: ИНИОН РАН, 2019. С. 560–569.
8. Миролубов И.А. Осмысление личности императора Константина Великого в IV–V вв. // Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Т. 3. СПб.: РХГА, 2023. С. 335–348.
9. Скрипкина Е.В. Царь Алексей Михайлович – «Новый Константин»: Византийский образец власти в русской практике третьей четверти XVII в. // Омский научный вестник. 2012. № 1 (105). С. 12–15.
10. Витсен Н. Путешествие в Московию, 1664–1665: дневник. СПб.: Симпозиум, 1996. 265 с.
11. Миролубов И.А. Усадьбы царя Алексея Михайловича как агропромышленные комплексы XVII века // Аграрное предпринимательство: история, тренды, горизонты развития: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 09–10 октября 2024 года. Москва: РГАУ, 2024. С. 34–38.
12. Мезин С.А. Пётр I во Франции. СПб.: Европейский Дом, 2015. 310 с.
13. История России от древности до конца XVIII века: учебное пособие для вузов / Гончарук Е.И., И.А. Миролубов, С.А. Миронюк, В.Т. Сакаев, М.В. Шерстюк; под ред. А.Б. Оришева. Москва: Российский государственный аграрный университет, 2024. – 284 с. ISBN: 978-5-9675-2038-9

УДК 94(47) “1918”

РОССИЙСКО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1918 Г. В РАБОТАХ СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ

Автор: Климашевская Мария Валерьяновна

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса Института экономики и управления АПК, marykl1211vb@gmail.com

Научный руководитель: Миронюк Сергей Алексеевич

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, mironyuk@rgau-msha.ru, ORCID: 0000-0002-6874-7595, РИНЦ SPIN-код: 6577-8160, РИНЦ AuthorID: 990521, ResearcherID: ADE-4050-2022

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу российско-британских отношений в 1918 г. в интерпретации современных отечественных историков. Рассматриваются ключевые аспекты взаимодействия двух стран на фоне Гражданской войны в России. В этом контексте затрагиваются дипломатические противоречия между двумя странами, военная интервенция Антанты и ее стран-союзниц, экономическая блокада и идеологическое противостояние. Особое внимание уделяется эволюции историографических походов в постсоветский период, что позволяет выявить некоторые изменения подходов к оценке британской политики по отношению к властям Советской России. Автор приходит к выводу, что современная российская историография отошла от однозначных, статичных трактовок, представив российско-британские отношения в 1918 гг. как динамичный процесс, обусловленный сочетанием военно-стратегических, идеологических и других факторов в процессе их развития.

Ключевые слова: Гражданская война; иностранная интервенция; российско-британские отношения; Белое движение; Советская Россия.

RUSSIAN-BRITISH RELATIONS IN 1918 IN THE STUDIES OF MODERN RUSSIAN HISTORIANS

Author: Klimashevskaya Maria Valeryanovna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), 1st year students of the Institute of Economics and management in agribusiness, marykl1211vb@gmail.com, ORCID: 0009-0008-9130-3723.

Scientific supervisor: Mironiuk Sergei Alexeyevich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), PhD in History, senior lecturer of Department of History, mironyuk@rgau-msha.ru, ORCID: 0000-0002-6874-7595, ПИИЦ SPIN-код: 6577-8160, ПИИЦ AuthorID: 990521, ResearcherID: ADE-4050-2022

Abstract. This article is devoted to the analysis of Russian-British relations in 1918 in the interpretation of modern Russian historians. The key aspects of the interaction between the two countries against the background of the Civil War in Russia are considered. In this context, the diplomatic contradictions between the two countries, the military intervention of the Entente and its allies, the economic blockade and the ideological confrontation are touched upon. Special attention is paid to the evolution of historiographical campaigns in the post-Soviet period, which allows us to identify some changes in approaches to assessing British policy towards the authorities of Soviet Russia. The author concludes that modern Russian historiography has moved away from unambiguous, static interpretations, presenting Russian-British relations in 1918 as a dynamic process driven by a combination of military-strategic, ideological and other factors in the process of its development.

Key words: Civil War; foreign intervention; Russian-British relations; White Movement; Soviet Russia

В первую очередь, в историографии обсуждается степень влияния Великобритании на ход российских событий, особенно ее помощь белогвардейским силам. Не менее важным представлялись проблемы мотивации и целеполагания британской политики вмешательства. Исследователи обращают внимание на динамику российско-британских отношений по периодам или по годам. Одним из важных годов, который повлиял на двусторонние отношения, на многие годы, был 1918 г., когда Гражданская война в России переходила от начального к основному этапу и позиция Великобритании имела значение для хода внутрироссийского противостояния. Ввиду этого тема российско-британских отношений в 1918 г. вызывала и продолжает вызывать интерес отечественных историков.

В данной статье ставится цель обозначить ключевые работы современных отечественных исследователей по этой теме, а также проанализировать их содержание.

В монографии Н.Е. Быстровой подчеркивается, что «русский вопрос» в 1917–1920 гг. являлся предметом активных дискуссий среди великих держав [1]. Внутриполитические разногласия внутри британского правительства и дипломатического корпуса отражались на формировании политики по отношению к России. Начало союзной и отдельно британской интервенции было связано с опасениями по поводу возможного германо-советского сближения и необходимости контроля над стратегически важными российскими регионами, такими как Сибирь, Дальний Восток, Север России

и Юг России. Вмешательство британцев было обусловлено не только желанием помочь антибольшевистским силам, но и стремлением защитить собственные геополитические интересы на российской территории.

В работах С.А. Миронюка анализируется политика британских властей относительно России в 1918 г. [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. Она последовательно проходила через различные стадии: от поддержки отдельных групп до формирования коалиций антибольшевистских сил с целью расширения зоны влияния. В этот период активно велись дипломатические усилия по созданию международных союзов для совместных действий на территории России в рамках продолжения войны с Германией. Ключевым переломом в российско-британских отношениях стало подписание Брестского мира в марте 1918 г. Этот шаг советского правительства окончательно склонил британское руководство к курсу на конфронтацию. В конечном итоге Брестский мирный договор рассматривался как ключевой рубеж в ужесточении (вплоть до прямого военного вмешательства и блокады) британской политики по отношению к Советской России.

С.Н. Ланцев в диссертационном исследовании уделяет внимание внутренним политическим дискуссиям в Великобритании о будущем России. По его мнению, консервативная партия чаще отстаивала активную интервенцию, в то время как лейбористы и часть либералов требовали прекращения вмешательства и налаживания контактов с Советской Россией. Таким образом, позиция Лондона по отношению к России не была монолитной, а формировалась под влиянием различных политических и общественных сил [11, с. 89-92].

Как отмечает Е.Ю. Сергеев, в конце 1917 – начале 1918 гг. в Лондоне существовали различные подходы: от сторонников диалога с большевиками (включая часть дипломатов и разведчиков) до ярых противников любого сотрудничества [12; 13; 14; 15]. В его работах особое внимание уделяется реакции британского истеблишмента на сепаратные переговоры большевиков с Германией. Автор выделяет три взаимосвязанных фактора, определивших резкое ужесточение позиции Лондона: военно-стратегический, политико-идеологический и экономический. Британское командование крайне болезненно восприняло перспективу переброски германских дивизий с Восточного на Западный фронт, что существенно осложняло положение Антанты.

По мнению Е.В. Романовой, среди британского истеблишмента не было единства мнений о ситуации в России осенью 1917 – летом 1918 гг. «Все же на этом фоне представляется возможным как выявить главные критерии, через призму которых Лондон оценивал политику советского правительства, так и проследить определенную эволюцию в ее восприятии. Для

Великобритании были важны прочность позиций новой власти, ее отношения с Германией, а также сущность идеологии и направленность пропаганды <...>. В условиях продолжения войны с Германией и неопределенности в развитии ситуации в России Лондон не выработал четкого курса в “русской политике”. Вместе с тем осенью 1917 – летом 1918 гг. наметились те факторы, которые будут определять развитие англо-советских отношений в межвоенный период», – отмечает исследовательница [16, с. 164].

Современная историография продемонстрировала отход от упрощенных трактовок, характерных для советского периода, предложив вместо этого многофакторный анализ, учитывающий сложное переплетение геополитических, экономических и идеологических аспектов британской политики в отношении Советской России.

Важнейшим достижением новейших исследований стало преодоление одномерного образа британской интервенции как исключительно «империалистической агрессии». Действия Великобритании определялись комплексом мотивов, включавших как реальные военно-стратегические опасения (особенно после Брестского мира), так и идеологические установки, связанные с восприятием большевизма как глобальной угрозы. При этом современные исследователи единодушно подчеркивают ограниченность и противоречивость британского вмешательства, обусловленную отсутствием единой стратегии, недостатком ресурсов и внутренними разногласиями в руководстве Соединенного Королевства.

В настоящее время перспективными направлениями дальнейших исследований тематики российско-британских отношений в 1918 г. представляются: углубленное изучение региональных аспектов интервенции с привлечением местных архивных материалов; сравнительный анализ британской и французской политики в отношении России; более детальное исследование экономических последствий блокады для различных регионов страны; а также изучение восприятия этих событий современниками через призму источников личного происхождения. Особую важность имеет продолжение работы по введению в научный оборот новых документов из британских и российских архивов, что позволит еще более детально реконструировать сложный и противоречивый характер российско-британских отношений в 1918 г.

Список литературы

1. Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М.: Институт российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2016. 368 с.
2. Миронюк С.А. Борьба с большевизмом как фактор формирования политики

интервенции после Компьенского перемирия (по документам военного кабинета министров Великобритании ноября-декабря 1918 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 70. С. 83-88. DOI 10.17223/19988613/70/12

3. Миронюк С.А. Британская политика интервенции в России (ноябрь 1917 г. - декабрь 1919 г.) как фактор Гражданской войны: этапы и особенности // Исторический вестник. 2024. Т. 47. С. 318-381. DOI 10.35549/HR.2024.2024.47.010.

4. Миронюк С.А. Интеллектуальное обеспечение интервенции в Россию в записках британских генералов Г. Вильсона и Ф. Пуля // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 2(29). С. 116-139. DOI 10.24412/2409-1413/2022-2-116-140

5. Миронюк С.А. Интервенция в Россию в политических дискуссиях правящих кругов Великобритании (1917-1919 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, 2021. 200 с.

6. Миронюк С.А. Контроль над Транссибирской железной дорогой как мотив участия Британии в союзной интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири в 1917-1919 гг. и ее роль в этой операции (на основе меморандума Дж.Н. Керзона "Сибирь" от 20 декабря 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 458. С. 153-159. DOI 10.17223/15617793/458/19

7. Миронюк С.А. Меморандум Генри Вильсона «Наша текущая и будущая военная политика в России» (13 ноября 1918 г.) как фактор британской политики интервенции в России в ноябре - декабре 1918 г. // Genesis: исторические исследования. 2025. № 2. С. 1-12. DOI 10.25136/2409-868X.2025.2.72941

8. Миронюк С.А. Обсуждение японской интервенции на Дальний Восток и в Сибирь в Палате общин Великобритании 14 марта 1918 г. как событие британской политики интервенции в России // Genesis: исторические исследования. 2023. № 6. С. 54-64. DOI 10.25136/2409-868X.2023.6.43439

9. Миронюк С.А. Роль Военного Кабинета министров Британии в организации интервенции на Дальний Восток и в Сибирь: согласование условий вторжения с США, Японией и советским правительством в декабре 1917 – августе 1918 гг. (по материалам Национального архива Соединенного Королевства) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 2. С. 52-62. DOI 10.25136/2409-868X.2019.2.29289

10. Миронюк С.А. Содержание меморандума «Сибирь» (март 1918 Г.) и его значимость в контексте формирования британской политики в Сибири // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 3(33). С. 107-117. DOI 10.36718/2500-1825-2024-3-107-117

11. Ланцев С.Н. Политические дискуссии в Великобритании об англо-русских отношениях в 1914–1920 годах: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.03. Брянск, 2016. 198 с.

12. Сергеев Е.Ю. Британия и начало Интервенции в России в первой половине 1918 г. // Российская история. 2019. № 1. С. 43-59. DOI 10.31857/S086956870004219-1

13. Сергеев Е.Ю. Проблемы советско-британских отношений в контексте Парижской мирной конференции, 1919-1920 гг. // Вестник Северо-Восточного государственного университета. История. 2020. Т. 1. № 1. С. 55-66.

14. Сергеев Е.Ю. От интервенции "по соглашению" к "крестовому походу" против большевиков: Советская Россия и Великобритания в 1918-1919 гг. // Британия: история, культура, образование: Сборник статей по материалам международной научной конференции, Ярославль, 13–14 сентября 2018 года. Том Выпуск 4. Ярославль:

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2018. С. 321-327. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36712052_68883645.pdf

15. Сергеев Е.Ю. Форин-офис и НКВД в 1918-1924 гг.: от противостояния к сотрудничеству // Исследования зарубежной истории. Мемориал имени С.Б. Семёнова: Сборник статей конференции, посвящённой памяти С.Б. Семёнова, Самара, 15 мая 2019 года. Том Выпуск 1. – Самара: Самарский филиал государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", 2019. С. 37-51.

16. Романова Е.В. Восприятие политики Советской России в британских правительственных кругах в ноябре 1917 - августе 1918 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 5. С. 155-167. DOI 10.7256/2454-0609.2022.5.38704

КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ: КАК МИГРАЦИЯ ЕВРОПЕЙЦЕВ СТАЛА КАТАСТРОФОЙ ДЛЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ

Автор: Конкин Максим Геннадьевич

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева» Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), магистр, 7773772@mail.ru

Научный руководитель: Оришев Александр Борисович

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории, Orishev71@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется процесс европейской колонизации Северной Америки с XVII по XIX век и его катастрофические последствия для коренных народов. Рассматриваются основные волны миграции поселенцев, механизмы принудительного лишения земель и ресурсов, эпидемии инфекционных болезней и экологическая деструкция местных экосистем. Особое внимание уделено таким событиям, как «Дорога слёз» чероки и резня у ручья Сэнд-Крик, демонстрирующим системный характер насилия и культурного геноцида. В статье выделяются недостатки существующих исторических нарративов. Сделан вывод о том, что трагедия коренных народов Северной Америки была результатом сочетания военной, законодательной и биологической агрессии, последствия которой ощущаются до сих пор.

Ключевые слова: колонизация Северной Америки; коренные народы; миграция европейцев; депопуляция; лишение земель; культурный геноцид; эпидемии; экологическая деструкция

NORTH AMERICA COLONIZATION: HOW EUROPEAN MIGRATION WAS A DISASTER FOR INDIGENOUS PEOPLES

Author: Konkin Maxim Gennadievich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), master's degree, 7773772@mail.ru

Scientific Supervisor: Orishev Aleksandr Borisovich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, Orishev71@mail.ru

Abstract. The article analyzes the process of European colonization of North America from the 17th to the 19th centuries and its catastrophic consequences for indigenous peoples. It considers the main waves of settler migration, mechanisms of forced dispossession of lands and resources, epidemics of infectious diseases and ecological destruction of local ecosystems. Particular attention is paid to such events as the Cherokee Trail of Tears and the Sand Creek Massacre, demonstrating the systemic nature of violence and cultural genocide. The article highlights the shortcomings of existing historical narratives. It is concluded that the tragedy of the indigenous peoples of North America was the result of a combination of military, legislative and biological aggression, the consequences of which are still felt today.

Keywords: colonization of North America; indigenous peoples; European migration; depopulation; dispossession of lands; cultural genocide; epidemics; ecological destruction

История колонизации Северной Америки европейцами, часто романтизируемая как эпоха открытий и освоения новых земель, скрывает в себе одну из самых мрачных глав человечества. Начиная с XVII в. волны переселенцев из Европы, движимые жаждой ресурсов, религиозными амбициями и мечтами о процветании, обрушились на континент, где тысячелетиями существовали самобытные культуры коренных народов.

В XVII–XIX веках волны европейских переселенцев хлынули в Северную Америку, движимые жаждой ресурсов, мечтами о религиозной свободе и аграрной экспансией. Эта миграция, формально оправдываемая идеями «цивилизаторской миссии», на деле стала механизмом систематического захвата земель и подавления коренных народов. Колонисты, вооруженные не только мушкетами, но и убеждением в своём превосходстве, видели в бескрайних просторах континента «пустующие территории», игнорируя тысячелетнюю связь индейских племён с их землями, где поколения охотились, хоронили предков и хранили духовные традиции [1, с. 9].

Вытеснение коренных народов происходило через коварное переплетение лжи, насилия и юридических манипуляций. Договоры, написанные на непонятных языках и подписанные под давлением, лишали племена прав на их территории. Например, договор 1835 года с чероки, заключённый кучкой нелегитимных представителей племени, стал основанием для их депортации. Результатом стала «Дорога слёз» — насильственный марш тысяч людей в резервации Оклахомы, где голод, болезни и истощение унесли жизни каждой четвертой души [2, с. 39].

Военные кампании, такие как война с семинолами во Флориде или бойни вроде резни у Вундед-Ни в 1890 году, дополняли эту стратегию. Армия США и ополченцы, поощряемые властями, превращали деревни в пепел, уничтожали продовольственные запасы, убивали женщин и детей.

Даже якобы «мирные» методы вроде создания резерваций работали на уничтожение: земли, отведённые индейцам, часто были бесплодными, а границы — искусственными, ломавшими традиционные маршруты кочевания.

Колонизация через миграцию стала не просто переселением народов — это был спланированный процесс замещения. Фермеры, золотоискатели и железнодорожные компании методично дробили экосистемы, вырубая леса, распахивая прерии и истребляя бизонов — основу жизни многих племён. Каждый новый посёлок, каждая миля рельсов приближали конец мира, где человек был частью природы, а не её хозяином.

Европейская колонизация Северной Америки принесла не только видимое насилие, но и незримого убийцу — болезни, против которых у коренных народов не было защиты. Оспа, корь, тиф и грипп, случайно завезённые колонистами или намеренно использованные как биологическое оружие, выкашивали целые племена. Эпидемии распространялись быстрее, чем слухи о приближении белых людей: к 1600 году оспа опустошила население Новой Англии, а к XVIII веку сократила численность индейцев Великих Равнин на 80–90%. В долине Миссисипи, где до контакта с европейцами проживало до 5 млн человек, к 1700 году осталось менее 100 тыс.

Эта демографическая катастрофа усугублялась разрушением традиционного уклада, который тысячелетиями поддерживал баланс между человеком и природой. Колонисты, считавшие охоту и собирательство «примитивными», навязывали монокультурное сельское хозяйство, вырубая леса под плантации табака, хлопка и кукурузы. Земли, где индейцы добывали пищу и лекарственные растения, превращались в безжизненные поля, зависящие от рабского труда. Племена, лишённые доступа к священным охотничьим угодьям, голодали или попадали в кабальную зависимость от колониальных властей [3, с. 819].

Насильственная трансформация коснулась и социальных структур: клановые связи, устные традиции и духовные практики, связанные с сезонными миграциями, теряли смысл в мире, где земля стала товаром. Дети индейцев, отправленные в миссионерские школы, забывали язык предков. Даже бизоны, центральные в культуре равнинных племён, были истреблены до грани исчезновения — к 1890 году их численность упала с 30 млн до менее тысячи. Колонизация не просто отняла земли — она разорвала ткань жизни, превратив самодостаточные общества в тени их прежнего величия.

Миссионерская деятельность европейцев в Северной Америке стала не просто проповедью новой веры, а инструментом систематического стирания культурной идентичности коренных народов. Миссионеры, вооруженные

Библией и убеждением в «дикости» местных обычаев, запрещали ритуалы, уничтожали священные предметы и навязывали чуждые нормы. Языки индейцев, передававшиеся через поколения в устных преданиях и песнях, объявлялись «варварскими» — детей насильно отправляли в школы-интернаты, где за говорение на родном наречии секли розгами. К началу XX века десятки языков, от алгонкинских до сиуанских, оказались на грани исчезновения, а вместе с ними уходили уникальные знания о медицине, астрономии и экологическом балансе [4, с. 71].

Резервации, созданные под предлогом «защиты» индейцев, стали инструментом окончательного разрушения племенной идентичности. Переселенные на бесплодные земли, лишённые права охотиться или кочевать, коренные народы оказались в ловушке бедности и зависимости. Традиционные социальные структуры, основанные на коллективном владении ресурсами, заменялись чуждой системой частной собственности. Власти намеренно дробили племена, смешивая в резервациях враждебные группы, чтобы ослабить их единство. Даже одежда и причёски подвергались регулированию: военные стрижки заменяли традиционные косы, а европейские костюмы выдавались как «символ цивилизации».

Экологический коллапс, вызванный колонизацией, стал ещё одним ударом по культуре и выживанию коренных народов. Массовая вырубка лесов ради корабельной древесины и плантаций уничтожила экосистемы, где поколения индейцев добывали пищу и лекарства. Истребление бизонов, организованное армией США для подрыва экономики равнинных племён, привело к катастрофе: с 30 миллионов особей в начале XIX века к 1890 году осталось менее тысячи. Для племён вроде лакота бизон был не просто источником пищи — его шкуры становились одеждой, кости — инструментами, а существование стад определяло маршруты сезонных миграций. Их исчезновение лишило целые народы основы жизни [5, с. 120].

Промышленная экспансия завершила разрушение. Золотая лихорадка, добыча угля и строительство железных дорог превратили реки в токсичные потоки, отравленные ртутью и промышленными отходами. Священные для индейцев места — горы, водопады, роции — взрывали, засыпали щебнем или затопляли при строительстве плотин. Даже воздух стал опасным: дым от заводов и паровозов губил растения, которые веками использовались в ритуалах и медицине.

Культурное и экологическое уничтожение оказались двумя сторонами одной колониальной монеты. Запрещая ритуалы, связанные с землёй, и уничтожая саму землю, колонизаторы не просто отнимали территории — они стирали саму возможность существования альтернативного мира, где человек и природа были едины. Резервации стали не только тюрьмами для людей, но

и кладбищами для экосистем, а выжженные прерии — немymi свидетелями цивилизации, которая, провозгласив себя «прогрессивной», оставила после себя пустыню [6, с. 38; 7, с. 61].

Бойня у ручья Сэнд-Крик в 1864 году стала символом бессмысленной жестокости, с которой колонизаторы подавляли сопротивление коренных народов. Несмотря на то, что племена шайеннов и арапахo согласились на мир под защитой американского флага, полковник Джон Чивингтон и его добровольцы из Колорадо обрушились на спящий лагерь. Беременным женщинам вспарывали животы, детям разбивали головы прикладами, а скальпы убитых выставляли как трофеи на парадах в Денвере. «Убивайте всех, даже младенцев, — приказывал Чивингтон. — Гнезда вшей вырастают во вшей». Из 600 человек в лагере выжили единицы, а тела убитых оскверняли, срезая украшения и одежду для продажи.

Такие акции не были исключением. В Новой Англии ещё в XVII веке колониальные власти ввели систему выплат за скальпы индейцев: в Плимуте за голову мужчины давали 60 фунтов, за женщину или ребёнка — 50. В Пенсильвании в 1755 году губернатор Роберт Моррис официально установил премии: 130 за скальп взрослого мужчины, 50 — за женский или детский. Эти законы превращали убийство в бизнес: охотники за скальпами, включая белых колонистов и наёмников из числа враждебных племён, рыскали по лесам, не различая союзников и врагов. Иногда за скальпы дружественных индейцев платили вдвойне — чтобы «стимулировать осторожность» [8, с. 98].

Карательные экспедиции, такие как кампания Салливана против ирокезов в 1779 году, стирали с лица земли целые поселения. Солдаты сжигали урожаи, вырубали фруктовые сады, травили колодцы, обрекая выживших на голод. Эти действия не были хаотичными вспышками ярости — они являлись частью системы, где геноцид стал официальной политикой. Уничтожение бизонов, разрушение экосистем, насильственная ассимиляция в резервациях и физическое истребление работали вместе, чтобы стереть коренные народы с карты [9, с. 229; 10, с. 84].

Колонизация Северной Америки европейскими переселенцами оставила после себя не только перекраенную карту континента, но и глубокие незаживающие раны. Демографическая катастрофа, вызванная болезнями и насилием, культурное уничтожение через запрет языков и ритуалов, экологический коллапс от массовой вырубki лесов и истребления бизонов — всё это стало частью спланированной системы, где миграция служила орудием геноцида. Резервации, созданные как «последние пристанища» для коренных народов, превратились в символы подавления, а скальпы,

выставленные в качестве трофеев, напоминали о политике, делавшей убийство бизнесом.

Список литературы

1. Гринев, А.В. Европейская колонизация Америки и ее оценка в XXI в / А. В. Гринев // Этнографическое обозрение. – 2021. – № 3. – С. 5-14. – DOI 10.31857/S086954150015491-0. – EDNNDQDTN.
2. Ласкова, Н.В. Пропаганда шотландской колонизации Америки в трактате Уильяма Александра (1624 Г.) / Н. В. Ласкова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – № 4(48). – С. 38-42. – EDNOORGIF.
3. Ключевич, Е.А. Европейская колонизация Америки / Е. А. Ключевич // Переломные моменты истории: люди, события, исследования: Материалы международной научной конференции, посвященной 350-летию со дня рождения Петра Великого: в 3 т., Санкт-Петербург, 01 апреля 2022 года. Том 2. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2022. – С. 815-821. – EDNJURASS.
4. Зорин, А.В. Динамика изменений в комплексе вооружения индейцев-тлинкитов во второй половине XVIII - середине XIX в / А. В. Зорин // Этнографическое обозрение. – 2021. – № 3. – С. 66-82. – DOI 10.31857/S086954150015496-5. – EDNETZIWN.
5. Шишелов, Н.С. Защитное вооружение северных атапасков / Н. С. Шишелов // ParabellumNovum: военно-исторический журнал. – 2019. – № 11(44). – С. 117-129. – EDNYDJGPP.
6. Секой Ф.Р. Изменения в военном деле индейцев Великих Равнин (XVIII- начало XIX вв.) / Пер. с англ. А. В. Зорина. М., 2018. С. 74.
7. Зорин, А.В. Фортификация индейцев тлинкитов / А. В. Зорин // Американистика: Актуальные подходы и современные исследования: Межвузовский сборник научных трудов / Под редакцией Т.В. Алентьевой, М.А. Филимоновой. Том Выпуск 8. – Курск: Курский государственный университет, 2016. – С. 55-69. – EDNXPNNEL.
8. Оришев, А.Б. История: от древних цивилизаций до конца XX века: Учебник / А. Б. Оришев, В. Н. Тарасенко. – Москва: Издательский Дом «Инфра-М», 2020. – 276 с. – ISBN 978-5-369-01828-6. – EDNBSAZGW.
9. Долгих Ф.И., Ишутин А.А., Мажников В.И., Могучев Р.С., Саевская М.А. Обществознание: учебник. Москва: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2024. 556 с.
10. Воробьев, М.В. Русская народная культура в системе дополнительного образования / М. В. Воробьев, Н. А. Опарина // Антропологическая дидактика и воспитание. – 2024. – Т. 7, № 5. – С. 80-93. – EDNKMKTFT.

УДК 81:930

ИССЛЕДОВАНИЕ РОССИЙСКОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ XIX ВЕКА В. П. ВАСИЛЬЕВЫМ: НА ОСНОВЕ МОНОГРАФИИ ЧЖАО ЧУНЬМЭЙ «В.П. ВАСИЛЬЕВ И КИТАЙ»

Автор: Лю Сяюй

ФБГОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Россия (420008, Казань, ул. Кремлёвская, 18), аспирант 3 курса кафедры отечественной истории и архивоведения, dearfriend93@icloud.com

Научный руководитель: Сальникова Алла Аркадьевна

ФБГОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Россия (420008, Казань, ул. Кремлёвская, 18), доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и архивоведения, Alla.Salnikova@kpfu.ru

Аннотация. Данная работа посвящена анализу роли и научного вклада В. П. Васильева в российское китаеведение XIX века на основе монографии ЧжаоЧуньмэй «В. П. Васильев и Китай» (2007). Основываясь на методах историографического анализа, автор рассматривает исследования В. П. Васильева в области истории, религии и литературы Китая, подчёркивая значение его трудов по буддологии и истории китайской литературы для российской науки. Особое внимание уделяется анализу научной личности учёного и его заинтересованного и небезразличного подхода к предмету изучения. Монография ЧжаоЧуньмэй представляет собой важный вклад в систематическое изучение творчества В. П., его вклада в российское китаеведение и закладывает прочную основу для дальнейших исследований.

Ключевые слова: ЧжаоЧуньмэй; В.П. Васильев; российское китаеведение; история китайской литературы; буддология

STUDY OF RUSSIAN SINOSTUDY OF THE XIX CENTURY BY V. P. VASILIEV: BASED ON THE MONOGRAPH BY ZHAO CHUNMEI «V. P. VASILIEV AND CHINA»

Author: Liu Xiaoyu

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kazan (Volga Region) Federal University", Kazan, Russia (420008, Kazan, Kremlevskaya St., 18), 3rd year postgraduate student of the Department of Russian History and Archival Science, dearfriend93@icloud.com

Scientific supervisor: Alla Arkadyevna Salnikova

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kazan (Volga Region) Federal University", Kazan, Russia (420008, Kazan, Kremlevskaya St., 18), Doctor of

Abstract. This work is devoted to the analysis of the role and scientific contribution of V. P. Vasiliev to Russian Sinology of the 19th century based on the monograph by Zhao Chunmei «V. P. Vasiliev and China» (2007). Based on the methods of historiographic analysis, the author examines V. P. Vasiliev's research in the field of history, religion and literature of China, emphasizing the importance of his works on Buddhology and the history of Chinese literature for Russian science. Particular attention is paid to the analysis of the scholar's scientific personality and his interested and caring approach to the subject of study. Zhao Chunmei's monograph is an important contribution to the systematic study of V. P.'s work, his contribution to Russian Sinology and lays a solid foundation for further research.

Keywords: Zhao Chunmei; V. P. Vasiliev; Russian Sinology; history of Chinese literature; Buddholog

В системе исследований российского китаеведения в Нанькайском университете доцент ЧжаоЧуньмэй является видным специалистом по творчеству В. П. Васильева и российскому китаеведению XIX века. В 2007 году на основе своей кандидатской диссертации она завершила монографию «В. П. Васильев и Китай», которая была издана издательством «Сюэюань» (Пекин). Объем книги составляет 219 страниц. Судя по названию и содержанию, данное исследование является не только монографическим исследованием по российскому китаеведению, но и биографическим и научным исследованием, посвящённым деятельности российского китаевода.

Василий Павлович Васильев (1818–1900) был выдающимся ученым, ставшим одним из основоположников Санкт-Петербургской школы научного китаеведения в ключевой период развития этой дисциплины в России [1, с. 296]. В период обучения в Императорском Казанском университете он получил систематическое образование в области китаеведения, в ходе которого сформировал глубокий интерес к истории, религии и литературе Китая и добился определённых научных результатов. В дальнейшем, занимаясь преподаванием и научными исследованиями в Санкт-Петербурге, В. П. Васильев продолжал активно развивать свои научные достижения. Как отмечает российский исследователь: «с одной стороны, как бы восполнили те пробелы, которые были в нашей науке о Китае, а с другой — заложили прочный фундамент русской буддологии, истории китайской литературы, источниковедения истории Китая» [2, с. 30]. Именно благодаря этим выдающимся заслугам научный авторитет В. П. Васильева постоянно возрастал, и он стал признанным специалистом в данной области. Как отмечает Н. В. Петухова, «во второй половине XIX в. В. П. Васильев был для широкой читающей публики едва ли не единственным признанным авторитетом по Китаю» [3, с. 18]. Этой оценке созвучно и утверждение

Чжао Чуньмэй в её монографии «В. П. Васильев и Китай», где она подчеркивает: «Именно в этот период окончательно утвердился и укрепился статус В. П. Васильева как признанного мастера китаеведения» [4, с. 14–15].

В монографии «В. П. Васильев и Китай» Чжао Чуньмэй с филологической точки зрения и источниковедения обобщает три основных направления научной деятельности Василия Васильева: исследование истории Китая, систематическое изложение китайской религии и перевод с комментированием китайской литературы. В частности, в разделе, посвящённом изучению истории Китая, доцент Чжао проводит сопоставление взглядов китайских историков с позицией В. П. Васильева, подтверждая тем самым научную обоснованность его историографического подхода, но также указывает на отдельные ошибки в изложении фактов, в частности в труде «Русско-китайские трактаты» [5]. Таким образом, книга не только систематизирует основные достижения В. П. Васильева как китаевода, но и посредством детального сопоставительного анализа раскрывает как его научный вклад, так и определённые ограничения. Доцент Чжао Чуньмэй подводит итог: исследования В. П. Васильева «заложили прочную источниковедческую основу на китайском языке для дальнейшего развития российского китаеведения в области изучения истории Китая во второй половине XIX века». Что касается изучения китайской литературы, доцент Чжао обобщает взгляды В. П. Васильева, отмечая, что они выражаются, прежде всего, в характеристике природы и специфики китайской литературы, в определении её внутреннего содержания, а также в осмыслении соотношения между китайской и зарубежной литературой. Она подчёркивает, что труды В. П. Васильева в данной области «оказали методологическое влияние на последующее поколение китаеведов, занимавшихся исследованием китайской литературы».

В области религиозных исследований наибольшее достижение В. П. Васильева связано с изучением буддизма. Он стал первым российским учёным, который системно анализировал китайский буддизм как самостоятельную философско-религиозную систему, и был справедливо признан «родоначальником буддологии в России» [6, с. 104]. Достижения В. П. Васильева в области буддологических исследований, включая ряд неопубликованных рукописей, и подробно раскрыла основные положения его буддийской мысли. Её работа также подтверждает вывод В. Л. Успенского о том, что именно В. П. Васильев положил начало академической традиции изучения буддизма в России [7, с. 112].

Кроме того, В. П. Васильев считается автором «первой в мире всеобъемлющей истории китайской литературы, которая была написана на 24 года раньше аналогичных трудов, созданных китайцами» [8, с. 163].

Поэтому, в связи с этим Чжао Чунмэй в своих исследованиях китайской литературы сосредоточила внимание, прежде всего на «Очерке истории китайской литературы» В. П. Васильева. Она обобщила взгляды учёного на литературу, подчеркнув, что они проявляются в характеристике китайской литературы, в определении её содержательной природы, а также в рассмотрении взаимоотношений китайской и зарубежной литератур. Она подчёркивает, что труды В. П. Васильева в данной области «оказали методологическое влияние на последующее поколение китаеведов, занимавшихся исследованием китайской литературы».

Наконец, в послесловии к монографии «В. П. Васильев и Китай» Чжао Чунмэй даёт обобщающую характеристику научной личности и эмоционального настроения В. П. Васильева. По её мнению, он «был исполнен любви к предмету своих исследований, но в то же время проникнут глубокой разочарованностью».

Такие деятели, как эксперт Министерства финансов по экономическим вопросам Д. И. Менделеев и дипломат Ф. Ф. Мартенс, в значительной степени под влиянием В. П. Васильева стремились представить китайскую культуру и сам Китай российскому обществу в более объективном и достоверном свете. По этому поводу Чжао Чунмэй отмечает: «Заслуга В. П. Васильева заключается в том, что он помог российскому обществу лучше понять Китай».

В заключение следует отметить, что монография Чжао Чунмэй представляет собой первую в Китае систематическую работу, посвящённую изучению В.П. Васильева, и обладает важной научной ценностью. Оно не только заполнило пробел в систематическом исследовании его наследия, но и глубоко проанализировало научную среду и становление его китаеведческой мысли, позволив китайским учёным и читателям получить более всестороннее представление о научных достижениях этого китаеведа. Кроме того, книга предоставляет богатый корпус источников и тем самым закладывает документальную основу для дальнейшего изучения В. П. Васильева и его научной системы.

Список литературы

1. Янь Годун. История российского китаеведения. Пекин: Народное издательство. 2006. 731 с. [阎国栋, 《俄罗斯汉学史》]
2. Мясников В. С. Россия и Восток. Становление отечественного китаеведения // Перспективы. Электронный журнал. 2017. № 1(9). С. 20–39.
3. Петухова Н. В. Развитие китаеведения как науки в России в середине — второй половине XIX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2014. № 4. С. 15–22.

4. Чжао Чуньмэй. В. П. Васильев и Китай. Пекин: издательство «Сюэюань». 2007. 219 с. [赵春梅, 《瓦西里耶夫与中国》]
5. Васильев В. П. Открытие Китая и другие статьи академика В. П. Васильева. СПб. 1900
6. Завадская Е. В. В. П. Васильев – родоначальник буддологии в России // История и культура Китая (сборник памяти академика В. П. Васильева) / Академия наук СССР, Институт востоковедения; [отв. ред. Л. С. Васильев]. М.: Наука, 1974. С. 104–118.
7. Успенский В. Л. Жизнь и труды академика Василия Павловича Васильева: размышления по поводу 200-летнего юбилея // Новый исторический вестник. 2019. № 2(60). С. 108–120.
8. Чжао Чунмэй. Краткое рассуждение об «Очерке истории китайской литературы» В. П. Васильева // Вестник Северо-Западного университета. 2005. Т. 35. № 5. С. 163–168. [赵春梅, 简论瓦西里耶夫的《中国文学史纲要》]

УДК 94(470)"16/18"

**ЛЮДОВИК XIV ГЛАЗАМИ РУССКОГО ДИПЛОМАТА XVII В.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОТЧЕТА П.И. ПОТЕМКИНА)**

Автор: Мирка Даниил Николаевич

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса Института механики и энергетики имени В.П. Горячкина, DanMir20006@yandex.ru

Научный руководитель: Миролюбов Иван Андреевич

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, mirolyubov@rgau-msha.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу отчета дипломата XVII в. П.И. Потемкина о своей поездке во Францию, где он представлял интересы царя Алексея Михайловича и Русского царства. Отчет является не только ценным источником по истории внешней политики России накануне Петровской эпохи, но и важным свидетельством об изменениях в отечественной культурной жизни. Дипломат живо интересуется культурой и повседневностью Французского королевства, где в это время правит король Людовик XIV – одна из ярчайших фигур европейского абсолютизма. Описание французского короля русским дипломатом тем интереснее, что на время правления царя Алексея Михайловича приходится становление системы абсолютизма в России. Соответственно, портрет французского короля имел для царя значение в рамках выстраиваемого политико-культурного диалога.

Ключевые слова: П.И. Потемкин; царь Алексей Михайлович; Людовик XIV; внешняя политика Русского царства

**IMAGE OF THE TZAR'S PALACE IN KOLOMENSKOYE IN THE
"GREETING..." OF SYMEON POLOTSKY**

Author: Mirka Daniil Nikolaevich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), student, Institute of Mechanical and Power Engineering named after V.P. Goryachkin, DanMir20006@yandex.ru

Scientific supervisor: Mirolyubov Ivan Andreevich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), Candidate of Sciences in History,

Abstract. This article analyzes the report of the 17th century diplomat Pyotr Potemkin about his trip to France, where he represented the interests of Tsar Alexey Mikhailovich and the Russian Tsardom. The report is not only a valuable source on the history of Russian foreign policy on the eve of the Peter the Great era, but also important evidence of changes in Russian cultural life. The diplomat is keenly interested in the culture and everyday life of the French Kingdom, where King Louis XIV, one of the most prominent figures of European absolutism, reigned at that time. The description of the French king by the Russian diplomat is all the more interesting since the reign of Tsar Alexey Mikhailovich marked the formation of the absolutist system in Russia. Accordingly, the portrait of the French king was important for the Tsar within the framework of the political and cultural dialogue being built.

Keywords: P.I. Potemkin; Tsar Alexey Mikhailovich; Louis XIV; foreign policy of the Russian Tsardom

Время правления царя Алексея Михайловича (1645–1676 гг.) отмечено интенсивной внешней политикой и выстраиванием системы отношений России с европейскими государствами, что во многом предвосхищает внешнеполитический курс его сына, императора Петра Великого. Стоит отметить, что с середины XVII в. ведущую роль в правительстве царя будут играть именно дипломаты, главы Посольского приказа – А.Л. Ордин-Нащокин и затем сменивший его А.С. Матвеев. Частыми были как встречи царем дипломатических миссий иностранных государств [1], так и отправки за границу русских дипломатов. Среди прочего, в 1667–1668 гг. П.И. Потемкин посетил Испанию и Францию, что было им затем описано в подробном отчете («статейном списке»). Целью визита было налаживание торговых связей и поиск союзников для противостояния с Османской империей [2, с. 368–369]. Визит П.И. Потемкина во Францию тем более интересен, что в это время там правит король Людовик XIV, с именем которого связывается установление абсолютизма [3]. Абсолютистские тенденции были свойственны и стилю правления царя Алексея Михайловича, что способствовало определенному заочному диалогу двух монархов, который был отчасти очевиден уже современникам событий [4, с. 538]. Таким образом, отчет Потемкина приобретает характер важного источника по истории внешней политики России, а также культурной и политической жизни Европы XVII в.: дипломат, обладая острым умом и наблюдательностью, подробно описал французский двор, архитектуру, обычаи и самого короля, что позволяет современным исследователям получить представление о восприятии Франции русскими того времени. Кроме того, это едва ли не первое описание короля-«Солнца» в русской литературе. На этом вопросе и сосредоточим внимание. При работе с отчетом

Потемкина опираемся на его публикацию: [5, с. 227–315].

Король появляется на страницах отчета Потемкина нечасто, при этом упоминания его официальные, в соответствии с жанром произведения: «Великий государь ваш Лодвик, король Французской и Наварской и иных, его королевское величество». Интересно, впрочем, что титул французского короля часто соседствует с титулом царя Алексея Михайловича, который Потемкин приводит более пространно, явно показывая преимущество своего государя перед иностранцем: «Посланы [мы] от великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, и многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчича, и дедича, и наследника, и государя, и обладателя, от его царского величества» [5, с. 227–228]. Этот момент особенно важен в контексте настойчивых требований Потемкина к французским коллегам о написании полного титула Алексея Михайловича в ответных грамотах [5, с. 279–295].

Аудиенция у короля состоялась 25 августа 1668 г., в Сен-Жерменском дворце близ Парижа. Потемкин описывает ее довольно подробно, однако о короле дает сравнительно мало сведений [5, с. 254–260]. Отмечаются такие детали его внешнего вида как шляпа и перчатки. В соответствии с церемониалом король несколько раз снимал шляпу: при приветствии послов, при расспросах о здоровье Алексея Михайловича, при приеме грамоты от него и при прощании с послами. Принимая грамоту, король также снял перчатку; при этом Потемкин отмечает такой уважительный по отношению к русской стороне жест: грамоту король держал в руке во все время аудиенции. Отмечается и благосклонность, с которой король принял поднесенные ему дары. В целом, описание короля дает достаточно благоприятный образ, что, вероятно, соответствует действительности и задачам французского правительства: наладить торговые связи с Россией [6, с. 230–238; 2, с. 368]. Подробное описание самого короля, видимо, не входило в задачу Потемкина, так как ему были переданы в качестве подарка портреты короля, его супруги и сына [5, с. 297]; соответственно, наружность французского монарха вполне могла быть известна Алексею Михайловичу из иллюстративных источников.

Описанием множества сановников Потемкин создает портрет могущественного правителя. Однако здесь есть и место для критики. На пути в Париж с русскими дипломатами произошел неприятный инцидент: с них была взята пошлина по причине наличия у них драгоценных окладов на иконах. Лаконичный Потемкин в своем отчете полностью цитирует свою резкую отповедь откупщику, взимавшему пошлину; в ней он, среди прочего, обличает его «безстыдство и нрав зверской» [5, с. 236–237]. Впрочем, позже, уже в Париже, по распоряжению короля, дипломатам были переданы:

извинительная речь и возмещена сумма, выплаченная в виде пошлины [5, с. 236–237]. Это, вероятно, должно было сгладить впечатление об инциденте, но не стереть память о нем вовсе, коль скоро Потемкин все же внес информацию о нем в свой итоговый отчет. Эпизод этот до некоторой степени бросает тень на «самодержавие» Людовика.

Отражением стиля правления Людовика XIV были его резиденции, из которых наиболее знаменитая – Версаль. Во время визита Потемкина Версаль еще строился, так что осмотреть его русские дипломаты не могли. Впрочем, они посетили иные резиденции, в т.ч. упомянутый Сен-Жерменский дворец. Неоднократно упоминаются «походы» короля и его двора в загородные резиденции [5, с. 252]. Описывается также паломничество королевы и старшего сына короля в «кляштор» (монастырь Нотр-дам-де-Грас в Ложе); при этом Потемкин отмечает впечатлившую его многочисленную свиту. Представители французской стороны не без гордости отмечали: «Как де их королевское величество изволят, бывает того и меньши, а в иное время человек по сту и больши бывает рейтар и пехоты за королевским величеством; а естли де дальней поход, и в то время бывает человек по тысяче и больши» [5, с. 296]. Такие моменты, фиксирующие пышность французского двора, превосходящую представление Потемкина, довольно редки в его отчете. К примеру, он не зафиксировал отмеченные в отчете французской стороны беседы про интерьер в одной из королевских резиденций. Представители французской стороны задали несколько ехидный вопрос, располагает ли царь Алексей Михайлович такими же элементами декора и утвари; Потемкину пришлось отвечать утвердительно [7, с. 80]. Ответ Потемкина, впрочем, не был вызван одним желанием «не уронить лица», но и зафиксировал подлинный интерес царя к европейским предметам, которые вполне фиксируются среди дворцовой обстановки. В этом смысле французский король мог выступать в качестве образчика для подражания, и те сведения, которые не были внесены в отчет, могли быть переданы устно.

Очевиден для читателя отчет П.И. Потемкина интерес дипломата к садовым и парковым пространствам королевский усадеб: «у того ж королевского двора (в Париже – Д.М.) сады строят великие, воды в тех садах взводные розными образцы»; «в потешных королевских дворех (т.е. в загородных резиденциях – Д.М.) ... всяких доброплодных древ множество, винограду, винных, миндальных ядр и ягод, лимонов, яблок, груш, дуль великих, слив розных, орехов грецких без числа много, цытронов, гранатов, аранцов и иных овощей» [5, с. 314–315]. Здесь отчет неспроста приобретает характер детального перечисления – очевидно его стремление передать точное описание садов и парков французского короля царю Алексею

Михайловичу, который в это время был занят обустройством усадьбы в Коломенском – своей парадной загородной резиденции [8]. В качестве сообщения, интересного для царя в контексте создания загородных усадеб, стоит рассматривать и сообщение Потемкина о птичниках французского короля: «Птиц индейских из восточной и из западной Индей, и которые во всей Италии и во Французской земле есть, и тех всяких птиц у королевского величества много...» [5, с. 315].

Суммируя свои впечатления о Французском королевстве, Потемкин считает нужным указать на распространение здесь католической веры «под папвою папы римского». Более того, дипломат указывает на особо теплые отношения короля и римского понтифика, коль скоро второй даже окрестил сына короля, Людовика Великого Дофина, и включил свое имя в его – Людовик-Клемент-Август (что вызвало у русских дипломатов ироничный вопрос о необходимости трех имен у «королевича» [5, с. 312]). Нарочитое подчеркивание приверженности Французского королевства под властью Людовика XIV, вероятно, стоит рассматривать в контексте стремления отменить свободу вероисповедания для гугенотов (французских протестантов), что в итоге было оформлено в 1685 г. в Эдикте Фонтенбло [9].

Характеризуя французов далее, Потемкин отмечает их просвещенность: «Люди во Французском государстве человечны, и ко всяким наукам, к философским и к рыцарским, тщательны. Из ыных государств во Французскую землю, в город Парис и в ыныегорода, приезжают для науки философской и для ученья ратного строя королевичи и великородные и всяких чинов люди, потому что город Парис великой и многолюдной и богатой, и школ в нем безмерно много, студентов в Парисе бывает тысяч по тритцети и больши» [5, с. 314]. Интерес Потемкина к наукам и искусствам примечателен в контексте его личного любопытства. Известно, что он посещал театральные постановки и видел пьесу Ж.-Б. Мольера. Сам Потемкин не отмечает этого факта в своем отчете, в чем вероятно, стоит видеть его неуверенное отношение к этому виду искусства – в России оно еще не относилось к числу привычных, т.к. первый придворный театр откроется усилиями А.С. Матвеева лишь через несколько лет после описываемых событий. Однако посещение спектаклей фиксирует «Журнал» французского чиновника Като, сопровождавшего русских дипломатов [7, с. 80]. Этот источник отмечает положительное впечатление Потемкина, что указывает на открытость русского дипломата к европейским новинкам и определенные изменения в культурный жизни России. Упоминание о многочисленных студентах свидетельствует не только об интенсивной научной жизни Парижа, но и создает образ Людовика XIV как просвещенного монарха, покровителя наук и искусств. Это замечание важно

в контексте кругозора и интересов самого царя Алексея Михайловича. Известно, что царь испытывал большой интерес к истории, который имел вполне очевидный смысл: это поиск образцов правления. Точкой сближения для французского короля и русского монарха были персоналии античной истории, например – Александр Македонский, к образу которого неоднократно обращался главный придворный художник французского короля, Шарль Лебрен. Изображения Александра и сюжетов из его биографии встречались и в летней загородной резиденции царя, в Коломенском дворце. Там же присутствовало изображение другого выдающегося государственного деятеля античного мира – Гая Юлия Цезаря [10, с. 19–20]. Тем более любопытным, вероятно, была генеалогическая претензия французских Бурбонов, зафиксированная Потемкиным: «король де французской Лодвик от Августа, цесаря римского корени» [5, с. 313]. Также в своем творчестве Лебрен обращался к фигуре Константина Великого [11, р. 341–343], первого римского императора-христианина, которого Алексей Михайлович почитал как образец для подражания [12; 13; 14].

Подведем итоги. Отчет П.И. Потемкина, являющийся официальным документом о посольской миссии во Францию, является важным источником для понимания мировоззрения и кругозора жителя Русского царства XVII в. Интересен портрет Людовика XIV – крупнейшего европейского монарха этой эпохи – с его точки зрения. Людовик изображен могущественным королем, подчеркивающим силу своего государства через пышность двора, многолюдство свиты и роскошь своих резиденций. Дипломат отмечает такие его свойства как религиозность, просвещенность и любовь к природе, выражающуюся в привычке жить за городом, в окружении садово-парковых пространств. Образ Людовика, нарисованный Потемкиным, обнаруживает некоторое сближение с кругозором самого царя Алексея Михайловича, что указывает на их возможный заочный диалог и стремление русского монарха учесть опыт и наработки своего французского «коллеги».

Список литературы

1. Базулин А. П. Повседневная жизнь царя Алексея Михайловича по данным «Сказания» Якоба Рейтенфельса // История повседневности: человек в истории: сборник статей. Москва: Научная библиотека, 2024. С. 18–24.
2. История внешней политики России: в 5 т. Т. 1. Конец XV–XVII век (от свержения ордынского ига до Северной войны). М.: Академический проект; Парадигма, 2018. 436 с.
3. Блюш Ф. Людовик XIV. М.: Ладомир, 1998. 815 с.
4. Козляков В.Н. Царь Алексей Тишайший: летопись власти. Москва: Молодая гвардия, 2018. 649 с.

5. Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: статейные списки. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1954. 491 с.
6. Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году: открытие Арктики французами в XVI веке. Москва: Новое литературное обозрение, 2017. 501 с.
7. Володина Т.В. Русский человек в Западной Европе (по материалам «Статейного списка» П.И. Потемкина и «Журнала» Като) // Вестник НовГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2003. № 24, стр. 75–81.
8. Миролубов И.А. Усадьбы царя Алексея Михайловича как агропромышленные комплексы XVII века // Аграрное предпринимательство: история, тренды, горизонты развития: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 09–10 октября 2024 года. Москва: РГАУ, 2024. С. 34–38.
9. Новодержкин Н.А., Попова Е.А. «Эдикт Фонтенбло» и его историческое значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. №4. С. 341–350.
10. Чаев Н.А. Описание дворца царя Алексея Михайловича в селе Коломенском. М.: Университетская типография, 1869. 39 с.
11. Tapestry in the Baroque Threads of Splendor / ed. by T.P. Campbell. New York: Metropolitan Museum of Arts; New Heaven–London: Yale University Press, 2007. 563 p.
12. Миролубов И.А. О практике ношения диадемы Константином Великим // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 1. С. 52–58.
13. Миролубов И.А. Осмысление личности императора Константина Великого в IV–V вв. // Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций: сборник статей. СПб.: Издательство РХГА, 2023. С. 335–349.
14. Скрипкина Е.В. Царь Алексей Михайлович – «Новый Константин»: Византийский образец власти в русской практике третьей четверти XVII в // Омский научный вестник. 2012. №1 (105). С. 12–15.

НЕОЯЗЫЧЕСТВО В ИДЕОЛОГИИ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Автор: Мусабекова Анастасия Игоревна

Технологический колледж ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет - МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127550, Москва, ул. Прянишникова, д.14, строение 6(21 учебный корпус)), студентка 1-го курса специальности «Строительство и эксплуатация зданий и сооружений», anastasia.musabekova@mail.ru

Научный руководитель: Сакаев Василь Тимерьянович

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории

Аннотация. Данная статья нацелена на освещение корней идеологии, используемой нацистской Германией во времена расцвета Третьего рейха. Автор постарался описать причины появления неоязыческих убеждений лидеров нацистского режима, их чрезмерную заинтересованность оккультной деятельностью. Показано влияние на это индустриализации, происходившей с начала XIX века. Также в статье затронуты вопросы влияния европейского романтизма XVIII–XIX веков на формирование неоязычества, вопросы национальной идентичности немцев, живущих в Германской империи и в Австрии, в сердце которой зарождались на протяжении всего XIX века идеи арийского превосходства, порождавшие в том числе антисемитизм. Основной результат статьи – вывод, что многомиллионная нация вверила свою жизнь диктаторскому режиму из-за определенных особенностей психологии толпы, обуславливающей неспособность людей того времени принять факт быстрого развития промышленности, науки и культуры, соответственно, из-за чего легче было поверить в мистику, высших богов и свою причастность к некой «чистой» арийской расе.

Ключевые слова: неоязычество; идеология; фашизм; нацизм; Третий рейх; Германия; Австрия

NEO-PAGANISM IN THE IDEOLOGY OF NAZI GERMANY

Author: Musabekova Anastasia Igorevna

Technological College of the Russian State Agrarian University named after K.A. Timiryazev, Moscow, Russia (127550, Moscow, Pryanishnikova str., 14, building 6 (21 academic building)), 1st year student specializing in "Construction and Operation of Buildings and Structures", anastasia.musabekova@mail.ru

Scientific supervisor: Sakaev Vasil Timerjanovich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, sakaev2003@mail.ru

Abstract. This article aims to highlight the roots of the ideology used by Nazi Germany during the heyday of the Third Reich. The author has tried to uncover and analyze the reasons for the emergence of neo-pagan beliefs of the leaders of the Nazi regime, their excessive interest in occult activities. The involvement of industrialization, which has been taking place since the beginning of the 19th century, is shown. The article also touches upon the influence of European Romanticism of the XVIII-XIX centuries on the formation of neo-Paganism, issues of the national identity of Germans living in the German Empire and Austria, in the heart of which ideas of Aryan superiority originated throughout the XIX century, giving rise to anti-Semitism. The main scientific result of the article is the conclusion that a nation of millions entrusted its life to a dictatorial regime due to certain features of crowd psychology, which caused the inability of people of that time to accept the fact of the rapid development of industry, science and culture, respectively, which made it easier to believe in mysticism, higher gods and their involvement in the "pure" the Aryan race.

Key words: neo-paganism; ideology; fascism; Nazism; the Third Reich; Germany; Austria

Немецкое неоязычество смешало в себе крайне правые взгляды, прославление скандинавских богов, «первородную» землю-Атлантиду и арийский миф, основывающийся на божественном создании арийской расы. Возникает противоречие: как мощная индустриальная держава, которая развивала мировую науку на протяжении всего XIX столетия, пришла к подобной идеологии и поддержке паранаук.

Зарождение немецкого неоязычества. Можно выделить несколько причин, провоцирующих популяризацию неоязычества среди немецкого населения Германской империи и Австрии. Первая причина связана с развитием европейского романтизма в период XIX-XX веков. Проблематика национальной идентичности немцев, связанная, к примеру, с многонациональным составом Австро-Венгрии, приводила к недовольству её основной части населения. Поражение в австро-прусской войне 1866 г. и решение, которое сделало чешский и немецкий языки одновременно официальными в 1897 г., постоянный поток мигрантов, преимущественно восточноевропейских евреев, в Цислейтанию (австрийскую часть Австро-Венгрии) – факторы, вызванные многонациональностью Австро-Венгрии, которые не давали покоя австрийским немцам. Соответственно, романтизм со своими мистичностью, популяризацией фольклора и народного единства приводил к образованию германских народных движений «фёлькише»

(нем. Völkische Bewegung).

Второй причиной можно назвать политическое влияние католической церкви. Немецкие националисты вели активную борьбу с католицизмом в Австрии, одним из таких политических деятелей был Георг фон Шёнерер (17 июля 1842-14 августа 1921, нем. Georg von Schönerer, с 1860 по 1888 гг. и с 1917 по 1919 гг. Georg Ritter von Schönerer) – австрийский землевладелец и политик Австро-Венгрии, один из главных сторонников пангерманизма (пангерманизм – это культурное и политическое движение, в основе которого лежит идея политического единства германской нации на основе этнической, культурной и языковой идентичности) и немецкого национализма в Австрии, выступавший за присоединение австрийских немцев и Австрии к Германии в ходе аншлюса. Он стал основателем религиозного движения «Los-von-Rom-Bewegung» («Прочь от Рима») – это движение, созданное ближе к началу XX столетия, в основном политически заинтересованное, которое стремилось поддержать переход из Римско-католической церкви в Евангелическо-лютеранскую или Старокатолическую конфессию» [1]. Шёнерер вел слишком агрессивную борьбу с церковью, священниками и монахами, в итоге движение провалилось. Тем не менее, Шёнерер был личностью, оказавшей большое влияние на молодого Адольфа Гитлера, сам Гитлер выражался об этой антикатолической программе так: «Движение «Прочь от Рима!» было крупной политической ошибкой Шёнерера. Борьба с церковью лишила пангерманцев поддержки многих мелких и средних групп. Пангерманцы совершили эту ошибку, потому что не разбирались в психологии масс. Их борьба против одной конкретной конфессии была тактическим промахом» [2, с. 93]. Но несмотря на полное отрицание своей ненависти к католической церкви в официальных высказываниях, по данным его приближенных, Гитлер начал критиковать церковь еще в молодом возрасте. Как сообщает один из исследователей: «Он считал, что немцы могли бы стать единой нацией и достичь более высокого уровня культуры, если бы остались верны германской мифологии. Католицизм пролил больше крови, чем любая другая религия. Аноним из Брюнна вспоминает 1912 год: «Гитлер сказал, что больше всего вреда немецкому народу принесло принятие христианского смирения, поскольку оно вовсе не христианское, а «происходит от восточной лени»» [2, с. 93]. Гитлер усвоил ошибки немецких националистов и антисемитов, идеями которых он интересовался и вдохновлялся. Соответственно, после прихода к власти в Третьем Рейхе, он не вел прямую борьбу с церковью, хоть и ненавидел ее, по-видимому, считая, что народом, которому запрещают веровать в Бога, намного труднее управлять.

Третьей причиной является действительная заинтересованность

некоторого числа нацистских лидеров личностей в магии, эзотерике и мистике, которая проявлялась в создании отдельных сообществ эзотерики. Официально нацистская Германия была христианской нацией. По переписи населения 1939 года состав Германии был таков: 54% населения считали себя протестантами, 41% считали себя католиками, 3,5% идентифицировали себя как *gottgläubig* (покинувшие христианскую конфессию, но верующие в другого божественного творца), и 1,5% идентифицировали себя как «атеисты» [3]. Одновременно с этим были запрещены какие-либо религиозные меньшинства, а также относящиеся к язычеству и оккультизму: свидетели Иеговы, вера Бахаи, астрологи, гадалки, колдуны, целители[4]. Связано это было в первую очередь с тем, что правительство не хотело, чтобы с ним ассоциировалась какая-либо оккультная деятельность.

Развитие оккультизма. Преследования оккультистов при этом никак не мешали существованию такой организации, как «Аненербе» (нем. Ahnenerbe – «Наследие предков»). Эта организация имела прямую связь с нацистскими лидерами, и хоть Гитлер негативно высказывался о деятельности этого объединения, критикуя первого руководителя «Аненербе» Германа Вирта, но он при этом ни как не пытался препятствовать одному из своих ближайших приближенных – Генриху Луитпольду Гиммлеру (нем. Heinrich Luitpold Himmler, 6 января 1929-29 апреля 1945) сделать Аненербе частью СС (нем. Schutzstaffel – «отряды охраны» - организация признанная Нюрнбергским трибуналом преступной) – военизированные формирования Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП - организация признанная Нюрнбергским трибуналом преступной). Гиммлер являлся одной из самых активных личностей из политиков Третьего Рейха, связанных с оккультной деятельностью. Первоначальной задачей Аненербе было доказательство теории расового превосходства германцев, но в дальнейшем она как часть СС занималась пропагандой среди ее бойцов: снимали тематические фильмы, писали учебно-воспитательные программы, каждому члену СС преподавали эпос «Эдда» (сборник древнескандинавских эпических песен о богах и героях) и обучали чтению рун [5].

Одновременно с существованием «Аненербе» оккультной деятельностью занималось «Общество Туле» (нем. Thule-Gesellschaft), связанное с теософией, основателем которого является Рудольф фон Зеботтендорф (нем. Rudolf von Sebottendorf). Истоками всего этого можно найти, в том числе, в творчестве Елены Блаватской - русской эмигрантки, которая основала Теософское общество в Соединенных Штатах в конце XIX столетия. Теософия, которая имеет прямое отношение к развитию оккультизма в Германии XIX-XX веков, строилась на религиозных трудах

индуизма и буддизма, а основные исследования Елены Блаватской якобы относились к древним знаниям Тибета. Теософия не является религией, это учение, которое якобы должно объяснить далекое прошлое человечества, сопоставить связь существования космоса и его отношение к Богу и людям, процесс перевоплощения душ после смерти [6].

Иными словами, теософия провозглашалась одним из способов объяснения вещей, неподвластных человеческому мозгу. На основе учений Блаватской формируется «Общество Листа» и ариософия (нем. *Ariosophie*) или арманизм (нем. *Armanenschaft*).

Эзотерическое расистское этнонационалистическое учение, созданное австрийскими оккультистами Гвидо фон Листом и Йоргом Ланцем фон Либенфельсом в Австрии между 1890 и 1930 годами, было уже скорее не религиозным, а националистическим. С помощью теософии Е. Блаватской, Лист и Либенфельс описали доисторический «арийский» золотой век, обожествили арийскую расу и через оккультные доктрины оправдывали якобы существующую потребность в истреблении людей «неарийского» происхождения [5, с. 10]. По мнению автора нет необходимости восстанавливать хронологию исторического развития эзотерических учений, включающую большой список организаций и личностей, занимающихся этой оккультной тематикой, намного правильнее было бы обозначить значимые действия со стороны этих организаций, повлиявшие на идеологию Третьего Рейха.

По официальным данным было издано более 121 работы Елены Блаватской, посвященных оккультной тематике; Ланц фон Либенфельс написал более тридцати трактатов; Гвидо фон Лист регулярно печатал свои статьи в городских газетах Австрии «Heimat» («Родина»), «Deutsche Zeitung» («Немецкая газета») и др.

Известно, что Адольф Гитлер точно общался лично как минимум с одним из них – в 1909 г. он посещал редакцию Либенфельса в Родауне, что было зафиксировано в интервью, которое давал Либенфельс и подтверждено словами очевидцев [5, с. 20]. Гитлер очень интересовался журналом «Ostara» Ланца. Вероятнее всего именно расовые теории этого журнала и оказали первое влияние на Гитлера. Также он был хорошо знаком с основными трудами Гвидо фон Листа – «Арманы ариогерманцев», «Религиозные обряды ариогерманцев» и «Названия германских племён», хотя точных подтверждений личного знакомства Гитлера с Листом нет, но он вполне мог встретиться с ним через Либенфельса, который уже активно участвовал в деятельности организации «Общество Листа» [5, с. 105]. При этом нужно подчеркнуть, что сам Гитлер, по-видимому, публично скорее всего отрицал какое-либо своё взаимодействие либо заинтересованность в эзотерике, ведь

он не только порицал в своих официальных выступлениях оккультистов, но и запрещал оккультную деятельность на государственном уровне [7, с. 90]. При всех этих условиях в дальнейшем некоторые высокопоставленные подчиненные фюрера нередко критиковались за взаимодействие с этой организацией: Рудольф Гесс – правая рука Гитлера, Ганс Франк – один из главных организаторов геноцида в Польше, Альфред Розенберг – ближайший советник Адольфа Гитлера [7, с. 62]. Хотя точно подтвердить невозможно, были ли эти люди участниками данного общества или только гостями на некоторых его мероприятиях.

Из вышеизложенной информации можно выделить тот факт, что чрезмерная схожесть идеологии нацистской Германии и трактатов немецких оккультных сообществ XIX-XX веков не является простым совпадением. Историки подмечают большую схожесть отдельных пунктов партийной программы НСДАП с требованиями Гвидо фон Листа, который в своих работах требовал исключить евреев из общества: пункт 4 – лишить евреев гражданских прав, пункт 5 – подчинить их законам об иностранцах, пункт 6 – лишить их права занимать государственные должности [2, с. 79]. После окончания войны мировое общество стало причислять Гитлера к магам, оккультистам, язычникам. В 1955 г. был выпущен западногерманский фильм «Наpusсен» про известного экстрасенса, сотрудничавшего с нацистами, в 1980 г. вышел в прокат фильм «Корабль смерти» о брошенном фашистском корабле с мистическими призраками, в 1991 г. был выпущен американский кинофильм «Оккультная история Третьего рейха» – это примеры того, как данная тема преподносилась обычным людям, как строились теории заговора о смерти Гитлера, догадки о секретном оружии Третьего рейха и многое другое. Все эти мифы и домыслы создавались из-за сложности восприятия мировой общественностью того факта, как один человек мог подчинить себе Германию и начать воплощать идею о «тысячелетнем рейхе» приведшей ко Второй мировой войны и преступлениям против человечности [7, с. 24].

Влияние неоязычества. Неоязычество, давшее почву для развития убеждений немецких оккультных объединений, также оказало прямое влияние на идеологию Третьего рейха в связи с личной заинтересованностью Гитлера в изучении жизненной позиции и взглядов ведущими ариософов Вены – Гвидо фон Листа и Йорга Ланца фон Либенфельса. При этом, по-видимому, он не являлся последователем оккультных организаций, его отношение к религии и мистицизму ориентировалось в первую очередь на собственные политические цели, строящиеся на идеях «тысячелетнего рейха» и превосходстве арийской расы, которые, тем не менее, также можно интерпретировать как часть оккультных истин. Лидера нацистской Германии заботили прежде всего политические и экономические проблемы из-за чего

мы можем заключить, что присутствие некоторых оккультных идей, основанных на неоязычестве, в идеологии Третьего Рейха объясняется скорее политической конъюнктурой в политической борьбе с церковью, поскольку католицизм не поддерживал бесчеловечную политику нацизма, а также возможностью легкого манипулирования и навязывания своих убеждений нации, которая переживала кризис из-за проблем быстрой индустриализации, и находила простое решение всех проблем в провозглашении идеи народного единства, фольклоре и мистике, что в свою очередь соединяло в себе неоязычество.

Последствия этой чрезмерной веры в мистику нашли свое отражение в немецком обществе и в послевоенное время. Например, в провинциях Германии фиксировались случаи обвинения в колдовстве, появился термин «Херфордское чудо» – феномен, который получил распространение в послевоенной Германии и заключался в рассказах о внезапных исцелениях [8, с. 69]. В книге «Земля, одержимая демонами» Моника Блэк описывает резкое увеличение инцидентов, связанных с ведьмами, целителями и демонами в населенных пунктах послевоенной Германии [8]. Такой резкий прирост доносов и обвинений соседей в колдовстве был вызван паникой из-за послевоенной разрухи и голода, люди воспринимали действительность как Божью кару и, по-видимому, искали объяснение вещей, непонятных их разуму, в мистике и магии.

Список литературы

1. Баченина В. В. Пангерманское движение Г. фон Шёнерера и национальная идентичность австрийских немцев в 1873 – 1907 гг.: магистерская диссертация / В. В. Баченина ; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт, Кафедра новой и новейшей истории. — Екатеринбург, 2023. - 97 с.
2. Бригитта Х. Гитлер в Вене. Портрет диктатора в юности // AdMarginem. 2016. 567с.
3. Dietmar Petzina, Werner Abelshauser, Anselm Faust Sozialgeschichtliches Arbeitsbuch, Volume III, Materialien zur Statistik des Deutschen Reiches 1914-1945 // Verlag C.H. Beck. 1978. 31 p.
4. Derek Hastings Catholicism and the Roots of Nazism: Religious Identity and National Socialism // Oxford University Press. 2010. 290 p.
5. Гудрик-Кларк Н. Оккультные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию. – М.: Евразия. 1993. 243 с.
6. Блаватская Е. П. «Ключ к теософии» (пер. с англ. К. А. Зайцева). М.: РИПОЛ классик, 2005. - 344 с.
7. Жуков Д. А. Оккультизм в Третьем Рейхе. - М.: Яуза, 2006, 320 с
8. Monica Black Eric Kurlander Revisiting the "Nazi Occult": Histories, Realities, Legacies, Boydell & Brewer. 2015. 306 p.

9. Болгова И. Н. Австро-немецкий национальный вопрос в Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX вв. в памфлете К. Реннера / «CLIMODERNA-3: исторический опыт развития стран Запада и Востока в новое и новейшее время». – Екатеринбург: УрГПУ, 2024. – С. 120-125.
10. Аникеев А. А., Кольга Г. И., Пуховская Н. Е. НСДАП: идеология, структура и функции. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та. 2000. - 304 с
11. Helmut Walser Smith German Nationalism and religious Conflict, Princeton University Press, 1995. 271 p.

СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В РАКУРСЕ АНТРОПОГЕНЕЗА

Автор: Овчинникова Елизавета Михайловна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студентка 1 курса института садоводства и ландшафтной архитектуры, lizok.vetok@gmail.com

Научный руководитель: Сакаев Василь Тимерьянович

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент, sakaev2003@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется процесс становления человеческого общества через призму антропогенеза, раскрывая его как сложный биосоциальный феномен. Показано, что ключевые биологические адаптации (прямохождение, увеличение мозга, развитие речевого аппарата) создали основу для социальной эволюции, в то время как культурные факторы (орудийная деятельность, ритуальные практики) оказывали обратное влияние на биологическую эволюцию. Раскрыта на основе анализа литературы ведущая роль механизма генетико-культурной коэволюции, что подтверждается примерами закрепления признаков. Показано, что социальные структуры (гендерное разделение труда, групповой отбор) повышали адаптивность сообществ, а прерывистость антропогенеза была связана с экологическими кризисами. Продемонстрирована выявленная в науке корреляция технологических революций (олдувай, ашель) с морфологическими изменениями (рост мозга у *Homo erectus*). Описана теория «социального мозга», связывающая размер неокортекса с численностью социальных групп. Показано как альтруизм и кооперация стали результатом группового отбора. Освещена концепция антропогенеза как системного процесса, объединяющего экологические, биологические и социокультурные факторы, что подчёркивает необходимость междисциплинарного подхода к его изучению.

Ключевые слова: антропогенез; эволюция человека; гоминиды; социальные структуры; биосоциальная теория

FORMATION OF HUMAN SOCIETY IN THE ANGLE OF ANTHROPOGENESIS

Author: Elizaveta Mikhailovna Ovchinnikova

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), 1st year student of the Institute of Horticulture and Landscape Architecture, lizok.vetok@gmail.com

Scientific supervisor: Sakaev Vasil Timerjanovich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, sakaev2003@mail.ru

Abstract. The article examines the process of formation of human society through the prism of anthropogenesis, revealing it as a complex biosocial phenomenon. It is shown that key biological adaptations (walking upright, enlarging the brain, developing the speech apparatus) created the basis for social evolution, while cultural factors (tool activity, ritual practices) had the opposite effect on biological evolution. Based on the analysis of the literature, the leading role of the mechanism of genetic and cultural coevolution is revealed, which is confirmed by examples of the fixation of traits. It is shown that social structures (gender division of labor, group selection) increased the adaptability of communities, and the discontinuity of anthropogenesis was associated with environmental crises. The correlation of technological revolutions (olduvai, acheul) with morphological changes (brain growth in *Homo erectus*), revealed in science, is demonstrated. The theory of the "social brain" is described, linking the size of the neocortex with the number of social groups. It has been proven that altruism and cooperation are the result of group selection. The concept of anthropogenesis as a systemic process combining ecological, biological and socio-cultural factors is highlighted, which emphasizes the need for an interdisciplinary approach to its study.

Keywords: anthropogenesis; human evolution; hominids; social structures; biosocial theory

Введение. Антропогенез — процесс эволюционного формирования человека — остается одной из центральных тем междисциплинарных исследований, объединяющих антропологию, генетику, археологию и социологию.

Современные представления об антропогенезе базируются на значительном массиве данных, включая палеонтологические находки, генетические исследования и моделирование культурной динамики. В.П. Алексеев в работе «Становление человечества» [1] детально анализирует морфологические изменения у гоминид, подчеркивая роль климатических факторов в формировании прямохождения и редукции зубного аппарата. С.В. Дробышевский в монографии «Достающее звено» [2] систематизирует палеоантропологические данные, выделяя прерывистый характер эволюции, где периоды стазиса сменялись резкими скачками, связанными с экологическими кризисами. А.В. Марков в фундаментальном труде «Эволюция человека» [3] развивает биосоциальную концепцию, показывая, что биологические и культурные изменения происходили параллельно, взаимно усиливая друг друга.

Особый интерес представляет теория генетико-культурной коэволюции, разработанная Л. Кавалли-Сфорца, которая демонстрирует как

культурные практики (например, скотоводство) влияли на отбор генетических признаков (таких как толерантность к лактозе) [4]. Р. Докинз в концепции «эгоистичного гена» предлагает новый взгляд на эволюцию социального поведения, объясняя альтруизм через механизмы косвенного отбора [5]. Й. Хайду в работе «Дочери Эвы» [6] исследует роль женских особей в антропогенезе, внося важные коррективы в традиционные представления о патрилокальности ранних сообществ.

Палеоэкологические аспекты рассмотрены в работе Н.И. Дроздова [7], который связывает эволюцию гоминид с изменениями ландшафтов Восточной Африки. Археологические свидетельства проанализированы А.П. Деревянко [8], выделяющим технологические революции (олдувайскую, ашельскую, мустьерскую) как ключевые этапы культурного развития. Социальные аспекты эволюции исследованы В.Р. Кабо [9], а когнитивные — С.А. Боринской [10], изучающей генетические основы поведения.

Таким образом, современная наука рассматривает антропогенез как процесс, в котором биологические и социальные факторы действуют совместно, формируя сложную систему адаптаций, приведшую к возникновению человеческой цивилизации.

Биологические основы антропогенеза. Климатические изменения и адаптации ранних гоминид. Около 6–7 миллионов лет назад климат Африки стал суше, леса сократились, и древним приматам пришлось приспосабливаться к жизни в саванне. Именно тогда появилось *прямохождение* — одна из главных черт, отличающих человека от других приматов.

Хожение на двух ногах давало преимущества:

- освобождало руки для переноса пищи и использования орудий;
- позволяло видеть дальше в высокой траве;
- снижало перегрев тела, так как площадь, освещаемая солнцем, уменьшалась.

Однако за эти преимущества пришлось заплатить: сужение таза осложнило роды, а нагрузка на позвоночник увеличила риск заболеваний спины.

Этапы биологической эволюции. Как известно, эволюция гоминид включала несколько стадий: от ранних форм (*Sahelanthropus tchadensis*, *Ardipithecus ramidus*) через *Australopithecus* к роду *Homo* [2]. Ключевыми изменениями стали:

- Увеличение объема мозга (с ~400 см³ у австралопитеков до ~1400 см³ у *Homo sapiens*), связанное с усложнением социальных взаимодействий и орудийной деятельности.

- Развитие кисти — формирование противопоставленного большого

пальца, что позволило осуществлять точные захваты (важно для изготовления орудий).

- Формирование речевого аппарата — опущение гортани и развитие подъязычной кости (гиоид), что сделало возможной членораздельную речь [3].

Основные этапы антропогенеза		
Временные границы	Этапы антропогенеза	Характерные черты развития
40 тыс. лет назад	Стадия неоантропа (кроманьонца) <i>Homo sapiens</i>	Формирование облика современного человека. Возникновение общества. Одомашнивание растений и животных
200—500 тыс. лет назад	Стадия палеоантропа (неандертальца).	Объем головного мозга 1200—1400 см ³ . Высокая культура изготовления орудий труда. Совершенствование речи и племенных отношений
1—1,3 млн. лет назад	Стадия архантропа (питекантропа). Человек прямоходящий (питекантроп — о. Ява; синантроп — Китай)	Объем мозга 800—1200 см ³ . Формирование речи. Овладение огнем
2—2,5 млн. лет назад	Человек умелый <i>Homo habilis</i>	Переходная стадия к формированию типа современного человека. Объем мозга 500- - 800 см ³ . Изготовление первых орудий труда (галечная культура)
5 млн. лет назад	Стадия протантропа . Австралопитеки — предшественники людей	Переходная форма обезьяны к человеку. Прямоходящие. Использование примитивных «орудий»(палки, камни, кости). Дальнейшее развитие стадности
25 млн. лет назад	Общие предки человекообразных обезьян и людей — дриопитеки	Древесный образ жизни, стадность

Рис. 1 – Основные этапы антропогенеза

Развитие мозга и речи. От австралопитеков до *Homo sapiens* мозг увеличился почти в три раза — с 400 см³ до 1400 см³. Почему это произошло?

Одна из теорий — *гипотеза социального интеллекта*. Чем сложнее становились отношения в группе (альянсы, конкуренция, сотрудничество), тем больше требовалось мозговых ресурсов для их обработки. Другая теория связывает рост мозга с *развитием орудийной деятельности* — чтобы изготавливать каменные рубила, нужно было уметь планировать и обучаться.

Ещё одно важное изменение — *формирование речевого аппарата*. Опущение гортани и развитие подъязычной кости позволили нашим предкам произносить сложные звуки, что стало основой языка.

Интересно, что ускорение культурного развития (например, переход к ашельской технологии 1,7 млн лет назад) коррелирует, по мнению ученых, с увеличением мозга у *Homo erectus*, что подтверждает гипотезу о коэволюции биологических и культурных факторов.

Социальные и культурные факторы антропогенеза. Трудовая деятельность. Олдувайская (2,6–1,7 млн лет назад) и ашельская (1,7–0,3 млн

лет назад) культуры демонстрируют прогресс в орудийной деятельности — от простых галечных орудий до симметричных рубил [8]. Труд не только стимулировал развитие мозга, но и требовал когнитивных способностей: планирования, пространственного мышления, обучения через имитацию.

Рис. 2 – Движущие силы антропогенеза

Источник: <https://autosprite.ru/>.

Согласно теории «социального мозга», увеличение неокортекса коррелирует с размером социальных групп, что указывает на взаимосвязь технологического и социального интеллекта.

Социальные и культурные факторы антропогенеза. Первые каменные орудия появились около 2,6 млн лет назад (олдувайская культура). Это были простые скребки и рубила, но считается, что их изготовление уже требовало:

- понимания свойств камня;
- обучения через наблюдение за старшими;
- передачи знаний следующим поколениям.

Позже, около 1,7 млн лет назад, появились более сложные ашельские рубила — симметричные и тщательно обработанные, что говорит о развитии абстрактного мышления.

Роль социальных структур. Люди всегда жили группами, и это давало им преимущество в выживании. Например:

- Разделение труда - мужчины охотились, женщины собирали растения и заботились о детях, что повышало эффективность группы.
- Коллективное воспитание - в отличие от других приматов, у человека дети долго остаются беспомощными, поэтому их воспитание — задача всей общины.

- Ритуалы и религия - погребальные обряды и наскальные рисунки свидетельствуют о развитии символического мышления и верований.

Эволюция и социальные изменения. Генетико-культурная коэволюция. Культура не просто дополняла биологическую эволюцию — она влияла на неё. Например:

- Лактозная переносимость - у народов, занимавшихся скотоводством, закрепилась способность переваривать молоко во взрослом возрасте.

- Устойчивость к алкоголю - у некоторых народов Азии быстрее расщепляется алкоголь, что связано с традициями ферментации продуктов.

Почему люди помогают друг другу? Альтруизм и кооперация кажутся невыгодными с точки зрения индивидуального выживания, но они давали преимущество *группе в целом*. Племена, где люди поддерживали друг друга, выживали чаще, чем те, где каждый действовал только ради себя.

Таким образом, антропогенез — это не просто цепочка биологических изменений, а сложное переплетение природы и культуры. Наши предки не только приспосабливались к среде, но и активно меняли её, создавая орудия, развивая речь и строя социальные структуры.

Изучение этого процесса помогает понять, почему человек стал таким, какой он есть сегодня, и как биологические и социальные факторы продолжают влиять на нашу эволюцию.

Следует подчеркнуть, что антропогенез представляет собой уникальный процесс в истории жизни на Земле, где биологические и социальные факторы образовали сложную систему взаимного влияния. Проведённый анализ убедительно демонстрирует, что становление человека как вида и формирование человеческого общества следует рассматривать как единый, неразрывный процесс. Биологические адаптации - развитие прямохождения, увеличение объёма мозга, формирование речевого аппарата - создавали необходимую основу для социальной эволюции, которая в свою очередь оказывала обратное воздействие на биологическую составляющую через механизмы генетико-культурной коэволюции.

Особое значение имеет выявленный системный характер антропогенеза, который нельзя свести к простой последовательности биологических изменений. Именно механизмы генетико-культурной коэволюции стали тем ключевым фактором, который обусловил ускоренное развитие человека по сравнению с другими биологическими видами.

Описанные выше теории подчёркивают важность дальнейшего развития междисциплинарного подхода, объединяющего достижения палеоантропологии, генетики, археологии, когнитивных и социальных наук, ведь понимание антропогенеза как сложного биосоциального процесса имеет

не только фундаментальное научное значение, но и позволяет по-новому осмыслить современные тенденции развития человеческого общества, его адаптационный потенциал и возможные векторы дальнейшей эволюции. Исследование подтверждает, что человек — это не просто продукт биологической эволюции, а результат уникального взаимодействия природных и социальных факторов, продолжающего оказывать влияние на наше развитие и сегодня.

Список литературы

1. Алексеев В.П. Становление человечества. М.: Политиздат, 1984. 121с.
2. Дробышевский С.В. Достающее звено. М.: Corpus, 2017. 668 с.
3. Марков А.В. Эволюция человека. М.: АСТ, 2011. 512 с.
4. Cavalli-Sforza L.L. Genes, Peoples, and Languages. - University of California Press, 2000. 228 p.
5. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: АСТ, 2013. 512 с.
6. Хайду Й. Дочери Эвы. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 390 с.
7. Дроздов Н.И. Палеоэкология гоминид. М.: Наука, 2005. 320 с.
8. Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 560 с.
9. Кабо В.Р. Происхождение и ранняя история этноса. СПб.: Наука, 2013. 480 с.
10. Боринская С.А. Гены и поведение. М.: Языки славянской культуры, 2019. 352с.

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ МЕЖДУ СССР И СТРАНАМИ ЗАПАДА В ПЕРИОД РАЗРЯДКИ 1968–1979

Автор: Серебрякова Антонина Сергеевна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студентка 1 курса института агробиотехнологии, santonika13579@gmail.com

Научный руководитель: Тузин Антон Михайлович

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры истории, tantuan85@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматриваются культурные связи между СССР и странами Запада в период разрядки, периода 1960 – 1970-х годов, когда наступило смягчение напряженности в отношениях между Востоком и Западом. Автор рассматривает какие изменения произошли в сфере культуры, включая обмен кинематографическими, литературными и музыкальными произведениями, выставками и театральными постановками. Особое внимание уделено воздействию этих культурных обменов на взаимопонимание и представления об "враждебном" "другом" и влиянию на политические отношения между странами. Главный научный результат: сделан вывод о том, как культурные связи между СССР и странами Запада влияли на жизнь обычных людей и изменения, что произошли в стране в результате обмена культурными произведениями.

Ключевые слова: СССР; культура; культурные связи; период разрядки; страны запада

CULTURAL TIES BETWEEN THE USSR AND WESTERN COUNTRIES DURING THE PERIOD OF DETENTE 1968–1979

Author: Serebryakova Antonina Sergeevna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), 1st year student at the Institute of Agrobiotechnology, santonika13579@gmail.com

Scientific supervisor: Tuzin Anton Mikhailovich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), Candidate of Political Sciences, Senior

Abstract. This article examines the cultural ties between the USSR and Western countries during the period of detente, the period of the 1960s– 1970s, when tensions between East and West eased. The author examines what changes have taken place in the field of culture, including the exchange of cinematographic, literary and musical works, exhibitions and theatrical productions. Special attention is paid to the impact of these cultural exchanges on mutual understanding and perceptions of the "hostile" "other" and the impact on political relations between countries. The main scientific result: the conclusion is made about how cultural ties between the USSR and Western countries influenced the lives of ordinary people and the changes that occurred in the country as a result of the exchange of cultural works.

Key words: USSR; culture; cultural ties; period of detente; Western countries

В данной статье представлены научные результаты, полученные в рамках исследовательского проекта, посвященного культурным связям между СССР и странами Запада. В 1971 году был урегулирован статус Западного Берлина на основе четырехстороннего соглашения между СССР, США, Великобританией и Францией. Новый этап разрядки международной напряженности начался в 1975 году. Основой этого периода стало Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшееся в Хельсинки. Тридцать три европейских государства, а также США и Канада подписали Заключительный акт Совещания, регламентирующий основные принципы взаимоотношений между государствами. Основу Заключительного акта составила Декларация, которая включала следующие принципы мирного сосуществования: соблюдение прав человека, равноправие народов; добросовестное выполнение обязательств по международному праву; свобода информации и передвижения. Положения о правах человека и их неукоснительном соблюдении всеми участниками Совещания, зафиксированные впоследствии в международно-правовых актах, стали основой диссидентского движения в СССР и активно поддерживались Западом [1; 2].

Последующие встречи участников СБСЕ стали называться Хельсинкским процессом. СССР активно участвовал в этом, что повысило авторитет советского государства. Но советской дипломатии был присущ ряд недостатков, связанных с природой тоталитарного государства: идеологизация внешнеполитических актов; дефицит открытости и гласности; секретность о наличии химического и бактериологического оружия; отстаивание принципа самоконтроля за вооружением и др. В целом Хельсинкский процесс вселял большие надежды на мирное развитие международных отношений.

Удар по «разрядке» нанесло размещение НАТО американских ракет

средней дальности в Европе и введение советских войск в Афганистан в декабре 1979 году, приведший к мировой изоляции СССР. Эти действия привели к новому витку гонки вооружений и прекращению разрядки в международных отношениях.

Несмотря на достаточно короткий временной период стоит так же отметить важность культурных связей между СССР и странами Запада, так как они способствовали формированию позитивного образа Советского Союза в сознании западных стран. Именно культурная дипломатия была средством прямого воздействия на иностранных граждан и контрпропагандой, которая помогала нивелировать работу СМИ, консервативных аналитических центров и правящей элиты западных стран.

В 1960 – 1970 годах культурная дипломатия СССР охватила достаточно широкий спектр самых разных мероприятий и инициатив. В 70-х годах успешно развивалось культурное сотрудничество с Западными странами. Проводились выставки советского и западного искусства в разных странах [3]. На первое открытие в Галерее искусства Коркоран в Вашингтоне впервые с визитом в США прилетела Екатерина Фурцева, Министр культуры СССР.

В период разрядки международной напряженности так же развивался обмен в литературной сфере. Особенно активизировалась переводческая деятельность после Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) в Хельсинки и принятия его Заключительного акта. Значительно выросли тиражи переводной литературы: если в 1975 году было выпущено 80 миллионов экземпляров книг зарубежных авторов, то в 1981 – уже 145 миллионов. Однако стоит отметить, что в СССР издавалось в 2-4 раза больше книг западных писателей, чем советских – на Западе. Например, в 70-е годы советские читатели получили сборники «Современная американская поэзия» и «Поэты Америки, XX век». В западных странах все же возрастал интерес к советской литературе, так, французские журналы «Эроп» и «Сюд» выпустили специальные номера «Литературная Грузия» и «Советская поэзия», а итальянский журнал «Ридатто» - номер «Советский театр». Два американских журнала опубликовали произведения Ч. Айтматова, Ю. Бондарева, Н. Думбадзе, В. Распутина и Ю. Нагибина.

Культурные деятели играли значительную роль в развитии культурных связей между СССР и странами Запада в период разрядки международных отношений. Некоторые из них являлись символами свободы и толерантности, способствуя сближению культур двух блоков.

Рок-музыканты: рок-музыка была одним из способов культурного обмена между Советским Союзом и западными странами. Имена таких музыкантов, как TheBeatles, PinkFloyd и BobDylan были популярны не только

на Западе, но и в СССР. Встречи и концерты рок-групп, а также передачи радио «Голос Америки» и «Би-би-си» позволяли советской молодежи познакомиться с западной культурой.

Литературные деятели: литературные фестивали и встречи между советскими и западными писателями способствовали обмену идей и публикации книг на разных языках. Среди известных литераторов Александр Исаевич Солженицын, что был довольно популярен за границей благодаря своим произведениям «Архипелаг ГУЛАГ», изданная в Париже в 1973 году, «В круг первом», «Раковый корпус», написанный по мотивам пребывания писателя в онкологическом отделении больницы в Ташкенте в 1954 году, «Один день Ивана Денисовича» - рассказ, трижды опубликованный в Канаде, и «Крохотки», которое было напечатано во Франкфурте в журнале «Грани» под названием «Этюды и крохотные рассказы». Является лауреатом Нобелевской премии по литературе «за нравственную силу, с которой он продолжил традицию русской литературы».

Кинорежиссеры и актеры: фильмы советских и западных кинорежиссеров также содействовали культурному обмену [4]. Культурные деятели играли ключевую роль в укреплении связей между странами. Они способствовали формированию позитивного образа СССР в сознании стран Запада, развитию диалога и взаимопонимания между культурами, дружеских связей и увеличение количества стран, с которыми налаживалось взаимодействие.

Список литературы

1. Рубаева Э. М. Международные отношения и внешняя политика России: история и современность (1919-1991 гг.) / Э. М. Рубаева, Л. Х. Батагова. Том Часть 2. – Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, 2019. – 100 с. – ISBN 978-5-8336-0997-2. – EDNZCQRKX.
2. Самсонова И.С. Механизмы культурно-образовательного взаимодействия СССР с зарубежными странами в 1960-1980-е годы // Самарский научный журнал. - 2023. - т. 12. - Н. 1. - С. 198-206. doi: 10.55355/snv2023121212
3. Курляндцева А. С. США и СССР: история удивительного выставочного обмена // Международный журнал исследований культуры. – 2021. – № 2 (43). – С. 127–142. DOI: 10.52173/2079-1100_2021_2_127
4. Оришев А.Б. История России от XIX до XXI века: учебное пособие для вузов / А.Б. Оришев, С.А. Миронюк, А.С. Позднякова, Д.Н. Христенко, М.В. Шерстюк. – Москва: Российский государственный аграрный университет, 2024. – 339 с.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РОССИИ И ПОРТУГАЛИИ: ОБЗОР СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Автор: Степанов Владислав Дмитриевич

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студенты 1 курса Института экономики и управления АПК, Vladislav_Stepanov05@mail.ru

Автор: Сапко Кирилл Николаевич

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса Института экономики и управления АПК, 07sapko06@gmail.com

Научный руководитель: Оришев Александр Борисович

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории, Orishev71@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье анализируется современная российская историография по теме Первой мировой войны как фактора развития Португалии и России. Через призму работ отечественных историков рассматриваются причины вступления обеих стран в мировой конфликт, значимые внутренние события в португальском и российском государствах, а также итоги и последствия их участия. Авторы статьи приходят к выводу, что, по мнению современных отечественных историков, Первая мировая война оказала глубокое, колоссальное влияние на слом государственной системы управления и радикализовала протестные общественные процессы в Португалии и России. Война изменила траекторию их исторического развития в XX в., особенно когда вследствие военного участия в 1917 г. в этих странах произошли масштабные события: Февральская и Октябрьская революции в России и Декабрьский государственный переворот в Португалии.

Ключевые слова: Первая мировая война; Россия; Португалия; Февральская революция; Октябрьская революция; Декабрьский государственный переворот 1917 г.

THE FIRST WORLD WAR AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIA AND PORTUGAL: MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY'S REVIEW

Author: Stepanov Vladislav Dmitrievich

Russian State Agrarian University–Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street, 49), 1st year students of the Institute of Economics and management in agribusiness, Vladislav_Stepanov05@mail.ru

Author: Sapko Kirill Nikolaevich

Russian State Agrarian University–Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street, 49), 1st year students of the Institute of Economics and management in agribusiness, 07sapko06@gmail.com

Scientific supervisor: Orishev Aleksandr Borisovich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History. Orishev71@mail.ru

Abstract. This article analyzes modern Russian historiography on the topic of the First World War as a factor in the development of Portugal and Russia. Through the prism of Russian historians' works, the reasons for the entry of both countries into the world conflict, significant internal events in the Portuguese and Russian states, as well as the results and consequences of their participation are considered. The authors of the article conclude that, according to modern Russian historians, the First World War had a profound, enormous impact on the breakdown of the state system of government and radicalized protest social processes in Portugal and Russia. The war changed the trajectory of their historical development in the twentieth century, especially when, as a result of military participation in 1917, large-scale events took place in these countries: the February and October revolutions in Russia and December coup d'état in Portugal.

Key words: World War I; Russia; Portugal; February Revolution; October Revolution; December 1917 coup d'état

Первая мировая война (1914–1918) занимает важное место в современной российской историографии. Она завершила «долгий XIX в.» и открыла «короткий XX в.». Война была результатом многолетних политических и социально-экономических противоречий в Европе. Из-за Первой мировой войны страны-участницы Антанты и Четверного союза пережили тяжелейшие внутренние проблемы, которые привели в одних странах к радикальному слому государственного и общественно-экономического строя, а в некоторых ограничились изменениями в

жизненных укладах и ценностных воззрениях людей при сохранении систем государственной власти.

В современной российской историографии изучается проблема участия некоторых стран в Первой мировой войне, которая изменила серьезно их государство и общество. В том числе это относится к России и Португалии. Обе страны вступили в военный конфликт неподготовленными политически и экономически. Из-за военного участия в них обострились внутренние противоречия и политическая ситуация, которые привели к масштабным, судьбоносным событиям: Февральской и Октябрьской революциям, Гражданской войне в России, а также к государственному перевороту Сидониу Паиша в начале декабря 1918 г. в Португалии. Причины, ход, итоги и последствия российского и португальского участия недостаточно изучены в историографии.

В данной статье ставится цель обозначить важные работы современных отечественных исследователей по теме Первой мировой войны как фактора развития российского и португальского государств.

Если рассмотреть проблему войны с точки зрения ее влияния на развитие России, следует обратить внимание на то, что, как замечает Г.А. Самохина, в настоящее время российские историки «неоднозначно оценивают роль и место России в войне и в Антанте и зачастую не делают однозначных выводов относительно значения войны для России» [1, с. 149]. Одним из самых известных историков, которые внесли вклад по этой теме, был А.И. Уткин. Он написал книгу «Первая мировая война», в которой были в доступной форме проанализированы предпосылки, причины, обстоятельства возникновения войны, подробная информация о боевых действиях, внутренняя обстановка в Российской империи, а также итоги и значение для России и мира. Важность Первой мировой войны как события заключается в следующем. «За четыре года произошла подлинная революция в экономике, коммуникациях, национальной организации, в социальной системе мира», – считает автор [2, с. 5]. Причины российского военного участия были, например, тесно связаны с противостоянием геополитическим амбициям Германии – установление практически ее всеобщей гегемонией над всей Европой и нивелирование влияния России, как и Великобритании и Франции, как великих держав.

А.И. Уткин делает интересное, но весьма неоднозначное утверждение о влиянии Первой мировой войны на Россию: «В результате Первой мировой войны произошла базовая трансформация российского сознания, и Россия ринулась прочь от единения с западными соседями – в поисках особого пути, особой судьбы, изоляции от жестокой эффективности Запада» [2, с. 553]. Военная неподготовленность, как и слабость сложившейся политической

системы после Первой русской революции (1905–1907 гг.), привела к Февральской и Октябрьской революциям 1917 г. и Гражданской войне 1917–1922 гг.

В исследовании другого историка Б.С. Котова «Начало Первой мировой войны и участие в ней России – в осмыслении российской прессы» подчеркиваются и анализируются две трактовки оправдания участия страны в военном конфликте: война представлялась как «борьба культурно-расовых тенденций, воплощаемых славянскими и германскими народами», и как «борьба против прусского милитаризма и реакции» [3, с. 125]. Эти оправдания не действовали на широкие массы населения и не способствовали общественной консолидации при тех обстоятельствах, что многие не находили внятного объяснения участия в ней России.

Тема российского участия в Первой мировой войне отражена в публикациях ведущего специалиста в Тимирязевской академии по этой теме С.А. Миронюка [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]. В них показана влияние Первой мировой войны на внутреннюю обстановку в России в конце 1917 – в начале 1918 гг. Наряду с этим война стала средством подготовки и осуществления британской политики вмешательства в России для предотвращения немецкого контроля над российской территорией, особенно после выхода России из военного конфликта в марте 1918 г.

Относительно Первой мировой войны как фактора развития Португалии на данный момент в отечественной историографии эта тема мало привлекает исследовательское внимание. Это обусловлено географической удаленностью Португалии от России и малым количеством доступных исторических источников.

Однако есть работы, в которых, так или иначе, затрагивается эта проблема. Г.И. Кутырев считает, что «Португалия вступила на стороне Антанты, исходя в первую очередь из внутривнутриполитических соображений демократического правительства, желавшего взамен получить от Великобритании протекторат над Анголой и Мозамбиком» [13, с. 97]. Под влиянием негативных процессов войны португальская экономика была серьезно подорвана, и наступил тяжелый внутривнутриполитический кризис в Первой Португальской Республике. Вследствие тяжелой политической и социально-экономической обстановки произошел государственный переворот Сидониу Паиша (5–8 декабря 1917 г.). В его результате правительство было свергнуто, и была установлена единоличная диктатура.

Другие исследователи А.А. Болтаевский и С.А. Агуреев отмечают спорность причин вступления Португалию в войну, но сами придерживаются мнения о влиянии Великобритании на решение португальцев поучаствовать в военном конфликте. «Как всегда в таких случаях, объявление войны

способствовало временному объединению враждовавших политических сторон, объединившихся в своеобразный священный союз. Но уже очень скоро правые круги привели к власти революционную хунту во главе с уже упоминавшимся СидониуПайша», – делают важное наблюдение авторы [14, с. 89].

С точки зрения А.Г. Нестерова Первая мировая война разделила португальских политиков на две группы – сторонников и противников военного участия. Для одних это был способ быть среди победителей на поствоенной мирной конференции, для других нейтралитет был намного предпочтительнее и политически, и экономически [15]. По мнению Н.М. Яковлевой, «Участие в войне (в общей сложности португальцы поставили под ружье свыше 110 тыс. человек и потеряли в боевых действиях порядка 10 тыс. военнослужащих) дало Португалии право встать в один ряд с другими государствами-победителями, получить доступ к военным репарациям и как минимум удержать свои позиции в Африке» [16, с. 39].

Важный вклад в изучение Первой мировой войне как фактора развития Португалии был сделан С.А. Миронюком в его статье «Причины, ход и результаты государственного переворота СидониуПайша (5–8 декабря 1917 г.) в Первой Португальской республике в документах Военного Кабинета Великобритании». С его точки зрения из-за участия в войне в 1917 г. возник и нарастал острый внутривнутриполитический кризис, «с которым португальским властям было все труднее и труднее справляться, что привело к еще большему недовольству со стороны гражданского населения и части военных» [17, с. 128]. Негативные последствия военной обстановки, как и неспособность португальского правительства справляться с социально-экономическими проблемами, и привели к Декабрьскому государственному перевороту 1917 г.

Также следует отметить другую статью С.А. Миронюка «“Перспектива прекращения отправки войск во Францию... могла бы склонить их в сторону переворота”. Декабрьский государственный переворот 1917 года в Лиссабоне в отчёте британца Н.У. Барнардигона» [18]. В ней анализируется документ начальника британской военной миссии в Лиссабоне о событиях переворота Сидониу Пайша (5-8 декабря 1917 г.) в португальской столице. В контексте темы статьи исследователь отмечает влияние Первой мировой войны на серьезные внутривнутриполитические изменения в странах-участницах, включая Португалию.

Таким образом, в современной российской историографии по теме Первой мировой войны как фактора развития Португалии и России вышли новые важные исследования и источники, которые вносят существенный вклад в изучении данной проблемы. В работах историков характеризуются

причины участия этих стран в войне, влияние войны на внутривластную динамику в них, итоги и последствия этого участия.

Судя по работам отечественных историков, Первая мировая война глубоко и всесторонне повлияла на слом государственной системы управления и радикализовала негативные общественные процессы в Португалии и России [19, с.156]. Она показала несовершенство в них политических систем власти, которые сформировались после революций – Первой русской революции 1905 – 1907 гг. и Португальской революции 1910 г., и изменила траекторию исторического развития этих стран в XX в. В этом контексте под влиянием Первой мировой войны возникли важные переломные события, как Февральская и Октябрьская революции в России, Декабрьский государственный переворот 1917 г. в Португалии.

Список литературы

1. Самохина Г.А. "Империалистическая" или "Вторая отечественная"? Отечественные историки о характере Первой мировой войны для России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 3(131). С. 145-150.
2. Уткин А.И. Первая Мировая война. М.: Культурная революция, 2013. 560 с.
3. Котов Б.С. Начало Первой мировой войны и участие в ней России в осмыслении российской прессы // Перспективы. Электронный журнал. 2023. № 4(35). С. 121-127. DOI 10.32726/2411-3417-2023-4-121-127.
4. МIRONЮК С.А. Борьба с большевизмом как фактор формирования политики интервенции после Компьенского перемирия (по документам военного кабинета министров Великобритании ноября-декабря 1918 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 70. С. 83-88. DOI 10.17223/19988613/70/12.
5. МIRONЮК С.А. Британская политика интервенции в России (ноябрь 1917 г. - декабрь 1919 г.) как фактор Гражданской войны: этапы и особенности // Исторический вестник. 2024. Т. 47. С. 318-381. DOI 10.35549/HR.2024.2024.47.010.
6. МIRONЮК С.А. Интеллектуальное обеспечение интервенции в Россию в записках британских генералов Г. Вильсона и Ф. Пуля // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 2(29). С. 116-139. DOI 10.24412/2409-1413/2022-2-116-140.
7. МIRONЮК С.А. Интервенция в Россию в политических дискуссиях правящих кругов Великобритании (1917-1919 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, 2021. 200 с.
8. МIRONЮК С.А. Контроль над Транссибирской железной дорогой как мотив участия Британии в союзной интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири в 1917-1919 гг. и ее роль в этой операции (на основе меморандума Дж.Н. Керзона "Сибирь" от 20 декабря 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 458. С. 153-159. DOI 10.17223/15617793/458/19.
9. МIRONЮК С.А. Меморандум Генри Вильсона «Наша текущая и будущая военная политика в России» (13 ноября 1918 г.) как фактор британской политики интервенции в России в ноябре - декабре 1918 г. // Genesis: исторические исследования. 2025. № 2. С. 1-

12. DOI 10.25136/2409-868X.2025.2.72941.

10. Миронюк С.А. Обсуждение японской интервенции на Дальний Восток и в Сибирь в Палате общин Великобритании 14 марта 1918 г. как событие британской политики интервенции в России // Genesis: исторические исследования. 2023. № 6. С. 54-64. DOI 10.25136/2409-868X.2023.6.43439.

11. Миронюк С.А. Роль Военного Кабинета министров Британии в организации интервенции на Дальний Восток и в Сибирь: согласование условий вторжения с США, Японией и советским правительством в декабре 1917 – августе 1918 гг. (по материалам Национального архива Соединенного Королевства) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 2. С. 52-62. DOI 10.25136/2409-868X.2019.2.29289.

12. Миронюк С.А. Содержание меморандума «Сибирь» (март 1918 г.) и его значимость в контексте формирования британской политики в Сибири // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 3(33). С. 107-117. DOI 10.36718/2500-1825-2024-3-107-117.

13. Кутырев Г.И. Политические партии в период существования Первой Португальской республики (1910–1926 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5-2 (31). С. 96–101.

14. Болтаевский А.А., Агуреев С.А. Причины и следствия участия Португалии в Первой мировой войне // Вестник МПГУ. Серия: Исторические науки. 2018. № 2 (30). С. 85–95.

15. Нестеров А.Г. СидониуПаиш и «Новая Республика» в Португалии (1917–1918): первый опыт европейской диктатуры «нового типа» // Институты прямой и представительной демократии: генезис политических режимов в XX веке: сборник материалов Зимней школы, Екатеринбург, 14–15 января 2000. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. С. 90–97.

16. Яковлева Н.М. Португалия: история политической модернизации. Москва: ИЛА РАН, 2016. 260 с.

17. Миронюк С.А. Причины, ход и результаты государственного переворота СидониуПаиша (5-8 декабря 1917 г.) в Первой Португальской республике в документах Военного Кабинета Великобритании // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 123-131. DOI 10.17223/15617793/499/13.

18. Миронюк С.А. «Перспектива прекращения отправки войск во Францию... могла бы склонить их в сторону переворота». Декабрьский государственный переворот 1917 года в Лиссабоне в отчёте британца Н.У. Барнардигона // Военно-исторический журнал. 2025. № 6. С. 72-79.

19. Оришев А.Б. История России от XIX до XX века: учебное пособие для вузов / А.Б. Оришев, С.А. Миронюк, А.С. Позднякова, Д.Н. Христенко, М.В. Шерстюк. – Москва: Российский государственный аграрный университет, 2024. – 339 с.

**ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИКО-
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УЧЕНЫХ
ТИМИРЯЗЕВСКОЙ АКАДЕМИИ**

Автор: Таирова Софья Романовна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса института Садоводства и ландшафтной архитектуры, tairosof@gmail.com

Научный руководитель: Миронюк Сергей Алексеевич

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, mironyuk@rgau-msha.ru, ORCID: 0000-0002-6874-7595, РИНЦ SPIN-код: 6577-8160, РИНЦ AuthorID: 990521, ResearcherID: ADE-4050-2022

Аннотация. В данной статье представлен обзор историко-демографических и политико-демографических исследований, выполненных учёными Тимирязевской академии. Цель работы — обобщить и систематизировать научные труды сотрудников академии, затрагивающие вопросы демографии в историческом и политическом контекстах. Рассматриваются ключевые темы исследований, использованные источники, применяемые методы анализа и сделанные выводы. Показано, как в рамках академии развивалось направление исторической демографии, и какое значение имеют полученные результаты для понимания демографических процессов прошлого и настоящего. Статья подчёркивает вклад академии в развитие историко-демографического направления в отечественной науке и может быть полезна исследователям, интересующимся историей населения и социальной эволюцией общества.

Ключевые слова: историческая демография; демографические процессы; ученые Тимирязевской академии; миграционные процессы

**HISTORICAL AND POLITICAL DEMOGRAPHIC STUDIES OF
TIMIRYAZEV ACADEMY' SCIENTISTS**

Author: Tairova Sofia Romanovna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), 1st year student of the institute of Horticulture and Landscape Architecture, tairosof@gmail.com

Scientific supervisor: Mironiuk Sergei Alexeyevich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), PhD in History, senior lecturer of Department of History, mironyuk@rgau-msha.ru, ORCID: 0000-0002-6874-7595, ПИИЦ SPIN-код: 6577-8160, ПИИЦ AuthorID: 990521, ResearcherID: ADE-4050-2022

Abstract. This article presents an overview of historical and political demographic studies conducted by scientists of the Timiryazev Academy. The purpose of the work is to generalize and systematize the scientific works of the Academy staff, touching upon the issues of demography in the historical and political contexts. The key topics of research, the sources used, the methods of analysis applied, and the conclusions made are considered. It shows how the direction of historical demography developed within the Academy, and what significance the obtained results have for understanding the demographic processes of the past and present. The article emphasizes the contribution of the Academy to the development of the historical and demographic direction in Russian science and can be useful for researchers interested in the history of the population and the social evolution of society.

Keywords: historical demography; demographic processes; scientists of the Timiryazev Academy; migration processes

Учёные Тимирязевской академии внесли значительный вклад в развитие историко-демографических и политико-демографических направлений, опираясь на различные источники данных, в том числе на архивные материалы и статистическую информацию.

Настоящая работа представляет собой попытку обобщения и систематизации исследований, выполненных сотрудниками Тимирязевской академии в областях исторической и политической демографии. Основная цель статьи — представить единое информационное поле, позволяющее получить целостное представление о тематике, методах и результатах этих работ. Такой подход способствует лучшему ориентированию в уже имеющихся материалах, а также может служить базой для последующих научных изысканий.

Многие исследования ученых-тимирязевцев посвящены демографии России XIX века. Например, в работе Христенко Д. Н., Оришева А. Б., Мамедова А. А. «Социальная политика Российской империи во второй половине XIX – начале XX века (на примере функционирования системы здравоохранения)» рассматривается состояние системы здравоохранения в Российской империи с момента ее основания и вплоть до начала XX века. Авторы подчеркивают, что в то время основные ресурсы страны уходили на укрепление армии, из-за чего многие социальные нужды финансировались в недостаточном количестве, в том числе и сфера здравоохранения. Недостаток внимания врачебному делу со стороны государства сказался и на

демографическом положении страны, особенно в деревнях, где смертность населения, в том числе младенческая была крайне высока [1].

Последствия трагического события описаны в статье П.В. Фёдорова и Е.Ю. Терещенко «Крымская война и русская Арктика: судьба населения города Колы после английской бомбардировки 11 августа 1854 г.», а именно последствия разрушения города Кола во время Крымской войны для местного населения. На основе церковных документов показано, что только в течение десяти лет после бомбардировки город смог восстановить численность населения и демографические показатели [2].

Статья Фёдорова П.В. и Малашенков А.А. «Правительственная колонизация Мурманского берега Баренцева моря: демографическая картина по данным метрических книг (1873–1920 гг.)» исследуют демографические процессы на Мурманском берегу в период т.н. «правительственной колонизации» конца XIX – начала XX века. В статье отмечается, что недостаток демографической статистики является существенной проблемой при изучении истории российской колонизации. В то же время на основе метрических книг показан рост численности населения и укрепление семейных связей, что свидетельствует об успешной адаптации переселенцев и изменении демографической структуры региона [3].

В отчёте НИР Фёдорова П.В. «Новые кочевники» и российская колонизация приарктических территорий в XIX–XX вв.: история миграционной культуры (на примере Кольского Заполярья)» рассматривается развитие миграционных процессов в Кольском Заполярье в контексте общей колонизационной политики России. Особое внимание в исследовании уделено процессам формирования новой миграционной культуры, что позволяет понять, как изменялась структура и подвижность населения при освоении северных территорий [4].

Статья Фёдорова П. В. «Православные кочевники среди ландшафтов Русской Лапландии (XIX – начало XX в.)» также посвящена изучению миграций православного населения и духовенства на Кольском Севере в XIX – начале XX века. Описывается, как мобильность населения и духовенства в разных природных и культурных зонах региона влияла на расселение и демографические процессы [5].

Другая работа Фёдорова П.В. и Малашенкова А.А. «Историко-демографический проект «Коляне. XIX – первая четверть XX в.» представляет собой обзор исследовательского проекта, посвящённого жителям города Колы. Проект охватывает демографические характеристики населения за более чем сто лет и раскрывает изменения в структуре, численности и семейной организации в динамике, что делает его важным источником по изучению населения Русского Севера в контексте

исторической демографии [6].

Фёдоров П.В. также уделил внимание демографическим процессам на Русском Севере и в начале XX века. Так, в его статье «Предпринимательство и революция: судьба населения одной рыбопромысловой провинции Российской империи» рассматриваются изменения в жизни населения Мурманского берега после революции и в условиях национализации рыболовного промысла. Автор показывает, как местные жители, носители предпринимательских традиций, были вовлечены в процессы советской модернизации, что отразилось на социальной структуре и роли населения в развитии региона [7].

Большое количество исследований ученых-тимирязевцев посвящено демографии периода Второй мировой войны и Великой Отечественной войны. Например, в статье А.Б. Оришева «Место и роль эмиграции из республик Советского Востока в Афганистане в политике нацистской Германии» рассматриваются миграционные потоки из республик Советского Востока в Афганистан в годы Второй мировой войны. Эмиграция обусловила рост численности и усиление присутствия советских этнических групп в северных районах Афганистана, что повлияло в дальнейшем на национальный состав и демографическую структуру региона [8].

Также Оришев А.Б. в своей статье «Высылка подданных Германии и Италии из Афганистана в 1941 г.» анализирует причины и последствия депортации граждан Германии и Италии из Афганистана в период Второй мировой войны. Эти меры повлияли на численность и структуру европейского населения в регионе, что отразилось, в том числе, на демографической ситуации и межнациональных соотношениях в Афганистане того времени [9].

В статье Телишева В.Ф. и Сакаева В.Т. «Государственная политика в области брачно-семейных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны» анализируются меры государственной поддержки семьи и законодательное регулирование брачно-семейной сферы в условиях военного времени. Особое внимание уделено проблеме обеспечения устойчивости семейных отношений среди городского населения, включая динамику брачности и разводимости. Статья рассматривает изменения в демографических показателях и семейной структуре населения в конкретный исторический период [10].

В то же время Сакаев В.Т. в своей статье «Брачно-семейные отношения городского населения тыловых районов Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны» изучает состояние института семьи городского населения в военный период [11]. Многие свои работы Сакаев В.Т. посвятил демографии конкретно Татарской АССР. Например, в своих

статья «Численность и размещение городского населения Татарской АССР накануне Великой Отечественной войны» [12] и «Города и городское население Татарской АССР накануне Великой Отечественной войны» [13] он анализирует характеристики городского населения республики и его состав перед началом войны, что позволяет понять исходные условия развития урбанизации в военный период. определить характер географического расположения населения республики в предвоенный период. Работа стала важной отправной точкой для последующего анализа демографических изменений в годы войны.

Монография Сакаева В.Т., Телишева В.Ф. «Городское население Татарстана в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические и политико-демографические аспекты» представляет собой первое комплексное исследование демографических процессов в городах Татарстана в годы Великой Отечественной войны [14]. Авторы используют обширный архивный и статистический материал — переписи населения 1937, 1939 и 1959 гг., текущую статистику, документы федеральных и республиканских архивов, прессу военного времени. Особое внимание в монографии уделено динамике численности, миграциям, половозрастной структуре, влиянию мобилизации и эвакуации на городской демографический ландшафт, а также выявлены их региональные особенности в условиях военного времени [14].

Также, в кандидатской диссертации Сакаева В.Т. «Городское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические процессы» было представлено комплексное исследование демографических изменений в городах республики в военный период, в частности рассмотрены показатели рождаемости, смертности, брачности, разводимости, а также численность населения, его структура и национальный состав, при этом особое внимание уделено роли миграции в изменении численности населения [15]. Работа подробно раскрывает демографические процессы в условиях военного времени на примере одного из ключевых в оборонном отношении регионов страны в этот период.

В статье Телишева В.Ф., Сакаева В.Т. «Региональный аспект потерь населения в годы Великой Отечественной войны (Татарская АССР)» анализируются демографические потери населения Татарской АССР в период Великой Отечественной войны. Авторы рассматривают как прямые, так и косвенные потери, а также предлагают собственную методику изучения этих процессов на региональном уровне. Работа посвящена исследованию изменений численности и структуры населения в экстремальных исторических условиях [16]. Эта же тема рассматривалась в работе В.Т. Сакаева «Людские потери Татарской АССР в годы Великой Отечественной

войны», где автор на основе архивных и опубликованных данных еще раз уточняет боевые и тыловые потери населения Татарской АССР в годы войны [17]. При этом в работе был представлен анализ методов оценки этих потерь и их применимости для региональных исследований, что является важным вкладом для понимания демографических процессов в истории региона и развитии методологии их исследования [17].

Сакаев В.Т. в своих работах также рассматривает динамику ключевых демографических показателей в годы войны. Так в его статье «Рождаемость городского населения Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны» исследуются процессы воспроизводства населения в городах республики в военные годы. Анализируется динамика рождаемости, её определяющие факторы, а также влияние государственной поддержки, включая Указ от 8 июля 1944 года [18]. Данная статья рассматривает изменение рождаемости в конкретный исторический период и социальные условия, влияющие на демографическое поведение [18]. При этом, в другой своей статье «Смертность городского населения Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны» Сакаев В.Т. проводит уже сравнительный анализ уровня смертности городского населения республики и России в целом в военный период [19]. Автор, в частности, выявляет региональные особенности динамики смертности, что делает работу значимым вкладом в изучение историко-демографических процессов военного времени [19].

Часть работ Сакаева В.Т. посвящена также вопросам демографического развития в поствоенное время. Так в статье Сакаева В.Т. «Детерминанты и социальные последствия трансформации смертности в Татарской АССР в конце 1950-х — 1960-е гг.: взгляд через 50 лет» анализируются изменения в структуре и уровне смертности населения Татарской АССР в послевоенный период, особенно в конце 1950-х — 1960-е гг. [20]. Автор использует архивные данные и статистику, чтобы показать, как социально-экономические изменения повлияли на здоровье населения и структуру смертности. Особое внимание при этом уделено региональной специфике: выявлены отличия от общероссийских показателей, а также прослежены долгосрочные социальные последствия этой трансформации, поэтому работа важна для понимания демографических процессов советского времени и их последствий на уровне конкретного региона [20].

В статье «Подходы к содержанию понятия «демографическая политика» в отечественной науке» указанный автор анализирует различные подходы к его содержанию и проводит сравнение с другими близкими по смыслу терминами, такими как политика народонаселения и социальная политика. Эта статья помогает понять, как в разное время формировались научные представления о мерах воздействия на демографические процессы

[21].

Большое количество работ освящает роль демографии в наши дни. Так, например, в статье Сакаева В.Т. «Социально-экономическое развитие Республики Татарстан: вызовы демографии и миграции» рассмотрены основные демографические процессы в современной Республике Татарстан и их взаимосвязь с темпами и характером социально-экономического развития региона [22]. Рассмотрены половозрастная и территориальная структура населения, проблемы воспроизводства, а также миграционные потоки, их объемы и направления. Особое внимание уделено социальной структуре, включая уровень бедности и влияние миграции на рынок труда. Работа представляет интерес для специалистов в области регионального планирования и может использоваться при разработке социально-экономических прогнозов [22]. В работе «Урбанизационные и этнодемографические процессы в Республике Татарстан: социально-политические аспекты» В.Т. Сакаев уже рассматривает как урбанизационные и демографические процессы влияют на общественную и политическую жизнь в Республике Татарстан, в частности внимание уделено аспектам трансформации этнического и религиозного состава населения, и их отражении в социальной и политической ситуации в регионе [23].

В свою очередь в статье Сакаева В.Т. «Демография и российская идентичность в XXI веке» рассматривается уже то, как демографические и миграционные процессы влияют на формирование и развитие российской идентичности в современный период, причем автор подчеркивает значимость этих процессов как одного из ключевых факторов, определяющих облик идентичности в XXI веке [24].

Работа В.Т. Сакаева «Риски высокой иммиграции для политического и экономического развития России» исследует влияние иммиграции на развитие России в XXI веке, при этом подчеркивается, что миграционные потоки становятся важным фактором, который может, как способствовать развитию страны, так и создавать социально-политические угрозы для стабильности, национальной безопасности и этнополитического баланса в долгосрочной перспективе [25]. Эта же тематика развивается в статье Сакаева В.Т. «Политические процессы в Российской Федерации в XXI веке: влияние демографического и миграционного факторов», где рассматривается, как демографические и миграционные процессы влияют на политическое развитие современной России с точки зрения обеспечения политической стабильности, национальной безопасности и формирования российской идентичности [26]. Влияние миграционных процессов на политическую сферу было раскрыто в работе Сакаева В.Т. «Миграции в Российской Федерации в XXI веке: социально-политические риски», где

автор рассматривает миграционные процессы в России в XXI веке как важный фактор политического развития страны, подчеркивая, что миграция неизбежна и необходима для развития России, однако требует контролируемого регулирования, чтобы избежать негативных изменений в обществе [27].

Важное место в исследовании демографического фактора в политических процессах занимает статья Сакаева В.Т. «Демографический фактор в этнополитических конфликтах: методологические аспекты анализа», где рассматриваются различные кейсы влияния демографического фактора на этнополитические процессы в России и на постсоветском пространстве, показывается как демографические и миграционные процессы влияют на межэтнические отношения и развитие этнополитических конфликтов и предлагаются методологические подходы к их анализу [28]. В другой статье «Политическая демография: предметное поле и исследовательские возможности» уже рассматриваются теоретические вопросы политической демографии, её место среди наук, а также связь с политологией и демографией, ключевые научные проблемы в данной научной области [29].

Среди других исследователей политических аспектов демографических и миграционных процессов следует отметить работы С.М. Захарова. В частности, Захаров С. М. уделил внимание вопросам миграции молодого поколения в своей статье «Молодёжь и миграция: особенности дальневосточного кейса», где он рассматривает особенности миграционного поведения молодёжи в регионах Дальнего Востока России [30]. Работа акцентирует внимание на специфике миграционных потоков и факторах, влияющих на мобильность молодого населения, и затрагивает вопросы воспроизводства и распределения населения в стратегически важном регионе [30].

В другой своей работе «Каспийский регион: проблема оттока молодёжи», Захаров С. М. рассматривает проблему миграционного оттока молодёжи уже из Каспийского региона и анализирует причины, влияющие на решение о выезде [31].

Статья Захарова С. М. «Эмиграция из России: особенности современной волны» в свою очередь посвящена анализу новой волны эмиграции из России, выделяя ее количественные и качественные характеристики [32].

Исследования сотрудников Тимирязевской академии не обошли стороной и вопросы демографии зарубежных стран. Так авторы статьи Соколыцк Л. М., Сакаев В. Т., Галимуллин Э. З. «Нелегальная иммиграция из Латинской Америки в контексте президентской кампании в США 2024 г.:

эффекты поляризации» анализируют, как тема нелегальной иммиграции из стран Латинской Америки повлияет на американский политический процесс в ходе президентской кампании 2024 года [33]. В частности, исследование подчёркивает, что миграционный кризис оказывает заметное влияние на социальную и демографическую ситуацию в отдельных регионах США, а также способствует усилению внутривнутриполитической поляризации [33].

Эту же тематику Сакаев В.Т. развивал в своей статье «Политико-демографические аспекты иммиграции в Италии», где он дает анализ миграционной ситуации в Италии сквозь призму демографических и политических факторов, выделяя такие ключевые тенденции как старение населения, низкую рождаемость, рост продолжительности жизни и показывая, как они стимулируют приток мигрантов [34]. Особое внимание уделено этапам развития иммиграционной политики с 1980-х годов до настоящего времени и соответствующим изменениям законодательства, а также этническому и религиозному составу мигрантов, проблемам обеспечения их интеграции и вовлечение в политическое участие [34]. Автором подчёркивается значение иммиграции как необходимого ресурса для устойчивого развития Италии, особенно в условиях перманентного демографического кризиса [34].

Таким образом, ученые-тимирязевцы внесли существенный вклад в изучение демографических процессов, что позволяет читателям глубже понять специфику демографического развития человеческого общества, выявить закономерности изменения численности и структуры населения, проследить влияние социальных, экономических и природных факторов на судьбы стран, регионов, городов и отдельных сообществ в прошлом. Такие исследования формируют основу для анализа современных демографических тенденций, помогают оценить эффективность государственной политики в различные исторические периоды и предвидеть возможные сценарии будущего. Вклад учёных Тимирязевской академии в эту область подчеркивает значимость комплексного подхода к истории населения, основанного на сочетании архивных источников, статистических данных и тщательного анализа социально-экономических и политических аспектов текущих демографических и миграционных процессов. Историко-демографические и политико-демографические исследования по-прежнему остаются важным направлением гуманитарной науки, необходимым для понимания исторического пути развития общества.

Список литературы

1. Христенко Д. Н., Оришев А. Б., Мамедов А. А. Социальная политика Российской империи во второй половине XIX – начале XX века (на примере

функционирования системы здравоохранения) // Былые годы – 2024. - №19 (2). - С. 792–802.

2. Фёдоров П. В., Терещенко Е. Ю. Крымская война и русская Арктика: судьба населения города Колы после английской бомбардировки 11 августа 1854 г. // Былые годы – 2025. - №20 (2). - С. 791–801.

3. Фёдоров П. В., Малашенков А. А. Правительственная колонизация» Мурманского берега Баренцева моря: демографическая картина по данным метрических книг (1873–1920 гг.) // Былые годы – 2021. - №16 (3). - С. 1316–1325.

4. Фёдоров П. В. «Новые кочевники» и российская колонизация приарктических территорий в XIX–XX вв.: история миграционной культуры (на примере Кольского Заполярья) // Основной конкурс 2016 года, а - проект проведения научных исследований, выполняемых научными коллективами или отдельными учеными – 2018.

5. Фёдоров П. В. Православные кочевники среди ландшафтов Русской Лапландии (XIX – начало XX в.) // Святейший синод в истории российской государственности: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. Сер. "Сборники Президентской библиотеки. Электронный архив". СПб.: 2017. -Выпуск 1. – С. 432–449.

6. Фёдоров П. В., Малашенков А. А. Историко-демографический проект «Коляне. XIX – первая четверть XX в. // Историческая демография – 2010. - №2(6). - С. 26–30.

7. Фёдоров П. В. Предпринимательство и революция: судьба населения одной рыбопромысловой провинции Российской империи // Аграрное предпринимательство: История, тренды, горизонты развития: материалы международной научно-практической конференции. Москва: РГАУ, 2024 – С. 87–92.

8. Оришев А. Б. Место и роль эмиграции из республик Советского Востока в Афганистане в политике нацистской Германии // Вестник Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина. Сер. "История". – 2004. Выпуск 4. – С. 187–197.

9. Оришев А. Б. Высылка подданных Германии и Италии из Афганистана в 1941 г. // Политика империалистических держав и национально-освободительное движение в странах востока накануне и в годы Второй мировой войны: сборник научных трудов. Выпуск III. Липецк, 1997. – С. 2–27.

10. Телишев В.Ф., Сакаев В.Т. Государственная политика в области брачно-семейных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – Том: 150, №1. – С. 169–176.

11. Сакаев В.Т. Брачно-семейные отношения городского населения тыловых районов Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2007. - №2 (16). - С. 171–174.

12. Сакаев В.Т. Численность и размещение городского населения Татарской АССР накануне Великой Отечественной войны // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2007. - №4 (56). - С. 169–173.

13. Сакаев В.Т. Города и городское население Татарской АССР накануне Великой Отечественной войны // Вестник Чувашского университета – 2006. - №5. – С. 34–41.

14. Сакаев В.Т., Телишев В.Ф. Городское население Татарстана в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические и политико-демографические аспекты:

монография. – Набережные Челны: Набережночелнинский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» – 2015. – 229 с.

15. Сакаев В.Т. Городское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические процессы: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. - Казань: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2008. - 234 с.

16. Телишев В., Сакаев В.Т. Региональный аспект потерь населения в годы Великой Отечественной войны (Татарская АССР) // Региональный экономический журнал – 2014. - №3-4 (7–8). – С. 70–75.

17. Сакаев В. Т. Людские потери Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Чувашского университета – 2010. - №1. – С. 72–78.

18. Сакаев В.Т. Рождаемость городского населения Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Чувашского университета – 2009. - №3. – С. 132–139.

19. Сакаев В.Т. Смертность городского населения Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны // Регионология – 2007. - №2 (59). - С. 271–278.

20. Сакаев В.Т. Детерминанты и социальные последствия трансформации смертности в Татарской АССР в конце 1950-х — 1960-е гг.: взгляд через 50 лет // Власть. – 2017. – Том 25. - №12. – С. 43–49.

21. Сакаев В.Т. Подходы к содержанию понятия «демографическая политика» в отечественной науке // Власть. – 2010. - №8. – С. 102–105.

22. Сакаев В.Т. Социально-экономическое развитие Республики Татарстан: вызовы демографии и миграции // Вестник экономики, права и социологии – 2015. - №2. – С. 216–221.

23. Сакаев В.Т. Урбанизационные и этнодемографические процессы в Республике Татарстан: социально-политические аспекты // В мире научных открытий – 2015. - №5-1 (65). – С. 507–513.

24. Сакаев В.Т. Демография и российская идентичность в XXI веке // В мире научных открытий – 2014. - №1 (49). – С. 369–375.

25. Сакаев В.Т. Риски высокой иммиграции для политического и экономического развития России // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». – 2015. - №4. – С. 159–174.

26. Сакаев В.Т. Политические процессы в Российской Федерации в XXI веке: влияние демографического и миграционного факторов // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология – 2014. - №1 (166). – С. 135–140.

27. Сакаев В.Т. Миграции в Российской Федерации в XXI веке: социально-политические риски // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки – 2013. – Том 155 №1. – С. 214–221.

28. Сакаев В.Т. Демографический фактор в этнополитических конфликтах: методологические аспекты анализа // PolitBook. – 2013. - №3. – С. 45–59.

29. Сакаев В.Т. Политическая демография: предметное поле и исследовательские возможности // Власть – 2011. - №7. – С. 86–88.

30. Захаров С. М. Молодёжь и миграция: особенности дальневосточного кейса» // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2024. – № 2. – С. 114–125. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/114-125>
31. Захаров С. М. Каспийский регион: проблема оттока молодёжи // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 3 (80). С. 75–83. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2024.80.3.008>
32. Захаров С. М. Эмиграция из России: особенности современной волны // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2025. Т. 52. - С. 61–79. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.52.61>
33. Соколыщик Л.М., Сакаев В.Т., Галимуллин Э.З. Нелегальная иммиграция из Латинской Америки в контексте президентской кампании в США 2024 г.: эффекты поляризации // Международная аналитика. – 2023. – Том 14, №3. - С. 106–126.
34. Сакаев В.Т. Политико-демографические аспекты иммиграции в Италии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук – 2016. – Том 16. №1. – С. 112–134.

ИСЛАМОВЕДЕНИЕ В ТИМИРЯЗЕВСКОЙ АКАДЕМИИ

Автор: Циберт Ульяна Ярославовна

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент I курса факультета экономики и управления АПК, tsibert.uliana.2006@gmail.com

Научный руководитель: Миронюк Сергей Алексеевич

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, mironyuk@rgau-msha.ru

Аннотация. Статья представляет собой обзор ряда исследований, посвящённых исламоведению, проведённых учеными Российской государственной аграрной академии — МСХА имени К.А. Тимирязева. Эти труды охватывают широкий спектр тем — от исторических аспектов проникновения ислама в Европу до вопросов исламского банкинга и социальной доктрины ислама. В статье рассматриваются ключевые исследования, освещённые А.Б. Оришевым и А.А. Мамедовым, которые внесли значительный вклад в понимание этих вопросов. Целью настоящей статьи является привлечение внимания к вкладу ученых академии в развитие исламоведческой науки, а также демонстрация научной значимости этих публикаций для дальнейшего изучения ислама и его влияния на современное общество. Упомянутые исследования подчеркивают важность междисциплинарного подхода в исламоведении и открывают новые горизонты для будущих исследований в данной области.

Ключевые слова: Тимирязевская академия; исламоведение; научная значимость; междисциплинарный подход

ISLAMIC STUDIES AT THE TIMIRYAZEV ACADEMY

Author: Tsibert Uliana Yaroslavovna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), student, Institute of Economics and Management of APK, tsibert.uliana.2006@gmail.com

Scientific supervisor: Mironiuk Sergei Alexeyevich

Russian Timiryazev State Agrarian University, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street, 49), PhD in History, senior lecturer of Department of History, mironyuk@rgau-msha.ru

Abstract. The article serves as a comprehensive review of a series of studies related to Islamic studies conducted by scholars at the Russian State Agrarian University—K.A. Timiryazev Moscow Agricultural Academy. These works encompass a broad range of topics, from the historical aspects of Islam's penetration into Europe to the issues of Islamic banking and the social doctrine of Islam. The article examines key studies highlighted by A.B. Orishev and A.A. Mamedov, who have made substantial contributions to the understanding of these subjects. The objective of this article is to draw attention to the contributions of the university scholars towards the advancement of Islamic studies, as well as to demonstrate the scholarly significance of these publications for further exploration of Islam and its influence on contemporary society. The mentioned research underscores the importance of an interdisciplinary approach to Islamic studies and opens new avenues for future research in this field.

Key words: Timiryazev Academy; Islamic Studies; scientific significance; interdisciplinary approach

Исторические и культурологические исследования, проводимые в Тимирязевской академии, охватывают разнообразные темы, среди которых важное место занимает исламоведение. Исследования охватывают как классические тексты, так и современные интерпретации, что позволяет проследить эволюцию исламской мысли и ее адаптацию к изменяющимся условиям. Важное внимание уделяется взаимодействию ислама с другими религиями и культурами, что способствует формированию более полного представления о многослойности исламской цивилизации. Важным направлением является изучение современного состояния ислама в контексте глобализации и миграции. Это включает в себя анализ новых форм исламской идентичности, возникающих в результате взаимодействия различных культур и традиций.

А.Б. Оришев и А.А. Мамедов действительно внесли значительный вклад в развитие исламоведения в рамках академического сообщества Тимирязевской академии, что находит отражение в их научных работах и исследованиях. В частности, статья Мамедова А.А., Картунова В.В. и Панюкова А.И. «Арабская наука в контексте научных знаний эпохи Средневековья» [1] представляет собой важный труд, который освещает многогранный вклад арабской науки в формирование средневекового научного наследия. Авторы статьи тщательно анализируют достижения арабских ученых в таких ключевых областях, как математика, астрономия, медицина и философия. Они подчеркивают, что арабские ученые не только сохраняли античные знания, но и развивали их, внося новые идеи и методы. В астрономии арабские астрономы разработали точные таблицы звездного движения и улучшили инструменты наблюдения, что способствовало более глубокому пониманию космоса. Арабские врачи и ученые систематизировали медицинские знания, создавая обширные трактаты, которые стали основными учебниками для европейских студентов в средние века. Авторы

статьи акцентируют внимание на методах исследования и философских подходах, которые использовали арабские ученые. Эти методы отличались системностью и критическим анализом. Работа подчеркивает не только важность арабской науки как связующего звена между античностью и Европой, но и ее роль в формировании современного научного мышления.

Процесс проникновения ислама в Европу, описанный в статье Оришева А.Б. и Мамедова А.А. «Ислам в Европе: к истории проникновения» [2], демонстрирует многоуровневость и сложность взаимодействия между мусульманской и христианской цивилизациями. Ислам не только оказывал влияние на культуру и науку Европы, но и способствовал обмену знаниями между двумя мирами. Это взаимодействие стало катализатором для научного прогресса, который в итоге привел к Ренессансу. В данном аспекте нельзя не отметить и научную работу А.Б. Оришева «Ислам в Европе: первые волны исламизации» [3], посвященную ранним этапам исламизации Европы, включая миграции, культурный обмен и религиозное влияние. В своей работе Оришев подробно анализирует, как первые контакты между мусульманами и европейцами происходили через торговлю, дипломатию и войны, что способствовало более глубокому пониманию друг друга. Отмечается значение этих процессов для политической и духовной истории континента. Исламизация способствовала формированию новых социальных структур, что сделало возможным интеграцию различных культурных традиций. В результате этого синтеза возникли новые формы искусства, литературы и архитектуры, которые обогатили европейскую цивилизацию. Кроме того, обмен знаниями между исламским миром и Европой оказал значительное влияние на развитие науки. Мусульманские ученые сохраняли и развивали античные тексты, переводя их на арабский язык и добавляя собственные комментарии и открытия. Эти работы затем переводились на латынь, что способствовало распространению знаний в Европе. Научные достижения исламской цивилизации также способствовали формированию новых философских идей и концепций, которые стали важными для европейского интеллектуального развития. Философы, такие как Авиценна и Аль-Фараби, оказали влияние на мыслителей средневековой Европы, таких как Фома Аквинский и другие схоласты. Это взаимодействие между философскими традициями привело к возникновению новых подходов к пониманию мира и человека.

Важную тему раскрыл Оришев А.Б. В статье «Моральные запреты в исламе» [4] рассматриваются основные моральные нормы и запреты, принятые в исламе, включая запрет на азартные игры, употребление алкоголя и другие социальные ограничения. Автор подчеркивает их роль в формировании исламской этики и нравственных ориентиров, которые

являются неотъемлемой частью жизни мусульман. Основные моральные нормы ислама, такие как запрет на азартные игры (майсир) и употребление алкоголя (харам), служат не только религиозными предписаниями, но и важными социальными инструментами, направленными на защиту индивидуального и общественного благополучия. Эти запреты имеют глубокие корни в исламских учениях и традициях, которые акцентируют внимание на важности самоконтроля и ответственности за свои действия. Автор также акцентирует внимание на воспитательном значении религиозных предписаний, направленных на развитие нравственного поведения и социальной ответственности среди мусульман. Эти нормы служат основой для создания гармоничного общества, способствующего укреплению семейных ценностей и поддержанию общественного порядка. Важно отметить, что соблюдение этих моральных запретов не только формирует личность верующего, но и способствует укреплению единства и солидарности в исламском обществе. Взаимное уважение к моральным нормам создает атмосферу доверия и поддержки, что является ключевым фактором для устойчивого развития любого общества.

Необходимо отметить и особенности приготовления к загробной жизни представителей ислама. Оришев А.Б. в своей статье «Ислам: представления о рае и аде» [5] рассматривает исламские представления о загробной жизни, включая образы рая и ада. Автор анализирует тексты Корана и хадисов, описывая символику этих мест и их значение для верующих. Исследование подчеркивает, как представления о рае и аде формируют моральные ориентиры мусульман, влияя на их повседневное поведение и духовное развитие. концепция загробной жизни занимает центральное место в системе верований, и она включает в себя не только представления о рае и аде, но и процесс суда, который предстоит каждому человеку после смерти. Вера в то, что каждый будет вознагражден или наказан за свои поступки, создает у мусульман чувство ответственности за свои действия. Символика рая в исламском учении описывается как место вечного блаженства, где верующие будут наслаждаться плодами, реками, а также обществом праведников. В то же время образ ада, наполненный страданиями и наказаниями, выступает предостережением для тех, кто нарушает заповеди Аллаха. Так, исламские представления о загробной жизни оказывают глубокое влияние на личностное развитие мусульман и на их взаимодействие в рамках общества. Они формируют не только индивидуальные моральные установки, но и социальные нормы.

В работе «Исламский банкинг в Европе» [6] рассматриваются особенности исламского банкинга в Европе, включая запрет на ростовщичество и принципы справедливого распределения прибыли. Автор

анализирует феномен исламской финансовой системы, подчеркивая ее уникальные характеристики и адаптацию к европейским условиям. Исламский банкинг основывается на шариатских нормах, которые требуют от финансовых институтов избегать неэтичных практик, таких как рибха (процент) и гхарар (неопределенность). Вместо этого акцент делается на партнерстве, совместном риске и справедливом распределении доходов. В последние годы наблюдается значительный рост интереса к исламским финансовым институтам, что связано с увеличением числа мусульманского населения в Европе, а также с растущим интересом к этическим инвестициям среди немусульман. Этот тренд подчеркивает важность исламского банкинга как альтернативного подхода к финансам, который предлагает более гуманистические и социально ответственные решения. Также стоит отметить, что исламский банкинг стимулирует дискуссии о необходимости создания более этических и устойчивых финансовых систем в целом.

Отдельно хочется отметить статью Оришева А.Б., Мамедова А.А. и Панюкова А.И. «Место и роль физической культуры и спорта в социальной доктрине ислама» [7]. В рамках исследования раскрывается отношение ислама к физической культуре и спорту, подчеркивается важность телесного здоровья в религиозной жизни мусульман. Авторы акцентируют внимание на том, что забота о теле рассматривается как неотъемлемая часть духовной практики. В статье подробно анализируются священные тексты, такие как Коран и хадисы, где физическая активность не только упоминается, но и рассматривается как форма служения Богу. Физическая культура становится инструментом для формирования моральных ценностей, таких как честность, уважение и взаимопомощь. Это делает физическую активность важным аспектом не только индивидуального, но и коллективного благополучия в рамках исламской культуры. Кроме того, статья подчеркивает, что физическая культура в исламе имеет свои уникальные особенности. Например, многие виды спорта и физической активности должны соответствовать шариатским нормам, что может включать в себя ограничения на определенные виды соревнований или одежды. Тем не менее, авторы утверждают, что ислам поощряет разнообразие физических занятий, таких как борьба, стрельба из лука и конный спорт, которые не только способствуют физическому развитию, но и помогают развивать навыки, полезные в жизни. Так, статья представляет собой важный вклад в понимание роли физической культуры и спорта в жизни мусульман. Она демонстрирует, что забота о теле и духе в исламе неразрывно связаны, а физическая активность является важным элементом гармоничного существования человека в обществе.

Вопросы, связанными с рисками радикализации мусульманских сообществ занимался В.Т. Сакаев. В частности, им в соавторстве с Д.О. Труфановым была опубликована статья, в которой был представлен опыт анализа факторов и механизмов радикализации тюрко-мусульманских сообществ в современной России [8]. Авторами были в статье представлены результаты масштабного социологического исследования (на материалы количественных и качественных методов исследования), проведенного в 2020-2021 гг. в восьми регионах Приволжского, Уральского и Южного федеральных округов, на основе которых были существенно расширены существующие в научной литературе представления о закономерностях процессов радикализации в мусульманской среде [8]. На более высоком теоретическом уровне обобщение научных представлений о процессах радикализации мусульманских сообществ и отдельных индивидов были представлены в статье Сакаева В.Т. «Понятие радикализации: обзор научных подходов в современной зарубежной литературе» [9]. В частности, в статье были раскрыты подходы к определению и характеристикам ряда понятий, таких как «радикализм», «радикал», «радикальный», и категории «радикализация» в современной зарубежной литературе. Автором были выделены и охарактеризованы признаки феномена радикализации, обозначены особенности таких описываемых в научной литературе разновидностей радикализации, как насильственная радикализация, террористическая радикализация и ненасильственная радикализация, а также наглядно показано соотношение категории «радикализация» с понятиями «экстремизм», «насильственный экстремизм», «ненасильственный экстремизм» применительно, в том числе, применительно к мусульманской среде [9].

Таким образом, исследовательская деятельность в области исламоведения в Тимирязевской академии отражает высокий научный уровень и стремление к межкультурному диалогу. Представленные статьи охватывают ключевые аспекты исламской цивилизации, раскрывая как теоретические, так и практические вопросы. Эти работы вносят значительный вклад в развитие гуманитарного знания и представляют интерес для историков, культурологов и религиоведов. Кроме того, исследования демонстрируют разнообразие тем, связанных с исламоведением в научной среде Тимирязевской академии. Авторы не только анализируют религиозные и философские аспекты ислама, но и исследуют его влияние на экономику, культуру, спорт и общественную жизнь. Такой междисциплинарный подход подчеркивает высокий научный потенциал тимирязевских исследователей и значимость их вклада в развитие

гуманитарного знания, способствуя более глубокому пониманию исламской культуры и ее роли в современном мире.

Список литературы

1. Мамедов, А.А. Арабская наука в контексте научных знаний эпохи Средневековья / А.А. Мамедов, В.В. Картунов, А. И. Панюков // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 1. – С. 252-255. – EDN FPDTSG.
2. Оришев, А. Б. Ислам в Европе: к истории проникновения / А. Б. Оришев, А. А. Мамедов // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 6. – С. 302-312. – EDN TBGBYD.
3. Оришев, А. Б. Ислам в Европе: первые волны исламизации / А. Б. Оришев // Запад-Россия-Восток. Археология. История. Философия. Юриспруденция. – 2013. – № 1-2. – С. 39-44. – EDN RNDWBN.
4. Оришев, А. Б. Моральные запреты в исламе / А. Б. Оришев // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2012. – № 10. – С. 141-142. – EDN PTTKLZ.
5. Оришев, А. Б. Ислам: представления о рае и аде / А. Б. Оришев // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2012. – № 10. – С. 95-96. – EDN PTJYX.
6. Оришев, А. Б. Исламский банкинг в Европе / А. Б. Оришев // Бизнес и дизайн ревю. – 2016. – № 3(3). – С. 2. – EDN WMBPFJ.
7. Оришев, А. Б. Место и роль физической культуры и спорта в социальной доктрине ислама / А. Б. Оришев, А. А. Мамедов, А. И. Панюков // Теория и практика физической культуры. – 2025. – № 1. – С. 113-114. – EDN BOCKMU.
8. Труфанов Д.О., Сакаев В.Т. Факторы и механизмы радикализации мусульманских сообществ (на примере мусульманских сообществ России) // Вестник Томского государственного университета. - 2023. - №495. – С.79-91.
9. Сакаев В.Т. Понятие радикализации: обзор научных подходов в современной зарубежной литературе // Антиномии. – 2021. – Т. 21, №2. – С. 45-72.

КИТАЙСКО-БРИТАНСКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РАННИЙ ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ (1949-1954)

Автор: Чжоу Чжаоу

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Россия (420008, Казань, Кремлевская 18), аспирант 2 курса кафедры всеобщей и публичной истории, zhouzhaowu@mail.ru

Научный руководитель: Валеев Рамиль Миргасимович

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Россия (420008, Казань, Кремлевская 18), доктор, исторические науки, профессор, Ramil.Valeev@kpfu.ru

Аннотация. Статья посвящена обзору и оценке межгосударственных связей Китайской Республики и Великобритании с 1949 – 1954 гг. на базе национальной исторической литературы и источников КНР. Период с 1949 по 1954 год стал переломным в сложном переплетении китайско-британских отношений в первые годы холодной войны. Сочетая соответствующую историческую информацию, автор динамично наблюдает за основными противоречиями китайско-британских отношений на каждом этапе и анализирует факторы, влияющие на китайско-британские отношения на разных этапах этого периода. Великобритания стала первой западной державой, признавшей новый Китай, однако ее неоднозначное отношение к тайваньскому вопросу привело к отказу Китая официально установить с ней дипломатические отношения, а двусторонние отношения резко ухудшились после начала Корейской войны в 1950 году. В то же время Гонконг из экономического спасательного круга и политического буфера превратился в плацдарм для блокады Китая в первые годы существования КНР, а Женевская конференция 1954 года стала поворотным моментом, когда Китай и Великобритания установили дипломатические отношения на уровне поверенных в делах и сделали шаг к «установлению полудиبلوماسية отношений».

Ключевые слова: КНР; Великобритания; эмбарго против Китая; Корейская война; прагматизм; Женевская конференция

CHINA-BRITAIN DIPLOMATIC RELATIONS IN THE EARLY ESTABLISHMENT OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA (1949-1954)

Author: Zhou Zhaowu

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia (420008, Kazan, Kremlevskaya 18), 2nd year PhD student of the Department of General and Public

Scientific supervisor: Valeev Ramil Mirgasimovich

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia (420008, Kazan, Kremlevskaya 18), Doctor of Historical Sciences, Professor, Ramil.Valeev@kpfu.ru

Abstract. The article is devoted to the review and evaluation of interstate relations between the Republic of China and Great Britain from 1949 - 1954 on the basis of national historical literature and PRC sources. The period from 1949 to 1954 was a watershed in the complex weave of Sino-British relations in the early years of the Cold War. Combining relevant historical information, the author dynamically observes the major contradictions of Sino-British relations at each stage and analyses the factors affecting Sino-British relations at different stages of this period. Britain was the first Western power to recognise the new China, but its ambiguous attitude to the Taiwan issue led to China's refusal to formally establish diplomatic relations with it, and bilateral relations deteriorated sharply after the outbreak of the Korean War in 1950. At the same time, Hong Kong went from being an economic lifeline and political buffer to a springboard for blockading China in the early years of the PRC, and the 1954 Geneva Conference was a turning point when China and Britain established diplomatic relations at the chargé d'affaires level and took a step toward 'semi-establishing diplomatic relations.

Keywords: PRC; Great Britain; embargo against China; Korean War; pragmatism; Geneva Conference

Первые годы после основания Китайской Народной Республики в 1949 году прошли в условиях сложной международной обстановки. Китайская дипломатия на этом этапе столкнулась с давлением идеологического противостояния, а также с поиском прорыва в сложной международной обстановке. Первое — это формирование модели холодной войны, в которой капиталистический лагерь во главе с США и социалистический лагерь во главе с Советским Союзом вступили в глобальную конфронтацию. США проводили политику сдерживания в отношении Китая: отказывались признавать новый Китай, продолжали поддерживать гоминьдановский режим, отступивший на Тайвань, и препятствовали восстановлению законного места нового Китая в ООН. В 1951 году в отношении Китая было введено полное эмбарго, отрезавшее западные страны от торговли и технологического обмена с Китаем. В ответ на это затруднительное положение КНР принял новую внешнюю политику. Во-вторых, геополитическая картина азиатского региона претерпела значительные изменения: в июне 1950 года началась Корейская война, в которую вмешалась возглавляемая США «Армия Объединенных Наций», пламя войны приблизилось к границе северо-восточного Китая. Война значительно ослабила национальную мощь Китая, но в то же время укрепила китайско-

советский союз и усилила международное влияние Китая. Борьба против Франции во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже в Юго-Восточной Азии (1946-1954) также поддерживалась Новым Китаем. Великобритания, как важная часть западного лагеря, проводила двухстороннюю политику в отношении Китая, что также вызвало раскол в капиталистическом лагере.

После Второй мировой войны экономика Британии оказалась на грани краха, темпы возобновления развития промышленного производства значительно отставали от других капиталистических стран, темпы роста промышленного производства были одними из самых низких, и сопровождалась углублением политического кризиса.

Китайско-британские отношения в этот период можно разделить на три этапа: первый - признание Великобританией Нового Китая (1949-1950), второй - конфликтный период, главным образом, Корейская война (1950-1953), и третий - «полуустановление дипломатических отношений» между Великобританией и Китаем после Женевской конференции (1954).

После образования Китайской Народной Республики в октябре 1949 года Британия решила быстро признать новый Китай, заботясь о сохранении своих экономических интересов в Китае (особенно деловых активов в Шанхае и других местах) и о стабильности Гонконга [1]. 6 января 1950 года Британия официально признала Китайскую Народную Республику, став первой западной державой, сделавшей это. Британское правительство, руководствуясь принципами прагматизма, задумалось о том, как вести себя с будущим Китаем, чтобы защитить свои интересы в Китае еще во время коммунистической гражданской войны, а после 1948 года оно осознало, что приход к власти Коммунистической партии Китая (КПК) - лишь вопрос времени и что Британии придется установить «фактические отношения с Коммунистической партией Китая».

После того как Народно-освободительная армия (НОАК) заняла Нанкин в апреле 1949 года, поражение гоминьдановского режима на Тайване стало необратимым. Великобритания считала, что КПК будет у власти еще долго, и ей необходимо было как можно скорее установить контакт с новым режимом, чтобы обеспечить свои интересы в Китае. Основание Китайской Народной Республики (КНР) 1 октября 1949 года не только означало конец старой эпохи и наступление новой, но и ознаменовало выход Китая на международную арену в совершенно новой позе. В условиях сложной международной обстановки Мао Цзэдун в книге «О народно-демократической диктатуре» четко указал, что «Третьего пути не существует. Мы выступаем против реакционеров Чан Кайшэна, перешедших на сторону империализма, и против иллюзии третьего пути» [2; 3; 4].

Новый Китай проводил политику: «наклониться в одну сторону»,

«начать создавать свой отдельный очаг» и «сначала подмести в своем доме, а потом приглашать в него гостей».

Британия, как одна из стран с наибольшими интересами в Китае, надеялась, с одной стороны, признать новый Китай в обмен на практические выгоды, и в то же время попытаться завоевать Китай, чтобы предотвратить его полное отпадение к Советскому Союзу, а с другой стороны, надеялась уменьшить свою зависимость от США и сохранить относительную независимость. Суждения Китая о Великобритании: во-первых, Великобритания, как старая капиталистическая страна с историей агрессии против Китая в течение ста лет, является бескомпромиссной империалистической страной. Во-вторых, особые послевоенные отношения между Великобританией и США предопределили, что Великобритания не могла вести дипломатическую деятельность полностью независимо от США, и факты также доказали, что Великобритания лишь отчасти занималась основными вопросами, такими как разрыв связей с Гоминьданом, поддержка возобновления председательства нового Китая в ООН и уточнение распределения активов Великобритании в Китае, что привело к невозможности установления дипломатических отношений между двумя сторонами в течение длительного периода времени. В то же время Британия была силой, с которой новому Китаю приходилось считаться. Доктрина Мао Цзэдуна о «срединном пути» включала и Британию, которая могла служить буферной зоной в холодной войне между США и Советским Союзом или мостом для общения и диалога.

По сути, признание Великобританией нового Китая было неполным реализмом, который предотвратил полный крах ее интересов в Китае, сохранил колониальную власть в Гонконге и сохранил возможности для будущего взаимодействия с Китаем. Однако компромисс по Тайваню привел к длительной стагнации китайско-британских отношений и невозможности реализовать цель установления дипломатических отношений. Этот инцидент показывает, что внешнеполитические решения в начале холодной войны часто были сложным компромиссом между идеологической конфронтацией, союзническими обязательствами и реальными интересами, а выбор Великобритании представляет собой классический пример для изучения стратегий великих держав в период системного перехода [5; 6].

Вторая фаза - конфликтная, наиболее ярко выраженная Корейской войной. Корейская война (1950-1953 гг.) стала важным поворотным пунктом в глобальном ландшафте в начале холодной войны и оказала глубокое влияние на китайско-британские отношения после основания нового Китая. Хотя Великобритания признала новый Китай в январе 1950 года, прямое столкновение двух стран на поле боя в Корее, их противоположные лагеря и

вызванные ими политические и экономические конфликты завели отношения в тупик и даже поставили их на грань краха.

В политическом и военном отношении Великобритания, будучи основным союзником Соединенных Штатов, положительно отреагировала на резолюцию ООН и направила для участия в Корейской войне около 15 000 военнослужащих (например, батальон «Глостер»), став второй по величине страной, предоставившей войска после Соединенных Штатов. Хотя американские войска составляли 90% «сил ООН», политическое значение вклада Великобритании нельзя было игнорировать, как сказал Макартур: «В военном отношении эти войска бесполезны; они, возможно, никогда не участвовали в войне. Но с политической точки зрения они привнесли в мир атмосферу Организации Объединенных Наций». Китай считал Великобританию «пособником американского империализма», а Чжоу Эньлай публично осудил Великобританию за «предательство интересов народов Востока», что привело к полному краху китайско-британского политического доверия.

В экономической сфере Великобритания была вовлечена в тотальное эмбарго против Китая. В начале создания Нового Китая британское правительство, хотя и согласилось принять совместно с США меры по введению эмбарго на китайские стратегические товары, не согласилось с попыткой США использовать торговое оружие для противостояния Китаю и начать с ним тотальную торговую войну; в то же время Великобритания пыталась сохранить свое коммерческое присутствие в Китае, а позже, хотя и была вынуждена закрыть его из-за операционных трудностей, пыталась найти новый способ торговли между Китаем и Великобританией. Только в 1951 году Великобритания последовала примеру США и ввела эмбарго на стратегические товары в рамках Батумского соглашения, ограничив экспорт нефти, каучука, точного оборудования и других материалов в Китай, что привело к резкому сокращению объема китайско-британской торговли. В 1952 году объем торговли Китая с Великобританией составлял лишь 5 процентов от довоенного уровня (1950 год), а финансируемые Великобританией предприятия в Шанхае и других местах (такие как Шанхайская трамвайная компания) были национализированы. Китай национализировал принадлежащие Великобритании предприятия в Китае и ограничил деятельность британских дипломатов в Китае (например, выслал некоторых сотрудников британского консульства в Шанхае в 1951 году). Британское эмбарго в отношении Китая препятствовало развитию китайско-британских отношений и сильно повлияло на британские интересы в Китае. Британская деловая активность снизилась, а прибыли упали, отчасти из-за корректировки экономической политики Нового Китая, а отчасти из-за того,

что Великобритания последовала за США и ввела эмбарго в отношении Китая. Политическое влияние Великобритании в Китае также еще больше ослабло: после начала Корейской войны консульства Великобритании в Китае, помимо Пекина, сохранились только в Шанхае, а китайско-британские отношения после пика в 1950 году пошли на спад.

Следует отметить, что Гонконг является неотъемлемой частью китайско-британских отношений. На заре основания Гонконга Китай и Британия придерживались политики временного шельмования. Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай и другие лидеры дали понять, что не собираются возвращать Гонконг на время, считая, что сохранение Гонконга под властью Великобритании будет более благоприятным для прорыва западной блокады, и придерживаясь политики «долгосрочного планирования и полного использования». Новый Китай надеялся, что Гонконг станет важным окном для прорыва блокады и поддержания внешних связей в условиях холодной войны. Во время Корейской войны Гонконг стал плацдармом для западного эмбарго против Китая. Согласно данным, общий объем торговли Гонконга с материком в 1952 году упал на две трети по сравнению с предыдущим годом. В 1951-1955 годах Китай на экспортном рынке Гонконга опустился с первого на пятое место, а экспорт Гонконга на материк упал с 1,604 млрд гонконгских долларов в 1951 году до 391 млн гонконгских долларов в 1954 году, что составляло лишь 24,3% от показателя 1951 года, а объем двусторонней торговли также упал на 45,3%.

После окончания Корейской войны в 1953 году Китай и Великобритания в нужное время скорректировали свою внешнюю политику, что сыграло важную роль в содействии разрядке и развитию китайско-британских отношений. Женевская конференция 1954 года, проходившая в Швейцарии, стала для Китая и Великобритании возможностью установить «полудипломатические» отношения. Женевская конференция проводилась для решения индокитайского вопроса, и Британия надеялась сохранить мир в регионе ради своих колониальных интересов в Азии, что было диаметрально противоположно стратегическим намерениям Соединенных Штатов. Женевская конференция, ставшая первой конференцией по крупным международным вопросам, в которой Китай участвовал в качестве одной из пяти крупнейших держав, также придерживалась концепции поддержания мира в Азии и во всем мире, что совпадало с предложением Великобритании. В ходе конференции Чжоу Эньлай отметил, что, уважая выбор народов всех стран и их право на сохранение собственного образа жизни и национальных систем без иностранного вмешательства, мы также просим другие страны относиться к нам так же. Пока все страны мира будут придерживаться этих принципов, и иметь желание сотрудничать друг с другом, мы считаем

возможным мирное сосуществование стран мира при различных социальных системах». 1 мая 1954 года министр иностранных дел СССР Молотов устроил банкет для Чжоу Эньлая и Айдина, во время которого состоялся откровенный разговор, в котором они выразили свое недовольство нынешним состоянием отношений между двумя странами и пожелали улучшения ситуации. С тех пор министры иностранных дел двух стран часто общаются друг с другом, постепенно прокладывая путь к развитию китайско-британских отношений.

Визит делегации Британской лейбористской партии (БЛП) в Китай в 1954 году стал важным событием в истории китайско-британских отношений в первые годы холодной войны, ознаменовав собой попытку двух стран добиться прорыва в гражданской дипломатии в условиях политического соперничества. 1954 год ознаменовался августовским визитом делегации БЛП в Китай во главе с бывшим премьер-министром Великобритании и лидером Лейбористской партии г-ном Адлаем, который пользовался поддержкой британского Министерства иностранных дел. Китайское правительство придавало большое значение визиту Лейбористской партии в Китай, и Чжоу Эньлай провел активную подготовку к приему Лейбористской партии. Стороны провели переговоры о перемирии в Корее, тайваньском вопросе, китайско-британской торговле и международной ситуации. Визит делегации Лейбористской партии в Китай, несмотря на неофициальную политическую деятельность, был высоко оценен как китайским, так и британским правительством, поэтому визит имел очень важное положительное значение для дальнейшего улучшения и развития китайско-британских отношений. Во-первых, визит лейбористов проник вглубь Китая и позволил им получить более объективное и относительно позитивное представление о новом Китае. Во-вторых, визит Лейбористской партии в Китай также является отражением потепления китайско-британских отношений, что положительно сказывается на последующем развитии китайско-британских отношений [7, с. 73].

2 сентября 1954 года Китай и Великобритания установили дипломатические отношения на уровне поверенного в делах. Чжоу Эньлай назвал эти отношения «полудипломатическими». Хотя соглашение об обмене поверенными в делах между Китаем и Великобританией стало важным прорывом в переговорах об установлении дипломатических отношений между Китаем и Великобританией, в течение последующих 18 лет отношения оставались неизменными. Основопологающей причиной этого была двойственность отношений Великобритании с Китаем, который находился между Китаем и Соединенными Штатами.

Китайско-британские политические и дипломатические отношения с

1949 по 1954 год не только дают микроразрез модели международных отношений в период начала холодной войны, но и предлагают важную перспективу для понимания взаимодействия великих держав и баланса идеологий и интересов в современной международной политике. Китайско-британские отношения воплощают логику «реализма» - несмотря на противоположные идеологии, Великобритания признала новый Китай, исходя из собственных национальных интересов (например, защиты своих деловых интересов в Китае и стабильности Гонконга), в то время как Китай стремился к международному пространству через ограниченное сотрудничество. Этот выбор «интересов над идеологией» подтверждает основное предположение о рациональных акторах в теории международных отношений. Китайско-британское взаимодействие отражает противоречие между «соперничеством лагерей» и «странами средней полосы» в начале холодной войны. Будучи союзником Соединенных Штатов, разногласия Британии с США по поводу признания Нового Китая подчеркивают раскол в альянсе времен холодной войны и ставят под сомнение упрощенный нарратив о «биполярном противостоянии». Однако, хотя Великобритания и признала новый Китай, она не полностью разорвала свои связи с гоминьдановским режимом на Тайване, что привело к невозможности установления дипломатических отношений между двумя сторонами в течение длительного времени. Этот случай показывает раздельность понятий «признание» и «установление дипломатических отношений» в международном праве, а также политическую чувствительность суверенных государств к «принципу одного Китая». Что касается экономики, то участие Великобритании в торговом эмбарго против Китая, а также содействие бизнес-сообщества «ледокольной торговле» отражают противоречия между государственной политикой и рыночными силами в условиях экономической глобализации. Этот феномен «холодной политики и горячей экономики» обеспечивает историческую основу для анализа ограничений экономических санкций. Одним словом, благодаря этому исследованию мы можем более ясно увидеть, что суть международной политики заключается в динамичном компромиссе интересов, а не в статичном противостоянии лагерей, и что жизнеспособность внешней политики заключается в том, как найти устойчивый баланс между идеализмом и реализмом.

Список литературы

1. Джеймс Ф. Шнабель Армия США в Корейской войне, том II / Джеймс Ф. Шнабель — Пекин: Издательство Университета национальной обороны, 1990. — 466 с.
2. Мао Цзэдун. Избранные произведения Мао Цзэдуна, том II. Пекин: Народное издательство, 1991.

3. Мао Цзэдун. На среднем плане, мирное сосуществование и китайско-британские и китайско-американские отношения / Мао Цзэдун // Избранные дипломатические документы Мао Цзэдуна. — Пекин: Центральное издательство литературы, 1994.
4. Цянь Чэндань Закат - Британия XX века / Цянь Чэндань. Шанхай: Издательство Восточно-Китайского нормального университета, 1999. — 378 с.
5. Са Бэньжэнь, Пань Синмин. Китайско-британские отношения в XX веке / СаБэньжэнь, Пань Синмин. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2004. — 432 с.
6. Хэ Цзин, Лю Лили. Содействие улучшению и развитию китайско-британских отношений: визит делегации Лейбористской партии Великобритании в Китай в 1954 году / Хэ Цзин, Лю Лили // Газета колледжа Сючан. — 2024. — С. 69-74.
7. Чи Айпин. Дипломатические стратегии первого поколения китайских коммунистических лидеров в отношении западных стран / ЧиАйпин // Партийная литература. — 1999. — С. 52-60.

СТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНЗУРЫ КИНЕМАТОГРАФА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Автор: Шабает Алексей Юрьевич

*ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»,
Москва, Россия (119991, Москва, Ленинские горы, д. 1.), студент 1 курса магистратуры
кафедры новой и новейшей истории исторического факультета,
shabaev.aleksey.02@mail.ru*

Научный руководитель: Байбакова Лариса Вилоровна

*ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»,
Москва, Россия (119991, Москва, Ленинские горы, д. 1.), профессор, доктор исторических
наук, lbaibakova@yandex.ru*

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению начального этапа цензуры кинематографа в США. Отмечаются противоречивые результаты, к которым привела растущая популярность на рубеже XIX-XX вв. технических изобретений, позволявших записывать и проецировать движущиеся изображения. Было определено, что ответом кинопромышленности на критику в свой адрес стала самоцензура. Удалось установить, что низкая эффективность предпринимаемых киноиндустрией мер предопределила установление государственного контроля, первой формой которого являлось издание на уровне муниципалитетов и штатов постановлений, запрещающих демонстрацию фильмов, которые изображали боксерские поединки. Вторая форма была связана с функционированием учреждений, в обязанность которых входил предварительный просмотр фильмов и определение того, может ли фильм демонстрироваться на экранах. Главный научный результат: сделан вывод о том, что уже на заре кинематографа были выработаны основные механизмы его цензуры.

Ключевые слова: кинематограф; США; Национальный совет по цензуре; Т. Эдисон; Верховный суд.

THE ESTABLISHMENT OF CENSORSHIP OF CINEMA IN THE UNITED STATES OF AMERICA

Author: Shabaev Alexey Yurievich

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (119991, Moscow, Leninskie Gory,
1.), 1st year graduate student of the Department of Modern and Contemporary History of the
Faculty of History, shabaev.aleksey.02@mail.ru*

Scientific supervisor: Baybakova Larisa Vilorovna

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (119991, Moscow, Leninskie Gory, 1.), Professor, Doctor of Historical Sciences, lbaibakova@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the study of the initial stage of censorship of cinema in the United States. Contradictory results are noted, which led to the growing popularity at the turn of the 19th-20th centuries of technical inventions that allowed recording and projecting moving images. It was determined that the film industry's response to criticism was self-censorship. It was established that the low effectiveness of the measures taken by the film industry predetermined the establishment of state control, the first form of which was the issuance of resolutions at the municipal and state levels prohibiting the demonstration of films that depicted boxing matches. The second form was related to the functioning of institutions responsible for previewing films and determining whether a film could be shown on screens. The main scientific result: it is concluded that already at the dawn of cinema, the main mechanisms of its censorship were developed.

Keywords: cinematography; USA; National Censorship Board; T. Edison; Supreme Court

Начало технологической революции в Соединенных Штатах на рубеже XIX-XX вв. было вызвано промышленным развитием, сопровождавшимся использованием машин, переходом от энергии пара к электрификации, строительством трансконтинентальных железных дорог, применением организационных методов в управлении крупными предприятиями, на которых работали десятки тысяч рабочих. В рамках активно развивавшейся индустриальной модернизации в повседневную жизнь американцев стали входить такие технологические новинки, как телефон, телеграф, бритва, пылесос, холодильник и прочее. Одним из подобных наукоемких изобретений стал кинематограф. Его коммерческий успех привел к возникновению целой системы кинопроизводства, которая соответствовала общему контексту исторического развития США. Низкая стоимость входных билетов, вместе с доступностью фильмов для малообеспеченных лиц, не говоря об иммигрантах, не владевших английским языком, обеспечили популярность кино и сделали его частью формирувавшейся массовой культуры. Одним из проявлений возрастающего влияния кинематографа стала «эмансипация» зрителей из-под влияния традиционных общественных институтов, главным образом, церкви. Раскручиваемые на экранах кинотеатров сюжеты, в том числе житейские истории, проникали в умы широких слоёв населения и затрагивали их чувства. Демонстрировавшиеся фильмы часто приводили к общественным дискуссиям.

Отклик деятелей киноиндустрии, приведший к саморегулированию и самоцензуре, не был напрямую связан с критическим выпадам против их детища. Первым откликнулся изобретатель Т. Эдисон, который в декабре

1894 г. запретил использование своего оборудования для съемки боксерского поединка между Дж. Корбеттом и Р. Фицсиммонсом [1, с. 2]. Вероятнее всего, это решение было связано с гибелью в том же месяце боксера Э. Боуэна от травмы, полученной во время поединка [2, с. 2]. Как предполагает преподаватель кафедры права Университета Аризоны Б. Орбах, Эдисон стремился дистанцироваться от негативных общественных настроений, связанных со сценами насилия в ходе боксерских поединков [3, с. 279]. Несмотря на недолговечность запрета, его решение справедливо считается первым проявлением самоконтроля относительно содержания фильмов в киноиндустрии, что с наибольшей вероятностью может быть связано со стремлением избежать цензуры со стороны властей штата или муниципалитета. Таким образом, начало самоцензуры в кинопромышленности связано с запретом Эдисона использовать его оборудование для съемки боксерских поединков на фоне общественной дискуссии, вызванной смертью спортсмена от травмы, полученной во время боя.

Аналогичную причину можно усмотреть в создании Национального совета по цензуре в 1909 г. после того, как в канун Рождества 1908 г. мэр Нью-Йорка Дж. Макклеллан-мл. отозвал лицензии у кинотеатров, расположенных в городе [4, с. 1]. В состав совета на добровольной основе вошли представители различных реформаторских организаций — «Ассоциация народного образования», «Федерация церквей», «Муниципальная лига женщин», «Этико-социальная лига», «Общество по предотвращению преступности», «Ассоциация работников местного самоуправления» и «Лига политического просвещения» [5, с. 29], члены которого являлись протестантами и представляли высшую прослойку среднего класса [6, с. 586]. Несмотря на название, организация не обладала законодательной властью, так как в её функции входил лишь просмотр фильмов до их демонстрации в кинотеатрах города и проверка на наличие заведомо неприемлемых сцен и изображений [7, с. 421]. Совет, с одной стороны, выступал гарантом для зрительской аудитории относительно качества находящихся в прокате фильмов, а с другой, - вносил ясность в планы производителей фильмов в вопросах приемлемости их продукции [7, с. 421]. Главой исполнительного комитета по цензуре и генеральным секретарем Национального совета стал Дж. Кольер, тесно работавший с главой Народного института Ч. Смитом. Им удалось поддерживать добрые взаимоотношения с производителями фильмов, что обеспечило их успешное взаимодействие с советом. Во многом благодаря этому симбиозу, Национальному совету по цензуре удалось занять важное место в системе выпуска фильмов и контроля за их содержанием. Так, уже к августу 1909 г.

он цензурировал 75% фильмов, демонстрируемых в США [8, с. 310]. Однако перемещение центра кинопроизводства из Нью-Йорка в Голливуд привело к утрате влияния среди производителей фильмов [9, с. 548].

Подводя промежуточный итог, следует отметить, что реакцией владельцев киностудий на критику со стороны общества и ограничительные меры со стороны региональных властей выступила самоцензура, направленная на контроль за содержанием выпускаемых фильмов. Её целью являлась демонстрация всему обществу способности индустрии самостоятельно отслеживать качество лент и их соответствие морально-этическим нормам. Со временем изъяны кинопродукции привлекли внимание реформаторских организаций, готовых добровольно просматривать фильмы и определять степень их пригодности для демонстрации на экране. Однако отсутствие поддержки со стороны властей разного уровня снижало эффективность принимаемых мер и предопределило их временный характер.

Усиливавшееся воздействие на умы американцев вместе с активностью самого общества по обличению недостатков новой формы массового развлечения привело к тому, что государство было вынуждено принять участие в регулировании этой инновационной сферы. В этом контексте необходимо вновь вернуться к кадрам боксерского поединка между Корбеттом и Фицсиммонсом. После того, как общественное негодование после скандала улеглось, 17 марта 1897 г. в Карсон Сити (Невада) был проведен «бой века», события которого были запечатлены на киноплёнку. Однако уже 20 марта того же года легислатура штата Мэн приняла статут, запрещающий демонстрацию фильмов или иных изображений боксерского поединка. Штраф за его нарушение не должен превышать 500 долл. [10, с. 352]. Примеру Мэна последовали другие штаты на северо-востоке: Иллинойс, Миннесота, Массачусетс, Нью-Джерси, Нью-Йорк и Пенсильвания [11, с. 3]. Помимо штатов, к ограничению присоединился ряд мегаполисов. Так, 26 июля 1897 г. в Лос-Анджелесе был принят ордонанс со схожим содержанием [12]. Таким образом, первой формой государственной цензуры стало издание статуты и постановлений, запрещающих демонстрацию фильмов, посвященных боксерским поединкам, при этом ограничения были введены, как на уровне муниципалитетов, так и в масштабе штатов. Интересно отметить, что схожие меры были приняты в 1910 г. после упоминаемого боя Джонсона и Джеффриса, но на этот раз список штатов и муниципалитетов, в которых запрещалась демонстрация фильмов о боксерских поединках, заметно увеличился до 9 и 41 соответственно, что свидетельствовало о расширении масштабов региональной и местной цензуры. На этой волне Конгрессом США в 1910 г. был принят первый федеральный закон, запрещающий межштатную

перевозку фильмов о боксерских поединках [13, с. 60]. В совокупности все эти законы говорят о том, что государство более или менее внимательно отслеживало общественные настроения и на волне критических настроений против демонстрации сцен насилия ввело соответствующие ограничения.

Если в проанализированных выше примерах государственная цензура проявлялась в ограничении демонстрации и распространения фильмов в силу их содержания, то с начала XX в. выявилось ещё одно направление, связанное с действием определённых структур, контролировавших не только сюжеты фильмов, но и кадры из них. 4 ноября 1907 г. в Чикаго, со вторым после Нью-Йорка масштабным рынком фильмов, вышло постановление, запрещающее демонстрацию «непристойных и аморальных изображений», а также устанавливавшее необходимость предварительной цензуры фильмов соответствующими структурами полиции [14, с. 255]. К демонстрации допускались лишь те ленты, которые получали одобрение начальника полиции. На штатном уровне цензура была впервые введена в 1911 г. в Пенсильвании, где создавалась система лицензирования фильмов «Цензурным советом», который обладал полномочиями по просмотру всех кинолент, предназначенных к прокату, и запрету в выдаче прокатных лицензий фильмам с «святотатственным, непристойным, аморальным или развращающим мораль» [15, с. 1068] сюжетом. Одновременно запрещались ленты, запечатлевшие наготу, супружескую неверность, а также пьющих и курящих женщин. Новые учреждения в форме Советов цензоров фильмов были созданы в 1913 г. в штатах Огайо и Канзас [16, с. 399]. В их функции входил предварительный просмотр кинолент и определение степени их соответствия общепринятым нормам. Сравнивая указанные учреждения, можно отметить разницу в административных уровнях цензурных постановлений: в случае с Чикаго его действие распространялось на муниципалитет, а в примерах Пенсильвании, Огайо и Канзаса – на целый штат. Различалось и структурное оформление органов, отвечавших за цензурирование фильмов. Если в Чикаго эти функции были поручены полиции, то в Огайо и Канзасе для этого были созданы специальные учреждения. Вместе с тем представляется необходимым сопоставить использовавшуюся законодателем лексику. Так, в Чикаго, Пенсильвании и Канзасе фильм мог быть не допущен к прокату «от противного», т.е. в силу наличия в нём «непристойных» и «аморальных» изображений. В Огайо, наоборот, на экранах могли появиться лишь «моральные, образовательные, развлекательные или безвредные» [17, с. 399] фильмы.

Говоря о механизме предварительной (допрокатной) цензуры фильмов, необходимо отметить, что после изучения содержания ленты, у цензоров, как правило, было 3 возможных модели их оценки. Первая была связана с

допуском фильма к прокату без каких-либо изменений, вторая — подразумевала внесение правок, после чего лента также допускалась для демонстрации на экране, и, наконец, в третьем случае, при котором происходил её полный запрет. Важно понимать, что проанализированные постановления не содержали критериев «непристойности» или «аморальности» изображений, что оставляло цензорам широкий простор для их интерпретации и не позволяло создателям фильмов заранее определить, что может быть запрещено, а что допущено к демонстрации. Ещё одной специфической чертой цензурирования фильмов в рассматриваемый период являлось то, что многие цензоры назначались на свои посты не в силу выдающихся познаний в области кинематографа и строго выработанных критериев анализа фильмов, а по причине вмешательства политических элит. Ярким примером служит Э. Оберхольтцер, главный цензор органа, выдававшего прокатные лицензии в Пенсильвании. Являясь соседом губернатора штата, он открыто признавался в том, что в действительности мало знает о кинематографе [18, с. 19]. Таким образом, в начале цензура кинематографа отличалась неоднозначностью в силу отсутствия четких критериев степени «непристойности» и «аморальности» изображений. Всё это создавало широкий простор для интерпретации со стороны цензоров, многие из которых были ставленниками «сильных мира сего», что в ещё большей степени подрывало авторитет организаций, которые они представляли.

Вместе с тем цензура кинематографа была обращена не только на фильмы, но и на места их демонстраций, которые также вызывали нарекания со стороны общественности. В этом контексте необходимо обратиться к примеру штата Нью-Йорк, на территории которого располагалась крупнейшая на тот момент индустрия кинопроизводства. 3 декабря 1907 г. судья Верховного суда штата Дж. О'Горман отозвал лицензию у кинотеатра «Виктория» за нарушение запрета от 1860 г. на воскресные развлечения [19, с. 45]. Как справедливо утверждает американский исследователь Д. Читром, это решение не учитывало колоссальных изменений, которые произошли в досуге мегаполиса за последние 50 лет. Наиболее ярким проявлением ограничения деятельности кинематографа являлся упоминаемый выше отзыв мэром Нью-Йорка Макклелланом-мл. лицензий у кинотеатров в канун Рождества 1908 г. Если подоплёка, связанная с выступлениями противников кинематографа, встречается практически во всех работах по данной теме, то новое объяснение причин принятия данного решения было предложено тем же Д. Читром. По его мнению, наряду с общественным негодованием Макклеллан-мл. руководствовался желанием показать свою власть и независимость от партийной машины демократов Таммани-Холл, с которой у

него возник конфликт, а также стремлением стать президентом престижного Принстонского университета, выпускником которого он являлся. Подобный инцидент даёт основания для утверждения о том, что цензура кинематографа в первые десятилетия своего существования руководствовалась в значительной степени личными и корыстными политическими интересами, нежели стремлением сохранить мораль зрителей и уберечь их от несчастных случаев.

Общей чертой изученных решений являлся тот факт, что все они были связаны с отзывом у кинотеатров лицензий, без которых они не могли нормально функционировать. Однако в истории цензуры кинематографа можно было встретить и иные формы ограничения деятельности и даже наказания за неё. Так, в 1907 г. «Общество помощи детям» подало в суд против ряда кинопрокатчиков. В результате владелец никельодеона Дж. Уотсон был обвинен в создании угрозы для нравственности детей за показ фильма «Неписанный закон», в котором присутствовали, как сцены накачивания наркотиками героиню фильма, так и расстрела одного из персонажей. В итоге Уотсон был оштрафован на 100 долл., что можно рассматривать в большей степени в качестве репутационного наказания. За показ фильма, в котором был показан изображающие китайский опиумный притон, был арестован владелец другого кинотеатра В. Шорт [20, с. 663]. Годом ранее за показ фильма об убийстве сыном угольного и железнодорожного магната сэра У. Тоу Г. Тоу архитектора С. Уайта на фоне любовного треугольника, были арестованы прокатчики в Нью-Йорке [21, с. 679]. Соответственно, одной из форм цензуры кинематографа становилось преследование прокатчиков, в кинотеатрах которых демонстрировались фильмы, вызвавшие общественные нарекания. Суммируя анализ ограничений, связанных с деятельностью кинотеатров, можно отметить, что основными механизмами их введения являлись судебные постановления и решения глав муниципалитетов. Чаще всего они касались отзыва лицензий у проштрафившихся площадок для демонстрации фильмов, но встречались примеры наложения штрафов на прокатчиков или их арест, что можно охарактеризовать в качестве карательной пост-прокатной цензуры.

Подводя итог, необходимо отметить, что растущая популярность на рубеже XIX-XX вв. кинематографа привела к тому, что население США стало выходить из-под контроля традиционных общественных институтов, которые обрушили на него волну критики. На страницах газет, в публичных выступлениях и с церковных кафедр религиозные деятели, прогрессисты-реформаторы и общественные организации обличали сюжеты фильмов, которые могли пагубным образом сказаться на умах старшего и, что не менее важно, младшего поколения американцев, не говоря уже о многочисленных

иммигрантах. Нападкам также подвергались санитарные условия кинотеатров и несоблюдение в них техники безопасности. Ответом кинопромышленности на критику в свой адрес стала самоцензура, которая была направлена не только на контроль за содержанием выпускаемых фильмов, но и демонстрацию способности самостоятельно отслеживать качество выпускаемых лент, их соответствие нормам. Это привело к созданию в 1909 г. Национального совета по цензуре, в функции которого входил просмотр фильмов до их демонстрации в кинотеатрах города и проверка на наличие заведомо неприемлемых изображений. Однако отсутствие в масштабах государства законодательной силы снижало эффективность принимаемых мер. Первой формой установления государственного контроля являлось издание на уровне муниципалитетов и штатов статутов и постановлений, запрещающих демонстрацию фильмов, посвященных боксерским поединкам. Вторая форма состояла в функционировании специализированных структур — советов по цензуре. В силу отсутствия четких критериев степени «непристойности» и «аморальности» изображений, перед цензорами открывался широкий простор для интерпретаций, что затрудняло понимание кинопроизводителей относительно того, что может быть допущено к показу. У проштрафившихся владельцев кинотеатров изымались лицензии, на них налагались штрафы, или даже осуществлялся арест прокатчиков, что можно охарактеризовать в качестве карательной пост-прокатной цензуры. Можно отметить, что уже на заре кинематографа были выработаны основные механизмы его цензуры.

Список литературы

1. Edison Issues an Injunction / Sioux City J. 1894. Dec. 20.
2. Andy Bowen May Die / Chicago Daily Tribune. 1894. Dec. 15.
3. Barak O. Prizefighting and the Birth of Movie Censorship // Yale Journal of Law & the Humanities. 2009. Vol. 21, №21.
4. New York Times. 1908. Dec. 25.
5. Morton D. City of Superb Democracy: The Emergence of Brooklyn's Cultural Identity During Cinema's Silent Era, 1893-1928.
6. Couvares F. Hollywood, Main Street, and the Church: Trying to Censor the Movies Before the Production Code // American Quarterly. 1992. Vol. 44, № 4.
7. Klein R. Film Censorship: The American and British Experience // Villanova Law Review. 1967. Vol. 12.
8. Rosenbloom N. Between Reform and Regulation: The Struggle over Film Censorship in Progressive America, 1909-1922 // Film History. 1987. Vol. 1, № 4.
9. Czitrom D. The Politics of Performance: From Theater Licensing to Movie Censorship in Turn-of-the-Century New York // American Quarterly. 1992. Vol. 44, №4. P. 525-553.
10. Acts and Resolves of the 68th Legislature of the State of Maine, 1897.

11. A Knock-Out Measure / Utica Semi-Weekly Herald. 1897. Mar. 23. P. 4; Taboos Fights by Kinetoscope / Washington Post. 1897. Mar. 26; Law Making in New Jersey / New York Times. 1897. Mar. 30.
12. Representations of Prizefights, Ordinance 4437, New Series (Los Angeles, July 26, 1897).
13. House Documents. 61st Congress 2d Sess., Vol. 133, 1910.
14. Block v. City of Chicago, 239 Ill. 251, 1909.
15. Pennsylvania Statutes and Consolidated Statutes Annotated, 1911.
16. Kansas Session Laws, 1913. P. 294; Ohio Congressional Records. 18th General Assembly, 1913.
17. Ohio Congressional Records. 18th General Assembly, 1913.
18. Biltereyst D., Vande Winkel R. Silencing Cinema: Film Censorship around the World. NY: Palgrave MacMillan, 2013.
19. News and Notes / Liberty: A Magazine of Religious Freedom. 1908. Vol. 3, № 1.
20. Trade Notes / Moving Picture World. 1907. May 11. P. 153; Trade Notes / Moving Picture World. 1907. Dec. 14.
21. Barbas S. How the Movies Became Speech // University at Buffalo School of Law. 2012. Vol. 64, № 3.

РАЗДЕЛ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 7.046.3

ЯЗЫЧЕСКИЙ СМЫСЛ ДРЕВНЕРУССКОЙ ВЫШИВКИ

Автор: Богдановская Антонина Леонидовна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студентка 1 курса факультета зоотехнии и биологии, iheterlic@gmail.com

Научный руководитель: Оришев Александр Борисович

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории, Orishev71@mail.ru

Аннотация. Несмотря на большое влияние верований наших предков на формирование российской культуры, в наше время доступно достаточно мало источников, позволяющих подробно углубиться в эту тему. Мотивы древнерусской вышивки начинают фигурировать в творчестве современных мастеров как элемент этники с исключительно декоративной функцией, хотя раньше мастерицы придавали глубинный смысл практически каждому крестику на полотне. Важно помнить, что практически все вышитые предметы ранее имели ритуальное значение, из-за чего на основе анализа их элементов можно проследить не только некоторые моменты быта древней Руси, но и многие моменты изменения пантеона славянских богов.

Ключевые слова: язычество древних славян; древнерусская вышивка; культура древних славян

THE PAGAN MEANING OF ANCIENT RUSSIAN EMBROIDERY

Author: Bogdanovskaia Antonina Leonidovna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), 1st year student at the Faculty of Animal Science and Biology, iheterlic@gmail.com

Scientific supervisor: Orishev Aleksandr Borisovich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), Doctor of Historical Sciences, Associate

Abstract. Despite the great influence of our ancestors' beliefs on the formation of Russian culture, nowadays there are very few sources available that allow us to delve into this topic in detail. Motifs of ancient Russian embroidery are beginning to appear in the works of modern masters as an element of ethnicity with an exclusively decorative function, although earlier craftswomen attached deep meaning to almost every cross on the canvas. It is important to remember that almost all embroidered items previously had a ritual meaning, which is why, based on the analysis of their elements, one can trace not only some aspects of the life of our ancestors, but also many moments of change in the pantheon of Slavic gods.

Key words: paganism of the ancient Slavs; ancient Russian embroidery; culture of the ancient Slavs

На нашу культуру огромное влияние оказало славянское язычество – пласт древних обрядов и верований, существовавший на Руси до прихода православия. Несмотря на кажущийся большим временной промежуток от наших времен до языческих, влияние культуры тех времен до сих пор повсеместно заметно, некоторые традиции настолько прижились, что мы перестали задумываться об их происхождении. Изучение следов язычества актуально для восстановления связи с предками, ознакомления с культурой древних славян и лучшего понимания мира вокруг современного человека. Одним из ярчайших проявлений славянского язычества в наше время является вышивка древней Руси. Большая часть предметов с вышивкой имела ритуальный характер, но в современных реалиях мало кто задумывается об истинном значении и роли этих узоров в жизни наших предков. Кому же посвящались самые распространенные узоры, где их изображали и когда использовали?

Самым известным полотном для вышивки на Руси являлись полотенца, ставшие отдельным ритуальным предметом и наиболее достоверным источником информации о формировании религиозных мировоззрений наших предков [1, с. 1-4]. Полотенца использовались при рождении, венчании, в похоронах, при встрече гостей - поднесении хлеба-соли, ими украшали красный угол и использовали, чтобы ставить на них иконы. Помимо этого, в тяжёлые времена наши предки строили «обыденные» храмы и вышивали «обыденные» полотенца, которые должны были огородить дом от беды [2, с. 166; 3, с. 1-20].

Помимо полотенца вышивкой покрывали рубахи и прочую одежду. Такая вышивка всегда играла роль оберега, так как находилась ближе всего к телу носителя. Узоры, как правило, располагались в местах соприкосновения человека с внешним миром – горловина, край рукава, подол – и на швах, для скрепления изделия.

Вышивали также кокошники, женскую одежду, постельные принадлежности и прочие предметы, имевшие связь со свадебным ритуалом.

Чаще всего в вышивке встречается трехчастная композиция: в центре располагается женская фигура с поднятыми руками, окружённая символами плодородия, слева и справа от неё - всадники. Центральная фигура преимущественно ассоциируется с Рожаницами, являвшимися одними из древнейших богинь-символов плодородия и рождения. Их культ предположительно происходил из глубин Сибирских земель и являлся наиболее устойчивым ко всем религиозным изменениям в государстве [4, с. 499-505; 5, с. 113; 6, с. 27].

Ещё одной важной женской фигурой является богиня Макошь, часто изображаемая с опущенными руками, символизирующими её связь с человеческой составляющей мира. На вышивке она часто находится в «теремке», подобии храма. В более поздних вышивках Макошь стала изображаться женщиной с руками-граблями, так как в жизнях наших предков она стала выполнять роль покровительницы быта. Несомненна связь Макоши с Рожаницами, изначально имевшими с ней похожие функции, но её образ исчезает с вышивок гораздо раньше, в то время как Рожаниц мастерицы продолжают часто использовать в качестве благоприятного символа [4, с. 521 - с. 523].

Мужские фигуры в древней вышивке преимущественно играли второстепенную роль и их значение мало изучено. Это ранее упомянутые всадники, окружавшие Рожаниц или Макошь, а также пешие фигуры на вышивках Олонецкой и Петербургской губерний [5, с. 125].

Очень интересным примером изображения мужской фигуры в вышивке можно считать полотенце из Олонецкой губернии, попавшее в коллекцию В.Н. Харузиной в 1887 году. Вышивка является двухъярусной, но основная часть приходится на верхний, на котором изображен огромный всадник с опущенными вниз руками, достигающий верхнего края полотна. С трех сторон всадник окружен женскими фигурами с воздетыми руками, по бокам каждой, вплотную к талии, вышиты два круга-солнца, а по краям средней фигуры сверху вниз спускаются два оленьца. В трактовке данной вышивки Б.А. Рыбаков предполагает, что огромная фигура всадника может являться изображением Дажьбога. На божественность всадника указывают его размеры и то, что его окружают женщины с солнечными дисками, которые какбы символизируют движение солнца. Основываясь на данном толковании, две крайних женских фигуры стоит считать за Утреннюю и Вечернюю зорю, а средняя женская фигура является образом некоего «подземного солнца», которое по древним преданиям шло где-то в северных полуночных пространствах. Эта идея также подтверждается и образами двух оленьцов

рядом со средней фигурой – по легендам они появлялись именно в «полуночных странах». Стоит также отметить схожесть головных уборов двух крайних женских фигур с головой всадника, которая имеет форму ромба с крестами и солнце-подобной фигурой. Средняя же женская фигура, расположенная под всадником, не имеет подобных украшений, что Б.А. Рыбаков считает противопоставлением другим фигурам [3, с. 524-525]. Основываясь на этом, он считает, что полотенце могло использоваться в ритуальных целях, подобные вышивки могли приносить в лес для украшения деревьев.

Помимо человеческих и антропоморфных фигур, в древнерусской вышивке фигурирует ещё множество узоров, каждый из которых имеет свой смысл. Рассмотрим составляющие различных композиций.

Достаточно часто в вышивках встречаются фигуры птиц. Преимущественно это петушки и курочки, а также лебеди и павы, тесно связанные с брачными обрядами как символы семейного счастья.

Кони, лоси и олени тоже достаточно часто встречаются среди узоров, как отдельно, так и неся на себе всадников или даже деревья. Если верить мифам северных народов, то лоси и олени несли счастье людям. Конь, в свою очередь, играл огромную роль в жизни землепашцев и вероятно его можно считать полноценным символом аграрного культа.

Также часто появляются и геометрические фигуры. Ромб и косой квадрат – в роли голов человеческих фигур и в качестве головных уборов. Равноконечный крест и розетка могли символизировать солнце или служить в качестве охранного символа в соответствующих оберегах.

Вышивка на древней Руси имела ритуальное значение, что позволяет без особых трудностей соотнести её с календарём языческих праздников – чаще всего вышитым «месяцесловом» [7, с. 141]. Осенью отмечался праздник рожаниц (позже Рождество Богородицы), к которому относились многие вышивки с рожаницами, оленями и элементами в виде птиц, символизирующих осенний перелёт. Зимние вышивки сложнее классифицировать, но, вероятнее всего, к ним относятся изображения роженицы (вероятно, из-за связи с Рождеством Христовым). Также к этому сезону исследователи относят вышивку Дажьбога и двуглавой птицы-лады (вероятнее всего как призыв весны и солнца). Весной вышивки отображают начало новой жизни, включая пахотные мотивы и образы людей с сохами, а также всадниц, представляющих мать и дочь (приурочены к Юрьеву дню). У всадниц поднята вверх только одна рука, и эта деталь позволяет еще раз напомнить весеннюю закликательную песню:

Едить Весна, едить

На золотом кони,

В зеленом саяни,
На сохе седючи,
Сыру землю аручи,
Правой рукой сеючи [8, с. 89].

Летние вышивки сосредоточены на просьбах о благополучии уже посаженного урожая, руки фигур всегда опущены вниз, появляются колосья и солнечный диск.

Как упоминалось в начале, вышивка была неотъемлемой частью обрядовой культуры наших предков и несла в себе их обычаи и мировоззрение. Несмотря на бедность крестьянского населения, этот культурный пласт развивался, становился ярче и разнообразнее даже после прихода православия, которое, в идеале, наоборот должно было искоренить языческие поверья народа. Анализ вышивок показывает изначальную важность женской фигуры в быту славян – те же рожаницы, символ плодородия и рождения потомства, которые больше всех человекоподобных фигур оставались в мотивах вышивок, даже когда данное искусство начало угасать. Также мы можем отследить и изменение трактования языческого пантеона на примере Макоши, которая в узорах со временем превратилась в простую покровительницу домашних женских дел. Удивителен тот факт, что в древних вышивках мало фигурирует мужской образ, он практически никогда не является центром композиции, несмотря на обилие богов-мужчин в славянском пантеоне. Важно отметить, что некоторые древние мотивы вышивок и религиозные обряды сохранились до сих пор. В горах до сих пор встречаются священные рощи, куда селяне ходят молиться и украшать деревья ритуальными лентами – вероятно упрощенный образ древних ритуальных полотенец. Мотивы с вышивок также оставили след в нашей памяти, например колос – до сих пор символ плодородия, лебедь – символ любви, а голубки – символ семейного счастья. Это доказывает, что связь с нашей древнейшей историей еще не оборвалась и ничего не забыто.

Список литературы

1. Бломквист Е.А. Полотенца в русском быту. Ленинград: Изд. Гос. Русского музея, 1926
2. Васильченко Л.П. Природа славян. Томск: Томский Государственный университет, 2002.
3. Зеленин Д.К. «Обыденные» полотенца и обыденные храмы. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911.
4. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. Москва: Академический Проект, 2013.
5. Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. Москва: Наука, 1978.

6. Шерстюк М.В. История средневековой Руси. Часть 1: учебное пособие для вузов / М.В. Шерстюк. Москва: Издательские решения, 2021. – 80 с.
7. Дурасов Г.П. Каргопольские народные вышивки-месяцесловы // СЭ, 1978, № 3.
8. Аничков Е. В. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1903-1905.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ТРУДАХ ТИМИРЯЗЕВСКИХ ИСТОРИКОВ

Автор: Бондарчук Виктория Ярославовна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студентка 1 курса, институт экономики и управления АПК, victoriabondarchuk955@gmail.com

Научный руководитель: Миронюк Сергей Алексеевич

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, mironyuk@rgau-msha.ru, ORCID: 0000-0002-6874-7595, РИНЦ SPIN-код: 6577-8160, РИНЦ AuthorID: 990521, ResearcherID: ADE-4050-2022

Аннотация. Статья посвящена Великой Отечественной войне, события которой отразились в трудах тимирязевских историков. На данный момент интерес среди школьников и студентов к истории достаточно мал, в связи с чем данная статья должна будет привлечь внимание школьников и студентов к величайшему событию для нашей страны – Великой Отечественной войне, со дня победы, в которой в этом году исполняется 80 лет! В статье приводятся и анализируются статьи тимирязевских историков, а именно А.Б. Оришева, В.Н. Тарасенко, В.М. Магомедханова, Е.И. Федюна, Е.И. Гончарука, С.М. Захарова. Главный научный результат: выявление значимости Великой Отечественной войны в трудах тимирязевских историков.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Красная армия; Тимирязевская академия; Герои Советского Союза; Сталинградская битва; оккупационный режим

THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE WORKS OF TIMIRYAZEV HISTORIANS

Author: Bondarchuk Victoria Yaroslavovna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), 1st year student, Institute of Economics and Management of the Agroindustrial Complex, victoriabondarchuk955@gmail.com

Scientific supervisor: Mironiuk Sergei Alexeyevich

Russian Timiryazev State Agrarian University, Moscow, Russia (127434, Moscow,

Abstract: The article is devoted to the Great Patriotic War, the events of which were reflected in the works of Timiryazev historians. At the moment, there is little interest among schoolchildren and students in history, and therefore this article will have to draw the attention of schoolchildren and students to the greatest event for our country – the Great Patriotic War, which marks the 80th anniversary of victory this year.

Keywords: Great Patriotic War; Red Army; Timiryazev Academy; Heroes of the Soviet Union; Battle of Stalingrad; occupation regime

Великая Отечественная война – кровопролитное событие, которое унесло за собой жизни ни в чём неповинных миллионов людей... Рассмотрим Великую Отечественную войну в трудах тимирязевских историков.

Так, А.Б. Оришев анализирует политическую ситуацию в Иране накануне войны, включая действия Резы Пехлеви и его политику [1]. Внимание автора сфокусировано на причинах интервенции, среди которых – стратегическое значение Ирана в условиях Второй мировой войны и необходимость обеспечения союзников поставками нефти. Статья подчеркивает важность Ирана как геополитического игрока и описывает, как события августа 1941 года стали поворотным моментом в его истории.

А. Оришев и В. Ряполов рассматривают структуру и деятельность контрразведывательных органов Германии в период Второй мировой войны [2], в частности, исследуют работу Абвера и полевой полиции. Авторы в своей статье анализируют принципы, методы и тактики, использованные для выявления и нейтрализации шпионских сетей и дезертиров, а также описывают организационные аспекты этих служб. Авторы приводят примеры и успешных, и неудачных операций, что позволяет увидеть, как контрразведка влияла на общую ситуацию в стране. Статья подчеркивает сложные отношения между различными службами безопасности нацистской Германии и их влияние на результаты военных действий.

В статье тимирязевского историка В.Н. Тарасенко и Д.А. Москвитиной повествуется о воспитании патриотических чувств у студентов через анализ картины К. Васильева «Нашествие» [3]. Авторы рассматривают, как художественные произведения могут влиять на формирование патриотизма и национальной идентичности. В статье подчеркивается важность использования искусства в образовательном процессе для развития эмоциональной и культурной осознанности студентов. Также обсуждаются методы и подходы, которые могут быть применены для эффективного воспитания патриотических чувств через искусство.

В статье В.М. Магомедханова, А.Б. Оришева и В.В. Ряполова

исследуется роль внутренних войск НКВД в Елецкой наступательной операции, основываясь на архивных материалах [4]. Авторы анализируют действия и задачи этих войск в контексте военных операций, а также их влияние на ход событий. В статье рассматриваются архивные документы, которые помогают понять стратегические и тактические аспекты участия НКВД в операции. Авторы подчеркивают значимость изучения данного периода для более глубокого понимания истории военных конфликтов и роли внутренних войск в них.

Статья Е.И. Федюн – тимирязевского историка, посвящена исследованию Великой Отечественной войны через призму трудов донецких историков-фронтовиков [5]. Автор анализирует вклад этих историков в изучение войны, их личные воспоминания и научные работы, которые освещают различные аспекты военных событий. Елена Игоревна подчеркивает важность их свидетельств для формирования исторической памяти и понимания военных реалий. В статье также рассматриваются темы, связанные с патриотизмом, героизмом и последствиями войны, что позволяет глубже осознать значимость этих трудов для будущих поколений.

А в статье Елены Игоревны Федюн «Пакт Молотова-Риббентропа: фальсификации и реальность», опубликованной в сборнике, посвященной анализу исторических мифов и фактов, связанных с договором между СССР и нацистской Германией 1939 года [6]. Автор рассматривает распространённые фальсификации и искажения информации о переговорных процессах, причинах и последствиях подписания пакта, а также его роли в начале Великой Отечественной войны. В статье подчеркивается важность объективного и комплексного подхода к историческому событию для понимания его места в международной и отечественной истории.

Рассмотрим монографию Александра Борисовича Оришева «Тимирязевцы – Герои Советского Союза» [7]: посвящена судьбам и подвижнической деятельности выпускников и сотрудников Тимирязевской академии (ныне — Российского государственного аграрного университета) — героев Советского Союза. В работе подробно рассматриваются биографии и боевые пути выдающихся тимирязевцев, утративших жизнь или проявивших героизм в годы Великой Отечественной войны и других важных исторических событиях. Авторы выделяют значения профессиональной подготовки и характера, которые способствовали героическим поступкам участников. В целом, монография подчеркивает вклад тимирязевцев в защиту Родины и прославляет их подвиги, служащие примером для будущих поколений.

В статье А.Б. Оришева «Германский оккупационный режим на территории советской Украины и проблема коллаборационизма летом-

осенью 1941 г.» [8] анализируется установление и развитие немецкого оккупационного режима на территории советской Украины в первые месяцы после начала Великой Отечественной войны — лето и осень 1941 года. Авторы рассматривают особенности немецкой административной и вооруженной деятельности, политику по отношению к местному населению и советским гражданским, а также функционирование коллаборационистских структур и формирование первых вооруженных формирований, сотрудничавших с оккупантами. Анализ основан на документальных источниках и комплексном историческом подходе, что позволяет понять сложную многослойность взаимодействий между немцами, украинским населением и коллаборационистами в первые месяцы оккупации.

Проанализируем статью А.Б. Оришева «Изменения тактики Красной армии в ходе Сталинградской битвы» [9], в которой рассматриваются ключевые изменения в тактике, применявшиеся Красной армией на различных этапах Сталинградской битвы. Автор анализирует эволюцию советской военной стратегии в условиях ожесточённых городских боев, противостояния мощной немецкой группировке и необходимости переломить ход войны. Особое внимание уделяется переходу от оборонительной тактики изматывания противника к активным наступательным операциям, таким как операция «Уран» по окружению 6-й армии Паулюса и последующие операции по уничтожению окруженной группировки. В статье анализируются новые формы взаимодействия родов войск, использование маневренных групп, роль снайперского движения и штурмовых групп в городских боях, а также другие тактические новшества, способствовавшие победе Красной армии в Сталинградской битве. Александр Борисович подчеркивает, что гибкость и адаптация к меняющейся обстановке стали решающими факторами успеха советских войск.

Разберем статью Е.И. Гончарука «Вклад донецких историков-фронтовиков в исследование событий Великой Отечественной войны на Донбассе» [10], которая посвящена анализу вклада историков-фронтовиков Донбасса в изучение событий Великой Отечественной войны на территории региона. Автор рассматривает работы ученых, которые, будучи непосредственными участниками боевых действий, внесли неоценимый вклад в сохранение исторической памяти и объективное освещение трагических событий войны на Донбассе. Особое внимание уделяется изучению оккупационного режима, партизанского движения, подвига мирного населения и освобождения региона от немецко-фашистских захватчиков. Гончарук подчеркивает уникальность и ценность исследований историков-фронтовиков, основанных на личном опыте, документах и свидетельствах очевидцев, а также акцентирует важность их наследия для

современных исследователей и сохранения исторической правды о войне.

Вопросы демографических процессов в годы Великой Отечественной войны рассмотрены в работах ученого-тимиразевца В.Т.Сакаева. В частности, им в диссертационном исследовании были комплексно рассмотрены вопросы демографического состояния Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны [11]. Также были детально изучены вопросы состояния брачно-семейных отношений и институт семьи в тыловых районах страны [12]. Отдельное внимание было уделено Сакаевым В.Т. вопросам регулирования брачно-семейных отношений со стороны государства и мерам поддержки в условиях катастрофического падения брачности и рождаемости в военных условиях [13]. Вопросы состояния городов и городского населения в тылу были рассмотрены Сакаевым В.Т. на примере Татарской АССР в работах «Численность и размещение городского населения Татарской АССР накануне Великой Отечественной войны» [14] и «Города и городское население Татарской АССР накануне Великой Отечественной войны» [15]. А обобщающим исследованием по этой тематике стала монография Телишева В.Ф. и Сакаева В.Т. «Городское население Татарстана в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические и политико-демографические аспекты», изданная в Казани 2015 г. [16]. Также отдельно стоит отметить, что В.Т. Сакаев уделил вопросам исследования людских потерь в годы войны, в частности предложив новые подходы методологические подходы к определению их региональных аспектов [17].

И наконец, следует отметить статью С.М. Захарова «Медиадискурс Дня Победы: риски для современной молодежи» [18], в которой анализируется медиадискурс Дня Победы в современной России и выявляются потенциальные риски, которые автор может представлять для восприятия истории Великой Отечественной войны современной молодежью. Сергей Михайлович рассматривает, как средства массовой информации формируют образ Победы, какие акценты расставляются при освещении событий войны, и как это может влиять на формирование исторического сознания молодых людей. Особое внимание уделяется возможным искажениям исторической правды, упрощению сложных исторических процессов, героизации отдельных личностей и нивелированию роли других участников войны, а также использованию Дня Победы в политических целях. Захаров заключает, что необходимо критически оценивать медиадискурс Дня Победы и развивать у молодежи навыки анализа информации, чтобы избежать формирования упрощенного и искаженного представления об истории Великой Отечественной войны.

Таким образом, Великая Отечественная война отобразилась в трудах тимирязевских историков, сумела найти отражение в статьях кандидатов и

Список литературы

1. Оришев, А. Иран, август 1941-го / А. Оришев // Азия и Африка сегодня. – 2005. – № 7(576). – С. 51-57. – EDNHSFIFL.
2. Оришев, А. Б. Абвер-3 и тайная полевая полиция: принципы и методы работы контрразведки вермахта / А. Б. Оришев, В. В. Ряполов // История: факты и символы. – 2019. – № 2(19). – С. 59-67. – DOI 10.24888/2410-4205-2019-19-2-59-67. – EDNPBEZWI.
3. Тарасенко, В.Н. Воспитание патриотических чувств у студентов на примере картины К. Васильева «Нашествие» / В. Н. Тарасенко, Д. А. Москвитина // Бизнес и дизайн ревю. – 2020. – № 4(20). – С. 15. – EDNKQSBEY.
4. Магомедханов, В.М. Внутренние войска НКВД в Елецкой наступательной операции (по архивным материалам) / В. М. Магомедханов, А. Б. Оришев, В. В. Ряполов // История: факты и символы. – 2020. – № 2(23). – С. 143-152. – DOI 10.24888/2410-4205-2020-23-2-143-152. – EDNGGJDPD.
5. Федюн, Е.И. Великая Отечественная война в трудах донецких историков-фронтовиков / Е. И. Федюн // Память о Великой победе: межвузовский сборник статей. Том Часть II. – Москва: Ассоциация технических университетов, 2016. – С. 110-119. – EDNVXIMMX.
6. Федюн, Е.И. Пакт Молотова-Риббентропа: фальсификации и реальность / Е. И. Федюн // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальных интересов России: история и современность: к 80-летию начала Великой Отечественной войны: Материалы Международной научно-практической конференции, Таганрог, 28–29 мая 2021 года. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – С. 180-185. – EDNJTBJRF.
7. Оришев, А.Б. Тимирязевцы- Герои Советского Союза: Монография / А. Б. Оришев, С. Г. Величко, Н. Ю. Рябова. – Москва: Российский государственный аграрный университет - МСХА им. К.А. Тимирязева, 2021. – 114 с. – EDNQACIYI.
8. Оришев, А.Б. Германский оккупационный режим на территории советской Украины и проблема коллаборационизма летом-осенью 1941 г / А. Б. Оришев, В. Н. Тарасенко // История: факты и символы. – 2022. – № 1(30). – С. 101-109. – DOI 10.24888/2410-4205-2021-28-3-101-109. – EDNTPFTNM.
9. Оришев, А.Б. Изменения тактики Красной армии в ходе Сталинградской битвы / А. Б. Оришев // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 203-212. – DOI 10.20310/1810-0201-2024-29-1-203-212. – EDNJJNMAFM.
10. Гончарук, Е. И. Вклад донецких историков-фронтовиков в исследование событий Великой Отечественной войны на Донбассе / Е. И. Гончарук // Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: историческая память и вызовы современности. Сборник материалов I-й Международной научно-практической конференции, приуроченной к 79-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне, Москва, 25 апреля 2024 года. – Москва: Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, 2024. – С. 82-86. – EDNHHDNRN.
11. Сакаев, В.Т. Городское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические процессы: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Казан. Гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. Казань, 2008. – 27 с.

12. Сакаев, В.Т. Брачно-семейные отношения городского населения тыловых районов Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2007. - №2 (16). - С. 171–174.
13. Телишев, В.Ф., Сакаев, В.Т. Государственная политика в области брачно-семейных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – Том: 150, №1. – С. 169–176.
14. Сакаев, В.Т. Численность и размещение городского населения Татарской АССР накануне Великой Отечественной войны // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2007. - №4 (56). - С. 169–173.
15. Сакаев, В.Т. Города и городское население Татарской АССР накануне Великой Отечественной войны // Вестник Чувашского университета – 2006. - №5. – С. 34–41.
16. Сакаев, В.Т., Телишев В.Ф. Городское население Татарстана в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические и политико-демографические аспекты: монография. – Набережные Челны: Набережночелнинский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» – 2015. – 229 с.
17. Сакаев, В. Т. Людские потери Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Чувашского университета – 2010. - №1. – С. 72–78.
18. Захаров, С.М. Медиадискурс Дня Победы: риски для современной молодежи / С. М. Захаров // ViainTempore. История. Политология. – 2024. – Т. 51, № 1. – С. 250-262. – DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-1-250-262. – EDNVJTFOK.

ЗНАЧЕНИЕ ЖИГУЛЁВСКОЙ ГЭС В ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ СТРАНЫ

Автор: Бочковар Алина Сергеевна

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», Москва, Россия (129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1), аспирант, telishion-2015@mail.ru

Научный руководитель: Тарасенко Виталий Николаевич

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, lasker88@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу роли Жигулёвской ГЭС в электрификации СССР и современной России. Рассматриваются исторические этапы её создания: от первых проектов Глеба Кржижановского в 1910-х годах до реализации в 1950-х как крупнейшей в мире гидроэлектростанции. Подчёркивается значение станции в обеспечении энергией промышленных центров, объединении региональных энергосистем и развитии судоходства на Волге. Освещаются экологические последствия строительства, включая затопление территорий и нарушение экосистем, а также современные меры по их минимизации. Особое внимание уделено архитектурной ценности ГЭС как символа советского модернизма и её роли в идеологическом воспитании общества. В заключении анализируются постсоветские модернизации, повысившие эффективность станции, и её актуальность в контексте устойчивого развития энергетики.

Ключевые слова: Жигулёвская ГЭС; гидроэнергетика; электрификация СССР; экологические последствия; советская индустриализация; архитектура модернизма; устойчивое развитие; модернизация энергосистем

THE SIGNIFICANCE OF THE ZHIGULEVSKAYA HYDROELECTRIC POWER STATION IN THE COUNTRY'S ELECTROFICATION

Author: Bochkovar Alina Sergeevna

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Social University, Moscow, Russia (129226, Moscow, Wilhelm Pieck St., 4, building 1), postgraduate student, telishion-2015@mail.ru

Scientific Supervisor: Tarasenko Vitaly Nikolaevich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), candidate of Historical Sciences, Associate

Abstract. The article is devoted to the analysis of the videos of the Zhigulevskaya HPP in the electrification of the USSR and modern Russia. The historical stages of its creation are considered: projects from the first Gleb Krzhizhanovsky in the 1910s to the implementation of the world's largest hydroelectric power station in the 1950s. The importance of the station in supporting the efforts of industrial centers, associations of regional energy systems and the development of shipping on the Volga is supported. The environmental consequences of construction, including flooding of territories and disruption of ecosystems, as well as modern measures to minimize them are highlighted. Particular attention is paid to the air values of the hydroelectric power station as a symbol of Soviet modernism and its role in the ideological education of society. The conclusions of the analysis are made about post-Soviet democracies that increased the efficiency of the station and their relevance in the context of a high level of energy development.

Keywords: Zhigulevskaya hydroelectric power station; hydropower; electrification of the USSR; environmental consequences; Soviet industrialization; modernist architecture; sustainable development; modernization of the energy system

Гидроэлектростанции (ГЭС) считаются источником экологически чистой энергии, поскольку их работа не сопровождается выбросами углекислого газа или токсичных веществ в атмосферу. В отличие от угольных или газовых электростанций, ГЭС используют энергию воды — возобновляемого ресурса, который восполняется естественным круговоротом природы. Это делает их ключевым элементом в борьбе с изменением климата и переходе к «зелёной» энергетике. За счёт масштабных проектов, таких как Жигулёвская или Саяно-Шушенская ГЭС, страны сокращают зависимость от ископаемого топлива, обеспечивая стабильное энергоснабжение промышленности и городов [1, с. 53].

Однако экологическая чистота ГЭС не абсолютна. Строительство крупных гидроузлов часто связано с затоплением обширных территорий, что приводит к исчезновению лесов, сельхозугодий и даже населённых пунктов. Например, при создании Куйбышевского водохранилища в 1950-х годах под воду ушло около 5,5 тыс. км² земель. Меняются и экосистемы: перекрытие рек нарушает миграцию рыб, как это произошло с осетровыми на Волге, а разложение органики в зоне затопления способствует выбросам метана — парникового газа, влияющего на климат.

Современные подходы к проектированию ГЭС направлены на минимизацию вреда. Для сохранения биоразнообразия создают рыбопропускные шлюзы и искусственные нерестилища, а поэтапное заполнение водохранилищ позволяет животным и растениям адаптироваться к изменениям. Всё чаще вместо гигантских плотин строят малые ГЭС, которые меньше вмешиваются в природные ландшафты. Например, на

горных реках Северного Кавказа такие станции снабжают энергией удалённые посёлки, не нарушая хрупкое равновесие экосистем.

ГЭС обладают неоспоримыми преимуществами перед другими возобновляемыми источниками, такими как солнечные панели или ветряки. Они работают круглосуточно, независимо от погоды, а их мощность достигает гигаваттных масштабов. К примеру, Жигулёвская ГЭС вырабатывает около 12 млрд кВт·ч в год, обеспечивая энергией миллионы домов и предприятий. Кроме того, срок службы гидроэлектростанций превышает 50 лет, что делает их долговечным решением для энергосистемы [2, с. 102].

Таким образом, ГЭС — это компромисс между экологией и прогрессом. Несмотря на локальное воздействие на природу, их роль в сокращении углеродного следа и обеспечении энергобезопасности трудно переоценить. С развитием технологий и продуманным управлением водохранилищами гидроэнергетика остаётся важной частью устойчивого будущего, где чистая вода превращается в чистую энергию.

Жигулёвская ГЭС стала одним из ключевых символов послевоенной электрификации и индустриализации СССР. Её строительство, начатое в 1950 году и завершённое в 1957-м, было частью масштабной программы восстановления и развития страны. ГЭС сыграла выдающуюся роль в энергетике Советского Союза: на момент ввода в эксплуатацию она была **крупнейшей гидроэлектростанцией в мире** (мощность — 2,1 ГВт), что позволило радикально увеличить выработку электроэнергии в Поволжье и соседних регионах [3, с. 61].

ГЭС стала энергетическим сердцем для промышленных гигантов, таких как Волжский автомобильный завод, предприятия химической и машиностроительной отраслей, обеспечив их дешёвой и стабильной электроэнергией. Она не только укрепила энергосистему Центральной России, но и связала её с Уралом и Югом страны, создав единую энергосеть — основу для дальнейшей электрификации.

Кроме энергетики, Жигулёвская ГЭС решила проблему судоходства на Волге: созданное ею Куйбышевское водохранилище устранило мелководные участки реки, сделав Волгу полноценной транспортной артерией. Это стимулировало развитие грузоперевозок, ирригации сельхозугодий и водоснабжение городов.

Символически станция воплотила амбиции СССР как индустриальной сверхдержавы. Она завершила эпоху «великих строек коммунизма», став частью наследия плана ГОЭЛРО, и до сих пор остаётся важным звеном российской энергосистемы, демонстрируя, как масштабная инфраструктура может менять экономику целых регионов.

История Жигулёвской ГЭС началась задолго до её воплощения. Ещё в 1910 году Глеб Кржижановский, один из идеологов плана ГОЭЛРО, выдвинул идею энергетического использования Волги у Самарской Луки. В 1918 году инженер Константин Богоявленский предложил построить гидроэлектростанцию у посёлка Переволоки, используя естественный перепад уровней между Волгой и Усой. Однако из-за экономической разрухи после революции и Гражданской войны проект остался на бумаге. В 1930-х годах, в рамках грандиозного проекта «Большая Волга», начались изыскания для строительства каскада волжских ГЭС. К 1937 году был утверждён план Куйбышевского гидроузла у Красной Глинки и Переволок, но работы прервались в 1940 г. из-за обнаружения нефтеносных пластов и технических сложностей.

Возрождение проекта произошло уже после Великой Отечественной войны. В 1949 г. институт «Гидропроект» провёл новые изыскания и выбрал створ у города Ставрополя-на-Волге (ныне Жигулёвск). 21 августа 1950 года Совет Министров СССР утвердил строительство Куйбышевской ГЭС мощностью 2,1 млн кВт, которая должна была стать крупнейшей в мире. Работы стартовали в 1951 году с подготовки котлованов и возведения перемычек. В 1953 году уложили первые кубометры бетона, а 31 октября 1955 года Волга была перекрыта: за 19,5 часов в русло сбросили 765 бетонных тетраэдров. Уже 29 декабря 1955 года запустили первый гидроагрегат, а к 1957 году ввели все 20 агрегатов. В 1958 году станцию переименовали в Волжскую ГЭС имени Ленина, а в 1959 году гидроузел приняли в промышленную эксплуатацию.

Строительство Жигулёвской ГЭС в 1950-х годах стало не только инженерным подвигом, но и мощным инструментом воспитания патриотизма в послевоенном СССР. Этот грандиозный проект, объявленный «великой стройкой коммунизма», превратился в символ возрождения страны, сплачивая людей общей идеей созидания. В эпоху, когда память о войне была ещё свежа, возведение крупнейшей в мире гидроэлектростанции на Волге воспринималось как мирная битва — битва за светлое будущее, где каждый кирпич, каждый кубометр бетона становились вкладом в процветание Родины [4, с. 124].

Тысячи комсомольцев, инженеров и рабочих со всего Союза ехали на стройку, движимые чувством долга и желанием участвовать в чём-то масштабном. Их труд подавался в газетах, кинохрониках и радиопередачах как героический подвиг, равный фронтовому. Лозунги вроде «Мы покорим Волгу!» или «Энергия — сердцу промышленности!» создавали эмоциональный фон, где личные достижения сливались с национальной гордостью. Молодёжные бригады соревновались за звание ударников, а

доски почёта с фотографиями передовиков становились символами нового времени — времени созидателей.

Государство умело использовало стройку для идеологического воспитания. Открытие каждого нового гидроагрегата, перекрытие русла Волги в 1955 году или запуск первого тока подавались как победы всего народа. В школах проводились уроки, посвящённые ГЭС, а экскурсии на стройплощадку для пионеров превращались в патриотические ритуалы. Даже трудности — суровые условия, нехватка техники — преподносились как испытания, укрепляющие характер, подобно испытаниям войны.

Значение стройки выходило за рамки энергетики. Она демонстрировала миру мощь социалистической системы, способной реализовать невозможное. В разгар «холодной войны» ГЭС стала материальным доказательством превосходства СССР: самая длинная плотина в Европе, рекордные сроки возведения, инновационные технологии. Для граждан же это был символ надежды — свет от новых лампочек в домах, работающие заводы и растущие города ассоциировались с личным вкладом в общее дело.

Патриотизм здесь был не абстрактным, а осязаемым. Рабочие видели, как их усилия превращаются в плотины, шлюзы и линии электропередач, меняющие жизнь целых регионов. Награждение станции в 1966 году орденом Ленина за досрочное выполнение планов воспринималось как коллективная награда, а её переименование в честь В.И. Ленина закрепило связь между трудом и идеологией. Даже сегодня Жигулёвская ГЭС остаётся не просто электростанцией, а памятником эпохи, где патриотизм был выкован не словами, но лопатами, бетоном и верой в то, что человек может укротить стихию ради общего блага.

ГЭС стала энергетическим сердцем СССР, питая промышленные гиганты Поволжья, Москву и Урал. Создание Куйбышевского водохранилища устранило мелководные участки Волги, сделав её полноценной транспортной артерией. В 1960-х годах напряжение оборудования повысили до 500 кВ, что усилило связь энергосистем Центра и Урала. К 1966 году станция выработала 100 млрд кВт·ч электроэнергии и была удостоена ордена Ленина. В 1970-е годы здесь внедрили синхронные компенсаторы, автоматизировали управление и впервые в мировой практике использовали подпятники с фторопластовым покрытием. В 1979 году установили инновационный трансформатор ОРЦ-135000/500.

В постсоветский период ГЭС прошла через реорганизации: в 1993 году её преобразовали в ОАО «Волжская ГЭС», а в 2004-м переименовали в Жигулёвскую ГЭС, включив в состав «РусГидро». В 2000-х годах станция стала пионером в работе на конкурентном секторе энергорынка и внедрении цифровых систем управления. Модернизация продолжилась в 2010-х:

заменяли гидротурбины, увеличив мощность на 21 МВт, ввели элегазовые выключатели и кабели из сшитого полиэтилена. К 2018 году выработка ГЭС достигла 12,5 млрд кВт·ч, что на 20% превысило средние показатели.

Сегодня Жигулёвская ГЭС остаётся ключевым звеном российской энергосистемы. Её история — это символ научной мысли, трудового подвига и непрерывного технологического прогресса, превратившего Волгу не только в источник энергии, но и в драйвер экономического развития целых регионов [5, с. 84].

Жигулёвская ГЭС, несмотря на свою инженерно-техническую сущность, обладает значительной архитектурной ценностью как монументальный символ эпохи. Её сооружения, созданные в середине XX века, отражают эстетику советского модернизма с его акцентом на функциональность, масштаб и лаконичность форм. Грандиозная бетонная плотина, протянувшаяся на сотни метров, и машинный зал с рядами мощных гидроагрегатов демонстрируют гармонию инженерного расчёта и архитектурной выразительности. Суровые геометрические линии, отсутствие декора и гигантские объёмы подчёркивают идею покорения природы, характерную для послевоенных «великих строек коммунизма» [6, с. 167].

ГЭС интегрирована в природный ландшафт Самарской Луки, но при этом доминирует над ним, превращаясь в рукотворный монумент. Её высотные конструкции контрастируют с живописными Жигулёвскими горами, создавая уникальный визуальный диалог между технологией и природой. Судоходные шлюзы с их циклопическими воротами и система каналов добавляют динамики ансамблю, подчёркивая индустриальный ритм проекта.

Архитектура станции стала образцом для последующих гидроэнергетических объектов СССР. Использование сборного железобетона, модульных элементов и чёткое зонирование пространства предвосхитили подходы позднего модернизма. Даже сегодня, спустя десятилетия, её лаконичная мощь вызывает ассоциации с «архитектурой будущего» из футуристических манифестов XX века.

Символически Жигулёвская ГЭС воплотила триумф человеческого разума над стихией, став архитектурной иконой научно-технического прогресса. Её образ, запечатлённый в советской живописи, кино и литературе, превратил утилитарное сооружение в культурный феномен. Даже в современной России, на фоне активной модернизации, её бетонные громады сохраняют ауру эпохи, напоминая о времени, когда архитектура была не просто искусством, а инструментом преобразования мира [7, с. 54].

Жигулёвская ГЭС, от идеи Глеба Кржижановского до её воплощения в середине XX века, стала не только символом научно-технического прогресса, но и важнейшим элементом в истории электрификации России. Её строительство, завершённое в рекордные сроки, обеспечило энергией промышленные гиганты, объединило региональные энергосистемы и превратило Волгу в ключевую транспортную артерию [8, с. 230]. Несмотря на экологические вызовы — затопление земель и нарушение экосистем — станция продемонстрировала, как инженерный гений может сочетаться с современными подходами к сохранению природы: рыбопропускные шлюзы, поэтапное заполнение водохранилищ и переход к малым ГЭС стали шагами к устойчивому развитию.

Советская эпоха оставила в наследство не только мощную инфраструктуру, но и культурный феномен. Архитектура ГЭС, с её монументальными формами и лаконичностью, воплотила дух времени, где функциональность и масштаб служили инструментом преобразования мира. Даже сегодня, после модернизации турбин, внедрения цифровых систем и интеграции в структуру «РусГидро», Жигулёвская ГЭС остаётся живым свидетельством эпохи, когда вера в созидание двигала тысячами людей.

Её история напоминает, что прогресс — это не только технологии, но и умение находить баланс между амбициями и ответственностью. Станция продолжает работать, адаптируясь к новым вызовам, и остаётся неотъемлемой частью энергетического ландшафта России, соединяя прошлое, настоящее и будущее в единый поток, подобный самой Волге.

Список литературы

1. Шумакова, Е. М. Особенности береговых процессов на приплотинных участках ГЭС (на примере Жигулевской ГЭС): специальность 25.00.27 "Гидрология суши, водные ресурсы, гидрохимия": диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук / Шумакова Елена Михайловна. – Москва, 2008. – 148 с. – EDNNQDSUT.
2. Бурдин, Е. А. Гидростроительство в России: от Самарского Волгостроя к Большой Волге (1930-1980 гг.) / Е. А. Бурдин. – Ульяновск: Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, 2010. – 222 с. – EDNZCWEAB.
3. Борисов, М. В. Энергоузел у Самарской Луки: замыслы и судьбы проектов / М. В. Борисов // Самарский архивист. – 2022. – № 4. – С. 55-70. – EDNBRAWYL.
4. Тарасенко, В. Н. Шахматы и воспитание патриотизма у студентов аграрных вузов в России / В. Н. Тарасенко, А. С. Бочковар, Н. И. Стенин // Общенаучный журнал. – 2024. – № 3-4. – С. 123-132. – DOI 10.33920/nik-04-240304-22. – EDNWEYQYW.
5. Воробьев, М. В. Русская народная культура в системе дополнительного образования / М. В. Воробьев, Н. А. Опарина // Антропологическая дидактика и воспитание. – 2024. – Т. 7, № 5. – С. 80-93. – EDNKMKTFT.

6. Тарасенко, В. Н. Римско-католический кафедральный собор Непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии в Москве: архитектура и история / В. Н. Тарасенко, Н. И. Стенин // Бизнес и дизайн ревю. – 2025. – № 1(37). – С. 164-175. – EDNMVLTZR.
7. Обществознание: учебник / Ф. И. Долгих, А. А. Ишутин, В. И. Мажников [и др.]; под ред. Ф. И. Долгих. — Москва: Университет «Синергия», 2024. — 556 с. — DOI: 10.37791/978-5-4257-0587-7-2024-1-556.
8. Оришев, А.Б. История России от XIX до XXI века: учебное пособие для вузов / А.Б. Оришев, С.А. Миронюк, А.С. Позднякова, Д.Н. Христенко, М.В. Шерстюк. – Москва: Российский государственный аграрный университет, 2024. – 339 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПУТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЭКСКУРСИЙ И ВИРТУАЛЬНЫХ ЭКСКУРСИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Автор: Воробьев Максим Валерьевич

ГАОУ ВО МГПУ «Институт Культуры и Искусств», Москва, Россия (119331, Москва, ул. Марии Ульяновой, 21), аспирант 2 курса Департамента социально-культурной деятельности и сценических искусств, maksimvorobev987@gmail.com

Научный руководитель: Опарина Нина Александровна

ГАОУ ВО МГПУ «Институт Культуры и Искусств», Москва, Россия (119331, Москва, ул. Марии Ульяновой, 21), профессор, канд. пед. наук, член Союза писателей России, oparil18@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема применения экскурсий и виртуальных экскурсий в образовательном процессе. Актуальность исследования обусловлена остротой проблемы использования инновационных технологий в процессе обучения. Показана историческая параллель экскурсий и виртуальных экскурсий. Изложена краткая историческая справка о становлении экскурсии, как метода работы. В работе раскрыта сущность понятий «экскурсия», «виртуальная экскурсия» и «экскурсовод». Дается характеристика экскурсий, показана классификация. Представлен исторический путь виртуальной экскурсии в современной системе образования России. В статье представлены виды виртуальных экскурсий, используемых в образовательной работе с детьми. Представлены параметры, которые необходимо учитывать при создании экскурсионного продукта. Обозначено значение результатов работы и сделан вывод о необходимости использования экскурсий и виртуальных экскурсий в процессе обучения.

Ключевые слова: экскурсия; виртуальная экскурсия; инновационные технологии; технические средства

HISTORICAL WAYS OF USING GUIDED TOURS AND VIRTUAL EXCURSIONS IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Author: VorobyovMaximValerievich

GAOU HE MSPU "Institute of Culture and Arts", Moscow, Russia (119331, Moscow, Maria Ulyanova str., 21), 2nd year postgraduate student of the Department of Socio-Cultural Activities and Performing Arts, maksimvorobev987@gmail.com

Scientific supervisor: Oparina Nina Alexandrovna

GAOU HE MSPU "Institute of Culture and Arts", Moscow, Russia (119331, Moscow,

Abstract. The article discusses the problem of using guided tours and virtual excursions in the educational process. The relevance of the research is due to the severity of the problem of using innovative technologies in the learning process. The historical parallel of excursions and virtual excursions is shown. A brief historical summary of the formation of guided tours as a method of work is presented. The paper reveals the essence of the concepts of "guided tour", "virtual tour" and "guide". The characteristic of excursions is given, the classification is shown. The historical path of virtual excursions in the modern education system of Russia is presented. The article presents the types of virtual excursions used in educational work with children. The parameters that must be considered when creating an excursion product are presented. The significance of the results of the work is indicated and the conclusion is made about the need to use excursions and virtual excursions in the learning process.

Keywords: guided tour; virtual tour; innovative technologies; technical means

Базисом культурного туризма является естественный интерес человека к его историческому прошлому, потребность человека в культурном, нравственном и умственном развитии [1, с. 16]. Посредством экскурсий возможно расширить кругозор и пополнить багаж знаний. Эстетическое, нравственное, патриотическое воспитание детей и молодежи, формирование их творческой активности и социально значимых качеств личности происходит эффективнее с помощью различных средств культурно-досуговой деятельности [2, с. 8].

Проявление любознательности и любопытства побудило человека к изучению окружающего мира. Экскурсия – это проявление любознательности индивида посредством посещения определенного места, имеющего значимость для группы людей в историческом, культурном, эстетическом, производственном или ином аспекте, с целью ознакомления, изучения или повышения уровня знаний. Экскурсионная работа непосредственно должна быть связана с определенным местом, например, музеем. В нашем исследовании мы предполагаем, что музейное дело является одним из главных факторов развития экскурсионного ремесла [3, с. 14].

На протяжении многих столетий до нашей эры уже существовали первые формы экскурсионной работы с населением. Огромную роль в экскурсионном деле сыграла Античность. Эпоха Эллинизма в лице Аристотеля обратила должное внимание на экскурсии. Древнегреческий философ, дабы повысить свой интеллектуальный уровень: изучить природу, науку, искусство и архитектуру других народов, большую часть жизни провел в путешествиях. Аристотель один из первых начал сопровождать своих учеников во время путешествий, что превратилось в некую форму

образовательной программы. Мыслитель проводил экскурсии в местах, связанных с его программой обучения. Он водил своих учеников в музеи, храмы, достопримечательности греческого полиса [4, с. 7].

Деметрий Фалерский в III веке до нашей эры подал идею царю Птолемею I об организации музея по образцу греческих философских школ. Так был создан первый прототип современного музея – «Мусейон Александрийский». Это был настоящий комплекс с библиотекой, обсерваторией, залами для обучения, жилыми комнатами, столовыми и садами. В нем хранились уникальные артефакты и экспонаты того времени. Масса людей были задействованы в хранении и приумножении экспонатов музея. При вооруженном столкновении войска Аврелиана в 273 году до нашей эры сожгли удивительное место.

Ян Амос Каменский в образовательном процессе огромное внимание уделял наглядности. Изучение любого предмета или объекта начинается с восприятия оного органами чувств. Великий дидактик полагал, что использование копий картин, схем, моделей и макетов может лучше помочь обучающему в усвоении материала. Наглядность в обучении проявлялась в выходе за пределы традиционных способов учения. По мнению Коменского, ученик должен воспринимать материал изначально целиком, а затем каждую его часть по отдельности. Экскурсионное дело входило в рамки его понимания наглядности [5, с. 29].

В средневековье экскурсионное дело продолжало существовать, но переместилось в места христианской веры. Однако в эпоху Возрождения в Западной Европе начинают возникать музеи на основе частных коллекций знатных родов. Одним из первых музеев считается Галерея Уффици во Флоренции, где большая часть экспонатов принадлежала семье Медичи. Старейшим музеем в нашей стране является «Кунсткамера» Петра Алексеевича, основанная в 1714 году. «Кунсткамера» в переводе с немецкого имеет значение «кабинет редкостей». В ней хранились экспонаты, привезенные Петром I из Западной Европы. Был специальный работник музея, который следил за сохранностью артефактов. Им был назначен Иоганн Шумахер – первый экскурсионный сотрудник в России при Петре. А вот первым музеем современного типа является Британский музей в Лондоне, который основал Ганс Слоан в 1753 году.

Жан Жак Руссо придерживался идеологии свободного воспитания, где краеугольным камнем является принцип природосообразности. Основами данного принципа является неразрывная связь человека с природой: воспитательный и учебный процессы должны строиться в сочетании с законами природы. В педагогической системе Жан Жак Руссо отводил ведущую роль в воспитании ребенка именно природе. Он отмечал главную

ценность природы в чувственном воспитании ребенка. Сенсорный опыт, по мнению Руссо, представляет собой единственный подлинный источник познания. В педагогических идеях Жан Жак Руссо подчеркивал возможность самостоятельного изучения ребенком окружающего мира, считая влияние учителя на воспитательный процесс второстепенным фактором [5, с. 118].

Экскурсии несут в себе образовательный компонент, который способствует расширению знаний об изучаемом объекте. Образовательные экскурсии в России имеют более чем двухвековую историю. Во второй половине 18 века появились первые экскурсии для детей. При Екатерине II 5 августа 1786 года был утвержден «Устав народных училищ в Российской империи», который стал основой образовательной системы в государстве. По уставу было рекомендовано устраивать экскурсии-прогулки. А в 1804 году при императоре Александре I был утвержден «Школьный устав», в котором отмечалась потребность в организации экскурсий на мануфактуры, мастерские и предприятия.

Константин Дмитриевич Ушинский огромное внимание уделял экскурсионной работе на природе. По мнению Ушинского, под руководством педагога дети познают и воспринимают окружающий мир, способствующий расширению и накоплению знаний. Он предлагал связать изучение родного края, географии с изучением языка и развитием речи у ребенка. К.Д. Ушинский предложил создать курс – «Отечественноеведение», где экскурсии отведено отдельное место. Великий педагог видел в этом фундамент, на котором строится патриотизм [5, с. 248, 264].

С наступлением XX века экскурсия окончательно начала рассматриваться как основная часть процесса обучения. В Российской империи, а потом и в Советском Союзе организуют постоянные экскурсии для школьников на фабрики, заводы, историко-культурные памятники и на природу. Например, в Тенишевском училище в Свердловской области экскурсии начали включать в образовательную программу. Экскурсии рассматривали как обязательную форму педагогической работы с детьми. Типология экскурсий в начале 20 века подразделяется на: геологические, гуманитарные, исторические, культурные и другие виды экскурсий. В этот период выделяются два вида экскурсий: экскурсии-демонстрации и экскурсии-опыты. Экскурсии-демонстрации содействовали эстетическому и нравственному воспитанию, способствовали повышению интереса к обучению. Экскурсии-опыты способствовали приобретению навыков исследовательской деятельности. Они имели форму образовательных путешествий, учебных прогулок.

Иван Михайлович Гревс (педагог, краевед, общественный деятель) был один из первых, кто отметил воспитательную суть экскурсий, а также отвел

важное место экскурсиям в образовательной системе.

В 20-е годы XX столетия Владимир Александрович Герд публикует монографию «Экскурсионное дело», где впервые в отечественной науке дается определение термину «экскурсия» и приводится ее классификация. Монография В.А. Герда внесла значительный вклад в развитие теории и методики экскурсионного дела в нашей стране [6, с. 7, 13, 18].

В 1930-х годах урок на законодательном уровне становится главной формой в образовании, а вот туристско-экскурсионная и краеведческая работа еще сохранялась в системе дополнительного образования. В 1970-х годах экскурсионное дело становится частью образовательного процесса в высших учебных заведениях. Создается направление «Методика и организация туристско-экскурсионного дела», а в педагогических вузах возникают экскурсионные отделения. До 1990 года экскурсия на официальном уровне считалась частью досуговой деятельности, но в 2000-х годах научные сотрудники пытаются возродить экскурсионный метод в системе краеведения. В этот период внедряются программы, связанные со школьными предметами, для разных возрастных групп.

На сегодняшний день экскурсия является основной частью образовательной системы в Российской Федерации, выступает формой организации процесса обучения. Экскурсия ориентирована на усвоение как школьного, так и внеурочного материала. Экскурсионная деятельность способствует расширению кругозора и углублению умственного багажа обучающихся. В современной школе главным принципом образовательной системы значится связь процесса обучения в школе с внеурочной работой, где экскурсия является основным методом работы с детьми.

В странах Западной Европы, как и в США, образовательные экскурсии уже входили в учебно-воспитательную работу в XX веке. Началу этому послужила демократизация школьного образования. Образовательные экскурсии начали использовать для углубленного изучения школьных предметов: географии, искусства, истории.

Сейчас термин «экскурсия» трактуется как посещение группой людей достопримечательности, музея, галереи и иных мест с целью просвещения. Демонстрация и рассказ об объектах наследия проходит под руководством экскурсовода. Экскурсовод – квалифицированный специалист, передающий экскурсантам (посетителям) видение объекта и анализ памятного места.

Образовательная экскурсия формирует мировоззрение, воспитывает и обучает ребенка. Она обязана быть целенаправленной, развивать познавательные задатки, нравственные качества и любовь к Родине. Экскурсия – оригинальный метод организации учебного процесса. Наглядность в уроке-экскурсии закладывает в ребенке более устойчивые и

глубокие проявления запаса знаний.

Чтобы сделать образовательную экскурсию интересной и запоминающейся для детей, необходимо учитывать несколько параметров:

- 1) контингент детей (возраст, особенности развития);
- 2) определение цели и задачи экскурсии;
- 3) тема должна согласовываться с программой обучения;
- 4) содержание экскурсии не должно быть сложным для понимания, но и примитивные экскурсии интерес не вызовут;
- 5) продумать все нюансы экскурсии (время, маршрут, отдых).

Инновационная деятельность привносит в нашу жизнь новые технические решения, которые упрощают бытие человека. В образовательной системе также происходят изменения: за последние 20 лет технические средства стали необходимым атрибутом учебного заведения. Сейчас представить образовательную организацию без персональных компьютеров, планшетов, интерактивных досок и мультимедийных проекторов довольно сложно. Технические средства открывают новые возможности для работы школьного учителя и педагога-организатора. Одной из новаторских идей выступает виртуальная экскурсия. Виртуальная экскурсия представляет собой современный культурно-просветительский продукт с эффектом погружения, не выходя из учебной аудитории.

Первые формы виртуальных экскурсий появились на рубеже XX-XXI веков, когда в учебный процесс педагоги-новаторы внедрили просмотры видеофильмов. Видеофильмы или фрагменты видеоряда, записанные на CD-диски, на тот момент являлись прорывом в области просвещения. В дальнейшем создаются другие формы виртуальных экскурсий:

- Мультимедийные презентации в 1987 году. Корпорация Microsoft в США разрабатывает презентацию PowerPoint с помощью трех энтузиастов: Тома Рудкина, Боба Гаскинса и Денниса Остина.
- Интерактивные путешествия на платформе различных карт появились в 1990-х годах. В 1993–1994 годах сформировалось первое поколение картографических веб-приложений, одним из которых стал веб-сервис XeroxPARCMapView.
- Дополненная реальность (AR) появилась в 1992 году. Луис Розенберг создал программу дополненной реальности «VirtualFixtures» для ВВС США, которая могла помочь летчикам выполнять трудные задачи.
- 3D-туры появились в 1994 году. В Великобритании была создана первая 3D-реконструкция замка Дадли с возможностью путешествовать по помещениям 50-х годов 16 века.
- Виртуальная реальность (VR) появилась еще в 1962 году, которую создал Мортон Хейлиг. Но современный прототип создали в 2000-х годах,

когда произошло развитие компьютерной графики, а вычислительные мощности компьютера позволили использовать VR в повседневной жизни.

Виртуальные экскурсии по сравнению с традиционными имеют ряд преимуществ. С учетом современных технологий, улучшения компьютерной графики, качественной фото и видеосъемки виртуальные экскурсии являются уникальным и востребованным инструментом в обучении, способным погрузить ребенка в интересный интерактивный мир путешествий. Необходимость присутствия в определенной локации отпадает, выходить из аудитории не нужно, есть возможность повторить и заново воспроизвести исходный материал экскурсии. Есть ряд и отрицательных особенностей у данной экскурсии: отсутствие полного взаимодействия с окружающей действительностью лишает ребенка получения дополнительной информации, нельзя потрогать и прочувствовать объекты экскурсии. Активность в таких экскурсиях минимальная, звуковые и световые эффекты не способны передать всю красоту и наполняемость традиционной экскурсии. Также педагогу для создания виртуальных экскурсий потребуются технические навыки в работе с компьютером.

Виртуальные экскурсии повсеместно внедряются в области образования, культуры, производства. На сегодня искусственный интеллект способен помочь учителю при создании и наполняемости виртуальной экскурсии. Большие музеи и галереи внедряют в работы организации аудиогиды, а на сайтах размещают виртуальные 3D-экскурсии. Нейроинтерфейсы и голографические проекции имеют большой потенциал в образовании. Но мы в своем исследовании придерживаемся консервативной точки зрения: в образовательном процессе необходимо использовать как традиционные экскурсии, так и тщательно продуманно внедрять виртуальные экскурсии. Лев Семенович Выготский заложил основы развивающего обучения, где строительным материалом выступает возможность выбора подходов в учебном процессе. Поэтому образовательные экскурсии, направленные на развитие ребенка, могут быть разными. Знание своих корней, происхождения, понимание и прочувствование причастности к культуре своего народа является одной из важнейших составляющих в работе с детьми и молодежью в наше время [7, с. 109]. В современной действительности необходимо уделять должное внимание экскурсиям, связанным с родной культурой, историей, литературой, ведь в дальнейшем это послужит подспорьем в становлении здоровой личности, любящей Родину.

Список литературы

1. Бочковар А.С., Тарасенко В.Н., Оришев А.Б. Социальная сущность культурного туризма: Монография / А.С. Бочковар, В.Н. Тарасенко, А.Б. Оришев. – М.: Издательские решения, 2021. – 100 с.
2. Опарина Н.А. Сценарно-режиссёрские основы культурно-досуговых программ: Учебник / Н.А. Опарина. – М.: ВЛАДОС, 2020. – 247 с.
3. Александров Ю.Н. Экскурсия как искусство. – М.: «Директ-Медиа», 2021 г. – 190с.
4. Лосев А.Ф. Аристотель. В поисках смысла / А.Ф. Лосев, А. Тахо-Годи. – М.: Молодая Гвардия, 2014. – 320 с.
5. Пидкасистый П.И. Педагогика. Учебное пособие для студентов педагогических вузов и педагогических колледжей / Под ред. П.И. Пидкасистого. – М.: Педагогическое общество России, 2003. – 608 с.
6. Герд В.А. Экскурсионное дело: Сборник статей по вопросам методики экскурсий / В. А. Герд; под ред. С. В. Герд– Ленинград: Гос. изд-во, 1928. – 117 с.
7. Опарина Н.А. Роль фольклорных приемов празднично-игровых форм деятельности в воспитании детей / Н.А. Опарина // Проблемы дополнительного образования. – М.: Наука и школа, 2016 – № 1. – С. 107-111.

УДК 94(470)"16/18"

ИЗОБРАЖЕНИЕ КОЛОМЕНСКОГО ДВОРЦА В «ПРИВЕТСТВЕ...» СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

Автор: Горемыкин Никита Валерьевич

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса Института механики и энергетики имени В.П. Горячкина, goremikin.nick@yandex.ru

Научный руководитель: Миролюбов Иван Андреевич

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, mirolyubov@rgau-msha.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу стихотворения поэта XVII в. Симеона Полоцкого «Приветство царю Алексею Михайловичу...». Центральной темой стихотворения является описание дворца в царской усадьбе. Дворец был не только одним из наиболее амбициозных строительных проектов XVII в., но и важным маркером геополитических и культурных изменений. Так, дворец, сооруженный после победы в Русско-польской войне, был местом приема царем иностранных делегаций. В его декоре сочетались элементы традиционного древнерусского обхода и европейские новшества, что зримо отражало интенсификацию внешней политики и выстраивание культурных связей. Поскольку дворец не сохранился до нашего времени, ценным источником по реконструкции его внешнего и внутреннего облика являются нарративные источники. Стихотворение Симеона Полоцкого – наиболее раннее и одно из наиболее подробных описаний дворца. Таким образом, стихотворение является важным подспорьем в изучении культурной жизни царского двора XVII в. и идеологии Русского царства времен правления царя Алексея Михайловича.

Ключевые слова: Симеон Полоцкий; царь Алексей Михайлович; Коломенский дворец; культура Древней Руси

IMAGE OF THE TZAR'S PALACE IN KOLOMENSKOYE IN THE "GREETING..." OF SYMEON POLOTSKY

Author: Goremykin Nikita Valerievich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), student, Institute of Mechanical and Power Engineering named after V.P. Goryachkin, goremikin.nick@yandex.ru

Scientific supervisor: Mirolyubov Ivan Andreevich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of History, mirolyubov@rgau-msha.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the poem by the 17th-century poet SymeonPolotsky "Greetings to Tsar Alexey Mikhailovich...". The central theme of the poem is the description of the palace in the royal estate Kolomenskoye. The palace was not only one of the most ambitious construction projects of the 17th century, but also an important marker of geopolitical and cultural changes. Thus, the palace, built after the victory in the Russo-Polish War, was the place where the tsar received foreign delegations. Its decor combined elements of traditional Old Russian court decor and European innovations, which clearly reflected the intensification of foreign policy and the establishment of cultural ties. Since the palace has not survived to this day, narrative sources are a valuable source for reconstructing its external and internal appearance. SymeonPolotsky's poem is the earliest and one of the most detailed descriptions of the palace. Thus, the poem is an important aid in studying the cultural life of the royal court in the 17th century and the ideology of the Russian tzardom during the reign of Tsar Alexei Mikhailovich.

Keywords: Simeon Polotsky; Tsar Alexei Mikhailovich; Kolomensky Palace; culture of Ancient Rus'

Симеон Полоцкий (Самуил Гаврилович Петровский-Ситнианович) – крупная фигура в отечественной культурной истории XVII в., придворный поэт царя Алексея Михайловича. Его творчество стало мостом между традиционной русской культурой и европейским барокко. Полоцкий, выпускник Киево-Могилянской академии, прибыл в Москву в 1664 г. и быстро занял место одного из главных оформителей идеологии при царском дворе [1, с. 197–332]. Вместе с тем деятельность Полоцкого не может рассматриваться отвлеченно от культурного и политического фона эпохи царя Алексея Михайловича, в которой он жил и творил [2].

Само правление царя Алексея Михайловича (1645–1676 гг.) во многом – рубежный период в истории России. События Русско-польской войны 1654–1667 гг. вывели Русское царство в число крупных геополитических игроков, что и определило интенсификацию дипломатических контактов [3; 4, с. 363–371]. Обмен посольствами способствовал и интенсивному культурному взаимодействию: в быту придворной элиты все чаще встречаются предметы европейского обихода – мебель, утварь, произведения искусства и т.д. Наилучшим образом это соединение старого, традиционного уклада и европейских новшеств выразилось в обустройстве царской резиденции в Коломенском [5; 6; 7]. Коломенское – древняя великокняжеская и затем царская резиденция, фиксируемая в письменных источниках еще со времен

великого князя Ивана Калиты. С установлением власти дома Романовых Коломенское перешло в распоряжение царей этой династии. На время правления Алексея Михайловича приходится «золотой век» усадьбы. В мае 1667 г., через три месяца после завершения Русско-польской войны и подписания Андрусовского перемирия, здесь был заложен дворец, ставший центром дворцово-паркового комплекса. Просторное сооружение предназначалось не только для проживания царской семьи в летний период, но и для осуществления царем официальных функций, в т.ч. и приема и иностранных послов. Возведенный за один строительный сезон, т.е. уже к 1668 г., дворец продолжал украшаться лучшими мастерами того времени. Художественные работы осуществлялись под руководством ведущего иконописца Оружейной палаты, Симона Ушакова. Работы были завершены к 1672 г., когда и состоялось торжественное освящение дворца. Церемония «вселения» царской семьи в новый дворец была весьма торжественна и представительна: освящал дворец сам патриарх, а придворный поэт Симеон Полоцкий выступил с торжественным стихотворным панегириком, в котором дается пространное описание сооружения.

Коломенский дворец, просуществовав сто лет, сильно обветшал ко временам правления императрицы Екатерины II. В 1767 г. он был разобран за ветхостью, так что в распоряжении исследователей архитектуры имеются только его чертежи и материалы археологических раскопок. Однако эти виды исторических источников дают информацию скорее технического характера. Большую ценность для реконструкции внешнего и внутреннего облика дворца, бывшего одним из наиболее амбициозных строительных проектов XVII в., имеют описания современников и описи интерьеров. Что касается описей дворцовых помещений, то они относятся уже к XVIII в., т.е. фиксируют интерьеры с учетом новаций времен правления сыновей Алексея Михайловича – Федора Алексеевича и Петра Великого. Соответственно, тем выше ценность сообщений современников строительства, из которых первое – это как раз поэтический панегирик Симеона Полоцкого. О высокой значимости этого источника писал уже один из первых исследователей дворца Н.А. Чаев [8, с. 13]. Обратимся к анализу этого текста (цитируем его по изданию: [9, с. 103–108]).

Стихотворение открывается пространным объяснением причины его написания и произнесения: «Добрый обычай в мире содержится: / в дом новозданный аще кто вселится, / все дружи его ему приветствуют, / благополучно жити усердствуют...». Говоря об обычае дарить по такому случаю «дары ... от серебра и злата», поэт тем самым сравнивает свое произведение с подобным поздравительным даром. Поднесение литературных произведений в качестве даров – традиция хорошо известна с

античных времен. Также, вполне в соответствии с привычкой античных ораторов, Полоцкий подчеркивает свою неспособность изъяснить красоту избранного им объекта – Коломенского дворца: «ум бо мой худый не может объяти». Это замечание вызвано не столько скромностью автора, сколько желанием показать величие сооружение, которое «миру есть удивление». Восхваление дворца в масштабе не только страны, но и всего мира есть не только риторическое преувеличение, но и вполне конкретное указание на геополитическую реальность, в которой Русское царство стало играть более заметную роль. Кроме того, поэт предвосхищает одно из назначений дворца – он будет, как уже говорилось, статусной резиденцией для приема иностранных дипломатических миссий. Похвальные отзывы иностранцев о Коломенском дворце – например, Якоба Рейтенфельса, представителя тосканского герцога [10], – будут созвучны отзыву Симеона Полоцкого. Обращенность к мировому масштабу подчеркивается автором и через сопоставление дворца с семью чудесами света – знаменитыми памятниками Древнего мира. Сам дворец объявляется восьмым чудом света: «Седмъ дивныхъ вещейъ древний миръ читаше, / осмый див сей домъ время иматъ наше... / Осмое нынѣ на Москвѣ явися, / егда сей царскій твой домъ совершися...».

Хорошо начитанный, Симеон Полоцкий, конечно же, считает правильным подобрать исторические памятники, с которыми дворец можно сравнить. Зная набожность Алексея Михайловича, поэт обращается к Священному Писанию: «Красоту его (т.е. дворца) мощно есть равняти / Соломоновой прекрасной палате. / Аще же древо zde не есть кедрово, но стоит за кедр, истинно то слово». Сопоставление дворца Алексея Михайловича с дворцом царя Соломона, описанного в Третьей книге Царств (10, с. 18–22), уподобляет и самого русского царя библейскому монарху. Объект сравнения был созвучен пожелания самого Алексея Михайловича, что подтверждается элементами декора дворца. Среди сюжетов, которые были изображены в интерьерах царских комнат, были и сцены из жизни библейских царей Давида и Соломона, а также персоналии античной истории – Александр Македонский и Гай Юлий Цезарь [11, с. 213–219]. Отмечая тот факт, что царь также весьма интересовался фигурой императора Константина Великого, первого христианского правителя Римской империи [12; 13; 14]. Сопоставление Алексея Михайловича со всеми этими персоналиями подчеркивает качества его личности: благочестие, мудрость, военное мастерство и т.д. Поэт также отмечает техническую деталь: дворец Соломона был построен из ливанского кедра. Ливанский кедр, конечно, не был тождественен русской сосне, однако поэт не без гордости говорит, что отечественный строительный материал «стоит за кедр».

Упоминая отдельные элементы декора дворца, поэт удостаивает

похвалы мастеров самых разных профилей. Так, живописцы восхваляются за написание «множество цветов живописанных», а также за картины научного характера. Царь Алексей Михайлович и члены его семьи не без интереса относились к астрономии, что отразилось в декоре дворца. Полоцкий упоминает «четыре части мира» (т.е. персонификации континентов – Европа, Азия, Африка и Америка), «зодий небесный» (т.е. изображение планетарной системы и знаков двенадцати созвездий) и «части лета» (т.е. времена года). Упоминая эти картины, поэт отдает должное и образованности самого царя. Просвещенность – важное качество монарха эпохи абсолютизма, что нашло отражение в привычке европейских монархов этого времени покровительствовать наукам и искусствам. Соответственно, в интересах царя, отразившихся в декоре его дворца, можно увидеть не только его личный выбор, но и желание соотнести свой образ жизни с европейскими образцами.

Наряду с живописным декором во дворце присутствовали и замечательные памятники резьбы по дереву. Полоцкий упоминает и ее: «множество цветов ... / острым хитро длатом изваянных». Здесь восторг поэта объясняется не только желанием отметить очередную впечатляющую деталь декора, но и его личным чувством. Среди мастеров-резчиков, работавших в Коломенском, было немало белорусов, т.е. земляков Симеона Полоцкого [15, с. 241–242]. Среди мастеров, работавших над декором дворца, особое место занимает имя часовщика Петра Высоцкого [16, с. 74], который создал любопытную диковину: механических львов. Львы эти, бывшие наиболее экзотической деталью в оформлении царской усадьбы, побуждают поэта вновь вспомнить о царе Соломоне: его престол, согласно Третьей книге Царств (10:19–20), был украшен изваяниями львов. Полоцкий указывает, что львы во дворце Алексея Михайловича не уступают львам из дворца Соломона многочисленностью – они «и zde (т.е. в Коломенском дворце) суть мнози». Конечно, это преувеличение: престол Соломона украшали четырнадцать изваяний. Однако несомненное преимущество львов Петра Высоцкого было в том, что они «к тому и рыкают, / яко живые львы, глас испущают; / очеса движут, зияют устами, / видится, хошут ходити ногами...». Здесь, несомненно, слышна гордость поэта за земляка. Далее поэт описывает чувства, которые львы вызывают: «Страх приступити, тако устроенны, аки живые львы суть посаженны...». В той строке Полоцкий передает и эмоции гостей, которых львы будут, несомненно, впечатлять, и гордость самого царя, которому такое украшение явно было по душе.

Подводя итоги своему обзору, Полоцкий соотносит величие дворца с величием его хозяина – царя Алексея Михайловича: «Единым словом, дом есть совершенный, / царю велику достойно строенный; / по царстей чести и

дом зело честный...». Таким образом, дворец объявляется Полоцким наглядным доказательством того, что Русское царство в правление царя Алексея Михайловича открыло для себя новые внутри- и внешнеполитические горизонты [17, с. 381–459; 18, с. 385–416].

Описание Коломенского дворца в стихотворении Симеона Полоцкого – это не просто восторженный гимн архитектуре, а сложный идеологический текст, где каждая деталь работает на прославление власти Алексея Михайловича. Поэт мастерски сочетает гиперболу и детализацию: позолота интерьеров, «живые» львы у входа и изображения с зодиаком создают образ дворца как микрокосма, отражающего вселенскую гармонию. Сравнения с храмом Соломона, райским садом и античными чудесами превращают резиденцию в символ богоизбранности России, а царя – в продолжателя библейских и античных правителей. Эти аллюзии не случайны: они легитимируют власть монарха, встраивают Москву в контекст «Третьего Рима» и заявляют о культурных амбициях страны. Даже риторическая скромность автора («ум мой худой») усиливает впечатление: читатель верит, что дворец превосходит человеческое понимание. Так через пышность барокко и метафоры Полоцкий создаёт политический манифест, где архитектура становится языком власти, а роскошь – доказательством божественной санкции на правление Романовых. Панегирик Симеона Полоцкого, таким образом, это частная иллюстрация государственной программы по созданию нового культурного кода, где роскошь и учёность служили доказательством величия России. Подобный подход получит свое развитие и дальнейшем, при последующих правителях из династии Романовых [19].

Список литературы

1. Жуков Д.А., Пушкарёв Л.Н. Русские писатели XVII века. Москва: Молодая гвардия, 1972. 336 с.
2. Чёрная Л.А. Придворная культура Алексея Михайловича: от Артаксеркса до Орфея // Исторический вестник. 2013. № 3. С. 24–47.
3. Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи (1665–1661 гг.). Москва: Индрик, 2010. 656 с.
4. История внешней политики России: в 5 т. Т. 1. Конец XV–XVII век (от свержения ордынского ига до Северной войны). Москва: Академический проект; Парадигма, 2018. 436 с.
5. Баранова С.И. Дворец в Коломенском // Белорусы Москвы. XVII век. Минск, 2013. С. 292–307.
6. Миролубов И.А. Усадьбы царя Алексея Михайловича как агропромышленные комплексы XVII века // Аграрное предпринимательство: история, тренды, горизонты развития: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 09–10 октября 2024 года. Москва: РГАУ, 2024. С. 34–38.

7. Ухналев А.Е. Дворец царя Алексея Михайловича в Коломенском и метод средневекового русского зодчего // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. 2024. № 68. С. 60–77.
8. Чаев Н.А. Описание дворца царя Алексея Михайловича в селе Коломенском. М.: Университетская типография, 1869. 39 с.
9. Симеон Полоцкий. Избранные сочинения / подгот. текста, ст. и ком. И.П. Еремина. Москва–Ленинград: Издательство АН СССР, 1953. 281 с.
10. Базулин А. П. Повседневная жизнь царя Алексея Михайловича по данным «Сказания» Якоба Рейтенфельса // История повседневности: человек в истории: сборник статей. Москва: Научная библиотека, 2024. С. 18–24.
11. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Часть I. Москва: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1895. 759 с.
12. Федотов А.С. Иван Юрьев – греческий купец и агент на службе царя Алексея Михайловича (с приложением публикации архивных документов по истории международных контактов России XVII в.) // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2019. № 1. С. 125–134.
13. Миролубов И.А. О практике ношения диадемы Константином Великим // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 1. С. 52–58.
14. Миролубов И.А. Осмысление личности императора Константина Великого в IV–V вв. // Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций: сборник статей. СПб.: Издательство РХГА, 2023. С. 335–349.
15. Бусева-Давыдова И.Л., Николаева М.В. Белорусская резь: «Высочайшая степень совершенства» // Белорусы Москвы. XVII век. Минск, 2013. С. 238–251.
16. Русско-белорусские связи во второй половине XVII в. (1667–1686 гг.): сборник документов. Минск: Издательство БГУ, 1972. 375 с.
17. Андреев И.Л. Алексей Михайлович. Москва: Молодая гвардия, 2003. 638 с.
18. Козляков В.Н. Царь Алексей Тишайший: летопись власти. Москва: Молодая гвардия, 2018. 649 с.
19. История России от древности до конца XVIII века : учебное пособие для вузов / Гончарук Е.И., И.А. Миролубов, С.А. Миронюк, В.Т. Сакаев, М.В. Шерстюк; под ред. А.Б. Оришева. – Москва: Российский государственный аграрный университет, 2024. – 284 с. ISBN: 978-5-9675-2038-9

**ОТ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ К АГРОНОМИЧЕСКИМ
ИННОВАЦИЯМ: РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ И ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В МОДЕРНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ ВО
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Автор: Городецкий Дмитрий Радович

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса факультета Агробиотехнологии, dimitrygorodec310806@gmail.com

Научный руководитель: Грачев Андрей Борисович

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, grachik1980@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу роли аграрного образования в модернизации сельского хозяйства России во второй половине XIX века. На фоне социально-экономических преобразований, вызванных отменой крепостного права в 1861 году, авторы исследуют трансформацию традиционных методов передачи знаний в систематизированную образовательную модель. Особое внимание уделяется интеграции теоретической подготовки и практико-ориентированного обучения в специализированных учебных заведениях, таких как низшие сельскохозяйственные школы и Петровская земледельческая и лесная академия. Рассматривается влияние культурной адаптации крестьян, мигрировавших в города, на их профессиональное становление, включая роль шахмат как инструмента развития стратегического мышления.

Ключевые слова: аграрное образование; модернизация сельского хозяйства; крестьянская реформа 1861 года; Петровская земледельческая и лесная академия; практико-ориентированное обучение; культурная адаптация; социально-экономические преобразования.

**FROM PEASANT REFORM TO AGRONOMIC INNOVATIONS: THE
ROLE OF EDUCATION AND URBAN CULTURE IN THE
MODERNIZATION OF RUSSIAN AGRICULTURE IN THE SECOND
HALF OF THE 19TH CENTURY**

Author: Gorodetsky Dmitry Radovich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), 1st year student of the Faculty of

Scientific Supervisor: Grachev Andrey Borisovich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, grachik1980@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the role of agricultural education in the modernization of Russian agriculture in the second half of the 19th century. Against the backdrop of socio-economic changes caused by the abolition of serfdom in 1861, the authors examine the transformation of traditional methods of knowledge transfer into a systematized educational model. Particular attention is paid to the integration of theoretical training and practice-oriented learning in specialized educational institutions, such as lower agricultural schools and the Petrovskaya Agricultural and Forestry Academy. The influence of cultural adaptation of peasants who migrated to cities on their professional development is considered, including the role of chess as a tool for developing strategic thinking.

Keywords: Agricultural education; Modernization of agriculture; Peasant reform of 1861; Petrovskaya agricultural and forestry academy; Practice-oriented training; Cultural adaptation; Socio-economic transformations.

Аграрное образование второй половины XIX в. в России представляет собой уникальный исторический процесс, в ходе которого традиционные методы передачи практических знаний трансформировались в систематизированную образовательную модель, отвечающую вызовам времени. Отмена крепостного права в 1861 г. и последовавшие социально-экономические преобразования стали катализатором необходимости модернизации сельскохозяйственного производства, что обусловило формирование специализированных учебных заведений. В условиях роста спроса на квалифицированных специалистов наблюдалось активное внедрение инновационных методов обучения, сочетающих теоретическую подготовку и практическую деятельность на экспериментальных полях, учебных хозяйствах и специализированных мастерских. Кроме того, миграция крестьян в города, где располагались аграрные университеты, способствовала их культурной адаптации, что выражалось в знакомстве с элементами городской культуры, такими как игра в шахматы, служившая инструментом развития логического и стратегического мышления. Данное исследование направлено на анализ ключевых особенностей аграрного образования указанного периода с акцентом на процессы обучения, трансформацию традиционных методов передачи знаний и влияние культурных факторов на подготовку специалистов для модернизации сельского хозяйства [1, с. 102; 2, с. 67].

Цель исследования заключается в анализе ключевых особенностей

аграрного образования второй половины XIX века, с акцентом на процессы обучения, трансформацию традиционных методов передачи практических знаний в рамках формализованной образовательной системы и влияние культурных факторов, таких как знакомство с шахматами, на развитие аграрной науки и подготовку специалистов. Исследование направлено на выявление механизмов интеграции теоретических знаний и практических умений в образовательном процессе, а также на оценку влияния миграции крестьян и их культурной адаптации в городских аграрных центрах на модернизацию сельского хозяйства.

В качестве материалов исследования использованы публикации и монографии, посвящённые истории аграрного образования в Российской империи, а также материалы научных статей, описывающих процесс формирования учебных программ и организацию практико-ориентированного обучения в аграрных вузах.

Методологическая база исследования опирается на историко-аналитический подход, позволяющий реконструировать процесс эволюции аграрного образования в контексте социально-экономических преобразований второй половины XIX в. Применялись методы контент-анализа текстовых источников, сравнительный анализ материалов различных периодов и междисциплинарный подход, позволяющий учесть как педагогические, так и социокультурные аспекты образовательного процесса. Такой комплекс методов обеспечивает всестороннее изучение взаимодействия теоретических знаний и практических навыков в аграрных вузах, а также позволяет оценить роль культурной адаптации крестьян, в том числе через знакомство с шахматами, в формировании нового типа специалистов для модернизации сельского хозяйства.

Аграрное образование второй половины XIX в. представляло собой процесс трансформации традиционных методов передачи практических знаний в рамках формализованной образовательной системы, направленной на подготовку квалифицированных специалистов для модернизации сельского хозяйства. Отмена крепостного права в 1861 г. стала катализатором социально-экономических изменений, повлекших за собой рост потребности в новых кадрах, способных внедрять современные методы ведения хозяйства. В ответ на вызовы времени формировалась система аграрных учебных заведений, включающая как низшие сельскохозяйственные школы, так и высшие учебные заведения, такие как Петровская земледельческая и лесная академия. Процесс обучения в данных учреждениях отличался сочетанием теоретической подготовки и интенсивной практической деятельности, что позволяло будущим специалистам не только осваивать научно обоснованные принципы

агрономии, но и приобретать навыки непосредственного применения этих знаний в реальных условиях хозяйства [3, с. 153].

Учебный процесс строился на принципе интеграции дисциплин, где теоретические занятия по математике, агрономии, экономике и естественным наукам дополнялись практическими занятиями, проводимыми на экспериментальных полях, учебных хозяйствах и мастерских. Такой подход способствовал формированию у студентов способности анализировать и применять новые технологии, включая современные методы севооборота, использование удобрений и агротехнические приёмы. Особое внимание уделялось развитию практических навыков, необходимых для ведения сельскохозяйственного производства, что нашло отражение в организации занятий на специализированных фермах, где студенты могли непосредственно наблюдать и участвовать во внедрении инновационных методов работы с землей [4, с. 129; 5, с. 65].

Поддержка государства и участие частных инвесторов играли ключевую роль в обеспечении материально-технической базы учебных заведений, что позволяло внедрять современные образовательные технологии и обеспечивать доступ к новейшим аграрным разработкам. Нормативно-правовая база, утверждаемая государственными органами, способствовала стандартизации образовательного процесса и выработке общегосударственных подходов к подготовке специалистов, что стало важным фактором в повышении уровня агрономической подготовки. Таким образом, процесс обучения в аграрных вузах того периода характеризовался синтезом теоретических знаний и практических умений, что в совокупности способствовало модернизации сельскохозяйственного производства и подготовке профессиональных кадров, способных отвечать на вызовы динамично меняющейся экономической и социальной среды [6, с. 235].

В условиях миграции крестьян в города, где располагались аграрные университеты и учебные заведения, наблюдался значительный культурный сдвиг. Контакт с образовательной средой способствовал не только профессиональному росту, но и знакомству с различными аспектами городской культуры, среди которых особое место занимала игра в шахматы. Эта интеллектуальная игра, как символ европейской культурной традиции, стала для крестьян своеобразным мостом между их традиционными укладами жизни и современными научными и культурными практиками [7, с. 125].

Знакомство с шахматами оказывалось не просто досугом, а инструментом развития стратегического мышления и логики, что в свою очередь способствовало более глубокому восприятию образовательного процесса в аграрных вузах. Встречаясь с новыми культурными формами,

крестьянская молодежь, ранее ограниченная рамками сельской жизни, приобретала новые модели поведения и мышления, что позволяло им адаптироваться к требованиям современной городской среды и способствовало их интеграции в социокультурное пространство.

Современное аграрное образование в России продолжает развивать традиции, заложенные во второй половине XIX века, адаптируя их к вызовам XXI столетия. Сегодня акцент делается на интеграцию цифровых технологий. Практико-ориентированный подход, унаследованный от дореволюционных школ, дополняется. Однако роль культуры в развитии личности человека остаётся неизменной [8, с. 65; 9, с. 369].

Этот синтез технологий, практики и культурных ценностей позволяет готовить кадры, способные сочетать инновации с уважением к наследию [10, с. 88].

Таким образом, можно рассматривать знакомство с шахматами как один из аспектов более широкого процесса культурной адаптации и трансформации, происходившей в условиях миграции крестьян. Этот процесс не только обогащал их интеллектуальный потенциал, но и служил важным фактором в модернизации сельского хозяйства через внедрение новых методов обучения и управления, что отражало динамику социально-экономических преобразований конца XIX – начала XX века [11].

Проведённое исследование демонстрирует, что аграрное образование второй половины XIX века стало важнейшим механизмом модернизации сельского хозяйства в России. Систематизация образовательного процесса, основанная на синтезе теоретических знаний и практических умений, позволила подготовить кадры, способные адаптироваться к динамично меняющимся условиям хозяйственного производства. Особое внимание уделялось внедрению современных агротехнических методов и технологий, что нашло отражение в организации практических занятий на специализированных учебных хозяйствах и экспериментальных полях. Дополнительно, культурная адаптация крестьян, мигрировавших в города, оказалась значимым фактором в их интеллектуальном развитии: знакомство с такими элементами городской культуры, как шахматы, способствовало развитию стратегического мышления, необходимого для успешного освоения новых методов ведения хозяйства. Таким образом, аграрное образование данного периода сыграло ключевую роль в переходе от традиционных аграрных практик к современным методам сельскохозяйственного производства, заложив основу для дальнейших научных и технологических преобразований в аграрном секторе.

Список литературы

1. Пичужкин, Н. А. Принципы функционирования системы среднего сельскохозяйственного образования в XIX веке (на примере деятельности Московской земледельческой школы) / Н. А. Пичужкин, А. Б. Грачев, М. В. Шерстюк // Международный научный журнал. – 2023. – № 5(92). – С. 98-107. – DOI 10.34286/1995-4638-2023-92-5-98-107. – EDNBVMFSV.
2. Рыжкова, Е. В. Становление и развитие высшего аграрного образования в России (XIX – начало XX вв.) / Е. В. Рыжкова, О. М. Фадеева, И. И. Широкоград // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2020. – № 5(377). – С. 66-68. – DOI 10.24411/2587-6740-2020-15096. – EDNEVZOFW.
3. Есикова, М. М. Сельскохозяйственное образование в России (вторая половина XIX в. - 1917 г.) / М. М. Есикова // Власть. – 2010. – № 7. – С. 150-154. – EDNMSUEEV.
4. Обьедкова, Л. В. Аграрное образование в России: проблемы и современные тренды / Л. В. Обьедкова, Т. В. Опейкина // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2018. – № 1(27). – С. 124-130. – EDNYQCYCF.
5. Пичужкин, Н. А. Распространение аграрных знаний через образцовые фермы во второй четверти XIX века / Н. А. Пичужкин, А. Б. Грачев, М. В. Шерстюк // Международный научный журнал. – 2021. – № 4. – С. 61-67. – DOI 10.34286/1995-4638-2021-79-4-61-67. – EDNIPYWYY.
6. Черятова, Ю. С. Методологические основы экологического образования в аграрном вузе / Ю. С. Черятова, Е. Ю. Ембатурова // Экосистемы. – 2023. – № 34. – С. 232-237. – EDNYCPXQA.
7. Тарасенко, В. Н. Шахматы и воспитание патриотизма у студентов аграрных вузов в России / В. Н. Тарасенко, А. С. Бочковар, Н. И. Стенин // Общественный журнал. – 2024. – № 3-4. – С. 123-132. – DOI 10.33920/nik-04-240304-22. – EDNWEYQYW.
8. Игебаева, Ф. А. Совершенствование системы аграрного образования в соответствии с требованиями рынка / Ф. А. Игебаева // Гуманизация образования. – 2014. – № 6. – С. 62-67. – EDNTGERPGT.
9. Сюсюра, Д. А. Сохранение и развитие системы аграрного образования как основа инновационной аграрной политики России / Д. А. Сюсюра // Никоновские чтения. – 2015. – № 20-1. – С. 367-370. – EDNVZLAON.
10. Абросимова, Е. А. Учебный глоссарий как компонент терминологической подготовки специалистов в системе непрерывного аграрного образования / Е. А. Абросимова, Ж. Б. Есмурзаева, И. В. Куламихина // Преподаватель XXI век. – 2021. – № 3-1. – С. 86-99. – DOI 10.31862/2073-9613-2021-3-86-99. – EDNTGWAKE.
11. Оришев, А.Б. История России от XIX до XXI века: учебное пособие для вузов / А.Б. Оришев, С.А. Миронюк, А.С. Позднякова, Д.Н. Христенко, М.В. Шерстюк. – Москва: Российский государственный аграрный университет, 2024. – 339 с.

80-ЛЕТИЕ ПОБЕДЫ: ПАМЯТЬ

Автор: Грицкевич Максим Евгеньевич

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 3 курса факультета механики и энергетики им. В.П. Горячкина, max.gritskevich@yandex.ru

Научный руководитель: Гущин Сергей Николаевич

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), преподаватель, guchinsergei1963@mail.ru

Научный руководитель: Карякин Владимир Владимирович

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), преподаватель, v.karyakin@rgau-msha.ru

Аннотация. В статье рассказывается об участнике Великой Отечественной войны – офицере, участнике Первой Мировой войны, Гражданской войны в России, Гражданской войны в Испании, Великой Отечественной войны – генерал-майоре Киселёве Василии Ивановиче, человеке, положившем всю свою жизнь на защиту своей Родины. Работа содержит в себе исторические факты, описывающие события ранее перечисленных войн. Приводится описание жизни Киселёва, становление его из рядового солдата армии Российской Империи в заслуженные офицеры Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Помощь близким, забота и защита родных, добросовестная служба и защита Родины, вот путь Василия Ивановича. Ещё в возрасте 22 лет добровольно записался в Красную Армию. Тяжёлые бои прошёл Киселёв во время Гражданской войны в России, в ходе которых был неоднократно ранен. В 1921 году поступил в Высшую Военную школу РККА в г. Омске на Военно-академические курсы высшего комсостава РККА, а в 1930 году поступил в Военную академию РККА имени М.В. Фрунзе. По приказу правительства СССР Василий Иванович отправился в заграничную командировку и стал участником боевых действий в Испании, в ходе которых он обрёл много верных друзей и товарищей, получил незаменимый опыт, который позже был им применён в Великой Отечественной войне. В 1946 г был демобилизован, воспитывал своих детей и скончался героем в 1968 г в возрасте 72 лет.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; военная служба; офицер; защита Родины; герой

80th ANNIVERSARY OF VICTORY: MEMORY

Author: Gritskevich Maxim Evgenievich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street, 49), student, Institute of Mechanics and Power engineering named after V.P. Goryachkin, max.gritskevich@yandex.ru

Scientific supervisor: Gushchin Sergey Nikolaevich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street, 49), a teacher, guchinsergei1963@mail.ru

Scientific supervisor: Karyakin Vladimir Vladimirovich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street, 49), a teacher, v.karyakin@rgau-msha.ru

Abstract. The article tells about a participant of the Great Patriotic War - an officer, a participant of the First World War, the Civil War in Russia, the Civil War in Spain, The Great Patriotic War – Major General Vasily Ivanovich Kiselev, a man who spent his whole life defending his Homeland. The work contains historical facts describing the events of the previously listed wars. It describes the life of Kiselev, his development from an ordinary soldier of the Russian Empire army to a distinguished officer of the Worker' and Peasants' Red Army. Helping loved ones, caring for and protecting relatives, conscientious service and protecting the Homeland, this is the path of Vasily Ivanovich. At the age of 22 years old, he voluntarily enlisted in the Red Army. Kiselev went through heavy battles during the Civil War in Russia, during which he was wounded several times. In 1921, he entered the Higher Military School of the Red Army in Omsk for the Military Academic Courses for the Senior Command Staff of the Red Army, and in 1930 he entered the M.V. Frunze Military Academy of the Red Army. By order of the USSR government, Vasily Ivanovich went on a foreign mission and became a participant in military operations in Spain, during which he found many loyal friends and comrades, gained invaluable experience, which he later applied in the Great Patriotic War. In 1946, he was demobilized, raised his children and died a hero in 1968 at the age of 72 years old.

Keywords: Great Patriotic War; military service; an officer; defense of the Homeland; hero

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Этот день вошёл в календарь как День памяти и скорби. На рассвете 22 июня нацистская Германия нанесла первые массированные удары по территории Советского Союза. Вражеская авиация начала бомбить аэродромы, железнодорожные станции, военно-морские базы и города вдоль всей западной границы СССР и на глубину до 250-300 километров от неё. Ударам

подверглись Киев, Житомир, Севастополь, Брест, Гродно, Лида, Вильнюс и многие другие города[1]. В 5 часов утра 22 июня 1941 года немецко-фашистские войска перешли государственную границу СССР, и повели наступление вглубь советской территории. Только через полтора часа после начала нападения посол Германии в Советском Союзе сделал заявление об объявлении войны СССР. В 12 часов того же дня все радиостанции страны передали правительственное сообщение о нападении фашистской Германии. В заявлении, с которым от имени Центрального Комитета Коммунистической партии выступил народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов, указывалось, что нападение фашистской Германии на СССР – беспрецедентное в истории цивилизованных народов вероломство [2]. Потери Красной армии в первые дни войны были просто колоссальными. Как отмечают А.Б. Оришев и В.Н. Тарасенко «только в первый день войны было уничтожено 1200 самолетов, 900 из них даже не успели подняться в воздух [3, с. 211].

Одним из тех, кто ковал победу нашей Родины, был офицер генерал-майор Киселёв Василий Иванович. Родился Василий Иванович 1-го августа 1896 года в Уфимской губернии Белебеевского уезда Николаевской волости села Задвиженка в семье бывших крепостных крестьян. Семья была большой, состоящей из 10 человек, 6 дочерей и 2 сыновей старшим из которых был герой данной статьи. Состояние семьи было скудным по тем меркам (1 лошадь, 2 коровы, 5 овец, пара свиней, 5 десятин (1 десятина = 10925м²) земли и одна изба). Главе семейства нужно было кормить семейство, скот, обрабатывать землю. Ртов много, а рук рабочих мало, вот старший сын и помогал отцу в работе. Василий был пастухом, помощником инженера на железной дороге, котельщиком, в свободное время работал в поле и помогал отцу в хозяйстве. Он был не из робкого десятка, сестёр в обиду не давал, на тяжёлый труд не жаловался. Время шло, никто и не мог подумать, что беда была на пороге.

28 июля 1914 года началась Первая мировая война. 3 августа 1915 года Василий Иванович был досрочно мобилизован в Царскую армию рядовым солдатом. С каждым днём службы любовь к Отечеству у Киселёва лишь росла. Отслужив 2 с лишним года решил, что военное дело и есть его призвание и 1-го января 1918 года добровольно записался в армию РККА. По поручению Военно-революционного комитета из подразделений 35 пехотной дивизии формирует партизанский отряд в количестве 200 человек и отправляется на западный фронт в город Оршу. После восстания левых эсеров Василий вместе с силами Первого Невельского полка принимает активное участие в борьбе с ними. Бои продолжались с 15 ноября 1918 по 12 января 1920 года. За этот период прошёл должности от начальника пулемётной команды до командира полка, командовал 235 и 236 боевыми

полками. Участвовал в 72 боях на Восточном фронте, дважды был ранен. В 1919 году вступил в партию ВКП(б). Также в октябре 1920 года участвовал в подавлении повстанческих банд в Сибири, чьи действия выражались в совершении терактов и актов вредительства на важнейшие государственные объекты. Они ставили своей целью свержение советской власти путём вооружённых выступлений [4; 5].

Рисунок 1 – Сохранившиеся фотографии Киселёва В.И.

В 1921 году поступил в Высшую Военную школу РККА в г. Омске на Военно-академические курсы высшего комсостава РККА. Они существовали с 8 августа 1921 года по 6 июня 1924 года при Военной академии РККА и были предназначены для ускоренной подготовки высшего командного состава РККА. Василий Иванович с отличием окончил её в 1922 г. с правом занятия должности командира полка. В том же году поступил в войска СГПУ и проходил службу там по 1924 год. С 1925 года служил в дивизии ОГПУ (Отдельной дивизии особого назначения имени Ф.Э. Дзержинского).

За проявленные особые храбрость и мужество в боевых действиях во время гражданской войны против белых банд был представлен к награде и награждён орденом Красного знамени 23 февраля 1928 года¹.

¹ Киселёв Василий Иванович // Кадровый состав органов государственной безопасности СССР 1935-1939. URL.: <https://nkvd.memo.ru/index.php/%D0%9A%D0%B8%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B2,%D0%92>

Рисунок 2 – Выпуск из Восточного факультета Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе

В 1930 году поступил в Военную академию РККА имени М.В. Фрунзе на Восточный факультет – учебное формирование Красной Армии по подготовке военных дипломатов и разведчиков, знающих восточные языки (японский, китайский и другие). В 1933 году Василий Иванович окончил обучение и по 1935 год занимал должность командира полка 6 железнодорожного полка НКВД станции Зилово в посёлке Аксёново-Зиловское (Восточной Сибири), а с июля 1935 года был переведён в город Свердловск (Екатеринбург) на должность начальника Военно-оперативного отдела. Но служба там была не долгой.

В 1936 году в Испании разразилась Гражданская война. Начался мятеж военных и правых сил против законного правительства Второй республики. По приказу правительства СССР Василий Иванович отправился в заграничную командировку и стал участником боевых действий в Испании в 1936—1938 годах (полковник, советник на Малагском фронте). Находясь в чужой стране, выполняя боевые задачи вместе с испанским народом, он встречался с большими трудностями. “Генштаб оставил Малагу на произвол, - пишет Киселёв, - нас не поддержали ни флот, ни другие рода войск. А главное нам не дали винтовок, пулемётов и боеприпасов”. Войска,

[%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B9 %D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87](#) (дата обращения 11.02.2025)

оказавшиеся на стороне “Народного фронта”, отступали, оставляя город за городом. Дойдя до г. Альмерия войска остановились и организовали в нём “последний форпост”. Город превратился в неприступную крепость, как с суши, так и с моря. Совершались постоянные атаки и налёты отдельными отрядами сторонников движения “Народный фронт” по тылам противника до глубокой осени 1937 года. Опыт ведения боевых действий в Испании в дальнейшем был использован Василием Ивановичем при обороне от немецко-фашистских захватчиков в 1942 году. О чём свидетельствует письмо, адресованное в 1964 году председателю ЦК Коммунистической партии Испании товарищу Долорес Ибаррури. Василий Иванович пишет: “Товарищ Долорес! Знаменательно то, что при организации обороны г. Орджоникидзе (Владикавказа) и Военно-Грузинской дороги мною был использован опыт, приобретённый в дни Испанской революции в 1937 году” [5].

Вернувшись домой, Василий Иванович 2 января 1937 года был награждён орденом Красного Знамени за особые заслуги в деле борьбы с врагами трудящихся².

С 1938 года был назначен командиром 4-й железнодорожной бригады войск НКВД СССР, которая в марте 1939 года была преобразована в 3-ю дивизию войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений.

Битва за Кавказ в исторических источниках. 5 апреля 1942 года Гитлер подписал директиву, согласно которой одной из главных целей летнего наступления вермахта стал захват Кавказа. Германское командование намеревалось разгромить противостоящие им здесь советские войска и заполучить нефтяные и газовые месторождения, которыми так богат данный регион.

Битва за Кавказ началась 25 июля 1942 года и продолжалась 442 дня. Бои шли на фронте протянувшимся от Новороссийска до Моздока.

К лету 1942 года советский фронт был ослаблен после неудачного наступления под Харьковом. В Берлине понимали, что лучшего момента для захвата Сталинграда (Волгоград) и выхода к нефтяным районам Кавказа не будет. В июле основные вражеские силы сосредоточились в низовьях Дона. Перед вермахтом стояла задача полного уничтожения войск Южного фронта и захвата крупнейших городов – Новороссийска, Туапсе, Грозного и Баку. Для СССР потеря этих территорий была недопустима. После утраты

²Киселёв Василий Иванович // Кадровый состав органов государственной безопасности СССР 1935-1939. URL.:

https://nkvd.memo.ru/index.php/%D0%9A%D0%B8%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B2,%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B9_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения 11.02.2025)

Севастополя именно сюда, на Кавказ, переместился Черноморский флот, кроме того, через советско-иранскую границу шли поставки помощи (продовольствие, оружие, медикаменты, боеприпасы, военная техника и др.) из США по программе “ленд-лиз”.

Красная армия по численному составу уступала противнику в полтора раза, а с точки зрения военной техники – в восемь-девять раз. Во что бы то ни стало, ей нужно было остановить продвижение противника, измотать и перейти в контрнаступление.

Гитлеровские ударные группировки быстро продвигались вглубь Кавказа. К началу августа они заняли Ставрополь, Армавир, Майкоп, Краснодар, спустя пару недель – Моздок. Уже в первых числах сентября был полностью взят крупнейший советский порт – Новороссийск. В это время тяжелейшие бои разворачивались в центральной части Кавказского хребта. И именно там противник не ожидал сильного отпора советских войск и вынужден был перейти к обороне. После нескольких неудачных вражеских попыток прорваться в сторону Туапсе и Грозного ситуация в корне изменилась.

1 января 1943 года Северная группа войск Закавказского фронта перешла в наступление. Оно оказалось стремительным: спустя всего месяц враг был вытеснен из Кавказского предгорья в низовьях Кубани, 12 февраля был освобождён город Краснодар. Однако указ о полном выводе немецких войск с Кубани Гитлер отдал лишь 3 сентября.

Битва за Кавказ глазами бойца. С началом Великой Отечественной войны Василий Иванович – начальник войск охраны тыла 20-й армии Западного фронта, затем – начальник войск НКВД по охране тыла Брянского фронта. 24 января 1942 года Киселёву Василию Ивановичу были присвоены звание генерал-майора и должность командира Орджоникидзевской дивизии войск НКВД. Принимал участие в обороне города Орджоникидзе осенью 1942 года, разработал стратегический план обороны города и Военно-Грузинской дороги. В его подчинении находились части Красной Армии, находившиеся в составе гарнизона города Орджоникидзе, а именно 276-я стрелковая дивизия, 9-я и 155-я отдельные стрелковые бригады, танковая бригада, 7 артиллерийских и 2 зенитных полка и другие части [6].

При выполнении поставленных боевых задач, при обороне г. Орджоникидзе важную роль сыграл полученный генерал-майором опыт в ходе боевых действий в Испании. Василием Ивановичем был подписан приказ об объявлении в городе осадного положения. Время было тяжёлым, враг наступал, много детей, женщин и стариков было в городе. Страшно. Отступать было некуда. Бравые воины, солдаты, защитники Кавказа не жалели своих жизней, защищая родные им земли, защищая свою Родину.

Сплотив людей, укрепив оборонительные позиции, город и его жителей удалось уберечь и отбросить врага назад [7].

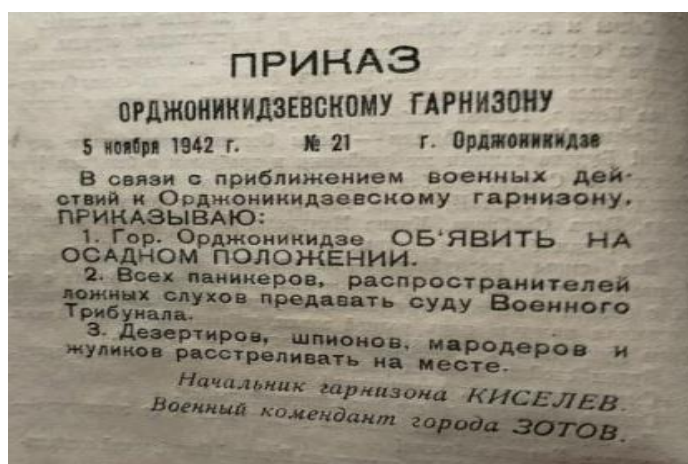

Рисунок 3 – Приказ начальника гарнизона

13 декабря 1942 года был награждён орденом Красного Знамени за успешное выполнение поставленных боевых задач³.

В январе 1943 года генерал-майор Киселёв сформировал Управление внутренних войск НКВД Северо-Кавказского округа, а с августа 1943 года он стал начальником оперативного отдела Главного управления внутренних войск НКВД СССР, с апреля 1944 года — начальник Управления внутренних войск НКВД Белорусского округа. Здесь В.И. Киселёв занимался координацией боевой и оперативно-служебной деятельности войск округа, ликвидацией бандитизма и агентуры немецкой разведки в Белоруссии, обеспечением тыла частей Советской Армии.

В четвёртый раз Василий Иванович был награждён орденом Красного Знамени за выслугу лет в войсках, органах НКВД и милиции 3 ноября 1944 года, а 21 марта 1945 года награждён орденом Ленина за выслугу лет по войскам и органам НКВД и милиции⁴.

³ Киселёв Василий Иванович // Кадровый состав органов государственной безопасности СССР 1935-1939. URL.:

https://nkvd.memo.ru/index.php/%D0%9A%D0%B8%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B2,%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B9_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения 11.02.2025)

⁴ Киселёв Василий Иванович // Кадровый состав органов государственной безопасности СССР 1935-1939. URL.:

https://nkvd.memo.ru/index.php/%D0%9A%D0%B8%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B2,%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B9_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения 11.02.2025)

После окончания Великой Отечественной войны, генерал-майор Киселёв Василий Иванович 9 мая 1945 года был награждён медалью “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.” за участие в Великой Отечественной войне и 21 мая 1945 года был награждён орденом Отечественной войны 1-й степени за успешное выполнение заданий Правительства.

Послевоенные годы. 24 сентября 1946 года Киселёв Василий Иванович был уволен в отставку по демобилизации с сохранением военного звания. Во время начала боевых действий на территории СССР семья Киселёвых была эвакуирована в Казань. Жена работала на заводе, производившем боеприпасы, и воспитывала годовалую дочь. Долгожданная встреча Василия Ивановича с родными состоялась в Белоруссии, где он проходил оставшиеся дни службы.

Василий Иванович редко (практически никогда) упоминал о событиях военного времени. Пройдя нелёгкий путь, он не утратил себя, не утратил человечность. Дочь воспитывал с нежностью и заботой, проводил её в первый класс, поддерживал тесные взаимоотношения с бывшими боевыми товарищами на Родине и за границей.

2 ноября 1968 года Василий Иванович умер от инфаркта миокарда. Похоронен в Москве на Востряковском кладбище.

В память о героической обороне города и храбрости воинов Красной армии, проявленной в боях на Кавказе, генерал-майору и защитникам города Орджоникидзе была установлена мемориальная доска в этом самом городе, ныне называемом Владикавказ, находящаяся на улице проспект Мира, дом 2⁵.

⁵ Киселёв Василий Иванович // Википедия Свободная энциклопедия. URL.: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B8%D1%81%D0%B5%D0%BB%D1%91%D0%B2,_%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B9_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87#%D0%9F%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D1%8C

Рисунок 5 – Мемориал

Заключение. 80 лет прошло, как закончилась Великая Отечественная война. За эти годы выросло несколько поколений. Изменилась политическая карта планеты. Нет Советского Союза, который одержал грандиозную, сокрушительную победу над нацизмом и спас весь мир. Принято говорить: война оставила глубокий след в истории каждой семьи. За этими словами – судьба миллионов людей, их страдания и боль потерь. Гордость, правда и память!

Василий Иванович один из многих героев Великой Отечественной войны, которые не жалели себя и с каждым днём приближали Победу. Наше поколение должно быть благодарно таким людям, ведь благодаря им, мы спим спокойно.

Список сокращений

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ОГПУ – Объединённое государственное политическое направление
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия
СГПУ – Северное горнопромышленное управление
СССР – Союз Советских Социалистических Республик

Список литературы

1. Шерстюк, М.В. Предпосылки Второй Мировой войны: учеб. пособие / М.В. Шерстюк. Москва: РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева, 2013. – 91 с.

2. Ковалени А.А., Пивовара Е.И. История Великой Отечественной войны. Очерки совместной истории. Санкт-Петербург: Алетейя, 2020. – 850 с.
3. Оришев А.Б. История: от древних цивилизаций до конца XX века: Учебник / А. Б. Оришев, В. Н. Тарасенко. Москва: Издательский Дом «Инфра-М», 2020. 276 с. EDN BSAZGW.
4. Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность, Москва: Новый хронограф, 2014. 740 с.
5. Данилин А.Б., Евсеева Е.Н., Карпенко С.В. Гражданская война в России(1917-1922) // Новый исторический вестник, 2000. № 1. 38 с.
6. Семёнов К.К. Русская эмиграция и гражданская война в Испании 1936-1939, Москва: Алгоритм, 2016. 256 с.
7. Старший лейтенант. За Родной Кавказ. Ордоникидзе: Северо-Осетинское гос. издательство, 1943. 87 с.

ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ НАУЧНЫХ МЕТОДОВ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ XIX ВЕКА: ПРИЧИНЫ РАЗРЫВА МЕЖДУ ТЕОРИЕЙ И ПРАКТИКОЙ

Автор: ДжейрановаЭлени Михайловна

ФБГОУ «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Москва, Россия, (119606, просп. Вернадского, 84, стр. 1), магистр, mihalidise@mail.ru

Научный руководитель: Грачев Андрей Борисович

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, grachik1980@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу проблем внедрения научных методов земледелия в образовательный процесс России XIX в. Исследуются причины разрыва между теоретическими разработками в области агрономии и их практическим применением в условиях традиционного крестьянского хозяйства. Рассматриваются ключевые образовательные инициативы эпохи, такие как создание Петровской земледельческой академии и земских сельскохозяйственных курсов, а также барьеры, препятствовавшие их успеху: недоверие крестьян к инновациям, недостаток финансирования, нехватка квалифицированных преподавателей и слабая адаптация учебных программ к местным условиям. Особое внимание уделяется попыткам интеграции теории и практики через учебно-показательные хозяйства и выездные практикумы. В заключении подчёркивается, что эффективность аграрного образования возможна только при учёте социально-экономического контекста и тесной связи академических знаний с реальными потребностями сельского хозяйства.

Ключевые слова: аграрное образование; научные методы земледелия; история сельского хозяйства; XIX век; Петровская земледельческая академия; земские курсы; теория и практика; крестьянские традиции; агрономические реформы; учебно-показательные хозяйства

PROBLEMS OF INTRODUCING SCIENTIFIC METHODS OF FARMING INTO THE EDUCATIONAL PROCESS IN RUSSIA IN THE XIX CENTURY: REASONS FOR THE GAP BETWEEN THEORY AND PRACTICE

Author: Dzheyranova Eleni Mikhailovna

Federal State Budgetary Educational Institution «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration», Moscow, Russia, (119606, Vernadsky Ave., 84, building 1), master, mihalidise@mail.ru

Scientific Supervisor: Grachev Andrey Borisovich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, grachik1980@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problems of introducing scientific methods of agriculture into the educational process in Russia in the 19th century. The reasons for the gap between theoretical developments in the field of agronomy and their practical application in the conditions of traditional peasant farming are investigated. The key educational initiatives of the era, such as the creation of the Petrovskaya Agricultural Academy and zemstvo agricultural courses, as well as the barriers that hindered their success are considered: peasants' mistrust of innovations, lack of funding, shortage of qualified teachers and poor adaptation of curricula to local conditions. Particular attention is paid to attempts to integrate theory and practice through educational and demonstration farms and field workshops. In conclusion, it is emphasized that the effectiveness of agricultural education is possible only if the socio-economic context and close connection of academic knowledge with the real needs of agriculture are taken into account.

Key words: agricultural education; scientific methods of agriculture; history of agriculture; 19th century; Petrovskaya Agricultural Academy; zemstvo courses; theory and practice; peasant traditions; agronomic reforms; educational and demonstration farms

В первой половине XIX века российское сельское хозяйство оставалось преимущественно натуральным: крестьяне вели хозяйство «для себя», использовали традиционные приёмы обработки земли и удобрения, передававшиеся из поколения в поколение. Техника была в дефиците — деревянные плуги, сошники и ручные орудия не позволяли эффективно обрабатывать обширные чернозёмы, а отсутствие механизации сдерживало повышение урожайности. Большинство крестьян были неграмотны или имели лишь минимальный уровень образования, что не давало возможности усваивать новые агрономические знания и технологии.

В то же время в научной среде и среде землевладельцев постепенно созревали идеи внедрения в сельское хозяйство результатов исследований в области агрономии и зоотехнии. Уже в 1830–1840-е годы в России появляются первые агрономические классы при университетах и ремесленных училищах, а спустя несколько десятилетий создаются специализированные учреждения — Петровская земледельческая и лесная академия в Москве (1865 г.), агрономические отделения при университетах и земские сельскохозяйственные курсы. Целью этих учреждений было дать слушателям научную базу: от понятий химического состава почвы и основ физиологии растений до методов сортировки семян и организации севооборота. Однако уже на этапе проектирования учебных программ стали проявляться разрывы между академической теорией и реальными условиями жизни и труда крестьян, что во многом определило низкую эффективность первых аграрных реформ в сфере образования [1, с. 99; 2, с. 67].

В основу аграрного образования в России XIX века были положены теоретические представления о химическом составе почв и методах их обогащения, правильных агротехнических приёмах, системах севооборота и принципах селекции. Слушателям преподавали основы теории удобрений: значение азота, фосфора и калия, способы использования органических подкормок, их дозировка и сезонные сроки внесения. Большое внимание уделялось технике обработки почвы — глубина вспашки, боронирование, рыхление и прикатывание, направленные на сохранение влаги и предупреждение эрозии. Изучение севооборота строилось на чередовании злаковых и бобовых культур, использовании промежуточных сидератов и схем трёх–пятилетнего чередования посевов для восстановления плодородия земель. Кроме того, в программу входили основы селекции: отбор семян и животных по продуктивным признакам, хранение и учёт урожайности, методы гибридизации и инбридинга, наглядно демонстрировавшиеся на учебно-показательных полях, питомниках и стадах [3, с. 152].

Главным центром профессиональной подготовки агрономов стала Петровская земледельческая и лесная академия, где сочетались академические курсы по агрохимии, ботанике, физиологии растений, зоотехнии и землеустройству с практическими занятиями на собственных опытных полях. После земской реформы 1864 года при уездных земствах возникли краткосрочные сельскохозяйственные школы и курсы, рассчитанные на помещиков и крестьян; они предусматривали изучение тех же дисциплин, но в облегчённом формате и проходили непосредственно на образцовых хозяйствах, что должно было сближать теорию с практикой [4, с. 125; 5, с. 65].

Во-первых, внедрение научных методов в сельское хозяйство сдерживалось глубоким недоверием крестьян к «барским наукам», многовековые традиции натурального земледелия воспринимались ими как единственно верные, а массовая неграмотность практически исключала понимание и усвоение даже самых базовых агрономических понятий. Помещики, освобождённые от обязанности следовать барщине после реформы 1861 г., часто не спешили вкладываться в дорогостоящие новшества, предпочитая проверенные временем практики, особенно когда покупка минеральных удобрений или аренда сельскохозяйственной техники казались избыточным расходом при отсутствии гарантии роста урожайности [6, с. 205].

Во-вторых, сами учебные программы нередко оставляли слушателей один на один с теорией, минимизируя выездные практикумы на реальных полях и демонстрационные хозяйства, что отрывало подготовку агрономов от сложных климатических и социально-экономических условий русской глубинки. Одновременно остро ощущался недостаток преподавателей, одновременно обладавших глубокими знаниями и понимавших местные реалии: многие агрономы обладали исключительно европейским образованием и плохо ориентировались в российских почвах, сельскохозяйственных обычаях и административно-финансовых барьерах, с которыми сталкивались их крестьяне и помещики [7, с. 168; 8, с. 201].

В ряде уездных земств, прежде всего Московского и Тверского, аграрные курсы стали сочетать лекции с выездными практикумами на специально оборудованных опытных участках, где крестьяне и помещики могли воочию увидеть эффективность новых методов обработки почвы и внесения удобрений. При Петровской земледельческой и лесной академии наряду с классическими занятиями были созданы учебно-показательные хозяйства с опытными полями, питомниками и теплицами, где слушатели самостоятельно проводили эксперименты по севообороту, селекции и агрохимии; подобный практико-ориентированный подход значительно повышал усвоение теории и способствовал более быстрому распространению научных знаний в сельской местности [9, с. 157; 10, с. 123].

Несмотря на значительные усилия, внедрение научных методов в аграрное образование столкнулось с множеством серьёзных барьеров — экономических, социальных и методических. Только к концу XIX и началу XX века, когда началась вторая волна аграрных реформ, образовательные программы стали всё больше опираться на практико-ориентированные курсы, опытные хозяйства и адаптированные к местным условиям методики, что существенно повысило их эффективность и способствовало более широкому распространению агрономических знаний [11]. Этот исторический

опыт подчёркивает, насколько важно при разработке учебных программ учитывать социально-экономический контекст и тесно интегрировать теорию с практикой для достижения устойчивых результатов в сельском хозяйстве.

Список литературы

1. Пичужкин, Н. А. Принципы функционирования системы среднего сельскохозяйственного образования в XIX веке (на примере деятельности Московской земледельческой школы) / Н. А. Пичужкин, А. Б. Грачев, М. В. Шерстюк // Международный научный журнал. – 2023. – № 5(92). – С. 98-107. – DOI 10.34286/1995-4638-2023-92-5-98-107. – EDNBVMFSV.
2. Рыжкова, Е. В. Становление и развитие высшего аграрного образования в России (XIX – начало XX вв.) / Е. В. Рыжкова, О. М. Фадеева, И. И. Широкоград // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2020. – № 5(377). – С. 66-68. – DOI 10.24411/2587-6740-2020-15096. – EDNEVZOFW.
3. Есикова, М. М. Сельскохозяйственное образование в России (вторая половина XIX в. - 1917 г.) / М. М. Есикова // Власть. – 2010. – № 7. – С. 150-154. – EDNMSUEEV.
4. Обьедкова, Л. В. Аграрное образование в России: проблемы и современные тренды / Л. В. Обьедкова, Т. В. Опейкина // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2018. – № 1(27). – С. 124-130. – EDNYQCYCF.
5. Пичужкин, Н. А. Распространение аграрных знаний через образцовые фермы во второй четверти XIX века / Н. А. Пичужкин, А. Б. Грачев, М. В. Шерстюк // Международный научный журнал. – 2021. – № 4. – С. 61-67. – DOI 10.34286/1995-4638-2021-79-4-61-67. – EDNIPYWYU.
6. Долгих Ф.И. Практикум по истории отечественного государства и права: учебное пособие. Москва: Маркет-ДС, 2010. 376 с.
7. Тарасенко, В. Н. Римско-католический кафедральный собор Непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии в Москве: архитектура и история / В. Н. Тарасенко, Н. И. Стенин // Бизнес и дизайн ревю. – 2025. – № 1(37). – С. 164-175. – EDNMVLTZR.
8. Комплексные вопросы аграрной науки и образования: сборник научных статей по материалам внутривузовской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Высшего аграрного образования Республики Саха (Якутия) и Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием в рамках «Северного форума – 2021», Якутск, 27 сентября – 12 октября 2021 года. – Якутск, 2021. – 570 с. – ISBN 978-5-7513-3209-9. – EDNEURWXS.
9. Роль аграрного образования для продовольственной безопасности страны / А. Э. Кенешбекова, Н. А. Карабаев, Т. Ж. Ызаканов [и др.] // Известия ВУЗов Кыргызстана. – 2022. – № 6. – С. 155-159. – EDNUQAXMS.
10. Симбирских, Е. С. Компетентностный подход в аграрном образовании / Е. С. Симбирских, Ю. Б. Суворова // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. – 2008. – № 1. – С. 121-124. – EDNKTOPBF.
11. Оришев, А.Б. История России от XIX до XXI века: учебное пособие для вузов / А.Б. Оришев, С.А. Миронюк, А.С. Позднякова, Д.Н. Христенко, М.В. Шерстюк. – Москва: Российский государственный аграрный университет, 2024. – 339 с.

УДК 37.014.5

РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ 1860–1870-х ГОДОВ: ПРЕДПОСЫЛКИ, НАПРАВЛЕНИЯ, ИТОГИ

Автор: Доценко Мария Олеговна

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса факультета зоотехнии и биологии, marydts@yandex.ru

Научный руководитель: Гончарук Елена Игоревна

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент, efedyun@yandex.ru

Аннотация. Реформы образования 1860-1870-х годов стали поворотным моментом в истории России, заложив основы современной системы просвещения. Эти преобразования коренным образом изменили подход к обучению, сделав его более доступным для различных слоёв населения. Развитие земских школ, реорганизация гимназий, предоставление автономии университетам - все эти меры способствовали росту грамотности и формированию новой интеллигенции. Особое значение имело расширение возможностей для женского образования, что стало важным шагом к социальному равенству. Реформы не только отвечали насущным потребностям эпохи, но и создали предпосылки для дальнейшего развития страны. На основе архивных материалов, статистических данных и научных трудов сделан вывод о том, что реформы заложили институциональные основы для создания современной системы образования в России.

Ключевые слова: реформы образования; земские школы; университетская автономия; женское образование; социальная мобильность

EDUCATIONAL REFORMS OF THE 1860s–1870s: PREREQUISITES, DIRECTIONS, OUTCOMES

Author: Dotsenko Maria Olegovna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), 1st year student at the Faculty of Animal Science and Biology, marydts@yandex.ru

Supervisor: Elena IgorevnaGoncharuk

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow,

Abstract. The educational reforms of the 1860s-1870s marked a turning point in Russian history, laying the foundation for the modern education system. These transformations fundamentally changed the approach to learning, making it more accessible to various social strata. The development of zemstvo schools, reorganization of gymnasiums, and granting autonomy to universities all contributed to increasing literacy rates and forming a new intelligentsia. Of particular importance was the expansion of opportunities for women's education, which became a significant step toward social equality. The reforms not only addressed the urgent needs of the era but also created prerequisites for the country's further development. Based on archival materials, statistical data and scientific works, it was concluded that the reforms laid the institutional foundations for the creation of a modern education system in Russia.

Key words: educational reforms; zemstvo schools; university autonomy; female education; social mobility

К середине XIX века Россия столкнулась с необходимостью коренной модернизации после поражения в Крымской войне (1853–1856), выявившей отставание в военной, научно-технической и образовательной сферах [6, с. 55]. Освобождение крестьян в 1861 году изменило экономическую структуру, поставив задачу интеграции миллионов людей в новые социальные условия [2, с. 46]. Рост промышленности и железнодорожной сети требовал квалифицированных кадров, включая инженеров и техников, что подчеркивало важность образовательных реформ [3, с. 91].

Политические преобразования Александра II, включая судебную, военную и земскую реформы 1864 года, создали основу для изменений в образовании. Земства, получив полномочия в местном управлении, взяли на себя организацию начальных школ, особенно в сельских районах, где грамотность оставалась низкой [1, с. 54]. Общественный интерес к образованию усиливался, воспринимаясь как средство социальной мобильности и преодоления сословных барьеров [4, с. 38]. Просвещение становилось важным инструментом, с помощью которого правительство стремилось укрепить общественную стабильность и подготовить профессиональные кадры для развивающейся экономики [3, с. 91]. После Крымской войны необходимость новых образовательных стандартов стала частью политики укрепления России на международной арене [8, с. 67].

Реформы начального и среднего образования в 1860–70-е годы стали важным этапом модернизации системы народного просвещения в России. Ключевым событием стало принятие Устава гимназий и прогимназий 1864 года, который ввел единую структуру и стандарты преподавания для повышения качества обучения. В соответствии с Уставом 1864 года, гимназии делились на классические (для подготовки к университетам, акцент

на древних языках) и реальные (для практической деятельности, акцент на естественных и технических науках). Как отмечает Д. В. Руль, «создание двух типов гимназий позволило учитывать различия в образовательных потребностях учащихся» [3, с. 95].

Развитие начального образования также было приоритетом. Введение обязательного начального обучения предусматривало создание доступной сети школ. Земства, основанные в 1864 году, играли ключевую роль в их организации и финансировании. А. В. Калинина отмечает, что «земские школы стали важнейшим элементом образовательной системы» [1, с. 57]. Программы начального образования включали основы чтения, письма, арифметики и религиозного воспитания. В «Журнале Министерства народного просвещения» указывалось, что «начальные школы должны были не только обучать, но и воспитывать в детях чувство гражданского долга» [8, с. 69].

Для повышения уровня подготовки педагогов были открыты учительские семинарии и специальные курсы. М. В. Богуславский считает, что «профессионализация учительского труда стала важным шагом к повышению качества образования» [2, с. 49].

Важным аспектом стало расширение доступа к образованию для девочек. В 1870 году приняты меры по созданию женских гимназий и прогимназий. Женские гимназии предлагали аналогичные программы, что и мужские. Е. В. Панова указывает, что «расширение образовательных возможностей для женщин способствовало их активному включению в общественную жизнь» [5, с. 41].

Реформа высшего образования 1860–1870-х годов стала важнейшим этапом модернизации российской образовательной системы. Необходимость преобразований была обусловлена потребностью в квалифицированных специалистах для развивающейся экономики и государственного аппарата. Поражение в Крымской войне (1853-1856) продемонстрировало технологическое отставание России, подчеркнув важность реформирования университетов [6, с. 55].

Центральным элементом преобразований стало принятие Университетского устава 1863 года, который значительно расширил автономию высших учебных заведений. Согласно новым положениям, университеты получили право самостоятельно формировать учебные программы, избирать ректоров и профессорский состав. Введение академических свобод стимулировало научные исследования и повысило престиж университетского образования [3, с. 96]. Особое внимание уделялось развитию естественных и технических наук, что отвечало потребностям индустриализации страны. В учебные планы были включены

новые дисциплины: политэкономия, статистика и право [2, с. 50].

Важным аспектом реформы стало расширение доступности высшего образования. Введение системы стипендий и льгот позволило представителям различных социальных групп получить университетское образование. Как отмечалось в "Журнале Министерства народного просвещения", эта мера способствовала созданию более открытой образовательной системы [8, с. 71]. Параллельно шло развитие сети высших учебных заведений - были основаны Новороссийский (1865) и Варшавский (1869) университеты, что способствовало более равномерному распределению образовательных ресурсов по территории страны [1, с. 60].

Важнейшей особенностью образовательных преобразований 1860-1870-х годов стало активное вовлечение земств и частных лиц в развитие народного просвещения. Земская реформа 1864 года предоставила местным органам самоуправления значительные полномочия в организации начального образования, что привело к созданию разветвленной сети земских школ [9, с. 140].

Земства не ограничивались лишь финансированием учебных заведений. Они разрабатывали адаптированные программы обучения, учитывающие местные условия и потребности. Как отмечалось в "Журнале Министерства народного просвещения", такой подход обеспечивал тесную связь образования с практической жизнью регионов [8, с. 72]. Особенно важна была деятельность земств в сельской местности, где государственные образовательные учреждения практически отсутствовали.

Параллельно с земскими инициативами развивалась частная благотворительность в сфере образования. Крупные промышленники (такие как династия Морозовых) создавали школы для детей рабочих, сочетая задачи просвещения с подготовкой квалифицированных кадров для предприятий [5, с. 44]. Благотворительные фонды учреждали стипендии для малоимущих студентов, расширяя доступ к образованию.

Значительный вклад вносили и религиозные организации. Православная церковь через сеть приходских школ обеспечивала базовое образование в отдаленных районах, совмещая обучение грамоте с духовным воспитанием [3, с. 98].

Реформы привели к значительному росту грамотности, особенно среди крестьян, благодаря земским школам, что расширило их участие в общественной жизни [1, с. 61]. К 1880 году уровень грамотности в городах достиг 35%, в сельской местности — 15% [8, с. 73]. Образование стало социальным лифтом: 30% студентов университетов были выходцами из крестьян и мещан [3, с. 99]. Женщины, окончившие гимназии, активно включались в педагогическую и благотворительную деятельность. Развитие

среднего и высшего образования сформировало интеллигенцию, укрепив профессиональную элиту, необходимую для модернизации [5, с. 46]. Женские гимназии и доступ к высшему образованию открыли женщинам новые профессиональные перспективы, способствуя гендерному равенству [8, с. 73]. Грамотность способствовала распространению новых идей и формированию гражданской идентичности [3, с. 99].

В долгосрочной перспективе реформы заложили основу современной образовательной системы. Обязательное начальное образование и сеть школ снизили социальное неравенство и повысили образовательную культуру [1, с. 63]. Университетская автономия стимулировала научные исследования, формируя национальную научную школу, интегрированную в мировое сообщество [3, с. 101]. Реальные училища обеспечили кадры для индустриализации [8, с. 75, 9]. Профессионализация учительского труда через семинарии повысила качество преподавания [2, с. 55]. Принципы доступности и обязательности образования, введенные в этот период, остаются актуальными.

Образовательные реформы 1860–1870-х годов стали важным фактором модернизации России, повысив грамотность, сформировав интеллигенцию и укрепив образовательную систему. Земства и частные инициативы обеспечили доступность образования, особенно для крестьян и женщин. Реформы заложили фундамент для дальнейших преобразований, оказав долгосрочное влияние на развитие общества и интеграцию России в мировое научное сообщество. Автономия университетов позволила значительно повысить уровень исследований и преподавания, что стало важным вкладом в развитие национальной интеллигенции.

Значение реформ выходит за пределы их непосредственных результатов. Они заложили фундамент для дальнейших преобразований в образовательной системе, обеспечив долговременный эффект на пути к модернизации.

Список литературы

1. Калинина, А.В. Реформирование системы школьного образования в России в 1860-е – 1870-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет, 2015. – С. 187.
2. Богуславский, М.В. Реформы российского образования XIX–XX вв. как глобальный проект // Вопросы образования. – 2006. – № 2. – С. 34–48.
3. Руль, Д.В. Эволюция образовательной системы в России XIX века. Реформы и их последствия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2016. – № 3. – С. 89–95.
4. Вычеров, Д.А., Кузнецова, О.Н., Кулик, С.В. Образ реформ Александра II в учебной литературе // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2022. – № 4. – С. 110–117.

5. Панова, Е.В. Образовательные реформы Александра I : влияние западных образцов на российские реалии : дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2020.
6. Колпак, Е.П., Столбовая, М.В. Эволюция системы образования в России (IX–XIX вв.) : учеб. пособие. – Казань: Бук, 2019. – С. 222.
7. Московские ведомости М. Н. Каткова в полемике о реформе образования в 1860–1870-х гг. // Институт истории и археологии УрО РАН, 2008. – 205-209 с.
8. Реформа образования 1860-х гг. на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» // Медиаскоп. – 2015. – URL: <https://www.mediascope.ru/2466>
9. Оришев, А.Б. История России от XIX до XXI века: учебное пособие для вузов / А.Б. Оришев, С.А. Миронюк, А.С. Позднякова, Д.Н. Христенко, М.В. Шерстюк. – Москва: Российский государственный аграрный университет, 2024. – 339 с.

СУДЬБА СЕМЬИ РОМАНОВЫХ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

Автор: Емельяненко Анастасия Андреевна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса факультета зоотехнии и биологии, anastasiaemelanenko19@gmail.com

Научный руководитель: Гончарук Елена Игоревна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, efedyun@yandex.ru

Аннотация. Романовы являются одной из самых известных правящих династий в истории России. Их история правления началась 3 марта 1613 года, когда в Московском Кремле народными представителями Земского собора был избран первый царь этой династии - Михаил Федорович Романов. В последствие правление Романовых продлилось более 300 лет. Но на великую династию с многовековой историей обрушилась трагедия. В 1917 году произошла Февральская, а затем Октябрьская революции, по итогу которых правящая монархия была свергнута. Но что же произошло с правящей семьей после их свержения? Какая участь постигла остальных родственников Романовых? И что же в итоге стало с самой династией? Имело ли данное историческое событие значение для России прошлой и современной? Многие и многие вопросы мы задаем и по сей день, пытаясь переосмыслить и дать оценку людям и власти, которая начала свой путь построения нового государства с жестоких убийств. До сих пор ученые, историки и философы дискутируют на тему жертвы и ее целесообразности в масштабах государства и общества. Могут ли убийства детей императора, всех его членов семьи, искалеченные судьбы рода Романовых быть оправданны святой целью достижения справедливости и благополучия для всего общества? Все эти вопросы вызывают бурные дискуссии и споры, что доказывает актуальность данной темы. В то же время остается много тайн, загадок, что представляет огромный интерес для исследования. В данной статье будут рассмотрены основные события, касающиеся судьбы царской семьи после Февральской революции 1917 года и жизни оставшихся членов дома Романовых в эмиграции.

Ключевые слова: Романовы; революция 1917; биография; эмиграция

THE FATE OF THE ROMANOVS AFTER THE REVOLUTION

Author: Emelyanenko Anastasia Andreevna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), 1st year student at the Faculty of Animal Science and Biology, anastasiaemelanenko19@gmail.com

Scientific supervisor: Goncharuk Elena Igorevna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, efedyun@yandex.ru

Abstract. The Romanovs are one of the most famous ruling dynasties in Russian history. Their history of rule began on March 3, 1613, when the first tsar of this dynasty - Mikhail Fedorovich Romanov - was elected in the Moscow Kremlin by the people's representatives of the Zemsky Sobor. In consequence board of Romanovs has lasted more than 300 years. But on great dynasty with centuries-old history tragedy has fallen. In 1917 there was February, and then October revolutions on the result of which the ruling monarchy has been overthrown. But what happened to the ruling family after their overthrow? What befell the other relatives of the Romanovs? And what eventually became of the dynasty itself? Was this historical event of importance for Russia past and present? Many and many questions we ask to this day, trying to rethink and evaluate the people and the authorities, who started their construction of a new state with brutal murders. To this day, scientists, historians and philosophers are still debating the topic of sacrifice and its appropriateness on the scale of the state and society. Can the murders of the emperor's children, all his family members, the mutilated fates of the Romanov family be justified by the holy goal of achieving justice and well-being for all of society? All these questions cause heated discussions and disputes, which proves the relevance of this topic. At the same time remains a lot of mysteries, riddles, which is of great interest for research. This paper will consider the main events concerning the fate of the royal family after the February Revolution of 1917 and the life of the remaining members of the House of Romanov in exile.

Keywords: Romanovs, revolution 1917; biography; emigration

В 1917 году на правящую монархию обрушилась Февральская революция и навсегда изменила их судьбу. Режим Николая II защищала только полиция, так как от него отвернулись Церковь, военное руководство, а также Дума и многие родственники, которые проживали за границей. В Петрограде всеобщая стачка обернулась восстанием войск и населения. Итогом стал арест царских министров. Николай отправил восстанавливать порядок генерала Иванова, затем двинулся сам. Однако царский поезд не смог добраться в Царское Село и вынужден был повернуть на Псков. Здесь в два часа ночи 2 марта 1917 года Николай II подписал указ об «ответственном министерстве». Но, к сожалению, было слишком поздно. Руководство Думы и Ставка уже считали невозможным его дальнейшее правление. Находясь в безвыходном положении, в 15 часов 2 марта 1917 года Николай II отрекся от престола сначала в пользу сына, но затем он изменил свое решение и буквально через 7 часов был составлен акт отречения уже в пользу его младшего брата Михаила. Затем под влиянием Петроградского совета, Временным правительством был организован арест

всех членов семьи Николая II. Под охраной Государственной думы Николай II вместе с семьей вернулся в Царское Село. Семья Романовых находилась под тотальным контролем с возможностью посещения только Царскосельского парка. Однако 31 июля Романовых и их прислугу под конвоем отправляют в Тобольск. Там семья проживала на втором этаже губернаторского дома и не могла покидать его территорию, за исключением походов в церковь. Однако нахождение в губернаторском доме было достаточно мирным. Они всей семьей играли в карты, вечерами читали вслух, а также помогали по дому и во дворе, например, Николай с сыном Алексеем часто пилили дрова. В тот период Новое Правительство решает отправить царскую семью в Екатеринбург, что было поддержано Большевиками. Как следствие 30 апреля 1918 года уполномоченный В. В. Яковлев передал Николая II Уралоблсовету, который установил тюремный режим для царя и членов его семьи в доме купца Ипатьева. Гражданская война входила в острую фазу. Сибирь оказывала большое сопротивление большевикам, что повлияло на принятие решения и 16 июля 1918 года. Президиум Уралоблсовета отправил в Кремль телеграмму, в которой сообщалось о прошении на согласие казнить Николая II без «пролетарского суда». Вопросы об убийстве всех членов его семьи не стояло, однако он был решен в ночь с 16 на 17 июля 1918 года группой солдат охраны. Главой группы был комендант Юровский, который в последствии в подробностях описывал произошедшее. Юровский объявил, что Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов Урала постановил расстрелять всю царскую семью. Николай II переспросил его, на что Юровский повторил приказ и скомандовал: «Стрелять». Первый выстрел был осуществлен лично Юровским и стал смертельным для Николая II. После беспорядочной хаотичной стрельбы многие члены семьи Николая II были все еще живы. Доктора Боткина Юровский добил из револьвера. С оставшимися в живых детьми Ермаков расправился, используя штыки. Трудность данной кровавой процедуры убийства, как окажется позднее, стали лифы с вшитыми в них брильянтами и другими украшениями. В связи с чем Юровский расстреляет их по-одному. Зашифрованная телеграмма, отправленная А. Г. Белобородовым, председателем исполкома Уральского областного Совета, 17 июля в Москву содержала следующую информацию: «Передайте Свердлову, что всё семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при эвакуации». Президиумом Всероссийского центрального исполнительного комитета решение о расстреле Николая II было признано правильным. 19 июля газета «Известия» сообщила: «В последние дни столице Красного Урала Екатеринбургу серьезно угрожала опасность приближения чехословацких банд. В то же время был раскрыт

новый заговор контрреволюционеров, имевший целью вырвать из рук Советской власти коронованного палача. Ввиду этого Президиум Уральского областного Совета постановил расстрелять Николая Романова, что и приведено в исполнение 16 июля. Жена и сын Николая Романова отправлены в надёжное место. Предполагалось предать бывшего царя суду... события последнего времени помешали осуществлению этого». Таким образом большевики понимали к какому резонансу может привести известие о жестоком убийстве всех членов царской семьи и какие последствия могли возникнуть не только внутри России, но и за ее пределами. Поэтому о смерти императрицы и детей еще очень долгое время официально не объявляли и всю информацию по делу расстрела Романовых тщательно скрывали [1; 2].

Следующие события развивались на протяжении с 18 по 19 июля. Тела сначала решили уничтожить гранатами в старых шахтах в урочище Ганина Яма. Скрыть тела в шахте не смогли. В связи с этим, по решению Уралоблсовета, трупы были обезображены серной кислотой и их останки были перевезены в Поросятков Лог и закопаны на Старой Коптяковской дороге [3]. В 1979 году их останки были найдены геологом Александром Авдониным и писателем Гелием Рябовым, что было опубликовано в журнале «Родина» спустя 10 лет. В 1991 году в захоронении нашли останки девяти человек. По заведённому в 1993 году уголовному делу в России, США и Австрии были проведены антропологические, судебно-медицинские и генетические исследования. Были представлены исчерпывающие доказательства факта принадлежности данных останков Николаю II и членам его семьи, а также людям из его окружения [4].

После революции многие представители дома Романовых были убиты, однако были и те, кому удалось избежать ареста, ввиду их достаточно отдаленного нахождения от столицы и своевременной эмиграции за границу.

Мать Николая II Мария Федоровна долгое время находилась в Крыму. Выехать с полуострова в то время представлялось невыполнимой задачей. Эвакуация людей осуществлялась очень плохо, о чем упоминала Марии Федоровне ее внучка Ирина.

Вдова императора предъявила ультиматум севастопольскому союзному командованию, что не покинет Крым до тех пор, пока на полуострове остаются в опасности люди. После этого в Ялту пригнали корабли для эвакуации беженцев. После отъезда из России Мария Федоровна проживала в Англии. Условия ее жизни были не удовлетворительны, что ей приходилось даже экономить свет по просьбе короля Христиана X. Позже английский племянник Марии Федоровны Георг V выделил ей пенсию, после чего она переехала и стала проживать на севере Лондона во дворце

Вёдере. Императрице до последних дней было тяжело осознать смерть сына и трагическую судьбу, которая настигла всю царскую семью.

Тяжелый путь эмиграции постиг еще одну представительницу царской семьи. И в феврале 1920 года после того, как ей удалось добраться сначала до Ростова – на Дону, а далее до Новороссийска, при этом чудом выжив после перенесенного тифа, на одном из торговых кораблей Ольга Александровна с мужем и двумя детьми навсегда покинула свою Родину. Семья поселилась в Дании вместе с Марией Федоровной, матерью Ольги Александровны. Позже в 1925 году была встреча Ольги Александровны с Анной Андерсон в Берлине. Это была женщина, назвавшая себя дочерью Николая II Анастасией, однако Ольга Александровна не признала ее, несмотря на сочувствие к девушке, оказавшейся частью масштабного заговора [5].

После смерти Марии Федоровны Ольга и Ксения пытались реализовать вывезенные за границу драгоценности, однако ни у них, ни у других членов семьи Романовых это не получилось. Например, Марии Павловне младшей и князю Феликсу Юсупову пришлось продать свои драгоценности очень дешево, что свидетельствует об их тяжелом положении в эмиграции.

В 1932 году Ольга Александровна с мужем приобрели небольшую усадьбу Кнудсминне в городе Баллеруп, недалеко от Копенгагена. Они начали заниматься хозяйством, вести фермерский образ жизни. Однако в 1939 году началась Вторая мировая война. Ольга Александровна активно помогала русским пленным, а также русским, перешедшим на сторону фашистской Германии, исходя из своих патриотических чувств и принципов. Вела переговоры с датским принцем Акселем о помощи казакам, которых советская власть взяла в плен. Вся эта деятельность стала причиной пристального внимания со стороны советской власти, что было опасно для Ольги и членов ее семьи. Поэтому в 1948 году Ольга со своей семьей переехала в Канаду на ферму, располагающуюся недалеко от крупного города Торонто на юге-востоке страны. Ведение хозяйства было тяжелым занятием и позже семья продает свою ферму и приобретает небольшой домик в Куксвилле, пригороде Торонто. Ольга Александровна вела активную общественно-политическую жизнь, встречалась с английской королевой Елизаветой, давала интервью журналистам, была достаточной заметной выдающейся фигурой, при этом выглядела княгиня очень скромно, порой вызывая удивление на мероприятиях, где собиралась элита общества. Несмотря на «бедный» внешний вид Ольга Александровна выглядела как настоящая аристократка по утверждению журналиста Й. Ворреса. До конца своих дней Ольга Александровна поддерживала отношения со ахтырцами —

солдатами и офицерами, разбросанными по всему свету. И когда она скончалась, у гроба стоял почетный караул из представителей ее подшефного полка.

Действительно трагичной оказалась судьба внучки императора Александра II, Марии Павловны. Она служила в военном госпитале в Пскове, но после отречения Николая II оставаться в нем было не безопасно. Мария Павловна должна была срочно покинуть Псков [6]. В итоге княгине удалось прибыть в Петроград благодаря тому, что их штаб смог зарезервировать для себя места в поезде. Один из офицеров опечатал двери. И по словам княгини эта печать служила их защитой на протяжении всей дороги. Княгиню, привыкшую к тому, что по прибытии, ее всегда встречали с почестями, однако в этот раз встречал ее только один слуга и наемная карета, что было необходимо для конспирации. Петроград, наполненный солдатами, вызывал у княгини страх, поэтому она решила перебраться в Царское Село. Там она встретила со своим будущим мужем князем Сергеем Путятиным. Они обвенчались в начале сентября 1917 и отправились в Москву. Однако в это время в Москве большевики устанавливали Советскую власть и на улицах города разворачивались серьезные бои. Марии и ее мужу чудом удалось спастись. Благодаря фамилии мужа. На тот момент княгиня уже была беременна.

Через месяц после родов Мария Павловна семья решила бежать за границу. В конце лета они приехали в Одессу [7]. Мария Павловна с супругом прибыли в Бухарест, однако родители Сергея вместе с Романом вынуждены были остаться, так как были отрезаны националистами. Через несколько месяцев с большим трудом им удалось добраться до Бухареста. Уже находясь за границей, Мария Павловна узнает трагическую весть о смерти своей тети Эллы, которую жестоко убили, сбросив в шахту в городе Алапаевске вместе с другими членами семьи Романовых. Нахождение в Румынии оставалось небезопасным, и было принято решение переехать в Лондон, оставив ребенка на время с родителями Путятина. Процесс обустройства занял около полугода и когда все было подготовлено, и Путятин собрался забирать сына, Мария Павловна получает трагическое известие о гибели младенца от кишечной инфекции [8]. Это был тяжелый удар для Марии Павловны, тем более что за месяц до этого она получила известие о гибели отца. Далее наступили тяжелые эмигрантские будни, поиск заработка, княгиня начинает вязать одежду и в последствие открывает свое ателье, которое затем обанкротится. Будет расставание с мужем, переезд в США, а затем и в Аргентину. В Европу Мария Павловна вернется только после Второй мировой войны, где поселится в доме на острове

Майнау, расположенном на Боденском озере, принадлежавшем ее сыну Леннарту. Там она и скончается в 1958 году в возрасте 68 лет.

Жизнь Марии Павловны в эмиграции была необычайно тяжела, одно трагическое событие сменялось другим, все члены семьи Романовых преследовались и над ними осуществлялись жестокие расправы. Зная освобождения от царского всевластия развивалось над всеми этими событиями, но могло ли оно оправдать травлю и убийства, которые осуществляла советская власть, бесценна ли человеческая жизнь и возможно ли положить ее на заклатие ради «будущего счастья» новых поколений? Описывая тяжесть и пережитое горе оставшихся в живых членов семьи Романовых после революции и в период эмиграции, их тернистый путь к выживанию, мы пытаемся поднять важную дискуссию, осмыслить данные события в контексте прошлых лет.

В данной работе была описана трагическая судьба семьи рода Романовых в период после революции и эмиграции выживших ее членов. Жестокое убийство Николая II, его детей, жены, а также приближенных, гонения на родственников, попытки скрыть правду от общественности и многие другие преступления, с которых началась советская власть, пришедшая под лозунгами новой справедливой честной жизни для каждого члена и гражданина новой страны дают нам пищу для размышлений, переоценки тех событий, возможность проделать «работу над ошибками» и признать те самые ошибки. Важность рефлексии на исторические события, особенно те, что сопровождаются пролитием крови обоснованы не только эволюционными факторами, ведущими человечество к неизбежной гуманизации общества, а также необходимостью признания и покаяния, без чего невозможно движение истории вперед в правильном направлении. Несмотря на достаточную очевидность данного суждения, и в наше время мы наблюдаем раскол в обществе относительно оценок тех событий. Это еще раз подтверждает актуальность данной темы и необходимость ее обсуждения.

Список литературы

1. Пчелов Е.В. Романовы: история и генеалогия. М.: «Академический проект», 2017. - 442 с.
2. Оришев, А.Б. История России от XIX до XXI века: учебное пособие для вузов / А.Б. Оришев, С.А. Миронюк, А.С. Позднякова, Д.Н. Христенко, М.В. Шерстюк. Москва: Российский государственный аграрный университет, 2024. – 339 с.
3. Сайт «Государственный архив Российской Федерации». «Документы по истории убийства в российских и зарубежных архивах». [Электронный ресурс], URL: <https://statearchive.ru/docs.html>

4. Закатов А.Н. Династия Романовых после Революции 1917 года // Сборник №4. «У истоков российской государственности». СПб: Издательство Юридический центр Пресс, 2011. – 65-71 с.
5. Реуцкая, В.В. Династия Романовых: утрата власти и эмиграция / Экономика и социум. 2016. № 12-2 (31). С. 838-842.
6. Курукин И.В. Жизнь замечательных людей // Романовы. Серия биографий. /Под ред. Никулиной Е.А. Москва: Молодая Гвардия, 2012. - 547с.
7. «Дело Романовых» спустилось в землю»// «Коммерсантъ». [Электронный ресурс], URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5193412>
8. Неделько Н.Ф. Некоторые судебно-медицинские аспекты "Царского дела" // Сибирский медицинский журнал (Иркутск). 2018. Т. 155. № 4. С. 68-76.

УДК 930

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ОСВЕЩЕНИИ ТИМИРЯЗЕВСКИХ УЧЁНЫХ

Автор: Захарова Александра Михайловна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студентка 1 курса факультета экономики и управления АПК, aleksaz25@mail.ru

Научный руководитель: Тарасенко Виталий Николаевич

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, lasker88@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние Второй мировой войны на германо-иранские отношения через исследования тимирязевских учёных. Особое внимание уделяется анализу стратегической важности Ирана для нацистской Германии, обусловленной его природными ресурсами и геополитическим положением. Исследования тимирязевских ученых освещают малоизученные аспекты взаимодействия двух стран, включая экономические связи, направленные на укрепление влияния Германии в регионе. Авторы статей также акцентируют внимание на деятельности разведывательных служб, исследуя методы работы Абвера и контрразведки Третьего рейха в Иране. Работа тимирязевских ученых способствует более глубокому пониманию исторических процессов того времени и подчеркивает значимость Ирана как ключевого игрока в контексте глобального конфликта. Статья открывает новые горизонты для дальнейших исследований в области военной истории и международных отношений, а также способствует разрушению устоявшихся мифов о роли малых стран в ходе Второй мировой войны.

Ключевые слова: Иран; Германия; Вторая мировая война; разведывательные службы; конфликт; международные отношения

THE SECONDWORLDWARIN THE COVERAGE OF TIMIRYAZEVSIENTISTS

Author: ZakharovaAlexandraMikhailovna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), student, Institute of Economics and Management of APK, aleksaz25@mail.ru

Scientific supervisor: Tarasenko Vitaly Nikolaevich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, lasker88@mail.ru

Abstract. The article examines the impact of the Second World War on German-Iranian relations through the research of Timiryazev scientists. Special attention is paid to the analysis of Iran's strategic importance to Nazi Germany due to its natural resources and geopolitical position. The research of Timiryazev scientists highlights little-studied aspects of the interaction between the two countries, including economic ties aimed at strengthening Germany's influence in the region. The authors of the articles also focus on the activities of the intelligence services, exploring the working methods of the Abwehr and counterintelligence of the Third Reich in Iran. The work of the Timiryazev scientists contributes to a deeper understanding of the historical processes of that time and highlights the importance of Iran as a key player in the context of the global conflict. The article opens up new horizons for further research in the field of military history and international relations, and also helps to destroy well-established myths about the role of small countries during the Second World War.

Keywords: Iran; Germany; World War II; intelligence services; conflict; international relations

В последние годы интерес к малоизученным аспектам Второй мировой войны значительно возрос, и среди них особое место занимает политика нацистской Германии в Иране. Работы, посвященные этой теме, раскрывают сложные механизмы германо-иранских отношений, а также их влияние на ход войны. Немало статей было опубликовано на данную тематику.

Одной из первых стала статья «Политика Германии в Иране накануне Второй мировой войны», опубликованная ведущим специалистом по данной теме в нашей стране А.Б. Оришевым. Автор исследует недостаточно изученную тему германско-иранских отношений перед началом войны. Иран был стратегически важен для Германии благодаря своим запасам сырья и выгодному географическому положению. В качестве примера развития торговли между двумя странами приведем клиринговые соглашения, которые поспособствовали германско-иранской торговле [1, с. 25]. Кроме того, тему о политике нацистской Германии в Иране, о первоначальных причинах успехов гитлеровцев в этой стране А. Б. Оришев рассматривает в статье «Политика нацистской Германии в Иране» [2]. С приходом к власти Гитлера Германия начала активно развивать свои связи с Ираном. Автор подчеркивает стратегическую важность этой страны для Третьего рейха.

Важным аспектом германо-иранских отношений была деятельность разведок. Внимания заслужила статья, посвященная принципам и методам работы военной контрразведки Третьего рейха, в частности Абвер-3 и

Тайной полевой полиции [3]. Данная работа представляет собой важное исследование, которое освещает малоизученные аспекты контрразведывательной деятельности нацистской Германии. Исследование авторов предоставляет ценную информацию о механизмах функционирования военной контрразведки в условиях войны и оккупации, а также способствует более глубокому пониманию исторических процессов того времени.

Также на тему разведок обратимся к ещё одной статье А. Б. Оришева «Тайная война спецслужб в Иране». В данной работе анализируется деятельность разведывательных служб Германии, Советского Союза и Великобритании в Иране во время Тегеранской конференции. Автор описывает, как германские агенты вели шпионскую и диверсионную деятельность в Иране на протяжении 30-х годов прошлого века [4].

В августе 1941-го года на территорию Ирана вошли войска Красной Армии и Великобритании в рамках «Иранской операции» [5]. Анализ событий позволяет лучше понять не только военные аспекты операции, но и ее политические последствия для Ирана и международного сообщества в целом. В этом плане следует быть отмеченной статьи А. Б. Оришева «Иран, август 1940-го».

Также А.Б. Оришев уделил особое внимание «великому» монарху Ирана в своей статье «Особенности модернизации Ирана при Реза-шахе Пехлеви». Автор считает, что отечественные историки незаслуженно забыли имя Реза-шаха Пехлеви, реформы которого изменили многие стороны жизни иранцев [6].

На страницах монографии «Германской миссии на Востоке: от Бисмарка до Гитлера» можно ознакомиться с первой попыткой российских учёных проследить политику Германии на Ближнем и Среднем Востоке. Исследование А.Б. Оришева и доцента Елецкого государственного университета В.В. Ряполова открывает новые перспективы для понимания сложных исторических процессов, происходивших в этом ключевом регионе мира, а также способствует разрушению устоявшихся мифов о германской дипломатии [7]. Работа авторов может стать основой для более глубокого анализа влияния германской политики на события в регионе, а также для изучения её последствий для международных отношений.

Следующий блок исследований посвящен роли европейских государств во Второй мировой войне. Обращает на себя внимание Польша. В статье, посвящённой причинам катастрофы польского государства во Второй мировой войне, авторы подчеркивают, что нападение Германии на Польшу было результатом сложного взаимодействия внутренних и внешних факторов, включая агрессивную внешнюю политику самой Польши,

недостаток надежных союзников и политическую нестабильность внутри страны [8].

В статье, посвящённой участию Финляндии в боевых действиях на стороне нацистской Германии, авторы поднимают важные вопросы, касающиеся недостаточно изученных аспектов этого конфликта [9]. Также данная работа направлена на изучение советско-финской войны. Статья авторов открывает новые горизонты для дальнейших исследований в области военной истории и международных отношений XX в.

В следующей статье авторы вновь подчеркивают важность вклада Ирана в общую победу над фашистскими державами [10]. Исследование открывает новые горизонты для понимания сложных международных отношений того времени и роли малых стран в глобальных конфликтах.

Немалую роль играет статья Л.Г. Хуснутдинова, А.Б. Оришева и М.В. Шерстюка «Коренной перелом в ходе Второй мировой войны в китайской историографии: правда и вымысел». В работе рассматриваются мнения китайских историков второй половины XX–начала XXI века о коренном переломе в ходе Второй мировой войны [11]. Исследование подчеркивает значимость Китая в контексте глобальной борьбы против фашизма и милитаризма, а также открывает новые горизонты для дальнейших исследований по данной теме.

Подводя итоги исследования, скажем о том, что Вторая мировая война оказала значительное влияние на многие страны, и её последствия ощущались далеко за пределами Европы. В контексте исследования, проведенного тимирязевскими учеными и их коллегами, особое внимание уделяется двум ключевым игрокам – Германии и Ирану. Тимирязевские ученые анализируют не только военные действия и стратегические решения нацистского руководства, но и социальные, экономические и культурные аспекты жизни в стране в этот период. Важным аспектом является изучение идеологии нацизма и её влияния на общество, а также последствия войны для Германии в послевоенный период.

Исследования показывают, как Иран стал ареной борьбы влияния между великими державами – Советским Союзом и Великобританией. Тимирязевские ученые подчеркивают важность нейтралитета Ирана и его попыток сохранить независимость в условиях давления со стороны внешних сил.

Вторая мировая война была сложной и многогранной. Работы тимирязевских ученых открывают новые горизонты для дальнейших исследований в области военной истории и международных отношений, способствуя более полному пониманию исторических процессов XX в. Их вклад создает основу для будущих исследований, направленных на анализ

влияния Второй мировой войны на страны Ближнего Востока и их взаимодействие с великими державами.

Список литературы

1. Оришев, А.Б. Политика Германии в Иране накануне Второй мировой войны / А. Б. Оришев // Новая и новейшая история. – 2002. – № 6. – С. 25-36. – EDN ZCYWON.
2. Оришев, А.Б. Политика нацистской Германии в Иране / А. Б. Оришев; А. Б. Оришев. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – 280 с. – (Теория и история государства и права/ Ассоц. Юрид. центр). – ISBN 5-94201-424-8. – EDN QOXEPR.
3. Оришев, А.Б. Абвер-3 и тайная полевая полиция: принципы и методы работы контрразведки вермахта / А. Б. Оришев, В. В. Ряполов // История: факты и символы. – 2019. – № 2(19). – С. 59-67. – DOI 10.24888/2410-4205-2019-19-2-59-67. – EDN PBEZWI.
4. Оришев, А.Б. Тайная война спецслужб в Иране / А. Б. Оришев // Военно-исторический журнал. – 2003. – № 5. – С. 40-45. – EDN ZCYWTR.
5. Оришев, А. Иран, август 1941-го / А. Оришев // Азия и Африка сегодня. – 2005. – № 7(576). – С. 51-57. – EDN HSFIFL.
6. Оришев, А.Б. Особенности модернизации Ирана при Реза-шахе Пехлеви / А. Б. Оришев // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2009. – № 6. – С. 74-83. – EDN LDEVFF.
7. Оришев, А.Б. Германские миссии на Востоке: от Бисмарка до Гитлера / А. Б. Оришев, В. В. Ряполов. – Москва; Берлин: ООО «Директмедиа Паблишинг», 2016. – 237 с. – ISBN 978-5-4475-7370-6. – EDN WKDOCD.
8. Тарасенко, В.Н. Основные причины катастрофы польского государства во Второй мировой войне / В. Н. Тарасенко, А. Б. Грачев, А. Б. Оришев // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2020. – Т. 10, № 2(59). – С. 434-441. – DOI 10.35775/PSI.2020.59.2.025. – EDN YJVLAM.
9. Тарасенко, В.Н. Финляндия во Второй мировой войне: от соперника до союзника / В.Н. Тарасенко, А.Б. Оришев, А. С. Бочковар // Власть истории и история власти. – 2020. – Т. 6, № 5(23). – С. 676-690. – EDN YNKSLI.
10. Иран в антигитлеровской коалиции: трудный путь к союзу / А.Б. Оришев, А.А. Мамедов, И.Ю. Залысин [и др.] // Вопросы истории. – 2022. – № 8-1. – С. 118-129. – DOI 10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi16. – EDNGQQVBM.
11. Хуснутдинова, Л.Г. Коренной перелом в ходе Второй мировой войны в китайской историографии: правда и вымысел / Л.Г. Хуснутдинова, А.Б. Оришев, М.В. Шерстюк // Вопросы истории. – 2023. – № 10-1. – С. 74-81. – DOI 10.31166/VoprosyIstorii202309Statyi53. – EDNCBJHXU.

ИСТОРИЯ АГРАРНОГО ТУРИЗМА В РОССИИ

Автор: Кеквеева Иляна Эрдниева

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А.Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент I курса Института экономики и управления АПК, kekveevai@yandex.com

Научный руководитель: МIRONIUK Сергей Алексеевич

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, mironyuk@rgau-msha.ru

Аннотация. Аграрный туризм представляет собой уникальное направление, которое соединяет сельское хозяйство и туристическую деятельность, позволяя путешественникам погружаться в жизнь сельских общин. В данной статье рассматривается история аграрного туризма, начиная с античных времён и до современности. Основное внимание уделяется отечественным традициям, современным тенденциям и перспективам развития агротуризма в России. Статья основана на анализе работ различных авторов, что позволяет глубже понять эволюцию аграрного туризма и его значение для экономического и культурного развития.

Ключевые слова: аграрный туризм; агротуризм; история; Россия; культурное наследие

THE HISTORY OF AGRICULTURAL TOURISM IN RUSSIA

Author: Kekveeva Ilyana Erdnievna

Russian State Agrarian University–Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), 1st year student at the Institute of Economics and Agricultural Management, kekveevai@yandex.com

Scientific supervisor: Mironiuk Sergei Alexeyevich

Russian Timiryazev State Agrarian University, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street, 49), PhD in History, senior lecturer of Department of History, mironyuk@rgau-msha.ru

Abstract. Agricultural tourism is a unique area that combines agriculture and tourism activities, allowing travelers to immerse themselves in the life of rural communities. This article examines the history of agricultural tourism, from ancient times to the present. The main focus is on domestic traditions, modern trends and prospects for the development of agrotourism in Russia. The article is based on an analysis of the works of various authors, which allows for a deeper understanding of the evolution of agricultural tourism and its importance for economic and cultural development.

Keywords: agricultural tourism; agrotourism; history; Russia; cultural heritage

Аграрный туризм, или агротуризм, становится всё более популярным направлением в туристической отрасли, сочетая элементы отдыха и сельского хозяйства. В последние десятилетия он становится всё более популярным как среди туристов, так и среди владельцев сельских хозяйств. Это явление позволяет туристам не только наслаждаться природой, но и углубляться в культуру и быт сельских жителей. В данной статье мы рассматриваем историю аграрного туризма, опираясь на исследования таких авторов, как Панюков А. И., Оришев А. Б., Малаева М. А. и другие.

Аграрный туризм имеет глубокие корни, уходящие в античные времена. Оришев А. Б. отмечает, что интерес к сельской жизни и аграрной культуре возникал у людей ещё в древности. В различные исторические эпохи, от античности до современности, аграрный туризм развивался как способ познания сельской жизни, традиций и обычаев. С течением времени, особенно в Европе, аграрный туризм стал развиваться как способ привлечения туристов в сельскую местность, что способствовало не только экономическому, но и культурному обмену. В частности, уже в Средние века наблюдались первые проявления интереса к сельскому образу жизни [1].

В России аграрный туризм начал развиваться значительно позже, однако его корни также уходят в далёкое прошлое. Панюков А. И. подчеркивает, что традиции агротуризма в России формировались на основе крестьянского быта и местных обычаев. В последние годы наблюдается увеличение числа фермерских хозяйств, предлагающих туристические услуги, что позволяет им не только диверсифицировать доходы, но и сохранять культурное наследие. С началом XXI века аграрный туризм стал обретать популярность благодаря увеличению интереса к экотуризму и желанию горожан уйти от городской суеты [2].

Некоторые ученые считают, что агротуризму присущи следующие признаки:

- индивидуальность в выборе тура, возможность проведения отдыха в кругу семьи или друзей;
- значительная продолжительность тура;
- возможность корректировки элементов программы;
- внутренняя мотивация для выбора подобного отдыха;

- приобщение к стилю жизни и культуре посещаемой территории;
- богатство и разнообразие впечатлений;
- повышение жизненной активности;
- повышение толерантности;
- возможность приобрести новые знания, эмоции и воспоминания.

Оришев А.Б. акцентирует внимание на том, что аграрный туризм в России стал развиваться параллельно с ростом интереса к этнографическому туризму. Путешественники начали искать возможность познакомиться с жизнью деревенских жителей, их бытом и традициями. Он также отмечает интерес иностранных туристов к русским деревням и их культуре, что открывает новые перспективы для аграрного туризма. Это привело к созданию различных инициатив, направленных на развитие агротуризма как важного элемента культурного обмена [3].

На сегодняшний день аграрный туризм в России и за рубежом продолжает развиваться. Панюков А. И. указывает на современные тенденции и перспективы развития агротуризма, включая использование новых технологий и инновационных подходов к организации туристических услуг. Также отмечается важность взаимодействия между местными жителями и туристами, что способствует сохранению культурного наследия и традиций [4].

Ученые основными направлениями развития агротуризма в России считают:

- создание туристских деревень на основе существующих сельских поселений с традиционной народной деревянной архитектурой, расположенных в живописной местности;
- организация «сельских» туров с проживанием, питанием туристов в деревенском доме, знакомство с традиционным сельским бытом и ремеслом;
- сдача в наем домов и комнат в сельской местности в экологически чистых природных районах.

Малаева М. А. и соавторы рассматривают примеры успешных экскурсий и мероприятий, которые проводятся в рамках аграрного туризма, подчеркивая их значимость для формирования положительного имиджа региона и привлечения туристов [5].

Аграрный туризм не только способствует развитию культурных связей, но и оказывает положительное влияние на экономику сельских районов. Оришев А. Б. и Тарасенко В. Н. подчеркивают, что аграрный туризм может стать важным источником дохода для местного населения, способствуя развитию местной экономики через продажу продуктов питания и организацию различных мероприятий [6]. Кроме того, аграрный туризм

способствует сохранению национальной кухни и культурных традиций, что также является важным аспектом его развития [7].

Здоров М. А. и соавторы отмечают, что обучение специалистов в области аграрного туризма становится важным аспектом подготовки кадров для этой отрасли. Высшее образование в области туризма включает изучение культурных аспектов, что позволяет будущим специалистам более глубоко понимать связь между аграрным туризмом и культурным наследием [8].

Согласно В.Н. Тарасенко, аграрный туризм обладает значительным потенциалом для дальнейшего развития. Увеличение интереса к экологически чистым продуктам и устойчивым практикам ведения сельского хозяйства может способствовать росту аграрного туризма. Важно, чтобы государственные и частные инициативы были направлены на поддержку аграрного туризма, что позволит сохранить культурное разнообразие и улучшить качество жизни на селе [9].

История аграрного туризма свидетельствует о его значимости как для культурного обмена, так и для экономического развития сельских регионов. С учетом современных тенденций и потребностей туристов можно ожидать дальнейшего роста интереса к этому виду туризма. Аграрный туризм представляет собой уникальную возможность для путешественников познакомиться с богатым культурным наследием и образом жизни сельских жителей, что делает его неотъемлемой частью современного туристического рынка.

Список литературы

1. Оришев, А. Б. История повседневности: аграрный туризм в России и за рубежом (с античности до наших дней) / А. Б. Оришев // История: факты и символы. – 2017. – № 4(13). – С. 112-120. – EDN ZXJROV.
2. Панюков, А. И. Агротуризм: современное состояние и перспективы развития / А. И. Панюков, А. И. Панюкова // Известия МГТУ МАМИ. – 2013. – Т. 2, № 4(18). – С. 92-99. – EDN SMLJFT.
3. Оришев, А. Б. От этнографического туризма к аграрному: азиатская деревня глазами европейцев / А. Б. Оришев // Этнографическое обозрение. – 2020. – № 6. – С. 180-193. – DOI 10.31857/S086954150013132-5. – EDN VIDIDH.
4. Панюков, А. И. Развитие агротуризма: отечественные традиции и инновации / А. И. Панюков, Ю. Г. Панюкова // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 2. – С. 242-246. – EDN PVGZKH.
5. Малаева, М. А. Аграрный туризм на примере экскурсий клуба исторического туризма / М. А. Малаева, А. Б. Оришев, В. Н. Тарасенко // Сборник студенческих научных работ: Материалы конференции, Москва, 14–17 марта 2017 года. Том 23. – Москва: Российский государственный аграрный университет - МСХА им. К.А. Тимирязева, 2017. – С. 363-368. – EDN PYJGNJ.

6. Оришев, А. Б. Туризм и воспитание патриотизма / А. Б. Оришев, В. Н. Тарасенко, А. С. Бочковар. – Москва: Издательские решения, 2021. – 120 с. – EDN KNUNQK.
7. Оришев, А. Б. Сельский туризм и национальная кухня: экономика и культура европейцев / А. Б. Оришев, В. Н. Тарасенко, Н. Х. Дианова // Бизнес и дизайн ревю. – 2021. – № 1(21). – С. 2. – EDN COZKYZ.
8. Здоров, М.А., Исмаилова А.З., Тарасенко В.Н. // Вестник Национальной академии туризма. – 2020. – № 3(55). – С. 48-50. – EDN KWQXDD.
9. Тарасенко, В. Н. Управление культурой: туризм как фактор сохранения культурного наследия / В. Н. Тарасенко, С. С. Дымова // Бизнес и дизайн ревю. – 2021. – № 2(22). – EDN YSVIOT.

ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Автор: Клименко Игорь Владимирович

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса факультета экономики и управления АПК, goga.k.2000@inbox.ru

Автор: Гавриленко Кристина Сергеевна

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса факультета экономики и управления АПК, 00kriskris@mail.ru

Научный руководитель: Миронюк Сергей Алексеевич

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, mironyuk@rgau-msha.ru.

Аннотация. В статье рассмотрены преступления, совершенные женщинами в период Гражданской войны и после нее. Проанализированы и выявлены основные мотивы и причины, по которым женщины совершали преступления.

Ключевые слова: женская преступность; Гражданская война; ВЧК; уголовные преступления; советская юстиция

FEMALE CRIMINALITY DURING THE CIVIL WAR

Author: Klimenko Igor Vladimirovich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), student, Institute of Economics and Management of APK, goga.k.2000@inbox.ru

Author: Gavrilenko Kristina Sergeevna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), student, Institute of Economics and Management of APK, 00kriskris@mail.ru

Scientific supervisor: Mironiuk Sergei Alexeyevich

Russian Timiryazev State Agrarian University, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street, 49), PhD in History, senior lecturer of Department of History, mironyuk@rgau-msha.ru

Abstract. The article examines the crimes committed by women during the Civil War and after it. The main motives and reasons for which women commit crimes are analyzed and determined.

Keywords: female criminality; Civil War; Special departments of the cheka; criminal offenses; Soviet justice

Несмотря на значительный интерес к проблеме женской преступности, эта тема остается малоизученной в исторической и социологической науке. Недостаток исследований затрудняет полноценное понимание причин и особенностей поведения женщин-преступниц в период Гражданской войны. Кроме того, существующие исследования редко учитывают влияние социально-экономических факторов, таких как бедность, дискриминация и ограниченные возможности для женщин. В результате отсутствует комплексная картина об их роли в обществе и возможные мотивы их поведения, поэтому дальнейшие исследования в этой области являются актуальными и необходимыми.

В конце XIX и начале XX века, исследуя женскую преступность как в России, так и в Западной Европе, ученые тесно связывали ее с семейными обстоятельствами, в отличие от мужской преступности. Женщины-преступницы действовали вразрез с ожиданиями общества относительно их поведения как матерей и кормилиц. Тем самым они подрывали представление о нравственно безупречной женщине и, в более широком смысле, основы общественного порядка.

Гражданская война стерла главное препятствие для внедрения женщин в армейскую среду - принадлежность женщине к своему полу. Именно эта война провозгласила борьбу “за интересы всех без различия пола”, во всем мире такие войны называют братоубийственными: брат поднимает оружие на брата, сын на отца и на мать [1, с. 36].

В Гражданской войне женщины принимали участие наряду с мужчинами. Одни становились революционными комиссарами, другие – настоящими фуриями, кровожадными атаманшами. Но деятельность и тех, и других была связана с насилием.

Так в 1920-е годы широкую известность в кругах советских криминалистов получило дело 24-летней Анастасии, которая изувечила своего мужа, отрезав ему половой орган [1, с. 10]. В 1916 году девушка переехала из Тамбовской губернии в Москву. Через 3 года она записалась на

курсы для рабочих, где познакомилась со своим будущим мужем. В интимную связь они вступили в 1922 году, но официально свои отношения оформили лишь в феврале следующего года. Избранник Насти часто гулял и скоро заразил девушку венерическим заболеванием, тем самым лишив ее возможности к деторождению. За день до совершения преступления она наведлась к любовнице мужа. Там она увидела ребенка женщины, который был похож на ее мужа. В тот же вечер муж дважды принудил Настю к интимной связи, девушка испытывала сильные болевые ощущения в связи с болезнью. Ночью нервы девушки сдали, и началась лихорадка. Утром, в полубредовом состоянии, она увидела спящего голого мужа, а рядом у кровати лежал нож для резки хлеба. Девушка схватила нож и отсекла мужу его половой орган, подумав, что именно в этом заключается причина всех ее бедствий.

Это дело помогает раскрыть основную сущность женской преступности в период Гражданской войны и становлению нового советского общества. Поступок девушки включал в себя черты, которые советские криминалисты считали характерными для женской преступности: преступление было совершено на бытовой почве, несдержанное и повышенное эмоциональное поведение, вытекало из женской репродуктивной физиологии. Правоохранители напрямую связывали женщин с потенциально-девиантной сексуальностью, приписывали им примитивность, характерную для сельских жителей. Основными причинами совершения преступлений женщинами связывали с преодолением трудностей: желание соответствовать идеалам, ожиданием изменений и перемен в лучшую сторону в революционные годы, но с другой стороны - прямое столкновение с реальностью.

В исследованиях А.С. Поздняковой, которая занимается изучением деятельности революционных трибуналов [2, 3, 4] и чрезвычайных комиссии [5,6] в Вятской губернии, можно найти примеры женских преступлений того времени. К примеру, дело об убийстве Александры Лихачёвой из Вятской губернии [7, с. 31]. 11 января 1921 года из продовольственной лавки № 15 пропала продавщица Александра Степановна Лихачёва. В последний раз девушку видели с вооруженным красноармейцем, державшим в руках портфель. Заведующий лавки Василий Степанович Бабинцев, с которым пропавшая находилась в гражданском браке, предпринял меры к розыску самостоятельно, которые не увенчались успехом: Александра Степановна так и не была обнаружена ни в милиции, ни в губревкоме, ни в чрезвычайной комиссии. Дело об исчезновении женщины было заведено в губЧК. В ходе следствия, по горячим следам была задержана бывшая жена Бабинцева - Прасковья Яковлевна Прозорова. Она не могла оставить мужа в покое,

пыталась его вернуть, неоднократно писала доносы на него и его возлюбленную.

Бабинцев и Прозорова зарегистрировали отношения 2 января 1919 года, год они жили счастливо, Прасковья родила Василию ребенка. Но в 1920 году Бабинцев познакомился с Александрой Лихачёвой, с ней у него сразу же завязался роман. 21 декабря 1920 года Василий, который уже жил с новой избранницей, развелся с Прозоровой, которая носила на тот момент его фамилию [8, л. 36]. Бабинцев позволял себе рукоприкладство и оскорбления в адрес бывшей жены и ребенка в момент развода и даже после него. Несмотря на это Прозорова еще сохраняла любовь к Василию Степановичу, поэтому ей в голову пришла единственная мысль - устранить соперницу, и только тогда она сможет вернуть к себе любимого.

На рынке Прасковья Прозорова случайно познакомилась с Николаем Орловым, которому она поведала историю своей семейной драмы и фамилию разлучницы - Александра Лихачёва. Как оказалось, Николай ранее встречался с Александрой, они жили вместе 2 года, но началась война, мужчина отправился воевать, но сразу после демобилизации обещал сделать девушки предложение, а она, конечно же, обещала его дождаться. Но слово своего Лихачева не сдержала, сойдясь с Василием Бабинцевым. По словам Орлова, девушка буквально разорила его за время знакомства, всего этого он ей простить не смог. Поэтому Николай принял предложение Прозоровой стать убийцей его бывшей возлюбленной.

Напарником Орлова стал знакомый Михаил Рябков, который согласился принять участие в расправе в обмен на деньги. 11 января 1921 года Рябков и Орлов заехали за Александрой Степановной в лавку, предложив ей проехаться до Дымкова, на что девушка согласилась. Как позже рассказывала Прозорова, именно Рябков был одет в ту самую солдатскую шинель из серого сукна, и именно он сидел впереди саней, управляя лошастью [8, л. 48]. Орлов сидел с правой стороны от Александры Лихачёвой. После того, как сани выехали за пределы Дымкова, Николай ударил Лихачёву ножом в шею. Труп девушки убийцы свалили около деревни Субботиха, где ее и обнаружили в обезображенном виде и с отрубленным пальцем.

Орлов и Рябков изначально отрицали какую-либо причастность к убийству, но на очной ставке с Прозоровой все-таки сознались в содеянном, указав местонахождение трупa. Позже Орлов и Рябков начали давать показания против друг друга, но следствием было установлено, что именно Николай был центральной фигурой в этом деле. Убийство было совершено его ножом, он же отрубил им палец жертвы, чтобы снять кольцо, и он же заплатил Рябкову 25.000 рублей за помощь в реализации преступления.

22 апреля 1921 года дело об убийстве Александры Степановны Лихачёвой разбиралось в военно-революционном трибунале. После почти трехчасового совещания судьи вынесли безоговорочный вердикт - расстрел двум убийцам. Прасковью Прозорову трибунал приговорил к 5-летнему заключению в рабочий дом с применением принудительных работ [8, л. 213]. Смягчающим обстоятельством для организатора убийства послужила ее малокультурность и мотив - ревность отвергнутой женщины, которая осталась одна с грудным ребенком. К сожалению, мы не знаем дальнейшей судьбы Прасковьи Прозоровой, возможно, она была амнистирована, так как в Вятском исправительном рабочем доме часто вспыхивали эпидемии [9].

Но не всегда преступления женщинами совершаются на бытовой почве. Революция и Гражданская война открыла возможность для женщин бороться за свои права и политические убеждения. Так произошла история “белогвардейской шпионки”. В январе 1919 года в Вятскую губернию были эвакуированы жители из Перми, в их числе была 19-летняя Лидофирия-Степанида Павловна Соловьева-Аспиринская, арестованная по подозрению в шпионаже [10, с. 308]. В ходе расследования выяснилось, что ее муж, бывший офицер, служил в Красной армии, но позже перешел к белым, оставив ее якобы для связи с Красными. Девушка при этом сумела скрыть свою настоящую фамилию, представившись Степанидой Соловьевой. Во время поездки в Вятку она вызывала подозрения тем, что задавала вопросы о маршрутах эвакуации и вспоминала о своих совместных поездках с белогвардейцами.

Вскоре ей предъявили обвинения в шпионаже на основании ее рассказов и зашифрованного письма, которое она передала милиционеру. Следствие охватило И.В. Сталина, Ф. Э. Дзержинского и другие высокопоставленные лица, что подчеркивало важность дела. Следователь Вятской губЧК Д. В. Фортунатов допросил Соловьеву-Аспиринскую, выявив ее сложную биографию и отношения с мужчиной, служившим в Красной армии. Она сообщила о недовольстве своего мужа армией и о шифре, который, как она утверждала, не могла рассказать из-за страха за свою жизнь.

Последний допрос Аспиринской состоялся 2 апреля 1919 года, его проводил заведующий следственной частью Особого отдела ВЧК 3-й армии З. Б. Кацнельсон. Лидофирия-Степанида повторила свои прежние показания, и следователь составил заключение, в котором охарактеризовал ее как “настоящую белогвардейку” с нахальным поведением и путаными показаниями, что сделало невозможным получение толковых сведений. Следствие пришло к выводу, что единственной мерой наказания для нее может быть только расстрел.

Однако данное решение не было приведено в исполнение, так как за девушку заступился Тимофей Кобелев, помощник начальника Вятского исправительного рабочего дома. Он поспешил в Вятскую губЧК с заявлением о том, что Аспиринская готова дать новые показания и выдать заговорщиков. Это произошло после того, как она якобы обсудила с ним возможность сотрудничества. Однако, в тюрьме возникали слухи о том, что Кобелев имел с “белогвардейкой” более близкие отношения, что вылилось в жалобы от заключенных, находившихся в одной камере с ней. Кобелев пытался скрыть эти связи и создавал путанные показания о своих визитах к Аспиринской. Вскоре следствие стало направлено против него: его допросили, и обнаружилось, что он часто бывал с девушкой в одиночной камере. Допрошенные надзиратели также сообщили о его частых визитах к ней и о том, что они слышали звуки поцелуев. На основании всех этих свидетельств, следственная комиссия при Вятском ревтрибунале была вынуждена принять меры. Т.В.Кобелев был арестован.

17 мая 1919 года весть об аресте Аспиринской и её желании дать показания против белогвардейцев дошел до высших эшелонов власти. Это сыграло ключевую роль в дальнейшем обращении с её делом. Нужно было предотвратить негативные последствия, поэтому ситуацию начали активно расследовать.

На допросе 20 мая 1919 года Аспиринская решила сотрудничать с советскими властями и выявила готовность выдавать информацию о заговорщиках против Советской власти и помогать в розыске их. Тем не менее, дальнейшая судьба Лидофирии-Степаниды Павловны Соловьевой-Аспиринской остается неизвестной. Исследования показали, что её страсть к приключениям и сложные обстоятельства семейной жизни сделали ее мишенью для тяжелых обвинений. Кто она на самом деле - жертва обстоятельств или хитрая манипуляторша, - остаётся открытым вопросом, который, по всей видимости, не найдет окончательного ответа. Разоблачение и расследование её прошлых связей продолжались, но ее судьба так и осталась неизвестной.

Помимо бытовых преступлений женщины становились и настоящими атаманшами [11]. Весной 1918 года, когда восставший чехословацкий корпус подошел к Иркутску, на Лене появилась вооруженная банда из купцов, кулаков и бежавших из тюрьмы офицеров [12, с 24]. Командиром отряда значился Андриан Григорьевич Черепанов, в прошлом богатый сибирский купец и управляющий пристанью в Верхоленске. Однако фактическим руководителем была его жена - Анна. Дочь местного купца Анна Чемякина, как ее звали до замужества, была очень юна, когда 50-летний овдовевший Андриан, решил на ней жениться. Свадьбу они сыграли еще до революции,

но уже в Гражданской войне женщина доказала, что Черепанов сделал правильный выбор, связав свою жизнь с сильной, крепкой и бойкой девушкой, которая в дальнейшем стала его правой рукой.

После революции и конфискации у семьи имущества, они организовали повстанческий отряд, насчитывающий около 50 стволов и сабель. Первый крупный успех банда достигла в начале лета 1918 года. На Качугском тракте они разбили крупный отряд отступавших в Якутию иркутских большевиков. Черепановцы взяли в плен лично председателя Сибирской ЧК Ивана Постоловского. Чекистов передали новым белым властям Иркутска, которые, в отместку за красный террор, распорядились повесить пойманных врагов. Для черепановцев же настали полтора года относительного покоя. Во время недолгой власти над Сибирью адмирала Александра Колчака они охраняли верховья Лены от красных партизан. Весной 1920 года Черепанов и его люди помогли перебраться на восток отступающим белым войскам, служа у них проводниками. Но сами члены отряда не бежали в Забайкалье, а решили воевать против новой власти у себя на малой родине. После того, как красные разбили армию Колчака и расстреляли братьев Анны, ее жестокости не было предела.

Черепановцы обычно избегали столкновений с крупными отрядами, предпочитая неожиданные атаки на приленские сёла и деревни. Многими такими атаками руководила Анна Черепанова. В деревнях и селах почти везде находились сочувствующие, которые выдавали нападавшим на расправу своих пробольшевистски-настроенных соседей. Иногда банда практиковала специфический прием. После удачного боя с преследователями банда обзавелась красноармейской формой и флагами. Надев трофеи, они вступали в очередную деревню и следили за реакцией жителей. Тех, кто радовался приходу якобы Красной армии больше всего, члены отряда прилюдно казнили: вешали, рубили шашками, разрывали лошадьми. По рассказам свидетелей, расправами часто руководила лично Анна Черепанова.

В середине 1924 года бандитские набеги прекратились, а сами Черепановы исчезли. О них ничего не было известно до 1970-х годов, пока однажды в Красноярске один из жителей не опознал в старой, прихрамывающей на правую ногу работнице кассы взаимопомощи Анне Прокопьевне Корепановой - ту самую атаманшу. Он вспомнил, как эта женщина изрубила шашкой его родителей, когда ему было всего 14 лет. Старушку задержали, но осудить не смогли, в связи с истечением срока давности.

Новая роль, которую взяли на себя женщины в период Гражданской войны, дело, которое они освоили, в том числе, в солдатском строю, тяжелый труд в тылу - навсегда изменил положение женщин в советском обществе, в

котором было установлено равенство полов. Из материалов дел ЧК, революционных трибуналов можно сделать о том, что положение женщин во время Гражданской войны было трудным: они начали отстаивать свои права, пытались выжить в тяжелой для страны период времени, когда наблюдался моральный упадок общества. В женских преступлениях просматривается характерная черта - эмоциональность, которая проявляется в убеждении, что во всех бедах ответственен кто-то другой; в ревности и стремлении вернуть любимого человека; в желании доказать остальным, что она действительно чего-то стоит.

Список литературы

1. Ковальски, Ш. Правонарушительницы. Женская преступность и криминология в России (1880-1930). - Бостон: Academic Studies Press, 2021. - 467 с.
2. Позднякова, А. С. Деятельность Вятского губернского революционного трибунала в 1918 - 1922 гг. как фактор стабилизации власти большевиков в регионе : специальность 07.00.02 "Отечественная история" : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Позднякова Анастасия Сергеевна, 2015. – 199 с.
3. Бакулин, В. И. Органы чрезвычайной юстиции Вятской губернии в 1918-1922гг / В. И. Бакулин, А. С. Вычугжанина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2011. – № 2-5. – С. 90-99.
4. Вятская губерния в 1917–1918 годах: революция и эволюция региональной политико-управленческой системы / В. И. Бакулин, М. А. Борчина, А. С. Макарова [и др.] ; Вятский государственный университет. – Киров : Общество с ограниченной ответственностью "Радуга-ПРЕСС", 2017. – 420 с.
5. Позднякова, А. С. Вятская губерния в годы Гражданской войны: чрезвычайные органы власти. Киров, 2018. 320 с.
6. Позднякова, А. С. Конфликт между ВЧК и НКЮ в региональном измерении (Вятская губерния, 1918-1919 гг.) / А. С. Позднякова // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов : материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти историка отечественных спецслужб Александра Михайловича Плеханова и 105-летию образования ВЧК, Омск, 19–20 октября 2022 года. – Омск: Омский государственный технический университет, 2022. – С. 186-192.
7. Позднякова, А.С. Дело Александры Лихачевой: эпизод из истории Вятской губЧК // Исторические чтения на Лубянке: материалы XVIII международной научной конференции. Москва, 2024. С. 31-35.
8. Центральный государственный архив Кировской области. Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 4052.
9. Позднякова, А. С. Эпидемия сыпного тифа в Вятском исправительном рабочем доме в 1918-1920гг / А. С. Позднякова, Е. Ю. Вычугжанина // Вятский медицинский вестник. – 2016. – № 2(50). – С. 65-68.
10. Позднякова, А. С. Дело «белогвардейской шпионки» Лидофирии Аспиринской: по материалам Вятской губЧК // Новейшая история России. 2024. Т. 14, № 2. С. 307–320.

11. Позднякова, А.С. Уголовные преступления в практике Вятского губернского революционного трибунала в годы Гражданской войны // Genesis: исторические исследования. 2017. № 7. С. 35-42.

12. Винобер А.В., Винобер Е.В. Банда Черепановых или как избежать возмездия // Сибирь: прошлое – настоящее – будущее. 2022. №1(6). С. 22-32.

ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКА ВАСИЛИЯ РЯБОВА

Автор: Комлев Никита Сергеевич

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 2 курса Института агробиотехнологии; komlevn2005@mail.ru

Научный руководитель: Христенко Дмитрий Николаевич

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории khristenko1983@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу исторического контекста и патриотической значимости подвига рядового Василия Тимофеевича Рябова в ходе русско-японской войны 1904–1905 гг. Особый акцент сделан на морально-нравственном аспекте подвига военнослужащего российской армии, способствовавшего укреплению патриотического сознания современников и последующих поколений россиян. Исследование основывается на документах, воспоминаниях участников тех событий и публикациях историков военного дела начала XX века. В работе рассматривается вошедший в отечественную историю пример личного героизма отдельного человека в условиях крупномасштабного международного конфликта, выявляя значимость героизма рядового солдата в контексте исторических процессов. В заключение делается вывод, что рядового солдата Василия Рябова представляют особый интерес как яркое проявление личностных характеристик, необходимых каждому защитнику Родины

Ключевые слова: Русско-японская война; Российская империя; патриотизм; В. Рябов; подвиг.

FEAT OF ARMS OF SCOUT VASILY RIYABOV

Author: Komlev Nikita Sergeevich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), student, Institute of agrobiotechnologies, komlevn2005@mail.ru

Scientific supervisor: Khristenko Dmitrii Nikolaevich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History; khristenko1983@mail.ru

Abstract. The present study is devoted to analyze the historical context of the events of the Russo-Japanese War of 1904-1905 and the role of private Vasily Timofeyevich Ryabov in this campaign. The role of private Vasily Timofeyevich Ryabov's personality in the framework of this campaign. A special emphasis is made on the significance and moral aspect of the feat of this serviceman, contributing to the strengthening of patriotic consciousness of contemporaries and subsequent generations of Russians. The study is based on archival documents, memoirs of the participants of those events and publications historians of military affairs of the early XX century. Thus, this work is aimed at an in-depth study of the formation and realization of personal heroism of an individual in the conditions of large-scale warfare. Realization of personal heroism of an individual in the conditions of a large-scale international conflict, revealing the importance of the formation and realization of personal heroism of an individual in the conditions of a large-scale international conflict, revealing the significance of individuality and personal choice in the context of historical processes. It is concluded that the private soldier Vasily Ryabov is of particular interest as a vivid manifestation of the personal characteristics necessary for every defender of the Motherland.

Keywords: Russo-Japanese War; Russian Empire; patriotism; V. Ryabov; feat of arms.

Русско-японская война 1904–1905 гг. представляет собой важное событие в истории Российской империи, характеризующийся комплексом социально-политических, экономических и военных факторов, повлиявших на дальнейшее развитие государства. Несмотря на значительное число исследований, касающихся стратегического планирования и боевых действий, фигура рядовых военнослужащих зачастую остаётся вне поля зрения научного сообщества. Настоящая работа посвящена изучению подвига одного из представителей простых войны Российской армии — солдата Василия Тимофеевича Рябова.

Биографические данные свидетельствуют о том, что Василий Тимофеевич родился в 1871 году в семье простых земледельцев в деревне Ивановка Пензенского уезда. Ранние годы его жизни характеризуются активной трудом в сельском хозяйстве и занятиями охотой, что впоследствии сыграло ключевую роль в формировании профессиональных качеств будущего разведчика. Окончив срочную службу в армии, Рябов переехал в близлежащую деревню Лебедевку, где работал сторожем железнодорожного участка. Однако его односельчане не слишком хорошо к нему относились. Василий Тимофеевич был известен своей любовью к выпивке иногда, под

влиянием алкоголя, он выходил из себя, избивая жену и выгоняя её из дома [1, с. 239].

Важнейшим событием, определившим судьбу Василия Рябова, стало начало Русско-японской войны. Решение пойти добровольцем в ряды действующей армии свидетельствует о высоком уровне гражданского самосознания и готовности защищать интересы Отечества. Он быстро, но осознанно принял решение о добровольной службе в армии и записался в 284-й Чембарский пехотный полк. Соратниками зафиксированы факты эффективного выполнения разведывательных заданий, основанных на умениях Рябова — искусности в маскировке и превосходных навыках стрельбы. Особого внимания заслуживает эпизод Ляоянского сражения, где вследствие недостаточной организации разведки и управления боевыми действиями русская армия потерпела серьезное поражение. Во-первых, неправильное оценивание ситуации существенно затруднило принятие подходящих решений для подготовки к сражению. Во-вторых, оборонительные работы были проведены недостаточно хорошо, возникли проблемы с их завершением из-за недостатка ресурсов и рабочей силы. В результате подготовка передовых позиций не была завершена вовремя. Со своей стороны, японские войска проявляли высокую активность, стремясь нарушить оборону русских сил, а нередкие преждевременные и необоснованные отходы на новые позиции также оказывали негативное влияние на действия русской армии [2, с. 408].

С целью получения необходимой информации об японской армии русское командование решило направить группы добровольцев-разведчиков в тыл противника. Среди кандидатов оказался и Василий Рябов, обладающий уникальной способностью к маскировке, позволявшей эффективно внедряться в расположение врага. Благодаря способности имитировать поведение китайских жителей, Рябов смог собрать ценную информацию о позициях и перемещениях японских подразделений. Тем не менее, попытка возвращения с добытыми сведениями закончилась трагически: разоблаченный и подвергнутый пыткам, Василий Рябов предпочёл достойно принять смерть, отказавшись сотрудничать с врагом. Его мужество нашло отклик среди японских офицеров, выразивших уважение и почтение к пленнику, подчеркнувших ценность самопожертвования ради родины. Японские солдаты прозвали В. Рябова «русским самураем», отметив, что «сочувствие этому истинно храброму, преисполненному своего долга, примерному солдату достигло высшего предела» [3, с. 17-18]. Именно эти обстоятельства обусловили распространение сведений о подвиге Рябова сначала на фронте, а позднее и в российском обществе в целом.

В деревне Лебедевке, где служил В. Рябов до русско-японской войны, в 1909 году была торжественно открыта образовательная школа с уникальной библиотекой, в знак памяти и уважения к Рябову. В том же году останки героя были возвращены на Родину для перезахоронения. Однако, как вспоминал губернатор Пензенской губернии И. Ф. Кошко, возникло неожиданное затруднение. Сначала останки В. Рябова хотели захоронить возле церкви в деревне Лебедевка, где он крестился и женился. Но священник запретил, указав на распущенный образ жизни Рябова перед войной. Тогда останки решили закопать на школьном участке. Губернатор отметил по этому поводу, что «высокий подвиг Рябова нисколько не должен умаляться его темным прошлым». Похороны были грандиозными: тысячи горожан провожали героя, пришли солдаты и ученики местных школ [1, С. 239-240].

Показательно, что о подвиге В. Рябова узнал сам император Николай II, который приказал выдать солдатской вдове значительную сумму, а детей отправить в учебные заведения за счет казны. К сожалению, в период заката Российской империи власти больше внимания уделяли именно символическим актам благодеяния отдельным личностям, чем системному улучшению условий жизни сельского населения страны [4, с. 629-645].

Значение героизма рядового гражданина не ограничивается лишь временными рамками конфликта. История жизни и гибели Василия Рябова оказывает позитивное воздействие на формирование образа защитника отечества, способствует повышению уровня общественного патриотизма и поддержанию исторической памяти. В 2004 году в столетие русско-японской войны для общероссийского федерального телеканала был снят показанный в эфире репортаж о подвиге Василия Рябова. Это имеет особо важную роль в сохранении памяти о героях русско-японской войны для будущих поколений, учитывая тот факт, что в массовом сознании эта война незаслуженно недооценена [5].

Анализ исторических материалов позволяет сделать вывод о существенной важности изучения опыта ветеранов войн прошлого, в частности Русско-японской войны 1904–1905 гг. Жизнь и деятельность рядового солдата Василия Рябова представляют особый интерес как яркое проявление личностных характеристик, необходимых каждому защитнику Родины. Это особенно важно в контексте популяризации примеров героизма, отражающих патриотические идеалы российского общества.

Список литературы

1. Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905-1914). Новгород—Самара—Пенза. Пг., 1916. 259 с

2. Русско-японская война 1904—1905. Том III. Ляоянский период // Русско-японская война 1904-1905 гг.: Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-Японской войны: в 10 томах. — СПб., 1910.
3. Улыбин С. Подвиг Василия Рябова. - Пенза: изд-е газеты "Сталинское знамя", 1943. - 19 с.
4. Христенко Д.Н. Советская сельская медицина довоенного периода в оценках отечественных и иностранных очевидцев // QuaestioRossica. –2022. – № 2. – С. 629-645
5. Репортаж 1 канала «Герой русско-японской войны — Василий Рябов вызвал восхищение даже у неприятеля», 3 ноября 2004, 22:25 // https://www.1tv.ru/news/2004-11-03/237382-geroy_russko_yaponskoy_voyny_vasiliy_ryabov_vyzval_voshischenie_dazhe_u_nepriyatelya?ysclid=lurcppfrug430318753

МОЛОДЕЖЬ В ФОКУСЕ ПОСТСОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ДИССЕРТАЦИОННЫХ РАБОТ ПО ПОЛИТОЛОГИИ

Автор: Косоруких Наталья Алексеевна

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», Воронеж, Россия (394018, Воронежская область, Воронеж, Университетская площадь, 1), студент 3 курса факультета Романо-германской филологии, hkikurosok@gmail.com

Научный руководитель: Захаров Сергей Михайлович

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат политических наук, ассистент кафедры истории, zakharov1201@rambler.ru

Аннотация. В статье представлен обзор диссертационных работ по политологии, фокусирующихся на изучении молодежи. Автор изучает, как менялся интерес к этой теме на протяжении времени, а также как эволюционировала направленность исследований. Актуальность работы заключается в необходимости анализа существующих диссертаций, что позволит не только выявить ключевые тренды, но и оценить состояние научной базы, посвященной молодежи. Цель исследования заключается в систематизации и анализе тематики диссертационных работ, связанных с молодежью. В работе используются исторический метод и метод контент-анализа, дающий возможность оценить динамику интереса к молодежи, проявляющийся в диссертациях, а также определить их содержание. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что тематика диссертаций в значительной степени определяется происходящими социально-политическими трансформациями. Кроме этого, анализ показал, что интерес к молодежи в рамках диссертационных изысканий колебался от низкого уровня, через период роста до плато, что свидетельствует о наличии стабильной заинтересованности к данной области исследования.

Ключевые слова: диссертация; историография; молодежь; политология; постсоветское пространство

YOUTH IN THE FOCUS OF POST-SOVIET SCIENTISTS: HISTORIOGRAPHICAL REVIEW OF DISSERTATIONS IN POLITICAL SCIENCE

Author: Kosorukikh Natalia Alekseevna

Voronezh State University, Voronezh, Russia (394018, Voronezh, Universitetskaya Ploshchad', 1), student, Faculty of Romano-Germanic Philology, hkikurosok@gmail.com

Scientific supervisor: Zakharov Sergey Mikhailovich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), Candidate of Sciences (Political Science), Assistant, Department of History

Abstract. The article provides an overview of dissertations in political science with a specific focus on youth studies. It explores how interest in this subject has evolved over time and examines the shifting research priorities within this field. The significance of this work lies in its analysis of existing dissertations, which aims to identify key trends and evaluate the current state of research dedicated to youth. The research's objective is to systematically categorize and analyze dissertation topics related to youth. Utilizing historical method and content analysis, the study assesses the dynamics of interest in youth as reflected in dissertation research and evaluates their thematic content. The findings indicate that the focus of dissertations is significantly influenced by ongoing socio-political changes. Furthermore, the analysis reveals that interest in youth within dissertation research has fluctuated, moving from a low level to a period of growth, and eventually stabilizing at a plateau. This pattern suggests a consistent interest in youth studies within the academic community.

Key words: dissertation; historiography; youth; political science; post-Soviet space

Распад Советского Союза повлек за собой волну кардинальных изменений в гуманитарных науках, которые были обусловлены не только социально-экономическими и политическими трансформациями, произошедшими в обществе, но и необходимостью переосмысления подходов, ранее подвергавшихся идеологическим ограничениям. Переход к новой научной парадигме открыл широкие горизонты для исследования молодежной проблематики, что способствовало возникновению разнообразных тем и направлений, получивших свое отражение в диссертациях по истории, социологии, педагогике, философии, культурологии, юриспруденции.

В данном исследовании мы сосредоточимся на изучении работ по политологии, по сути, новой для постсоветской науки дисциплине, в рамках

которой интерес к молодежной проблематике формировался постепенно. Это было связано с процессом адаптации политической теории к новым условиям и недостаточной разработанностью методологической базы, необходимой для анализа молодежи как активного субъекта политического процесса.

Актуальность исследования заключается в потребности комплексного историографического анализа диссертационных работ по политологии о молодежи, что позволяет выявить ключевые тенденции постсоветского научного дискурса.

Объектом исследования выступает массив диссертационных работ по политологии, посвященный молодежной проблематике.

Предметом исследования является процесс формирования научного знания о молодежи, зафиксированный в политологических исследованиях.

Цель исследования – выявить ключевые направления научных работ и проследить эволюцию интереса к молодежной проблематике.

В данной работе используется исторический метод, который дает возможность проследить за изменениями тематики исследований о молодежи, происходящих с течением времени. Также применяется метод контент-анализа, позволяющий понять содержание диссертационных работ, за счет анализа ключевых тем и подходов в научных исследованиях.

Ретроспективный взгляд на историю изучения молодежи дает основание обратиться к научной электронной библиотеке «eLIBRARY.RU» и portalу Высшей аттестационной комиссии (ВАК), где собраны работы, посвященные данной теме. Наш исследовательский фокус будет сосредоточен на диссертационных работах по политологии, защищенных в период с 1992 по 2024 гг.

Проведенный мониторинг диссертационных работ показывает существенные колебания научного интереса к теме молодежи в разные годы. В 1990-е гг. в России он находился на достаточно низком уровне. На наш взгляд, это было связано с тем, что помимо теоретических и методологических проблем научного дискурса, в стране наблюдалась достаточно сложная социально-экономическая обстановка. Она вынуждала фокусироваться ученых и исследователей на более насущных проблемах, таких как демократический транзит, институциональное строительство и легитимация власти, отодвигая молодежную проблематику на второй план.

К слову сказать, защищенная в 1995 г. кандидатская диссертация А. Кирноса [1], была посвящена политическому участию французской молодежи в 1980-е гг., что подтверждает смещение фокуса на зарубежную проблематику, обусловленное сложившейся там на тот момент научно-исследовательской фактурой.

С начала 2000-х гг. интерес к молодежной проблематике возрастает, о чем свидетельствует серия работ, защищенных в Орловской региональной академии государственной службы в 2002–2004 гг. Это диссертации В. Лупандина, П. Мальцева, Г. Казначеевой, которые стали основой для восприятия молодежи как субъекта политики, акцентируя внимание на ее участии в современном российском обществе и политическом процессе.

В то же время происходит защита работы А. Мельникова, посвященная политической социализации. Заметим, что данная тема не утратила своей актуальности и в дальнейшем, о чем свидетельствуют работы О. Суворовой (2006), И. Сверткова (2010), Р. Зуляр (2012), М. Руткаускайте (2012). На этом примере хорошо видно, что с течением времени исследования становятся более предметными. В частности, Р. Зуляр [2] изучала процесс политической социализации более узкой социальной группы – студенческой молодежи, принимая во внимание региональный аспект.

Обращаясь к исследовательскому опыту второй половины 2000-х гг., мы видим, что появляются диссертации, ориентированные на изучение региональной специфики. Исследование Л. Замановой было посвящено изучению политического менталитета студенческой молодежи Республики Башкортостан, а работа М. Бариева – институционализации государственной молодежной политики в Республике Татарстан.

Последнюю отчасти можно воспринимать как предтеча зародившемуся тренду, в рамках которого молодежная политика вызывали повышенный интерес исследователей. Об этом свидетельствуют работы М. Донцовой (2013), Е. Князьковой (2013).

Не меньшее внимание исследователи проявляли к студенческой молодежи, что отчасти можно было объяснить ее восприятием как наиболее активного субъекта, участвующего в политическом процессе, а также доступностью данной социальной группе для изучения. В этой связи стоит обратить внимание на работу А. Воробьева (2013), посвященную электоральному поведению; исследование Д. Пинаева (2013), в котором выполнялся анализ динамики политической идентичности.

Заметим, что в этот период авторы обращаются к изучению политических ценностей, о чем свидетельствуют работы Е. Самсонова (2008) и А. Богданова (2012), выполненные в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского.

Рост молодежной активности второй половины 2000-х начала 2010-х гг., произошедший как в провластном, так и протестном контуре, требовал дальнейшего научного осмысления. В работе В. Тарцана (2010) рассматривались проблемы взаимодействия власти и молодежи. В диссертациях Л. Пастуховой (2007) и Ж. Тумуров (2013) происходило оценка

молодежного парламентаризма – нового на тот момент явления для российской политической действительности. Д. Камнев (2009) изучал молодежные политические движения на примере «Молодой Гвардии» и «Наших».

Анализу подвергся и протестный дискурс. Об этом свидетельствуют работы следующих ученых: О. Гаранина (2010), посвященная протестной активности молодежи; А. Москалева (2011), изучающая оппозиционные молодежные общественные объединения; А. Кетова (2011), дающая оценку идеологии и практике молодежного экстремизма; Ю. Полтавской (2013), рассматривающая особенности политического участия молодежных леворадикальных организаций.

В рамках политологических исследований авторы реагировали на актуальные явления современного мира. В частности, влиянию ресурсов сети интернет на политическую активность молодежи была посвящена диссертационная работа Е. Давыдовой-Мартыновой (2011). Такое положение дел дает основание говорить о политологии как о рефлексирующей научной дисциплине, охотно реагирующей на изменения, происходящие в обществе.

После 2014 г. фиксируемое нами количество защищенных диссертационных работ снижается. Это может быть связано с политической ситуацией в стране, которая могла отвлечь внимание от молодежной проблематики. Однако сохранялись темы, которые не утратили своей актуальности, например вопрос о ценностях, который получил свое освещение в рамках исследования А. Халбашкеева (2015), где изучались политические ценности студенческой молодежи на материалах Республики Бурятия, а также работа М. Камаловой (2022), где рассматривалась публичная политика как пространство формирования ценностных ориентаций.

Авторы также продолжали уделять внимание различным аспектам государственной политики в отношении молодежи. Здесь можно выделить работу Е. Мурзаевой (2015), в которой рассматривается государственная политика содействия занятости молодежи; исследование С. Алексеева (2018), обращающего внимание на молодежную политику в контексте взаимодействия государства и РПЦ; работу Н. Поляничко (2020), оценивающую государственную политику как фактор политической социализации.

В исследовательский фокус попадают аспекты общественно-политической активности, о чем свидетельствуют работы И. Гуковой (2016) и В. Барсегяна (2016). В свою очередь диссертация В. Зиненко (2022), рассматривала политическое участие как условие проявления политической субъектности молодежи.

Молодежное самоуправление и молодежные общественно-политические организации также вызвали интерес исследователей, о чем свидетельствует работы О. Отрокова (2018) и В. Сабирова (2021).

Отметим, что в этот период появляются работы, изучающие молодежь за пределами России. С. Захаров [3] в диссертации анализировал участие студенческой молодежи, как в России, так и в государствах постсоветского пространства, оценивая потенциал данной социальной группы как политического актора. Исследование Е. Грачева (2019) было посвящено молодежной политике в Европейском Союзе. В работе А.Х. Акифи (2023) рассматривались программы международных образовательных обменов и молодежного сотрудничества как инструменты «мягкой силы». Г. Аббасовов (2024) изучал транснациональные молодежные движения.

В последние годы, рассматриваемого нами периода, также была защищена работа М. Медведевой (2023), посвященная медиакомпетентности как компоненту политической культуры молодежи, а также диссертация А. Томаева (2024), направленная на изучение особенностей рекрутирования и карьерной траектории молодежных политических лидеров.

Особняком в рамках историографического обзора стоят докторские диссертации. В работе О. Суровой [4], посвященной политической социализации российской молодежи, оценивался государственный фактор и общественное воздействие на этот процесс.

Э. Чекмарев [5] анализировал роль молодежи в политической модернизации, рассматривая как общероссийскую, так и региональную специфику (на материалах Саратовской области).

Т. Нигматуллина [6] проводила глубокий анализ молодежной политики, оценивая опыт Российской Империи, Советского Союза и современной России, а также изучала механизмы реализации региональной модели.

В работе П. Летуновского [7] рассматривается эволюция политико-идеологических институтов подготовки молодежи к защите Отечества. Автор проводил ретроспективный анализ данного процесса, а также оценивал роль и место региональных институтов.

С. Чирун [8] в рамках своей работы уделял внимание молодежной политике в контексте глобальных процессов, а также обращал внимание на ее субъектность и радикализм.

Т. Бугайчук [9] изучала становление гражданской идентичности молодого поколения, при этом затрагивая феноменологию гражданственности.

Представленный краткий историографический обзор диссертационных работ по политологии дает основание говорить о тематическом разнообразии, охватывающем различные аспекты молодежной

проблематики, а также о колеблющемся уровне интереса к данной теме, что можно объяснить влиянием различных социокультурных и общественно-политических факторов. На ранних этапах формирования постсоветского политического дискурса тема молодежи не занимала значимого места среди приоритетных направлений исследования. Однако с течением времени на фоне изменений общественно-политической ситуации и роста политической активности молодежи наблюдалось увеличение интереса к данной тематике. Впрочем, эта тенденция не была продолжительной, что привело к установлению определенного плато по количеству защищенных работ о молодежи. Данная динамика свидетельствует о стабильном интересе к молодежной тематике в рамках политологического дискурса, подчеркивая ее значимость и актуальность в современных исследованиях.

Список литературы

1. Кирнос А.В. Французская молодежь 80-х годов: новые тенденции в политическом участии: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Воронеж, 1995. 24 с.
2. Зуляр Р.Ю. Политическая социализация российской студенческой молодежи как институциональный процесс (региональный аспект): автореф. дис. ... канд. полит. наук. Чита, 2012. 24 с.
3. Захаров С.М. Студенческая молодёжь как политический актор в постсоветских трансформациях: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2016. 24 с.
4. Суrowова О.В. Политическая социализация российской молодежи в условиях трансформации общества: автореф. дис. ... докт. полит. наук. Саратов, 2006. 47 с.
5. Чекмарев Э.В. Роль молодежи в политической модернизации постсоветской России: автореф. дис. ... докт. полит. наук. Саратов, 2009. 46 с.
6. Нигматуллина Т.А. Молодежная политика в условиях российского федерализма: региональный аспект: автореф. дис. ... докт. полит. наук. Москва, 2013. 46 с.
7. Летуновский П.В. Эволюция политико-идеологических институтов подготовки молодежи к защите Отечества: автореф. дис. ... докт. полит. наук. Москва, 2013. 50 с.
8. Чирун С.Н. Молодежная политика в ситуации постмодерна: государство, власть, общество: автореф. дис. ... докт. полит. наук. Казань, 2016. 43 с.
9. Бугайчук Т.В. Становление гражданской идентичности молодого поколения в период социокультурной трансформации современной России: дис. ... докт. полит. наук. Ярославль, 2021. 432 с.

УДК 94(47).084.8

**КОЛЛЕКЦИЯ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ «ОБОРОНА И
БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА» (ОБЗОР ИСТОРИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ)**

Автор: Кухтарова Анастасия Васильевна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса Технологического института, kuhtarova.nastya@yandex.ru

Научный руководитель: Федоров Павел Викторович

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, sever-nordica@yandex.ru

Аннотация. Целью статьи является обзор исторических исследований, вошедших в цифровую коллекцию «Оборона и блокада Ленинграда» на портале Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина. Коллекция включает труды, посвященные организации сопротивления и военной повседневности гражданского населения во время блокады, информационной борьбе с противником, деятельности вооруженных сил в период проведения битвы за Ленинград 1941-1944 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; оборона Ленинграда; блокада Ленинграда; армия; флот; дорога жизни; Президентская библиотека.

**PRESIDENTIAL LIBRARY COLLECTION "DEFENSE AND BLOCKADE
OF LENINGRAD" (REVIEW OF HISTORICAL RESEARCH)**

Author: Kuhtarova Anastasia Vasilevna

Russian State Agrarian University–Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127550, Moscow, Timiryazevskaya street 49), 1st year student of Institute of Technology, kuhtarova.nastya@yandex.ru

Scientific supervisor: Fedorov Pavel Viktorovich

Russian State Agrarian University–Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127550, Moscow, Timiryazevskaya street 49), doctor of historical sciences, professor, professor of the Department of History, sever-nordica@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to review historical research included in the digital collection "Defense and Siege of Leningrad" on the portal of the Boris Yeltsin

Presidential Library. The collection includes works devoted to the organization of resistance and daily life of the civilian population during the blockade, the information struggle against the enemy, and the activities of the armed forces during the Battle of Leningrad 1941-1944.

Key words: Great Patriotic War; Defense of Leningrad; the Siege of Leningrad; army; navy; Road of Life; Presidential Library

Блокада Ленинграда – одно из ключевых событий Великой Отечественной войны. Многих исследователей интересует блокада Ленинграда с разных точек зрения. Познакомиться с некоторыми исследованиями можно на портале Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина (ПБ), где представлена особая коллекция «Оборона и блокада Ленинграда» (www.prlib.ru).

В ПБ собирается и хранится проверенная и достоверная информация по истории, теории и практике российской государственности, актуальная для исторической памяти граждан Российской Федерации. В литературе уже отмечалось значение электронных ресурсов ПБ в качестве посредника в процессе трансформации информации в знание, в частности, в сфере образования [3; 13].

Коллекция, посвященная блокаде, была создана в 2014 г. Она включает внушительный корпус оцифрованных источников, в т.ч. документы органов власти, листовки, воспоминания, дневники, материалы из личных архивов жителей блокадного Ленинграда, периодические издания, фото- и кинохронику и т.д. Особую подборку в коллекции составляют исторические исследования – книги, авторефераты диссертаций.

Ознакомиться со многими источниками этой коллекции можно с любого компьютера, подключенного к сети Интернет.

Цель исследования – обзор электронной коллекции «Оборона и блокада Ленинграда» на портале ПБ в части входящих в нее исторических исследований.

Методы исследования. В основу положены общеисторические методы, методы историографии и исторической библиографии.

Результаты исследования и их обсуждение. Все исследования, включенные в коллекцию, можно разделить на три группы. В первую группу входят труды, посвященные организации сопротивления и военной повседневности гражданского населения города. Первой фундаментальной работой стал двухтомный труд коллектива авторов «Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза», который начал готовиться и издаваться еще во время войны (1944-1947 гг.) [1; 14]. Притом, что на этом исследовании лежит печать ограничений военного времени (о многом еще нельзя было писать объективно), эта работа позволила впервые в

историографии проанализировать источники беспримерного мужества ленинградцев в годы войны.

В своей книге «Футбол победителей» Л. Р. Григолович и В. Г. Раутиансобралиразнообразныматериалыо футболистах, их душевных порывах и вкладе в общую Победу. Авторы изложили не просто сухие факты, а рассказали историю спортсменов, чьи достижения во время блокады оказывали мощное идеологическое и психологическое воздействие на жителей Ленинграда [6].

«Конная, 10. Память и имя» – эта исследовательская работа Ю.И. Вульфа, написанная на стыке научных жанров микроистории и биографики. В ней восстанавливается память о людях, которые жили в одном ленинградском доме накануне и во время блокады. И в судьбе этого здания отразилась история целого города, всей страны [4].

Вторую группу составляют исследования, посвященные информационной борьбе с противником.

В автореферате докторской диссертации А.В. Кутузова анализируется, как обе стороны использовали информационные ресурсы для воздействия на общественное мнение внутри страны и за рубежом. Рассматриваются методы советской пропаганды, направленные на поддержание боевого духа народа, а также попытки нацистской Германии использовать дезинформацию для деморализации советских войск. Автор отслеживает роль средств массовой информации в формировании общественного мнения. В работе обсуждается, какую роль блокадная тема имела для мемориализации и формирования исторической памяти в послевоенное время [8].

Аспект информационной войны рассматривает в автореферате своей кандидатской диссертации А.С. Романов, изучивший основные направления, формы и методы пропаганды в блокадном городе [11].

Самая большая группа исследований в коллекции посвящена деятельности вооруженных сил по защите Ленинграда. Подготовленная коллективом авторов книга «Ленинградская артиллерия» была издана в 1946 г. По сути, она представляет собой первую попытку рассмотреть опыт организации сопротивления блокадного города силами противовоздушной обороны [2].

Эту тему продолжает современное исследование В.Е. Лукина, изучившего в своей кандидатской диссертации роль артиллерийских научных организаций в защите блокадного города. В этой работе осмысливается история разработок и испытаний нового вооружения [9].

Кандидатская диссертация О.В. Козлова, автореферат которой также включен в коллекцию, посвящена важной, но недооцененной в историографии теме: роли ладожских моряков в обороне и снабжении

Ленинграда, в частности, для поддержания знаменитой «дороги жизни». Из этого исследования можно узнать о подвигах моряков и экипажей, технических аспектах и сложностях ведения боя на озере, значении ладожских моряков в обороне города [7].

Целый ряд исследований дает широкую панораму битвы за Ленинград. В их числе и первые работы, написанные буквально по свежим следам: «Прорыв блокады Ленинграда» В.М.Ганкевича (1943) и «Разгром немцев под Ленинградом» М.В. Савина и В.И. Сидорова (1945) [5; 12].

Познакомиться с современной оценкой о начальном этапе Ленинградской битвы можно, прочитав автореферат кандидатской диссертации Н. Ю. Шпириной – об операциях советских войск под Ленинградом в 1941-1942 гг. [15] Одной из этих операций – Любанской – посвящена и кандидатская диссертация Н. Б. Олейника, автореферат которой тоже вошел в коллекцию [10].

Таким образом, представленные на портале Президентской библиотеки исторические исследования, книги и авторефераты диссертаций, позволяют познакомиться с некоторыми достижениями отечественной историографии об обороне и блокаде Ленинграда. Ресурс находится в начале своего становления и будет пополняться новыми трудами об этой героической странице в истории Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Аввакумов С. И. Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза. Т. 1: 22 июня 1941 г. - 22 июня 1943 г. Л., 1944. 411 с.
2. Богатов М., Меркурьев В., Одинцов Г. Ленинградская артиллерия. Ленинград, 1946. 256 с.
3. Воронович А. В., Федоров П. В. Преобразование информации в знание: из опыта работы Президентской библиотеки с целевыми аудиториями // Библиотечное дело. 2015. № 21. С. 17-18.
4. Вульф Ю. И. Конная, 10. Память и имя. СПб., 2017. 289 с.
5. Ганкевич В. М. Прорыв блокады Ленинграда. Л., 1943. 24 с.
6. Григолович Л. Р., Раутиан В. Г. Футбол победителей. СПб., 2015. 88 с.
7. Козлов О. В. Ладожские моряки в период Великой Отечественной войны: автореферат дисс... канд. ист. наук. СПб., 2015. 28 с.
8. Кутузов А. В. Блокада Ленинграда в информационном противоборстве в годы Второй мировой войны: автореферат дисс... д-ра ист. наук. СПб., 2012. 41 с.
9. Лукин В. Е. Роль артиллерийских научно-исследовательских и испытательных учреждений армии и флота в обороне Ленинграда: автореферат дисс... канд. ист. наук. СПб., 2009. 27 с.
10. Олейник Н. Б. Битва за Ленинград: исследование событий и анализ потерь в Любанской наступательной операции (январь-июль 1942 г.): автореферат дисс... канд. ист. наук. СПб., 2006. 24 с.

11. Романов А. С. Пропаганда в блокадном Ленинграде: основные направления, формы и методы: автореферат дисс... канд. ист. наук. СПб., 2013. 26 с.
12. Савин М. В., Сидоров В. И. Разгром немцев под Ленинградом (январь–февраль 1944 г.). Л., 1945. 36 с.
13. Федоров П. В. Электронные библиотеки и образовательное пространство // Сборники Президентской библиотеки. Серия «Электронный архив». Вып. 2: Методика и практика использования национальных электронных ресурсов в образовательной деятельности. СПб., 2017. С. 22-28.
14. Шариков К. Г., Пашкевич Е. Ф. Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза. Т. 2: 23 июня 1943 г. - 24 марта 1944 г. Ленинград, 1947. 492 с.
15. Шпирина Н. Ю. Оборонительные и наступательные операции советских войск на внешнем фронте блокады Ленинграда в 1941-1942 гг.: автореферат дисс... канд. ист. наук. СПб., 2009. 24 с.

УДК 994.321.135

ВЛАСТЬ ГОСУДАРСТВА В РУКАХ ЖЕНЩИНЫ КАК МОЩНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ЛИДЕРСТВА

Автор: Матросова Анастасия Дмитриевна

АНО ВО «Институт бизнеса и дизайна», Москва, Россия (129090, Москва, Протопоповский переулок, 9) студент 1 курса, факультет «Управление бизнесом» направление «Менеджмент в дизайн-бизнесе», aaaa007@icloud.com

Научный руководитель: Оришев Александр Борисович

ФБГОУВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), доктор исторических наук, доцент, Orishev71@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья выполнена в рамках исследовательского проекта, посвященного политическому лидерству в руках женского правления. Обосновываются лидерские женские качества, тонкости психологии правления и сила произведенных реформ Екатериной Великой. В качестве важного события во времена её правления приводится факт жертвенности своей жизнью ради государства. При этом отмечается, что женское правление обусловлено особенным характером внутреннего мотива и внешнего проявления. Приводится анализ реформ как основного двигателя страны. Главный научный результат: сделан вывод о том, что лидерство в лице женского правления - одна из перспективных ветвей развития будущего нашей страны.

Ключевые слова: лидерство; политика; управление; власть; женщина

THE POWER OF THE STATE IN THE HANDS OF WOMEN AS A POWERFUL TOOL FOR LEADERSHIP

Author: Matrosova Anastasia Dmitrievna

Institute of Business and Design (B&D), Moscow, Russia (Russia, 129090, Moscow Protopopovskiy lane, 9), First-year student of the Faculty of «Business Management», specialization «Management in Design Business», aaaa007@icloud.com

Scientific Supervisor: Orishev Aleksandr Borisovich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Orishev@mail.ru

Abstract. This article is part of a research project dedicated to political leadership in the hands of female rulers. It substantiates the leadership qualities of women, the nuances

of governance psychology, and the impact of the reforms implemented by Catherine the Great. An important event during her reign is highlighted: her willingness to sacrifice her life for the state. It is noted that female rule is characterized by a unique combination of internal motivation and external manifestation. The analysis of reforms is presented as a primary driver of the country's development. The main scientific result concludes that leadership embodied in female governance represents a promising avenue for the future development of our country.

Keywords: leadership; politics; governance; power; woman

В данной статье представлены научные результаты, полученные в рамках исследовательского проекта, посвященного правлению Екатерины Великой - её сильные лидерские качества, на основе которых было проведено немалое количество реформ, а страна считалась лучшей во всех сферах ее проявления, и зарекомендовала себя как одной из лидирующих. Последствия мы можем наблюдать и по сей день.

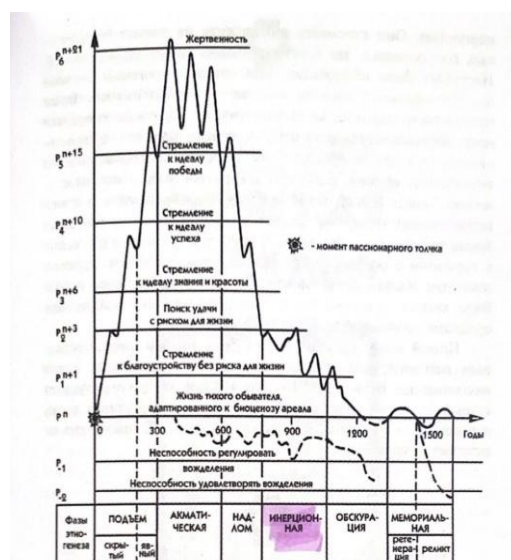

Рисунок 1 – Л.Н. Гумилев «Изменение уровня пассионарного напряжения суперэтнической системы»

С тяжёлой женской судьбой, она не испугалась однажды возложить ответственность за государство. Хрупкая снаружи, но сильная внутри.

Согласно очеркам этнической истории Льва Николаевича Гумилева можно сделать вывод, что правление Екатерины Великой приходится на акматическую фазу этногенеза – стремление людей к самосовершенствованию, наивысшая точка изменений уровня пассионарного напряжения этнической системы. Это время внутреннего соперничества. Л.Н. Гумилев излагает сквозь призму оригинальной авторской концепции этногенеза события русской истории [1, с. 14]. Это во многом позволяет

понять вклад Екатерины Великой в том числе в совершенствование государства великого. Писатель и белый генерал Пётр Краснов говорил: «Пётр прорубил окно в Европу – Екатерина на месте окна устроила широко раскрытые двери, в которые входило в Россию все передовое, разумное, мудрое, что было в Западной Европе».

Безусловно, подобное проявление жертвенности народом имеет ряд пагубных последствий. Лев Николаевич характеризует их кровопролитием и господством эгоистичных людей, руководствующихся потребительской психологией. Но какая власть без жертв? В противоположность этим суждениям он выдвигает ключевую мысль данного политического управления государством, а именно: «Новый цикл развития может быть вызван лишь очередным пассионарным толчком, при котором возникает новая пассионарная популяция. Но она отнюдь не реконструирует старый этнос, а создает новый, давая начало очередному витку этногенеза – процесса, благодаря которому Человечество не исчезает с лица земли» [1, с. 16].

Женское политическое лидерство ознаменовано рядом преимуществ. По своей природной натуре она выбирает мягкий стиль межличностной коммуникации, приветствует позитивный настрой и готова проявить сочувствие и сгладить углы непонимания. Принятие решений сложный, очень хорошо просчитанный и осторожный процесс. Лидеры женщины склонны к виртуозному стимулированию трудовой активности. «Женщины чаще используют вознаграждающий, референтный, т.е. основанный на симпатии, тип власти...женщины более всего тяготеют к экспертному типу власти, используя не только собственный опыт, но и учитывая мнения экспертов» [2, с. 107]. Насыщаясь мудростью изыскателей прошлого, Екатерина образывает собственное видение картины мира. Книги философского учения — вот кому она доверяет. Все её фавориты, которых она использовала с целью укрепить империю, развили колоссальным образом собственный потенциал. Значимая роль женщины подтверждается и в современности. Согласно «Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017-2022 годы», [3, с. 95] утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 марта 2017 г., мы наблюдаем за поставленной целью: расширить участие женщин в общественно-политической жизни. Практика показывает, что работа женщин во власти трансформирует вектор государственной политики в сторону решения социальных проблем [см. табл. 1]. Всё её нутро пронизано искренним чувством заботы об окружающих.

Таблица 1 – «Гендерные отличия в управленческой деятельности» [4, с. 40]

Характеристики	Мужчины	Женщины
Способ преодоления препятствий	Интеллект, сила	Хитрость, ловкость
Ориентированность на проблемы	Перспективная	Текущая
Направленность	На задачу	На межличностные отношения
Потребность в эмоциональных стимулах	Пониженная	Повышенная
Основа решений	Рассудок	Чувства
Характер	Замкнутый	Открытый
Отношение к внешнему миру	Реалистическое	Идеализированное
Поведение	Сдержанное	Эмоциональное
Тип мышления	Словесно-логический	Наглядно-действенный
Объект внимания	Содержание	Форма
Наблюдательность и точность	Пониженные	Повышенные
Ориентированность	Деловая	Личная
Отношение к другим	Прямолинейность	Гибкость
Действие словесного поощрения	Расслабляющее	Возбуждающее
Реакция на критику	Агрессивная	Спокойная

В концепции учебно-воспитательного процесса Екатерина считала важным касаться всех сторон граней человеческой природы: нравственное, умственное, гражданское и физическое. Человеколюбие прослеживается в методах организации педагогических воздействий [5, с. 164]. А также в благородном поступке, целью которого было защитить страну от распространения пагубной чумы в 1771 г. Добрая воля и желание учеников поощрялись. К организации учебного процесса она подходила с особой заботой о человеке. Доверительные отношения, взаимопонимание и уважение – те пласты, которые просвещала Великая Екатерина для взаимодействия учащихся с обучаемыми. Четкие личные убеждения в важности образования оказали влияние на развитие общества. Вместе с президентом Академии художеств И.И. Бецким в 1760-1770 годы она сделала попытку создать систему закрытых сословных учебных заведений, в основе которых лежала

мысль, выдвинутая Ж.Ж. Руссо, которая гласит: «все, что тормозит естественное развитие человека, должно устраняться с помощью воспитания» [6, с. 207].

Екатерина Алексеевна является ярким примером сильного правления государством, чей вклад в развитие имеет последствия в современности. «Хорошее - враг лучшего!» [7, с. 25], – так рассуждала она. Все, за что она бралась, имело особый, грандиозный оттенок, несло в себе величие и могущество. Таким было её видение екатерининского будущего страны.

Список литературы

1. Гумилев Л.Н. От Руси до России: очерки этнической истории. Москва: АЙРИС - пресс, 2024. 320 с.
2. Бушуева Н.В. Женской политическое лидерство: Гендерные исследования в России // Социология власти. 2010. № 4 С. 100-108.
3. Мурзова О.М., Жиляева М.С. Женщина в политике и власти: социально-исторический анализ // Технологии социальной работы с разными группами населения. Чита: ЗГУ, 2018. С. 88-96.
4. Макс О.Н. Сравнительный анализ мужского и женского лидерства: Гендерные аспект // Экономика и управление: проблемы, решения. 2015. № 11 С. 39-41.
5. Стародубцев М.П. Социальная направленность педагогических реформ Екатерины Великой // Педагогическое образование в России. 2014. № 2 С. 162-166.
6. Крыкова И.В., Семинар В.С. Великие просветительницы в культурном пространстве России XVIII века (Екатерина II и Екатерина Дашкова) // Аналитика культурологии. 2007. № 2 (8). С. 206-212.
7. Громакова Е.А. Адамская Л.В. Управленческий феномен Екатерины Великой // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2017. № 4 (17). С. 25-26.

УДК 338.482.224

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК: НАРОДНОЕ ЕДИНЕНИЕ В УВАЖЕНИИ К ПАМЯТИ ГЕРОЕВ

Автор: Меркульев Глеб Александрович

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса института экономики и управления АПК, glebmerkulyev@gmail.com

Научный руководитель: Шерстюк Максим Витальевич

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, maxim99@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется история и значение движения «Бессмертный полк» как уникального проявления народной памяти о Великой Отечественной войне. Рассматриваются истоки акции, этапы ее развития, а также ключевые принципы, направленные на сохранение уважения к подвигу предков. Особое внимание уделено роли движения в укреплении семейных связей, передаче исторической памяти новым поколениям и его международному значению. Главный научный результат: определены факторы устойчивости движения, такие как добровольность, акцент на личной памяти и уважение к историческому наследию. Выделены перспективы развития, включая цифровизацию и образовательные инициативы.

Ключевые слова: Бессмертный полк; Великая Отечественная война; народная память; День Победы; семейная история; уважение к героям

IMMORTAL REGIMENT: PEOPLE'S UNITY IN HONORING THE MEMORY OF HEROES

Author: MerkulyevGlebAlexandrovich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), student of the Institute of Economics and Management of the Agro-Industrial Complex, glebmerkulyev@gmail.com

Scientific supervisor: Sherstyuk Maxim Vitalievich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, maxim99@mail.ru

Abstract. The article explores the history and significance of the Immortal Regiment movement as a unique expression of popular memory about the Great Patriotic War. It examines the origins of the initiative, stages of its development, and key principles aimed at preserving respect for the ancestors' feats. Special attention is given to the movement's role in strengthening family ties, passing historical memory to new generations, and its international significance. Main scientific result: the factors ensuring the movement's sustainability, such as voluntariness, focus on personal memory, and respect for historical heritage, have been identified. Prospects for development, including digitalization and educational initiatives, are outlined.

Key words: Immortal Regiment; Great Patriotic War; popular memory; Victory Day; family history; respect for heroes

«Бессмертный полк» — международное общественное движение, созданное для сохранения памяти о подвиге участников Великой Отечественной войны (1941–1945). Ежегодно 9 мая, в День Победы, миллионы людей по всему миру выходят на улицы с портретами своих родственников — ветеранов, тружеников тыла, партизан, узников концлагерей и детей войны. Движение стало символом глубокого уважения к героям, объединяя людей через общую память и семейные истории. Его сила — в добровольности, искренности и акценте на личной связи с историей.

Статья посвящена истории возникновения «Бессмертного полка», его развитию и значению для сохранения памяти о войне. Особое внимание уделено тому, как движение укрепляет уважение к прошлому и способствует передаче исторического наследия. Анализ основан на проверенных данных из открытых источников, включая официальные сайты движения и научные публикации [1; 2].

Традиция публичного чествования памяти участников Великой Отечественной войны имеет глубокие корни. В 1965 году, когда День Победы стал официальным праздником в СССР, в Новосибирске школьники организовали «Аллею Славы», неся портреты ветеранов. В 1980-х годах в Липецкой области местные жители проводили схожие акции, демонстрируя фотографии своих близких [3]. Эти инициативы заложили основу для современного формата «Бессмертного полка».

Официально движение началось 9 мая 2012 года в Томске. Журналисты Сергей Лапенков, Сергей Колотовкин и Игорь Дмитриев предложили идею шествия с портретами родственников, участвовавших в войне. В первом шествии приняли участие около 6 тысяч человек, пронесших более 2 тысяч портретов. Тогда же был создан сайт moypolk.ru, где люди начали публиковать семейные истории, формируя «Народную летопись» [4].

Основной принцип акции — сохранение личной памяти с глубоким уважением к подвигу предков. Устав движения, принятый в 2012 году, подчеркивает добровольность участия и его некоммерческий характер.

Символом «Бессмертного полка» стал журавль на фоне звезды, созданный в 2014 году художником Алексеем Шелеповым. Этот образ отражает связь поколений и вечную память о павших [5].

Развитие «Бессмертного полка» прошло несколько ключевых этапов:

1. 2012–2014 годы: зарождение и распространение. После Томска акция быстро охватила другие регионы России. В 2013 году шествия прошли в 120 городах, включая Казахстан и Израиль. В 2014 году к движению присоединились более 500 городов, а число участников превысило 500 тысяч. В том же году было зарегистрировано Межрегиональное историко-патриотическое общественное движение (МИПОД) «Бессмертный полк» [6].

2. 2015–2019 годы: международный размах. В 2015 году шествие в Москве стало частью празднования 70-летия Победы, собрав более 500 тысяч участников. К 2019 году акция охватила свыше 115 стран, а общее число участников в России достигло 10 миллионов, включая 1,2 миллиона в Санкт-Петербурге и 700 тысяч в Москве [7].

3. 2020–2023 годы: адаптация к вызовам. Пандемия COVID-19 привела к переходу в онлайн-формат в 2020–2021 годах. Виртуальное шествие, организованное через сайт движения и соцсети, привлекло миллионы участников, а трансляцию посмотрели около 1,5 миллиона человек. В 2023 году в ряде регионов традиционные шествия были заменены альтернативными форматами, такими как «Окна Победы» и размещение портретов в соцсетях, чтобы сохранить память в сложных условиях [8].

4. 2024–2025 годы: возрождение и расширение. В 2024 году шествия возобновились в России и за рубежом. В 2025 году акции прошли в более чем 100 странах, включая США, Аргентину, Китай и Индию. В Вашингтоне шествие состоялось впервые с 2019 года, объединив представителей разных поколений [9].

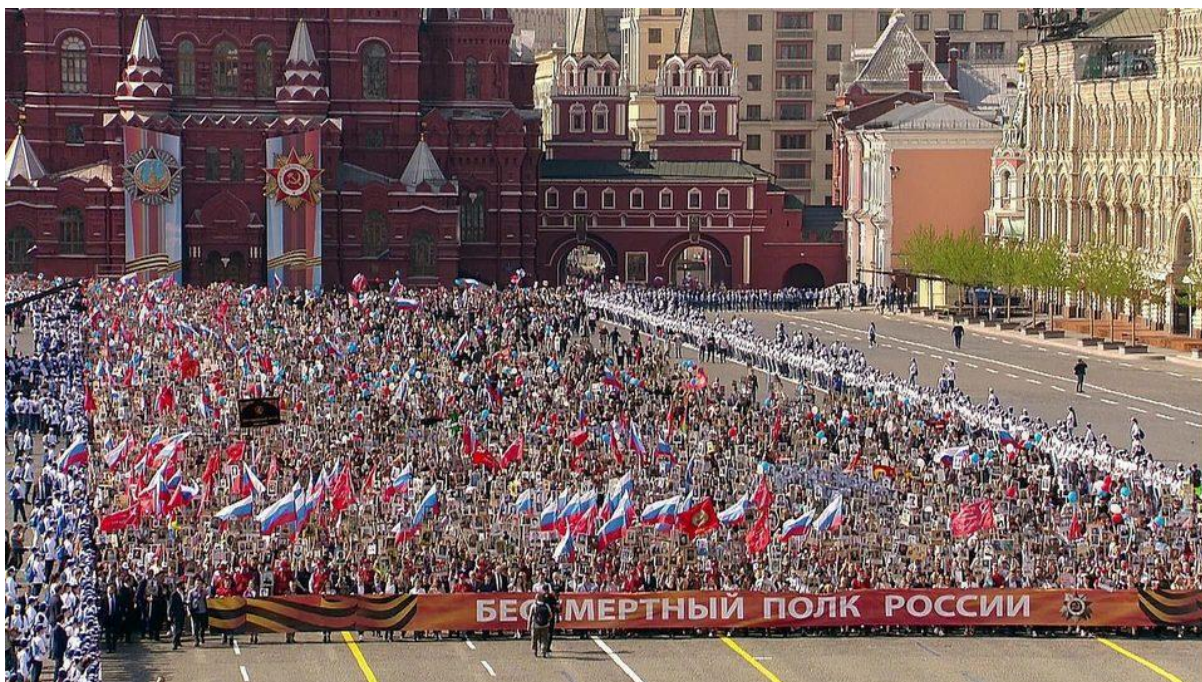

Рисунок 1 – Шествие «Бессмертного полка» на Красной Площади

«Бессмертный полк» стал мощным инструментом сохранения памяти о Великой Отечественной войне, выполняя несколько важных функций:

1. Сохранение семейных историй. Движение вдохновляет людей исследовать судьбы своих предков, собирать фотографии, письма и воспоминания. На сайте moypolk.ru размещено более 1 миллиона историй из России, Казахстана, Беларуси и других стран, создавая уникальную базу памяти, созданную потомками [10].

2. Передача памяти новым поколениям. Акция объединяет людей разных возрастов, помогая молодежи осознать значение подвига предков. Школьники и студенты участвуют в шествиях, готовят проекты о своих родственниках, что укрепляет связь поколений.

3. Уважение к историческому наследию. «Бессмертный полк» подчеркивает ценность каждого участника войны — от фронтовиков до тружеников тыла. Участие в шествиях становится актом благодарности и почтения.

4. Международное единение. Движение объединяет людей по всему миру, чьи семьи затронула война. В 2023 году акции прошли в 110 странах, включая страны Европы, Азии и Латинской Америки, демонстрируя универсальность памяти о борьбе с нацизмом [11].

Рисунок 2 – Шествие «Бессмертного полка» в Берлине

Перспективы развития:

Цифровизация. Онлайн-форматы, такие как виртуальное шествие и «Народная летопись», позволяют вовлекать участников из разных уголков мира. Создание мобильных приложений и интеграция с соцсетями могут расширить аудиторию.

Образовательные инициативы. Интеграция движения с школьными и университетскими программами, включая конкурсы эссе, выставки и уроки истории, укрепит его роль в воспитании уважения к прошлому.

Международное сотрудничество. Сотрудничество с международными организациями, такими как ЮНЕСКО, может усилить роль «Бессмертного полка» в глобальной культуре памяти.

Поддержка местных сообществ. Развитие сети координаторов в разных странах и регионах поможет сохранить дух движения и сделать его доступным для всех желающих.

Таким образом, «Бессмертный полк» — это движение, которое объединяет миллионы людей в стремлении почтить память героев Великой Отечественной войны. Его сила — в искреннем уважении к подвигу предков, добровольности и акценте на семейных историях. За 13 лет акция превратилась из локальной инициативы в Томске в международный символ памяти, охвативший более 100 стран. Движение продолжает укреплять связь поколений, сохраняя уважение к историческому наследию. Цифровизация, образовательные проекты и международное сотрудничество открывают

новые горизонты для «Бессмертного полка», делая его важной частью мировой культуры памяти.

Список литературы

1. Устав Межрегионального историко-патриотического общественного движения «Бессмертный полк». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.moypolk.ru/ustav-polka> (дата обращения: 14.05.2025).
2. История создания движения Бессмертного полка России // Общероссийское общественное движение «Бессмертный полк России». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.polkrf.ru/history> (дата обращения: 14.05.2025).
3. Голышев А.И. Культурологический аспект «Бессмертного полка» / Экология культуры: сборник статей по культурологии. — Псков: Изд-во Псковского государственного университета, 2017. — С. 8–13. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.elibrary.ru/item.asp?id=29267464 (дата обращения: 05.10.2023).
4. Конратюк В.В. «Бессмертный полк» как культура сохранения памяти / Лаборатория культуры: молодежные практики и новации: материалы XLVIII научно-творческой конференции студентов СГИК. — Самара: Самарский государственный институт культуры, 2020. — С. 86–87. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.elibrary.ru/item.asp?id=42820935 (дата обращения: 05.10.2023).
5. Символика «Бессмертного полка» // Официальный сайт движения. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.moypolk.ru/simvolika> (дата обращения: 14.05.2025).
6. История акции «Бессмертный полк» в России и мире // ТАСС. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/info/8423157> (дата обращения: 14.05.2025).
7. Потапова О.М. Проект «Бессмертный полк» / Троица образования: педагог — обучающийся — родитель: материалы VIII Байкальских родительских чтений ; под ред. О.В. Удовой. — Иркутск: Аспринт, 2019. — С. 409–413. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.elibrary.ru/item.asp?id=41273963 (дата обращения: 05.10.2023).
8. Маринов Л.С. Психолого-педагогические проблемы развития ребенка в современных социокультурных условиях / Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ч. 2. — Курск: Университетская книга, 2018. — С. 351–355. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.elibrary.ru/item.asp?id=32853101 (дата обращения: 05.10.2023).
9. «Бессмертный полк» пошел по планете // Пост на Х. @otdelenie, 04.05.2025.
10. Народная летопись «Бессмертного полка» // Официальный сайт движения. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.moypolk.ru/narodnaya-letopis> (дата обращения: 14.05.2025).
11. Савастеева Д.А. Влияние патриотической акции «Бессмертный полк», посвящённой погибшим в Великой Отечественной войне, на современную молодёжь // Педагогическое образование на Алтае. — 2015. — № 2. — С. 139–141. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.elibrary.ru/item.asp?id=25055360 (дата обращения: 05.10.2023).
12. Бессмертный полк России в цифрах // Официальный сайт движения. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.polkrf.ru/statistics> (дата обращения: 14.05.2025).

КУЛЬТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ ВРЕМЁН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О ПРОШЛОМ

Автор: Морозова Валерия Алексеевна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса факультета экономики и управления АПК, morozovaleria06@gmail.com

Научный руководитель: Шерстюк Максим Витальевич

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, maxim99@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья выполнена в рамках исследовательского проекта, посвящённого изучению роли культурных памятников времён Великой Отечественной войны в сохранении исторической памяти народа. Авторы обосновывают необходимость бережного отношения к культурному наследию, представляющему собой важный элемент национальной идентичности. Описываются ключевые категории памятников: мемориальные комплексы, музеи, монументы, литературные и художественные произведения. Проводится подробный анализ состояния сохранности объектов культуры, рассматриваются современные угрозы и меры защиты памятников. Особое внимание уделено проектам по вовлечению молодого поколения в восстановление и популяризацию памятников. Наиболее значимыми примерами называются такие объекты, как Мамаев курган, Брестская крепость, Панорама Сталинградской битвы, а также выставки и экспозиции ведущих российских музеев. Основной научный результат заключается в утверждении важности государственного регулирования и общественной инициативы в сфере сохранения памятников, обеспечивающих преемственность поколений и передачу ценностных ориентиров потомкам.

Ключевые слова: культурные памятники; Великая Отечественная война; историческая память; мемориальные комплексы; сохранность объектов культуры; восстановление памятников

CULTURAL MONUMENTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: PRESERVING THE MEMORY OF THE PAST

Author: Morozova Valeria Alekseevna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), student, Institute of Economics and Management of APK, morozovaleria06@gmail.com

Scientific supervisor: Sherstyuk Maxim Vitalievich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, maxim99@mail.ru

Abstract. This article is part of a research project dedicated to studying the role of cultural monuments from the Great Patriotic War in preserving the historical memory of the people. The authors justify the need for a careful attitude towards cultural heritage, which represents an important element of national identity. Key categories of monuments are described: memorial complexes, museums, monuments, as well as literary and artistic works. A detailed analysis of the condition of cultural objects is conducted, modern threats and protection measures for monuments are considered. Special attention is given to projects aimed at engaging the younger generation in the restoration and popularization of monuments. Notable examples include such sites as Mamayev Kurgan, Brest Hero-Fortress, the Panorama of the Battle of Stalingrad, as well as exhibitions and displays from leading Russian museums. The main scientific result emphasizes the importance of state regulation and public initiative in the field of monument preservation, ensuring the continuity of generations and the transmission of value orientations to descendants.

Key words: cultural monuments; The Great Patriotic War; historical memory; memorial complexes; preservation of cultural objects; restoration of monuments.

Вопрос сохранения исторических объектов и культурных памятников эпохи Великой Отечественной войны остается крайне актуальным в современной России. Память о героизме советского народа, победившего фашизм, является важной частью национальной идентичности страны. Мемориалы, монументы, памятники архитектуры и военные захоронения выполняют важную роль в воспитании патриотизма и формировании уважения к прошлому поколений россиян.

Историческое наследие играет ключевую роль в сохранении памяти о событиях прошлого. Культурные объекты служат наглядными символами важнейших этапов истории государства, позволяя гражданам осознавать свое прошлое и формировать чувство гордости за достижения предков. Именно благодаря таким памятникам жители разных регионов имеют возможность ощутить связь с великими историческими событиями, такими как победа над нацизмом в годы Великой Отечественной войны.

Для современного общества сохранение памятников культуры важно не только с точки зрения эстетики и образования, но также как способ передачи опыта борьбы с тоталитаризмом будущим поколениям. Важно подчеркнуть, что память о подвигах героев должна сохраняться не только через документальные свидетельства, но и посредством физического присутствия значимых мест и сооружений [1].

Кроме того, исторические места привлекают туристов, способствуют

развитию внутреннего туризма и формированию позитивного имиджа региона. Сохранение памятников способствует экономическому росту территорий, привлекая внимание исследователей, деятелей искусства и обычных путешественников [2].

Комплексный подход к защите и реставрации памятников включает регулярную инвентаризацию и учет существующих объектов культурного наследия, организацию реставрационных работ и своевременное техническое обслуживание. Важнейшую роль играют мероприятия по популяризации значимости исторических мест среди широких слоев населения, особенно молодежи, поскольку именно от нее зависит будущее сохранение национальных традиций. Одним из эффективных методов является создание музеев-заповедников и туристических маршрутов, позволяющих людям глубже познакомиться с историей своей страны. Важно также привлечение широкой общественности и волонтерского движения к охране памятников, поддержанию порядка и чистоты вокруг них. Сохранение памятников времен Великой Отечественной войны играет ключевую роль в воспитании подрастающего поколения в духе патриотизма, уважения к подвигам предков и формировании прочной связи между поколениями, обеспечивая таким образом непрерывность культурной памяти народа и передавая будущим поколениям ценности героического прошлого нашей страны [3].

Памятные места и объекты эпохи Великой Отечественной войны являются важнейшими элементами национальной идентичности, отражающими героическое прошлое нашего народа. Они представляют собой сложную и многогранную систему символов, воплощающих мужество, стойкость и самоотверженность советских солдат, сражавшихся за свободу и независимость Родины.

Среди наиболее значимых объектов выделяется ряд выдающихся мемориальных комплексов и монументов, каждый из которых имеет свою уникальную историю и значение. Например, Мамаев Курган в Волгограде стал символом несгибаемой воли воли советского солдата, выдержавшего тяжелейшие испытания Сталинградской битвы. Памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы» напоминает нам о масштабах трагедии и величии победы, достигнутых ценой огромных жертв и усилий миллионов людей [4].

Значительную роль в сохранении исторической памяти играют многочисленные музеи и экспозиции, посвященные событиям Великой Отечественной войны. Центральным среди них является Центральный музей Великой Отечественной войны, расположенный в Москве на Поклонной горе. Здесь посетители могут ознакомиться с уникальной коллекцией артефактов, документов и фотографий, воссоздающих атмосферу военных лет. Другим важным объектом является диорама «Прорыв блокады

Ленинграда», расположенная в Санкт-Петербурге, которая позволяет почувствовать всю сложность и драматизм осаждённого города [5].

Особое внимание заслуживает категория архитектурных объектов, связанных с войной. Это не только сохранившиеся руины зданий, но и реконструированные памятники архитектуры, названия улиц и площадей, увековечившие имена героев. Такие объекты служат живым напоминанием о трагических страницах истории, одновременно подчеркивая силу духа и волю народа к восстановлению разрушенного.

Наконец, особую значимость имеют кладбища и братские могилы, расположенные по всей стране. Каждый такой объект хранит память о конкретных людях, отдавших жизнь за освобождение родины. Примером служит пантеон Героев Невского пяточка под Ленинградом, где захоронены бойцы, участвовавшие в боях за прорыв блокады. Другой известный объект — комплекс «Катюша» в Севастополе, посвященный морякам Черноморского флота, погибшим в годы обороны города.

Все перечисленные памятные места и объекты создают единую историческую картину, связывая современное поколение с героическим прошлым страны. Их посещение помогает осознать величие побед и трагедию потерь, способствует формированию патриотического сознания и гордости за своё Отечество. Именно благодаря сохранению и бережному отношению к этим объектам мы можем передавать молодому поколению чувство ответственности перед предками и понимание значения мира и свободы.

Сохранение и реставрация исторических объектов представляет собой сложный процесс, направленный на поддержание целостности и аутентичности памятников культуры, обеспечивающий возможность передачи бесценного исторического наследия следующим поколениям. Законодательная база Российской Федерации направлена на защиту и регулирование деятельности, связанной с сохранением объектов историко-культурного наследия [6]. Федеральный закон №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации» устанавливает правила охраны, использования и учёта памятников истории и культуры, определяет порядок выявления, регистрации и включения объектов в реестр охраняемых объектов. Дополнительно действует большое количество региональных нормативных актов, учитывающих специфику отдельных регионов [7].

Практическая деятельность по реставрации включает восстановление утраченных элементов зданий, укрепление конструкций, очищение фасадов и интерьеров от загрязнений и повреждений. Особое внимание уделяется вопросам благоустроенности прилегающей территории, созданию удобных

пешеходных зон, озеленению и установке современных систем освещения. Благодаря комплексной работе удастся вернуть первоначальный облик многим памятникам архитектуры, сохраняя при этом уважение к оригинальному стилю и материалу строительства. Ярким примером успешного проекта стало восстановление памятника «Родина-мать зовёт!» на Мамаевом кургане в Волгограде, которое включало очистку статуи, реконструкцию фундамента и модернизацию инженерных коммуникаций [8].

Современные технологии позволяют эффективно сохранять архитектуру и скульптуры даже в условиях агрессивных внешних воздействий. Использование специальных защитных покрытий, инъекций укрепляющих составов, применение лазерных технологий очистки поверхностей помогают продлить срок службы памятников и сохранить их внешний вид неизменным на долгие десятилетия. Развитие цифровой документации и фотограмметрии обеспечивает точную фиксацию текущего состояния объектов, позволяя отслеживать изменения и планировать дальнейшие этапы реставрации. Примером успешной реализации инновационных решений стала технология трёхмерного сканирования и виртуального моделирования применительно к реконструкции музейно-выставочного комплекса «Прохоровское поле» [8].

Одной из важнейших задач является адаптация памятников под современные нужды общества. Реконструкция музейно-исторического комплекса «Прохоровское поле» продемонстрировала успешное сочетание традиционных подходов с инновационными технологиями. Музей оборудован современными интерактивными экспозициями, мультимедийными системами, создающими условия для полного погружения посетителей в атмосферу боя на Курской дуге. Помимо музея были обустроены прогулочные зоны, создана удобная инфраструктура для туристов и местных жителей.

Эти проекты демонстрируют, насколько важно уделять внимание каждому аспекту процесса реставрации, включая юридические аспекты, практические подходы и внедрение новейших технологий, чтобы обеспечить сохранность объектов и доступность их культурологического потенциала для будущих поколений.

Проблематика сохранения культурного наследия, связанного с эпохой Великой Отечественной войны, охватывает широкий спектр вопросов, решение которых требует системного подхода и консолидации усилий различных институтов и общественных групп. Одной из ключевых проблем является недостаточное финансирование мероприятий по сохранению памятников. Несмотря на усилия государства, объем выделяемых средств зачастую оказывается недостаточным для качественного проведения ремонтных и реставрационных работ. Ограниченный бюджет негативно

сказывается на состоянии многих объектов, что приводит к постепенному ухудшению их внешнего вида и функциональности. Решение данной проблемы возможно путем привлечения внебюджетных источников финансирования, поддержки бизнеса и развития государственно-частного партнерства, а также стимулирования благотворительности и спонсорства.

Еще одной важной проблемой является разрушение и утрата объектов вследствие природных факторов и человеческой халатности. Многие памятники подвергаются негативному воздействию окружающей среды, включая ветровую эрозию, повышенную влажность, температурные колебания и ультрафиолетовое излучение. Особенно уязвимы деревянные конструкции, находящиеся под открытым небом. Человеческая халатность проявляется в виде актов вандализма, неправильной эксплуатации и недостаточной заботы о сохранности объектов. Для предотвращения разрушения памятников необходимы регулярные профилактические осмотры, мониторинг состояния, а также улучшение системы охраны и патрулирование.

Низкий уровень осведомленности молодежи о событиях прошлого также представляет собой серьезную проблему. Молодежь часто недостаточно информирована о героическом прошлом своего народа и о вкладе ветеранов войны в достижение Победы. Для повышения интереса к культуре и истории необходимо развивать образовательные программы, организовывать экскурсии, лекции, тематические выставки и фестивали. Активное вовлечение школьников и студентов в добровольческие акции по уходу за памятниками и участие в мероприятиях военно-патриотической направленности позволит повысить уровень осведомленности и укрепить нравственное воспитание молодых россиян [9].

Необходимость международного сотрудничества и обмена опытом также играет важную роль в охране культурного наследия. Международное сотрудничество позволяет обмениваться лучшими практиками, повышать квалификацию специалистов и укреплять взаимопонимание между народами. Российские специалисты могут воспользоваться успешным международным опытом в вопросах реставрации и консервации памятников, организации экскурсионных маршрутов и внедрения новых информационных технологий. Обмен опытом полезен для разработки международных стандартов по сохранению культурного наследия и привлечению иностранных инвестиций в совместные проекты.

Решение указанных проблем потребует значительных усилий всех заинтересованных сторон — государственных органов власти, местного самоуправления, образовательных учреждений, некоммерческих организаций и бизнес-сообщества. Только объединяя усилия и внедряя эффективные

механизмы взаимодействия, можно добиться долгосрочных результатов в деле сохранения уникального культурного наследия Великой Отечественной войны.

Анализ состояния сохранения памятников Великой Отечественной войны позволяет выделить несколько ключевых моментов. Несмотря на усилия, предпринимаемые государством и общественными организациями, памятники, символизирующие героизм и жертвы нашего народа, продолжают сталкиваться с серьезными проблемами. Недостаток финансирования, разрушительное воздействие природных факторов и человеческая небрежность угрожают сохранению этих исторических объектов. Тем не менее, при наличии комплексного подхода и активного сотрудничества различных институтов, можно значительно улучшить ситуацию.

Перспективы культурной политики и образовательных инициатив выглядят обнадеживающе. Важно интегрировать историческое наследие в образовательные программы и активно вовлекать молодежь в проекты по сохранению памятников и патриотическому воспитанию. Это может стать основой для формирования глубокого уважения к истории и культуре нашей страны. Необходимо развивать новые форматы взаимодействия с молодежью, включая современные технологии и медиа, чтобы сделать историю более доступной и увлекательной для нового поколения.

Призыв к обществу о сохранении исторической памяти и заботе о наследии предков становится особенно актуальным в условиях глобализации и стремительных изменений культурных парадигм. Каждый из нас может внести свой вклад в это важное дело — будь то участие в акциях по благоустройству памятников, поддержка инициатив по их восстановлению или распространение знаний о значимости этих объектов. Сохранение исторической памяти — это не только долг перед прошлым, но и залог будущего, в котором мы будем гордиться своей историей и уважать подвиги тех, кто отдал свои жизни за нашу свободу.

Объединяя усилия государства, общественных организаций и каждого гражданина, мы сможем сохранить для будущих поколений не только памятники, но и уникальную культуру и дух, которые они представляют. Наша общая задача заключается в бережном отношении к наследию предков и его передаче следующим поколениям, чтобы память о Великой Отечественной войне оставалась в сердцах людей навсегда.

Список литературы

1. Полякова, М. А. Культурное наследие: современные проблемы изучения и сохранения / М. А. Полякова // Москва: Институт Наследия. – 2022. – 240 с.
2. Работкевич, А. В. Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в России в XVIII – начале XX века / Работкевич А. В. // Развитие туризма в контексте инновационных процессов современной экономики: Вопросы истории. — 1999 г. — № 3. — С. 12–25.
3. Шаймарданова, Л. Н. Изучение культурного наследия как средство воспитания патриотизма / Л. Н. Шаймарданова, Э. Ш. Шакирова // Педагогическое образование в России. — 2022. — № 1. — С. 123—129.
4. Василенко, Л. А. Памятники истории и культуры в пространстве социальной памяти общества / Л. А. Василенко //— СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. — 320с.
5. Ерофеев, Н. Н. История отечественной культуры XX века / Н. Н. Ерофеев// — Москва: Высшая школа, 2016. — 456 с.
6. Борисов, Н. С. Сохранение объектов культурного наследия: учебное пособие / Н. С. Борисов, Ю. А. Гончаров// — Москва: МГУК, 2017. — 368 с.
7. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».
8. Жуковская, Е. Б. Современные технологии реставрационного дела в музейном деле и охране памятников архитектуры / Е. Б. Жуковская— Москва: Аспект-Пресс, 2019. — 280 с.
9. Курбатов, Я. Х. Методы привлечения внимания молодых поколений к историческому наследию Отечества / Я. Х. Курбатов. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2019. — 256 с.

УДК 94(47) “1919”

РОССИЙСКО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1919 Г. В РАБОТАХ СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ

Автор: Мотакова Василиса Сергеевна

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса Института экономики и управления АПК, vmotakova@yandex.ru

Научный руководитель: МIRONЮК Сергей Алексеевич

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, mironyuk@rgau-msha.ru, ORCID: 0000-0002-6874-7595, РИНЦ SPIN-код: 6577-8160, РИНЦ AuthorID: 990521, ResearcherID: ADE-4050-2022

Аннотация. В статье анализируются взгляды современных отечественных историков на российско-британские отношения 1919 г. – одного из ключевых годов в истории Гражданской войны и иностранной интервенции в России. Особое внимание уделено работам таких авторов, как Н.Е. Быстрова, С.А. МIRONЮК, С.Н. Ланцев и Е.Ю. Сергеев. Исследуются их подходы к трактовке британской политики интервенции в отношении Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и белогвардейских правительств, позиция Лондона на Парижской мирной конференции, а также практические аспекты взаимодействия Великобритании с Верховным правителем России А.В. Колчаком. Делается вывод о наличии в историографии работ с разнообразными подходами – от прагматико-реалистических до критико-идеологических, что подчеркивает сложность и многослойность российско-британского политического диалога в 1919 г.

Ключевые слова: Гражданская война; иностранная интервенция; российско-британские отношения; Белое движение; А.В. Колчак.

RUSSIAN-BRITISH RELATIONS IN 1919 IN THE WORKS OF MODERN RUSSIAN HISTORIANS

Author: Motakova Vasilisa Sergeevna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127550, Moscow, Timiryazevskaya street 49), 1st year students of the Institute of Economics and management in agribusiness, vmotakova@yandex.ru

Scientific supervisor: Mironiuk Sergei Alexeyevich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127550, Moscow, Timiryazevskaya street 49), PhD in History, senior lecturer of Department of History, mironyuk@rgau-msha.ru, ORCID: 0000-0002-6874-7595, ПИИЦ SPIN-код: 6577-8160, ПИИЦ AuthorID: 990521, ResearcherID: ADE-4050-2022

Abstract. The article analyzes the views of modern Russian historians on Russian-British relations in 1919, one of the key years in the history of the Civil War and foreign intervention in Russia. Special attention is paid to the studies of such authors as N.E. Bystrova, S.A. Mironiuk, S.N. Lantsev and E.Y. Sergeev. The article examines their approaches to the interpretation of the British policy of intervention against the Russian Soviet Federative Socialist Republic and the White Guard governments, London's position at the Paris Peace Conference, as well as practical aspects of Britain's interaction with Alexander Kolchak, the Supreme Ruler of Russia. It is concluded that there are various approaches in historiography, from pragmatic-realistic to critical-ideological, which emphasizes the complexity and multilayeredness of the Russian-British political dialogue in 1919.

Key words: Civil War; foreign intervention; Russian-British relations; White Movement; A.V. Kolchak

Российско-британские отношения в различные исторические периоды представляют интерес для историографии Гражданской войны и иностранной интервенции в России. В первую очередь, в историографии обсуждается степень влияния Великобритании на ход российских событий, особенно ее помощь белогвардейским силам. Не менее важным представлялись проблемы мотивации и целеполагания британской политики вмешательства. Исследователи обращают внимание на динамику российско-британских отношений по периодам или по годам. Наиболее значимым годом, который предопределил двусторонние отношения на многие годы, был 1919 г., когда Гражданская война в России вступила в решающую фазу и позиция Великобритании имела значение для хода внутрироссийского противостояния. Ввиду этого тема российско-британских отношений в 1919 г. вызывала и продолжает вызывать интерес отечественных историков.

В данной статье ставится цель обозначить ключевые работы современных отечественных исследователей по этой теме, а также проанализировать их содержание.

Одним из фундаментальных трудов по теме российско-британских отношений в 1919 г. является работа Н.Е. Быстровой «“Русский вопрос” в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы». В частности, автор рассматривает двойственность британской политики: с одной стороны, Лондон выступал за ослабление большевиков, а с другой – не был готов к масштабному военному вмешательству, опасаясь последствий. Н.Е. Быстрова

подчеркивает, что уже к началу 1919 г. в британских кругах нарастал скептицизм в отношении поддержки Белого движения, особенно А.В. Колчака, чьи действия вызывали неоднозначную реакцию у британской общественности и дипломатов [1, с. 215].

Развитием темы российско-британских отношений являются исследования С.А. Миронюка, который последовательно анализирует британскую политику вмешательства [2; 3; 4; 5; 6]. В его статьях подробно освещены ее этапы и особенности, включая взаимодействие британцев с Временным правительством Севера России и правительством А.В. Колчака. Особый интерес представляет анализ меморандума лорда Дж.Н. Керзона от 20 декабря 1919 г., в котором отражена усталость Лондона от политической нестабильности среди белых правительств и желание стабилизировать Сибирь любыми средствами. Также в работах С.А. Миронюка анализируются мотивы, побудившие британцев проводить политику вмешательства и оказывать поддержку белогвардейским силам в России; конечные результаты интервенции Великобритании; содержание британских официальных документов. Наряду с этим показано влияние Первой мировой войны на внутрироссийскую обстановку в конце 1917 – в начале 1918 гг. Война стала средством подготовки и осуществления британской политики вмешательства в России для предотвращения немецкого контроля над российской территорией, особенно после выхода страны из военного конфликта в марте 1918 г.

С.Н. Ланцев в диссертационном исследовании уделяет внимание внутренним политическим дискуссиям в Великобритании о будущем России. Он показывает, что консервативная партия чаще отстаивала активную интервенцию, в то время как лейбористы и часть либералов требовали прекращения вмешательства и налаживания контактов с Советской Россией. Таким образом, позиция Лондона по отношению к России в 1919 г. не была монолитной, а формировалась под влиянием различных политических и общественных сил [7, с. 89-92].

Е.Ю. Сергеев в серии работ обращается к различным аспектам российско-британских отношений в 1919 г. [8; 9; 10]. Он акцентирует внимание на том, что именно Парижская мирная конференция стала ареной заочного противостояния между Советской Россией и Британией, где последняя стремилась не столько к поддержке белых, сколько к предотвращению экспансии большевизма. В одной из статей Е.Ю. Сергеев отмечает, что в течение 1919 г. британская политика трансформировалась: от активной поддержки антибольшевистских сил к постепенному поиску каналов для переговоров с Москвой.

Своего рода обобщением всей линии британской политики по

отношению к России в этот период является исследование Е.Ю. Сергеева «Форин-офис и НКВД в 1918–1924 гг.: от противостояния к сотрудничеству» [11]. В нем он показывает, что в течение 1919 г. дипломатия Соединенного Королевства прошла путь от военного давления к прагматичному признанию реальностей – Советская Россия, несмотря на международную изоляцию, укреплялась, а Белое движение, напротив, утратило перспективы и потерпело поражение.

Таким образом, современные отечественные исследователи демонстрируют широкий спектр подходов к интерпретации российско-британских отношений в 1919 г. От признания неэффективности политики интервенции и разочарования в Белом движении (Н.Е. Быстрова, С.А. Миронюк) до акцента на внутренних британских дебатах и смене внешнеполитических приоритетов (С.Н. Ланцев, Е.Ю. Сергеев), историография подчеркивает как сложность, так и значимость 1919 г. для понимания последующего международного статуса Советской России. В работах историков подчеркивается существенное влияние британской интервенции на взаимоотношения Великобритании с Советской Россией. В 1919 г. британское вмешательство оказало негативное воздействие на развитие внутрироссийского конфликта и было нацелено на реализацию планов по укреплению влияния Британии на российской территории. Возможности оказания помощи Белому движению Великобританией, как и другими интервентами, сократились из-за «нехватки ресурсов и напряженной социально-экономической обстановки в этих странах» [12, с. 172].

Тема истории российско-британских отношений в годы Гражданской войны и иностранной интервенции остаётся востребованной и актуальной, а дальнейшие исследования способны внести значительный вклад в общую картину истории двусторонних отношений в начале XX в.

Список литературы

1. Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М.: Институт российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2016. 368 с.
2. Миронюк С. А. Британская политика интервенции в России (ноябрь 1917 г. - декабрь 1919 г.) как фактор Гражданской войны // Исторический вестник. 2024. Т. 47. С. 318-381.
3. Миронюк С.А. Изменения в политике предоставления британской помощи белым силам в Сибири и на Юге России в июле 1919 г. и их причины (на основе протокола заседания Военного Кабинета министров от 25 июля 1919 г.) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 11. С. 1-10. DOI 10.25136/2409-868X.2019.11.31244
4. Миронюк С.А. Интервенция в Россию в политических дискуссиях правящих

кругов Великобритании (1917-1919 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, 2021. 200 с.

5. Миронюк С.А. Контроль над Транссибирской железной дорогой как мотив участия Британии в союзной интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири в 1917-1919 гг. и ее роль в этой операции (на основе меморандума Дж.Н. Керзона "Сибирь" от 20 декабря 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 458. С. 153-159. DOI10.17223/15617793/458/19

6. Миронюк С. А. Отношения между верховным правителем России А.В. Колчаком и странами-интервентами в меморандуме Дж.Н. Керзона «Сибирь» (20 декабря 1919 года) // Внешнеполитические интересы России. Самара, 2024. С. 152–156.

7. Ланцев С. Н. Политические дискуссии в Великобритании об англо-русских отношениях в 1914–1920 годах: дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2016. 198 с.

8. Сергеев Е.Ю. Проблемы советско-британских отношений в контексте Парижской мирной конференции, 1919–1920 гг. // Вестник СВГУ. История. 2020. Т. 1. № 1. С. 55–66.

9. Сергеев Е.Ю. От интервенции "по соглашению" к "крестовому походу" против большевиков // Британия: история, культура, образование. Ярославль, 2018. С. 321–327.

10. Сергеев Е. Ю. Проблемы советско-британских отношений в кульминационный период Гражданской войны (1919 г.) // Запад и Восток. Рязань, 2019. С. 281–288.

11. Сергеев Е.Ю. Форин-офис и НКВД в 1918–1924 гг.: от противостояния к сотрудничеству // Исследования зарубежной истории. Самара, 2019. С. 37–51.

12. Оришев, А.Б. История России от XIX до XX века: учебное пособие для вузов / А.Б. Оришев, С.А. Миронюк, А.С. Позднякова, Д.Н. Христенко, М.В. Шерстюк. – Москва: Российский государственный аграрный университет, 2024. – 339 с.

В.Ф. ЗАЛЕСКИЙ И СЛАВЯНСКОЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЯ ОДНОГО КОНФЛИКТА

Автор: Мухин Владимир Игоревич

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Россия (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18), студент 4 курса Института международных отношений, истории и востоковедения, VIgMukhin@yandex.ru

Научный руководитель: Фахрутдинов Раиль Равилович

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Россия (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18), доктор исторических наук, и. о. директора Института международных отношений, истории и востоковедения, fahrutdinov.rail@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается один из малоизученных эпизодов в истории консервативной мысли и правомонархических организаций Казанской губернии начала XX века – взаимодействие профессора Владислава Францевича Залеского со Славянским Вспомогательным обществом. На основе архивных источников и переписки реконструируется история подготовки и издания труда В. Ф. Залеского «Грюнвальдский бой – прообраз единения славян», созданного по заказу общества, а также анализируются идеологические и личные противоречия, сопровождавшие процесс работы над книгой. Особое внимание уделяется мотивации сторон, финансовым аспектам сотрудничества. Автор демонстрирует, что конфликт между Залеским и обществом носил не только личностный, но и концептуальный характер, свидетельствуя о разобщённости внутри консервативного лагеря. Работа подчёркивает значимость региональных правомонархических структур и их лидеров в формировании интеллектуального климата империи. Через призму конкретного случая анализируются более широкие процессы конкуренции и идейного размежевания среди сторонников самодержавия накануне революционных потрясений.

Ключевые слова: В.Ф. Залеский; А.С. Вязигин; Славянское Вспомогательное общество в Москве; правомонархическое движение

V. F. ZALESKI AND THE SLAVIC AUXILIARY SOCIETY: THE STORY OF ONE CONFLICT

Author: Mukhin Vladimir Igorevich

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia (420008, Kazan, Kremlevskaya street, 18), student, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, VIgMukhin@yandex.ru

Scientific supervisor: Fahrutdinov Rail Ravilovich

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan. Russia (420008, Kazan, Kremlevskaya street, 18), Doctor of Historical Sciences, Director of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, fahrutdinov.rail@mail.ru

Abstract. This article examines one of the little-studied episodes in the history of conservative thought and right-wing monarchical organizations in Kazan province at the beginning of the 20th century - the interaction of Professor Vladislav Frantsevich Zaleski with the Slavic Auxiliary Society. Based on archival sources and correspondence, the author reconstructs the history of the preparation and publication of V. F. Zaleski's work "The Battle of Grunwald – the prototype of the Unity of the Slavs", created by order of the society, and analyzes the ideological and personal contradictions that accompanied the process of working on the book. Special attention is paid to the motivation of the parties and the financial aspects of cooperation. The author demonstrates that the conflict between Zaleski and society was not only personal, but also conceptual in nature, indicating disunity within the conservative camp. The work highlights the importance of regional law-monarchical structures and their leaders in shaping the intellectual climate of the empire. Through the prism of a specific case, the broader processes of competition and ideological differentiation among supporters of the autocracy on the eve of revolutionary upheavals are analyzed.

Key words: V. Zaleski; A. Vyazigin; Slavic Auxiliary Society in Moscow; right-monarchist movement

Хронологические рамки существования черносотенных организаций определяются исследователями по-разному. Так, М.Л. Размолодин полагает, что черносотенное движение оформилось «в период первой российской революции 1905-1907 гг.» [1, с. 9], а также характеризует его единым. По мнению же А.Д. Степанова, черносотенное движение обрело зримые рамки в январе 1901 года с момента окончательного утверждения проекта устава «Русского Собрания» [2, с. 10]. В настоящей работе мы придерживаемся второй позиции, поскольку ряд региональных черносотенных организаций возник раньше первой российской революции. К тому же, хотя большинство черносотенцев и считали себя духовными наследниками славянофилов, само движение не было в полном смысле единым. Как минимум потому, что «черносотенцами» принято называть сторонников различных политических движений – не только «Русского Собрания», но и «Монархической партии», «Союза Михаила Архангела» и, конечно же, «Союза русского народа» (стоит отметить, что это лишь самые крупные из означенных организаций). Каждая из них стремилась предложить свой (где-то совпадающий с общим правомонархическим курсом, а где-то приближаясь в плотную к октябристам [3, с. 21]) взгляд на будущее России, выработать собственный метод борьбы с

грядущей русской Смутой. Почти сразу после возникновения Русского Собрания, черносотенное движение начинает распространяться по периферии Империи. Так возникают организации в Харькове (1903 г.), Одессе, Оренбурге, Екатеринославле, Варшаве, Вильно (1904 г.). В декабре 1905 г. принимается решение о создании «первой в Казани и Казанской губернии правомонархической (черносотенной) организации – Казанского отдела “Русского собрания” (КОРС)» [4]. Одним из крупных черносотенцев в среде казанской профессорской интеллигенции, возглавлявшем ряд правомонархических организаций (Царско-Народное Русское Общество, Казанский губернский отдел Союза Русского Народа) был Владислав Францевич Залеский.

Истоки Славянского вспомогательного общества (далее – Общества) в Москве восходят к Славянскому благотворительному комитету, созданному кружком московских славянофилов ещё в середине XIX века. Изначально Славянский благотворительный комитет был создан с целью «благотворения православным» [5, с. 1], организовывал сбор средств для реализации ряда задач: доставление южным славянам «денежных средств на пользу церквей, училищ и других истинно полезных учреждений», доставления пособий, а также помощь молодым славянам, «приезжающим для образования» [5, с. 2-3]. Возникшее как реакция на ситуацию внутри Османской империи (необходимое в этой связи просвещение южных славян, практическое преломление концепции панславистов), уже в конце XIX в. воссозданное Общество своей целевой аудиторией видело славян на территории собственно Российской империи.

Первое письмо, полученное Владиславом Францевичем от правления Общества, датируется 1909 годом. Общество называет своей задачей «распространение славяноведения» [6, лл. 25-26] и обращается к уже известному на тот момент профессору права и истории В.Ф. Залескому с рядом просьб. Среди них – надолго затянувшаяся впоследствии история с изданием объёмного труда, посвящённого Грюнвальдской битве. Стоит отметить, что здесь интересы Общества и научные изыскания В.Ф. Залеского совпали. Общество задаёт тему для написания работы – «Грюнвальдский Бой – прообраз единения славян» [6, лл. 25-26]. Впоследствии под этим названием и выйдет менее чем трёхсотстраничная книга историка. Уже из названия явствует идеологическая направленность работы. Это вполне соответствует потребностям Общества, требующего сочинения «в популярном изложении» [6, л. 27]. Несмотря на стройное изложение фактов, В.Ф. Залеский проводит определённую концепцию «вечного противостояния» западного и славянского миров, характерное для русских консервативных мыслителей. «Та же самая политика, которую вели

маркграфы Биллунг и Геро в X веке, Генрих Лев и Альберт Медведь в XII-м, продолжалась Немецким Орденом в XIII и XIV столетиях» [7, с. 190]. Более того, как отмечает И. Е. Алексеев, работа стала для В.Ф. Залеского местом изложения «своих соображений» относительно польского вопроса на современном этапе в весьма обобщённом виде [8].

Так или иначе, за лучшее сочинение по теме Общество обещает премию в 1000 рублей, а «председатель Общества учреждает вторую премию в 500 рублей лично от себя за второе такое же сочинение». Не имея доступа к ответным письмам В.Ф. Залеского, но по дальнейшей переписке можем проследить, что работа Владислава Францевича была признана второй и удостоена премии в пятьсот рублей. «Совет Славянского Вспомогательного Общества в заседании ... постановил: следующую Вам премию в 500 руб. перевести Вам немедленно».

Следует отметить оживлённую общественную реакцию на присуждение премии. За один только 1910 год Владислав Францевич получил письма с пожеланиями успеха и одобрения работы из Кишинёва, Одессы, Санкт-Петербурга, Харькова, что может свидетельствовать о широком распространении деятельности Общества. К этому можно добавить и тот факт, что Общество намеревалось реализовать 200 тыс. экземпляров работы В.Ф. Залеского. Впрочем, дальнейший ход писем показывает, что на этом пути всё было не так радужно. В письме от 22 ноября 1910 года Общество выражает неудовольствие несоблюдением условий участия в конкурсе: «...Вы не считаясь с принятием Вами опубликованных условий о конкурсе и воспользовавшись уже в Марте полученною в 500 руб. премиею, считаете себя вправе определить крайний срок ..., которым Вы себя ограничиваете издать брошюру Вашу лично от себя ... *ранее выпуска издания Советом* (подчёркнуто в источнике – прим.)».

В этом конфликте была ещё одна заинтересованная сторона. По дальнейшему ходу документов обнаруживаем письмо А.С. Вязигина, который отговаривает В.Ф. Залеского посылать Обществу тысячу экземпляров. А.С. Вязигин находит условия, оговоренные Обществом, «безусловно неприемлемыми» и заявляет, что в случае, если бы рукопись оказалась у него «в Марте-Апр[ел]е – она была бы уже напечатана». А.С. Вязигин просит поторопиться и скорее определить дальнейшие шаги, поскольку в ином случае начнёт «печатание других произведений, и в М. Труде не будет свободного места для обширной Вашей работы». На наш взгляд, играя на противоречиях, А.С. Вязигин хочет принять участие в издании работы, к тому моменту уже растиражированной и ставшей популярной среди монархистов-интеллектуалов Империи. Так или иначе, он соглашается выделить Обществу 300 экземпляров (оплату набора за них он берёт на себя, оставляя на

Общество лишь «печатание, бумагу и брошюровку», что, по его словам, составляет основную растрату.

Преппирательства между историком и Обществом достигли компромисса только в июне 1911 года, когда Общество согласилось на издание В.Ф. Залеским труда на его условиях с последующей продажей нескольких экземпляров в библиотеку Общества по заранее оговоренной цене. При этом, правление оговаривает необходимость размещения на обложке указаний о премировании работы Обществом. Стоит отметить, что цена также варьировалась. Если в июне речь идёт о тысяче экземпляров за сто двадцать рублей в целом, то в дальнейшем встал вопрос относительно цены одного экземпляра. Из писем от октября 1911 года удаётся установить, что В.Ф. Залеский запросил цену в 3 рубля за один экземпляр, на что Общество, жалуясь на дороговизну, запрашивает цену не менее полутора рублей, и только в таком случае соглашается закупить десять экземпляров, хотя изначально, в июне, речь шла о двадцати экземплярах. Впрочем, о дальнейшей судьбе книги, исходя из переписки, мы свидетельствовать не можем. Известно, что она была издана в 1911 году в Казани в электрической типографии Л.П. Антонова, было ли дано согласие А.С. Вязигину на публикацию – установить непонятно. Но единственное, что мы можем с определённой долей вероятности свидетельствовать: конфликт вокруг издания работы В.Ф. Залеского явился единственной формой взаимодействия между Обществом и историком, поскольку в дальнейшем, в переписке за 1912-1914 гг. никаких писем от Общества не содержится.

Окончательных выводов относительно случившегося между Обществом и В.Ф. Залеским конфликта мы вывести не можем, но интересным является участие в нём А.С. Вязигина, которому историк, по-видимому, хорошо доверял, обсуждая с ним тонкости издания работы (к слову, это единственное письмо, направленное к В.Ф. Залескому с обсуждением формальной стороны работы, все прочие – хвалебные, а также просьбы прислать рукописи для ознакомления). Невозможность раскрыть взаимоотношения Общества и черносотенных организаций (в частности, Союза русского народа, председателем регионального отделения которого был В.Ф. Залеский) является серьёзным ограничением работы, поскольку этот фактор, на наш взгляд, может пролить свет на отказ В.Ф. Залеского от сотрудничества с Обществом.

Раскрыв эту деталь, нам представляется возможным описать целостную картину взаимодействия между консервативными обществами Москвы и правыми организациями национальных окраин накануне революционных потрясений. Правомонархические общества зачастую конкурировали между собой (иногда может показаться, что активнее революционных или

либеральных движений), исходя из общего политического дискурса и разностороннего взгляда на Русскую Идею.

Потому, окончательно ставить точку в вопросе о том, было ли решение В.Ф. Залеского мотивировано исключительно практическими финансовыми соображениями или же знаменует собой серьёзный раскол в среде консервативных интеллектуалов начала XX века, мы не решаемся.

Список литературы

1. Размолодин М.Л. Русский вопрос в идеологии чёрной сотни. 2-е, доп. и перераб. изд. Ярославль: Ньюанс, 2013. 480 с.
2. Степанов А.Д. Чёрная сотня: взгляд через столетие. СПб.: Царское дело, 2000. 136с.
3. Степанов С.А. Чёрная сотня. Что они сделали для величия России. Москва: Яуза-пресс, 2013. 672 с.
4. Алексеев И.Е. «Не прикасайся к помазанным Моим». Священник Владимир Иванович Веселицкий (1862 – 1919) и Богородский отдел «Казанского Общества Трезвости» // Русская народная линия. [Электронный ресурс]: Режим доступа: https://ruskline.ru/analitika/2013/09/24/ne_prikasajsya_k_pomazannym_moim/ (дата обращения: 29.04.2025).
5. Краткий отчет о десятилетней деятельности (1858-1868) Славянского благотворительного комитета в Москве: сост. Н. А. Поповым. М.: Университетская тип., 1868 28 с.
6. Отдел редких рукописей и книг при Научной библиотеке Казанского федерального университета (ОРРК при НБ КФУ). Ед. хр. 2583. Переписка В. Ф. Залеского с 1867 по 1914 г. 148 л.
7. Залеский В.Ф. Грюнвальдский бой прообраз единения славян: (к тысячелетию борьбы славян с немцами). Казань: 1911. 276 с.
8. Алексеев И.Е. «Чьим бы то ни было слугою я никогда не был...». Жизнь и судьба профессора В.Ф. Залеского. // Русская народная линия. [Электронный ресурс]: Режим доступа: https://ruskline.ru/analitika/2005/06/25/ch_im_by_to_ni_bylo_slugoyu_ya_nikogda_ne_byl/ (дата обращения: 31.04.2025).

НЕСЛАВЯНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫЧЕСТВЕ

Автор: Нечаева Алина Петровна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса факультета зоотехнии и биологии, XDeer885@yandex.ru

Научный руководитель: Гончарук Елена Игоревна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, efedyun@yandex.ru

Аннотация. Язычество является важной частью истории многих народов. Понимание его традиций, верований и обрядов помогает сохранить культурное наследие, дать ответы на вопросы о мировоззрении людей прошлого и осознать корни современных культур. Языческие практики могут помочь понять, как люди в прошлом воспринимали мир и с точки зрения космогонических установок. Любая религия играет важнейшую роль в историческом процессе и обуславливает ход многих политических и социальных явлений. Язычество стало важным двигателем этногенеза на территории Древнерусского государства. Кроме того, в последние десятилетия наблюдается возрождение интереса к язычеству, что связано с поиском у людей своей идентичности и личной духовности. В данной работе мы постараемся выявить объективное влияние инородных культур на развитие язычества на Руси, а также его масштабы, характер и специфику.

Ключевые слова: язычество; мифология; влияние; неславянские элементы

NON-SLAVIC ELEMENTS IN ANCIENT RUSSIAN PAGANISM

Author: Nechaeva Alina Petrovna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), 1st year student at the Faculty of Animal Science and Biology, XDeer885@yandex.ru

Scientific supervisor: Goncharuk Elena Igorevna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), Candidat of Historical Sciences, Assistant Professor of the Department of History, efedyun@yandex.ru

Abstract. Paganism is an important part of the history of many nations. Understanding its traditions, beliefs, and rituals helps preserve its cultural heritage, provide answers to questions about the worldview of people of the past, and understand the

roots of modern cultures. Pagan practices can help to understand how people in the past perceived the world from the point of view of cosmogonic attitudes. Any religion plays a crucial role in the historical process and determines the course of many political and social phenomena. Paganism became an important engine of ethnogenesis in the territory of the Ancient Russian state. In addition, in recent decades there has been a resurgence of interest in paganism, which is associated with people's search for their identity and personal spirituality. In this paper, we will try to identify the objective influence of foreign cultures on the development of paganism in Russia, as well as its scale, nature and specifics.

Keywords: paganism; mythology; influence; non-Slavic elements

Из-за вторжений скифов и готов на протяжении тысячелетий славяне ограничены были пространством между Днестром и Вислой. Помимо частых нападений гуннов (с IV века до н.э.), болгарских и аварских орд, славянские племена сумели не только сохраниться в очагах Центральной Европы, но и расширить свои земли. Первые упоминания об этнониме "склавины" относятся к VI веку; раскопки свидетельствуют о богатом материальном культуре славян на территории России и Прибалтики [1]. Предположения об исконной религии основываются лишь на поздних источниках, отражающих трансформацию в христианскую эпоху. Несмотря на это, удалось реконструировать черты культа древнеславянских богов: Перун занимал центральное место во всех пантеонах. Его имя индоевропейского происхождения (от корня "перк" - "рассекать", "ударять") и ассоциировалось с грозой, молнией (польск. "piorun") [2]. Перун схож с балтским Перкунасом: рыжебородым воином с топором или молотом, защищающим людей от злых духов. Взаимосвязь славянского бога и германского Тора подчеркивает общность корневых основ. Дуб – священное дерево для Перуна, как и у многих дохристианских громовержцев Европы [3]. Византийский историк Прокопий упоминал жертвоприношения с участием животных: петухов в повседневности и крупных животных (быков, медведей) на празднествах [4]. После массового распространения на территории Руси христианской веры образ Перуна не был утрачен или забыт: в новом фольклоре он трансформировался в святого Илью – белобородого старца с огненной колесницей. Этот символический переход от языческого к христианскому вероисповеданию стал ярким примером культурного преобразования славянских народов.

Верховный покровитель рогатого скота Волос, почитаемый как Велес у древних славян, отражается в образе литовского Велниаса — воплощения тени смерти ("веле"), а также связан с кельтской прорицательницей Веледой. Этот божественный облик восходит к общему индоевропейскому пантеону и параллелен древнеиндийскому Варуне. В контексте славянских мифов имя Хорса тесно переплетено с персидским Хурсидом — солнечным божеством, а Симаргл - славянский бог первородного огня и плодородия - как отмечает

русский историк Якобсон, имеет глубокие иранские корни в образе грифоноподобного Сэмура. В мифах индоевропейских народов нередко встречаются многоголовые существа: галльский триглавный божественный страж или фракийский дву- и трехголовый "всадник". Эти образы перекликаются с финно-угорскими мифами, где также присутствует символизм поликефалии — способности многоголового бога к всеведению. Западные славяне почитали Триглава (Свентовита и Руевита) как солнечное божество, а у восточных славян Хорес и Дажьбог также были небесными покровителями Солнца [5]. Особое место в пантеоне занимает Сварог — отец Дажьбога (или Сварожич), почитаемый как верховное божество. Вера в огонь, будь то священный или домашний, связывалась с его сыном и небесным происхождением

Таким образом, можно отметить определённые сходства между язычеством славян и других индоевропейских народностей. Многие духовные практики, божественные сущности были заимствованы или переосмыслены славянскими общностями в процессе своего расселения.

В процессе миграций и культурных взаимодействий многие божества претерпели адаптацию или заимствование, особенно заметное в контактах с финно-угорскими культурами. Общие черты культа, архитектурные сооружения и многоголовые образы духов свидетельствуют о глубоких исторических связях между этими народами, уходящих корнями к общему индоевропейскому наследию [6].

Две культуры демонстрируют схожий архитектурный принцип площадок с капищами: их центры занимали идолы, а периметр обносился ямами-жертвенниками. От финно-угров славяне переняли практику использование культовых камней — распространенных на просторах Северной и Восточной Европы от Финляндии до славянских земель. В жертвоприношениях обе культуры придерживались схожих предпочтений, включая ритуальное применение лошадей. Также культ коня, как наследие древних индоевропейцев, особенно почитался у восточных славян, что нашло отражение в изготовлении различных амулетов и оберегов с изображением коня, а также присутствие его в сюжетах на традиционной русской вышивке. Славяне сохранили нетипичную для индоевропейцев традицию вторичного захоронения: спустя годы после первоначального погребения кости извлекались, очищались и оборачивались в особую ткань (убрус). Эти останки помещали в красный угол дома рядом с образами святых. Контакт черепа с убрусом наделял его магическим значением; достаточно было хранить лишь несколько костей, что напоминает аналогичные обряды Азии и Африки, а также присутствует среди финнов.

Связь языческих традиций прослеживается в северных славянских узорах: характерная вышивка с оленями украшает полотенца, рубахи и головные уборы. Олени или лоси с мощными рогами обрамляют стилизованную женскую фигуру — антропоморфного существа с раскинутыми роговидными "волосами" на голове; руки подняты вверх, а нижняя часть тела изображается зигзагообразно. Рога часто располагаются ниже уровня рук, акцентируя человеческую сущность и подчиняющую роль женского начала по отношению к оленьему или лосиному образу.

Особенности древнерусского язычества до Крещения Руси князем Владимиром выделяют его среди прочих верований того времени. Особенное внимание привлекает культ ящера, известного как «коркодел», занимавшего центральное место в религиозной системе. Считается владыкой подводных и подземных миров, этот культ мало увязывался с земледельческим мировоззрением южных лесостепей славянских племён; скорее он гармонировал с архаичными верованиями северных народов, где были важны рыболовство и охота. В зоне смешанного ландшафта обнаружены фибулы VI-VII веков с изображениями ящероголовых символов — отображением нижней ступени мироздания. На севере же образ ящера остается устойчивым и широко распространенным, что может быть обусловлено влиянием финно-угорских народов со своими архаичными традициями [7].

В контексте сказочного фольклора выделяется роль зайца как ключевого персонажа в историях о смерти Кощея. Согласно сюжету, именно заяц становится переносчиком смертельной угрозы для бессмертного злодея: на таинственном острове дуб с сундуком хранит его смерть, которую должен унести быстроногий герой. В некоторых версиях сюжета в зайце оказывается утка, а внутри неё — источник гибели Кощея. Эти вариации могут быть следствием финно-угорского культурного влияния: для этих народов утка имеет глубокое мифологическое значение как символ сотворения мира и божественного начала (гоголь) [8]. На древнем киевском колте XII века именно белый гоголь, олицетворяющий первозданный миропорядок с его черной головой на фоне белоснежного оперенья, занимает центральное место. В символике Владимиро-Суздальской школы часто встречаются мотивы замены ростков семенами в четырехчастных композициях — отражение стремления к первозданной простоте и чистоте мира. Этот уникальный подход сохраняет глубину исследовательского анализа, привнося свежесть изложения.

Неславянские элементы язычества в Древней Руси являются неотъемлемой, интересной и многогранной частью культурной и религиозной жизни людей прошлого. Влияние других народов и их культур на славянское язычество можно проследить через несколько ключевых аспектов. Древняя

Русь находилась на пересечении различных культур, включая финно-угорские, балтские и скандинавские. Эти народы имели свои собственные мифологии и обряды, которые могли влиять на славянские верования. Археологические раскопки показывают наличие предметов и символов, не связанных напрямую со славянской культурой, что также подтверждает влияние других народов. В целом, неславянские элементы язычества в Древней Руси иллюстрируют сложное взаимодействие между различными культурами и традициями, что способствовало формированию богатого и разнообразного религиозного ландшафта региона [9].

Наибольшее культурное воздействие на славян оказывали финно-угры, которые соприкасались со славянами почти на всей периферии их расселения [10]. Оба народа придавали значение культуре предков и ритуалам, связанным с почитанием умерших. Это выражалось в различных обрядах, связанных с поминовением и жертвоприношениями. Кроме того, они имеют многие общие фундаментальные черты в восприятии мира и взаимодействии человека с природой. Однако влияние скандинавской мифологии также имело важное значение для развития славянского язычества. Также многие мифы разных народов имеют сходства, так как имеют общие корни в рамках индоевропейской языковой семьи и восходят к единой языческой концепции праиндоевропейцев. Не малым было и воздействие прочих индоевропейских народов и их культур, послуживших источником для многих заимствований.

Список литературы

1. История России от древности до конца XVIII века: учебное пособие для вузов / Гончарук Е.И., И.А. Миролюбов, С.А. Миронюк, В.Т. Сакаев, М.В. Шерстюк; под ред. А.Б. Оришева. – Москва: Российский государственный аграрный университет, 2024. – 284 с. ISBN: 978-5-9675-2038-9
2. Рыбаков, Борис Александрович. Язычество древних славян. М.: Акад. проект, 2013. 638 с.
3. В. В. Иванов, В. Н. Топоров; «Исследования в области славянских древностей». АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М.: Наука, 1974. 342 с.
4. Голубкова О.В. Душа и природа: Этнокультурные традиции славян и финно-угров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 304 с.
5. Рыбаков, Б. А. Язычество древней Руси / Б. А. Рыбаков; АН СССР, Отд-ние истории, Ин-т археологии. - Москва: Наука, 1987. 782 с.
6. Шерстюк, М.В. История средневековой Руси. Часть 1: учебное пособие для вузов / М.В. Шерстюк. – Москва: Издательские решения, 2021. – 80 с.
7. Элиаде Мирча. История веры и религиозных идей [Текст]: [трилогия] / Мирча Элиаде; [пер. с фр. Н. Б. Абалаковой и др.]. - 3-е изд. - Москва: Акад. проект, 2014. 412 с.
8. Иванов, В.В. Исследования в области славянских древностей: Лексич. и фразеол. вопросы реконструкции текстов

9. Голубкова, О.В. Мифология как зона контакта: славянские и финно-угорские параллели // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – № 3. С. 329–331.

ЛЕВ ТИХОМИРОВ: ОТ РЕВОЛЮЦИОНЕРА К МОНАРХИСТУ

Автор: Никифорова Карина Михайловна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса института зоотехнии и биологии, karinochka.n@gmail.com

Научный руководитель: Оришев Александр Борисович

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории, Orishev71@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена жизни и деятельности Льва Александровича Тихомирова (1852–1923), русского публициста, революционера и теоретика монархизма. Рассматриваются ключевые этапы его биографии: детство на Кавказе, формирование характера в семье и гимназии, участие в революционном движении, эмиграция, переход к монархическим взглядам и последние годы жизни. Особое внимание уделено причинам, побудившим Тихомирова стать революционером, его роли в «Народной воле», обстоятельствам отказа от радикальных идей и возвращению в Россию. Научный результат: эволюция взглядов Тихомирова отражает духовный поиск русской интеллигенции XIX века, стремившейся к социальной справедливости, но осознавшей необходимость стабильности и порядка.

Ключевые слова: Лев Тихомиров; революция; монархизм; Народная воля; русская интеллигенция; пропаганда; эмиграция

LEV TIKHOMIROV: FROM REVOLUTION TO MONARCHY

Author: Nikiforova Karina Mikhailovna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), 1st year student at the Institute of Zootechnics and Biology, karinochka.n@gmail.com

Scientific supervisor: OrishevAleksandrBorisovich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, Orishev71@mail.ru

Abstract. The article examines the life and activities of Lev Alexandrovich Tikhomirov (1852–1923), a Russian publicist, revolutionary, and theorist of monarchism. It explores the key stages of his biography: childhood in the Caucasus, character formation in family and gymnasium, participation in the revolutionary movement, emigration, transition to monarchist views, and final years. Special attention is paid to the reasons that prompted Tikhomirov to become a revolutionary, his role in

NarodnayaVolya, the circumstances of his rejection of radical ideas, and his return to Russia. The main scientific result: Tikhomirov's evolution of views reflects the spiritual search of the 19th-century Russian intelligentsia, striving for social justice but recognizing the need for stability and order.

Keywords: Lev Tikhomirov, revolution, monarchism, NarodnayaVolya, Russian intelligentsia, propaganda, emigration

Лев Александрович Тихомиров (1852–1923) – одна из самых противоречивых фигур русской истории, чья жизнь отражает сложный путь русской интеллигенции XIX века от революционного радикализма к консервативным монархическим убеждениям. Его биография, охватывающая вторую половину XIX – начало XX века, представляет собой уникальный пример трансформации мировоззрения, обусловленной личными переживаниями, общественными потрясениями и духовным поиском. Настоящая статья анализирует ключевые этапы жизни Тихомирова, причины его участия в революционном движении, обстоятельства эмиграции, отказ от радикальных идей и последующую деятельность в России, опираясь на научные источники.

Семья и детство на Кавказе. Лев Александрович Тихомиров родился 19 января 1852 года в Геленджике в семье военного врача Александра Александровича Тихомирова и Христины Николаевны Каратаевой. Семья принадлежала к дворянскому сословию и воспитывала детей в духе религиозности, чести и стремления к образованию. Отец, родившийся в 1818 году в Тульской губернии, окончил Московскую медицинскую академию с золотой медалью и служил на Кавказе, где прошли ранние годы Льва. Мать, родившаяся в 1829 году в Бессарабии, была глубоко верующей, соблюдала строгие посты и прививала детям нравственные ценности, что оказало значительное влияние на формирование личности Льва. Семья Тихомировых жила дружно, переживала невзгоды вместе и стремилась дать детям лучшее воспитание. У Льва были старший брат Владимир и младшая сестра Мария, родившаяся в 1853 году. В раннем детстве Лев был болезненным, страдал от сильных головных болей, которые удалось вылечить благодаря медицинским познаниям отца. Первые годы жизни семья провела в военном гарнизоне Геленджика, окруженном враждебными черкесскими племенами, что создавало напряженную обстановку. В 1853 году, с началом Крымской войны, семья эвакуировалась в Керчь, где жила в семье А.П. Савицкого. Из-за эпидемии холеры и беспокойной обстановки они совершили ряд переездов и в итоге переехали в немецкую колонию Грунау, где жизнь была дешевле и стабильнее. В 1856 году Александр Тихомиров был переведен в Ейский военный госпиталь, и семья воссоединилась, начав спокойную жизнь. Именно в этот период у Льва начали формироваться основы характера: отец

воспитывал детей без физических наказаний, прививая чувство чести, а мать учила религиозным принципам. С семи лет Лев обучался письму, арифметике, грамматике и естественным наукам, для чего отец выписал обширную библиотеку [1].

Гимназия и интеллектуальное становление. В 1864 году, после переезда семьи в Новороссийск, Лев поступил в гимназию в Керчи, сразу во второй класс, что свидетельствовало о его высоком уровне подготовки. Живя под опекой родственников Савицких, он впервые столкнулся с самостоятельностью, что усилило его чувство одиночества. В гимназии Лев преобразился из скромного подростка в уверенного юношу, во многом под влиянием идей публициста Дмитрия Писарева, чьи статьи о необходимости прогрессивных реформ он начал читать в третьем классе. Эти идеи подорвали религиозные и патриотические ценности, привитые семьей, и заложили основу для его будущей революционной деятельности. Писарев, как отмечает историк А.В. Репников, оказал значительное влияние на молодую интеллигенцию 1860-х годов, подталкивая ее к радикальным идеям. Несмотря на трудности с изучением иностранных языков из-за слабой подготовки преподавателей, Лев учился блестяще и в 1870 году окончил гимназию с золотой медалью, что открыло ему путь в Московский университет. Первоначально он планировал поступить на медицинский факультет, но, узнав о необходимости сдавать латынь, перевелся на юридический, где уже учился его брат Владимир [1].

Революционная деятельность и арест. В университете Тихомиров столкнулся с духовной пустотой: его однокурсники не разделяли его интереса к философии и религии, обсуждая преимущественно политические вопросы. Это подтолкнуло его к сближению с радикальными студенческими кружками. В 1871 году он вступил в кружок «чайковцев», целью которого было распространение революционной литературы и создание новых пропагандистских групп. Их задачи включали выпуск книг, их продажу по низким ценам и привлечение новых сторонников. Как отмечает О.В. Будницкий, кружки, подобные «чайковцам», были частью широкого революционного движения 1870-х годов, стремившегося к социальной справедливости через пропаганду. В 1873 году Тихомиров переехал в Санкт-Петербург для совершенствования пропагандистской работы, но 12 октября того же года был арестован на квартире товарища Сергея Синегуба и помещен в Петропавловскую крепость как опасный государственный преступник. Четыре года одиночного заключения (1873–1877) стали тяжелым испытанием: отсутствие книг и возможности писать усиливали тоску и доводили его до грани отчаяния. Общение с другими узниками через самодельный алфавит помогало сохранять рассудок. В крепости у

Тихомирова завязались романтические отношения с Софьей Перовской, которая представлялась его невестой для свиданий. Эти встречи, проходившие без надзора, стали для него психологической поддержкой, хотя их отношения не переросли в брак из-за феминистских убеждений Перовской, считавшей Тихомирова слишком мягким. В октябре 1877 года суд оправдал Тихомирова, но годы заключения подорвали его здоровье: друзья прозвали его «стариком», хотя ему было всего 26 лет [1; 2].

«Народная воля» и эмиграция. После освобождения Тихомиров находился под надзором отца, но попытка восстановиться в университете провалилась: ректор сослался на неуплату, хотя истинной причиной была его революционная репутация. Получив письмо от Перовской с предложением вернуться к революционной деятельности, он в октябре 1878 года уехал в Санкт-Петербург и вступил в организацию «Земля и воля», где начал писать пропагандистские статьи. В 1879 году, после раскола «Земли и воли» на «Народную волю» и «Черный передел», Тихомиров присоединился к «Народной воле» и стал ее главным теоретиком. Он участвовал в собрании в Липецке, где обсуждалось цареубийство, но сам в террористических актах не участвовал, сосредоточившись на пропаганде. В 1880 году Тихомиров женился на Екатерине Сергеевой, энергичной и честолубивой женщине, которая стала для него опорой. В браке родились четверо детей: сыновья Николай и Александр и дочери Надежда и Вера. После убийства Александра II в 1881 году, организованного «Народной волей», Тихомиров, не участвовавший в теракте, но считавшийся полицией одним из организаторов, был вынужден бежать. В январе 1882 года он с женой уехал в Нижний Новгород, затем в Казань, а оттуда эмигрировал в Швейцарию, оставив дочь Веру на попечении родителей. В Женеве Екатерина родила сына Александра, а в 1883 году семья переехала в Париж, где Тихомиров издавал журнал «Вестник Народной воли» вместе с революционером Лавровым, опубликовав около 600 статей за три года. Жизнь в эмиграции была тяжелой: семья жила в нищете, а в 1884 году Тихомиров лишился основного дохода, когда полиция перехватила человека, везшего ему деньги из России. В 1886 году его сын Александр заболел менингитом, что усугубило психологическое состояние Тихомирова. Переезд в деревню в 1886 году стал переломным: простая жизнь вдали от городской суеты и политической борьбы помогла ему пересмотреть свои взгляды, осознав бессмысленность революционной деятельности. Как отмечает М.В. Нечкина, эмиграция часто становилась временем переосмысления для революционеров, столкнувшихся с трудностями жизни за границей [1; 3; 4].

Отказ от революции и возвращение в Россию. В 1888 году Тихомиров опубликовал брошюру «Почему я перестал быть революционером»,

объясняющую его отказ от революционной деятельности, и подал прошение о помиловании, в котором выразил сожаление о своей причастности к революционному движению и отрицал участие в убийстве Александра II. Прощение было удовлетворено, и 20 января 1889 года он с семьей вернулся в Россию. По возвращении Тихомиров посетил Петропавловский собор, чтобы почтить память убитого императора, что символизировало его разрыв с революционным прошлым. Он начал работать в «Московских ведомостях» и пытался создать тайный кружок для реформирования монархии вместе с философом Константином Леонтьевым, но из-за недоверия окружающих эта инициатива провалилась. В 1909–1913 годах он возглавлял газету, но показал себя слабым руководителем. В 1917 году Тихомиров поддержал Временное правительство, считая власть Николая II слабой, а позже примкнул к советской системе, хотя отошел от активной политической деятельности. Последние годы он провел в Сергиевом Посаде, где занимался религиозно-философскими трудами, анализируя историю человечества. Его последняя статья, написанная в 1920 году, осталась неопубликованной. Лев Тихомиров умер 16 октября 1923 года в возрасте 71 года. Место его захоронения неизвестно, и о судьбе его близких известно мало: дочери Вера и Надежда и жена Екатерина жили в Сергиевом Посаде, сын Николай, предположительно, был расстрелян в 1920-х годах. Историк В.А. Козлов подчеркивает, что переход Тихомирова к монархизму был частью общей тенденции среди части русской интеллигенции, разочаровавшейся в революционных идеалах [1; 4; 5; 6; 7].

Жизнь Льва Тихомирова – это история духовного поиска, характерного для русской интеллигенции XIX века. Его путь от революционера, вдохновленного идеями справедливости, к монархисту, осознавшему необходимость порядка, был обусловлен личными разочарованиями, одиночеством и трагическими событиями. Тихомиров никогда не поддерживал насилие, о чем свидетельствует его отказ от участия в терактах и искреннее сожаление о последствиях революционной деятельности, выраженное в посещении собора для молитвы за Александра II. Его биография подчеркивает сложность выбора между радикальными идеалами и прагматичным стремлением к стабильности, что делает его фигуру актуальной для изучения истории русской мысли. Эволюция взглядов Тихомирова отражает не только личную драму, но и широчайший спектр идей, волновавших русское общество в эпоху социальных потрясений. Как отмечает М.Б. Смолин, случай Тихомирова иллюстрирует внутренние противоречия интеллигенции, стремившейся к справедливости, но столкнувшейся с ограничениями радикальных методов.

Список литературы

1. Гребёнкин, И.Н. "Две жизни Льва Тихомирова" Александра Репникова и Олега Милевского / И.Н. Гребёнкин, В.В. Зверев, А.А. Иванов, Г.С. Кан, В.М. Шевырин, М.В. Шерстюк // Российская история. 2013. – № 1. – С. 155-179.
2. Пыхарев Ф.Г. Идеиная эволюция Льва Тихомирова (1852-1923) в оценках его бывших соратников – социалистов / Вестник московского университета. серия 8: история. 2012. – №6. – С. 37-46.
3. Тимохова, Е.А. Историческая концепция Л.А. Тихомирова / Поволжский вестник науки. 2021. – № 3 (21). – С. 28-32.
4. Милевский О.А. Л.А. Тихомиров: от революционности к монархизму: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. - Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, 1996 – 244 с.
5. Шерстюк М.В. Л.А. Тихомиров: обретение религиозного мировоззрения: автореф... дис. кан. ист. наук. – М.: 2010. – 32 с.
6. Тихомиров Л.А. Христианство и политика. – М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1999. – 616 с.
7. Шерстюк М.В. Одиночество Льва Тихомирова: автореф... дис. кан. ист. наук. – М.: 2010. – 32 с.

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ УСТРОЙСТВЕ МИРА

Автор: Никонова Оксана Леонидовна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студентка I курса факультета зоотехнии и биологии, onikonova349@gmail.com

Научный руководитель: Оришев Александр Борисович

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории, Orishev71@mail.ru

Аннотация. Сведения о древних славянских легендах представлены в искаженном виде либо сохранились лишь частично. Основной причиной этого служит скудность доступных документов, доживших до наших дней. До принятия христианства традиции славянских народов распространялись преимущественно посредством устного предания от одного поколения к другому, претерпевая изменения и приспосабливаясь к изменяющимся условиям. Обнаруженные артефакты, ритуальные объекты и орнаментальные детали позволяют лишь косвенно реконструировать мифологическое восприятие древних народов. Можно утверждать, что присутствует сложное религиозное учение, включающее совокупность божеств, ассоциированных с природой, урожайностью и жизненными циклами. Тем не менее, специфические аспекты данных убеждений интенсивно обсуждаются в рамках академических дебатов и реконструкций.

Ключевые слова: язычество древних славян; пантеон богов; макро и микрокосм

ANCIENT SLAVIC IDEAS ABOUT THE STRUCTURE OF THE WORLD

Author: Nikonova Oksana Leonidovna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), 1st year student at the Faculty of Animal Science and Biology, onikonova349@gmail.com

Scientific Supervisor: Orishev Aleksandr Borisovich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, Orishev71@mail.ru

Abstract. Information about ancient Slavic legends is presented in a distorted form or has been preserved only partially. The main reason for this is the scarcity of available documents that have survived to the present day. Before the adoption of Christianity, the traditions of the Slavic peoples spread mainly through oral tradition from one generation to the next, undergoing changes and adapting to changing conditions. The discovered artifacts, ritual objects and ornamental details allow us to only indirectly reconstruct the mythological perception of ancient peoples. It can be argued that there is a complex religious teaching that includes a set of deities associated with nature, crops and life cycles. Nevertheless, the specific aspects of these beliefs are intensively discussed in the framework of academic debates and reconstructions.

Keywords: paganism of the ancient Slavs; pantheon of gods; macro and microcosm

Древнеславянские предания окутаны завесой тайны, являясь фрагментарными и искаженными отголосками богатой, но утерянной культуры. Причины этого кроются в ограниченном количестве письменных источников, сохранившихся до наших дней. В дохристианской Руси, где письменность не получила широкого распространения, знания, верования и мифы передавались из поколения в поколение устно, подвергаясь неизбежным изменениям и адаптациям под влиянием новых исторических реалий. Этот процесс трансформации, продолжавшийся столетиями, привел к тому, что первоначальный смысл многих преданий затуманился, исказился или вовсе утратился.

Археологические раскопки, хотя и предоставляют ценную информацию, позволяют лишь косвенно реконструировать древнеславянское мировоззрение. Обнаруженные предметы культового назначения – идолы, украшения, фрагменты ритуальных сооружений – говорят о существовании сложной системы верований, но не раскрывают ее в полной мере. Узоры на керамике, орнаменты на оружии, символика, выявленная на погребальных принадлежностях – все это представляет собой своего рода зашифрованное послание, расшифровка которого требует огромных усилий и междисциплинарного подхода, объединяющего знания археологов, историков, лингвистов и этнографов.

Понимание древнеславянских представлений об устройстве мира осложняется еще и тем, что принятие христианства в 988 году ознаменовало начало целенаправленного уничтожения или игнорирования языческой культуры. Многие священные тексты были уничтожены, языческие обряды запрещены, а устные предания постепенно забывались, заменяясь христианскими догматами. Этот насильственный переход к новой религии привел к необратимой утрате значительной части духовного наследия наших предков.

В попытке реконструировать картину древнеславянской космогонии, мы вынуждены опираться на разрозненные данные, скрупулезно собирая и анализируя все доступные источники. В этом контексте, работы академика Б.А. Рыбакова, выдающегося исследователя славянской культуры и истории Киевской Руси, являются бесценными. Его труды – «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи», «Язычество древней Руси», «Рождение Руси», «Ремесло древней Руси», «Декоративно-прикладное искусство Руси X-XIII веков», «Первые века русской истории», «Язычество древних славян» – представляют собой фундаментальное исследование, основанное на многолетнем изучении археологических находок, литературных источников и фольклорных материалов. Рыбаков, складывая разрозненные фрагменты мозаики, пытался воссоздать целостную картину древнеславянского мировоззрения, хотя и осознавал неизбежные ограничения и неполноту доступной информации.

Многочисленные версии происхождения мира, сформулированные разными народами в разные эпохи, показывают удивительное разнообразие космогонических мифов. От представлений о мире, возникшем из первоначального хаоса, до мифов о сотворении мира высшим божеством или совокупностью божественных сил – спектр этих мифологических концепций широк и многообразен. Древнеславянские космогонические мифы, дошедшие до нас в фрагментарном виде, не являются исключением. Они отражают сложную систему верований, включающую в себя представления о сотворении мира, роли божественных существ, создании человека и его месте в космическом порядке.

Понимание этих представлений требует тщательного анализа всех доступных источников, включая археологические находки, лингвистические данные, этнографические наблюдения и литературные памятники, с учетом неизбежных искажений и утрат, произошедших за многие века. Только многосторонний подход позволит нам приблизиться к более полному и точному воспроизведению древнеславянских взглядов на мир, пониманию их космологии, мифологии и религиозных верований. Несмотря на огромные трудности, связанные с недостатком исторических данных, поиск правды о наших предках и их мировоззрении остается важной и актуальной задачей для современной науки.

Представления древних славян о мире – это завораживающая картина, воссозданная по крупицам из археологических находок, фольклорных преданий и анализа исторических источников. Особое внимание заслуживает их космогония, которая, в отличие от современных научных моделей, была тесно переплетена с повседневной жизнью и верованиями.

Центральное место в этой картине мира занимала Земля – не абстрактное небесное тело, а конкретный, осязаемый мир, пронизанный сакральным смыслом. Для славян Земля была не просто пространством для существования, а живым организмом, обитаемым людьми, животными, растениями. Это была обширная территория, богатая реками, густыми лесами, плодородными полями – источником существования и благополучия.

Образ Земли часто представлялся в виде круга, окруженного водной стихией – океаном, бескрайним и таинственным. Эта модель мира отражает не только географические представления, но и глубоко укоренившиеся мифологические воззрения.

Аграрный характер жизни славянских племен определял особое отношение к земле как источнику пищи и процветания. Центральным божеством, покровительствовавшим плодородию и земледелию, была Макошь – Богиня-мать, сыра земля, культ которой сохранялся на протяжении долгих веков и достиг своего апогея в конце XX века, возродившись как одно из важнейших языческих божеств. Ее образ, олицетворяющий плодородную почву, напоминает о тесной связи человека с природой, о зависимости его благополучия от щедрот земли. В мифах и легендах Макошь нередко предстает как могущественная защитница, покровительница домашнего очага и благополучия.

В отличие от хорошо знакомой земли, представления о море были более расплывчатыми и мифологизированными. Славяне не имели глубокого понимания океанических пространств. Море в их восприятии располагалось на краю земли, окутывая ее таинственной, порой опасной стихией. Оно могло находиться как на севере, где, согласно легендам, располагался хрустальный дворец Кощея Бессмертного на стеклянных горах, так и на юге, в привычной для славян черноморско-азовской акватории, известной как «Русское море». Этот образ моря был тесно связан с мифологическими сюжетами, включая девичье царство сарматов и набеги Змея Горыныча [1, с. 73], символа разрушительных сил природы.

Географическое расположение "Русского моря" – Черноморско-Азовского бассейна – было сравнительно близко к лесостепной зоне прародины славян, в пределах досягаемости – до него можно было добраться за три дня быстрой езды. Среди множества мифов и легенд, связанных с морем, особый интерес представляет волшебный остров Буян – мифическое место, отличающееся от реального острова Березань, использовавшегося русскими торговыми кораблями в X веке для снаряжения и подготовки к дальнейшим путешествиям в Грецию.

Небо, в отличие от земли и моря, также было объектом различных интерпретаций, зависевших от образа жизни и хозяйственной деятельности.

Для охотников палеолита, жизнь которых тесно переплеталась с окружающей природой, мир представлялся плоским, одноярусным, ограниченным непосредственным окружением. Они воспринимали небо как простое пространство над головой, не задумываясь о его масштабах и структуре.

С переходом к земледелию и развитию общественных отношений представления о мире существенно изменились. Небо стало ассоциироваться с высшими силами, богами и небесными явлениями. В славянской мифологии небо часто представало как обиталище богов, место, где происходят важные события и решаются судьбы людей.

Таким образом, представления древних славян о мире были не просто географическими картами, а сложной системой верований, мифов и легенд, тесно связанных с их повседневной жизнью и образом жизни. Это наследие, сохранившееся в фольклоре и археологических находках, позволяет нам глубже понять менталитет и мировоззрение наших предков. Их картина мира – это не просто набор географических фактов, а живой, многогранный, завораживающий мир, обитаемый богами, мифическими существами и людьми, тесно связанными с природой и ее силами.

По мнению Б.А. Рыбакова, земледельцы верили в существование неисчерпаемых запасов небесной влаги. Эта влага могла конденсироваться в облака и выпадать дождем, орошая землю, стимулируя рост посевов и обеспечивая богатый урожай. Отсюда возникла идея о небесном владыке, контролирующем погодные явления, такие как дожди, грозы и молнии.

Солнце играло жизненно важную роль для земледельцев, обеспечивая свет и тепло, необходимые для развития всего живого. Языческие ритуалы были связаны с четырьмя солнечными фазами и двенадцатью месяцами солнечного цикла. В древности, включая русских язычников, преобладало представление о неподвижной Земле и вращающемся вокруг нее Солнце. Часто понятия Солнца и света смешивались. Земледельцы видели в Солнце источник тепла и света, условие для жизни, ассоциируя его с образом "жито". Однако, как отмечал Б.А. Рыбаков, восприятие Солнца и неба было особенным. Солнце считалось источником света и тепла, божеством — Великим Хорсом. Древние верили, что днем Солнце влекли кони, чьи изображения украшали ритуальную и бытовую утварь. В русской этнографии известны ковши и другие предметы с ручками в виде коней, лебедей или уток, несущих на груди знак Солнца, а содержимое сосудов символизировало подземный мировой океан [2, с. 27].

Изучение представлений славян-язычников о подземном и подводном мирах открывает новые интересные грани. Здесь можно найти общие черты с верованиями других народов и отголоски далеких времен, когда моря и озера

покрывали континенты, а природа быстро менялась. Важной частью представлений о подземном мире была концепция подземного океана, куда Солнце уходило на закате, двигалось ночью и появлялось на востоке утром. Ночью Солнце перемещали водоплавающие птицы (утки, лебеди) или подземный ящер, поглощавший Солнце на западе и выпускавший его на востоке. Днем Солнце путешествовало по небу на конях или могучих птицах, таких как лебеди, что отражалось в орнаментах на посуде.

У славян не было единого представления о местоположении потустороннего мира и пути в мир мертвых. Подземный мир был связан с почитанием бога Велеса, имевшего связь с убитым животным (медведем). Велес мог быть как проводником в загробный мир, так и олицетворением мира мертвых. Б.А. Рыбаков описывал древнеславянские представления о загробной жизни [3, с. 82], упоминая душу, связанную с дыханием и дымом. Возможно, обрядовые сожжения тел у древних славян объясняются тем, что люди начали выделять душу как некую материальную субстанцию.

Относительно местонахождения славянского рая, историки склоняются к мысли, что обитель душ усопших располагалась не в подземном мире, а на значительной высоте. Древние славяне верили в перенесение души в рай, называемый Ирий, который, согласно их представлениям, находился в теплых восточных или южных краях.

Языческие знатоки, обладая глубокими знаниями о символике, эффективно отражали невидимые враждебные силы, используя макрокосм как мощный инструмент. Все предметы, связанные с изготовлением тканей (например, вальки, трепала для льна и прялки), украшались защитными символами. Особенно насыщена символикой макрокосма [4, с. 215] была женская одежда. Головные уборы декорировались изображениями солнца и птиц, а декоративные ленты кокошников символизировали дождь. Вышивки на рубахах и юбках содержали символы засеянного поля и земли. Язычники применяли модель мироздания, в которой микрокосм человеческой жизни (дом, одежда, украшения) отражал макрокосм как целостный мир. Б.А. Рыбаков отмечал, что в орнаментах русских изб древние язычники размещали символы солнца, небесных вод и земли в определенной последовательности, отражающей движение солнца. Амулеты [5, с. 9] с изображениями хищных зверей использовались для защиты от зла.

Для древнего земледельца было важно влиять на природу, обращаться к ее силам роста и развития, а также к священным местам: рощам, деревьям, источникам воды и полям. Почитание гор и холмов также было связано с пониманием природы и силами Рода, управляющими ею с небес. До введения государственного культа Перуна [6, с. 12] в Новгороде существовало святилище бога-крокодила. На новгородских гусях часто изображали

жертвоприношения ящеру. С середины I тысячелетия н. э. стали появляться изображения славянского макрокосма, представленные в антропоморфных фибулах из Среднего Поднепровья. Композиция этих изображений состояла из трех ярусов: земного, верхнего и нижнего. В верхнем ярусе изображалась мужская фигура, олицетворяющая Дажьбога [7, с. 21], а в нижнем – двуглавые змеи с зигзагообразными линиями, символизирующие дождь. Дождевые змеи также присутствовали в нижнем ярусе, который заканчивался мордой ящера.

Б.А. Рыбаков полагал, что волхвы стремились показать взаимодействие и единство богов в концепции Архаичного Рода – высшего божества Вселенной, творца вселенной и «отца и матери всех богов». Сварог - бог вселенной [8, с. 8], его сыновья - Сварожичи - солнце и огонь, были источниками света и тепла. Бог солнца Дажьбог даровал блага и считался мифическим предком русских людей, а Перун покровительствовал воинам. Макошь, мать земли и урожая, олицетворяла земное пространство.

В славянской мифологии Лада почиталась как богиня, покровительствующая весеннему пробуждению природы и заключению брачных союзов. Велес, бог земных недр, представлялся владыкой подземного мира, где обретали покой души ушедших предков.

Академик Б. Рыбаков полагал, что танец Василисы Премудрой из известной сказки символизирует расцвет природы, дарующий жизнь рекам и озерам, пробуждающий растительность и возвращающий птиц. Браслеты той эпохи отражали сложную модель мироздания, разделенную на три яруса. Небесный уровень изображал небесные просторы, украшенные четырьмя ликами, напоминающими о верховном божестве, и дождевыми каплями, падающими с небес. Земной уровень представлял сцену молитвы о даровании воды и танец девы, облаченной в одеяние русалки, символизирующий жизненную силу и влагу. Птицы и зайцы, населяющие этот ярус, олицетворяли божества растительного мира. Почвенно-земной уровень демонстрировал переплетение корней растений и потоки почвенной влаги, питающие их и символизирующие жизненную энергию.

На основе проведенного анализа были сделаны следующие выводы:

1. Мироззрение язычников Киевской Руси отличалось сложностью и многогранностью.
2. Мифы и предания являлись не просто вымыслом, а основополагающими элементами культуры, оказавшими глубокое влияние на язык, обряды, традиции, сказки и песни древних славян.
3. Представления славян о воде колебались между образом бескрайнего моря, отражающим мировосприятие жителей Старого Света, и двумя реками, окружающими землю.

4. Существовали кардинальные различия во взглядах охотников и земледельцев на небо, его роль в природе и влияние на человеческую жизнь.
5. Изучение славянских верований о подземном и подводном мирах позволяет пролить свет на малоизученные аспекты их культуры.
6. Древние славяне верили в путешествие души в загробный мир, в частности, в райские кущи, известные как ирий.
7. В ритуалах древних славянских земледельцев ключевое место занимало обращение к Природе и вселенной во всех ее проявлениях.
8. Род и рожаницы почитались как верховные божества, правящие миром, а Сварог был главным славянским богом, олицетворяющим вселенную.
9. Браслеты, носимые древними славянами, демонстрировали целостное представление о макром мире, состоящем из трех уровней.

Список литературы

1. Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.: Изд-во АН СССР, 1963. – с. 73. - 361 с.
2. Шерстюк М.В. История средневековой Руси. Часть 1: учебное пособие для вузов / М.В. Шерстюк. – Москва: Издательские решения, 2021. – 80 с.
3. Рыбаков Б. А. Рождение Руси. М.: АиФ Принт, 2003. – с. 82. - 205 с.
4. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987. – с. 215.- 790 с.
5. Декоративно-прикладное искусство Руси X-XIII веков. Рыбаков Б.А. Ленинград: Аврора. – 1971. – с. 9. - 118 с.
6. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1994. - с 12. - 608с.
7. Рыбаков Б.А. Первые века русской истории. М.: Наука, 1964. – с. 21.- 242 с
8. Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948. – с. 8.- 803с.

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В РУССКИХ СКАЗКАХ

Автор: Орлова Софья Сергеевна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса факультета зоотехнии и биологии, sonyaorlova1409@yandex.ru

Научный руководитель: Оришев Александр Борисович

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории, Orishev71@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья выполнена в рамках исследовательской работы, посвященной женским образам в русских народных сказках. Рассматриваются основные типы женских персонажей. Разбираются и оцениваются их символические роли, история появления и развития. Приводятся факты заимствования сюжетных поведенческих сценариев из обычаев и традиций русского народа. Сопоставляются положительные и отрицательные поступки женских сказочных героинь с общепринятыми ценностями современного мира. Ставится вопрос об актуальности старых сказок для детей сегодня. Главный научный результат: сделан вывод о том, что за многие и многие годы существования народных сказок, точно подмеченные черты человеческой сущности, по большому счету не претерпели значимых существенных изменений. В современном мире, среди своего окружения, мы с легкостью можем найти схожие шаблоны поведения. Читать русские народные сказки современным детям можно и нужно. Они до сих хранят мудрость наших предков и продолжают четко выполнять основную функцию своего создания: учат людей добру и справедливости.

Ключевые слова: женские сказочные образы; русские народные сказки; героини русских сказок.

FEMALE IMAGES IN RUSSIAN FAIRY TALES

Author: Orlova Sofya Sergeevna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49, 1st year student of the Faculty of Animal Science and Biology, sonyaorlova1409@yandex.ru

Scientific supervisor: Orishev Aleksandr Borisovich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, Orishev71@mail.ru

Abstract. This article is made as part of a research paper on female images in Russian folk tales. The main types of female characters are considered. Their symbolic roles, the history of their appearance and development are analyzed and evaluated. The facts of borrowing plot behavioral scenarios from the customs and traditions of the Russian people are presented. The positive and negative actions of female fairy-tale heroines are compared with the generally accepted values of the modern world. The question is raised about the relevance of old fairy tales for children today. The main scientific result: it is concluded that over the many, many years of the existence of folk tales, the precisely noticed features of the human essence, by and large, have not undergone significant changes. In the modern world, among our environment, we can easily find similar patterns of behavior. It is possible and necessary for modern children to read Russian folk tales. They still preserve the wisdom of our ancestors and continue to clearly fulfill the main function of their creation: they teach people goodness and justice.

Key words: female fairy-tale images; Russian folk tales; heroines of Russian fairy tales

В данной статье представлены результаты исследования, посвященного женским образам в русских народных сказках. Сказки знакомы нам с детства и формируют представления о добре и зле. С течением времени сказки помогали людям осмысливать окружающий мир. Русские сказки с их героинями отражают глубинные мифологические и культурные смыслы. Женские персонажи в русских сказках воплощают разнообразные качества, делая сказки увлекательными и глубокими повествованиями о человеческой природе.

В научной работе были использованы труды известного российского филолога и исследователя фольклора, Владимира Яковлевича Проппа, который анализировал основные архетипы женских персонажей в русских сказках. Опубликованная в 1928 году книга "Морфология сказки" представляет собой исследование структуры волшебных сказок на примере ста произведений из сборника Н. Афанасьева "Народные русские сказки". В своей другой работе "Исторические корни волшебной сказки" автор устанавливает связь между народными сказками и ритуалами инициации.

В статье также использованы книги других авторов, историков и фольклористов, занимающихся изучением обсуждаемой темы. В частности, при определении различных типов женских персонажей в сказках была использована книга В.Е. Добровольской "Предметные реалии русской волшебной сказки", которая выделяла положительные и отрицательные образы героинь. Некоторая информация об исторических корнях персонажей

была заимствована из книги Е.М. Мелетинского "Герой волшебной сказки. Происхождение образа". Традиционно исследователи сказок выделяют четыре основных женских архетипа.

Первый тип персонажа представляет собой женщину-жертву, полностью пассивную и безвольную, ожидающую спасителя. Второй тип - дева-воительница, самостоятельная и решительная, равная мужчине во всем, всегда выступающая на первом плане. Третий тип - дева-премудрая, практичная и самостоятельная женщина с сообразительностью и знаниями, помогающая главному герою, но часто остающаяся в тени. Четвертый тип представляют негативные образы: злые родственницы - мачеха, сестра, а также злодейки - баба-яга и колдуньи.

Далее мы рассмотрим поочередно образы персонажей различных типов. Один из таких ярких образов — это «женщина-жертва» или «дева в беде», каким является Елена Прекрасная. Ее образ встречается в сказочном фольклоре в произведениях, таких как «Василий-царевич и Елена Прекрасная», «Вещий сон», «Чудесная рубашка», «Сказка о славном, могучем богатыре Еруслане Лазаревиче». В этих сказках основное внимание уделяется преимущественно внешнему виду героини. Она обладает непревзойденной красотой, привлекательна и желанна для главного героя - Ивана-царевича. Именно ради нее он совершает подвиги, стремясь завоевать ее в качестве главного приза.

Часто героини данного типажа характеризуются "знаками, присущими с рождения" - такими символическими атрибутами, как "солнце на лбу", "луна под косой", "звезды по бокам". Эти выразительные детали выделяют персонажа, делая его выдающимся среди других [1, с. 87]. Наиболее тщательно проработанным художественным образом стала фигура удивительной невесты. Понятие "красивая" не в состоянии передать всего великолепия ее привлекательности, и сказка создает специальную поэтическую формулу "не в сказке сказать, ни пером описать" [2, с. 48]. Следовательно, образ Елены Прекрасной — это поэма о мощи и величии женской красоты. Красивая женщина не обязана активно участвовать в поисках возлюбленного. Такой тип красавицы всегда вдохновляет прекрасных принцев на подвиги в бою.

В отличие от образа "девы в беде", в сказках можно встретить образ "девы-воительницы", которые обладают выдающейся силой, превосходящей мужскую. В некоторых сказках можно увидеть отголоски древних обществ, где женщины-жрицы занимали важные позиции. Гиперболизация физической мощи в сказках касается не только героев, но и героинь, включая образы женщин-богатырш(исполинов). Хотя такие образы встречаются не так часто, они описаны ярко и отчетливо [3, с. 70].

Одной из наиболее символических героинь данного типа является Марья Моревна. Интересно отметить, что Моревна — это не отчество, а матчество, принадлежащее языческой богине смерти по имени Мара. Марья Моревна способна лично превзойти "великое войско" и даже заключить Кощея Бессмертного в темницу. Она сама выбирает себе жениха, сама управляет государством. После свадьбы героиня отправляется на войну, оставляя мужа дома в роли домохозяйки. Таким образом, Марья Моревна становится главой семьи, а Иван-царевич превращается в домашнего хозяина.

Марья Моревна - женщина сильная и властная, способная спасти мир.

Еще один выдающийся образ - "дева-премудрая", которую можно описать как деловую и мудрую женщину, обладающую талантом. Примером такой героини является Василиса Премудрая, которая управляет мужскими персонажами, предоставляет им знания, помощь и опеку, оставаясь при этом на заднем плане. Она символизирует практичную и умную женщину, играющую роль "матери" для главного героя. Большое количество примеров демонстрируют использование женской хитрости и сообразительности.

Например, часто героиня помогает мужчине определить нужный ему объект среди других похожих. Задача обнаружить искомого среди равных возникает не только в шаманской практике, но также в свадебных обрядах и была зафиксирована даже до XIX века по всей Европе [4, с. 344].

У Василисы Премудрой - Прекрасной, хотя она обладает красотой, главное значение придается ее острому уму. Сказка о Царевне-Лягушке может быть отнесена к сказкам с аналогичным женским образом. Царевна-Лягушка в начале использовала свои магические способности, чтобы помочь своему жениху победить в конкурсе "у кого из братьев жена круче".

Иван-Царевич спешил, чтобы не дать заклятию срабатывать, и в итоге пришлось сразиться за свою невесту с опасным врагом - Кощеем Бессмертным. После победы над злом Иван получил свою возлюбленную в идеальном состоянии - освобожденной от чар, уважаемой Царем (отцом Ивана), всё также красивой и мудрой.

Наиболее популярным и хорошо знакомым, но от этого не менее жутким женским сказочным образом можно смело назвать Бабу-Ягу. Она представляет собой символ "женского зла" и является одним из самых известных и устрашающих персонажей. Баба-Яга, стражница границы между живым и мертвым миром, обладает множеством символов и мифов. Её костяная нога, возможно, напоминает о том, что покойников когда-то хоронили ногами к выходу домовины, и если в него заглянуть, можно было увидеть лишь их ноги.

Возможно, такая женщина символически представляла Великую Мать, богиню, которая властвует над животным миром и является предвестницей

потустороннего царства [5, с. 12]. Прототипом Бабы-Яги были ведуньи и знахарки, занимавшиеся лечением людей. Чаще всего они были одинокими женщинами, живущими в лесу, вдали от общества. Многие ученые связывают слово "Яга" с древнерусским термином "язя", что означает "немошь" или "болезнь", постепенно вышедшим из употребления. История о Бабе-Яге, которая поджигает детей в печи на лопате, напоминает обряд "припекания", при котором больных детей с рахитом или атрофией заворачивали в тесто, кладя на деревянную лопату и помещая в печь. После этого ребенка извлекали и тесто отдавали собакам.

В сказках Баба-Яга похищает детей и уносит их в лес, где жарит их и дает полезные советы выжившим, представляя собой символ проведения обряда инициации. С развитием земледелия обряд инициации ушел в прошлое, однако страх перед ним остался, что привело к трансформации образа ведуньи в образ косматой, страшной ведьмы. Также в русских сказках часто встречаются мачехи, которые сжигают со света нелюбимых детей от первого брака. Хотя, казалось бы, в такой ситуации мачеха является абсолютным злом. Однако, это не совсем так.

Волшебные сказки часто основаны на таком явлении, как инициация - ритуале, который символизирует переход подростка в мир взрослых и его вступление в общество. Обычно в этих историях главный герой покидает свой дом, проходит испытания и возвращается уже как совсем другой человек. Даже злая мачеха из сказки "Морозко", отправляя падчерицу в замерший лес, как бы проводит инициацию, позволяя ей вступить во взрослый и непредсказуемый мир [6].

Итак, мачеха является противоположностью материнского образа, но выполняет аналогичные функции. Мать помогает дочери расти и развиваться через любовь и заботу, стимулирует усвоение новых знаний и навыков своим примером, в то время как мачеха достигает тех же целей, но применяя более строгие методы.

Мачеха часто выступает в роли главенствующего материнского начала, демонстрируя неугасаемый материнский инстинкт. Она страстно защищает интересы своих детей, несмотря на их недостатки. Этот образ олицетворяет власть и авторитет в семье, в то время как муж обычно занимает второстепенное место, лишенный собственного мнения и влияния. У него нет даже родственных связей с женой. В обычном сказочном рассказе он со своей дочкой от первой жены, а мачеха — со своей [7, с. 149].

Подводя итог, следует отметить, что в русских сказках можно увидеть совершенно разные образы женщин, отличающиеся как по характеру, поведению, так и по внешности. Несмотря на различия, все они стремятся к одной цели - к своему собственному счастью. Каждая из них прилагает

максимум усилий для достижения этой цели. Для кого-то достаточно просто быть прекрасными и ждать принца, который решит все их проблемы. Другие идут на риск, сражаясь со своими противниками самостоятельно. А некоторые, не обладая ни физической силой, ни привлекательностью, прибегают к хитрости и изворотливости, чтобы добиться своих целей и превзойти конкурентов.

Очевидно, что за многие годы существования народных сказок, основные черты человеческой сущности, по большому счету не претерпели значимых изменений. В современном мире, среди своего окружения, мы с легкостью можем найти схожие шаблоны поведения.

Таким образом можно сделать вывод: современным детям необходимо читать русские народные сказки, ведь в них до сих хранится мудрость наших предков и учение о добре и справедливости. Большинство элементов сказки восходит к той или иной архаической бытовой, культурной, религиозной или иной действительности, которая должна привлекаться для сравнения [8, с. 88].

Сказка - проводник человека в вымышленный мир фантазий. Но при этом этот мир такой знакомый и любимый, такой простой и понятный. Там точно ясно кто друг, а кто враг, и как отличить добро от зла. И самое главное, что зло всегда будет побеждено.

Список литературы

1. Добровольская, В.Е. Предметные реалии русской волшебной сказки: автореф... дис. кан. филос. наук. – М.: 2009. – 224 с.
2. Ведерникова, Н.М. Русская народная сказка / Н. М. Ведерникова. – Москва: Издательство Наука, 1975. – 135 с.
3. Новиков, Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. — 255 с.
4. Пропп, В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт. 1998. – 512 с.
5. Вачков И.В., Наговицын А.Е., Пономарева В.И. Жила была Баба-Яга... Психологические и культурологические образы // М.: Академический проспект. 2022. – с. 375.
6. Шерстюк, М.В. История средневековой Руси. Часть 1: учебное пособие для вузов / М.В. Шерстюк. – Москва: Издательские решения, 2021. – 80 с.
7. Мелетинский, Е.М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. // М.-СПб: Академия исследования Культуры. 2005. – 240 с.
8. Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки// М.: Художественная литература. 1979 – 348 с.

ВКЛАД СОВЕТСКИХ СТУДЕНТОВ В РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Автор: Панова Надежда Анатольевна

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса Института механики и энергетики имени В.П. Горячкина, nadyusha.malova@mail.ru

Автор: Панов Валентин Сергеевич

ФГБОУ ВО «Государственный аграрный университет Северного Зауралья», Тюмень, Россия (625003, г. Тюмень, ул. Республики, 7), студент 1 года аспирантуры инженерно-технологического института, panov.vs@edu.gausz.ru

Научный руководитель: Шерстюк Максим Витальевич

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, maxim99@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль советских студентов в восстановлении и развитии науки в СССР в послевоенный период. В условиях экономических трудностей и ключевых задач по восстановлению народного хозяйства студенчество стало важной составляющей научных инноваций через работу в научных обществах, участие в студенческих конференциях и выполнение различных исследовательских проектов. В данной работе автор описывает механизмы студенческой научной активности и оценивает их значение для прогресса советской науки. Особое внимание уделяется роли студенческих инициатив в восстановлении научных учреждений и развитии межвузовского сотрудничества. Также анализируются политические, идеологические и административные рамки, которые способствовали или ограничивали участие студентов в научной работе. На примере ведущих вузов страны, таких как МГУ, МГТУ имени Н.Э. Баумана и Казанский государственный университет, подчёркивается стратегическая важность вовлечения молодёжи в научное производство в условиях социалистического строительства.

Ключевые слова: студенты; научная деятельность; сообщества; технические инновации; социалистическое строительство; конференции

THE CONTRIBUTION OF SOVIET STUDENTS TO THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN SCIENCE IN THE POST-WAR PERIOD

Author: Nadezhda Anatolievna Panova

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, 49, Timiryazevskaya St.), 1st year student, V.P. Goryachkin Institute of Mechanics and Power Engineering, nadyusha.malova@mail.ru.

Author: Valentin Sergeyevich Panov

FGBOU VO “State Agrarian University of Northern Trans-Urals”, Tyumen, Russia (625003, Tyumen, Respublika str.,7), student of 1 year of postgraduate course of engineering-technological institute, panov.vs@edu.gausz.ru

Scientific supervisor: Sherstyuk Maxim Vitalievich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, maxim99@mail.ru

Abstract. The article examines the role of Soviet students in the restoration and development of science in the USSR in the post-war period. In the context of economic difficulties and key tasks for the restoration of the national economy, students have become an important component of scientific innovation through work in scientific societies, participation in student conferences and the implementation of various research projects. In this paper, the author describes the mechanisms of student scientific activity and assesses their importance for the progress of Soviet science. Special attention is paid to the role of student initiatives in the restoration of scientific institutions and the development of interuniversity cooperation. It also analyzes the political, ideological, and administrative frameworks that facilitated or limited student participation in academic work. Using the example of the country's leading technical universities, such as Moscow State University, Bauman Moscow State Technical University and Kazan State University, the strategic importance of involving young people in scientific production is emphasized.

Keywords: students; scientific activities; communities; technical innovations; socialist construction; conferences

Послевоенный период стал для Советского Союза важным этапом его истории. Несмотря на победу, экономика государства оказалась сильно разрушенной как в инфраструктурном и промышленном отношении, так и в плане человеческих ресурсов. В ходе Великой Отечественной войны погибло более 25 миллионов советских граждан, множество городов лежало в руинах, научные учреждения были разрушены, тысячи зданий университетов, лабораторий и библиотек уничтожены или перепрофилированы для нужд военного времени. Научная и образовательная сферы нуждались в срочном

реанимировании для выполнения задач по восстановлению народного хозяйства [1, с. 82]. Университеты страны испытывали нехватку оборудования, преподавательского состава и финансирования. Однако именно эти трудности открыли возможности для реформ в системе образования. Студенческий энтузиазм, подкреплённый идеологическим посылом, рассматривающим науку как движущую силу социалистического прогресса, привёл к беспрецедентной мобилизации студенческого потенциала в научной сфере.

В данной статье рассматривается вклад студентов в научно-техническую модернизацию СССР в послевоенный период, исследуются институциональные формы их участия, идеологический контекст, формировавший основные направления студенческой деятельности, оценивается вклад вовлечённости советской молодежи в научную сферу страны. Особое внимание уделяется вопросу формирования нового поколения ученых, выросшего из послевоенного студенчества, которое впоследствии заложило основы советских достижений в области освоения космоса, ядерной физики, кибернетики и других отраслей науки.

В 1945 г. Советский Союз столкнулся с масштабными разрушениями: более 1700 высших учебных заведений было повреждено или уничтожено, свыше 70 000 школ прекратили свою деятельность в ходе войны. Например, Ленинградский государственный университет потерял более 30% профессорско-преподавательского состава во время блокады Ленинграда [2, с. 15]. Насущная необходимость в восстановлении и модернизации страны привела к усиленному вниманию к образованию и науке. В марте 1946 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление № 514 «О повышении окладов работников науки и об улучшении их материально-бытовых условий», ознаменовавшее начало системной государственной поддержки научных кадров. Эти меры стали частью широкой политики по восстановлению научного и образовательного потенциала страны, особенно в сфере высшей школы [3, с. 72]. Стремительный рост высшего образования в СССР начался в конце 1940-х гг. Количество студентов возросло с 1,5 миллиона в 1945 г. до более чем 2,8 миллиона к 1955 г. Примечательно, что Московский государственный университет в 1946 г. восстановил физический факультет под руководством С.И. Вавилова, а Казанский университет к 1948 г. открыл новые исследовательские лаборатории по аналитической химии и радиоэлектронике [4].

Наряду с формальным обучением государство поощряло участие студентов в научных исследованиях. Среди таких инициатив — участие студентов в электрификации сельской местности, восстановлении гидроэлектростанций и совершенствовании технологий угледобычи.

Активные студенческие группы в Московском государственном техническом университете имени Н. Э. Баумана (МГТУ) под руководством профессора И. И. Артоболевского в 1949 г. работали над системами автоматизации промышленного производства [5, с. 260]. Эта поддерживаемая государством мобилизация студенческого интеллекта заложила основу для научной конкурентоспособности Советского Союза в последующие десятилетия, особенно в таких областях, как ядерная энергетика, аэрокосмическая отрасль и вычислительная техника.

В послевоенный период при вузах начали активно формироваться студенческие научные общества (СНО). Они являлись одной из форм внедрения научных разработок в жизнь. Студенты участвовали в научных дискуссиях, проводили самостоятельные исследования и выдвигали оригинальные научные гипотезы. Объединения носили междисциплинарный характер и позволяли студентам с различным уровнем подготовки вносить реальный вклад в науку. Они регулярно проводили семинары, организовывали научные экспедиции и инициировали сотрудничество с местными предприятиями [6, с. 40].

Начиная с конца 1940-х годов, в системе образования СССР были разработаны институциональные механизмы для интеграции студенческих исследований в научную сферу. Научно-исследовательская работа студентов (НИРС) стала формализованной частью учебных программ. Студенты принимали участие в лабораторных исследованиях, инженерных разработках и прикладных научных проектах. Исследования имели практическую направленность: совершенствование сельскохозяйственной техники, разработка методов химической переработки, участие в создании систем автоматизации. В технических вузах студенты решали прикладные задачи, включённые в государственные экономические планы. Интеграция НИРС в образовательный процесс способствовала профессионализации научного подхода, что нашло отражение в совместных публикациях студентов и преподавателей институтов. Многие проекты НИРС проходили экспертную оценку и рекомендовались к внедрению в промышленность или сельское хозяйство.

В послевоенный период в советских вузах была внедрена практика ежегодных научных конференций. Лучшие работы публиковались в университетских сборниках, выносились на всесоюзные студенческие симпозиумы. Конференции не только способствовали развитию у студентов навыков публичных выступлений и критического мышления, но и служили площадкой для выявления перспективных молодых исследователей. Во второй половине 1960-х гг. в СССР на всесоюзном уровне стало активно развиваться студенческое научное движение.

Институциональная структура высшего образования в СССР поддерживала идеологический контроль. Партийные комитеты вузов (парткомы) контролировали образовательные программы и научную тематику, следя за её соответствием государственным приоритетам. Студенческие организации Комсомола также играли роль в наблюдении за поведением сверстников и укреплении идеологической дисциплины. В то же время членство в этих структурах открывало доступ к лучшим ресурсам, рекомендациям к поступлению в аспирантуру и карьерному росту [7].

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (МГУ), флагман советского высшего образования, служил образцом для других вузов в деле сочетания академического знания с идеологической выдержанностью. После войны в МГУ активно возрождались СНО, став живыми центрами научной активности. Студенты проводили собственные эксперименты, организовывали вечерние семинары и участвовали в междисциплинарных обсуждениях. Ярким примером является физический факультет, где А.Д. Сахаров начал свою научную карьеру под руководством И.Е. Тамма. Ранние исследования ученого в области ядерного синтеза выросли из проектов, изначально начатых в студенческих группах.

Московское высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана (ныне – МГТУ имени Н.Э. Баумана) являлся одним из наиболее продуктивных центров студенческих исследований в области прикладных наук и технологий. Сильная традиция конструкторских бюро позволяла студенческим группам работать над реальными производственными задачами, часто в сотрудничестве с крупными заводами и предприятиями оборонной промышленности. Эти студенческие бюро разрабатывали новшества в машиностроении, робототехнике и автоматизации производств. Под руководством преподавателей студенты Бауманки активно вовлекались в научно-техническое творчество. В 1950-х–1960-х гг. в вузе велась научно-исследовательская работа, направленная на решение практических задач в области машиностроения, энергетики и автоматизации. Особое внимание уделялось созданию и совершенствованию прототипов оборудования, востребованных в народном хозяйстве [8]. Студенческие научные конференции, проводимые в университете, стали важной площадкой для апробации технических идей. Эти мероприятия играли значительную роль в формировании научных школ, особенно в таких направлениях, как теплотехника и энергомашиностроение [9, с. 44].

Казанский государственный университет также сохранил богатые традиции студенческой научной инициативы. Студенты вуза особенно активно работали в областях органической химии, геологии и радиоэлектроники. При поддержке преподавателей студенческие группы

проводили полевые исследования, способствовавшие освоению минеральных ресурсов и нефтяных месторождений Татарской АССР и соседних республик. Их открытия использовались в рамках региональных экономических стратегий, напрямую связывая науку с задачами государственного планирования [10]. Приверженность Казанского университета принципу научной автономии студентов способствовала формированию нового поколения региональных исследователей, которые оставались активными участниками советской науки вплоть до 1960-х и 1970-х гг.

Таким образом, студенческое научное движение сыграло важную роль в восстановлении Советского Союза и в его долгосрочном научном развитии после Великой Отечественной войны. Благодаря масштабной мобилизации студенты не только восполняли критическую нехватку кадров в исследовательских учреждениях и лабораториях, но и привносили свежие идеи и инновационные подходы в решении важнейших государственных задач. Институционализация студенческих исследований через механизмы СНО, НИРС и организации конференций создали систему выявления и воспитания научных талантов [11].

В современной России наследие советского студенческого научного движения сохраняется. Современные университеты продолжают уделять внимание участию студентов в научной деятельности, зачастую через восстановленные или модернизированные формы прежней НИРС. Федеральные программы и гранты поддерживают студенческие инновации, а конкурсы, организованные по образцу советских, по-прежнему служат стартовой площадкой для молодых учёных.

Список литературы

1. Гончарук Е. И. Вклад донецких историков-фронтовиков в исследование событий Великой Отечественной войны на Донбассе / Е. И. Гончарук // Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: историческая память и вызовы современности: сборник материалов I-й Международной научно-практической конференции, приуроченной к 79-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне, Москва, 25 апреля 2024 года. Москва: Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, 2024. С. 82-86.
2. Соболев Г. Л. Потери Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны / Г. Л. Соболев, М. В. Ходяков // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2010. №. 2. С. 14-23.
3. Костров А. В. Эволюция нормативно-правовой базы оплаты и стимулирования труда научных работников в СССР и Российской Федерации / А. В. Костров, А. Н. Кудрявцев // Управление наукой и наукометрия. 2024. Т. 19. №. 1. С. 66-101.
4. Территория и население СССР. Часть II // Народное хозяйство СССР в 1960 году (Статистический ежегодник). URL: <https://istmat.org/node/381> (дата обращения: 09.04.2025).

5. Гусарев В. С. Портреты основоположников науки «Технология машиностроения» и история галереи «портретов» технологов машиностроителей / В. С. Гусарев // Физические и компьютерные технологии: Труды 20-й Международной научно-практической конференции, Харьков, 23–24 декабря 2014 года. Харьков: Харьковский национальный экономический университет имени Семена Кузнеца, 2014. С. 229-274.
6. Гончарук Е. И. Научно-исследовательская составляющая профессиональной подготовки студентов-историков в Донецке / Е. И. Гончарук // Преподавание истории в школе. 2022. № 9. С. 38-44.
7. Тихонов В. В. Идеологические кампании как форма контроля и управления советской исторической наукой (1945–1955 гг.) // Государственное управление. Электронный вестник. 2011. №26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologicheskie-kampanii-kak-forma-kontrolya-i-upravleniya-sovetskoy-istoricheskoy-naukoy-1945-1955-gg> (дата обращения: 09.04.2025).
8. История факультета «Энергомашиностроение» МГТУ им. Н. Э. Баумана. URL: <https://energo.bmstu.ru/page/история-ф-та-энергомашиностроение> (дата обращения: 09.04.2025).
9. Федюн Е. И. Формирование научных исторических школ в Донбассе во второй половине XX века (на примере Донецкого государственного университета) / Е. И. Федюн // История науки и техники. 2017. № 11. С. 44-51.
10. Научный полк: Казанский университет в военные годы был крупнейшим научным центром // Медиа портал КФУ. 2020. URL: <https://media.kpfu.ru/news/nauchnyy-polok-kazanskiy-universitet-v-voennye-gody-byl-krupneyshim-nauchnym-centrom> (дата обращения: 09.04.2025).
11. Оришев, А.Б. История России от XIX до XXI века: учебное пособие для вузов / А.Б. Оришев, С.А. Миронюк, А.С. Позднякова, Д.Н. Христенко, М.В. Шерстюк. – Москва: Российский государственный аграрный университет, 2024. – 339 с.

ОБЪЕКТЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ ЗАГЛАВНОГО ГЕРОЯ В «ПОВЕСТИ О ЖИТИИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО»

Автор: Полянский Никита Витальевич

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса Института механики и энергетики имени В.П. Горячкина, mister.nikita1908@mail.ru

Научный руководитель: Миролюбов Иван Андреевич

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, mirolyubov@rgau-msha.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу важного памятника древнерусской литературы XIII в. – биографии князя Александра Невского, составленной его современником. Это произведение во многом заложило основу для дальнейшего формирования образа выдающегося правителя и национального героя. Текст, впрочем, интересен как источник по мировоззрению и кругозору образованного человека XIII в. Создавая образ князя, автор использует широкий набор средств, и в их числе – сопоставление заглавного персонажа с выдающимися персоналиями библейской и древней истории. Эти сравнения позволяют ему проиллюстрировать положительные качества князя. Вместе с тем упоминание этих персоналий позволяет лучше понять восприятие истории самим автором и глубже исследовать вопрос об используемых им источниках.

Ключевые слова: Александр Невский; древнерусская книжность; агиография; культура Средневековой Руси

OBJECTS OF COMPARISON OF THE TITLE CHARACTER IN «THE STORY OF THE LIFE OF ALEXANDER NEVSKY»

Author: Polyansky Nikita Vitalyevich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskayastreet49), student, Institute of Mechanical and Power Engineering named after V.P. Goryachkin, mister.nikita1908@mail.ru

Scientific supervisor: Mirolyubov Ivan Andreevich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskayastreet49), Candidate of Sciences in History,

Abstract. This article is devoted to the analysis of an important monument of Old Russian literature of the 13th century – the biography of Prince Alexander Nevsky, compiled by his contemporary. This work largely laid the foundation for the further formation of the image of the outstanding ruler and national hero. The text, however, is interesting as a source for the worldview and outlook of an educated person of the 13th century. Creating the image of the prince, the author uses a wide range of means, including a comparison of the title character with outstanding personalities of biblical and ancient history. These comparisons allow him to illustrate the positive qualities of the prince. At the same time, the mention of these personalities allows us to better understand the author's perception of history and to more deeply explore the issue of the sources he used.

Keywords: Alexander Nevsky; Old Russian bookishness; hagiography; culture of Medieval Rus'

Александр Невский — одна из самых значимых фигур в русской истории, олицетворяющий доблесть, мужество и стратегическую мудрость [1]. Его образ стал основой для множества литературных произведений, среди которых особое место занимает «Повесть о житии Александра Невского» (далее – «Повесть...»). Древнейшая редакция этого произведения древнерусской литературы – наиболее раннее жизнеописание князя, принадлежащее перу его современника [2, с. 354–363]. Жизнеописание князя излагается на фоне противостояния православной Руси Западу. Враг представлен как «король части Римския», что подчеркивает конфессиональные и культурные противоречия своего времени [3, с. 146]. При этом «Повесть...» не ограничивается лишь описанием военных подвигов. Князь в нем представлен как собирательный символ борьбы за независимость Руси, верность православным традициям и идеал правителя. Такой фокус внимания обуславливает стремление автора сопоставить своего героя с выдающимися библейскими и историческими фигурами.

Исторический кругозор русского книжника XIII в. во многом опирался на Священное Писание, а также на тот объем античных знаний, который был доступен через посредство византийской книжной культуры. Византийская историческая литература тяготела к масштабным хроникам, изображавшим всемирную историю в направленном движении. Ярчайшие памятники этого исторического жанра в византийской литературе – «Хронография» Иоанна Малалы (VI в.), «Хронография» Феофана Исповедника и «Хроника» Георгия Амартола (IX в.), а также «Сокращение историй» Иоанна Зонары (XII в.). Переводимые с греческого языка, они становились важным источником исторических знаний и были востребованы читающей публикой [4; 5]. Естественно, что политическое самосознание византийских авторов

побуждало их включать в свои произведения обширный материал по истории Римской империи – предшественника Византии. Так, собственно, знакомство с римскими императорами становилось возможно и для древнерусских авторов.

Обратимся к историческому материалу «Повести...». Представляя своего героя – князя Александра Невского – читателю, автор пишет: «И красив он был, как никто другой, и голос его – как труба в народе, лицо его – как лицо Иосифа, которого египетский царь поставил вторым царем в Египте, сила же его была частью от силы Самсона, и дал ему Бог премудрость Соломона, храбрость же его – как у царя римского Веспасиана...» (здесь и далее цитируем текст источника в переводе В.И. Охотниковой на современный русский язык по изданию: [6, с. 359]). Выбор библейских персоналий до некоторой степени хрестоматиен и основан на характеристиках, данных указанным персоналиям в Священном Писании. Так, об Иосифе в «Книге Бытия» сказано: «Иосиф же был красив станом и красив лицом...» (Книга Бытия 39:6). Подвиги героя Самсона, славившегося невероятной силой, описаны в «Книге Судей Израилевых» (13–16). Премудрость царя Соломона и вовсе вошла в поговорку. Избранный автором круг персоналий определяет обращение к Священной истории и далее. Говоря о многочисленности войска Александра, автор сопоставляет его с другим могущественным библейским правителем, отцом Соломона Давидом: «И у князя Александра тоже было много храбрых воинов, как в древности у Давида-царя, сильных и крепких» [6, с. 365]. Перед решающей битвой автор изображает князя молящимся: «помоги мне, Господи, как в древности помог Моисею одолеть Амалика и прадеду нашему (здесь – в значении «предок») Ярославу окаянного Святополка» [6, с. 365]. Возводя своего прадеда, великого князя Ярослава Мудрого в статус объекта подражания, Александр продолжает линию, намеченную еще его Владимиром Мономахом, который подчеркивал свое преемство деду Ярославу – «благословенному и славному» – в своем «Поучении». Кроме того, упоминаемый Александром сюжет показателен: война Ярослава против Святополка была отмщением за безвинную смерть братьев Бориса и Глеба, из-за которой Святополк, собственно, и заслужил в исторической памяти прозвище «Окаянный». Сближение в прямой речи Александра Ярослава с Моисеем, таким образом, придает и кампании самого князя характер благочестивого деяния, вновь возвращая нас к его роли защитника веры. Желая показать то, что Александр действовал под защитой Бога, автор сравнивает князя с Иисусом Навином, преемником Моисея, знаменитым своими воинскими победами: «...прославил Бог Александра пред всеми полками, как Иисуса Навина у Иерихона» [6, с. 365].

Вместе с тем, как уже было отмечено, после хрестоматийных и вполне ожидаемых библейских персонажей автором упомянут римский император Веспасиан (правил в 69–79 гг.), через обращение к которому автору иллюстрирует храбрость князя. Император этот пришел к власти над Римской империей в результате гражданской войны, последовавшей за свержением деспотичного императора Нерона в 68 г. Правление его достаточно хорошо зафиксировано античными авторами, которых имели возможность читать и византийские хронисты. Хотя в исторической памяти римлян Веспасиан и зафиксирован как приемлемый правитель (это подтверждается и его спокойным правлением, и беспрепятственной передачей власти его сыновьям), все же в античной историографии он изображен отнюдь не как образец воинской доблести. Напротив, древние авторы акцентируют внимание на его скупости и чувстве юмора, иногда довольно приземленном и плоском [7, с. 67–72]. Выбор Веспасиана книжником XIII в., таким образом, несколько необычен. Исследователи объясняют его тем, что автор читал «Иудейскую войну» Иосифа Флавия. Это произведение древнееврейского историка описывало покорение римлянами Иудеи, в т.ч. и Иудейскую войну, вызванную восстанием местного населения против римского господства. Начатая еще при Нероне, война шла под руководством Веспасиана. Собственно, это обстоятельство и доставило ему командование над войсками, что и помогло ему добиться императорской власти в разгоревшейся вскоре гражданской войне. Книга богата военными сюжетами, относящимися к биографии Веспасиана. Собственно, опираясь на перевод этого произведения древней литературы, выполненный в XI–XII вв., автор и проводит параллели между римским императором и князем. Возможно, что сделано это с целью показать собственную ученость.

Следующий достаточно обширный фрагмент с упоминанием исторических персоналий относится к эпизоду, в котором описаны переговоры Александра с представителями римского папы, намеревавшимися утвердить католицизм на Руси. В ответ на предложение послушать их аргументы князь дает пространный ответ: «От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от смешения народов до начала Авраама, от Авраама до прохождения израильтян сквозь море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида-царя, от начала царствования Соломона до Августа и до Христова рождества, от рождества Христова и до распятия Его и воскресения, от воскресения же Его и вознесения на небеса и до царствования Константинова, от начала царствования Константинова до первого собора и седьмого – обо всем этом хорошо знаем, а от вас учения не примем». Пространным хронологическим экскурсом призван показать становление того религиозного мировоззрения, которому он сам привержен

[8, с. 205–207]. Перечисляя вехи, князь, в целом, указывает константы своего мировоззрения. Во-первых, это Священное Писание в составе Ветхого и Нового Заветов. Ветхий Завет здесь проиллюстрирован через упоминание фигур Адама, патриарха Авраама, царей Давида и Соломона, а также не упомянутого по имени Моисея (князь указывает важный эпизод из его биографии: проведение израильтян через Красное море). Новый Завет дан Христом. Также князь упоминает двух ключевых фигур истории «от Рождества Христова» – это римские императоры Август (правил в 27 г. до н.э.–14 г. н.э.) и Константин Великий (правил 306–337 гг.). Август, бывший первым римским императором, и в античной, и в средневековой историографии часто выступал в качестве персонализации могущественного монарха, который объединил под своей властью весь известный на тот момент человеку мир (настолько большой казалась Римская держава) [9]. Большое значение христианские историки придавали и тому, что Рождество Иисуса Христа пришлось на время правления Августа [10]. Константин же вошел в мировую историю как первый римский император-христианин. Его правление ознаменовалось покровительством Римского государства Христианской церкви, а также созывом Первого Вселенского собора в 325 г., на котором был принят Символ Веры – перечень догматов христианского вероучения [11; 12; 13]. Сам Константин прославлен в Православной церкви как святой и равноапостольный. Историческое значение двух этих римлян, чье правление синхронизировано с важными событиями христианской истории, обеспечило им важное место в средневековой историографии, где они рассматривались как образцы для подражания для христианских монархов. Перечисляя их имена, князь подчеркивает свою ориентацию на них и важную роль этих фигур прошлого в выстраивании собственной мировоззренческой идентичной, находящейся в непримиримом противоречии с тем, что предлагает ему недружественный запад.

Подведем итоги. «Повесть...» использует довольно широкий круг персоналий для сопоставления заглавного героя. Выбор этот основан на следующем круге источников: это книги Священного Писания и переводные памятники литературы – древней и византийской. Выбор персоналий определяем желанием автора проиллюстрировать добродетели князя, при этом с помощью персоналий библейской истории он, обращаясь даже к таким качествам как сила (через образ Самсона) или мудрость (через образ Соломона), дополнительно подчеркивает еще и благочестие, поскольку все эти персоналии являются положительными фигурами в силу как раз своего благочестия. Обращаясь к древней истории, автор использует материал из истории Римской империи – могущественнейшего государства древности. Его правители, соответственно, являются для автора образцами

государственных мужей. Вместе с тем автор выходит за рамки традиционного набора фигур (Август и Константин) и добавляет к ним Веспасиана, который знаком ему по прочитанному им переводу памятника древней литературы. Это позволяет говорить о достаточно широком историческом кругозоре автора. Обращение же автора к разновременным персоналиям библейской и древней истории позволяет автору, по верному замечанию Н.Г. Морозова, создать удивительную картину течения времени, где в фигуре Александра соединяются разные эпохи.

Список литературы

1. Назаренко А.В., Квливидзе Н.В. Александр Ярославич Невский. Иконография // Православная энциклопедия. Т. 1. Москва: 2000. С. 541–544.
2. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л.: Наука, 1987. 494 с.
3. Кусков В.В. История древнерусской литературы. Москва: Высшая школа, 2003. 335 с.
4. Покровская В.Ф. Византийская историческая литература // История русской литературы: В 10 т. Т. 1. Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР, 1941. С. 114–134.
5. Лихачев Д.С. Переводная литература в развитии литературы домонгольской Руси // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 2: XI–XII века. СПб: Наука, 1999. С. 5–19.
6. Житие Александра Невского // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 тт. Том. 5. XIII век. СПб.: Наука, 1997. С. 358–369.
7. Грант М. Римские императоры: Биографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н. э.–476 г. н.э. Москва: ТЕРРА–Книжный клуб, 1998. 400 с.
8. Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л.: Наука, 1986. 406 с.
9. Данилов Е.С. Римская империя Октавиана Августа в посланиях Ивана Грозного // Человек в пространстве культуры: межкультурные отношения и динамика национального развития. 2010. №3 С. 85–90.
10. Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии. СПб: Издательство Олега Абышко, 2005. 288 с.
11. Попов И.Н., Моисеева С.А., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Гульянова Н.А., Квливидзе Н.В. Константин // Православная энциклопедия. Т. 36. Москва, 2014. С. 671–729.
12. Миролубов И.А. Константин Великий в «Истории против язычников» Павла Орозия // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 4(54). С. 62–70.
13. Миролубов И.А. Осмысление личности императора Константина Великого в IV–V вв. // Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Т. 3. СПб: РХГА, 2023. С. 335–348.

**ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: РОЛЬ МЕДИА, ПАТРИОТИЧЕСКОГО
ВОСПИТАНИЯ И ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ
СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ**

Автор: Сидарчук Андрей Александрович

*ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет — МСХА имени
К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49),
студент, asidarchuk@icloud.com*

Научный руководитель: Тарасенко Виталий Николаевич

*ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет — МСХА имени
К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат
исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, lasker88@mail.ru*

Аннотация. Статья исследует механизмы формирования коллективной памяти о Сталинградской битве, фокусируясь на роли медиа, патриотического воспитания и государственных институтов. Анализируется, как в военные годы пропаганда через газету «Красная звезда» создавала миф о непобедимости Красной Армии, рискуя упростить его до клише. Рассматривается противоречие между традиционными образовательными программами, акцентирующими героизм, и необходимостью включения сложных аспектов: репрессивной роли НКВД, проблем снабжения, судеб мирных жителей. Особое внимание уделяется государственной исторической политике, которая закрепляет память о битве в законах и мемориалах. Статья подчеркивает, что сохранение памяти требует баланса между уважением к подвигу и критической рефлексией.

Ключевые слова: коллективная память; Сталинградская битва; медиа; патриотическое воспитание; историческая политика; историческая память

**FORMATION OF COLLECTIVE MEMORY OF THE GREAT
PATRIOTIC WAR: THE ROLE OF MEDIA, PATRIOTIC EDUCATION
AND INSTITUTIONS OF POWER USING THE EXAMPLE OF THE
BATTLE OF STALINGRAD**

Author: Sidarchuk Andrey Aleksandrovich

*Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow,
Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya Str., 49), student, asidarchuk@icloud.com*

Scientific Supervisor: Tarasenko Vitaly Nikolaevich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, lasker88@mail.ru

Abstract. The article examines the mechanisms of formation of collective memory about the Battle of Stalingrad, focusing on the role of media, patriotic education and state institutions. It analyzes how during the war years propaganda through the newspaper "Krasnaya Zvezda" created a myth about the invincibility of the Red Army, risking simplifying it into a cliché. The contradiction between traditional educational programs emphasizing heroism and the need to include complex aspects is considered: the repressive role of the NKVD, supply problems, the fates of civilians. Particular attention is paid to the state historical policy, which enshrines the memory of the battle in laws and memorials. The article emphasizes that preserving memory requires a balance between respect for the feat and critical reflection.

Keywords: collective memory; Battle of Stalingrad; media; patriotic education; historical policy; historical memory

Сталинградская битва, ставшая символом перелома в Великой Отечественной войне, остается ключевым элементом коллективной памяти российского общества. Ее образ формируется под влиянием медиа, образовательных программ и государственной политики, что делает изучение этих механизмов актуальным для понимания современных процессов конструирования исторической идентичности. Данная статья исследует, как медиа, патриотическое воспитание и институты власти взаимодействуют в формировании памяти о Сталинграде, а также какие противоречия возникают между героизацией прошлого и критическим осмыслением истории.

Коллективная память — это социально сконструированный феномен, объединяющий общество через общие нарративы, символы и ритуалы. В случае Сталинградской битвы она трансформируется в «место памяти», где история становится инструментом идеологии и национальной консолидации. Однако этот процесс не статичен: он зависит от политических, культурных и технологических изменений.

В годы Великой Отечественной войны медиа стали мощным инструментом конструирования коллективной памяти, формируя образы героизма и единства. Газета «Красная звезда», будучи главным военным изданием, играла ключевую роль в создании мифа о «несгибаемом Сталинграде». Её корреспонденты акцентировали подвиги солдат, такие как легендарная оборона дома Павлова, где горстка бойцов 58 дней сдерживала врага. Эти истории подавались как символы стойкости, сплачивающие народ перед лицом общего врага. Однако редакционная политика исключала упоминания о масштабных потерях, тактических ошибках или страданиях

мирного населения. Например, читатели не знали, что к ноябрю 1942 года в городе оставалось менее 10% жителей, а снабжение армии и гражданских было критически нарушено. Вместо этого газета транслировала идею неизбежной победы, превращая Сталинград в метафору национального сопротивления [1, с. 158; 2, с. 108].

В послевоенные десятилетия медиапространство радикально изменилось. Сегодня память о битве транслируется через цифровые форматы, которые делают историю ближе к молодежи. Документальные фильмы, такие как «Сталинград» (2013), сочетают хронику с компьютерной графикой, воссоздавая разрушенные улицы города. Онлайн-архивы, например проект «Память народа», оцифровывают фронтовые письма и наградные листы, позволяя потомкам найти информацию о родных.

При этом современные медиа дают шанс оживить память через личные истории. Подкасты с интервью ветеранов, блоги историков-энтузиастов, краудсорсинговые проекты по расшифровке дневников — все это создает альтернативу официальным нарративам. Однако эти инициативы часто остаются нишевыми, уступая место массовому контенту, который легче потребляется, но сложнее осмысливается. Таким образом, медиа сегодня — это поле борьбы между популяризацией истории и её редукцией, между сохранением правды и мифологизацией прошлого [3, с. 40].

В Волгограде, городе, чья история неразрывно связана с памятью о Сталинградской битве, патриотическое воспитание строится на сочетании традиционных методов и современных подходов. В школьных программах битва преподносится не просто как военная операция, но как «урок мужества», призванный воспитать в учениках чувство гордости за подвиг предков. Учебники акцентируют жертвенность защитников: рассказы о доме Павлова, снайпере Василии Зайцеве или медсестрах, выносивших раненых под обстрелами, становятся моральными ориентирами. Экскурсии к мемориалам, таким как Мамаев курган или музей-панорама «Сталинградская битва», дополняют теорию эмоциональным погружением. Дети видят масштаб разрушений, читают надписи на стенах разрушенной мельницы, слушают истории экскурсоводов о том, как солдаты делились последним куском хлеба. Эти элементы создают эффект сопричастности, заставляя подростков задуматься о цене победы [4, с. 19].

Однако такой подход не лишен критики. Акцент на героизме часто затеняет сложные аспекты истории. Например, в учебниках редко упоминается роль НКВД в поддержании дисциплины: расстрелы дезертиров, контроль над настроениями в тылу, принудительная эвакуация мирных жителей. Не обсуждаются и проблемы снабжения — голод, который косил как солдат, так и гражданских, или факты каннибализма в осажденном

городе. Эти темы остаются за рамками уроков, чтобы не «подрывать» образ единства народа перед лицом врага. В результате у учащихся формируется упрощенное представление о войне, где есть только «герои» и «враги», а серая зона человеческих страданий и моральных дилемм игнорируется.

Региональные инициативы пытаются преодолеть эти ограничения. Волгоградский «патриотический кластер» объединяет музеи, университеты, школы и общественные организации, создавая сеть для сохранения памяти. Один из ярких проектов — «Дети Сталинграда», где собирают устные воспоминания выживших в битве. Старшеклассники берут интервью у ветеранов и очевидцев, записывают их истории о бомбежках, жизни в подвалах, потере близких. Эти материалы становятся частью школьных уроков, выставок и документальных фильмов. Например, история Анны Ивановны, которая в 12 лет тайком носила воду раненым бойцам, или воспоминания Петра Семеновича о том, как он, будучи подростком, помогал разминировать улицы, — такие свидетельства делают прошлое живым и близким [5, с. 673].

Главный вызов патриотического воспитания — найти баланс между сохранением традиций и адаптацией к реалиям XXI века. С одной стороны, важно не потерять эмоциональную связь с прошлым, с другой — не допустить, чтобы память о Сталинграде стала набором ритуальных фраз. Для этого необходимо не только финансирование, но и готовность педагогов, родителей и самих учеников к диалогу о сложных страницах истории. Только так «урок мужества» превратится не в миф, а в живой разговор о том, что значит быть патриотом в эпоху, когда война — уже не окопы и штыки, но информационные потоки и этические выборы [6, с. 124].

Государственная историческая политика в России активно формирует память о Сталинградской битве, превращая её в символ национальной гордости и единства. Закон «О днях воинской славы» (1995) юридически закрепляет 2 февраля как день победы под Сталинградом, делая эту дату не просто памятной, но и идеологически значимой. Ежегодные торжества, парады и возложения венков к мемориалам становятся ритуалами, подчеркивающими преемственность между подвигами прошлого и современными ценностями. Федеральные программы выделяют миллионы рублей на реставрацию мемориалов: Мамаев курган, музей-панорама «Сталинградская битва», руины мельницы Гергардта — эти объекты не только сохраняют память, но и визуально воплощают официальную версию истории, где акцент ставится на героизме и жертвенности.

Государство также маргинализирует альтернативные точки зрения. Исследования, затрагивающие коллаборационизм, критику командования или репрессивную роль НКВД, редко получают доступ к широкой

аудитории. Например, работы историков, анализирующих приказ № 227 «Ни шагу назад!», который разрешал расстрелы отступающих без приказа, часто игнорируются в официальных медиа. Соцсети и независимые СМИ, пытающиеся обсуждать эти темы, сталкиваются с обвинениями в «фальсификации истории» или «оскорблении памяти». Этот контроль распространяется и на культурные проекты. Фильмы, книги или выставки, не соответствующие героическому канону, лишаются финансирования или подвергаются обструкции.

Однако такая политика порождает противоречия. С одной стороны, она сохраняет память о подвиге, сплачивая общество вокруг общего прошлого. С другой — лишает историю многомерности, превращая её в набор идеологических клише. Молодое поколение, воспитанное на упрощенных нарративах, зачастую не готово к диалогу о сложных вопросах: как сочетать героизм солдат с жестокостью репрессивного аппарата? Где граница между патриотизмом и критическим осмыслением? Ответы на эти вопросы остаются за рамками официальной истории, сужая пространство для интеллектуальной рефлексии [7, с. 173].

Таким образом, институты власти, конструируя память о Сталинграде, сталкиваются с дилеммой: как сохранить уважение к подвигу, не превратив его в застывший миф. Возможно, будущее памяти о битве зависит от того, сможет ли государство допустить плюрализм интерпретаций, не теряя при этом связь с национальной идентичностью. Формирование памяти о Сталинградской битве — это динамичный процесс, где пересекаются интересы государства, общества и медиа. Несмотря на усилия по сохранению героического нарратива, растущий запрос на критическую рефлексию требует пересмотра подходов. Важно создать пространство для диалога, где официальная история дополняется личными историями, архивными находками и мультиперспективным анализом. Только так память о Сталинграде сможет остаться живой и актуальной для будущих поколений, избежав превращения в застывший монумент идеологии.

Список литературы

1. Огарков, А. А. "Народная история" Сталинградской битвы (по материалам научно-исследовательского проекта "Сталинградцы в Сталинградской битве") / А. А. Огарков, Е. В. Огаркова, И. О. Тюменцев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23, № 1. – С. 156-166. – DOI 10.15688/jvolsu4.2018.1.15. – EDNYVHPKN.
2. Горбенко, В. И. Сталинградская Битва на страницах газеты «Красная звезда» (к 80-летию начала Сталинградской битвы) / В. И. Горбенко // Переломные моменты истории: люди, события, исследования. К 350-летию со дня рождения Петра Великого: Материалы международной научной конференции. В 3-х томах, Санкт-Петербург, 01

апреля 2022 года / Под редакцией С.И.Бугашева, Ю.В. Ватолиной, А.С. Минина. Том 1. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2022. – С. 103-110. – EDNQGBVQA.

3. Кусмарцев, М. Б. Наследие Сталинградской битвы и российский патриотизм: грани интеграции (70-летию Сталинградской битвы посвящается) / М. Б. Кусмарцев // Грани познания. – 2012. – № 2(16). – С. 38-42. – EDNPEYCHN.

4. Абрамов, А. Э. Наследие Сталинградской битвы и фактор патриотизма в современной России: грани интеграции (80-летию Сталинградской битвы) / А. Э. Абрамов // Сталинградская битва в историко-культурной памяти народов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию Победы в Сталинградской битве, Волгоград, 03 февраля 2023 года. – Волгоград: ИП Никулина М.Г, 2023. – С. 18-25. – EDNKNTKBO.

5. Гурьев, К. А. Подвиг сотрудников НКВД в годы битвы за Ленинград и Сталинградской битвы / К. А. Гурьев // Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел: современные подходы и перспективы развития: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 05 декабря 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. – С. 671-675. – EDNOLIROU.

6. Тарасенко, В. Н. Шахматы и воспитание патриотизма у студентов аграрных вузов в России / В. Н. Тарасенко, А. С. Бочковар, Н. И. Стенин // Общenaучный журнал. – 2024. – № 3-4. – С. 123-132. – DOI 10.33920/nik-04-240304-22. – EDNWEYQYW.

7. Тарасенко, В. Н. Римско-католический кафедральный собор Непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии в Москве: архитектура и история / В. Н. Тарасенко, Н. И. Стенин // Бизнес и дизайн ревю. – 2025. – № 1(37). – С. 164-175. – EDNMVLTZR.

**ЦЕННОСТИ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД
«ПЕРЕСТРОЙКИ» (ПО ИСТОЧНИКАМ ЛИЧНОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ)**

Автор: Сладков Владислав Дмитриевич

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Факультет гуманитарных наук, (101000, Москва, ул. Мясницкая д.20), ассистент,
v.sladkov@hse.ru*

Аннотация. Целью данной работы является изучение источников личного происхождения. Дневники, к которым обратился автор, не были до этого исследованы. Для анализа записей был применен сравнительно-исторический метод. В работе наиболее конкретно рассматривается оценка гражданами реформ М.С. Горбачёва, а также причин усиления негативного отношения к КПСС и её руководству. В течении 2018-2025 гг. проходил сбор и последующий процесс оцифровки личных дневников. Исследование продолжается.

Ключевые слова: история повседневности; личные дневники; «Перестроечные реформы»; Съезд народных депутатов.

**THE VALUES OF THE SOVIET MAN IN 1985-1991 (ACCORDING TO
SOURCES OF PERSONAL ORIGIN)**

Author: Vladislav Dmitrievich Sladkov

*National Research University "Higher School of Economics", Faculty of Humanities,
Moscow, 20 Myasnitskaya St., Assistant, v.sladkov@hse.ru*

Abstract. The purpose of this work is to study the sources of personal origin. The diaries to which the author referred had not been previously examined. A comparative historical method was used to analyze the records. The paper most specifically examines the citizens' assessment of Mikhail Gorbachev's reforms, as well as the reasons for the increasing negative attitude towards the CPSU and its leadership. During 2018-2025, the collection and subsequent digitization of personal diaries took place. The research is ongoing.

Keywords: history of everyday life; personal diaries; "Perestroika reforms"; Congress of People's Deputies

В 2025 году исполняется сорок лет с начала провозглашения М.С. Горбачёвым политики «Перестройки». Источники личного происхождения: дневники и воспоминания крайне важны и интересны для историка. Для того, чтобы быть объективным, нужно смотреть развитие общества во всех его

проявлениях, от официальных документов внешней политики и решения Съездов КПСС, до восприятия жизни на страницах дневниках простого советского человека: рабочего, учителя, студента и т.д. Тема восприятия «перестроечных реформ» современниками и потомками актуальна по сей день. В социальных сетях (ЯндексДзен, ВКонтакте), воспоминания о жизни в позднее советское время набирают многотысячные просмотры и несколько сотен активных комментариев. Выступающие разделились на сторонников и противников этих реформ. Несмотря на прошедшие десятилетия, результаты и цели «горбачевских реформ» подвергаются ярким спорам и общественным обсуждениям. При том, что эта тема интересует не только современников, но и их потомков. Часто встречаются выражения: «*мне рассказывали...*», «*я узнала об этом времени...*» [4]. Главной сложностью исследования является эмоциональность большинства дневников записей, изначальная субъективность.

При рассмотрении дневников был выявлен интересный факт, - несмотря на различный социальный статус, профессию и возраст авторов, их каждодневные заметки имеют большую схожесть во взгляде на происходящие события. При чтении разных источников ощущается единство взглядов. Это возможно объяснить примерно общим школьным и культурным образованием, единым теле-радио пространством, формирующим мнение. Даже если авторы описывают события с разных сторон, то мнение об итогах реформы, примерно равное. Так, например, в дневниках 1985 года мы встречаем воодушевление от периода перестройки. Для молодого поколения студентов реформы казались колоссально важными, был энтузиазм от прихода лидера, «говорящего много, и не по бумажке»: «*Перестройка принесла новое не только в мою жизнь, а в жизнь, полагаю, всей планеты...Мне до сих пор интересно, какие силы вынесли силы поддержали Горбачёва и понесли наверх*» [3, с. 149]. Особо добродушно к новому Генеральному Секретарю отнеслись представители интеллигенции, после довольно «одинаковых вождей» пришло что-то новое: «*И тут грянула перестройка люди с радостью и надеждой смотрели в будущее: «что нас там ждёт? Наверняка мы будем жить лучше!»*» [6]. Актёр Валерий Золотухин в своём дневнике называл 1985 год одним из лучших в своей памяти. Творческий корпус искренне надеялся на демократические преобразования в кинематографе, театре, литературе. Многие их оправдания сбылись, объявленная реформа гласности открыла для творческой интеллигенции многие запрещённые темы. Ярким признаком будущей демократии виделись публикации в газетах статьи, ещё «вчера» запрещенных А. Галича, М.А. Булгакова, стали печататься политические выступления академика Сахарова: «*Гласность, мы тормозим газеты, телевидение,*

используем каждую предоставляемую нам трибуну,, чтобы снова и снова напоминать об А.[ндрее] Д[митриевиче Сахарове] и не только об А. Д., но и о других преследуемых» [2].

Однако после череды неудавшихся реформ, происходит ухудшение экономического положения граждан. Трансформация общественного мнения связана с падением уровня жизни советского «среднего класса». На страницах дневников это вылилось в единое разочарование реформами и лично Михаилом Горбачёвым: *«Одним словом чудеса, после войны и то этого не было. Да, в провинции похуже, чем у нас, в столице. Вот тебе и гласность, и демократия в одном «перестроечном» флаконе» [2].* Особенно тяжело крах реформ переживали студенты и старшие школьники, в личных письмах друзьям они пишут о том, что реформы оказались фальшивыми, а их самих предательски обманули. Огромный исследовательский проект в деле изучения дневников студенчества провела дальневосточный историк Ю.Н. Ковалевская. Долгие годы, она, изучая повседневную жизнь Дальнего Востока, провела беседу более чем с 69 авторами дневников. Историк констатировала, что спустя 30 лет в памяти многих авторов ни осталось ярких и светлых воспоминаний от этого периода. Типичным памятным знаком этого времени стали «сплошные очереди и дефицит всего». Самым ярким воспоминанием одной женщины об этом периоде был страх позора на детском утреннике, куда из-за дефицита её сын пошёл *«в короне из проволоки, обмотанный мишурой и ватой» [3, с.150-151].*

XIX Партийная конференция (1988) и I Съезд народных депутатов СССР (1989) и их решения привели к всплеску авторской активности в деле освящения политической жизни. Если до этого описания во многом сводились к «житейским» проблемам, то теперь на страницах дневников появляются чаще «всесоюзные» фамилии: Горбачёв, Лигачёв, Ельцин, Гдлян и Иванов. Анализируя записи, мы более не замечаем надежд и энтузиазма от политики перестройки. Граждане всё более начинают критиковать современную им действительность, писать про «вседозволенность партии», коррупцию местных чиновников. Данный факт говорит как о потере авторитета местного отделения партии, так и о демократических началах, ведь рабочий не побоялся открыто выступить на центральной площади города. Эмоциональный порыв авторов дневников, позволяет нам сделать множество выводов о политических предпочтениях граждан. Начиная с 1986 года, особую популярность обретает личность Б.Н. Ельцина, вызвавшего симпатию авторов своей открытой политикой, критикой тотального дефицита. Его описывают как человека новой эпохи, ведь он одним из первых отказался от «номенклатурных» привилегий. Несколько раз в разных дневниках встречается эпизод поездки на трамвае, что очень впечатляло

очевидцев, ведь до этого партийные руководители передвигались исключительно на автомобилях «Чайка» и «Волга». Авторами дневников подмечается и личный характер Бориса Николаевича: *«Говорили, что Ельцин зашёл в московский продуктовый магазин и устроил скандал, почему нет продуктов. Директор магазина и продавцы бегали по магазину и доставали из-под прилавков продукты. Сегодня я узнал, что он поехал по городу на обычном трамвае»* [6].

Хочется отметить, что при анализе периода 1988-1989 гг. замечено первое сравнение периода реформ с прошедшим «застоем». В отличие от дневников конца 1970 – начала 1980 гг. эти годы называются периодом спокойствия и получения социальных благ, авторы вспоминают эти времена как период строительства новой школы у дома, выдачи ордера на новую квартиру, получение дачи и «стенки», а период «перестройки», наоборот, выделяется как время утраты «обуви, пальто, тех же телевизоров и масла».

С 1989 года начинается острая критика реформ. По запискам авторов заметно, как жизнь ухудшается день ото дня. Авторы переступают внутренний духовный рубеж, пишут о том, о чём не могут больше молчать: о вранье и обмане, «показушничестве» в верности комсомолу и ленинским принципам, например, школьник 8 класса записал: *«Мама у нас честный человек и не любит лжи, из-за этого пьяный зоотехник так вульгарно ругала матом при моих одноклассниках, на второй день избила мою маму. В октябре нас будут принимать в комсомол. Как же после этого верить руководителям, а ведь этот зоотехник коммунист, председатель народного контроля, председатель общества трезвости. Учителя нам дают напутствие оставаться работать в колхозе, но как ведут себя наши руководители, хочется только бежать из села»* [3, с. 149-152]. Из-за этого показного вранья многие авторы перестанут верить в идеи коммунизма, воспринимая как обязательность, возненавидят. Точнее, возненавидят тех, кто своими дурными поступками эти идеи извращал.

Дневники 1985-1991гг. очень важны при изучении повседневной жизни и процессов, происходящих в это время в стране, ведь дневники очевидцев – живой голос времени. Проходя по страницам личных дневников, мы замечаем, как меняются взгляды советского человека на окружающую действительность. Начало реформ большинством авторов встречено не просто положительно, а с большим энтузиазмом. Это мы замечаем в дневнике студента, писателя, учительницы иностранного языка. Однако постепенно авторы подмечают, несмотря на новые лозунги, что положение в стране продолжало ухудшаться. Прослеживается мысль, что, подойдя к 1991 году, многие были настолько недовольны своим экономическим положением, что просто не заметили распад великого государства. Причину

современной ностальгии по «золотым советским временам» можно объяснить тем, что это время было понятным для большинства, время стабильной работы и зарплаты, стабильных очередей, но бесплатных квартир. В годы «Перестройки» историческое время полетело очень быстро, к сожалению, неся не только демократизацию и гласность, но и огромные социальные потери. В ментальной памяти «брежневское время» выглядит периодом стабильности между двумя пропастями: горбачевскими реформами и экономическим кризисом «лихих 90-х».

Список литературы

1. Ковалевская Ю.Н. Перестройка в обыденном сознании дальневосточников: тридцать лет спустя / Ю.Н. Ковалевская // Россия и АТР. – 2014. – №4. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://goo.su/14YM> (дата обращения: 16.04.2025).
2. Коняев Н. Дневник за 1989 г. / Н. Коняев. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://prozhito.org/person/3826> (дата обращения: 16.04.2025)
3. Ляшок А. С. Дети перестройки: жизненные миры школьников 1980-х – 1990-х годов // Вестник Пермского университета. 2013. №2. – [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/16gR> (дата обращения: 16.05.2025).
4. Прожито. Личные истории в электронном корпусе дневников: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://prozhito.org> (дата обращения 10.05.2025)
5. Сапрыкин Ю. Как устроена советская повседневность / Ю. Сапрыкин, Т. Дашкова. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://arzamas.academy/mag/225-soviet-daily-life> (дата обращения 10.05.2015).
6. Шелохаев В.В. Дневник за 1987-1991 / В.В. Шелохаев. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://prozhito.org/notes?date=%221989-01-01%22&keywords=%5B%22гласность%22%5D> (дата обращения: 16.04.2025)

**«СЫН ЗЕМЛИ СМОЛЕНСКОЙ»: ПОДВИГ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО
СОЮЗА А.М. АМОСЕНКОВА**

Автор: Соловьев Михаил Дмитриевич

*ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени
К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 2
курса, направление: Агроинженерия, michail.solovjev@gmail.com*

Научный руководитель: Гончарук Елена Игоревна

*ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени
К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат
исторических наук, доцент кафедры истории, efedyun@yandex.ru*

Аннотация: статья посвящена исследованию подвига героя Советского Союза, «сына земли смоленской» - Александра Максимовича Амосенкова. В работе проанализирована биография героя, его жизненный путь, исследованы факторы, повлиявшие на становление его как личности. Особое внимание уделено изучению вклада А.М. Амосенкова в победу над фашистской Германией. Изучен вопрос по увековечению памяти выдающегося смолянина в музейных коллекциях и памятниках. Работа базируется на широком комплексе источников, особую ценность из которых представляют материалы архивов (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации) и музеев (Музей «МБОУ «Крутовская общеобразовательная школа» Велижского района Смоленской области» и Музей «Смоленщина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.»). В основу статьи положена общенаучная и специально-историческая методология исследования.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; герой; подвиг; Смоленск; память; награда

**«SON OF THE SMOLENSK LAND»: THE FEAT OF THE HERO OF THE
SOVIET UNION A.M. AMOSENKOV**

Author: Soloviev Mikhail Dmitrievich

*Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow,
Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), student of second grade, direction:
Agroengineering, michail.solovjev@gmail.com*

Scientific supervisor: Goncharuk Elena Igorevna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), Candidat of Historical Sciences, Assistant Professor of the Department of History, efedyun@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the feat of the Hero of the Soviet Union, «the son of the Smolensk land» - Alexander Maksimovich Amosenkov. The work analyzes the biography of the hero, his life path, and examines the factors that influenced the development of his personality. Particular attention is paid to the study of A.M. Amosenkov's contribution to the victory over Nazi Germany. The issue of perpetuating the memory of an outstanding Smolensk resident in museum collections and monuments is studied. The work is based on a wide range of sources, of which the most valuable are materials from archives (Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation) and museums (Museum of the MBO "Krutovskaya Comprehensive School" of the Velizh District of the Smolensk Region and the Museum "Smolensk Region during the Great Patriotic War of 1941-1945"). The article is based on general scientific and special historical research methodology.

Key words: The Great Patriotic War; hero; feat; Smolensk; memory; award

В условиях геополитической напряжённости и информационных войн исследование героизма прошлого – это акт сохранения исторической памяти и важное напоминание о цене мирной жизни [1, с. 82]. Изучение подвига Александра Максимовича Амосенкова имеет исключительное значение в контексте современных реалий Российской Федерации. Мощная патриотическая нагрузка, заключенная в подвиге А.М.Амосенкова, позволяет воспитывать в современной молодёжи качества мужества, стойкости, чувства долга и верности своему народу, о чём непременно важно помнить в тяжёлое для нашей страны время.

В процессе написания работы было задействовано большое количество источников различных типов. К первой группе относятся архивные материалы – документы из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). В данную группу источников входят наградные материалы А.М.Амосенкова, приказы о присвоении ему орденов и медалей. Вторая группа источников включает в себя музейные материалы. Сюда следует отнести документы из музея «МБОУ «Крутовская общеобразовательная школа» Велижского района Смоленской области», которая с 2000 г. носит имя Героя Советского Союза А.М. Амосенкова. Источники данной группы включают в себя преимущественно фотодокументы о жизни А.М. Амосенкова в мирное время. Ко второй группе источников также относятся и материалы музея «Смоленщина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», несущие в себе общую информацию о сражениях на территории региона. Для понимания полной

картины по исследуемому вопросу, к изучению были привлечены карты боевых действий, сражений и подпольных операций. Третья группа источников – это данные из сети «Интернет». Она объединяет сайты, специализирующиеся на сохранении памяти о героях Великой Отечественной Войны. Среди них: «Герои страны», «Память народа», «Подвиг народа». Комплексное изучение всех групп источников позволило дать объективную оценку подвигу А.М. Амосенкова, исследовать его вклад в победу над фашизмом, изучить феномен героизма как историко-культурной категории.

Методологической основой исследования выступают принципы научной объективности, историзма, системности и логичности. В работе применены общенаучные (описательно-повествовательный, аналитико-синтетический, обобщение) и специальные исторические (ретроспективный, историко-генетический) методы.

Смоленская область всегда играла важную роль в геополитических процессах русской истории в силу своего географического положения. В годы Великой Отечественной войны она служила важным транспортным логистическим узлом, соединяющим центральные районы страны с западными границами. Поэтому Смоленская битва 1941 г. стала одной из важнейших за весь период войны. В июле 1941 г., когда немецкие войска начали наступление на Советский Союз, Смоленск оказался на пути к Москве, что сделало его стратегически важной целью для обеих сторон. Смоленская область стала ареной ожесточённых боев, в ходе которых Красная Армия пыталась замедлить продвижение сил Вермахта к столице. Несмотря на значительные потери, советские войска смогли задержать немецкое наступление, что позволило советскому командованию выиграть время для подготовки обороны Москвы и мобилизации ресурсов. Огромное значение имела Смоленская область и в развитии партизанского движения. Лесистая и болотистая местность региона предоставляла широкие возможности укрытия для партизанских отрядов, которые вели активную диверсионную деятельность, нарушая немецкие линии снабжения и связи. По окончании войны Смоленск стал городом-символом мужества и стойкости советского народа. Он был почти полностью разрушен в ходе боевых действий, но его оборона и последующее освобождение стали важными этапами в изгнании оккупантов с советской земли. Смоленская область внесла значительный вклад в общую победу над нацистской Германией, став примером героизма и жертвенности в борьбе за свободу и независимость.

Смоленская земля породила множество героических личностей, проявивших себя в различные периоды истории нашей Родины. Среди них и А.М. Амосенков (рис 1). Будущий герой родился 1 мая 1919 г. в деревне

Крутое в Велижском районе Смоленской области в большой крестьянской семье. С раннего детства он помогал отцу по хозяйству, из-за чего в школу он пошёл позже своих сверстников. Вскоре, благодаря своему трудолюбию, юный Александр стал одним из лучших учеников в Крутовской средней школе [2, с. 68]. В 1939 г. А.М. Амосенков был призван в ряды Красной Армии. Службу проходил в 14-м артиллерийском полку 4-й стрелковой дивизии. В 1941 г., с началом Великой Отечественной войны, Александр Максимович в составе своего полка принимал участие в боях на Западном фронте. В 1943 г. А.М. Амосенков окончил Тбилисское высшее артиллерийское командное училище. В период 1944–1945 гг. воевал на 2-м Украинском фронте, возглавляя артиллерийский дивизион. После войны А.М. Амосенков продолжил службу в армии. В 1954 г. он окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. Служил на различных командных должностях в артиллерии, занимаясь подготовкой кадров для армии. В 1970 г. Александр Максимович в звании полковника уволился в запас. На протяжении этого времени вместе с Александром Максимовичем была его жена, Зоя Матвеевна Амосенкова (Музалева). Они познакомились в 1946 г. в Одессе, куда после войны был отправлен на службу молодой лейтенант. Зоя Музалева тогда училась в сельскохозяйственном институте. Через полгода они поженились, а в 1951 г. переехали в Москву. Супруги прожили вместе 46 лет, вырастили двоих прекрасных сыновей. Вместе с Александром Максимовичем Зоя Матвеевна часто приезжала на малую Родину мужа, в Крутое, где встречалась с учениками в рамках патриотических мероприятий [3, с. 199].

Рисунок 1 –Амосенков Александр Максимович (фото из архивов музея «МБОУ «Крутовская общеобразовательная школа» Велижского района Смоленской области»)

Свой подвиг Александр Максимович совершил во время Будапештской кампании, при форсировании реки Дунай. В ночь на 5 декабря 1944 г. А.М. Амосенков одним из первых переправился через реку со своей пехотой в районе деревни Эрчи, откуда в последующем бою координировал огонь нашей артиллерии по обнаруженным огневым точкам противника. Благодаря усилиям Александра Максимовича, артиллерийскому полку удалось преодолеть огневые точки противника и обеспечить переправу основных частей дивизии на западный берег Дуная, что поспособствовало дальнейшему захвату и расширению захваченного нашими войсками плацдарма. В ходе боя А.М. Амосенков получил ранение [4, с. 123]. 24 марта 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета за мужество и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, лейтенант Амосенков Александр Максимович был награждён Орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда» с присвоением звания

За годы службы А.М. Амосенков был неоднократно награжден орденами и медалями различной степени, среди которых Орден Красного Знамени, два ордена Отечественной войны I степени, три ордена Красной Звезды, Медаль «За боевые заслуги», Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и другие юбилейные медали. Награды Александра Максимовича – это не просто символы его заслуг. Это отражение его вклада в дело защиты Родины, проявление его мужества, героизма и самоотверженности.

Вклад А.М. Амосенкова в победу в Великой Отечественной войне трудно переоценить. В октябре 1944 г. войска Второго Украинского фронта стали стремительно продвигаться вглубь Венгрии. Целью было взятие Будапешта. На пути к городу было серьёзное препятствие – река Дунай, правый берег которой на 80 метров выше левого. Первым делом было необходимо было провести разведку и узнать всё о системе обороны противника. Командование поручило это лейтенанту Амосенкову.

Ввиду того, что берега находились на разной высоте, позиция врага была более выгодной, что осложняло всю операцию. Приказ о начале форсирования Дуная был получен в ночь с 5 на 6 декабря 1944 г. Ночь была светлой и безоблачной, что играло на руку противнику, советские солдаты были как на ладони. Предстояло преодолеть 800 м могучей реки. В один момент советские солдаты заметили над головами осветительные ракеты, и стало ясно – их обнаружили. Заметив десант, противник открыл огонь на поражение, в свою очередь, наши солдаты ответили тем же. Когда до берега оставалось 50 метров, было принято решение двигаться вплавь. Под осветительными ракетами противника советские воины были отчётливо

видны. И вот, наконец, под ногами десантников появилось дно реки, и они уверенно стали пробираться к позициям немцев. Противник, наседая, старался сбросить советских воинов обратно в реку, но под плотным обстрелом нашим солдатам удалось занять первую траншею противника.

Закрепиться и дождаться подкрепления – это основная задача отряда советских войск. Но силы иссякали, а противник продолжал попытки вытеснить наших солдат. А.М.Амосенковым было принято решение навести огонь артиллерии на себя. Тогда в воздух взмыла зелёная ракета – сигнал для наших артиллеристов. Земля содрогнулась от выстрелов, огонь нашей артиллерии стал неожиданностью для немцев, они сразу стали отступать и сдавать позиции. Лейтенант Александр Амосенков и радист Черкашин держали связь со штабом и корректировали огонь артиллерии.

Днём 6 декабря противник несколько раз пытался перейти в контрнаступление, но все атаки были отражены и немцам пришлось отступать. Ночью того же дня противник замолчал, приготовившись к танковому наступлению. Всего в битве участвовало 28 немецких бронемашин, а позади двигалась пехота. Командир батареи приказал расстреливать немецкие танки с расстояния 300-400 метров и не открывать огня без команды. Для отражения атаки были задействованы все силы: вела огонь артиллерия, орудия били прямой наводкой, были применены миномёты. Один из снарядов врага попал в машину А.М. Амосенкова, смертельно ранив сержанта Ефремова. Тогда лейтенант принял решение самолично принять управление орудием и продолжил отражать атаки противника [5, с. 41]. Позже в бронемашину лейтенанта попал ещё один снаряд, и он потерял сознание. Очнувшись в госпитале А.М. Амосенков узнал, что вражеская атака потерпела поражение. Благодаря слаженным действиям наших солдат атаку удалось отбить.

Таким образом, подвиг при форсировании Дуная – один из ключевых моментов Будапештской операции. Благодаря действиям Александра Максимовича Амосенкова советские войска смогли захватить плацдарм на правом берегу реки, что ускорило освобождение Будапешта и приблизило победу над фашистской Германией.

Современное молодое поколение обязано знать и помнить о событиях Великой Отечественной войны, чтить память своей великой страны, чьи сыны приближали победу над страшным фашистским режимом. Молодежь должна знать, что мир – это не данность, за счастливое будущее было пролито много крови и отданы миллионы жизней [6, с. 110]. Мирное и свободное будущее – это то, за что нужно бороться и всегда помнить о людях, что подарили его нам.

Памятники и музеи – это материальное воплощение памяти о войне, дань уважения тем, кто отдал свою жизнь за Родину [7, с. 79]. Они позволяют сохранить историю для будущих поколений и не допустить повторения трагедии. Обязанность каждого – хранить память о героях, чтить и уважать подвиги наших предков. Память о подвиге Героя Советского Союза А.М. Амосенкова увековечена в музейных экспонатах, барельефах, архитектурных сооружениях. Так, в Велиже Смоленской области герою А.М. Амосенкову установлен барельеф, а его именем названа школа № 1. В г. Смоленске в честь Александра Максимовича названа улица, а подвиг героя упомянуть на мемориальной доске. Личные вещи А.М. Амосенкова экспонируются в музеях Великой Отечественной войны в городах Москва и Смоленск. Увековечивание памяти о подвиге А.М. Амосенкова происходит в культуре и образовании. Ежегодно в день рождения Александра Максимовича в Велиже организовываются памятные мероприятия. В школах Смоленской области проводятся уроки мужества, посвящённые подвигу знаменитого смолянина, на которых школьники узнают о жизни и отважном поступке героя Советского Союза, его вкладе в победу над врагом.

Таким образом, имеющая стратегическое расположение Смоленская земля породила целую плеяду выдающихся личностей, в числе которых и А.М. Амосенков. Низкого происхождения, крестьянский сын из небольшой деревеньки Велижского района стал поистине великой личностью, оставив глубокий след в истории Великой Отечественной войны. Он прошёл путь от рядового солдата до полковника, участвуя в боях на Западном и 2-м Украинском фронтах. Его подвиг при форсировании Дуная стал одним из ключевых моментов в Будапештской операции, приблизившим долгожданную победу. После войны Александр Максимович Амосенков продолжил служить Отечеству: он активно участвовал в восстановлении народного хозяйства, занимался патриотическим воспитанием молодёжи на службе. Его имя увековечено в названиях улиц, школ, мемориальных досок и барельефов. Память о герое бережно хранится в музеях Смоленской области и всей России. А.М. Амосенков – это символ героизма и самоотверженности советского народа, его подвиг служит вечным напоминанием о цене победы и о том, что даже в самые тяжёлые времена человек способен на великие поступки.

Список литературы

1. Гончарук Е.И. Вклад донецких историков-фронтовиков в исследование событий Великой Отечественной войны на Донбассе / Е. И. Гончарук // Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: историческая память и вызовы современности: сборник материалов I-й Международной научно-практической конференции, приуроченной к 79-й годовщине

Победы в Великой Отечественной войне, Москва, 25 апреля 2024 года. Москва: Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, 2024. С. 82-86.

2. Беляев И. Солдатская слава Смоленщины / И. Беляев. М.: Московский рабочий, 1980. 199 с.

3. Воробьев Е. По старой Смоленской дороге / Е. Воробьев. М.: Московский рабочий, 1979. 320 с.

4. Герои Советского Союза: краткий биографический словарь / [А.А. Бабаков (руководитель), Ф.Н. Абрамов, А.М. Агеев и др.]; редкол.: Герой Советского Союза генерал армии И.Н. Шкадов - председатель [и др.]; Министерство обороны СССР, Главное управление кадров, Институт военной истории, Центральный архив. Москва: Воениздат, 1987. 909 с.

5. Баженов А.Н., Шевчук В.П. В боях под Смоленском / А.Н. Баженов, В.П. Шевчук. М.: Московский рабочий, 1984. 63 с.

6. Федюн Е.И. Великая Отечественная война в трудах донецких историков-фронтовиков / Е. И. Федюн // Память о Великой победе: межвузовский сборник статей. Том Часть II. Москва: Ассоциация технических университетов, 2016. С. 110-119.

7. Гончарук Е.И. Деятельность Донецкой областной организации охраны памятников истории и культуры (1960-1980 гг.) / Е. И. Гончарук // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы VIII Международной научной конференции, Донецк, 25–27 октября 2023 года. Донецк: Донецкий государственный университет, 2023. С. 79-81.

УДК796.1:37.036+ 94(47).084(075.8)

ЭКСПОРТ СОВЕТСКИХ МЕТОДИК ШАХМАТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1970-1980 ГГ.

Автор: Стенин Никита Иванович

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса факультета Экономики и Управления АПК, n_stenin@inbox.ru

Научный руководитель: Тарасенко Виталий Николаевич

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, lasker88@mail.ru

Аннотация.Статья посвящена анализу экспортируемых советских методик шахматного образования в период 1970–1980 годов. Рассматривается комплексный подход, лежащий в основе советской шахматной школы, включающий глубокий анализ классических партий, развитие тактического расчёта, психологическую подготовку и методы работы с дебютами и эндшпилем. Особое внимание уделено влиянию политико-идеологических факторов эпохи Холодной войны на распространение этих методик за рубеж, их адаптации в различных странах и формированию международных образовательных программ в шахматном спорте. Работа демонстрирует, как принципы советского шахматного образования стали эталоном для развития шахмат как массового спорта и инструмента интеллектуального воспитания, способствуя глобальному росту уровня игры.

Ключевые слова: советские методики; шахматное образование; спортивная педагогика; международное распространение; тактический расчёт; психологическая подготовка; дебют

EXPORT OF SOVIET CHESS EDUCATION METHODS IN 1970-1980s

Author: Stenin Nikita Ivanovich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya St., 49), 1st year student of the Faculty of Economics and Management of the Agro-Industrial Complex, n_stenin@inbox.ru

Scientific Supervisor: Tarasenko Vitaly Nikolaevich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the History Department, lasker88@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the exported Soviet methods of chess education in the period of 1970-1980. The complex approach underlying the Soviet chess school is considered, including a deep analysis of classical games, the development of tactical calculation, psychological preparation and methods of working with openings and endgames. Particular attention is paid to the influence of political and ideological factors of the Cold War era on the spread of these methods abroad, their adaptation in various countries and the formation of international educational programs in chess sport. The work demonstrates how the principles of Soviet chess education became the standard for the development of chess as a mass sport and an instrument of intellectual education, contributing to the global growth of the level of play.

Keywords: Soviet methods; chess education; sports pedagogy; international distribution; tactical calculation; psychological preparation; opening

Цель исследования — анализ процесса экспорта советских методик шахматного образования в период 1970–1980 годов, их адаптации в различных странах, влияния на развитие мировых шахмат и образовательных программ, а также роли политических, культурных и технологических факторов в их распространении. Исследование направлено на систематизацию ключевых элементов советской школы: анализ классических партий, психологическая подготовка, работа с эндшпилем, изучение механизмов их интеграции в международные образовательные системы и оценку долгосрочного вклада этих методик в трансформацию шахмат в массовый спорт и образовательный инструмент.

Основу исследования составили литературные источники советских шахматных теоретиков, включая работы Александра Котова, Давида Бронштейна и Марка Дворецкого, а также их переводы на иностранные языки. Особое внимание уделялось роли политического контекста Холодной войны, где шахматы выступали инструментом «мягкой силы», а их методики — элементом идеологического влияния. Методы исследования сочетали качественный анализ текстов и междисциплинарный подход, объединяющий спортивную педагогику, политическую историю и социокультурные исследования.

Шахматы официально признаны видом спорта Международным Олимпийским Комитетом и включены во Всероссийский реестр, что подтверждает их статус наравне с традиционными дисциплинами. Несмотря на интеллектуальную основу, шахматы требуют физической выносливости и психологической устойчивости, что ярко демонстрируют примеры вроде изнурительного матча Карпова за звание чемпиона мира, где игроки теряли вес, а их пульс достигал критических значений.

Подготовка шахматистов строится вокруг глубокого анализа партий, работы с базами данных и компьютерными программами, включая

чемпионов мира, подчёркивают важность специализированного образования, сочетающего теорию и практику [1, с. 133].

В отличие от физически активных видов спорта, таких как футбол, шахматы делают ставку на абстрактно-логическое мышление, а тренировки фокусируются на информационной подготовке. При этом они сохраняют строгие правила, иерархию званий и систему международных турниров, что соответствует критериям спорта [2, с. 61].

Социальная роль шахмат многогранна: они сочетают науку, искусство и философию самосовершенствования. Включение их в школьные программы, как в Армении и Норвегии, раскрывает воспитательный потенциал игры, развивающей критическое мышление и дисциплину [3, с. 344].

Однако популярность шахмат уступает многим традиционным видам спорта — в России они занимают лишь 8-е место по числу занимающихся. Это связано с восприятием их как «интеллектуального хобби». Для роста массовости необходимы цифровизация тренировочных процессов, адаптация антидопинговых стратегий и популяризация через образовательные инициативы.

Советская шахматная методика строилась на комплексном подходе, где каждый элемент обучения был направлен на формирование универсального мастерства. В её основе лежал глубокий анализ типовых позиций — шахматисты изучали классические партии и этюды, такие как эндшпильные шедевры Рихарда Рети или дебютные схемы Арона Нимцовича. Этот процесс сравнивали с изучением иностранного языка: чем больше «слов»-позиций запоминает игрок, тем свободнее он ориентируется в игре, мгновенно распознавая знакомые структуры и принимая решения [4, с. 12].

Тренировка расчёта вариантов требовала от игроков умения мысленно проигрывать многоходовые комбинации без перемещения фигур. В СССР были разработаны упражнения, где шахматисты решали тактические задачи «вслепую», развивая не только комбинационное зрение, но и оперативную память. Например, ученики начинали с простых «мат в два хода», постепенно переходя к сложным позициям, а все ошибки фиксировали в дневник для анализа. Этот метод помогал превратить случайные промахи в осознанные уроки [5, с. 66; 6, с. 104].

Психологическая подготовка была не менее важна. Шахматист должен сохранять хладнокровие даже в цейтноте. Для этого имитировались турнирные условия на тренировках: сокращалось время на обдумывание, организовывались матчи с жёсткими правилами или подключались «стрессовые» факторы, например шум в зале. Известен случай, когда гроссмейстеры тренировались при включённом метрономе, чтобы привыкнуть к отвлекающим звукам.

Работа с дебютами и эндшпилем строилась на принципе «от общего к частному». Вместо механического заучивания вариантов ученики изучали идеи, стоящие за ходами: зачем фигура занимает определённое поле, как взаимодействует с другими. В эндшпиле выделялись ключевые правила, такие как «оппозиция» в пешечных окончаниях или важность активности короля. Эти принципы, подкреплённые примерами из партий Хосе Рауля Капабланки и Александра Александровича Алехина, учили находить ресурсы даже в, казалось бы, безнадёжных позициях [7, с. 34].

Эти методы не существовали изолированно — они переплетались, создавая систему. Анализ типовых позиций помогал быстрее рассчитывать варианты, психологическая устойчивость позволяла применять знания под давлением, а понимание дебютных идей упрощало переход к выигрышному эндшпилю. Даже за пределами СССР эти принципы стали эталоном. Современные тренеры до сих пор используют «дневник ошибок» и «слепой расчёт» в обучении.

Советские методики шахматного образования, ставшие эталоном в XX веке, распространились далеко за пределы СССР, кардинально изменив подход к обучению шахматам во всём мире. Этот процесс стал возможен благодаря уникальному сочетанию государственной поддержки, системности подготовки и научного подхода, который превратил шахматы из интеллектуального хобби в массовый спорт и образовательный инструмент.

Распространение советских методик началось ещё до распада СССР. Эмиграция таких гроссмейстеров, как Виктор Корчной, который в 1976 году покинул Советский Союз и начал тренировать игроков в Швейцарии и Нидерландах, познакомила Запад с глубиной советского анализа. Другой пример — Марк Дворецкий, чьи ученики, включая венгра Петра Лeko и француза Этьена Бакро, стали проводниками советской школы в Европе. Даже американская сборная не осталась в стороне: Александр Никитин, бывший тренер тринадцатого чемпиона мира, консультировал команду США, внедряя принципы подготовки, отточенные в СССР.

Не менее важную роль сыграла переводная литература. Книги вроде «Моя система» Арона Нимцовича или «Тренировка шахматиста» Александра Котова стали настольными пособиями для игроков от Нью-Йорка до Токио. Работы Давида Бронштейна, особенно его анализ Цюрихского турнира 1953 года, до сих пор считаются образцом комментирования партий. Даже Бобби Фишер, икона американских шахмат, учил русский язык, чтобы читать советские журналы «Шахматы в СССР» и «64», которые считались кладом стратегических идей [8, с. 18].

Книга Александра Котова «Записки шахматиста» (оригинальное название — «Тренировка шахматиста») стала одной из ключевых работ,

экспортировавших советские методики шахматного образования в 1970–1980-х годах. Она была переведена на английский («*Think Like a Grandmaster*», 1971), немецкий, испанский и другие языки, активно распространяясь через ФИДЕ и шахматные федерации стран соцлагеря.

В книге Котов систематизировал подходы советской школы: анализ типовых позиций, методы расчета вариантов, психологическую подготовку. Её использовали в учебных программах Кубы, Индии и Восточной Европы. Например, кубинский гроссмейстер Хосе Рауль Капабланка-младший упоминал влияние этой работы на местные шахматные академии.

Издания 1970-х сохраняли оригинальные схемы тренировок, но адаптировались под аудиторию: в английской версии добавлены комментарии для западных тренеров. Книга входила в списки рекомендованной литературы для семинаров в Азии и Африке

Советский Союз активно использовал шахматы как инструмент «мягкой силы». ФИДЕ, при поддержке СССР, запустила в 1970-х программы вроде «Школ гроссмейстеров», где советские тренеры обучали юниоров из Азии, Африки и Латинской Америки. Эти инициативы принесли плоды: например, индийский чемпион мира Вишванатан Ананд признавал, что его успех стал возможен благодаря изучению методик Ботвинника и Петросяна. В Китае, куда в 1980-х пригласили советских специалистов, шахматная программа взлетела с 30-го места в рейтинге ФИДЕ до чемпионства ЦзюйВэньцзюня в 2018 году.

На Западе советские подходы адаптировали под местные реалии. После легендарного матча Фишер—Спаский (1972) в США начался «шахматный бум»: открылись сотни клубов, а тренеры вроде Романишина и Джонатана Тиша внедряли этюды и эндшпильный анализ по советским образцам. В Европе, особенно в Испании и Германии, стали копировать систему детских турниров и школ, вдохновлённых опытом Ботвинника. Даже современные чемпионы, такие как Магнус Карлсен, подчёркивают, что их стратегическое мышление выросло из советских эндшпильных этюдов Рети и Троицкого [9, с. 174].

Политический подтекст Холодной войны усиливал этот интерес: шахматы стали метафорой интеллектуального противостояния, а изучение советских методик воспринималось как стратегическая необходимость. К 1980-м годам переводы книг Давида Бронштейна и Марка Дворецкого стали обязательными в арсенале западных тренеров, доказав, что советская школа — не просто эталон, но и ключ к пониманию глубины шахмат как искусства и науки.

Ключевые элементы советской школы — анализ классических партий, упор на эндшпиль, психологическая подготовка — сегодня стали

универсальным языком шахмат. Компьютерные технологии, которые Ботвинник начал внедрять ещё в 1980-х с проектом «Пионер», эволюционировали в базы данных ChessBase и алгоритмы Stockfish, но их основа остаётся прежней: глубокая аналитическая работа.

В заключении можно отметить, что советские методики шахматного образования, разработанные в период 1970–1980 годов, оказали глубокое и всестороннее воздействие не только на развитие шахматного спорта, но и на систему образования в целом. Эти методики, базировавшиеся на системном анализе классических партий, тщательной работе с дебютами и эндшпилем, а также на методах психологической подготовки, продемонстрировали, что обучение шахматам может служить эффективным инструментом для развития критического мышления, оперативной памяти и аналитических способностей[10]. Значительный образовательный потенциал данных методик проявляется в том, что они не ограничиваются подготовкой профессиональных игроков, а успешно интегрируются в учебные программы, способствуя формированию интеллектуальных навыков у детей и подростков. Опыт внедрения этих методов в странах Запада, Азии и Африки свидетельствует о том, что системное шахматное образование способно стать неотъемлемой частью общего образовательного процесса, направленного на развитие логики, стратегии и умения принимать обоснованные решения в условиях стресса. Более того, адаптация советских подходов в современных условиях с учетом цифровых технологий и новых педагогических методик открывает перспективы для создания гибкой и эффективной системы обучения, которая может воспитывать новое поколение шахматистов и способствовать их всестороннему интеллектуальному и личностному развитию.

Таким образом, анализ экспортируемых методик показывает, что успех советской шахматной школы заключался не только в подготовке выдающихся спортсменов, но и в формировании целостного образовательного подхода, который продолжает оказывать влияние на современные тренинговые программы и методы педагогики в области интеллектуального спорта.

Список литературы

1. Михайлова, И. В. Шахматы как полноправный вид спорта: современная проблематика и методологические аспекты / И. В. Михайлова, А. С. Махов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2015. – № 6(124). – С. 132-140. – DOI 10.5930/issn.1994-4683.2015.06.124.p132-140. – EDN UADEYD.
2. Костьев, А. Шахматное образование / А. Костьев // Высшее образование в России. – 2006. – № 8. – С. 59-63. – EDN IBVLSF.

3. Батарина, А. Е. Рецепция шахматного спорта в отечественном кино 1970-1980-х годов / А. Е. Батарина // Художественная культура. – 2022. – № 2(41). – С. 340-365. – DOI 10.51678/2226-0072-2022-2-340-365. – EDN HACSXGE.
4. Котов, А. Записки шахматиста. — Москва: Молодая гвардия, 1957. — 256 с.
5. Бронштейн, Д.И. 200 открытых партий. — Москва: Физкультура и спорт, 1970. — 248 с.
6. Дворецкий, М. Искусство маневрирования. — Москва: Б-ка РШФ, 2016. — 254 с.
7. . Нанн, Дж. Секреты практических шахмат. — Москва: Русский Шахматный Дом, 2012. — 304 с.
8. Исторические аспекты завоевания титула чемпиона мира по шахматам и появление стаунтоновских шахмат / В. В. Казаненко, Н. Д. Сигов, М. А. Рогожников, В. В. Сердюковский // Физическая культура и спорт в профессиональном образовании : Межвузовский сборник научно-методических работ / Под редакцией В.А. Щеголева. — Санкт-Петербург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого", 2020. — С. 17-20. — EDN INUJVO.
9. Таштекеев, С. Б. Основные подходы к развитию детско-юношеской спортивной школы по шахматам / С. Б. Таштекеев // Известия Национальной Академии наук Кыргызской Республики. – 2024. – № 1. – С. 171-176. – EDN OVACWX.
10. Оришев, А.Б. История России от XIX до XXI века: учебное пособие для вузов / А.Б. Оришев, С.А. Миронюк, А.С. Позднякова, Д.Н. Христенко, М.В. Шерстюк. — Москва: Российский государственный аграрный университет, 2024. — 339 с.

ОБМУНДИРОВАНИЕ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ НА ЗАРЕ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917–1922)

Автор: Сугробов Дмитрий Антонович

*ФБГОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»,
Москва, Россия (117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6), студент 2 курса факультета
гуманитарных и социальных наук, 1132230655@pfur.ru*

Научный руководитель: Колпаков Пётр Александрович

*ФБГОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
Москва, Россия (117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6), кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России, kolpakov-pa@rudn.ru*

Аннотация. В данной статье рассматривается эволюция форменного обмундирования Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) в период Гражданской войны в России (1917-1922 гг.). Анализируются факторы, повлиявшие на развитие униформы, включая экономическую разруху, идеологические установки и необходимость быстрой мобилизации больших масс населения. Особое внимание уделяется переходу от разнородного обмундирования, состоящего из военной формы армий разных стран и гражданской одежды, к более стандартизированным образцам. Рассматриваются основные элементы униформы РККА, такие как шинель, гимнастерка, головные уборы (будёновка), обувь и знаки различия. Исследуется влияние обмундирования и внешнего облика военнослужащего на формирование идентичности красноармейца и укрепление боевого духа. В статье затронуты проблемы обеспечения войск униформой и предпринимавшиеся меры по их решению. На основе анализа монографий и визуальных источников дается комплексное представление об особенностях и значении форменного обмундирования РККА в годы Гражданской войны.

Ключевые слова: РККА; Гражданская война; форменное обмундирование; униформа; вещевое снабжение; знаки различия.

THE UNIFORMS OF THE WORKERS' AND PEASANTS' RED ARMY AT THE DAWN OF SOVIET RUSSIA (1917–1922)

Author: Sugrobov Dmitry Antonovich

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia (Miklukho-Maklaya str., 6, 117198, Moscow), 2nd year student at the Faculty of Humanities and Social Sciences, 1132230655@pfur.ru

Scientific supervisor: Kolpakov Peter Alexandrovich

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia (Miklukho-Maklaya str., 6, 117198, Moscow), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Russia, kolpakov-pa@rudn.ru

Abstract. This article examines the evolution of the uniforms of the Workers' and Peasants' Red Army (Red Army) during the Russian Civil War (1917-1922). The factors that influenced the formation of the uniform, including economic devastation, ideological attitudes and the need for rapid mobilization of large masses of the population, are analyzed. Particular attention is paid to the transition from military uniforms of armies of different countries and civilian clothes to more standardized patterns. The main elements of the Red Army uniform, such as overcoat, tunic, hats (budenovka), shoes and insignia, are considered. The influence of uniforms on the formation of the identity of the Red Army soldier and the strengthening of morale is investigated. The article also discusses the problems of providing troops with uniforms and the measures being taken to solve them. Based on the analysis the monographs and visual sources, a comprehensive understanding of the features and significance of the Red Army uniforms during the Civil War is given.

Keywords: Red Army; Civil War; Uniforms; uniforms; clothing supplies; insignia

Вещевое снабжение вооруженных сил является одним из наиболее значимых направлений их обеспечения, непосредственно влияющих на способность эффективно выполнять боевые задачи. Традиционно к форменному обмундированию предъявляется ряд требований, среди которых функциональность, качество и оптимальность стоимости.

Целью статьи является реконструкция исторического опыта разрешения проблемы обмундирования Рабоче-Крестьянской Красной Армии на заре становления Советской России в условиях глубокого хозяйственного упадка и вооруженной борьбы с контрреволюционными силами.

Острота противоречий в российском обществе в начале XX в. и осложнение обстановки внутри страны вследствие военных неудач на фронтах Первой мировой войны стали следствием крушения империи. Курс преобразований, реализовывавшийся Временным правительством, не выправил ситуацию. В результате октябрьского вооруженного восстания 1917 г. власть в стране перешла к Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

С момента становления советская власть была вынуждена бороться за свое существование в условиях углублявшегося кризиса, охватывавшего все сферы общественной жизни и государственного управления. Вместе с приходом к власти большевиков в России началась Гражданская война. Осуществлялась подготовка иностранной интервенции на ее территорию. Формировались очаги белого движения. В декабре 1917 г. было подписано

англо-французское соглашение о помощи белогвардейцам [1, с. 246].

Сложившаяся обстановка требовала принятия незамедлительных мер по организации вооруженных сил молодого советского государства. Декретом от 15 (28) января 1918 г. была образована Рабоче-Крестьянская Красная армия (РККА). Указанный нормативный акт устанавливал, что источником кадров для РККА являлись «наиболее сознательные из организованных элементов трудящихся классов», а доступ в ее ряды был «открыт для всех граждан Российской Республики не моложе 18 лет». Также декрет «О Рабоче-Крестьянской Красной Армии» регламентировал вопросы материального характера: устанавливалась норма довольствия в 50 рублей в месяц, а семьи воинов РККА получали социальные гарантии, заключавшиеся в получении всего необходимого по местным потребительным нормам [2].

Но вскоре новосозданная армия пролетариата ощутила резкую нехватку личного состава для покрытия направлений марша контрреволюционных сил. Система набора войск на основе одних добровольцев показала свою недееспособность, что вынудило партию большевиков ввести всеобщую воинскую повинность, приведшую к резкому увеличению численности красноармейцев. Также немаловажным фактором стал призыв на военную службу около 75 тысяч генералов и офицеров царской армии в качестве военных специалистов и в редких случаях как командный состав [3, с. 4].

Очевидно, что перечисленными аспектами проблема обеспечения сложного механизма воюющей армии не ограничивалась. Войскам было необходимо вооружение, транспортные средства, продовольствие. Одной из наиболее значимых потребностей было вещевое снабжение.

Кадровой основой для РККА стали отряды Красной гвардии – основная боевая сила большевиков в борьбе за власть [4, с. 22–29]. Они не имели единой формы, а отличительными признаками бойцов Красной гвардии были красные повязки на рукаве или красный бант на груди. Поэтому приказом от 30 сентября 1918 г. № 929 разрешалось использовать форму одежды бывшей Русской императорской армии без знаков различия (установленная приказами по военному ведомству от 10 марта 1909 г. №100 и от 7 мая 1912 г. № 218). Также были распространены элементы гражданской одежды [5, с. 6]. Такие допущения были вынужденной мерой. Для производства обмундирования требовались дефицитные ресурсы.

Формой старого режима советская власть не была довольна. Отрекаясь от старого мира, руководство страны 7 мая 1918 г. приказом Наркомвоенмора № 326 объявило о начале конкурса по разработке формы обмундирования РККА. 19 апреля 1918 г. был установлен нагрудный знак в виде красной звезды с дубовым золотым венком, а 29 июля того же года

установлена кокарда на головной убор. Униформа РККА была неоднородной из-за использования старых запасов императорской армии, таких как шерстяные шапки, папахи, защитные рубахи с отложным воротником, шерстяные брюки, заправлявшиеся в сапоги или обматывавшиеся портянками, шинели и овчинные шубы [6, с. 22–29].

Первыми нововведениями стали предметы одежды и снаряжения, введённые приказом Революционного Военного Совета Республики (РСВР) № 116 от 16 января 1919 г.: установлены зимний головной убор образца 1919 г., нарукавные знаки различия, а также вводилась цветовое обозначения по родам войск.

Суконный головной убор («богатырка», «фрунзенка», «будёновка») был введен во все рода войск. Сферическо-конический шлем с простроченным мягким козырьком. Отвороты на головном уборе были хорошей защитой от ветра и холода, покрывая большую часть шеи. На фронтальную часть шлема нашивалась суконная пятиконечная звезда по цвету рода войск [7, с. 10].

Даже в условиях декларирования идеи всеобщего равенства армия не могла существовать без иерархии. Требовалось выделить соответствующими знакам командиров, при этом, не возобновляя традицию использования погон, ассоциировавшихся с царской армией. Некоторые командующие вводили в своих частях и соединениях собственные знаки различия для командиров, но во всей армии не хватало единой системы.

Новые знаки должны были отличаться простотой и информативностью относительно восприятия звания их носителя. Было принято решение нашивать их на форму. Наручная алая звезда с серпом и молотом и чёрным кантом нашивалась на левый рукав рубахи или шинели над обшлагом. Наручные звёзды были двух размеров для младшего, среднего и старшего командных составов (11 см и 14,5 см соответственно). Под звёздами располагались геометрические фигуры, указывающие на должность (для младшего командного состава – треугольники, среднего – квадраты, старшего – ромбы) [7, с. 151].

Значительные новшества в форменное обмундирование РККА внес приказ РСВР от 8 апреля 1919 г. Нормативным актом вводилась летняя рубаха, шинель для пехоты и кавалерии, а также кожаные лапти. Этот же приказ регулировал и цвет звезд, нашивавшихся на буденовку, и сукна, которым обтягивали пуговицы шлема. Пехотные части носили малиновую звезду, кавалерия – синюю, артиллерия – оранжевую, авиация – голубую, инженерные войска – черную, пограничные войска – зеленую [8].

Летняя рубаха образца 1919 г., как и шинель, была первой советской разработкой в вопросе формы. По сравнению с обмундированием Русской

императорской армии, рубаха была выполнена из более дешёвых материалов (сказывались условия Гражданской войны). Воротник застёгивался на два крючка, на грудь нашивалась планка со спрятанными в ней двумя пуговицами. Также стоит отметить цветные планки на груди, указывавшие на принадлежность военнослужащего к роду войск. Шинель, называвшаяся в документах «кафтаном», изготавливалась из шинельного сукна, застёгивалась на четыре крючка. На левый борт шинели пришивались три цветные планки. Обшлаг на рукавах и воротник делались из того же шинельного сукна, но более тёмного цвета.

На заре становления Советской России РККА остро ощущала дефицит основных вещей, в частности обуви. Поэтому, согласно приказу РСВР № 628, вместе с рубахой и кафтаном на снабжение были приняты легко производимые кожаные лапти. Вместе с этим основная масса красноармейцев была одета в форму, оставшуюся на складах царских армий, трофейные английские и американские френчах.

Основной задачей формы образца 1919 г. стало наделение Красной армии собственным образцом, противопоставлявшим ее воинов контрреволюционным силам. Особое внимание уделялось повышению дисциплины на основе унификации внешнего вида и создания новой системы знаков различия.

В условиях Гражданской войны и глубокого экономического упадка снабжение РККА было сложной проблемой. Снижение расходов обеспечивалось использованием менее дорогих материалов и элементов обмундирования, производившихся по простым технологиям.

Список литературы

1. Васюков В.С. Предыстория интервенции. Февраль 1917 – март 1918. Москва: Политиздат, 1968. С. 246.
2. Декрет «О Рабоче-Крестьянской Красной Армии» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс». 2024. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5323/> (дата обращения 05.01.2024).
3. Шунков В.Н. Красная армия. Организация, структура, униформа, знаки различия, боевые награды, оружие пехоты, танки, артиллерия, авиация. Москва, 2006. С.4
4. Абрамовский А.П., Морозов Е.Г. Особенности формирования Красной гвардии в 1917–1918 гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 1992. № 2(4). С. 22–29.
5. Гусев И. Е. Награды, знаки различия и униформа Великой Отечественной войны. М.: АСТ, 2015. С. 6.
6. Шалито А., Савченков И., Рогинский Н., Цыпленков К. Униформа Красной армии 1918–1945. Москва: Восточный горизонт, 2001. С. 5
7. Харитонов О. В. Иллюстрированное описание обмундирования и знаков различия советской армии (1918—1958 гг.). Ленинград, 1960. С. 10.

8. Две версии происхождения «буденовки»: из истории головных уборов РККА [Электронный ресурс] // Военное обозрение. 2020. URL: <https://topwar.ru/172585-dve-versii-proishozhdenija-budenovki-iz-istorii-golovnyh-uborov-rkka.html>(дата обращения 05.04.2025).

СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ: АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ РАБОТ

Автор: Терентьев Александр Алексеевич

*ФБГОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет – СПбГУ»,
Санкт-Петербург, Россия (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9),
студент 1 курса Института истории, svtvbndr@mail.ru*

Научный руководитель: Пученков Александр Сергеевич

*ФБГОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет – СПбГУ»,
Санкт-Петербург, Россия (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9),
доктор исторических наук, профессор кафедры Новейшей истории России, ap80@mail.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению некоторых основных работ по теме Гражданской войны на Юге и Востоке России, опубликованных в посткоммунистический период. Отмечаются основные особенности современной российской историографии, содержание которых в свою очередь обусловлено исследовательскими условиями и идеологическими ограничениями советского периода. В рамках работы были выявлены основные причины популяризации темы Гражданской войны в исследовательском пространстве в посткоммунистический период, а также указаны тенденции в развитии современной российской историографии. В статье проанализированы труды по теме таких отечественных авторов, как В. Ж. Цветков, Р. Г. Гагкуев, Г. З. Иоффе, В. Б. Лобанов, А. С. Пученков, а также ряда ряда других. Автором была проведена оценка исследовательского потенциала внутри заданной темы и проанализирована интенсивность публикаций новых исследований.

Ключевые слова: Гражданская война; историография Гражданской войны; Юг России; Добровольческая армия

MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE CIVIL WAR IN RUSSIA: ANALYSIS OF THE MAIN WORKS

Author: Terentev Alexander Alekseevich

Saint Petersburg State University – SPBU; Saint Petersburg, Russia (199034, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9), student, Institute of History, svtvbndr@mail.ru

Scientific supervisor: Puchenkov Alexander Sergeevich

Saint Petersburg State University – SPBU; Saint Petersburg, Russia (199034, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9), Doctor of Historical Science, Professor of the Department of Modern History of Russia, ap80@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the consideration of some of the main works on the topic of the Civil War in the South and East of Russia, published in the post-communist period. The main features of modern Russian historiography are noted, the content of which in turn is conditioned by the research conditions and ideological limitations of the Soviet period. As part of the work, the main reasons for the popularization of the topic of the Civil War in the research space in the post-communist period were identified, and trends in the development of modern Russian historiography were indicated. The article analyzes the works on the topic of such Russian authors as V. Zh. Tsvetkov, R. G. Gagkuev, G. Z. Ioffe, V. B. Lobanov, A. S. Puchenkov, as well as a number of others. The author assessed the research potential within a given topic and analyzed the intensity of publications of new studies.

Key words: Civil War; historiography of the Civil War; South of Russia; Volunteer Army

Целью настоящей статьи является историографический разбор некоторых основных трудов по истории Гражданской войны в России, вышедших после 1991 года. Актуальность рассмотрения данных работ, думается, заключается в применении современными российскими исследователями принципиально новых, недоступных для советского научного пространства, историографических концепций, а также выдвигании точек зрения, содержание которых как кардинально меняет научное представление о «белых» в Гражданской войне как о едином политическом фронте, так и предлагает новый взгляд на силы «красных», отрешенный от необходимости следовать советскому идеологическому стандарту. В этом отношении представляется вполне справедливым замечание современного российского историографа данной эпохи В. И. Голдина, указывающего, что Гражданская война является проблемой не только «отечественной и мировой истории», но и «современной политики» [1, с. 121]. Кроме того, в результате появления у отечественных историков возможности выпускать исследования, не зависящие от текущей политической повестки, рассматриваемый период представляет собой время высшей публикационной активности по теме Гражданской войны, что также обуславливает высокий интерес к работам историографического характера по этой теме. В данном случае представляется уместным сравнить работы современных историков с авторами советского периода, стремившихся продемонстрировать в тексте идеологические симпатии «красным» на фоне агрессивных действий «белых», выступивших против прямых политических предшественников более позднего советского руководства. Принципиально

противоположные тенденции можно отследить в эмигрантской историографии, концентрировавшейся вокруг описания деятельности «белых» на Юге, Востоке или Севере России в положительном ключе.

Думается, принципиальные изменения в отечественной историографии рассматриваемого периода вполне справедливо охарактеризовать как революционный прорыв в изучении Гражданской войны в России, так называемая «архивная революция»: с 1989 года историкам стали доступны материалы «Пражской коллекции» Белого движения из фондов ЦГАОР (ныне – ГАРФ, Государственный архив Российской Федерации) – крупнейшему собранию документов по истории нашей страны на переломной для нее эпохи. В последующие годы в научный оборот были введены тысячи документов, с которыми просто не имели возможности работать историки предыдущего поколения. В первой половине 1990-х годов для ряда историков была характерна идеализация Белого движения, в последующем наметился более сдержанный и осторожный взгляд на причины и ход Гражданской войны. К подобного рода работам следует отнести В. И. Голдина, Р. Г. Гагкуева, А. В. Ганина, А. С. Пученкова, В. П. Федюка, В. Ж. Цветкова, В. В. Лобанова и некоторых других. Нужно отметить, что работы данных исследователей во много составляют и актуальное исследовательское пространство, выступая в качестве историографической опоры для современного исследователя. Представляется, что созданные ими труды позволили обозначить важнейшие и наиболее актуальные темы для истории Гражданской войны в России в разных ее регионах для широкого читателя и специалиста по теме.

Представляется нужным отдельно необходимо выделить виднейшего русского исследователя периода Революций и Гражданской войны в России Г. З. Иоффе, специалиста, внесшего большой вклад в развитие отечественной историографии по теме Гражданской войны в России как позднего советского времени, так и посткоммунистического периода. Характерной чертой его творчества выступает стремление отойти от излишней политизированности. В частности, примечательна работа исследователя «Семнадцатый год. Ленин. Керенский. Корнилов» [2], представляющая собой одну из важнейших фундаментальных работ раннего постсоветского периода, в которой рассматриваются политические истоки Гражданской войны на фоне противостояния А. Ф. Керенского и Л. Г. Корнилова. В некотором отношении, исследования Г. З. Иоффе можно считать переходным этапом между поздней советской историографией и базой современных российских исследований по указанной теме, что обуславливает большой вклад историка в развитие отечественной науки.

Видное место в исследовательском пространстве Гражданской войны в России занимают такие историки как В. П. Федюк и А. И. Ушаков, выступившие в качестве авторов фундаментальных и имеющих принципиальное значение для историографии Гражданской войны на Юге России исследований. Так, следует выделить работы «Белые. Антибольшевистское движение на Юге России 1917-1918 гг.» [3] и совместное исследование по теме «Белый Юг. Ноябрь 1919 – ноябрь 1920 гг.» [4]. Означенные работы представляют собой обстоятельный анализ важнейших событий истории движения «белых» на Юге на завершающем этапе Гражданской войны, среди описанных событий, например, следует назвать Ледяной поход, эвакуацию армии П. Н. Врангеля из Крыма в ноябре 1920 года, усугубление конфликтного состояния в отношениях между М. В. Алексеевым и Л. Г. Корниловым на начальном этапе войны. Работы Федюка внесли большой вклад в историографию Гражданской войны. Впервые исследователем была выдвинута концепция Добровольческой армии как «армии-государства», во многом уникального феномена в отечественной и мировой истории. Кроме того, подобное военное и правовое устройство Добровольческой армии, по мнению В. П. Федюка, во многом является причиной ее поражения в 1920 году. Так, исследователь в собственной диссертации указывает: «Абсолютное большинство тех факторов, которые столь болезненно заявили о себе два года спустя, проявилось уже на первом этапе истории белого движения. Конечно, это нельзя считать чем-то фатальным. Но то, что в дни побед воспринималось как досадные мелочи, в период поражений приобрело решающий характер» [5, с. 144]. Представляется нужным отметить качество исследовательского материала, касающегося личности генерала А. И. Деникина, характера проводимой им политики, а также взаимоотношений главнокомандующего с П. Н. Врангелем на фоне постепенного падения авторитета А. И. Деникина в армейской среде к началу 1920 года.

Ранний период Гражданской войны на Юге России, который традиционно отсчитывают от образования «Алексеевской организации», представлен в ряде работ других видных отечественных историков. Так, представляет интерес объемный труд современного исследователя А. С. Пученкова, посвященный первому году существования Добровольческой армии, олицетворявшей, по мнению ее автора, весь антибольшевистский лагерь [6, с. 62]. В монографии, основанной на материалах многочисленных федеральных и региональных архивов, обстоятельно описан начальный период Гражданской войны на Юге России, начиная с отбытия генерала М. В. Алексеева на южные территории. Автором подробно проанализированы идеологические основы добровольчества, украшением книги стали яркие

литературные портреты вождей Белого движения – Л. Г. Корнилова, М. В. Алексеева, А. И. Деникина, И. П. Романовского, М. Г. Дроздовского, С. Л. Маркова. Другим важнейшим трудом по истории Гражданской войны на Юге России и Добровольческой армии представляется работа современного историка Р. Г. Гагкуева «Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917-1920 гг.» [7]. Данный крупный труд во многом подводит черту в отечественной историографии под вопросом о причинах поражения Добровольческой армии и ВСЮР в Гражданской войне в России. Одним из генеральных выводов, к которым приходит Р. Г. Гагкуев, исходя из исследования состава армии, способов ее пополнения и развития на протяжении всей борьбы «белых» на Юге России, является неспособность командования Добровольческой армии реализовать имеющиеся в ее руках военные и политические возможности в деле противостояния большевикам. С историей как Добровольческой армии, так и русской военной эмиграции связана исследовательская деятельность другого видного отечественного историка А. В. Ганина. Так, к числу трудов автора по теме русского офицерства следует отнести монографию «Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны, Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг.» [8].

Важное место в историографии Гражданской войны на Юге России имеет современный российский исследователь В. Ж. Цветков, автор фундаментального многотомного труда по истории Гражданской войны на Юге, Севере и Востоке «Белое дело в России» [9; 10]. Данная книга представляется одним из наиболее информативных и полных исследований по теме Гражданской войны как военно-политического явления, кроме того, большая часть труда посвящена управленческим и административным преобразованиям «белых» на занятой территории на Кубани и Кавказе. Основой для исследовательского анализа положения сил добровольчества на территории Северного Кавказа для В. Ж. Цветкова выступила административная модель, которая применялась руководством А. И. Деникина во время размещения «белых» на территории Дагестана. Среди других исследований, имеющих большое значение для осмысления истории взаимодействия Добровольческой армии и Северного Кавказа, представляется нужным выделить работы петербургского историка В. Б. Лобанова, в частности, наиболее подробным исследованием по теме Гражданской войны на Кавказе, стала его книга «Терек и Дагестан в огне Гражданской войны: Религиозное, военно-политическое и идеологическое противостояние в 1917-1920-х год». Согласно автору, установление власти Советов на данной территории представлялось одним из немногих

благоприятных выходов для региона, который пострадал от столкновения «красных» и «белых» в исключительно высокой степени [11, с. 467].

Гражданская война на Востоке России также представляется достаточно популярной темой в современном российской исследовательском пространстве. Соответственно, популярностью для историка пользуется и Верховный правитель России адмирал А. В. Колчак, биография которого много раз подвергалась освещению в научном поле с принципиально разных позиций. Примечателен взгляд на личность адмирала, изложенный в труде известного историка Г. А. Трукана «Антибольшевистские правительства России». Согласно взгляду автора, А. В. Колчак попал в верховное руководство во многом случайно ввиду потребности народа в установлении диктаторской власти. При этом Г. А. Трукан достаточно низко оценивает способность А. В. Колчака к политическому управлению широкими слоями населения и указывает на то, что Верховный правитель не был способен к грамотной оценке военно-политических сил, которые имеются у него в руках, что, в некоторой степени, явилось предпосылкой для поражения «белых» на Востоке России [12, с. 80].

Можно утверждать, что за минувшие десятилетия ученые добились больших успехов в изучении истории Русской Православной Церкви в годы Гражданской войны, истории российских регионов в этот период, национальных государств, возникших на окраинах бывшей Российской империи (например, гетманская Украина), [13, с. 57-72] истории российских сословий в период российской междоусобицы (интеллигенция, казачество, рабочий класс, крестьянство, офицерский корпус). Плодотворно в последние годы исследуется история ВЧК и чрезвычайных органов советской власти [14; 15] Историков, в том числе, интересуют темы борьбы с эпидемиями [16], дезертирством [17], уголовными преступлениями [18].

В целом историография Гражданской войны в России достигла больших успехов, однако ученым нужно стремиться к созданию фундаментальных обобщающих работ, посвященных рассмотрению всей эпохи – ее военной, экономической, культурной и идеологической составляющей. Ранний период современной российской историографии позволил путем накопления и обработки огромного количества материала в виде источников подготовить почву для наиболее актуальных в настоящем научном пространстве исследований, некоторая часть из которых была рассмотрена в данной статье. К настоящему времени интерес историков к изучению истории Гражданской войны не снизился, что обусловлено как большим количеством неиспользованных источников, так и множеством тем, которые не были раскрыты историками. Причина подобной интенсивности создания новых исследований по теме заключается в сравнительно небольшом

времени, прошедшем с появления огромного количества новых архивных материалов и источников личного происхождения в конце 1980 – начале 1990-х гг. Таким образом, представляется, что историография Гражданской войны в России находится в фазе своего активного развития, стремительность которого в обозримой перспективе не будет снижаться.

Список литературы

1. Голдин В.И. Гражданская война в России: проблемы современной историографии // Российская история. 2022. № 3. С. 109–121.
2. Иоффе Г.З. Семнадцатый год. Ленин. Керенский. Корнилов. М., 1995. 238 с.
3. Федюк В.П. Белые. Антибольшевистское движение на юге России 1917–1918 гг. М., 1996. 153 с.
4. Ушаков А.И., Федюк В.П. Белый Юг. Ноябрь 1919 – ноябрь 1920. М., 1997. 100 с.
5. Федюк В.П. Белое движение на Юге России 1917–1920 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Ярославль, 1995. 572 с.
6. Пученков А.С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных Сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года). СПб., 2021. 814 с.
7. Гагкуев Р.Г. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012. 704 с.
8. Ганин А.В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М., 2019. 318 с.
9. Цветков В. Ж. Белое дело в России. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. 1919–1922 гг. М., 2013. 396 с.
10. Цветков В. Ж. Белое дело в России. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. 1919–1922. М., 2016. 640 с.
11. Лобанов В. Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны: Религиозное, военно-политическое и идеологическое противостояние в 1917-1920-х годах. СПб., 2017. 483 с.
12. Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000. 255 с.
13. Пученков А. С. Киев в конце 1918 г.: падение режима гетмана П. П. Скоропадского // Новейшая история России. 2011. № 2 (2). С. 57-72.
14. Позднякова А. С. Вятская губерния в годы Гражданской войны: чрезвычайные органы власти. Киров, 2018. 320 с.
15. Позднякова А. С. Конфликт между ВЧК и НКЮ в региональном измерении (Вятская губерния, 1918-1919 гг.) / А. С. Позднякова // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти историка отечественных спецслужб Александра Михайловича Плеханова и 105-летию образования ВЧК, Омск, 19–20 октября 2022 года. – Омск: Омский государственный технический университет, 2022. – С. 186-192.
16. Позднякова А. С. Эпидемия сыпного тифа в Вятском исправительном рабочем доме в 1918-1920гг / А. С. Позднякова, Е. Ю. Вычугжанина // Вятский медицинский вестник. – 2016. – № 2(50). – С. 65-68.

17. Позднякова А. С. Создание и деятельность Вятской губернской комиссии по борьбе с дезертирством в 1919 году / А. С. Позднякова // Genesis: исторические исследования. – 2018. – № 11. – С. 56-66. – DOI 10.25136/2409-868X.2018.11.27453.

18. Позднякова А. С. Уголовные преступления в практике Вятского губернского революционного трибунала в годы Гражданской войны / А. С. Позднякова // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 7. – С. 35-42.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОТЕРИ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Автор: Узелкова Яна Викторовна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студентка 1 курса института садоводства и ландшафтной архитектуры, yana.moskovtseva@bk.ru

Автор: Фомина Анастасия Дмитриевна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студентка 1 курса института садоводства и ландшафтной архитектуры, fomina.a.dfomina@yandex.ru

Научный руководитель: Сакаев Василь Тимерьянович

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент, sakaev2003@mail.ru

Аннотация. В данном исследовании проведён обзор исследований, посвященных демографическим потерям СССР в годы Великой Отечественной войны на основе изучения научных статей, монографий и статистических данных. В результате анализа литературы и источников установлено, что общие оценки демографических потерь СССР составляют 26–27 млн человек, включая прямые (военные и гражданские) и косвенные потери (снижение рождаемости, повышенную смертность, миграционные изменения). Исследование подчеркнуло долгосрочное влияние войны на демографическую структуру России, выражающееся в гендерном дисбалансе, волнообразной динамике рождаемости и деформации возрастной пирамиды. На основе проведённого анализа сделан вывод о необходимости учёта исторического опыта демографических кризисов при разработке современной социальной и семейной политики.

Ключевые слова: демографические потери; СССР; Великая Отечественная война; цена; население; победа

DEMOGRAPHIC LOSSES OF THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Author: Uzelkova Yana Viktorovna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), 1st year student at the Institute of Horticulture and Landscape Architecture, yana.moskovtseva@bk.ru

Author: Fomina Anastasia Dmitrievna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), 1st year student at the Institute of Horticulture and Landscape Architecture, fomina.a.dfomina@yandex.ru

Scientific supervisor: Sakaev Vasil Timerjanovich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, sakaev2003@mail.ru

Abstract. This study provides a review of studies on the demographic losses of the USSR during the Great Patriotic War based on the study of scientific articles, monographs and statistical data. As a result of the analysis of literature and sources, it was found that the total estimates of demographic losses of the USSR amount to 26-27 million people, including direct (military and civilian) and indirect losses (decreased birth rate, increased mortality, migration changes). The study highlighted the long-term impact of the war on the demographic structure of Russia, expressed in gender imbalance, the wave-like dynamics of the birth rate and the deformation of the age pyramid. Based on the analysis, it is concluded that it is necessary to consider the historical experience of demographic crises in the development of modern social and family policy.

Keywords: Demographic losses; USSR; Great Patriotic War; price; population; victory

Великая Отечественная война оставила глубокий след в истории СССР, став периодом не только героической борьбы, но и колоссальных человеческих жертв. Она продолжалась 1418 дней и ночей, став суровым испытанием для советского народа. Война привела к значительным изменениям в территориальном устройстве, политической системе, социально-экономической сфере, а также оказала сильное влияние на демографическую структуру СССР.

Оценки демографических потерь Советского Союза в результате Великой Отечественной войны неоднократно пересматривались и до сих пор остаются предметом научных и общественных дискуссий. В этой статье мы стремимся комплексно рассмотреть подходы к изучению демографических потерь СССР, включая их виды, последствия и проблемы подсчёта.

Понятие демографических потерь и виды потерь. Демографические потери представляют собой разницу между ожидаемой численностью населения в отсутствие чрезвычайных обстоятельств (таких, как война) и фактической численностью, сформировавшейся в результате этих событий. Они включают не только прямые жертвы боевых действий, но и долгосрочные последствия, отразившиеся на численности населения и её структуре. Эти потери отражают разницу между фактическим и ожидаемым числом жителей страны, если бы не было войны.

Классификация потерь, предложенная Л.Л. Рыбаковским, включает:

прямые потери (гибель на фронте, в оккупации); косвенные (снижение рождаемости, "несостоявшееся население"); структурные (гендерный дисбаланс, деформация возрастной пирамиды) [1].

Прямые потери связаны с гибелью в результате боёв, авиаударов, артобстрелов, а косвенные - обусловлены тяжёлыми условиями жизни: нехваткой продовольствия, распространением болезней и ограниченным доступом к медицине. Прямые потери включают в себя военные и гражданские потери. Военные потери учитывают тех, кто погиб на фронте, в плену или в результате несчастных случаев во время военной службы. Гражданские же охватывают жертв, погибших на оккупированных территориях, в блокаду и вывезенных на принудительные работы в Германию, а также умерших от болезней и голода в тылу. Как отмечает В.Б. Жиромская, нацистский геноцид на оккупированных территориях давал до 71% смертей среди женщин в возрасте 20-29 лет (Смоленская обл., 1942) [3].

Имела место также сверхсмертность вызванная ухудшением условий жизни, а также так называемое «несостоявшееся» население — те, кто не родился вследствие снижения рождаемости. Причины падения рождаемости были вызваны гибелью мужчин призывного возраста, разрушением семей, тяжёлыми социальными условиями. Эти потери охватывают не только фактические смерти, но и упущенные демографические возможности [1; 2].

Оценка потерь населения в годы Великой Отечественной войны.

Оценки демографических потерь СССР в Великой Отечественной войне неоднократно пересматривались и остаются предметом научных и общественных дискуссий. Сложности в определении точного числа погибших обусловлены как политическими причинами, так и методологическими трудностями.

В ходе изучения научных работ, посвящённых потерям СССР в годы Великой Отечественной войны, особый интерес представляют исследования Л.Л. Рыбаковского [1], Л.А. Донсковой [4] и др. Эти авторы, опираясь на архивные данные и статистические методы, проследили эволюцию официальных оценок людских потерь — от первых заниженных цифр сталинской эпохи до более объективных подсчётов периода перестройки. Как отмечает Л.Л. Рыбаковский, первоначальная цифра в 7 миллионов погибших, озвученная Сталиным в 1946 году, была заведомо заниженной, поскольку из подсчётов сознательно исключались значительная часть гражданских жертв и пропавшие без вести [1]. Позже, как пишет Донскова, в 1961 году Никита Сергеевич Хрущёв впервые публично назвал число в 20 миллионов погибших, что стало шагом к признанию реальных последствий войны [4]. На рубеже 1990-х годов, с началом политики гласности и открытием архивов, президент СССР Михаил Горбачёв озвучил новую официальную оценку —

26–27 миллионов человек [1].

По данным Росстата, опубликованным в сборнике «Цифры победы» за 2025 год, потери составили 26,6 миллиона человек [5]. Подробная информация представлена в таблице 1.

Таблица 1

Оценка потерь населения в годы Великой Отечественной войны (миллионов человек)

	Численность населения на начало 1946 г.			Потери населения	
	фактическая	гипотетическая	всего	в том числе в результате	
				роста смертности в возрасте старше 4 лет	снижения рождаемости и роста смертности в возрасте 0-4 года
СССР	170,5	209,9	39,4	25,5	13,9
в том числе					
мужчины	77,4	100,9	26,5	19,5	7
женщины	96,2	109	12,8	6	6,8
РСФСР	97,6	117,4	19,8	12,9	6,9
в том числе					
мужчины	41,7	55,7	13,9	10,5	3,4
женщины	55,9	61,7	5,9	2,4	3,5

Источник: Юбилейный статистический сборник «Цифры Победы»: Стат. сб./Росстат. — М., 2025. — 316 с. URL: <https://цифрыпобеды.рф/>

Методологические различия в подсчётах объясняются неполнотой данных по оккупированным территориям [6] и разными подходами к учёту «косвенных потерь» [1].

Как показано в исследованиях Росстата и Л.Л. Рыбаковского [5; 7], балансовый метод даёт наиболее объективную картину, но требует корректировки на миграцию. Таким образом, на основе проанализированных источников — исследований Л.Л. Рыбаковского, Л.А. Донсковой и др., официальных данных Росстата — можно сделать вывод, что демографические потери СССР в Великой Отечественной войне составили около 26–27 миллионов человек.

Потери среди военнослужащих. Безвозвратные потери списочного состава вооружённых сил Советского Союза в годы Великой Отечественной войны оцениваются в 8,7 млн человек. Все потери военнослужащих в СССР составили 11,4 млн военных [5].

В 1946 году И.В. Сталин назвал цифру 7 млн погибших военнослужащих, но она была, как уже указывалось выше, явно занижена по политическим причинам [1]. В хрущёвский период начали озвучиваться более высокие цифры – от 8,6 до 10 млн. [4]. В современной историографии (на основе архивных данных) общепринятой считается цифра 8,7 млн. По данным сборника «Цифры победы» потери советских военных составили

11,4 миллиона человек [5]. Подробная информация представлена в таблице 2.

Таблица 2

Безвозвратные потери военнослужащих в Великой Отечественной войне (тысяч человек)

Виды потерь	Всего потерь	в том числе		
		Красная Армия и ВМФ	пограничные войска	внутренние войска
Убито и умерло от ран на этапах санитарной эвакуации (по донесениям войск)	5 226,8	5 187,2	18,9	20,7
Умерло от ран в госпиталях (по донесениям лечебных учреждений)	1 102,8	1 100,3		2,5
Итого	6 329,6	6 287,5	18,9	23,2
Небоевые потери: умерло от болезней, погибло в результате происшествий, осуждено к расстрелу (по донесениям войск, лечебных учреждений, военных трибуналов)	555,5	541,9	7,1	6,5
Пропало без вести, попало в плен (по донесениям войск и сведениям органов репатриации)	3 396,4	3 305,6	22,8	68
Неучтенные потери первых месяцев войны (погибло, пропало без вести в войсках, не представивших донесения)	1 162,6	1 150,0	12,6	
Итого	4 559,0	4 455,6	35,4	68
Всего потерь военнослужащих	11 444,1	11 285,0	61,4	97,7
Кроме того, пропало без вести (по пути в воинские части) военнообязанных, призванных по мобилизации, но еще не зачисленных в списки войск	500,0			
Исключено из числа безвозвратных потерь - всего	2 775,7			
из них:				
военнослужащие, ранее находившиеся в окружении и учтенные в начале войны как пропавшие без вести (вторично призваны в армию на освобожденной территории)	939,7			
вернувшиеся из плена после войны советские военнослужащие (по данным репатриации)	1 836,0			
Безвозвратные потери списочного состава	8668,4			

Источник: Юбилейный статистический сборник «Цифры Победы»: Стат. сб./Росстат. — М., 2025. — 316 с. URL: <https://цифрыпобеды.рф/>

Потери среди гражданского населения. Число жертв гражданского населения составило 13 684 692 человека [5] в период оккупации. Большой урон населению СССР, которое находилось под оккупацией, причинил насильственный угон наиболее трудоспособной его части на каторжные работы в Германию и оккупированные ею страны (см. таблицу 3).

Таблица 3

Число жертв гражданского населения СССР в период оккупации

13 684 692 человека	7 420 379 человек преднамеренно истреблено
всего погибло	2 164 313 человек погибло на принудительных работах в Германии
гражданского населения СССР в период оккупации	4 100 000 человек погибло от жестоких условий оккупационного режима (голод, отсутствие медицинской помощи и т. п.)

Источник: Юбилейный статистический сборник «Цифры Победы»: Стат. сб./Росстат. — М., 2025. — 316 с. URL: <https://цифрыпобеды.рф/>

Как свидетельствуют статистические данные в публикации В.Н. Земскова, блокада Ленинграда унесла жизни от 700 тысяч до 1,4 миллиона человек [8]. Голод, холод и болезни стали основными причинами смерти. Кроме того, в тыловых районах была зафиксирована повышенная смертность

из-за тяжёлых условий жизни и бомбардировок [8]. Особенно страшными были преступления нацистского геноцида на оккупированных территориях. Здесь проводилась целенаправленная политика уничтожения мирного населения. Как отмечает В.Б. Жиромская, на оккупированных территориях, таких как Смоленская и Калининская области, до 60% жертв составляли женщины и дети, что свидетельствует о систематическом характере нацистского террора [3].

Региональные исследования В.Б. Жиромской [3; 10] и В.Т.Сакаева [9; 12] выявили ключевые особенности гражданских потерь в тыловых районах. Например, в Татарской АССР смертность от болезней превышала боевые потери в 1,8 раза [13]. На оккупированных территориях (Смоленская, Калининская обл.) до 60% жертв составляли женщины и дети [3]. В блокадном Ленинграде пик смертности пришёлся на зиму 1941-1942 гг. [10]. Гражданские потери СССР в Великой Отечественной войне были беспрецедентными по своим масштабам. Они отражают не только трагедию военного времени, но и оставили глубокий след в демографическом развитии страны на десятилетия вперёд. Из-за уничтожения архивов, миграций и политических манипуляций точный масштаб гражданских потерь остаётся предметом дискуссий, хотя ряд современных исследований позволили в большей степени приблизиться к объективной оценке [3; 5; 9; 10].

Проблемы подсчёта потерь. Исследование демографических потерь СССР в годы Великой Отечественной войны сталкивается с рядом методологических и источниковых трудностей. В статье Е.Ф. Кринко [6] выделяются следующие ключевые проблемы:

1. *Политизация и занижение потерь в советский период.* Первоначальные оценки (7 млн погибших, озвученные Сталиным в 1946 г.) были заведомо занижены из-за исключения гражданских жертв и пропавших без вести. Последующие цифры (20 млн при Хрущёве, 26–27 млн при Горбачёве) отражали постепенное раскрытие данных, но оставались под влиянием идеологии.

2. *Неполнота и недостоверность статистических данных.* В первые годы войны вёлся хаотичный учёт. Пропавшие без вести часто учитывались неточно. Повторный счёт раненых, возвращённых в строй, и погибших вторично. Также отсутствовал системный учёт жертв оккупации. Гибель мирных жителей в прифронтовых зонах зачастую не фиксировалась.

3. *Методологические сложности.* Балансовый метод (сравнение численности населения до и после войны) требует корректировки, в частности учёта миграций (эвакуация, угон в Германию, послевоенные территориальные изменения). Отсутствие переписей между 1939 и 1959 гг. также создает трудности подсчета. Необходимо также исключать

естественную смертность, но её расчёты спорны. Также имели место разные подходы к оценке «косвенных потерь», в частности ряд исследователей не до конца были уверены нужно ли включать снижение рождаемости и повышенную смертность в послевоенные годы.

4. *Проблемы качества и полноты источников.* Это вызвано утратой документов, ошибками в первичных данных, противоречиями между архивами.

5. *Современные дискуссии.* Имеет место критика официальных цифр (26,6 млн). Так, Б.В. Соколов завышает потери (до 43 млн), используя некорректные исходные данные [11], а В.Н. Земсков, напротив, считает официальные оценки завышенными (предлагает 16 млн) [8].

Как показывает Е.Ф. Кринко, точный подсчёт потерь СССР остаётся сложной задачей из-за сочетания политических, методологических и источниковых ограничений. Наиболее обоснованной на сегодня считается оценка в 26–27 млн человек, но её детализация требует дальнейших исследований.

Последствия демографических потерь и выводы. Демографические потери Великой Отечественной войны оказали глубокое и долгосрочное воздействие на население России. Эти последствия проявлялись в различных сферах жизни общества и продолжают влиять на демографическую ситуацию даже спустя десятилетия после окончания войны.

Согласно данным, изученным нами в статьях и сборниках Л.Л. Рыбаковского [1], С. И. Голотика и В. В. Минаева [2], В. Б. Жиромской [3], Л. А. Донсковой [4], Росстата [5], Е. Ф. Кринко [6], В. Н. Земского [7], В.Т. Сакаева [13; 14; 17] и Б. В. Соколова [11], мы пришли к выводам, что гендерный дисбаланс стал одним из наиболее заметных последствий войны. Война привела к гибели значительной части мужского населения во стране в целом, и в каждом регионе в частности, при этом имеются методологические проблемы для подсчета людских потерь применительно к конкретному региону страны [14]. Изменения в брачности и структуре семьи также были значительными, что оказывало влияние на последующее демографическое развитие [15]. Дефицит мужчин привёл к увеличению доли одиноких женщин, которые либо овдовели, либо не смогли выйти замуж из-за нехватки потенциальных партнёров. Все это потребовало решительных мер со стороны государства [16]. Волнообразная динамика рождаемости также стала следствием войны. Военные годы (1941–1945 гг.) характеризовались резким падением рождаемости. Война внесла серьёзные искажения в возрастную структуру населения, создав т.н. «демографические ямы», причем проблема эта коснулась и тыловых регионов страны [17]. В результате, когда малочисленные поколения, родившиеся во время войны, в 1960-х годах

вступили в трудоспособный возраст в стране стала ощущаться нехватка рабочих рук. Долгосрочные демографические тенденции показывают, что последствия войны в определенной степени предопределили возникновение демографического кризиса в России.

Подводя итоги, можно утверждать, что демографические последствия войны для СССР оказались катастрофическими, повлияв на несколько поколений. Общие потери оцениваются в 26–27 миллионов человек. Это не только погибшие на фронте и в тылу, но и долгосрочные последствия — снижение рождаемости, деформация возрастно-половой структуры населения, экономические и социальные потрясения. Понимание демографических последствий войны необходимо для формирования государственной политики, направленной на компенсацию демографических дисбалансов и сохранение памяти о жертвах. Великая Отечественная война оставила глубокий след в истории России, и её демографические последствия продолжают ощущаться даже спустя десятилетия после окончания боевых действий.

Список литературы

1. Рыбаковский Л.Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М: Экон-Информ, 2010. - 140 с.
2. Голотик С. И., Минаев В. В. Демографические потери СССР в Великой Отечественной войне: история подсчетов // Новый исторический вестник. – 2007. – № 16. – С. 272-285.
3. Жиромская В. Б. Демографические потери мирного российского населения в годы Великой Отечественной войны // Вестник РГГУ. Серия “Политология. История. Международные отношения.”. – 2015. – №.3. – С. 82-90.
4. Донскова Л. А. Цена победы: о материальном ущербе и демографических потерях СССР в годы Великой Отечественной войны (общесоюзный и региональный аспекты) // Вестник Таганрогского института имени АП Чехова. – 2010. – №.2. – С. 207-217.
5. Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник "Цифры Победы": статистический сборник / Росстат; редакционная коллегия: С. С. Галкин (председатель), П. В. Малков, П. А. Смелов, А. В. Горобцов, С. Н. Егоренко, С. М. Окладников (зам. председателя), Н. С. Бугакова, Н. А. Власенко, В. А. Дробышевский, О. Ю. Дудорова, З. Ж. Зайнуллина, Е. В. Зарубина, М. И. Катаев, Л. Б. Кузьмичева, В. Н. Нестеров, С. Ю. Никитина, Г. К. Оксенойт, А. С. Ордашов, Е. Б. Фролова, Н. В. Шашлова, Е. А. Шустова. — Москва: [б. и.], 2025. — 316 с.
6. Кринко Е. Ф. Проблемы изучения численности населения России в годы Великой Отечественной войны // Российская история. – 2019. – №. 3. – С. 18-28.
7. Рыбаковский Л. Л. Двадцать миллионов или больше? // Политическое образование. – 1989. – №. 10. - С. 96-98
8. Земсков В. Н. Людские потери СССР в Великой Отечественной войне (оценки и подсчёты) // БЕРЕГИНЯ. 777. СОВА. – 2015. – №. 2 (25). – С. 187-201.
9. Сакаев В. Т. Смертность городского населения Татарской АССР в годы Великой

Отечественной войны // Регионология. – 2007. – № 2. – С. 271-278.

10. Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. – 280 с.

11. Соколов Б. В. О соотношении потерь в людях и боевой технике на советско-германском фронте в ходе Великой Отечественной войны // Вопросы истории. – 1988. – № 9. – С. 116-126.

12. Сакаев В.Т. Городское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические процессы: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Казан. Гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. Казань, 2008. – 27 с.

13. Сакаев В.Т., Телишев В.Ф. Городское население Татарстана в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические и политико-демографические аспекты. – Набережные Челны: Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета. 2015. – 229 с.

14. Сакаев В.Т. Людские потери Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Чувашиского университета. – 2010 - №1. – С. 72-78.

15. Сакаев В.Т. Брачно-семейные отношения городского населения тыловых районов Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университет. - 2007. - №2(16). – С. 171-174.

16. Телишев В.Ф., Сакаев В.Т. Государственная политика в области брачно-семейных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Казанского государственного университета. Серий: гуманитарные науки. – 2008. – Т. 150. - №1. - С. 169-176.

17. Телишев В.Ф., Сакаев В.Т. Региональный аспект потерь населения в годы Великой Отечественной войны (Татарская АССР) // Региональный экономический журнал. – 2014. - №3-4(7-8). – С. 70-75.

ЭКЗОТИЧЕСКИЕ ЖИВОТНЫЕ НА РУСИ

Автор: Фортуне Маргарита Александровна

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студентка 1 курса факультета зоотехнии и биологии, hello.kitty11@vk.com

Научный руководитель: Гончарук Елена Игоревна

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент, efedyun@yandex.ru

Аннотация. С древнейших времен Русь находилась на перекрестке торговых путей, что способствовало активным контактам с различными культурами и народами. Это, в свою очередь, повлияло на появление и распространение экзотических животных, которые становились не только объектами интереса, но и символами статуса, героями сказок, помощниками в быту. Автор статьи раскрывает торговые маршруты, по которым экзотические животные со всего света оказывались в холодной Руси, как и откуда черпали вдохновение для волшебных сказаний и как политические деятели, стремясь приобрести друг другу благосклонность, использовали экзотических животных для реализации своих амбициозных планов. Некоторые животные, поименованные в статье, встречаются на территории современной России и давно уже перестали считаться экзотикой, прочно заняв свое место в быту и сердцах русского народа, а другие остались лишь в мифах и сказаниях в виде сказочных персонажей. Также представлено исследование о создании зоосадов, первых питомников живой природы, ставших оазисами экзотики в русских землях. Временные рамки работы охватывают большой период раннерусской государственности, что позволит читателю глубже погрузиться в интересную, но малоизученную тему, и открыть для себя много нового.

Ключевые слова: экзотические животные; животные на Руси; экзотика; истоки былин и сказаний о животных; мифы о животных.

EXOTIC ANIMALS IN RUSSIA

Author: Fortune Margarita Aleksandrovna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskayastr., 49), 1st year student at the Faculty of Animal Science and Biology, hello.kitty11@vk.com

Supervisor: Goncharuk Elena Igorevna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, 49, Timiryazevskaya str.), Ph.D. in History, Associate Professor, efedyun@yandex.ru

Abstract. Since ancient times, Rus' has been at the crossroads of trade routes, which contributed to active contacts with various cultures and peoples. This, in turn, influenced the emergence and spread of exotic animals, which became not only objects of interest, but also status symbols, fairy tale heroes, and household helpers. The author of the article reveals the trade routes along which exotic animals from all over the world ended up in cold Rus', how and where they drew inspiration for magical tales, and how politicians, seeking to gain each other's favor, used exotic animals to implement their ambitious plans. Some animals named in the article are found on the territory of modern Russia and have long ceased to be considered exotic, firmly taking their place in the life and hearts of the Russian people, while others have remained only in myths and tales as fairy-tale characters. A study is also presented on the creation of zoos, the first wildlife nurseries that became oases of exoticism in Russian lands. The time frame of the work covers a large period of early Russian statehood, which will allow the reader to delve deeper into an interesting but little-studied topic and discover a lot of new things.

Keywords: exotic animals; animals in Rus'; exotics; origins of epics and tales about animals; myths about animals

Введение в тему экзотических животных на Руси Тема экзотических животных на Руси представляет собой увлекательное и многогранное направление исследования, которое может пролить свет на торговые маршруты различных эпох, раскрыть загадку о появлении некоторых животных на территории холодной Руси, рассказать о том, как и откуда черпали вдохновение для волшебных сказаний и как политики, стремясь приобрести друг другу благосклонность, использовали экзотических животных в своих хитроумных манёврах. Таким образом, исследование появления и роли экзотических животных на Руси открывает множество тем для анализа, включая культурные, социальные и экономические аспекты.

В работе я буду опираться на различные летописи Древней Руси, например, Повесть временных лет [1]. Именно там можно найти упоминания некоторых животных на территории государства. Кроме того, я буду использовать материалы из онлайн библиотеки - elibrary. Там представлены некоторые статьи на данную тему, например, у Сорокиной О. С описано как сильно все-таки экзотические животные повлияли на культуру Руси [2]. К тому же автор основывался на статье Тарасова А.Е. про верблюдов [3]. Там он не только рассказал, что такие животные вступали на земли Руси в далекие времена, но и привел базу доказательств этого. К тому же использовалось интервью Григорьевой Татьяны для сайта Культура.РФ. Она с подробностями рассказала про зоосады России основываясь на цитатах из

газет и дневников самих людей [4]. Другие источники, на которые также опирались, будут упомянуты в заключительных разделах работы.

Исторический контекст Руси в древности закладывает основу для понимания появления экзотических животных на ее территории, которые нашли место в культуре и повлияли на социальную структуру государства. В IX-XI веках, в период формирования раннесредневекового государства, Русь активно взаимодействовала с соседними культурами, что способствовало не только обмену товарами, но и культуры, идей и обычаев. Основными торговыми партнерами Руси были Византия, Скандинавия и Восток, что сделало ее важным узлом на торговых путях, таких как «Из варяг в греки». Византия, обладая великими природными и культурными богатствами, являлась источником многих экзотических видов, таких как леопарды, павлины и другие редкие существа. Эти животные оказывали влияние на восприятие культуры, ведь они привносили в жизнь знати элементы диковинного и загадочного, а также служили предметом гордости и демонстрации могущества [5; 6].

Первые упоминания об экзотических животных на Руси восходят к космографии и летописям, зарегистрированным с IX века («Повесть временных лет», «Лаврентьевская летопись») [1]. В то время Русь находилась на перепутье различных культур, активно обменивалась товарами и знаниями с соседними государствами, что создавало почву для появления экзотических животных на ее территории. Одним из первых источников, упоминающих экзотические существа, является "Повесть временных лет", в которой можно найти записи о визитах восточных послов, привозивших диковинных животных в дар князю. В частности, летописи сообщают о слонах, леопардах и даже удивительных пернатых, которые поражали воображение современников [1]. Существует запись, что слон, привезенный в Киев в начале XII века, стал объектом широкого общественного интереса, а его появление на праздниках воспринималось как символ власти за счет крупных размеров (хотя сам слон считался стыдливым животным) [5].

Экзотические животные попадали на Русь различными путями. Основные направления включали, как я уже говорила, торговлю через Восточную Европу и Азию, активное взаимодействие с Византией и арабскими государствами. Великий шелковый путь позволял циркулировать не только товарам, но и живым существам, таким как, например, леопарды, павлины и попугаи, которых привозили как дары или товары. Предположительно из Византии, которая являлась обособленной частью когда-то существовавшей Римской Империи (которая в период владения египтом массово завозила обезьян из Индии), на Русь появилась

самка бесхвостой макаки(обезьян называли - "пифик"(греческое слово - πίθηκος) . Американские учёные датировали ее останки 1160-1220 годами.

С VIII века Русь начала получать животных из арабских стран, что способствовало их распространению. Путешественники, такие как Марко Поло, вдохновляли русских купцов на поиск экзотики. Частные лица также играли роль в привозе животных, подчеркивая своё богатство и статус. Так бояре и князья, обладая значительными ресурсами, могли позволить себе содержание редких животных, сопровождающих их во время торжеств и праздников. При различных дипломатических переговорах привозились экзотические животные на Русь, в виде подарков, таким образом они являлись частью сложной сети общественных и политических отношений. Например, львы были подарены московскому царю английской королевой Марией Тюдор. Привёз их в Москву Осип Непея в 1557 г. Но, к сожалению, животные погибли при пожаре. Так же, из дипломатических соображений появился первый заморский гигант(слон) у Ивана Грозного от Персидского шаха Тахмаспа во время борьбы с Османской империей [5; 6].

Некоторые из четвероногих упоминаются лишь мимоходом и не находят своего подтверждения в летописях, в то время как о других мне удалось отыскать достоверные свидетельства. Позвольте представить вам нескольких из этих удивительных созданий:

В Древней Руси гепарда называли «пардусом», а лиц, занимавшихся их дрессировкой «пардусниками». В русских летописях и сказаниях пардус упоминается неоднократно. На полях «Изборника Святослава», написание которого датируют 1073 годом, изображены два гепарда с ошейниками, охотящиеся на зайцев. Также в Лаврентьевском списке летописи Нестора от 964 года тоже описываются пардусы в ошейниках.

Гепарды жили в Причерноморье и Крыму, и в степях Казахстана, и в Прикаспии - и с ними охотились русские князья в южнорусских степях. Для охоты кошек везли не из Ирана в 10 веке, а ловили недалеко. Например, в 1147 году новгород-северский князь Святослав Ольгович подарил пардуса ростовскому князю Юрию Долгорукому. К тому же в «Поучении» своим детям киевский князь Владимир Мономах упоминает «лютого зверя», которого разные комментаторы XIX–XX веков объявляли то волком, то медведем, то леопардом, то тигром, но скорее всего это был очень похожий на леопарда гепард. Также в Слове о полку Игореве можно прочесть такую фразу: «по русской земле простратася половцы аки пардушье гнездо». Со временем пардусов упоминают все реже и реже. После их исчезновения на территории Руси «лютым зверем» начали называть любую крупную, дикую кошку.

В декабре 1463 г. и затем январе 1464 г. псковское вече обратилось к великому князю Московскому Ивану III с просьбой вывести Псковскую землю из подчинения архиепископа Новгородского и образовать здесь епархию во главе с собственным владыкой, но получили лишь верблюда. Этот подарок позабавил новгородцев.

Верблюды действительно попадали на Русь в эпоху Средневековья. Кости этих животных обнаружены археологами в Киеве, Вышгороде, Суздале, Москве, городищах Боршевское и Титчиха, ряде других мест; древнейшее изображение верблюда в землях восточных славян, вероятно, сохранилось на фреске киевского Софийского собора, относящейся к XI веку [3].

В средневековых русскоязычных текстах крокодилы упоминаются неоднократно, при этом слово встречается в различных формах, таких как коркодил и кордил. Крокодилы, еще до образования государства на земле Руси, упоминались как оборотни, но после смерти некоего чародея упоминания в таком контексте начали сходиться на нет.

Крокодил появляется в летописях во второй раз в XVI веке. В Первой Псковской летописи упоминается о нашествии крокодилов в Пскове в 1582 году: “В лета 7090... того же лета изыдошакоркодилылютии из реки и путь затвориша, людей много поядаша, и ужосашоя люди и молиша Бога по всей земле. И паки спряташоя, а иных избиша. Того же году преставися царевич Иван Иванович, в Слободе, декабря в 14 день.”

Как попали крокодилы на Псковскую землю? Предполагается, что крокодилов могли везти на судне через Псков. Ряд исследователей указывает, что в те годы несколько русских путешественников побывали в Египте (в 1559 там был Василий Поздняков из Смоленска, а в 1582 Трифон Коробейников) откуда могли везти данных зверей. Наконец, опасных хищников могли везти в Скандинавию из Персии волжским путём, в качестве подарка тамошним монархам. Но в любом случае корабль потерпел крушение или просто ломается отсек с грузом недалеко от Пскова: и целое лето неведомые гады питаются псковичами.

1589 г. — английский дипломат Джером Горсей в книге «Записки о России» описал встречу с крокодилами в Пскове, но практически все эти звери были уже мертвы [7].

Таких диковинных животных было достаточно, но до наших дней достоверной информации сохранилось не так много.

Роль животных в мифах и легендах Руси была значительной. Из мифов складывалось мировоззрение людей. Рассказы о диковинных зверях встречаются в различных источниках средневековья, начиная от книг Физиологов, заканчивая летописями и фольклорными сказаниями.

Своеобразным средневековым атласом «диких» существ можно считать Физиологи — сборники сведений о реальных и фантастических животных. В них упоминались млекопитающие, птицы и насекомые разных стран, описания дополнялись символическими толкованиями

В древности люди иногда находили крупные кости мамонтов. Эти находки породили представления о гигантских «дивных» животных, которые либо вымерли, либо существовали во времена наших предков. В поверьях славянских народов упоминалось о «подземном четвероногом звере». Говорили, что его никто не видел живым, но находили только кости. Согласно легенде, это существо рогами прокладывало себе путь и боялось света.

В описаниях китов (рыба-кит), которые считались «опорой» мира, говорилось о них как о величественных созданиях, размерами с дом, с открытыми челюстями, полными острых зубов. Считалось, что, если моряки попадали в гнев Божий, киты переворачивали корабли и погружали их под воду, а сами мореплаватели становились их жертвами. В этой же книге (Физиологи) утверждалось, что у этих млекопитающих не было глаз, и их путь в океан прокладывала крошечная рыбка. Если она умирала, гибло и само существо.

Существовали (и существуют) также широко распространенные легенды о Жар-птице, которая обладает увлекательной историей в славянском фольклоре. Она всегда была символом удачи, но в то же время являлась предвестником скорой беды. Сюжет многих сказаний, в которых фигурирует это мифическое существо, сосредоточен на сложном испытании, которое подразумевает поиски утраченного пера из хвоста жар-птицы [2; 8].

В свою очередь экзотические животные на Руси, такие как львы, слоны, верблюды, также имели символическое значение, связанное с религией и моралью. Их повадки и внешность интерпретировались как аллегории христианских добродетелей либо пороков.

Некоторые символы диких зверей:

В средневековой литературе гиена описывалась как существо с двумя лапами, что способствовало возникновению предвзятых мнений, связанных с чем-то нечистым и неуместным для употребления в пищу. В русский фольклор гепард под именем пардуса вошел наравне с соколом и лебедем как символ изящества, быстроты и ловкости. Слон же, как упоминалось, не имел суставов в коленях и при падении не мог подняться, скорее всего это пошло со времен Ивана Грозного [9]. Описания слонов варьировались от фантастических фигур до реалистичных образов с хоботом и бивнями. В отличие от восточных представлений, на Руси верблюда красивым не

считали, напротив, согласно представлениям наших предков, это некрасивое и гневливое животное, обозначение осмотрительности [5].

Экзотические животные на Руси использовались не только как диковинка, но и в практических целях. Одним из примеров стала верблюжья шерсть, которую использовали для производства теплых тканей для одежды и седел. Экзотические птицы, такие как павлины и попугаи, использовались для украшения дворов и садов, придавая им великолепия и экзотики. Мастера придавали перьям особое значение, создавая сложные узоры и орнаменты, которые вдохновляли художников и ремесленников. В народных вышивках и на изразцах можно встретить изображения и других животных, таких как верблюды, слоны и крокодилы, с соответствующими подписями.

Не менее интересным было использование необычных животных в медицине. Например, лекарства, получаемые из жира и костей носорогов и слонов, высоко ценились за их целебные качества. Врачи и знахари на Руси активно включали эти компоненты в свои снадобья, считая, что они могут помочь при многих заболеваниях.

Появление экзотических зверей (да и не только экзотических) вызвало появление различных мест для их содержания. Предшественниками современных зоопарков были сады, у древнерусских князей также существовали своеобразные зооуголья. Самый известный зверинец, где жили дикие и экзотические животные, принадлежал Ивану Грозному. Он появился в Москве еще при предшественнике царя в начале XVI века и состоял из нескольких филиалов — дворов. В «отсеках» на Алевизовом рву обитали «подарки» заморских посольств: арабские скакуны, охотничьи собаки, павлины. Подаренных львов (в середине 1550-х годов) разместили во дворе между Никольской и Собакиной башнями, но представители больших кошек долго не прожили у нас. Там же москвичи могли увидеть и подарок иранского шаха Тахмаспа — слона [4]. А Петр I создавал зверинцы не только ради развлечения. Охваченный страстью к открытиям, он повелел привозить редкие виды животных и птиц не только из дальних стран, но и с самых удаленных уголков России. Эти удивительные создания находили приют в Летнем саду. В «Дневнике» Фридриха-Вильгельма Берхгольца, датированном 1721 годом, можно найти описание Летнего сада [9]. Позже зверинцы стали открытыми для публики. Например, в 1714 году в Петербурге часто можно было увидеть «подарочных» слонов, которые прибыли пешком из Ирана. Для них построили большие Слоновьи дворы, а чтобы укрощать их буйный нрав, каждый день поили их ведром вина. Эта форма развлечений быстро завоевала популярность. Поэтому позже в 1786 году итальянский натуралист Антонио Белли продемонстрировал

общественности в Петербурге леопарда, обезьяну и дикобразов в одном из зданий на Садовой улице [4; 10].

Первый в России стационарный зоопарк открылся в Москве 12 февраля 1864 года. Его создали на Пресненских прудах представители Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений. Для посетителей издали гид — «Краткое описание птичников и зверинцев Московского зоологического сада». В издании «Русский инвалид» за 1864 год можно найти информацию об открытии зоосада. Через год после этого события в Санкт-Петербурге был основан еще один стационарный зоопарк [4].

Экзотические животные на Руси в период с X по XIX века были неотъемлемой частью культуры и быта русского общества. За счет своих постоянных и тесных контактов с другими культурами они появлялись разными путями. На территории государства встречались животные от небольших попугаев до гигантов слонов, от ужасных крокодилов до великолепных павлинов. Для современного человека сейчас это обыденность, но тогда эти животные впечатляли людей, многие смельчаки побуждались на приключения, зверьки несли знания о культурах дальних стран, об их жителях. Опять же, порой парадоксальным для современного человека кажется тот факт, что экзотические животные использовались в быту. Например, из быстрого гепарда получался прекрасный ручной охотник, а из шерсти верблюда люди делали накидки. Кроме того, звери являлись живой демонстрацией высокого статуса своего хозяина. Также экзотические животные играли важную роль в символике Руси, став прототипами мифов и легенд. Они служили мостом между реальным и мифическим мирами, отражая представления людей о мире. А начиная с развития зоосадов на Руси, такие животные объектами для изучения, что сильно повлияло на развитие научной сферы государства.

Список литературы

1. Повесть временных лет / Пер. Д.С. Лихачева, О.В.Творогова; Коммент. А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А.Ю. Чернова при участии А.М. Введенского и Л.В. Войтовича ; 129 ил. Мюда Мечева. - Санкт-Петербург: Вита Нова, 2012. - 507, [2] с.: ил., табл., цв. ил. (Библиотека Всемирного клуба петербуржцев). / Повесть временных лет (По Лаврентьевскому списку 1377 г.; Пер. Д.С. Лихачева). 170 с.
2. Сорокина О.С. Изображения животных в искусстве Древней и Средневековой Руси: символика и иконография // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук, Том II. Москва: Издательский дом "Научная библиотека", 2020. С. 289-308.
3. Тарасов, А.Е. Верблюд Ивана III: о великокняжеском даре псковскому посольству в 1463-1464 г.: // Зело. Символика зверя в древнерусской культуре. 2020. №1.

4. Григорьева Татьяна. Когда в России появились первые зоопарки? // Культура.РФ. 2013-2024.
5. Снегирев И. М. О звериной и птичьей охоте и зверинцах в Москве до XVIII века / И. М. Снегирев. — М.: [Б. и.], 1861. — 12 с.
6. Шерстюк, М.В. История средневековой Руси. Часть 1: учебное пособие для вузов / М.В. Шерстюк. — Москва: Издательские решения, 2021. — 80 с.
7. Горсей Джером Записки о России. XVI - начало XVII в. / Издательство Московского университета, 1990. — 289 с.
8. Мароши В. В. Зверинцы и зоосады в русской литературе XIX - начала XX в.: между раем и адом // Quaestio Rossica. — 2015. — № 1. — С. 153-173.
9. Дневник камер-юнкера Берхгольца, ведённый им в России в царствование Петра Великого, с 1721 по 1725 год. — Москва, 1858. — Ч. 1. — С. 54–55.
10. История России от древности до конца XVIII века: учебное пособие для вузов / Гончарук Е.И., И.А. Миролюбов, С.А. Миронюк, В.Т. Сакаев, М.В. Шерстюк; под ред. А.Б. Оришева. — Москва: Российский государственный аграрный университет, 2024. — 284 с. ISBN: 978-5-9675-2038-9

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.В. РАДЛОВА

Автор: Халикова Камиля Робертовна

*ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) Федеральный Университет», Казань, Россия
(420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18), студентка 3 курса Института международных
отношений, khalikova_kamilya2003@mail.ru*

Научный руководитель: Саматова Чулпан Хамитовна

*ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) Федеральный Университет», Казань, Россия
(420008, Казань, ул.Кремлевская, д.18), доктор исторических наук, доцент, chulpan-
samatova@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу организационно-педагогической деятельности крупнейшего ученого-тюрколога и ведущего педагог-методиста Василия Васильевича Радлова в Казани. В рамках работы рассматривается «казанский» этап в его жизненного пути и вклад в становление русско-татарской школы и роль В.В. Радлова в организации и развитии Казанской татарской учительской школы. Особое внимание уделено его педагогическим инициатива в роли инспектора татарских, башкирских и киргизских школ. В период пребывания В.В. Радлова в Казани в Казанском учебном округе были организованы первые русско-татарские школы. Кроме того, В.В. Радлов предпринял попытку сделать финансирование русских классов при мусульманских школах обязанностью земств. Будучи инспектором татарских, башкирских и киргизских школ, В. В. Радлов уделял серьезное внимание подготовке учителей русского языка для татарских, киргизских (казахских) и башкирских школ. Для работы в татарской учительской школе ученый-тюрколог привлекает почти весь интеллектуальный потенциал города Казани того времени. Сам В. В. Радлов руководил учебной частью школы, преподавал педагогику, дидактику, общую историю, вел практические занятия. В статье подробно описывается методический план занятий в учительской школы и описания практических уроков воспитанников. Деятельность В.В. Радлова оценивалась противоречиво среди мусульман и просветительского круга. Но это не помешало ученному-тюркологу совершить масштабный скачок в образовательном процессе в Казани в XIX- в начале XX вв.

Ключевые слова: организационно-педагогическая деятельность; ученый-тюрколог В.В. Радлов; русско-татарские школы; развитие казанской татарской учительской школы; мусульманские школы

ORGANIZATIONAL AND PEDAGOGICAL ACTIVITIES OF V.V. RADLOV

Author: Khalikova Kamilya Robertovna

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia (420008, Kazan, Kremlyovskaya St., 18), 3rd-year student at the Institute of International Relations, khalikova_kamilya2003@mail.ru

Scientific supervisor: Samatova Chulpan Khamitovna

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia (420008, Kazan, Kremlyovskaya St., 18), Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, chulpan-samatova@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the organizational and pedagogical activities of the prominent turkologist and leading educational methodologist Vasily Vasilevich Radlov in Kazan. It examines the "Kazan" period of his life and his contribution to the formation of Russian-Tatar schools, as well as his role in the organization and development of the Kazan Tatar Teacher Training School. Special attention is given to his pedagogical initiatives in his role as an inspector of Tatar, Bashkir, and Kyrgyz schools. During Radlov's time in Kazan, the first Russian-Tatar schools were established in the Kazan educational district. In addition, he attempted to make the financing of Russian classes in Muslim schools the responsibility of local self-governing bodies (zemstvos). As an inspector, Radlov placed great emphasis on the training of Russian language teachers for Tatar, Kyrgyz and Bashkir schools. He involved almost the entire intellectual potential of Kazan at that time in the work of the Tatar Teacher Training School. Radlov personally oversaw the academic program, taught pedagogy, didactics, general history, and led practical training. The article provides a detailed description of the school's methodological curriculum and the practical lessons conducted by its students. V.V. Radlov's activities were met with mixed reactions among Muslims and the educational community, yet this did not prevent the scholar from making a significant leap forward in the educational process in Kazan during the 19th and early 20th centuries.

Keywords: organizational and pedagogical activity; turkologist V.V. Radlov; Russian-Tatar schools; development of the Kazan Tatar Teacher Training School; muslim schools

В данной статье представлены научные результаты, полученные в рамках исследовательского проекта, посвященного организационно-педагогической деятельности В.В. Радлова. Архивные материалы в фондах «Казанский учебный округ» (Ф. 92), «Казанский университет» (Ф. 977) и «Казанская татарская учительская школа» (Ф. 142) дают возможность изучить казанский период жизнедеятельности В.В. Радлова и объективно оценить разноплановую деятельность ученого.

В.В. Радлов внес огромный вклад в организацию русско-татарских школ в Казанском учебном округе, являлся инициатором ряда положительных

нововведений, например, о возможности финансирования русско-татарских школ за счет земств и государственного финансирования мусульманского вероучения в них.

Инициировал и принял непосредственное участие в организации и развитии Казанской татарской учительской школы. Исследования показали, что при попытках установить контроль учебного ведомства над мектебе и медресе поступал прямолинейно, что вызывало жесткую негативную реакцию мусульман. Нередко обыватели из татар обвиняли В.В. Радлова в попытках через создание русско-татарских школ «навязать» христианскую веру, а некоторые миссионеры, наоборот, - в стремлении к поднятию образовательного, культурного уровня татар.

Можно сделать вывод о том, что в Казани В.В. Радлов окончательно сформировался как сильнейший организатор и общественный деятель, крупнейший ученый-тюрколог, ведущий педагог-методист.

Вторая половина XIX в. в России ознаменовалась реформой образования, связанной с ассимиляцией нерусских народов, включая татар. Основным инструментом для этого стали школы нового типа, созданные в соответствии с «Правилами о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» 1870 года. Обучение в них должно было начинаться на татарском языке, постепенно переходя на русский. Мусульманские общины также должны были открывать русские классы при своих учебных заведениях.

Для решения проблемы незнания инспекторами татарского языка и культуры в 1871 году в Казанском учебном округе была введена новая должность инспектора татарских, башкирских и киргизских школ. В этом же году В.В. Радлов, по пути в Санкт-Петербург, посетил Казань, где встретился с Н.И. Ильминским и П.Д. Шестаковым. Он получил предложение стать инспектором татарских школ, которое принял, начав тем самым «казанский» период своей научной деятельности.

На должности инспектора В.В. Радлов должен был «путем убеждения» учреждать для мусульманского населения русско-татарские училища и русские классы при конфессиональных школах, контролировать их деятельность; руководить татарскими учительскими школами; планировать и просматривать учебную литературу для татарских школ нового типа, а также книги для мусульманского населения, нацеленные на распространение среди них общего образования, «правильных понятий и ... убеждений» [1, с. 198]. В дальнейшем В.В. Радлову было предоставлено право составлять и издавать без предварительной цензуры, но с санкции попечителя КУО учебники, а также назначать учителей в русские классы при мектебе и медресе и в русско-татарские школы. После передачи в ведение Министерство народного просвещения конфессиональных учебных заведений мусульман, в

обязанности инспектора были добавлено осуществление контроля над многочисленными мектебе и медресе в губерниях Казанского учебного округ[1, с. 200]. Государственный Совет высочайше утвержденным мнением от 28 октября 1871 г. определил ему ежегодное жалованье в 3000 руб.

Для ознакомления с методиками обучения, учебными пособиями и программами В.В. Радлов в ноябре 1872 году с разрешения попечителя Казанского учебного округа П.Д. Шестакова направляется за границу. В период пребывания В.В. Радлова в Казани в Казанском учебном округе были организованы первые русско-татарские школы, что стало результатом активной деятельности В.В. Радлова при поддержке его действий попечителя П.Д. Шестакова. Известно, что к 1 января 1874 г. в КУО было учреждено 29 русско-татарских учебных заведений. Из них 9 являлись русскими классами при медресе [1 с. 210].

Непопулярность среди населения русско-татарских училищ обуславливалась несколькими обстоятельствами. Одним из них являлась заложенная в «Правилах» необходимость финансирования преподавания мусульманского вероучения на собственные средства татар. В соответствии с этим, приступив к выполнению своих обязанностей в качестве инспектора татарских, башкирских и киргизских школ, В.В. Радлов предложил из направляемых на содержание этих школ государственных средств, выделять ежегодно в качестве заработной платы по 50 руб. преподавателю мусульманских дисциплин [2].

Заслуживает внимание то обстоятельство, что В.В. Радлов предпринял попытку сделать финансирование русских классов при мусульманских школах обязанностью земств. Предложение было высказано попечителю Казанского учебного округа в отношении от 28 марта 1873 г.

Согласно проекту В.В. Радлова, при выделении денег земствами на организацию русских классов, должна была учитываться численность татарского населения в уезде. Более того, собранные ранее у мусульман земские взносы на развитие образования должны были направляться только на учреждение при конфессиональных школах русских классов. А для тех мусульманских обществ, которые не платили соответствующие взносы на народное образование, В.В. Радлов предложил ввести таковые, в размере 15 - 20 коп. в год с человека [3]. Однако, несмотря на то что субсидирование земствами вводимых «Правилами» учебных заведений для татар не приобрело обязательного характера, некоторые из них, включили в сферу своей заботы этот тип учебных заведений. Из учрежденных к декабрю 1874 г. в Казанском учебном округе русско-татарских учебных заведений, 6 (20 %) были открыты за счет земств [1 с. 197].

Следующая инициатива В.В. Радлова относилась к использованию русского языка в русско-татарских школах. В.В. Радлов, исходя из высокого образовательного уровня шакирдов медресе, считал, что предлагаемое «Правилами» 26 марта 1870 г. элементарное изучение русского языка не будет содействовать росту авторитета русского языка и науки, и предложил установить «строго научное изучение русского языка» для того, чтобы учащиеся могли изучать русскую литературу [3]. Это предложение было поддержано попечителем Казанского учебного округа. Но Министерство народного просвещения Д.А. Толстой отказался утвердить указанную инициативу [1 с. 198]. Так же не было одобрено предложение В.В. Радлова о необходимости дополнить курс арифметики сведениями из алгебры [4 с. 264].

Большие трудности встретила организация русских классов при конфессиональных школах татар. После вступления на должность, В.В. Радлов объявил муллам КУО требования «Правил» 1870 г. относительно открытия при руководимых ими школах классов русского языка. Однако большинство мулл отказалось от введения русского языка в конфессиональные школы, сославшись, прежде всего, на невозможность финансировать их за счет средств населения по причине бедности последних [1 с. 176].

Отрицательное отношение татарского населения отражено и в реакции татарского общества Казани на циркуляр инспектора от 15 апреля 1882 года. Муллам и заведующим медресе сообщалось, что В.В. Радлов будет заниматься изучением состояния учебных заведений и осуществлять контроль над школами.

Деятельность В.В. Радлова как инспектора Казанского учебного округа воспринималась противоречиво и со стороны миссионеров. Свидетельством того являются личные дневники Ефимия Малова-видного религиозного деятеля Казанской губернии, в которых обвиняет В.В. Радлова в противомусульманской полемике, говоря, что его деятельность вредна для общества. Стоит упомянуть деятельность Радлова в организации и развитии Казанской татарской учительской школы. Согласно «Правилам» 26 марта 1870 г. русско-татарские учебные заведения нуждались в дипломированных преподавателях.

В письме попечителю КУО от 2 января 1875 г. Радлов предлагает учредить в Казани татарскую учительскую школу [3]. Необходимость организации школы в Казани объяснялась двумя основными факторами. Первый из них исходил из того, что Казань являлась своеобразным мусульманским центром и могла привлечь в татарскую учительскую школу учащихся из различных населенных мусульманами территорий, обеспечить опытным преподавателем исламского вероучения и тд. Следующее

обстоятельство было связано с необходимостью контроля, более эффективное осуществление которого, обуславливалось близостью администрации КУО и инспекции татарских, башкирских и киргизских школ [5 с. 46].

Предложение инспектора было внесено министром народного просвещения на рассмотрение Государственного Совета и 22 ноября 1875 г. и удостоилось одобрения со стороны верховной власти. Казанская татарская учительская школа была учреждена согласно «Положению о татарских учительских школах в Уфе и Симферополе» 1872 г. Следует заметить, что попечитель КУО П.Д. Шестаков распоряжением No5939 от 16 декабря 1875 г. выбор инспектора и преподавателей КТУШ возложил на В.В. Радлова. Благодаря его рекомендациям на должность инспектора КТУШ был назначен бывший преподаватель татарского языка 1-й Казанской гимназии татарин М.–Г. Махмудов [1 с. 177].

Для работы в татарской учительской школе В.В. Радлов привлекает почти весь интеллектуальный потенциал города Казани того времени.

Среди них были татарские учёные и просветители: Ш.Марждани, К.Насыри, Ш.Г. Ахмеров (с 1876 года), И.В. Терегулов (с 1878 года), Ш.А. Тагиров (с 1896 года), Т.Г. Яхин (с 1876 года); русские педагоги: В.А. Богородицкий (с 1880 года), М.Н. Пинегин (с 1896 года) и др. Также в школе работали ученые Казанского университета П.Ф. Ломоносов, Л.М. Любимов, П.В. Траубенберг, С.А. Волберг, Д.Н. Адо, М.Г. Лексин, В.А. Богородицкий, М.А. Васильев, А.Н. Анастасиев. В штате Казанской учительской школы были врач и два надзиратели.

В. В. Радлов руководил учебной частью школы, преподавал педагогику, дидактику, общую историю, вел практические занятия.

Обучение в учительской школе было поставлено на основе рациональных требований педагогики. Занятия проводились с 8 до 12 часов.

После обеда проводились занятия по гимнастике, в учебных мастерских. Обучение велось на русском языке, но с опорой на родной язык учащихся.

В.В. Радлова предложил пересмотру порядка преподавания мусульманского вероучения в Казанской татарской учительской школе для углубленных знаний по религиозным предметам. И изложил это в донесении попечителю КУО П.Н. Масленникову от 24 апреля 1884 г., был сделан упор на внешние атрибуты, идентифицирующие воспитанников школы как правоверных мусульман: «наружность, костюм, исполнение обрядов, соблюдение религиозных требований в домашней жизни, знание обыденных молитв и др.» [6].

В третьем классе изучали общие основы: определения педагогики, дидактики и методики; развитие человека; способности и их свойства; внешние возбудители, взаимное отношение возбудителей и способностей;

воспитатель и его роль в деле развития воспитуемого; самодеятельность; теория и практика воспитания: тесная связь между теорией и практикой воспитательной деятельности.

Педагогическая практика проводилась в начальном однокомплектном образцовом училище при Казанской татарской учительской школе. Оно было тесно связано со всей работой учительской школы и являлось образцом для тех русско-татарских училищ, в которых выпускникам школы предстояла работа.

Воспитанники третьего класса Казанской татарской учительской школы, изучив в первом полугодии общие вопросы педагогики, во втором полугодии имели пассивную практику: с 13 часов ежедневно по часу они посещали уроки учителя или воспитанников 4 класса в образцовом училище.

Разбор практических уроков проводился в следующем порядке. Вначале выступал практикант и в кратком изложении указывал, достигнута ли цель урока, какие «погрешности» им самим были замечены. Затем другие практиканты отмечали достоинства и недостатки урока. После воспитанников говорил учитель о дидактической и методической сторонах урока. Обсуждение каждого урока завершалось выступлением инспектора-преподавателя педагогики. Он подводил итоги, формулировал выводы, решал вопрос об окончательной оценке урока.

В конце учебного года каждый воспитанник выпускного четвёртого класса должен был дать два «экзаменационных урока»: один - по русскому языку, другой - по арифметике. Разбор этих уроков происходил на заседании педагогического совета под председательством инспектора, где каждый преподаватель анализировал их с позиции своего предмета.

Кроме того, в четвёртом классе учащиеся Казанской татарской учительской школы продолжали изучать дидактику. По следующей программе: элементы, участвующие в обучении: учитель, ученик, учебный материал и внешние условия. Роль каждого из этих факторов. Основные принципы обучения: самодеятельность, наглядность и психологичность. Дидактические правила: а) по отношению к ученику, б) к учителю, в) к учебному материалу и г) к внешним условиям.

По окончании Казанской татарской учительской школы её воспитанники обладали хорошей подготовкой для успешной творческой деятельности, о чём свидетельствуют исторические документы. Например, в начале XX в. директор народных училищ Казанской губернии А. Никольский в своём движении попечителю Казанского учебного округа писал, что по сравнению со всеми «инородческими» училищами «обучение русскому языку в русско-татарских училищах и классах поставлено правильно и ведётся с большим сравнительно успехом несмотря на то, что учителям-мусульманам

приходится вести учебное дело при гораздо менее благоприятных условиях». А инспектор народных училищ Казанской губернии Я. Коблов в 1916 году в своей книге «Конфессиональные школы Казанских татар» писал, что «Каждый учитель русско-татарского училища стремился что-либо внести в сокровищницу учебной литературы».

Список литературы

1. Саматова Ч.Х. Руководство Казанского учебного округа и открытие русско-татарских училищ и русских классов при мектебах и медресе (1870 - 1905 гг.) / Ч.Х.Саматова // Научный Татарстан. - 2009. - № 2. - С. 318.
2. НАРТ. Ф.160. Оп.1. Д. 742. Л.24.
3. НАРТ. Ф. 92.Оп.1. Д. 11513. Л.19об.
4. Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев // Мир ислама. – 1913. – Т. II. – Вып. IV. – С. 264.
5. Шестаков П.Д. Соображения о системе образования инородцев, обитающих в губерниях Казанского учебного округа. Санкт-Петербург: печатня В. Головина, 1869. — 126 с.
6. М.–Г. Махмудов в 1855 – 1868 гг. состоял учителем татарского языка в 1-й Казанской гимназии. - См.: НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.12513. Л.3об.
7. Казанская татарская учительская школа 1876 – 1917 гг.: Сб. док. и материалов. С.52.

ПЛАКАТНОЕ ИСКУССТВО СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И СТИЛИ

Автор: Шуляк Варвара Алексеевна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 2 курса, направление: Ландшафтная архитектура, shulyakvarya@mail.ru

Научный руководитель: Шерстюк Максим Витальевич

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, maxim99@mail.ru

Аннотация: статья посвящена вопросу развития советской пропаганды в сфере плакатного искусства, в центре внимания автора – специфические черты ее реализации. В статье проанализировано смысловое содержание плакатов, созданных в России в 1917 – середине 1920-х гг. Плакат в рассматриваемый период является одним из ключевых жанров изобразительного искусства, наиболее остро реагирующий на важные исторические события и перемены. Плакат рассматривается как инструмент, оперативно и эффективно отвечающий на актуальные вызовы времени. Особое внимание в статье уделено изучению влияния плакатного искусства на мировоззрение советского общества. Автором предпринята попытка анализа эффективности влияния плакатного искусства на массовое сознание людей. В статье рассматриваются эстетика и содержание плакатов, выявлены методы и способы их использования в пропагандистских целях.

Ключевые слова: плакатное искусство; влияние; общественное мнение; культура; произведение

POSTER ART OF SOVIET RUSSIA: CHARACTERISTIC FEATURES AND STYLES

Author: Shulyak Varvara Alekseevna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), student of second grade, direction: Landscape architecture, shulyakvarya@mail.ru

Scientific supervisor: Sherstyuk Maxim Vitalievich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, maxim99@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the development of Soviet propaganda in the field of poster art, the author focuses on the specific features of its implementation. The article analyzes the semantic content of posters created in Russia in 1917 - mid-1920s. The poster in the period under review is one of the key genres of fine art, most acutely responding to important historical events and changes. The poster is considered as a tool that quickly and effectively responds to the current challenges of the time. Particular attention in the article is paid to the study of the influence of poster art on the worldview of Soviet society. The author attempted to analyze the effectiveness of the influence of poster art on the mass consciousness of people. The article examines the aesthetics and content of posters, reveals the methods and ways of their use for propaganda purposes.

Key words: poster art; influence; public opinion; culture; work

Как известно, искусство было одним из основных методов пропаганды в Советской России. Руководство страны хорошо осознавало мощный эмоциональный и эстетический потенциал искусства, способного глубоко воздействовать на массовое сознание людей. Плакаты, картины, фильмы и другие произведения искусства могли быстро и наглядно передавать идеологические послы и ценности, пропагандируемые властью [1, с. 79]. Часто агитация проводилась через ярко разрисованные составы поездов и пароходов, служащих своеобразной почтой, разносящей газеты и листовки с коммунистическими призывами: «Такие методы агитации сыграли в те годы немалую просветительскую роль в малограмотной, обнищавшей стране, практически не имевшей других средств передачи информации о происходящем», – пишет исследователь Е.Е. Лежень [2, с. 123]. Советское искусство представляло собой доступный и понятный способ коммуникации с широкими массами населения, включая неграмотное население. Искусство в СССР использовалось для поддержания единой идеологической линии и формирования общественного мнения, согласно заданным коммунистическим нормам и ценностям. Пропагандистские методы, воплощенные через искусство, были направлены на укрепление советской власти и поддержание стабильности в обществе. Плакаты, например, могли быстро и наглядно донести информацию и необходимый посыл до широких социальных групп, что делало их эффективным средством пропаганды. Плакаты отличались яркими, контрастными цветами, которые привлекали внимание и усиливали эмоциональное воздействие. Цель данной статьи – исследовать влияние плакатного искусства Советской России на мнение

общественности в период становления большевистской власти (1917 – 1920-х гг.).

Характерной чертой для плакатного искусства изучаемого периода является его монополизация со стороны государства. Все плакатные мастерские и издательства были национализированы, а художники работали по заказам государства. Плакаты должны были соответствовать идеологическим установкам советской власти, пропагандируя революционные идеи, коммунистические принципы и борьбу с врагами революции. В этот период в плакатном искусстве появился единый стиль, отражающий идеологию советской власти. Художники использовали яркие цвета, простые формы, символы и емкие слоганы. Важно отметить, что художники изучаемого периода были лишены свободы творчества и должны были создавать плакаты в соответствии с заданными темами и идеологическими установками [3, с. 16].

Плакатное искусство 1917 – середины 1920-х гг. имеет ряд характерных особенностей и признаков, таких как максимальное использование карикатурности. Художники этого периода применяли для образов гротескные пропорции, искаженные черты лица, гиперболизированные жесты, чтобы подчеркнуть абсурдность и порочность врагов революции. Карикатуры высмеивали политических противников, буржуазный образ жизни, негативные явления в обществе, используя юмор, иронию и сарказм. Карикатуры использовали символы, которые были понятны широкой аудитории, например «буржуй» с толстым кошельком, «капиталист» с долларовыми знаками и т.д.

Еще одна особенность плакатного искусства исследуемого периода – краткость и понятность слоганов, язвительность и емкость реплик. Большая часть населения Советской России в период 1917 – первой половины 1920-х гг. была малограмотной, поэтому использование понятной и выразительной лексики было наиболее удачно для политической агитации. Понятные и доступные слоганы вызвали сильные эмоции, заставляя людей задуматься и действовать. Они должны были пропагандировать революционные идеи, призывать к борьбе с врагами революции и строительству нового общества. Многие слоганы были написаны рифмой или имели ритмическую структуру, что делало их более запоминающимися.

Активное развитие плакатного искусства в Советской России пришлось на годы Гражданской войны. Этот период характеризуется наиболее активным использованием плакатного искусства, ведь для пролетариата оно было мощным источником политической агитации. Как пишет Е.Е. Лежень, советский плакат нес массам призывы большевистской партии, звал на борьбу за свободу и справедливость [4, с. 122]. В этот период плакаты

использовали обе противоборствующие стороны. Плакаты просоветских сил использовали яркие красные цвета, изображали рабочих, крестьян и солдат, пропагандируя социалистические идеалы. Большевистские плакаты в этот период были вызывающими, «кричащими», привлекающими внимание. Рассмотрим в качестве примера плакат Поманского Н.Н. «Хлеб нам даст только Красная Армия» (рис. 1). Он выполнен в яркой, кричащей цветовой гамме, оказывающей сильное аттрактивное воздействие. На плакате в левой части представлено карикатурное изображение белогвардейского офицера А.И. Деникина в двух положениях: во время наступления и в период отступления. Визуальное противопоставление играет важную роль, как будто призывая человека сделать выбор. Плакат формирует положительное впечатление о просоветских силах и негативное об антибольшевистских.

Антисоветские силы на своих плакатах призывали к поддержанию традиционных ценностей и возврату дореволюционных порядков [5, с. 211]. В целом, плакаты антибольшевистских сил были нейтральны стилистически. Рассмотрим в качестве примера плакат «За единую Россию» (рис. 2).

Рисунок 1 – Плакат Поманского Н.Н. «Хлеб нам даст только Красная Армия»

На плакате изображена красная большевистская змея, захватившая Россию, а с ней в лучах восходящего солнца борется небесный белый всадник. Плакат сопровождался текстом: «Плотным змеиным кольцом охватил большевизм сердце России. Складывается впечатление, что ничто не в силах вырвать жертву из лап змея. Но вот в лучах восходящего солнца показался всадник, добровольно взявший на себя подвиг спасения России. Мощно занесена рука всадника, и в бессильной ярости чувствует змий, что тверда эта рука, верен ее удар, и не избежать ему карающей десницы». Нужно отметить, что текст подобной формулировки тяжело воспринимался

малограмотным населением, поэтому для политической агитации был малопригоден.

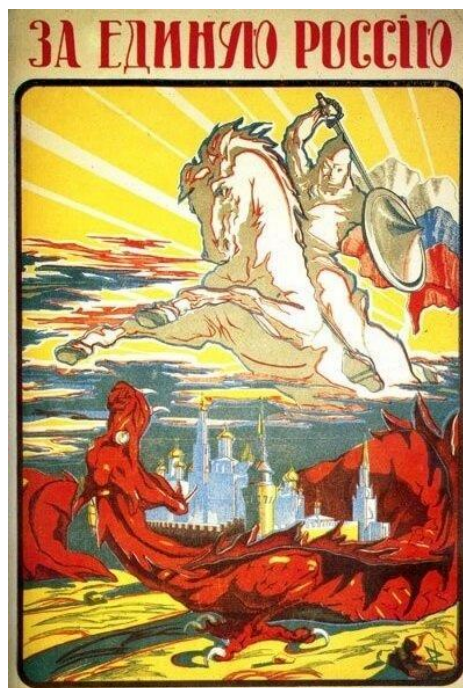

Рисунок 2 – Плакат «За единую Россию»

Крайне интересными для исследователя являются советские антирелигиозные агитации 1920-х гг. С 1921 г. в Советской России началась антирелигиозная кампания, осуществляемая за счет письменной, аудиальной, визуальной и вербальной пропаганды. 4 января 1923 г. вышел первый номер журнала «Безбожник у станка», где публиковались антиклерикальные плакаты, отражающие марксистско-ленинскую атеистическую риторiku. В журнале изображались карикатуры на царскую власть и религиозные институты [6, с. 60]. В качестве примера стоит привести плакат Кукрыниксов 1920 г. «Мы, милостью пушек, нагаек и пулеметов» (рис. 3).

Рисунок 3 – Плакат Кукрыниксов «Мы, милостью пушек, нагаек и пулеметов»

Этот плакат нацелен на разрушение иллюзорного образа священного царя. На нем изображено, как он переступает через людей, убитых в следствие жесткой государственной политики, а за спиной императора спрятаны священники, держащие в руках кресты и иконы. Так, в голове советского гражданина должен был возникать вопрос о соответствии церкви и религии моральным и этическим нормам общества [7, с. 195]. Советское плакатное искусство формировало представление о новом типе человека: сильном рабочем, чьи устремленные взгляды направлены в будущее, свободное от классового неравенства и религиозных предрассудков.

Таким образом, плакатное искусство советской России 1917 – 1920-х гг. играло важную роль в формировании общественного сознания народа. Обильное использование карикатур, доступных для понимания широких масс населения, яркой цветовой гаммы, кричащих лозунгов позволило оказывать значительное влияние на широкие слои населения. Плакаты советских и антисоветских сил в исследуемый период различались по оформлению, содержанию и смысловой наполненности [8, с.179]. Плакатное искусство, являясь мощным инструментом пропаганды, не только отражали политические и социальные реалии, но и активно влияли на установление социалистических ценностей, идеалов и норм поведения. Артистичное воплощение образов позволяло быстро и эмоционально донести идеологические послания до массовой аудитории. В целом плакатное

искусство 1917 – 1920-х гг. было эффективным в создании нового образа советского человека.

Список литературы

1. Гончарук Е.И. Деятельность Донецкой областной организации охраны памятников истории и культуры (1960-1980 гг.) / Е. И. Гончарук // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы VIII Международной научной конференции, Донецк, 25–27 октября 2023 года. Донецк: Донецкий государственный университет, 2023. С. 79-81.
2. Лежень Е.Е. Плакат как средство политической агитации в 1917 –1930-е года // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. №3 (47). С. 122-124.
3. Наглядная агитация: В помощь художнику оформителю и организатору наглядной агитации. Москва: Плакат, 1984. 32 с.
4. Лежень Е.Е. Плакат как средство политической агитации в 1917 –1930-е года // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. №3 (47). С. 122-124.
5. Сергеева О.В. Визуальный язык «красных» и «белых» плакатов периода Гражданской войны в России // ЖССА. 2017. № 4. С. 210–229.
6. Карепов Г.Е. Пропаганда: социокультурный и художественный аспекты // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 9. С. 58-62.
7. Ильясова А.С. Плакатное искусство в системе антирелигиозной пропаганды в 20-30-х годах СССР // Наука. Искусство. Культура. 2022. № 4 (36). С. 194–198.
8. Оришев, А.Б. История России от XIX до XX века: учебное пособие для вузов / А.Б. Оришев, С.А. Миронюк, А.С. Позднякова, Д.Н. Христенко, М.В. Шерстюк. – Москва: Российский государственный аграрный университет, 2024. – 339 с

РАССТРЕЛЫ В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920 ГОДУ

Автор: Ясинская Полина Ивановна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса Института мелиорации, водного хозяйства и строительства имени А.Н. Костякова, polinaasinskaa561@gmail.com

Научный руководитель: Позднякова Анастасия Сергеевна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, chai89@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу судебно-следственных дел, которые рассматривались Вятским губернским революционным трибуналом в период Гражданской войны. На основе трёх дел Вятского губернского революционного трибунала и Вятской губЧК раскрывается трагедия гражданского населения, ставшего жертвой чрезвычайного правосудия, коррупции и распада правовых норм в условиях хаоса Гражданской войны.

Ключевые слова: Гражданская война; Вятская губерния; становление советской власти; революционное правосознание; революционный трибунал

EXECUTIONS IN VYATKA PROVINCE IN 1920

Author: Yasinskaya Polina Ivanovna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), student, A.N. Kostyakov Institute of Land Reclamation, Water Management, and Construction, polinaasinskaa561@gmail.com

Scientific supervisor: Pozdnyakova Anastasiya Sergeevna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), PhD of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, chai89@bk.ru

Abstract. The article analyzes judicial and investigative cases examined by the Vyatka Provincial Revolutionary Tribunal during the Russian Civil War. Through the study of three cases from the Vyatka Provincial Revolutionary Tribunal and the Vyatka Gubernia Cheka, it exposes the tragedy of civilian populations who fell victim to emergency justice, corruption, and the collapse of legal norms amid the chaos of the Civil

War.

Keywords: Russian Civil War; Vyatka Gubernia; establishment of Soviet power; revolutionary concept of justice; revolutionary court

Гражданская война, обрушившаяся на Россию после 1917 года, превратила жизнь миллионов людей в череду выживания. Вятская губерния не избежала этой трагической участи [1]. Сторонники советской власти, опираясь на декреты о «красном терроре», подавляли реальное и мнимое сопротивление через расстрелы, конфискации и внесудебные расправы [2]. Белое движение, выступавшее под лозунгами восстановления порядка, отвечало казнями подозреваемых в большевизме, реквизициями и террором против мирного населения [3; 4; 5; 6].

Вятская губерния, где в 1918–1919 годах власть попеременно переходила из рук в руки, стала одним из центров этого противостояния [7]. В годы Гражданской войны следственно-судебными органами в Вятке были Вятский губернский ревтрибунал и Вятская губЧК [8]. В 1919 г. в губернии по приговору ревтрибунала было расстреляно 22 человека [9]. В 1920 г. в РСФСР высшая мера наказания была отменена, но ненадолго, в марте 1920 г. в связи с началом советско-польской войны практика расстрельных приговоров была возобновлена.

Настоящее исследование анализирует случаи применения высшей меры наказания в Вятской губернии в 1920 году. Нами было выяснено, что Вятский губернский революционный трибунал вынес три расстрельных приговора в 1920 г.

Первым рассмотрим дело 25-летнего рабочего Ижевского завода Аркадия Лаврентьевича Пинегина [10]. Он был участником Ижевско-Воткинского восстания 1918 г. – одного из крупнейших выступлений рабочих против советской власти, вызванного недовольством пролразверсткой и репрессиями. Аркадий Лаврентьевич был назначен начальником караула, отвечавшим за охрану арестованных, объявленных «сочувствующими советской власти». Материалы дела свидетельствуют, что Аркадий Лаврентьевич не только «грубо обходился с арестованными сторонниками Советской власти», но и отдал приказ обстрелять помещение с арестованными при отступлении белогвардейских формирований из Ижевска. Его распоряжение часовым, в случае отступления белых, «приколоть всех арестованных» перед оставлением поста, демонстрирует превращение внесудебных казней в рутинную практику. Однако и сам Пинегин тоже оказался заложником обстоятельств. Участие в восстании могло быть вынужденным, а служба у белых — попыткой выжить. Революционный трибунал осудил его как «контрреволюционера». Заседание трибунала состоялось 11 января 1921 г. Пинегина приговорили к расстрелу,

но по амнистии заменили на 10 лет лишения свободы. 22 августа 1922 г. он был отпущен на свободу по условно-досрочному освобождению [10, л. 42]. Дело Пинегина — это пример того, как Гражданская война не считалась с жизнями людей по обе стороны фронта в процессе установления власти одной из сторон.

Следующим объектом анализа является дело 42-летнего Ильи Ивановича Чернышева, крестьянина Учинской волости Малмыжского уезда [11]. Из материалов дела выяснилось, что весной 1919 г., в период, когда уезд контролировали «белые», Чернышев был назначен на должность «старосты, а затем милиционера» и «сообщил белогвардейскому командиру, что в лесу скрываются красноармейцы», что привело к их аресту и последующему расстрелу. Кроме того, Чернышев отвел к белогвардейскому коменданту двух советских работников, которых «вскоре после этого расстреляли», а жена одного из них была избита нагайкой. Как и многие крестьяне, возможно, Чернышев подчинялся белым из-за страха, а не идеологических убеждений. Его роль сводилась к исполнению приказов в условиях, где отказ грозил смертью. Илья Иванович Чернышев, сначала инструмент белого террора, затем — жертва красного, символизирует трагедию мирных жителей, оказавшихся вовлеченными в конфликт против воли. 17 июня 1920 г. трибунал приговорил его расстрелу, но по амнистии расстрел был заменен на 5 лет лишения свободы. 14 апреля 1922 г. И.И. Чернышев был освобожден условно-досрочно. К слову, Чернышев впоследствии не был реабилитирован, так как его вина была доказана свидетельскими показаниями.

Если дела А.Л. Пинегина и И.И. Чернышева раскрывают репрессии против отдельных лиц, то третье рассмотренное нами дело иллюстрирует самоуправство и коррупцию на фоне распада правовых норм. Согласно материалам дела [12], проверка Вятской губЧК в 1920 году выявила, что Архангельская партийная ячейка Котельнического уезда действовала как преступная группировка. Её члены, занимавшие ответственные посты в волостном исполкоме, использовали власть для личной мести, обогащения и подавления неугодных, маскируя преступления под борьбу с «контрреволюцией». Так, по распоряжению председателя исполкома ячейки Василия Дранишникова «отбирались у граждан продукты: овцы целыми тушками, мед, масло, яйца, хлеб и проч., отбиралось это принудительным порядком, отбиралось и в том случае, если у гражданина излишков нет» и затем разворовывались или передавались родственникам руководителей ячейки. Подобные действия часто оставляли людей без средств к существованию и настраивали население волости против молодой Советской власти, граждане «все отзывались о данной ячейке с самой плохой стороны»,

однако, «сообщать о действиях членов ячейки боялись» поскольку противодействие Дранишникову «влекло за собой меры репрессий: арест, обыск, конфискация, штраф и даже расстрелы».

Причем лидер ячейки не считался даже с жизнями своих родственников. В октябре 1918 года ячейка вынесла смертный приговор учительнице Елизавете Дранишниковой — двоюродной сестре Василия Дранишникова. Елизавета была обвинена в «антисоветской агитации» после того, как «она его во всем с его стороны неблаговидно уличила и написала по просьбе селения приговор, заключающий в себе ходатайство об удалении Дранишникова и его семьи из их деревни». Решение о казни приняли без допроса обвиняемой и свидетелей.

Кроме того, быть расстрелянными могли даже формально ни в чем не повинные люди. В январе 1919 года члены ячейки Лебедев, Шабалин и Гребнев «будучи пьяными в деревне Лаврушата задержали трех граждан и хотели их расстрелять» и лишь благодаря противодействию жителей деревни в тот раз кровопролития удалось избежать.

Местное население написали о злоупотреблениях председателю СНК В.И. Ленину. К слову, центральной власти доверяли больше, нежели местной [13, с. 48]. После расследования Вятская губЧК передала данное дело в ревтрибунал. В 1920 г. трибунал и ЧК действовали более слаженно, нежели в 1919 г [14, с. 191]. 12 октября 1920 г. Вятский губернский революционный трибунал приговорил Дранишникова к расстрелу; С. Д. Шабалин к 3 годам в Вятском исправительном рабочем доме, но учитывая его низкий уровень образования, отправил его на фронт; Д. А. Шабалин - 1 условно; Я. А. Шабалин - 1,5 года, по амнистии освободить; М. М. Гребнев 3 условно. Расстрел Дранишникова был заменен на 15 лет, впоследствии по амнистии сокращен до 5 лет, а в 1922 г. он бежал.

Во всех вышеперечисленных случаях к обвиняемым была применена амнистия в 1922 г., поскольку Вятский исправительный рабочий дом был переполнен, в нем часто вспыхивали эпидемии [15, с. 67]. Однако, случаи применения высшей меры наказания были. Расстрелы применялись в Вятской губернии: 8 июня 1920 г. за дезертирство, подделку документов и поддельные печати были приговорены к расстрелу двое жителей Ключевской волости Котельнического уезда [16, с. 36]. Советская власть беспощадно боролась с дезертирами [17].

Заключительный пример показывает, что в условиях Гражданской войны насилие размывало границы между властью и бандитизмом, а «революционная необходимость» превращалась в прикрытие для коррупции и мести. Рассмотренные материалы Вятской губЧК и губернского революционного трибунала раскрывают ключевой парадокс Гражданской

войны: за лозунгами «революционной законности» с одной стороны и «восстановления порядка» с другой, зачастую стоял террор населения, оказавшегося заложником обстоятельств, а также повседневный произвол, коррупция и сведение личных счетов. Три рассмотренных дела — Пинегина, Чернышева и Архангельской ячейки — демонстрируют, что террор не был монополией одной из сторон. В Гражданской войне обе стороны совершали акты внесудебного насилия. Главной жертвой которого стали не солдаты на фронте, а гражданские, вынужденные существовать между двух форм насилия — без права на защиту или справедливость. Как показывают исследования современных тимирязевских ученых, террор во время Гражданской войны, как и изучение других исследовательских проблем, в частности интервенции в России [18; 19; 20; 21], представляется одним из важных историографических направлений современной исторической науки.

Список литературы

1. Позднякова А.С. Вятская губерния в годы Гражданской войны: чрезвычайные органы власти. Киров, 2018. 320 с.
2. Декреты Советской власти. 1917–1921 гг. — М.: Политиздат, 1970. — 544 с.
3. Революционные события 1917 г. На страницах военной истории // Военно-исторический журнал. 2017. № 3. С. 45-58.
4. Причины революции 1917 года в России (социокультурный аспект) // Социально-политические исследования. 2018. № 2. С. 23-37
5. Гражданская война в России (1917–1922): взгляд современной историографии // Вопросы истории. 2022. № 11. С. 67-82.
6. События Гражданской войны: региональный аспект // Уральский исторический вестник. 2019. № 1. С. 89-103.
7. Вятская губерния в 1917-1918 гг.: Революция и эволюция региональной политико управленческой системы: монография / В.И. Бакулин, М.А. Борчина, А.С. Макарова, А.С. Позднякова, Ю.Н. Тимкин. Киров. 2017.
8. Бакулин В.И., Вычугжанина А.С. Органы чрезвычайной юстиции Вятской губернии в 1918-1922 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2-5. С. 90-99.
9. Позднякова А.С. Деятельность Вятского губернского революционного трибунала в 1918-1922 гг. как фактор стабилизации власти большевиков в регионе. Дисс. ... канд. ист. наук. Киров, 2015. С. 72.
10. Центральный государственный архив Кировской области (далее – ЦГАКО). Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 2616.
11. ЦГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 3036.
12. ЦГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 3207.
13. Позднякова А. С. Ревизия Вятской губернии уполномоченными ВЦИК и ЦК РКП (б) в мае - июне 1919 года // Вестник гуманитарного образования. 2022. № 3(27). С. 42-50.

14. Позднякова А.С. Конфликт между ВЧК и НКЮ в региональном измерении (Вятская губерния, 1918-1919 гг.) // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов. Материалы II всероссийской научно-практической конференции, посвящённой памяти историка отечественных спецслужб Александра Михайловича Плеханова и 105-летию образования ВЧК. Омск, 2022. С. 186-192.
15. Позднякова А. С., Вычугжанина Е. Ю. Эпидемия сыпного тифа в Вятском исправительном рабочем доме в 1918-1920гг // Вятский медицинский вестник. 2016. № 2(50). С. 65-68.
16. Позднякова А. С. Уголовные преступления в практике Вятского губернского революционного трибунала в годы Гражданской войны // Genesis: исторические исследования. 2017. № 7. С. 35-42.
17. Позднякова А. С. Создание и деятельность Вятской губернской комиссии по борьбе с дезертирством в 1919 году // Genesis: исторические исследования. 2018. № 11. С. 56-66. DOI 10.25136/2409-868X.2018.11.27453.
18. Миронюк С.А. Британская политика интервенции в России (ноябрь 1917 г. - декабрь 1919 г.) как фактор Гражданской войны: этапы и особенности // Исторический вестник. 2024. Т. 47. С. 318-381. DOI 10.35549/HR.2024.2024.47.010
19. Миронюк С.А. Интервенция в Россию в политических дискуссиях правящих кругов Великобритании (1917-1919 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, 2021. 200 с.
20. Миронюк С.А. Меморандум Генри Вильсона «Наша текущая и будущая военная политика в России» (13 ноября 1918 г.) как фактор британской политики интервенции в России в ноябре - декабре 1918 г. // Genesis: исторические исследования. 2025. № 2. С. 1-12. DOI 10.25136/2409-868X.2025.2.72941
21. Миронюк С.А. Содержание меморандума «Сибирь» (март 1918 Г.) и его значимость в контексте формирования британской политики в Сибири // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 3(33). С. 107-117. DOI 10.36718/2500-1825-2024-3-107-117

РАЗДЕЛ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47) “1917/1920”

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ИНОСТРАННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА ЮГЕ РОССИИ (1917–1920) В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Автор: Андреев Дмитрий Алексеевич

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса Института экономики и управления АПК, andreev.dmitriy.a@yandex.ru, ORCID: 0009-0004-4923-1499

Научный руководитель: Оришев Александр Борисович

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории, Orishev71@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья представляет собой обзор современной отечественной историографии, посвященной Гражданской войне и иностранной интервенции на Юге России в 1917–1920 гг. В работе рассматриваются основные положения, представленные в научных публикациях последних лет. Особое внимание уделяется анализу новых архивных материалов и уточнению традиционных трактовок событий. В статье выделяются ключевые аспекты изучения особенностей Белого движения на Юге России. Также исследуются оценки причин и последствий интервенции в этом российском регионе. Главный научный результат заключается в выявлении новых тенденций в изучении Гражданской войны и иностранной интервенции на Юге России, уточнению роли иностранных государств и формировании более комплексного понимания событий периода 1917–1920 гг. в этом российском регионе.

Ключевые слова: Гражданская война; иностранная интервенция; Юг России; Белое движение; А.И. Деникин; ВСЮР.

CIVIL WAR AND FOREIGN INTERVENTION IN THE SOUTH OF RUSSIA (1917–1920) IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Author: Andreyev Dmitry Alekseevich

Russian Timiryazev State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), 1st year students of the Institute of Economics and management in agribusiness, andreev.dmitriy.a@yandex.ru

Scientific supervisor: Orishev Aleksandr Borisovich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street, 49), Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History, Orishev71@mail.ru

Abstract. This article is review of modern Russian historiography devoted to the Civil War and foreign intervention in Southern Russia in 1917–1920. The paper examines the main conceptual provisions presented in scientific publications of recent years. Special attention is paid to the analysis of new archival materials and the reinterpretation of traditional interpretations of events. The article highlights the key aspects of studying the peculiarities of the White Movement in Southern Russia. Assessments of the causes and consequences of the intervention in this Russian region are also being investigated. The main scientific result is to identify new trends in the study of the Civil War and foreign intervention in Southern Russia, rethink the role of foreign states and form a more comprehensive understanding of the events of the period 1917–1920 in this Russian region.

Key words: Civil War; foreign intervention; South of Russia; White Movement; A.I. Denikin; AFSR

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью комплексного осмысления событий Гражданской войны и иностранной интервенции на Юге России в 1917–1920 гг. В современных условиях, когда происходит переосмысление исторических событий начала XX в., особое значение приобретает изучение различных аспектов этого периода, включая военно-политический. Гражданская война и иностранная интервенция на Юге России представляют собой сложный и многогранный исторический феномен, требующий всестороннего анализа. Этот регион являлся важным центром противостояния между РККА и Белым движением. Современная историография демонстрирует возрастающий интерес к изучению периода 1917–1920 гг. Историки погружаются в изучение противоборствующих сил, роли иностранных государств и социально-экономического положения региона. Исследователи обращаются к новым архивным материалам, расширяя и углубляя традиционные трактовки событий и открывая новые грани прошлого.

В современных исследованиях Гражданской войны на Юге России особое внимание уделяется анализу противоборствующих сил и их столкновению. На основе архивных материалов изучаются как военные, так и политические аспекты противостояния. Работы А.С.Пученкова [1; 2] и В.И. Голдина [3] позволяют проследить эволюцию антибольшевистского движения, выявить ключевые противоречия между белогвардейскими лидерами. Значительный вклад в изучение роли иностранных государств в событиях на Юге России вносят исследования С.А. Миронюка [4; 5; 6; 7; 8;

9] и Г.Г. Попова, Т.Г. Чшиева, О.Ю. Казенкова [10]. В их работах подробно рассматривается британская политика интервенции как фактор Гражданской войны, анализируется характер и масштабы помощи вооруженным силам Юга России со стороны Антанты в 1918–1919 гг. Особое внимание уделяется этапам и особенностям интервенции, а также её влиянию на ход военных действий. В частности, С.А. Миронюк считает, что интервенция сыграла важную (оказание помощи белогвардейским силам), а в некоторых случаях (организация и согласование условий общесоюзного вмешательства) решающую роль.

Социально-экономическое положение региона в период Гражданской войны исследуется через призму различных аспектов. Работы С.А. Миронюка раскрывают проблемы предпринимательства и сельского хозяйства на Белом Юге России по британским архивным материалам [11; 12]. Р.Г. Гагкуев анализирует образовательную политику и экономику образования в 1918–1919 гг. [13]. А.В. Посадский рассматривает общий итог реформ и контрреформ в белом тылу, уделяя особое внимание медицинской сфере [14].

Особенности Белого движения на Юге России исследуются комплексно. В.А. Силантьева и А.А. Локтев проводят историко-правовой анализ структуры правительства Белого Юга [15]. В.Ж. Цветков изучает разработку и обсуждение проекта земельной реформы летом-осенью 1919 г. [16]. В.В. Калиновский и Е.А. Самыловская исследуют национальную и конфессиональную политику режима П.Н. Врангеля [17]. К.С. Чикаева и В.В. Шалин анализируют историко-социальные факторы политической позиции казачества [18]. В современных исследованиях особое внимание уделяется тыловому обеспечению национальных формирований Белого движения (работа С.Г. Шиловой [19]) и финансовой политике в условиях революции (исследование В.Ж. Цветкова и Е.А. Цветковой о деятельности М.В. Бернацкого [20]).

В современной отечественной историографии исследования Гражданской войны и иностранной интервенции на Юге России (1917–1920) характеризуются многоаспектностью подходов и комплексным анализом событий. Особое внимание уделяется изучению противоборствующих сил, роли иностранных государств и социально-экономического положения региона. В работах последних лет прослеживается тенденция к уточнению традиционных трактовок событий и использованию новых архивных материалов, что позволяет по-новому взглянуть на причины и последствия интервенции, характер и масштаб военных действий на Юге России. Методологическая база исследований включает комплексный анализ архивных документов, изучение взаимодействия противоборствующих

сторон и международного контекста событий. Современные историки уделяют значительное внимание личностям лидеров противоборствующих сил, их стратегическим решениям и дипломатическим усилиям. Важное место в исследованиях занимает анализ образовательной политики, национальной и конфессиональной политики режима П.Н. Врангеля, а также финансовой политики в условиях революции и Гражданской войны.

Концептуальные положения современных исследований охватывают широкий спектр вопросов: от структуры правительства Белого Юга и земельной реформы до роли казачества и тылового обеспечения национальных формирований. Особое внимание уделяется изучению медицинской сферы, экономики образования и предпринимательской деятельности в период Гражданской войны. Современные исследователи также анализируют особенности взаимодействия Белого движения с местным населением и влияние интервенции на социально-экономическое развитие региона.

Проведенное исследование современной отечественной историографии Гражданской войны и иностранной интервенции на Юге России (1917–1920) позволяет сделать ряд существенных выводов. В современной исторической науке наблюдается комплексный подход к изучению данного периода, что подтверждается широким спектром рассматриваемых вопросов: от образовательной политики до национальной и конфессиональной проблематики. Анализ научных работ показывает, что особое внимание исследователей уделяется изучению противоборствующих сил. Важным направлением исследований является изучение роли иностранных государств, особенно британской интервенции, которая рассматривается как существенный фактор развития событий. Современная историография характеризуется углубленным изучением социально-экономического положения региона. Работы, посвященные аграрному сектору, предпринимательской деятельности и финансовой политике, позволяют составить целостное представление о хозяйственной жизни Юга России в период Гражданской войны. Особого внимания заслуживает исследование земельной реформы и медицинского обеспечения населения.

Таким образом, современная отечественная историография демонстрирует значительный прогресс в изучении Гражданской войны и иностранной интервенции на Юге России. Комплексный подход к исследованию событий и использование новых источников формируют более полное и объективное представление о периоде 1917–1920 гг. Историки не только описывают события прошлого, но и стремятся понять их глубинные причины, ход и последствия. Это позволяет не только реконструировать исторические факты, но и извлечь важные выводы для современности.

Гражданская война в России остается одной из самых важных тем в отечественной исторической науке. Помимо темы военной истории современные историки изучают различные аспекты региональной истории [21; 22], особо востребованной является тема, связанная с органами ВЧК [23; 24]. Современные исследователи используют новые подходы, изучают ранее засекреченные источники. В связи с этим история Гражданской войны в России еще на долгое время будет являться востребованной темой.

Список литературы

1. Пученков А.С. Гражданская война на Юге России: историографические тенденции последних лет // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности: сборник научных трудов. Новосибирск: Издательство Параллель, 2022. С. 23-43. DOI 10.31518/978-5-98901-255-8-23-43.
2. Пученков А.С. Об особенностях Гражданской войны в Крыму (1917-1920 гг.) // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. 2019. Т. 7. С. 258-280.
3. Голдин В.И.Н.В. Чайковский и А.И. Деникин: диалог, сотрудничество и противоречия лидеров антибольшевистского движения в годы Гражданской войны в России. По страницам документов российских и зарубежных архивов // Вестник архивиста. 2022. № 1. С. 81-97. DOI 10.28995/2073-0101-2022-1-81-97.
4. МIRONЮК С.А. Борьба с большевизмом как фактор формирования политики интервенции после Компьенского перемирия (по документам военного кабинета министров Великобритании ноября-декабря 1918 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 70. С. 83-88. DOI 10.17223/19988613/70/12
5. МIRONЮК С.А. Британская политика интервенции в России (ноябрь 1917 г. - декабрь 1919 г.) как фактор Гражданской войны: этапы и особенности // Исторический вестник. 2024. Т. 47. С. 318-381. DOI 10.35549/HR.2024.2024.47.010
6. МIRONЮК С.А. Изменения в политике предоставления британской помощи белым силам в Сибири и на Юге России в июле 1919 г. и их причины (на основе протокола заседания Военного Кабинета министров от 25 июля 1919 г.) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 11. С. 1-10. DOI 10.25136/2409-868X.2019.11.31244
7. МIRONЮК С.А. Интеллектуальное обеспечение интервенции в Россию в записках британских генералов Г. Вильсона и Ф. Пуля // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 2(29). С. 116-139. DOI 10.24412/2409-1413/2022-2-116-140
8. МIRONЮК С.А. Интервенция в Россию в политических дискуссиях правящих кругов Великобритании (1917-1919 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, 2021. 200 с.
9. МIRONЮК С.А. Меморандум Генри Вильсона «Наша текущая и будущая военная политика в России» (13 ноября 1918 г.) как фактор британской политики интервенции в России в ноябре - декабре 1918 г. // Genesis: исторические исследования. 2025. № 2. С. 1-12. DOI 10.25136/2409-868X.2025.2.72941
10. Попов Г.Г., Чшиев Т.Г., Казенков О.Ю. Помощь вооружённым силам на Юге России со стороны Антанты (конец 1918-1919 гг.) // Вестник МГИМО-Университета.

2024. Т. 17. № 3. С. 170-196

11. Миронюк С.А. Проблемы ведения предпринимательской деятельности на Белом Юге России в 1919 г. в материалах национального архива Соединенного Королевства // Аграрное предпринимательство: история, тренды, горизонты развития : материалы международной научно-практической конференции, Москва, 11–12 апреля 2023 года. Москва: Российский государственный аграрный университет-Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева, 2023. С. 34-39.

12. Миронюк С. А. Сельское хозяйство белого Юга России в 1919 г. В докладе Г.К. Хольмэна от 8 октября 1919 г. // Международная научная конференция молодых учёных и специалистов, посвящённая 180-летию со дня рождения К.А.Тимирязева: Сборник статей, Москва, 05–07 июня 2023 года. Москва: Российский государственный аграрный университет - МСХА им. К.А. Тимирязева, 2023. С. 643-646.

13. Гагкуев Р.Г. Образовательная политика и экономика образования в период Гражданской войны на белом юге России. 1918-1919 гг. // Ценности и смыслы. 2019. № 3(61). С. 61-72. DOI 10.24411/2071-6427-2019-10070

14. Посадский А.В. Белый тыл на Юге в 1918-1920 гг.: общий итог реформ и контрреформ // Реформы и контрреформы в России в Новое и Новейшее время: материалы международной научной онлайн-конференции, Москва, 21 мая 2021 года. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2022. С. 186-205.

15. Силантьева В.А., Локтев А.А. Историко-правовой анализ структуры правительства Белого Юга России в период Гражданской войны // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 12. С. 88-95.

16. Цветков В.Ж. Особенности разработки и обсуждения проекта земельной реформы на белом Юге России летом - осенью 1919 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 4. С. 80-93. – DOI 10.15688/jvolsu4.2022.4.8.

17. Калиновский В.В., Самыловская Е.А. Национальная и конфессиональная политика режима П.Н. Врангеля // QuaestioRossica. 2022. Т. 10. № 3. С. 1121-1137. DOI 10.15826/qr.2022.3.719

18. Чикаева К.С., Шалин В.В. Историко-социальные факторы политической позиции казачества Юга России в годы Гражданской войны (1917-1920 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2023. № 10(114). С. 104-111. DOI 10.24158/fik.2023.10.14

19. Шилова С.Г. «Денежная Москва не дала ни одной копейки...». Тыловое обеспечение национальных формирований Белого движения на Юге России // Военно-исторический журнал. 2020. № 8. С. 58-61.

20. Цветков В.Ж., Цветкова Е.А. Профессор М.В. Бернацкий и его финансовая политика в условиях революции и Гражданской войны // Новый исторический вестник. 2021. № 2(68). С. 87-117.

21. Позднякова А.С. Деятельность Вятского губернского революционного трибунала в 1918 - 1922 гг. как фактор стабилизации власти большевиков в регионе: специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, 2015. 199 с.

22. Позднякова А.С. Уголовные преступления в практике Вятского губернского революционного трибунала в годы Гражданской войны // Genesis: исторические исследования. 2017. № 7. С. 35-42.

23. Позднякова А.С. Вятская губерния в годы Гражданской войны: чрезвычайные органы власти. Киров, 2018. 320 с

24. Позднякова А.С. Конфликт между ВЧК и НКЮ в региональном измерении (Вятская губерния, 1918-1919 гг.) // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов : материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти историка отечественных спецслужб Александра Михайловича Плеханова и 105-летию образования ВЧК, Омск, 19–20 октября 2022 года. Омск: Омский государственный технический университет, 2022. С. 186-192.

РАЗВИТИЕ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Автор: Ахтариева Амина Ринатовна

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Россия (420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18, корп.1), студент 4 курса исторического факультета, aminaahtarieva53347@gmail.com

Научный руководитель: Саматова Чулпан Хамитовна

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Россия (420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18, корп.1), кандидат исторических наук, преподаватель, chulpan-samatova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу становления и развития текстильной промышленности Казанской губернии в период с конца XIX до начала XX в. В работе рассматривается трансформация мануфактурного производства в фабричное. Особое внимание уделяется факторам промышленного роста: наличию местного сырья (лен, конопля), дешевой рабочей силы из числа бывших крестьян и внедрению новых технологий, включая электрические ткацкие станки. Исследование показывает, что к 1913 г. текстильная отрасль, представленная суконными, кумачными и льняными предприятиями в Казани, Кукморе и Чистополе, обеспечивала до 15% промышленного производства губернии. При этом отмечается парадокс экономического развития: несмотря на рост производства, социальное положение рабочих оставалось тяжелым, а ожидаемого массового перехода крестьян в промышленность не произошло. Материалы исследования имеют практическое значение для исторической науки, краеведения и культурно-образовательных проектов, включая создание виртуальных экспозиций и разработку экскурсионных маршрутов по памятникам промышленной архитектуры региона.

Ключевые слова: текстильная промышленность; Казанская губерния; рынок; мануфактура; производство; фабрика; торговля; ткани

DEVELOPMENT OF TEXTILE INDUSTRY IN KAZAN PROVINCE IN THE LATE XIX - EARLY XX CENTURIES.

Author: Akhtarieva Amina Rinatovna

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia (420008, Kazan, Kremlevskaya str., 18, bld.1), student of the 4th year of the Faculty of History, aminaahtarieva53347@gmail.com

Scientific Supervisor: Samatova Chulpan Khamitovna

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia (18, Kremlevskaya St., Kazan, 420008, Bld.1), Candidate of Historical Sciences, teacher, chulpan-samatova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of formation and development of textile industry of Kazan province in the period from the end of XIX to the beginning of XX century. The paper deals with the transformation of manufactory production into factory production. Special attention is paid to the factors of industrial growth: availability of local raw materials (flax, hemp), cheap labor force from among former peasants and introduction of new technologies, including electric weaving machines. The study shows that by 1913 the textile industry, represented by cloth, kumak and linen enterprises in Kazan, Kukmor and Chistopol, provided up to 15% of the industrial production of the province. At the same time, the paradox of economic development is noted: despite the growth of production, the social situation of workers remained difficult, and the expected mass transition of peasants to industry did not occur. The materials of the research have practical value for historical science, local history and cultural and educational projects, including the creation of virtual expositions and the development of excursion routes to the monuments of industrial architecture of the region.

Key words: textile industry; Kazan province; market; manufactory; production; factory; trade; fabrics

Текстильная промышленность относится к одной из самых старых отраслей промышленности Казанской губернии. Издавна население многочисленных деревень и посёлков занималось производством тканей из шерсти и льна. В XVIII в. наибольшее развитие в крае получили суконное (шерстяное), полотняное (льняное) и кумачное (хлопчатобумажное) производства.

Развитие промышленности и всей экономики России во 2-й пол. XIX в. проходило в рамках развернувшегося первого этапа индустриализации. Его содержание заключалось в механизации, переходе на паровые источники энергии, замене ручной мануфактуры машинным фабрично-заводским производством во многих отраслях промышленности.

Благоприятному развитию промышленности в Казанской губернии, в том числе и текстильной в конце XIX - начале XX вв. содействовал ряд факторов. Во-первых, предприниматели уже имели некоторые навыки и опыт ведения аналогичных дел. Многие отрасли производства являлись для них обыденными. Во-вторых, многие даже в период крепостничества использовали на своём производстве вольнонаемный труд, а товары продавали на рынке. В-третьих, в условиях тогда ещё свободной конкуренции, пока крупные производители еще не монополизировали производство, их маленьким предприятиям с двумя-тремя и более рабочими

относительно легко удавалось соперничать с другими предприятиями. В-четвертых, что касается больше татар-предпринимателей, с давних пор сложившиеся у них торговые отношения с казахами и с Востоком помогали им получать сырье по недорогой цене. В-пятых, в казахской степи и в Средней Азии имелся неограниченный рынок продажи товаров российских мануфактур. В-шестых, наметившийся кризис крепостнической мануфактуры открывал большие возможности для выгодного вложения капиталов. В-седьмых, экономическая политика России была направлена на развитие торговли и промышленности в общем [1, с. 63].

Также социальным фактором развития промышленности считается возникновение фабрично-заводского рабочего класса. В первые десятилетия после реформы, квалифицированную рабочую силу на фабриках составляли кадры постоянных мануфактурных рабочих, которые были заняты в промышленном производстве еще во время крепостничества.

Реформа 1861 г., освободив от крепостной зависимости мануфактурных рабочих, изменила их социальное положение. Вследствие реформы, рабочие стали лично свободными, получили возможность передвигаться, а также право продажи своего труда, но теперь они попали под власть капитала, поддерживаемого военно-полицейским режимом царской России.

Основным источником формирующегося пролетариата в первые десятилетия после реформы стали миллионные массы разоренного крестьянства. В результате реформы 1861 г. на капиталистический рынок труда было брошено большое количество обезземеленной крестьянской бедноты, создавшей огромное количество наемного труда для фабрично-заводской промышленности. Важным источником формирования и пополнения фабрично-заводского рабочего класса были разорившиеся ремесленники и кустари, занятые ранее в домашней промышленности. В ходе сложных промышленных кризисов середины 70-х и начала 80-х гг. XIX в. мелкое кустарное производство, широко распространенное в сельских местностях центра России, не выдерживая конкуренции с фабриками, приходило в упадок. Разорившиеся ремесленники и кустари были вынуждены пойти на предприятия.

Массовое использование машинной техники началось с текстильной промышленности. Главной отраслью распространения фабрики стала хлопчатобумажная промышленность, по темпам роста она шла впереди других отраслей.

На хлопчатобумажных предприятиях мало использовался крепостной труд. Это было одним из важнейших факторов высоких темпов развития. Благодаря вводу машинной техники, концентрации производств и

использованию наемного труда хлопчатобумажная промышленность стала обладать важными преимуществами над другими отраслями.

В Казанской губернии производили два вида хлопчатобумажной ткани – кумач и китайку. Их производство было сосредоточено в Казанском и Царевококшайском уездах, а его организатором выступало в основном татарское купечество.

Высочайший прогресс в становлении большого фабричного производства был, достигнут в наиболее прибыльной отрасли хлопчатобумажной промышленности - в хлопкопрядении.

В результате промышленного переворота в конце XIX в. легкая промышленность определяла индустриальное развитие России, занимая значительную долю в общем объеме промышленного производства (32,4 % в 1887 г., 26,1 % в 1900 г.). Экономический кризис 1900 – 1903 гг. затронул текстильную отрасль одной из первых, но он оказался не таким затяжным, как в других отраслях. Уже в 1908 г. выпуск продукции по сравнению с 1900 г. вырос в 1,5 раза, сказался рост покупательной способности крестьян, освобожденных в 1905 г. от выкупных платежей [2, с. 128]. Современники отмечали, что именно широкие слои «народных низов» стали потреблять хлопчатобумажные ткани и этим способствовали увеличению производства [2, с. 132].

На наш взгляд, реальные масштабы промышленной деятельности были больше, чем зафиксировано в источнике, так как наряду с указными существовали и безуказные предприятия, действовавшие без какого-либо юридического оформления и о которых фабрично-заводская статистика умалчивала. К тому же, некоторые предприятия из-за отсутствия постоянного сбыта продукции работали по заказам и нередко останавливали свое производство, в результате чего число зафиксированных «фабрик» и «заводов» из года в год было непостоянным. К большинству этих заведений применим термин «домашняя мануфактура», так как они располагались в доме или при доме, в котором проживал хозяин предприятия.

К концу XIX в. в связи с опережающим развитием хлопчатобумажной отрасли в других регионах России в Казанской губернии она пришла в упадок: осталось 4 хлопчатобумажных и 1 ваточесальное предприятие.

Самые значительные предприятия располагались в Казани и Казанском уезде. На губернский центр приходилось более 70% производства фабрично-заводской промышленности и около 60% численности рабочих края. Большинство предприятий принадлежало русским капиталистам. Несколько крупных предприятий находилось и в руках татарской буржуазии. Самым значительным из них являлась старейшая в крае китаечная фабрика

М.М.Азимова. В 1884 г. на ней производили бязь, молескину, кретон и другие ткани на сумму 238 тыс.руб. На фабрике трудилось 259 рабочих [3, с. 117].

Торговый дом «Г. Субаев и Рахматуллин» владел в Чистополе крупным бумагопрядильным производством. Техническое оснащение фабрики включало паровую машину мощностью 40 л.с. и 11 прядильных машин. Годовой объем производства бязи и пряжи достигал 227 тыс. рублей при численности рабочих 300 человек. География сбыта охватывала Казанскую губернию и другие регионы.

Родоначальником династии предпринимателей выступил Мухаммед-Гариф Ибрагимович Утямышев. В 1860-х годах в селе Нурма Казанского уезда им была организована китаечная мануфактура [4, ф.2, оп.1., д.39, л.л. 107, 110,111]. Производство специализировалось на выпуске широкого ассортимента текстиля, включая бязь, вату и молескин. Техническое оснащение предприятия включало паровую машину мощностью 6 л.с. К 1890 году на фабрике было занято 35 рабочих, а годовой объем производства превышал 100 тысяч рублей [5, с. 94].

Среди других отраслей русской мануфактурной промышленности производство изделий из лубовых волокнистых материалов занимает второе место.

Ключевую роль в отрасли стало играть предприятие, возникшее именно в пореформенный период, – открытая в 1865 г. льнопрядильная фабрика И.И. Алафузова производительностью 600 тыс. руб. в год. На её долю приходилось 67% занятых и 50% продукции ткацкой отрасли губернии. Уже в начале 1870-х гг. кожевенный завод и льнопрядильная фабрика И.И. Алафузова, обслуживая, в первую очередь, нужды российской армии, превратились в одни из самых успешных, современно оборудованных производственных комплексов.

В этих условиях, у работников торгово-промышленного общества Алафузовских заводов и фабрик было одно преимущество. Как производство, обслуживающее военно-промышленный комплекс, компания обладала возможностью обращения с просьбами о военных отсрочках для персонала. Администрация предприятия вела специальный учет работников, имевших право на освобождение от мобилизации [6, Ф. 94. Оп. 1. ДД.10957, 10958, 10960].

В годы Первой мировой войны темпы Алафузовского производства ускорялись с каждым месяцем. В 1914 г. сумма заказов на выработку амунических вещей из кож и непромокаемых тканей увеличилась от 600 тысяч до 3 млн. рублей в год. Кроме того, в 1914 г. фирмой были выполнены краткосрочные подряды на поставку 148000 шинелей, 400000 башлыков, 200 000 набрюшников, 10000 тужурок и до 80000 пар сапог, а в 1915 году – уже

на 500000 шинелей, 464000 фуражек и 180000 шаровар, 180000 суконных рубах, 60000 рубах гимнастических, 600000 папах и до 345000 пар сапог. В 1915 году ежегодно для армии поставлялось по 600000 нательных рубах и брюк.

Огромные объемы работы выполнялись как за счет увеличения числа рабочих, так и посредством увеличения рабочего времени. Так, по данным 1916 г., рабочее время на фабрике, как и во всех фабрично-заводских производствах, было сокращено с 13,5 лишь до 11 часов [7, Ф.94. Оп.2. Д.798. Л.6].

Ознакомившись с состоянием производства изделий из лубовых растительных волокон на Алафузовской фабрике, нельзя не признать, что эта отрасль мануфактурной промышленности представляется вполне развитой и способной с избытком удовлетворить внутреннему спросу. Россия свободно могла конкурировать с иностранной промышленностью по изготовлению полотен средней тонины, которые и имеют наибольший сбыт.

Предприятия, на которых производилась шерсть и изделия из шерсти, также были составной частью текстильной промышленности Казанской губернии. Валяльный промысел зародился в д. Нижний Казаклар в 1870-х гг., когда в 1877 г. крестьянином С. Абдулгафаровым в деревне был открыт завод по производству валяной обуви. Здесь в сезон с сентября по май производилось 3000 пар валяной обуви на сумму 7000 рублей. Задействовано было 20 человек. Готовая продукция сбывалась на Мензелинской, Бугульминской, Елабужской и Чистопольской ярмарках.

В с. Олуяз функционировали три завода по производству валяной обуви. Один из них был открыт в 1880 г. отставным рядовым Бикмухамметом Биктиным. Там производилось 700 пар валяной обуви на сумму 1300 рублей, товар продавался на месте и в г. Елабуга. Второй завод, открытый Кадыром Бикчентаевым в 1882 г., произвел с июня по март 1000 пар валяной обуви на сумму 2000 рублей. Третье производство открыто в 1883 г. отставным рядовым Мухаметзяном Гизатуллиным. Здесь с июля по март выпустили 750 пар обуви на сумму 1500 рублей. На всех трех заводах производство держалось на 5–6 рабочих, производимый товар отправлялся на Елабужскую и Мензелинскую ярмарки [8, с. 227].

Рязанские купцы из татар М. Девишев и братья Костровы основали в Мамадышском уезде мерлушечные фабрики. На фабрике М. Девишева в 1883 г. перерабатывалось более 100 тыс. штук овчин и мерлушек на 60 тыс.руб., на фабрике Костровых 235 тыс. штук на 112 тыс. руб. [9, ф.2, оп.3, д.912, л.91–94]. К 1896 г. на предприятиях купцов производились уже не только полуфабрикаты, но и готовые изделия: полушубки, тулупы, рукавицы.

Фабрика М. Девишева выпустила продукции на 80 тыс.руб., Костровых – на 210 тыс.руб. [10, ф.359, оп.1, д.259, л.108, 105].

Накануне Первой Мировой войны наиболее крупными и технически оснащенными предприятиями в с. Кукмор являлись фабрично-заводские товарищества «Братья Комаровы» и «Братья Родыгины», которые владели валяльным производством. Годовое производство продукции на них составило соответственно 1 500 тыс. руб. и 600 тыс. руб., а численность рабочих – 1 900 чел. и 1700 чел.

Таким образом, производство шерстяных изделий представляется по отношению к изготовлению грубых и средних по тонине сортов товара вполне развитым и способным удовлетворить внутреннему спросу.

Во второй половине XIX в. Россия вслед за другими европейскими государствами вошла в эпоху индустриального общества. Преодолев промышленный переворот в начале века, оставив навсегда в прошлом крепостнический период, она вступила в полосу индустриального развития, имея сотни свободных рабочих рук – вчерашних крепостных крестьян, которые, навсегда порвав с деревней из-за малоземелья, уходили в города, становясь пролетариями. Избыток рабочих рук способствовал появлению новых фабрик и заводов.

Мануфактуры, возникшие здесь еще в XVIII в., стали быстро превращаться в фабрики. Пионером нового индустриального века в казанском Заречье стал выходец из греческой семьи ремесленников Алафузовых.

На ранних стадиях индустриализации текстильная промышленность была крупнейшей и наиболее важной в губернии. Рост этой отрасли был обусловлен обилием сырья, такого как лен и конопля, и доступностью дешевой рабочей силы. Создание текстильных фабрик помогло увеличить производство текстиля в губернии. Кроме того, разработка новых технологий, таких как ткацкий станок с электроприводом, повысила эффективность текстильной промышленности и позволила производить высококачественный текстиль.

Текстильное производство края, представленное преимущественно суконными и кумачными предприятиями, являлось одной из развивающихся отраслей. Суконные мануфактуры в значительной части обеспечивали армию сукном. Объемы производства, количество станков, число рабочих, разделение труда на более десяти специальностей свидетельствуют о крупном производстве на фабриках. Развитию кумачного производства способствовали давние торговые связи со Средней Азией, откуда привозилось сырье для «фабрик».

В начале XX в. промышленность Казанской губернии продолжала развиваться по капиталистическому пути. Но это развитие не

сопровождалось улучшением положения рабочего класса и крестьянства. Не произошло, как можно было ожидать, резкого притока в промышленность крестьян. Вероятно, это связано с тем, что большинство крестьян губернии были государственными, и отмена крепостного права сильно не повлияла на их положение.

Итак, развитие мануфактурной промышленности Казанской губернии стало результатом нескольких факторов, включая изобилие сырья, доступность дешевой рабочей силы и внедрение новых технологий. Рост текстильной промышленности сыграл ключевую роль в развитии экономики губернии. К 1913 г. в губернии действовало свыше 20 крупных текстильных предприятий, дававших до 15% промышленного производства региона. Основными центрами стали: Казань (суконные фабрики), Кукмор (валяльно-войлочное производство), Чистополь (льняное производство).

Дальнейшее внимание к вопросу о проблеме текстильной промышленности в Казанской губернии необходимо в целях более глубокого и обоснованного разрешения частных актуальных проблем тематики данного исследования. Результаты могут быть использованы для разработки методики исторического анализа текстильной промышленности отдельного региона, в курсах по экономической истории России, краеведению. В культурных проектах: создание виртуальных выставок на основе архивных документов (фотографии фабрик, зарплатные ведомости). В туризме: разработка тематических экскурсий по сохранившимся зданиям текстильных предприятий (например, комплекс фабрики Алафузова в Казани).

Список литературы

1. Файзрахманов И.З. Развитие мануфактурной промышленности Казанского края во второй половине XVIII в.: дис. канд. ист. наук наук: 07.00.02. - Казань, 2010. - 235 с.
2. Васильев А.Н. Экономические проблемы развития легкой промышленности. - М.: Легпромбытиздат, 1988. - 160 с.
3. Гибадуллин М.З. Предпринимательство в Казанской губернии (вторая половина XIX в.) // Научный Татарстан. - 2011. - №4. - С. 109-123.
4. НА РТ, ф.2, оп.1., д.39, л.л. 107, 110, 111.
5. Гибадуллин М.З. Предпринимательство в Казанской губернии (вторая половина XIX в.) // Научный Татарстан. - 2011. - № 4. - С. 109-123.
6. НА РТ. Ф.94. Оп.1. ДД.10957, 10958, 10960.
7. НА РТ. Ф.94. Оп.2. Д.798. Л.6
8. Хасанова А.И. Развитие Фабрично-заводской промышленности Кукморского района В XIX - начале XX в // История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований: сборник статей итоговой научно-практической конференции. - Казань: Академия наук РТ, 2019. - С. 224-232.
9. НА РТ, ф.2, оп.3, д.912, л.91–94.
10. НА РТ, ф.359, оп.1, д.259, л.108, 105.

ПАРАДИПЛОМАТИЯ КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РОССИИ И УЗБЕКИСТАНА: УРОКИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Автор: Бобохонов Камолиддин Нуриддин угли

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Россия (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18), аспирант 3 года обучения Института международных отношений, истории и востоковедения, bobokhonovk@bk.ru

Научный руководитель: Большаков Андрей Георгиевич

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Россия (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18), доктор политических наук, заведующий кафедрой международных отношений, мировой политики и дипломатии, bobokhonovk@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена парадипломатии как продолжению исторических связей между Россией и Узбекистаном, с акцентом на уроки Великой Победы в контексте современного сотрудничества. Основной вопрос исследования заключается в том, как исторический контекст и уроки войны могут стать основой для углубления отношений между двумя странами в условиях глобализации. В статье анализируются ключевые моменты взаимодействия Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Узбекской ССР в годы Великой Отечественной войны, а также влияние этих исторических процессов на современные дипломатические и парадипломатические инициативы. Методологической основой настоящего исследования являются историко-сравнительный анализ и структурно-функциональный подход, что позволяет проследить эволюцию парадипломатических форм взаимодействия. Результаты показывают, что парадипломатия является важным инструментом для укрепления межрегиональных связей, позволяя учитывать специфические интересы и потребности обоих государств. Выводы подчеркивают необходимость адаптации исторических уроков к современным условиям, что открывает новые перспективы для взаимодействия в сферах экономики, культуры и технологий. Через многогранное общение и расширение связей через образовательные и культурные инициативы Россия и Узбекистан могут не только улучшать качество жизни своих граждан, но и укреплять долгосрочные партнерские отношения.

Ключевые слова: парадипломатия; российско-узбекские отношения; великая победа; межрегиональное сотрудничество; исторические связи; современное международное сотрудничество.

PARADIPLOMACY AS A CONTINUATION OF THE HISTORICAL TIES BETWEEN RUSSIA AND UZBEKISTAN: THE LESSONS OF THE GREAT VICTORY IN THE CONTEXT OF MODERN COOPERATION

Author: Bobokhonov Kamoliddin Nuriddinugli

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia (420008, Kazan, Kremlevskaya str., 18), Doctor of Political Sciences, Head of the Department of International Relations, World Politics and Diplomacy

Scientific supervisor: Bolshakov Andrey Georgievich

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia (420008, Kazan, Kremlevskaya str., 18), Doctor of Political Sciences, Head of the Department of International Relations, World Politics and Diplomacy, bobokhonovk@bk.ru

Abstract. The article is devoted to paradiplomacy as a continuation of historical ties between Russia and Uzbekistan, with an emphasis on the lessons of the Great Victory in the context of modern cooperation. The main question of the study is how the historical context and lessons of the war can become the basis for deepening relations between the two countries in the context of globalization. The article analyzes the key moments of interaction between the Russian Soviet Federative Socialist Republic and the Uzbek SSR during the Great Patriotic War, as well as the impact of these historical processes on modern diplomatic and paradiplomatic initiatives. The methodological basis of this study is a historical and comparative analysis and a structural and functional approach, which allows us to trace the evolution of paradiplomatic forms of interaction. The results show that paradiplomacy is an important tool for strengthening inter-regional ties, allowing for specific interests and needs to be taken into account.

Keywords: paradiplomacy; Russian-Uzbek relations; great victory; interregional cooperation; historical ties; modern international cooperation.

История дипломатических отношений между Россией и Узбекистаном насыщена множеством значимых событий, особенно на фоне Великой Отечественной Войны, которая стала одной из ключевых вех в истории всех республик постсоветского пространства в XIX и XX веках. Победа в Великой Отечественной войне оказала огромное влияние на мировую политическую карту и значительно укрепила связи между республиками бывшего Советского Союза. Узбекистан, как и другие союзные республики, внес значительный вклад в общую победу, предоставив фронту не только материальную, но и человеческую поддержку. В условиях общей угрозы, исходящей от врага, было необходимо объединить усилия и укрепить союзнические отношения.

В это время сотрудничество между Россией (Российской Советской

Федеративной Социалистической Республикой) и Узбекистаном (Узбекской Советской Социалистической Республикой) стало особенно интенсивным, что способствовало формированию определённого уровня взаимопонимания и доверия. Это влияние сохраняется и сегодня, оказывая воздействие на взаимоотношения двух стран. Исторический контекст служит основой для современного сотрудничества, в условиях которого обе страны сталкиваются с новыми вызовами в глобализирующемся мире.

Важным аспектом совместных усилий в годы Великой Отечественной войны стал обмен интеллектуальными, экономическими и культурными ресурсами. РСФСР в значительной степени обеспечивала фронт передовыми технологиями, научно-техническими разработками и военной продукцией, тогда как Узбекская ССР играла ключевую роль в экономической поддержке, размещении эвакуированных предприятий и обеспечении стратегическим сырьём. Республика стала надёжным тылом страны, приютив миллионы эвакуированных граждан, в том числе учёных, работников культуры, деятелей искусства и детей [1, с. 136].

В годы Великой Отечественной войны Узбекистан стал одним из крупнейших центров эвакуации населения и промышленности на территории Советского Союза. В соответствии с директивой Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 29 июня 1941 года, экономика страны была переведена на военные рельсы, что потребовало экстренной мобилизации производственных и людских ресурсов, в том числе путём эвакуации в тыловые регионы. За годы войны в Узбекистан было эвакуировано 104 завода и фабрики, что потребовало значительных организационных и материальных усилий со стороны республиканских властей. В кратчайшие сроки была создана Государственная экономическая комиссия по управлению размещением, монтажом и вводом в эксплуатацию эвакуированных промышленных предприятий. Только в первые месяцы войны Узбекистан принял 19 565 рабочих и служащих, а также 40 155 членов их семей. Их расселяли в городах, районных центрах, колхозах, на предприятиях и в частных домах. Дети направлялись в школы, детские сады, ясли, детские дома или попадали в приёмные семьи. В краткосрочной перспективе для размещения эвакуированных было выделено более 135 000 кв. м жилой площади [2, с. 109].

Однако процесс эвакуации не был лишён трудностей. В справке Госплана СССР от 10 декабря 1941 года отмечались организационные недостатки: в некоторых случаях демонтаж оборудования на исходных предприятиях проводился с нарушениями, что затрудняло его восстановление на новом месте [3, с. 142]. Отсутствие части станков и комплектующих приводило к задержкам в запуске производств, требовало

дополнительных временных и финансовых затрат. С целью устранения подобных проблем в Узбекистане была создана специальная комиссия по координации приёма и размещения эвакуированных предприятий и специалистов. Правительство республики активно включилось в процесс создания необходимых условий для их интеграции. Уже 2 августа 1941 года было принято постановление, предусматривающее приём, монтаж и запуск в эксплуатацию перемещённых предприятий, а также обеспечение специалистов жильём, продовольствием и социальными гарантиями [4, с. 71-72]. На местах создавались отделы по приёму эвакуированных, решались вопросы логистики, социальной адаптации и распределения трудовых ресурсов.

Важную роль в интеграции переселенцев играли и местные партийные и хозяйственные органы. 21 февраля 1942 года ЦК КП(б) Узбекистана рассмотрел вопрос об условиях эвакуированных и обеспечении их занятостью. На совещании подчёркивалось, что колхозы, совхозы и местные власти обязаны создать все необходимые условия для прибывших граждан, содействовать их трудоустройству и бытовому устройству [5].

Личные истории эвакуированных людей иллюстрируют высокий уровень солидарности между народами. Так, украинский подросток Ф. Л. Ключко был направлен в город Карши, где стал активно участвовать в молодёжных инициативах. Армянин Сакаян работал в мастерской села Кара-Тепе, еврей Розенбург и гражданка по имени Суйко разделили быт с узбекскими крестьянами в селе Такторчи [6, с. 20]. За первые месяцы 1942 года в республику было переселено ещё 70 323 человека, основная часть которых была размещена в Бухарской, Сурхандарьинской и Кашкадарьинской областях. Это были, как правило, беженцы с оккупированных территорий, лишённые крова, еды и элементарных условий для жизни. Благодаря усилиям узбекских властей и местного населения, эти люди получили временное жильё, гуманитарную помощь и моральную поддержку. Некоторые из них получали социальные выплаты, включая пособия по старости [7, с. 91].

Исторически выработанное взаимопонимание стало важным ресурсом для развития двусторонних связей в постсоветский период. В современных условиях возникает необходимость в переосмыслении уроков Великой Победы через призму регионального взаимодействия — в том числе в рамках парадипломатии. Парадипломатия, как один из инструментов децентрализованной внешней политики, позволяет субъектам федерации и регионам устанавливать международные связи, ориентируясь на собственные приоритеты и историко-культурные особенности. Для России и Узбекистана, связанных общей исторической памятью и долгосрочным партнёрством, этот

подход открывает новые горизонты для устойчивого и гибкого сотрудничества в условиях глобальных вызовов.

Анализ уроков, извлечённых из ключевых исторических событий — таких как Великая Победа — в контексте российско-узбекских отношений открывает возможности для более глубокого осмысления и развития парадипломатических инициатив. Эти инициативы играют важную роль в укреплении межрегионального сотрудничества. Особое значение приобретают культурные и экономические формы взаимодействия, заимствование и адаптация успешных практик прошлого, а также формирование новых моделей партнёрства, основанных на взаимном доверии и понимании. Всё это представляет собой стратегически важное направление в дальнейшем развитии двусторонних связей между Россией и Узбекистаном.

Ежегодно в Узбекистане при поддержке и в сотрудничестве с Российской Федерацией проводится комплекс мероприятий, направленных на увековечивание памяти о Великой Победе. Среди них — акция «Огонь Памяти», забег «Письмо памяти новому поколению», концертные и музыкальные программы, тематические выставки и другие памятные инициативы [8].

Особую роль в отношениях двух стран в данном контексте играют и парадипломатические отношения. В целом, парадипломатия как современный инструмент международных отношений приобретает всё большее значение в контексте российско-узбекского сотрудничества. Она предоставляет регионам и местным властям возможность выстраивать внешние связи, выходящие за рамки традиционной дипломатии, что особенно актуально в условиях глобализации и стремительных трансформаций мировой политической повестки.

Россия и Узбекистан располагают богатым наследием двустороннего взаимодействия, а парадипломатический подход открывает новые горизонты для углубления этих многослойных отношений. Его ключевым преимуществом является гибкость: он позволяет учитывать специфические потребности регионов, их культурные особенности и исторический контекст, выходя за пределы централизованной государственной политики.

В современных условиях парадипломатия становится действенным механизмом развития сотрудничества в сферах экономики, культуры, образования и технологий. Для России и Узбекистана, имеющих прочные связи и взаимный интерес к партнёрству, это особенно значимо. Растущий интерес к межрегиональному взаимодействию наглядно проявляется в активизации совместных инициатив — обменах бизнес-делегациями, участии в форумах и выставках, реализации образовательных программ и проведении

культурных мероприятий.

К примеру, Представительство Республики Татарстан в Республике Узбекистан традиционно организует ряд мероприятий, посвященные увековечению памяти Великой Отечественной Войны. В 2025 году в честь 80-летия Победы в Великой Отечественной войне, были проведены следующие мероприятия: Благотворительная акция «Достучись до каждого ветерана», концерт в честь «Дня памяти и почестей» для ветеранов [9].

Такое сотрудничество не только способствует экономическому росту, но и укрепляет гуманитарные связи, формируя атмосферу взаимного доверия и уважения. Парадипломатия также позволяет эффективно решать локальные задачи — от сохранения культурного наследия и развития туристического потенциала до охраны окружающей среды и совершенствования механизмов местного самоуправления. Это способствует устойчивому и сбалансированному развитию территорий, напрямую влияя на повышение качества жизни населения.

Следует подчеркнуть, что успешная реализация парадипломатических инициатив требует вовлечения широкого круга участников. Помимо органов государственной власти, ключевую роль здесь играют бизнес-сообщества, образовательные учреждения, научные центры и неправительственные организации. Именно через такое многоуровневое взаимодействие раскрывается весь потенциал исторического и культурного наследия двусторонних отношений, позволяя адаптировать его к требованиям современности.

Парадипломатия в российско-узбекских отношениях выступает не просто формой международного взаимодействия, а важным стратегическим ресурсом. Она способна стать мостом между прошлым и будущим, переосмысливая и актуализируя успешные исторические модели сотрудничества с учётом новых международных вызовов. При этом устойчивое развитие партнёрства возможно не только на уровне центральных властей, но и благодаря активному участию регионов, что открывает дополнительные перспективы для более глубокой интеграции двух стран на всех уровнях взаимодействия.

Список литературы

1. История Андижана. Ташкент: Наука. 1980. С. 136.
2. Великая Отечественная война. Вопросы и ответы // Ташкент, 1978. № 1. С. 109.
3. Симонов Н. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление // РОССПЭН. 1996. Москва. С. 142.
4. Иноятов Н.Ш. Узбекская ССР в годы Великой Отечественной войны. Т. 1 // Узбекистан. 1975. Ташкент. С. 115; Вклад в победу // Узбекистан. 1975. Ташкент. С. 71–

72.

5. Народное слово // Народное слово. 1992. 4 апреля.

6. Каримов Ш. Вклад в победу // Узбекистан. 1990. Ташкент. С. 20.

7. История Узбекской ССР. Т. 4 // Наука. 1971. Ташкент. С. 91.

8. Uzbekistan масштабно отметит День памяти и почестей и 80-летие Победы: обзор мероприятий // Nuz.uz. 2025. 6 мая. URL: <https://nuz.uz/2025/05/06/uzbekistan-masshtabno-otmetit-den-pamyati-i-pochestey-i-80-letie-pobedy-obzor-meropriyatij/> (дата обращения: 18.05.2025).

9. 9 мая // MyTashkent.uz. 2015. 18 мая. URL: <https://mytashkent.uz/2015/05/18/9-maya/> (дата обращения: 18.05.2025).

УДК 947.085(57)

ВКЛАД СИБИРИ В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Автор: Бычкова Мария Антоновна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса факультета экономики и управления АПК, mariabychkova77@gmail.com

Научный руководитель: Шерстюк Максим Витальевич

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидатисторическихнаук, доценткафедрыистории, maxim99@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению роли Сибири в событиях Великой Отечественной войны. В работе исследуется многогранный вклад региона в достижение победы. Акцент сделан на изучение перестройки промышленности на военный лад, включая эвакуацию и размещение предприятий из западных районов СССР, развитие сельского хозяйства в условиях повышенных нагрузок, значение Транссибирской магистрали для логистики и мобилизации ресурсов. Особое внимание уделено формированию сибирских дивизий, их участию в решающих сражениях, а также социальным изменениям, связанным с массовой эвакуацией населения. Исследуется вклад научных и культурных учреждений, перемещённых в Сибирь в сохранение интеллектуального потенциала страны. Основные научные результаты заключены в тезисе о том, что Сибирь, оставаясь глубоким тылом, стала одним из ключевых экономических и людских ресурсных центров военного времени.

Ключевые слова: Сибирь; Великая Отечественная война; тыл; эвакуация; промышленность; сельское хозяйство; Транссибирская магистраль; сибирские дивизии; наука; культура

THE CONTRIBUTION OF SIBERIA TO THE VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

Author: Bychkova Maria Antonovna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), 1st year student, Institute of Economics and Management of APK, mariabychkova77@gmail.com

Scientific supervisor: Sherstyuk Maxim Vitalievich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, maxim99@mail.ru

Abstract. This article examines the role of Siberia during the Great Patriotic War, analyzing the region's multifaceted contributions to the Soviet victory. The study focuses on the wartime industrial restructuring, including the evacuation and relocation of enterprises from the western USSR, the development of agriculture under extreme demands, and the critical role of the Trans-Siberian Railway in logistics and resource mobilization. Special emphasis is placed on the formation of Siberian divisions and their participation in decisive battles, as well as the social transformations caused by mass population evacuations. The article also explores the impact of relocated scientific and cultural institutions in preserving the nation's intellectual capital. The central thesis argues that Siberia, despite its status as a remote rear area, emerged as one of the key economic and manpower hubs of the wartime effort.

Keywords: Siberia; Great Patriotic War; home front; evacuation; industry; agriculture; Trans-Siberian Railway; Siberian divisions; science; culture

Великая Отечественная война стала временем беспрецедентной мобилизации всех ресурсов Советского Союза, в процессе чего восточные регионы страны сыграли в этом процессе особую стратегическую роль. В этот период именно глубина тыла во многом определила устойчивость советской экономики. Сибирь, занимавшая огромную территорию от Урала до Дальнего Востока, превратилась в настоящую промышленную и продовольственную кладовую фронта. Цель данной работы – исследовать вклад Сибири в Великую Победу.

Великая Отечественная война стала катализатором беспрецедентной экономической трансформации Сибирского региона, превратив из аграрно-сырьевой периферии в мощный индустриальный комплекс общесоюзного значения. За этот период произошел феноменальный рост в промышленном производстве, что было обеспечено комплексом взаимосвязанных факторов, среди которых особое значение имела эвакуация промышленных предприятий. Масштаб эвакуации промышленности в Сибирь в 1941–1942 гг. не имел аналогов в мировой истории. Особое значение имела Транссибирская магистраль как «главная транспортная артерия, связывавшая фронт и тыл» [1, с. 371]. На новое место было перебазировано оборудование более 1500 предприятий, что потребовало беспрецедентных усилий по их размещению и запуску. Процесс перебазирования производства на восток принял характер грандиозной народнохозяйственной операции. Только с июля по декабрь 1941 г. в Сибирь прибыло более 2,5 тыс. промышленных предприятия [2, с. 93]. Для их размещения были мобилизованы все

доступные ресурсы: так, Новосибирский авиационный завод № 153 разместил оборудование пяти эвакуированных предприятий в недостроенных корпусах местного Дома культуры, кинотеатра и нескольких школ. Уникальность сибирского промышленного рывка заключалась в том, что большинство эвакуированных предприятий начали выпуск продукции на новом месте в рекордные сроки – от 2 до 4 недель после прибытия последнего эшелона с оборудованием.

Уникальность сибирского тыла проявлялась и в других аспектах. Регион стал убежищем для эвакуированных научных учреждений и культурных ценностей. Особого внимания заслуживает и вклад сибирских воинских формирований, их особая подготовка к ведению боевых действий в зимних условиях.

Металлургическая база региона претерпела качественные изменения. Кузнецкий металлургический комбинат, получивший оборудование эвакуированных заводов, освоил выпуск новых марок стали, включая броневую сталь для танков Т–34. Производительность доменных печей была увеличена за счет внедрения технологии кислородного дутья, разработанной эвакуированными специалистами из Днепропетровска. В 1943 г. комбинат давал около трети всего советского производства броневой стали, при этом себестоимость тонны металла была на 22% ниже, чем на уральских заводах.

Химическая промышленность Сибири совершила настоящую революцию в производстве взрывчатых веществ. Барнаульский завод № 17, созданный на базе трех эвакуированных предприятий, разработал уникальную технологию производства тротила из местного сырья, многократно увеличив выпуск по сравнению с довоенным периодом. Особое значение имело производство порохов: к 1943 г. сибирские заводы обеспечивали 78% общесоюзного выпуска пороховых зарядов для артиллерии [3, с. 56-57].

Сельское хозяйство региона, несмотря на потерю 1,2 млн трудоспособных мужчин (63% от довоенной численности), демонстрировало удивительную жизнестойкость. В Алтайском крае за годы войны было освоено около 2 млн га новых земель, при этом урожайность зерновых сохранилась на уровне 8,5 ц/га благодаря массовому применению ручного труда. Животноводческая отрасль, несмотря на сокращение поголовья крупного рогатого скота на 41%, увеличила производство молока на 18% за счет внедрения прогрессивных методов содержания [4, с. 122-123, 138-139].

Транспортная система Сибири работала на пределе физических возможностей. Транссибирская магистраль, перевозившая до 42 составов в сутки (при норме 28), обеспечивала 83% всех военных перевозок на востоке страны. Для увеличения пропускной способности были построены 1 247 км

новых путей, в том числе стратегически важная линия Ачинск–Абакан. Особенностью сибирского транспортного узла стало создание уникальной системы «живых конвейеров», когда грузы передавались с железной дороги на речной транспорт без складского хранения — это позволило сократить время обработки грузов в 2,7 раза [5, с. 203].

К концу войны Сибирь давала около трети общесоюзного производства военной продукции и цветных металлов, а также около половины химического сырья. Этот экономический рывок имел долгосрочные последствия: созданная в военные годы промышленная инфраструктура стала основой послевоенного развития региона, а многие эвакуированные предприятия остались в Сибири, сформировав ее новый экономический облик.

Война коренным образом изменила социальный ландшафт Сибири, превратив регион в мощный тыловой центр. Демографическая ситуация претерпела кардинальные изменения — только за первые два года войны рост населения был обусловлен массовой эвакуацией. По официальным данным НКВД СССР, к 1 января 1943 г. в сибирские регионы прибыло более 1 млн эвакуированных гражданского населения, среди которых примерно половину составляли дети [6, с. 6-7].

Трудовые коллективы претерпели радикальные изменения. Доля женщин среди рабочих промышленных предприятий выросла, причем многие осваивали традиционно «мужские» профессии — токаря, слесаря, шахтеры. Подростки составляли до четверти рабочих на заводах, при этом их рабочий день часто достигал 10-12 часов. Особую категорию составляли 320 тысяч заключенных ГУЛАГа, которые работали на самых тяжелых участках — строительстве железных дорог, добыче угля и руды [7, с. 51-53].

Тяжелым было положение в промышленных центрах, где на одного жителя приходилось менее 3 квадратных метров жилой площади. В Новосибирске в 1942 г. большинство семей проживали в коммунальных квартирах, еще около четверти — в бараках и землянках, причем температура в таких жилищах зимой часто не превышала 5-7 градусов тепла.

Продовольственное положение также оставалось крайне напряженным. Несмотря на введение жесткой карточной системы (рабочие оборонных предприятий получали 800 грамм хлеба в день, служащие — 500, дети и иждивенцы — 400 грамм), реальное снабжение часто не соответствовало нормам. В отчетах НКВД за 1943 г. отмечается, что в Кузбассе рабочие получали лишь 70% положенного пайка, а в отдельных районах Алтайского края нормы выдачи хлеба снижались до 300 грамм для рабочих и 200 для детей. Это привело к массовым случаям дистрофии — по данным медицинской статистики, в 1943 г. каждый третий ребенок в сибирских

городах имел признаки алиментарной дистрофии [8, с. 216-217]. Особенно тяжелым было положение в сельской местности, где колхозники не получали карточек и зависели исключительно от урожая своего хозяйства.

Система здравоохранения работала на пределе возможностей. Количество больничных коек в регионе увеличилось, однако катастрофически не хватало медикаментов и квалифицированных кадров. Врачи были вынуждены использовать народные методы лечения – хвойные отвары как источник витамина С, торфяные компрессы вместо ваты, самодельные гипсовые повязки. Эпидемиологическая ситуация оставалась сложной и в 1942 г. заболеваемость сыпным тифом, корью и токсической дисперсией выросла по сравнению с довоенным периодом. Особую проблему представляли инфекционные заболевания среди эвакуированных, многие из которых прибывали истощенными после долгого пути [9, с. 19-20].

Образовательная система демонстрировала удивительную жизнеспособность. Школы работали в 3-4 смены, занятия часто проводились в неотапливаемых помещениях при температуре 10-12 градусов. В Омской области 60% учительского состава составляли эвакуированные специалисты из Москвы, Ленинграда и Украины. Высшие учебные заведения, включая 32 эвакуированных вуза, не только продолжали подготовку кадров, но и вели важные научные разработки.

В период 1941 – 1945 гг. Сибирь стала уникальным интеллектуальным и культурным центром, где в условиях военного времени сохранялись и развивались важнейшие научные школы и культурные традиции страны. Масштабная эвакуация научных и культурных учреждений из западных районов СССР превратила сибирские города в настоящие оазисы интеллектуальной жизни, где подчас решались судьбоносные для страны задачи. Уже в июле 1941 г. началась эвакуация Академии наук СССР и ведущих научных учреждений.

Президиум АН СССР разместился в Новосибирске, где под руководством академика В.Л. Комарова была организована работа 18 научно-исследовательских институтов. В непригодных помещениях – школах, клубах, даже в недостроенных зданиях – развернулись лаборатории, где велись исследования, имевшие прямое отношение к обороне страны. Физики под руководством академика С.И. Вавилова разрабатывали новые оптические приборы для армии, химики во главе с А.Н. Несмеяновым создавали взрывчатые вещества и лекарственные препараты, геологи искали новые месторождения стратегического сырья. Особое значение имела работа математиков во главе с М.А. Лаврентьевым, которые решали сложнейшие баллистические задачи для артиллерии. В Томске на базе эвакуированных учреждений сформировался мощный химико-фармацевтический кластер, где

разрабатывались новые лекарства и перевязочные материалы для фронтовых госпиталей.

Параллельно с научными учреждениями в Сибирь прибывали ведущие вузы страны [10, с. 110-119]. В сибирских городах создавались уникальные учебные центры, где в тесном взаимодействии работали профессора и студенты разных вузов. Учебный процесс был перестроен на военный лад – сокращены сроки обучения, введены новые военные специальности, увеличена учебная нагрузка. Студенты параллельно с учебой работали на производстве, участвовали в строительстве оборонительных сооружений, дежурили в госпиталях. Несмотря на все трудности, вузы продолжали выпускать специалистов.

Великая Отечественная война стала суровым испытанием для всей страны, и Сибирь внесла в дело Победы поистине неоценимый вклад. За четыре года войны сибирские регионы дали фронту более 2 миллионов бойцов – каждый пятый призывник в Красную Армию был родом из Сибири.

Формирование воинских частей в Сибири началось буквально в первые дни войны. Уже к 10 июля 1941 г. в регионе было создано 15 стрелковых дивизий народного ополчения, которые комплектовались преимущественно из добровольцев. Особенностью сибирских формирований стало необычайно высокое (до 45%) количество охотников–промысловиков, чьи навыки меткой стрельбы и выживания в экстремальных условиях оказались бесценными на фронте. В течение 1941 г. сибирские военкоматы провели 12 волн мобилизации, призвав под знамена 1,2 миллиона человек. При этом около трети призывников (преимущественно из северных районов) были направлены в специальные лыжные батальоны, которые впоследствии стали настоящей грозой для немецких войск.

Оснащенные специальным зимним снаряжением (белые маскхалаты, меховые унты, облегченные пулеметы), они действовали в тылу противника, совершая рейды протяженностью до 150 километров. Только в зиму 1941–1942 гг. сибирские лыжники уничтожили 87 немецких штабов, 234 склада и 19 аэродромов. Немецкие документы того периода пестрят упоминаниями о «снежных призраках», появлявшихся внезапно и так же внезапно исчезающих в зимней мгле [11, с. 21].

Цена Победы для Сибири была высока – около 450 тысяч сибиряков не вернулись с фронта. 167 сибирских соединений получили гвардейские звания, 1240 воинов удостоены звания Героя Советского Союза. Несколько отойдя от темы, заметим, что этот факт особенно важен для ученых Тимирязевской академии, которые гордятся своими 12 Героями Советского Союза [12, с. 21].

После войны многие сибирские дивизии стали основой для создания

новых элитных соединений Советской армии, продолжив славные боевые традиции.

Список литературы

1. Чадаев Я.Е. Экономика СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Я.Е. Чадаев. 2–е изд., доп. М.: Мысль, 1985. 494 с.
2. Серазетдинов Б.У. История индустриализации Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны / Б. У. Серазетдинов // Экономическая история: научный журнал. 2017. № 2 (37). С. 92–104.
3. Гаврилов, Д.В. Производство порохов и взрывчатых веществ в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны / Д. В. Гаврилов // Уральский исторический вестник. 2015. № 1(46). С. 52–58.
4. Мотревич В.П. Совхозное производство в Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (по данным сводных годовых отчетов). / В.П. Мотревич. // Историко-экономические исследования. 2020. Т. 21, № 1. С. 117–143.
5. Спиридонов Э.С. Железные дороги в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг / Э. С. Спиридонов, Л. Е. Телятникова // Память о Великой победе: межвузовский сборник статей. Том Часть II. Москва: Ассоциация технических университетов, 2016. С. 202–204.
6. Алексеев В.В. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / В. В. Алексеев, В. А. Исупов // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия: История, филология и философия. 1985. № 3–1(396). С. 3–8.
7. Бородин Л.И. ГУЛАГ в Годы Войны: Мобилизационная Экономика в Экстремальном Режиме // Уральский Исторический Вестник, 2018, №4. 2018. с. 46–54.
8. Кабакова Н.В. Организация снабжения и питание населения в период Великой Отечественной войны в Западной Сибири (на примере Омской области) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 3(19). С. 213–222.
9. Семенов М.А. Здоровоохранение Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М. А. Семенов. Томск, 2013. 26 с.
10. Федюн Е.И. Великая Отечественная война в трудах донецких историков-фронтовиков / Е.И. Федюн // Память о Великой победе: межвузовский сборник статей. Том Часть II. Москва: Ассоциация технических университетов, 2016. С. 110–119
11. Сергеева Н.Л. Лыжные батальоны Сибири в начале Великой Отечественной войны (по материалам и воспоминаниям слушателей Новосибирского института) // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2022. № 2(13). С. 21–30.
12. Оришев А.Б. Тайны российской аграрной науки. Тимирязевский прорыв / А. Б. Оришев. – Без места: Общество с ограниченной ответственностью «Издательские решения», 2016. – 398 с. – ISBN 978-5-4474-8631-0. – EDN XRQKWV.
13. Оришев А.Б. Тимирязевцы – Герои Советского Союза: Монография / А. Б. Оришев, С. Г. Величко, Н. Ю. Рябова. – Москва: Российский государственный аграрный университет - МСХА им. К.А.Тимирязева, 2021. – 114 с. – EDN QACIYI.

УДК 94(47) “1917/1922”

**РАЗВИТИЕ СИБИРИ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ В РОССИИ (1917–1922): ОБЗОР СОВРЕМЕННОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Автор: Гавшин Михаил Алексеевич

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса Института экономики и управления АПК, gavshin06@list.ru

Автор: Местер Яков Борисович

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса Института экономики и управления АПК, jacobmester06@mail.ru

Научный руководитель: Оришев Александр Борисович

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории, Orishev71@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье анализируется современное состояние отечественной историографии по теме развития Сибири во время Гражданской войны в России в 1917–1922 гг. Рассматриваются ключевые работы историков относительно сибирского региона в этот период. Особое внимание уделено дискуссиям о роли Сибири как плацдарма антибольшевистских сил и влиянии иностранной интервенции на развитие региона в 1917–1922 гг. Авторы статьи приходят к выводам о том, что, по мнению современных отечественных историков, на развитие российского региона повлияли наличие антибольшевистских сил, боевые действия между РККА и Русской армией А.В. Колчака, а также вмешательство Антанты и ее стран-союзниц во внутрироссийские дела. В целом историки подробно рассмотрели основные проблемы развития Сибири в 1917–1922 гг.

Ключевые слова: Гражданская война в России; интервенция; Сибирь; Восточный фронт; Антанта; А.В. Колчак

THE DEVELOPMENT OF SIBERIA DURING THE RUSSIAN CIVIL WAR (1917–1922): MODERN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY'S REVIEW

Author: Gavshin Mikhail Alekseevich

Russian Timiryazev State Agrarian University, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street, 49), 1st year student of the Institute of Economics and management in agribusiness, gavshin06@list.ru

Author: Mester Yakov Borisovich

Russian Timiryazev State Agrarian University, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street, 49), 1st year student of the Institute of Economics and management in agribusiness, jacobmester06@mail.ru

Scientific supervisor: Orishev Aleksandr Borisovich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History. Orishev71@mail.ru

Abstract. This article analyzes the current state of Russian historiography on the development of Siberia during the Russian Civil War in 1917–1922. The key studies of historians regarding the Siberian region during this period are considered. Special attention is paid to discussions about the role of Siberia as a springboard for anti-Bolshevik forces and the impact of foreign intervention on the development of the region in 1917–1922. The authors of the article conclude that, according to modern Russian historians, the development of the Russian region was influenced by the presence of anti-Bolshevik forces, the fighting between the Red Army and the Russian Army of Alexander Kolchak, as well as the intervention of the Entente and its allied countries in domestic Russian affairs. In general, historians have examined in detail the main problems of the development of Siberia in this period.

Key words: Civil War in Russia; intervention; Siberia; Eastern Front; Entente; A.V. Kolchak

Развитие Сибири в различные исторические периоды относится к числу приоритетных направлений исследований отечественных историков. Среди наиболее важных периодов при этом является 1917–1922 гг., когда Сибирь переживала Гражданскую войну. В регионе происходили ключевые события, которые имели значение для последующей истории внутрироссийского противостояния: восстание Чехословацкого корпуса в мае 1918 г., начатая в августе 1918 г. союзная интервенция, Уфимское совещание и образование Уфимской Директории в сентябре 1918 г., омский переворот 18 ноября 1918 г., Весеннее наступление Русской армии А.В. Колчака в марте – апреле 1919

г. и контрнаступление Красной армии в апреле – летом 1919 г., расстрел А.В. Колчака в феврале 1920 г. и другие.

Ввиду этого тема развития Сибири во время Гражданской войны в 1917–1922 гг. является важным предметом изучения и получила широкое исследовательское внимание в современной российской историографии. Цель настоящей статьи заключается в анализе современного состояния данной историографии.

В советской историографии Сибирь рассматривалась как арена классовой борьбы, где победа Красной армии трактовалась как закономерный итог поддержки пролетариата [1, с. 45]. Акцент делался на «контрреволюционной сущности» Белого движения и колчаковского режима, а интервенция Антанты подавалась как империалистическая агрессия [2, с. 78].

В постсоветской отечественной историографии историки перешли к более глубокому и разностороннему анализу. Например, в монографии В.И. Шишкина «Гражданская война в Сибири» детально изучены специфика белых правительств, их взаимодействие с союзниками и причины поражения [3, с. 112]. А.В. Сушко в работе «Сибирь в огне Гражданской войны» акцентировал внимание на региональной специфике: раздробленности антибольшевистских сил, а также конфликтах между казачеством и крестьянами [4, с. 56].

Одним из центральных вопросов в историографии является военно-политическая ситуация в Сибири в годы Гражданской войны. Историки акцентируют внимание на роли Сибири в качестве арены борьбы между белыми и красными и одного из плацдармов Белого движения. Эта тема отражена в научных публикациях Р.Г. Гагкуева [5; 6; 7; 8; 9; 10]. В них также подробно изучается, например, проблема иностранной интервенции, которая оказала существенное влияние на развитие российского региона в 1917–1922 гг. Р.Г. Гагкуев опубликовал и ввел в научный оборот новые исторические источники, в частности рапорт французского капитана Поля Пеллио [10], и рассмотрел некоторые события, детали и факты, малоизученные в отечественной историографии, в особенности деятельность итальянской военной миссии в 1918–1919 гг. [9].

Для многих современных отечественных историков представляет интерес проблема интервенции Японии ввиду многочисленности японских войск, ее максимальной продолжительности по сравнению с другими странами (с 1918 г. по 1922 г.) и ее ощутимого влияния на развитие событий в Сибири. В работе В.Г. Дацышена об японской военной интервенции и ее отражении в трудах современных российских историков отмечается, что эта исследовательская проблема практически не изучена. «Степень изученности

вопроса, несмотря на появление ряда интересных работ, в целом остаётся на уровне, достигнутом в 1930-х годах. В силу отсутствия общественного запроса и труднодоступности документов российские историки не берутся за тему, даже при наличии такого повода, как столетний юбилей событий», – отмечает автор [11, с. 35].

Некоторые историки рассматривают отдельные периоды Гражданской войны в Сибири, которые имели значение для развития российского региона в 1917–1922 гг. Например, в статье Н.С. Ларькова изучается начальный этап внутрироссийского противостояния: ноябрь 1917 – май 1918 г. «Сибирская деревня была не способна и не готова тогда втягиваться в масштабную братоубийственную войну. За нее сделали выбор схлестнувшиеся в непримиримой схватке за власть политические силы, партии, их лидеры, заинтересованные в дальнейшем разжигании военно-революционного пожара. Их усилиями, вопреки настроениям и желаниям большинства сибирского населения, был предопределен переход Гражданской войны в гораздо более кровавую фазу», – отмечает автор статьи [12, с. 195]. Другие историки такие, как Л.В. Ланник, изучают проблему переоценки германского фактора в развертывании Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке [13].

Если рассматривать еще вопросы, существующие в отечественной историографии, то следует обратить внимание на британскую политику интервенции в этот российский регион в 1917–1919 гг. Эта проблема изучена в статьях С.А. Миронюка и отражена в его публикациях источников [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22]. В работах изучены процессы подготовки, реализации и завершения политики интервенции британцев. По его мнению, поскольку британцы оказывали крупную военно-техническую и финансовую поддержку белогвардейским силам против РККА на Восточном фронте Гражданской войны, влияние этого вмешательства на развитие событий в Сибири было существенным.

В заключение следует отметить, что развитие Сибири в период Гражданской войны 1917–1922 гг. представляет собой сложный и многогранный исторический процесс, который до сих пор вызывает живой интерес у исследователей. Анализ историографии показывает, что данная тема рассматривается с различных точек зрения. Важным является то, что Сибирь в этот период была не просто ареной военных действий, но и своеобразным полигоном для формирования новых политических сил. Наибольшее внимание историков сосредоточено на ключевых событиях 1918–1920 гг., когда происходили активные военные столкновения и политические изменения.

В целом на развитие российского региона повлияли формирование

антибольшевистских сил, боевые действия между РККА и Русской армией А.В. Колчака, а также вмешательство Антанты и ее стран-союзниц во внутрироссийские дела. Таким образом, тема развития российского региона в годы Гражданской войны остаётся востребованной и актуальной [23, 24], а дальнейшие исследования способны внести значительный вклад в общую картину истории Сибири и России в начале XX в.

Список литературы

1. Минц И.И. Гражданская война в СССР. М.: Госполитиздат, 1957. 543 с.
2. Городецкий Е.Н. Крах колчаковщины. Новосибирск: Наука, 1983. 210 с.
3. Шишкин В.И. Гражданская война в Сибири. Красноярск: Изд-во КГПУ, 2005. 304 с.
4. Сушко А.В. Сибирь в огне Гражданской войны. Омск: ОмГУ, 2010. 168 с.
5. Гагкуев Р.Г. «Адмирал становится для нас опасным подопечным». Оценка французским генералом М. Жаненом ситуации на белом Восточном фронте в декабре 1918 г. // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2022. Т. 7. № 2. С. 10-17. DOI 10.25206/2542-0488-2022-7-2-10-17
6. Гагкуев Р.Г. Верховный правитель против атамана: конфликт адмирала А.В. Колчака и атамана Г.М. Семенова в ноябре - декабре 1918 г. в документах французского генерала М. Жанена // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 4. С. 154-166. DOI 10.15688/jvolsu4.2022.4.14
7. Гагкуев Р.Г. Вопрос участия Британской военной миссии в Сибири в перевороте 18 ноября 1918 г. и прихода к власти адмирала А.В. Колчака // Исторический вестник. 2024. Т. 47. С. 44-97. DOI 10.35549/HR.2024.2024.47.002
8. Гагкуев Р.Г. Германская угроза в Сибири как фактор начала интервенции стран Антанты на востоке России в 1918 г. // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2025. Т. 16. № 1(147). DOI 10.18254/S207987840034534-6
9. Гагкуев Р.Г. Итальянские экспедиционные войска в Сибири и военная миссия при верховном правителе России адмирале А.В. Колчаке в 1918-1919 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 1. С. 8-18. DOI 10.22363/2312-8674-2025-24-1-8-18
10. Гагкуев Р.Г. Рапорт французского капитана Поля Пеллиоо ситуации в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке зимой 1918 г. // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 1. С. 227-250. DOI 10.21638/11701/spbu24.2022.114
11. Дацышен В.Г. Японская военная интервенция в трудах современных российских историков: инерции фобий и научное познание // Японские исследования. 2020. № 3. С. 21-43. DOI 10.24411/2500-2872-2020-10018
12. Ларьков Н.С. Особенности начального этапа Гражданской войны в Сибири (ноябрь 1917 - май 1918 г.) // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 - декабрь 1922 г.) : Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, Новосибирск, 18–20 ноября 2019 года. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2019. С. 188-195. DOI 10.31518/978-5-7692-1664-0-188-195
13. Ланник Л.В. Германский фактор в развертывании Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке: проблема переоценки // Гражданская война в России: проблемы

выхода, исторические последствия, уроки для современности : сборник научных трудов. Новосибирск: Издательство Параллель, 2022. С. 257-270. DOI 10.31518/978-5-98901-255-8-257-270

14. Миронюк С.А. Борьба с большевизмом как фактор формирования политики интервенции после Компьенского перемирия (по документам Военного Кабинета министров Великобритании ноября – декабря 1918 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 70. С. 83-88. DOI: 10.17223/19988613/70/12

15. Миронюк С.А. Британская политика интервенции в России (ноябрь 1917 г. - декабрь 1919 г.) как фактор Гражданской войны: этапы и особенности // Исторический вестник. 2024. Т. 47. С. 318-381. DOI 10.35549/HR.2024.2024.47.010

16. Миронюк С.А. Изменения в политике предоставления британской помощи белым силам в Сибири и на Юге России в июле 1919 г. и их причины (на основе протокола заседания Военного Кабинета министров от 25 июля 1919 г.) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 11. С. 1-10. DOI 10.25136/2409-868X.2019.11.31244

17. Миронюк С.А. Интеллектуальное обеспечение интервенции в Россию в записках британских генералов Г. Вильсона и Ф. Пуля // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 2(29). С. 116-139. DOI 10.24412/2409-1413/2022-2-116-140

18. Миронюк С.А. Интервенция в Россию в политических дискуссиях правящих кругов Великобритании (1917-1919 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, 2021. 200 с.

19. Миронюк С.А. Контроль над Транссибирской железной дорогой как мотив участия Британии в союзной интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири в 1917-1919 гг. и ее роль в этой операции (на основе меморандума Дж.Н. Керзона “Сибирь” от 20 декабря 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 458. С. 153-159. DOI 10.17223/15617793/458/19

20. Миронюк С.А. Меморандум Генри Вильсона «Наша текущая и будущая военная политика в России» (13 ноября 1918 г.) как фактор британской политики интервенции в России в ноябре - декабре 1918 г. // Genesis: исторические исследования. 2025. № 2. С. 1-12. DOI 10.25136/2409-868X.2025.2.72941

21. Миронюк С.А. Обсуждение японской интервенции на Дальний Восток и в Сибирь в Палате общин Великобритании 14 марта 1918 г. как событие британской политики интервенции в России // Genesis: исторические исследования. 2023. № 6. С. 54-64. DOI 10.25136/2409-868X.2023.6.43439

22. Миронюк С.А. Роль Военного Кабинета министров Британии в организации интервенции на Дальний Восток и в Сибирь: согласование условий вторжения с США, Японией и советским правительством в декабре 1917 – августе 1918 гг. (по материалам Национального архива Соединенного Королевства) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 2. С. 52-62. DOI 10.25136/2409-868X.2019.2.29289.

23. Вятская губерния в 1917-1918 гг.: Революция и эволюция региональной политико- управленческой системы: монография / В.И. Бакулин, М.А. Борчина, А.С. Макарова, А.С. Позднякова, Ю.Н. Тимкин. Киров, 2017.

24. Позднякова А.С. Деятельность Вятского губернского революционного трибунала в 1918-1922 гг. как фактор стабилизации власти большевиков в регионе. Дисс. ... канд. ист. наук. Киров, 2015. 199 с.

ИСТОРИОГРАФИЯ ОРГАНОВ ВЧК: СОВРЕМЕННЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Автор: Керимова Самира Исимьяровна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент I курса Института мелиорации, водного хозяйства и строительства имени А.Н. Костякова, Kerimova-samira.2007@mail.ru

Научный руководитель: Позднякова Анастасия Сергеевна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, chai89@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу основных региональных работ о деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) в период становления советской власти и Гражданской войны. Рассматриваются правовое положение сотрудников, кадровая политика, роль в реализации экономической политики, взаимодействие с другими государственными органами, а также репрессивные и охранительные функции. Подчеркивается многогранность и противоречивость деятельности ВЧК, обусловленная условиями времени и целями укрепления советской власти. Изучение деятельности органов ВЧК является одной из перспективных тем современной историографии.

Ключевые слова: Гражданская война; советская власть; ВЧК; репрессии

HISTORIOGRAPHY OF THE CHK: MODERN REGIONAL RESEARCHES

Author: Kerimova Samira Ismyarovna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), student, A.N. Kostyakov Institute of Land Reclamation, Water Management, and Construction, Kerimova-samira.2007@mail.ru

Scientific supervisor: Pozdnyakova Anastasiya Sergeevna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), PhD of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, chai89@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the main regional works on the activities of the All-Russian Extraordinary Commission (VChK) during the formation of Soviet power and the Civil War. It examines the legal status of its employees, its personnel policy, its role in implementing economic policy, its interaction with other government agencies, as well as its repressive and protective functions. The article emphasizes the multifaceted and contradictory nature of the VChK's activities, which were influenced by the conditions of the time and the goals of strengthening Soviet power. The study of the activities of the VChK is a promising topic in modern historiography.

Keywords: Civil War; Soviet power; VChK; repressions

Великая русская революция 1917 года стала катализатором Гражданской войны – периода ожесточенного социального и политического противостояния, потребовавшего создания новых институтов для поддержания порядка и борьбы с оппозицией. Среди этих институтов особое место занимает Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), деятельность которой, несмотря на противоречивый характер и неоднозначную оценку в историографии, оказала значительное влияние на ход и исход Гражданской войны.

Настоящая работа посвящена анализу региональной историографии органов ВЧК, представленной в современной исторической литературе. Проанализированные статьи позволяют составить комплексное представление о ВЧК, ее функциях, задачах, месте в политической системе и влиянии на различные аспекты жизни в эпоху Гражданской войны и становления советской власти.

Статья Е.А. Шаталовой «Правовое положение сотрудников местных органов ВЧК» [1] посвящена исследованию правовых основ деятельности сотрудников ВЧК на местах. Автор анализирует нормативные акты, регулировавшие права, обязанности и ответственность чекистов, выявляя сложное сочетание общих административных полномочий, полномочий по борьбе с контрреволюцией и чрезвычайных прав оперативных сотрудников. Важным аспектом исследования является выявление проблем, связанных с размытостью границ компетенций и возможностью превышения полномочий, что создает контекст для понимания потенциальных злоупотреблений и произвола.

Работа А.С. Соколова «О принципах и факторах кадровой работы органов ВЧК» [2] раскрывает механизмы формирования кадрового состава ВЧК. Автор анализирует факторы, оказавшие влияние на кадровую политику, такие как дефицит квалифицированных кадров, личные связи, возраст, физическая подготовка, социальное происхождение и национальный вопрос. Особое внимание уделяется компромиссному характеру кадровой политики, вызванному необходимостью привлекать к работе специалистов из разных социальных слоёв, в том числе бывших царских чиновников и

офицеров. Эта статья позволяет проанализировать процесс формирования аппарата ВЧК и выявить противоречия в кадровой политике большевиков, стремившихся создать преданный и идеологически выдержанный аппарат.

Другое исследование А.С. Соколова «Роль и место органов ВЧК в политике красного террора» [3], посвящено анализу репрессивной деятельности ВЧК в контексте политики красного террора. Автор, опираясь на архивные материалы, выявляет факторы, способствовавшие эскалации насилия, включая политику центрального правительства, острое социальное противостояние и условия Гражданской войны. Подчеркивается, что ВЧК была ключевым инструментом реализации политики красного террора, действуя в условиях классовой борьбы и общей политической нестабильности. Исследование поднимает вопросы о масштабах репрессий, их жестокости и отсутствии надлежащих правовых гарантий. Важным также является анализ влияния социальной среды и классовой ненависти на формирование личного состава ВЧК и применяемые им методы.

Авторы работы «Органы ВЧК в системе аппарата принуждения советского государства: понятие, задачи и функции» Е.А. Шаталова и О.Н. Дубровский предлагают рассматривать ВЧК не просто как правоохранительный орган, а как «охранно-репрессивный» элемент системы государственного принуждения [4]. Анализируются полномочия ВЧК в борьбе с контрреволюцией, экономическими и должностными преступлениями, а также эволюция этих полномочий с переходом к Новой экономической политике (НЭП). Работа дает возможность переосмыслить место ВЧК в политической системе, выходя за рамки традиционного понимания ее как исключительно репрессивного органа.

В настоящее время появляется целый ряд региональных исследований, посвященных деятельности ЧК в отдельных регионах. Историк В.И. Бакулин занимается изучением Вятской губернской ЧК. В монографии «Вятская губерния в 1917-1918 гг.: эволюция региональной управленческой системы» автор раскрывает механизмы создания системы ЧК на примере отдельного региона [5]. В.И. Бакулин подробно изучил взаимодействие ЧК и революционного трибунала, где отметил, их тесное сотрудничество в кадровом вопросе [6]. Органами ВЧК в Вятской губернии занимается также ученица В.И.Бакулина – А.С. Позднякова. Ее работы посвящены конфликтным ситуациям, которые встречались в работе ЧК с другими органами власти [7] и целыми ведомствами [8]. Впрочем, А.С. Позднякова отмечает тесное взаимодействие между ЧК и губернским революционным трибуналом в сфере борьбы с бандитизмом и уголовщиной [9].

Автор А.Л. Кубасов изучает деятельность ЧК в северных губерниях. Его работа «Деятельность чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией

в северных губерниях Советской России в сфере экономики» [10] посвящена анализу деятельности ВЧК в экономической сфере на примере северных губерний Советской России. Автор исследует методы борьбы со спекуляцией, должностными преступлениями, саботажем и трудовым дезертирством в условиях «военного коммунизма». Рассматривается влияние политики «военного коммунизма», проводимой при участии ВЧК, на экономическую ситуацию и ее связь с последующим переходом к НЭПу. Эта работа дает возможность понять, как ВЧК реализовывала экономическую политику большевиков на региональном уровне, и оценить последствия ее деятельности.

Исследователь А.С. Щербаков изучает деятельность ЧК в Орловской губернии [11]. Он пишет об этапах формирования, задачах ЧК, взаимодействии с местными Советами. Отмечается сопротивление местных исполкомов, опасавшихся усиления власти ЧК, и приводятся данные о количестве репрессированных. Этот анализ позволяет рассмотреть специфику работы ВЧК на местном уровне и понять, как реализовывалась политика центрального правительства в регионах.

Автор М.В. Чигрин занимается исследованием органов ВЧК в Симбирской губернии [12]. Он подчеркивает многогранность деятельности местных органов, которая включала борьбу не только с политическими противниками, но и с общеуголовной преступностью.

Анализ представленных работ позволяет сделать вывод о том, что изучение деятельности ВЧК остается актуальным направлением в исследовании истории советского государства. В статьях рассматриваются различные аспекты функционирования этой организации, начиная с правового регулирования и кадровой политики и заканчивая ее ролью в реализации экономической политики и взаимодействии с другими государственными органами. При этом акцент делается как на репрессивных функциях ВЧК, так и на ее роли в поддержании порядка и борьбе с преступностью, что подчеркивает многогранность и противоречивость ее деятельности в условиях Гражданской войны и становления советской власти. Особое значение придается анализу архивных материалов, который позволяет более объективно оценить роль ВЧК в истории.

Историография органов ВЧК активно развивается, предлагая новые подходы к изучению этой сложной и противоречивой страницы российской истории. В перспективе дальнейших исследований представляется важным углубленное изучение региональных особенностей деятельности ВЧК, анализ ее взаимодействия с различными социальными группами, а также сравнительное исследование с аналогичными органами в других странах. Необходимо также более критический подход к анализу источников,

особенно архивных материалов, чтобы избежать односторонней интерпретации событий. Только при таком подходе можно будет создать более полную и объективную картину деятельности ВЧК и ее влияния на российскую историю.

Список литературы

1. Шаталов Е.А. Правовое положение сотрудников местных органов ВЧК // ЮП. 2011. № 1. С. 34-38.
2. Соколов А.С. О принципах и факторах кадровой работы в органах ВЧК // Власть. 2017. № 11. С.130-136.
3. Соколов А.С. Роль и место органов ВЧК в политике красного террора // Власть. 2019. № 2. С. 211-216.
4. Шаталов Е.А., Дубровский О. Н. Органы ВЧК в системе аппарата принуждения советского государства: понятие, задачи и функции // Вестник КрасГАУ. 2015. № 4. С. 58-61.
5. Вятская губерния в 1917-1918 гг.: Революция и эволюция региональной политико-управленческой системы: монография / В.И. Бакулин, М.А. Борчина, А.С. Макарова, А.С. Позднякова, Ю.Н. Тимкин. Киров. 2017.
6. Бакулин В.И., Вычугжанина А.С. Органы чрезвычайной юстиции Вятской губернии в 1918-1922 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2-5. С. 90-99.
7. Позднякова А.С. Деятельность Вятского губернского революционного трибунала в 1918-1922 гг. как фактор стабилизации власти большевиков в регионе. Дисс. ... канд. ист. наук. Киров, 2015. 199 с.
8. Позднякова А.С. Конфликт между ВЧК и НКЮ в региональном измерении (Вятская губерния, 1918-1919 гг.) // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов. Материалы II всероссийской научно-практической конференции, посвящённой памяти историка отечественных спецслужб Александра Михайловича Плеханова и 105-летию образования ВЧК. Омск, 2022. С. 186-192.
9. Позднякова, А.С. Уголовные преступления в практике Вятского губернского революционного трибунала в годы Гражданской войны / А.С. Позднякова // Genesis: исторические исследования. 2017. № 7. С. 35-42.
10. Кубасов А.Л. Деятельность чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией северных губерний советской России в сфере экономики // Вестник ТГУ. 2009. №2. С. 149-156.
11. Щербаков А.С. Некоторые аспекты формирования и деятельности местных органов ВЧК в 1917 - 1922 гг. (на материалах Орловской губернии) // Вестник БГУ. 2009. №2. С. 86-90.
12. Чигрин М. В. Создание системы органов ВЧК в советской России и образование ее чрезвычайных структур в Симбирской губернии в 1917-1918 гг. // Казанский вестник молодых учёных. 2018. № 2 (5). С. 9-14.

СВЕТЛЫЕ ИМЕНА БОНДАРСКОГО РАЙОНА

Автор: Котова Мария Александровна

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», Тамбов, Россия, (392000, Тамбов, ул. Интернациональная, 33), студент 2 курса института образования и общественных наук, masha.kotova.05567@mail.ru

Научный руководитель: Топильский Алексей Геннадьевич

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», Тамбов, Россия, (392000, Тамбов, ул. Интернациональная, 33), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, a-topil@yandex.ru

Аннотация. С каждым годом исследования по Великой Отечественной войне становятся все более актуальными. Одним из важнейших аспектов является изучение личных дел бойцов, которые воевали не только за свои семьи, но и за всю страну. В данной статье освещаются имена отдельных героев Бондарского района, которые оставили значительный материал для изучения как их подвигов в годы Великой Отечественной войны, так и – для уцелевших – дальнейшей послевоенной жизни. Исследуются биографии и подвиги на основе архивных данных, воспоминаний современников и личных документов. Актуальность заключается в том, чтобы сберечь это памятное наследие для будущего поколения. В завершении делается вывод о значимости памяти героям и важности сохранения её в историческом аспекте.

Ключевые слова: Бондарский район; победа; герои; Великая Отечественная война; Тамбовская область; патриотизм

BRIGHT NAMES OF THE BONDARSKY DISTRICT

Author: Kotova Maria Alexandrovna

Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia (392000, Tambov, Internatsionalnaya str., 33), student Institute of Education and Social Sciences, masha.kotova.05567@mail.ru

Scientific supervisor: Topilsky Andrey Gennadevich

Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia (392000, Tambov, Internatsionalnaya str., 33), Candidate of Historical Sciences, Docent of the Department of History and Philosophy, a-topil@yandex.ru

Abstract. Research on the Great Patriotic War is becoming more relevant every year. One of the most important aspects is the study of the personal files of fighters who fought

not only for their families, but also for the whole country. This article highlights the names of individual heroes of the Bondarsky district, who left significant material for studying both their exploits during the Great Patriotic War and, for the survivors, their subsequent post-war lives. The author examines biographies and exploits based on archival data, memoirs of contemporaries and personal documents. The urgency lies in preserving this memorable legacy for the future generation. In conclusion, the conclusion is made about the importance of the memory of the heroes and the importance of preserving it in the historical aspect.

Keywords: Bondari district; victory; heroes; The Great Patriotic War; Tambov region; patriotism

Великая Отечественная война оставила глубокий след в памяти каждой семьи, народа, региона и в целом всей страны. Бондарский район не стал исключением.

Любая область нашей страны имеет свои «светлые имена» — тех, кто стал символом стойкости и мужества. В Бондарском районе можно выделить ряд ярких личностей, чьи достижения и заслуги стали основой для местной истории. Их биографии отражают трудности, с которыми им пришлось столкнуться, но и мысленно переносят нас в эпоху, когда каждый день был настоящим испытанием на прочность.

С территории Бондарского района на фронт было мобилизовано 8466 человек. Это была значительная часть населения, готовая отдать свои жизни ради защиты Родины. Война унесла 5465 жизней, которые не вернулись домой с полей сражений, оставив за собой горечи утрат и память о тех, кто проявил героизм и стойкость в борьбе против фашизма [1, с. 100].

Дерунец Тамара Яковлевна. От лица родной сестры. «В нашем роду мужчины всегда верой и правдой служили Отечеству. Мой отец, Дерунец Владимир Станиславович, – кадровый военный. До 1991 года он служил в рядах Советской Армии, однако после распада Советского Союза, как истинный русский офицер, отказался присягнуть Украине. Его отец, мой дед, Дерунец Станислав Яковлевич, в 1943 году был призван на фронт, прошел ускоренный курс подготовки в Челябинском военном авиационном Краснознаменном училище штурманов и стрелков-радистов ВВС РККА, до конца войны сражался с фашистами и потом продолжил службу. У него была сестра Тамара Яковлевна Дерунец, о ее подвиге мне рассказал отец. Я стала собирать информацию о ней: в Интернете, в газетных заметках. Позже мне посчастливилось найти в библиотечных фондах журнал «Юность» (№ 12 за 1958 г.), на страницах которого впервые была опубликована повесть авторов В.С. Китаина и В.Д. Осипова «Солнце поднимается на Востоке» [2].

Тамара Яковлевна Дерунец – советская разведчица, родилась в с. Казывань Тамбовского уезда (ныне Бондарский район) в семье учителей. Сухие факты биографии: окончила школу, поступила в Смоленский

стоматологический институт, работала преподавателем физкультуры в фельдшерско-акушерской школе (сейчас Тамбовский медицинский колледж). Достойная советская семья: отец Яков Климентьевич Дерунец – директор Красносвободного детского дома в Тамбовской области, мать Александра Семеновна Дерунец – учительница. Младшие братья, Станислав и Анатолий, учащиеся школ города Тамбова. 15 июня 1941 года родители Тамары выехали в д. Непли Брестской области Белорусской ССР к матери Якова Климентьевича Дерунца Агафии Потаповне. А потом... Страшное начало войны, войны, в которую никто не верил и которую никто не ждал, войны, которая изломала судьбы многих граждан страны, сплотила всех в борьбе с самой страшной напастью 20 века – фашизмом. Родители пытались, но не смогли выехать с оккупированной территории, на которой прожили до 1944 г. Яков Климентьевич 22 июля того же года при отступлении немецких войск был смертельно ранен снарядом вражеского орудия. Его похоронили на кладбище в деревне Котельня-Боярская г. Бреста. Александра Семеновна вернулась в Тамбов в 1944 г. после освобождения Беларуси. Ее встретил опустевший дом: сыновья Станислав и Анатолий воевали, а о Тамаре никакой информации не было.

Позже станет известно, что Тамара добивалась отправки на фронт, и в апреле 1942 года она была призвана в ряды Красной Армии. Глядя на те немногие фотографии совсем молоденькой хрупкой девчонки с выразительными глазами, легкой улыбкой и красивыми милыми чертами лица, невольно задаешься вопросом: знала ли она, какая страшная судьба ее ждет? Кто мог предположить, что на взлете юности она попадет в вихрь страшных событий, что будет выполнять сугубо мужскую работу: защищать Отечество. В свои неполных 22 года Дерунец Тамара Яковлевна стала сотрудником контрразведки: командиром разведывательно-подрывной группы Брянского фронта с оперативным псевдонимом «Роза». 1942 год. Немцы устремились на юг к Дону и Волге, был взят Воронеж. Особое значение советская разведка придавала узловым станциям в оккупированной Курской области. С заданием особой важности старшая группы Дерунец с радисткой Жуковой была заброшена в Тимский район Курской области. Работа в тылу, установление контактов с местным населением, подрывная деятельность и передача данных командованию, потом – предательство напарницы «Цыганки», жестокие пытки немцев и мученическая смерть от рук венгерских фашистов. Как бы не оправдывали в послевоенной литературе поражения гитлеровцев неумелыми действиями союзников – венгров, румын, итальянцев – нельзя забывать о том, что на оккупированных территориях они зверствовали не меньше, чем их хозяева.

После освобождения Курской, Белгородской и Воронежской областей в распоряжение советской контрразведки попали документы 2-й оккупационной венгерской армии и действовавшей при ее штабе группы дефензивы, возглавляемой подполковником Шеверьеши. Именно в его записях и дневниках были описаны жестокие зверства над разведчицей и гибель Тамары Дерунец. А судьба резидента «Розы» была неизвестна вплоть до 1953 года, когда старший оперуполномоченный органов госбезопасности полковник Григорий Терентьевич Доленчук столкнулся с записями Шеверьеши о захвате русской разведчицы по имени Тамара. Перед ним стояла непростая задача: установить полное имя, обстоятельства ареста и дальнейшую судьбу командира разведгруппы. Г.Т. Доленчук выяснил все обстоятельства проведенной операции, узнал о предательстве радистки «Цыганки» и страшной гибели от зверских пыток «Розы». В дневниках венгерских карателей встречается запись: «Прошло две недели. Мы били ее каждый день. Молчит. Из какого-то абсолютно неизвестного мне материала сделаны эти русские». У врагов было все: рация, радист-предатель Жукова, которая передала фашистам коды, цифры, условия связи, общие задания, с которыми была ознакомлена до выброски на немецкую территорию. Но почему враги так мучили старшую группы Тамару? Какую военную тайну унесла с собой в могилу советская разведчица? Гитлеровцам нужен был контрольный пароль, который был сообщен только командиру разведывательно-подрывной группы Дерунец Тамаре перед вылетом на боевое задание. С помощью него фашисты планировали вызвать в заранее подготовленное место разведгруппу Брянского фронта для того, чтобы уничтожить. «Солнце поднимается на Востоке» – короткая, но глубокая и значимая фраза, которую советская девушка не выдала врагам, предотвратив гибель боевых товарищей. Тамара погибла во имя Победы. Именно из таких подвигов советских людей складывался по ступеням, планомерно, день за днем тернистый путь к Великой Победе. Подвиг Тамары Дерунец – неоценимый вклад в подготовке операции к битве на Курской дуге. После того, как история операции, предательства и гибели советской разведчицы была изучена, полковник Г.Т. Доленчук подавал ходатайство на присвоение Тамаре Дерунец звания Героя Советского Союза посмертно, однако в 1955 г. Г.К. Жуков отказал, написав резолюцию: «За давностью лет предоставлять нецелесообразно». Но как можно оценить подвиг человека с точки зрения давности? Жители Тамбовской области неоднократно поднимали вопрос о награждении уроженки Тамбовщины, собирали подписи, направляли ходатайства. В 1959 году одна из улиц Тамбова названа именем Тамары Дерунец, мемориальные доски открыты на зданиях медицинского колледжа Тамбова, школы с. Керши Бондарского района Тамбовской области. Бережно

чают память о Тамаре в гимназии № 7, в которой училась разведчица. Значимым событием для меня стало открытие памятника Тамаре Дерунец 5 мая 2017 года в селе Керша. Для всей нашей семьи беречь память о Тамаре Дерунец - дело чести».

Глазков Василий Андреевич. Василий Андреевич Глазков родился 1 января 1901 года в селе Вердеревщино (ныне Бондарского района) Тамбовской области. В Красной Армии с 1920 года. Участник Гражданской войны в России. Красноармейцем и помощником командира взвода участвовал в боях против войск генерала П. Н. Врангеля и вооружённых формирований Н. И. Махно. В 1922 г. окончил 54-е пехотные командные курсы в г. Махачкале, затем проходил службу в СКВО. В 1925 году окончил повторное отделение при 17-й Владикавказской пехотной школе. В начале 1930 года направлен в 12-ю стрелковую дивизию Сибирского военного округа, где последовательно занимал должности командира и политрука роты, начальника полковой школы, начальника штаба учебного батальона, командира батальона. В 1935 году окончил парашютно-десантные курсы ЛВО и продолжил командовать батальоном в 12-й стрелковой дивизии. Летом 1936 г. назначен командиром батальона 3-го авиадесантного полка ОКДВА. С мая 1938 года — командир 5-го авиадесантного полка этой же армии. С октября 1938 года и. д. командира 211-й воздушно-десантной бригады в составе 1-й Отдельной Краснознамённой армии.

Начало Великой Отечественной войны встретил в той же должности. В октябре 1941 года был назначен командиром формируемого в ПриВО 8-го воздушно-десантного корпуса. После завершения формирования соединения и части корпуса занимались боевой подготовкой. 19 января 1942 года ему присвоено воинское звание «генерал-майор». В первых числах августа 1942 года на базе корпуса была сформирована 35-я гвардейская стрелковая дивизия, командиром которой был назначен В. А. Глазков. Вскоре дивизия была направлена на фронт, где приняла участие в Сталинградской битве. 17 августа дивизия вошла в состав 62-й армии Сталинградского фронта. С 18 августа дивизия под командованием генерал-майора В. А. Глазкова несколько суток вела тяжёлые оборонительные бои в районе Котлубань. 23 августа части дивизии в результате наступательного боя овладели рубежом Большая Россошка, Малая Россошка, хутором Власовка, заняли оборону и до 2 сентября вели тяжёлые бои с наступающими немецкими войсками. Со 2 сентября остатки дивизии вели оборонительные бои на ближних подступах к Сталинграду.

8 сентября 1942 года в районе Верхней Ельшанки в ходе боя Василий Андреевич Глазков был тяжело ранен, а затем при попытке эвакуации с поля боя был убит [3].

В честь Василия Андреевича в селе Бондари назван патриотический клуб. Участники которого ежегодно принимают участие в различных спортивных и туристических мероприятиях, а также в Вахте Памяти.

Пароваткин Дмитрий Николаевич. Дмитрий Пароваткин Родился 8 (21) февраля 1908 года в селе Бондари, ныне Бондарского района Тамбовской области в семье кустика. Окончил 9 классов. Работал в Московской областной потребкооперации. В Красной Армии с 1930 года. Член ВКП(б)/КПСС с 1932 года. В 1934 году окончил Киевское артиллерийское училище.

Участник освободительного похода советских войск в Западную Украину и Западную Белоруссию 1939 года. На фронтах Великой Отечественной войны с февраля 1942 года. Впервые подполковник Пароваткин Д.Н. значительно проявил себя, как комбриг-артиллерист, в ходе Орловской наступательной операции войск Брянского фронта, участвуя в составе 3-й артиллерийской дивизии прорыва (11-я гвардейская армия) в освобождении города Карачева ныне Брянской области.

Командир 15-й лёгкой артиллерийской бригады (3-я артиллерийская дивизия прорыва, 1-я гвардейская армия, 1-й Украинский фронт) полковник Дмитрий Пароваткин, действуя в составе частей усиления армии, находился на передовых наблюдательных пунктах, лично управлял огнём артиллерии.

Вверенная полковнику Пароваткину Д.Н. артиллерийская бригада в период с 22 декабря 1943 года по 11 апреля 1944 года, активно участвуя в Житомирско-Бердичевской и Проскуровско-Черновицкой наступательных операциях 1-го Украинского фронта, прошла с боями сотни километров по территории Черкасской и других областей Украины, успешно отразив десятки неприятельских контратак, надёжно обеспечивая наступление советских танковых войск и пехоты; освобождала от гитлеровских оккупантов украинские города - областной центр Житомир и районный центр Хмельницкой области Староконстантинов.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 сентября 1944 года за умелое командование артиллерийской бригадой, образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм полковнику Пароваткину Дмитрию Николаевичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 1989).

В составе войск 1-го Украинского фронта 15-я лёгкая артиллерийская бригада под командованием полковника Пароваткина Д.Н. во второй половине июля 1944 года, участвуя в освобождении западных областей Украины, в ходе Львовско-Сандомирской наступательной операции, активно проявила себя во взятии городов Зборов ныне Тернопольской области и

областного центра Львова [4]. В связи с чем, приказом Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина бригада была удостоена почётного наименования «Львовская».

Став впоследствии командиром 5-й пушечной артиллерийской бригады, полковник Пароваткин Д.Н. с января по май 1945 года, в составе войск 1-го Украинского фронта неоднократно показал себя грамотным и отважным военачальником в ходе Сандомирско-Силезской [5, с. 102], Варшавско-Познанской и Пражской наступательных операций.

8 мая 1945 года воины 5-й пушечной артиллерийской бригады (3-я артиллерийская дивизия прорыва, 5-я гвардейская армия, 1-й Украинский фронт) под командованием полковника Пароваткина Д.Н. участвовали в штурме и взятии старинного германского города Дрездена, где победоносно завершили войну.

После войны Д.Н. Пароваткин продолжал службу в армии. В 1957 году он окончил Высшие академические курсы при академии Генерального штаба, а в 1961 году - Высшие академические курсы при Военной артиллерийской академии. Был командиром гвардейской ракетной Глуховской ордена Ленина Краснознамённой орденов Суворова 2-й степени, Кутузова 2-й степени и Богдана Хмельницкого 2-й степени дивизии. С 1969 года генерал-лейтенант [6, с. 1041] артиллерии Пароваткин Д.Н. - в отставке.

Жил в городе-герое Москве. Скончался 8 июля 1983 года. Похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище (участок 34).

Награждён двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени, Александра Невского, Красной Звезды, медалями.

Именем Героя названа улица в его родном селе Бондари Бондарского района Тамбовской области [7].

Мешков Андрей Ильич. Родился в многодетной крестьянской семье 17 ноября в 1915 году. До призыва на военную службу работал в колхозе.

1 июня 1941 года был призван на военную службу, в 195 запасной стрелковый полк. С 26 июня воевал в 140-м армейском стрелковом полку в составе 22 армии Северо-Западного фронта, с октября 1943 года II-Прибалтицкого фронта-пулеметчиком.

Принимал участие в оборонительных боях на рубеже таких городов как Идрица, Дрисс, Витебск. Также участвовал в Калининской оборонительной операции 1941 года. Оборонял рубежи юго-западнее Ржева и на реке Ловать (на участке Холм, Великие Луки).

Принимал участие в Смоленском сражении (1941 г.), в Ржево-Вяземской операции (1942 г.), в Ленинградско-Новгородской, Старорусско-Новоржевской. Рязицо-Двинской и Рязской наступательных операциях.

В 1944 году был ранен в руку. После выздоровления принимал участие в составе другой воинской части в Кенигсбергской наступательной операции в апреле 1945 года (Кенигсберг – центр Восточной Пруссии).

Был награждён медалью «За взятие Кенигсберга». Эта медаль стоит особняком из всех медалей за взятие и освобождение европейских городов (Праги, Будапешта, Берлина, Вены), поскольку эта была медаль не за взятие столицы, а за взятие города-крепости.

Службу закончил в 1947 году. По возвращении домой работал бригадиром в совхозе Бондарский. В 1985 году в честь 40-летия Победы награжден орденом Отечественной войны II степени и многими юбилейными медалями. Умер 30 сентября 1990 года.

В заключении хочется отметить, что исследование «Светлых имен Бондарского района» в контексте Великой Отечественной войны подчеркивает значимость индивидуальных биографий, которые стали символами мужества и самопожертвования. Герои, призванные с этой территории, не только отдали свои жизни, но и оставили глубокий след в истории, олицетворяя стойкость и патриотизм своего народа. Уважение к их памяти и осознание их подвигов не только возвышают духовные основы нашего общества, но и способствуют формированию исторической памяти, необходимой для сохранения ценностей мира и единства в настоящем и будущем.

Список литературы

1. Дьячков В.Л. Армейский призыв и воинские потери Тамбовской области в годы Великой Отечественной войны: число, возрастная и социальная структура // Вестник ТГУ. 2006. № 4 (44). С. 99-100.
2. Китаин В.С., Осипов В.Д. Солнце поднимается на востоке // Юность. 1958. №12. - С. 31-57.
3. Федоренко И.С., Перерядкина С.П., Кочарян В.Д. Последний бой генерала Глазкова // Сталинград – символ героизма, патриотизма и сплоченности народов России и мира. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 75-летия разгрома фашистских войск под Сталинградом. 2018. С. 72-81.
4. Половинка В.А., Саржан А.А. Львовско-Сандомирская операция // В сборнике: Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне (1941-1945): итоги и уроки. Материалы научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов. 2020. С. 16-18.
5. Рипенко Ю.Б. Организация и ведение боевых действий противотанковым резервом армии на Сандомирском плацдарме // В сборнике: Артиллеристы в боях и сражениях за Отечество. Материалы военно-исторического семинара. Санкт-Петербург, 2021. С. 101-106.

6. Берест А.В., Леонтьев А.И., Чанцев В.Е. Черноземный край России. Сказание о «Земле Тамбовской»: по страницам краеведческих публикаций, архивным текстам и экспонатам музейных витражей. Воронеж, 2017. 1054 с.

7. Бессмертный полк / [Электронный ресурс] // Бессмертный полк: [сайт]. — URL: <https://www.moypolk.ru/bondarskiy-rayon/soldiers> (дата обращения 11.05.2025).

ГОРОД КРЫМСК В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945)

Автор: Ломанова Евгения Петровна

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студентка 1 курса факультета агробиотехнологий, lomanova8b@mail.ru

Научный руководитель: Тузин Антон Михайлович

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева» Москва, Россия, (127434 Москва, ул. Тимирязевская, 49) кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры истории, tantuan85@gmail.com

Аннотация. Крымский район Краснодарского края, расположенный на Прикубанской равнине и в предгорьях Кавказа, является важным транспортным узлом с развитой инфраструктурой. Административный центр — город Крымск, основанный в 1862 году как станица и получивший городской статус в 1958 году. В 1943 году здесь развернулись ожесточённые бои за прорыв немецкой оборонительной «Голубой линии». Ключевое сражение за станицу Крымскую, в котором участвовали 56-я армия под командованием генерал-лейтенанта А.А. Гречко и 46-й женский авиаполк, завершилось победой советских войск 5 мая 1943 года. Сегодня Крымский район, получивший в 2019 году статус города воинской доблести.

Ключевые слова: Крымск; Великая Отечественная война; Голубая линия; Готенкопф; 56-я армия; А.А. Гречко; Г.К. Жуков

THE CITY OF KRYMSK DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)

Author: LomanovaYevgeniya Petrovna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127550, Moscow, Timiryazevskaya street 49), 1st year student of the Faculty of Agrobiotechnology, lomanova8b@mail.ru

Scientific supervisor: Tuzin Anton Mikhailovich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127550, Moscow, Timiryazevskaya street 49), Candidate of Political Sciences, senior lecturer of the Department of History, tantuan85@gmail.com

Abstract. The Krymsky district of Krasnodar Krai, located on the Kuban plain and in the foothills of the Caucasus, is an important transport hub with a developed infrastructure. The administrative center is the town of Krymsk, established in 1862 as a village and granted urban status in 1958. In 1943, fierce battles for the breakthrough of the German defensive "Blue Line" took place here. The key battle for the village of Krymskaya, in which the 56th Army under the command of Lieutenant General Andrey A. Grechko and the 46th Women's Aviation Regiment participated, ended with the victory of the Soviet troops on May 5, 1943. Today, the Crimean region, which received the status of a city of military valor in 2019.

Keywords: Krymsk; the Great Patriotic War; the Blue Line; Gotenkopf; the 56th Army; A.A. Grechko; G.K. Zhukov

В юго-западной части Краснодарского края, на Прикубанской равнине, в предгорьях Кавказского хребта, расположен Крымский район - один из красивейших уголков Кубани. Он граничит с Темрюкским, Славянским, Красноармейским и Абинским районами, а также с городами Анапа, Геленджик и Новороссийск. По состоянию на 2025 год муниципальное образование Крымский район состоит из одиннадцати населенных пунктов - одного городского (Крымское) и десяти сельских (Адагумское, Варениковское, Киевское, Кеслеровское, Мерчанское, Молдаванское, Нижнебаканское, Пригородное, Троицкое, Южное). В Крымском районе расположено 89 населённых пунктов: 1 город, 5 станиц, 10 сёл, 66 хуторов, 7 посёлков. Административный центр района — город Крымск.

Все населённые пункты района связаны между собой асфальтированными или грунтовыми автодорогами. Протяжённость автомобильных дорог составляет 772 км. Основными транспортными магистралями являются асфальтированные шоссе Краснодар — Порт Кавказ, Краснодар — Новороссийск, Крымск — Славянск-на-Кубани. Параллельно шоссе проходят железнодорожные линии протяжённостью более 180 км.

Город Крымск является крупной узловой железнодорожной станцией. Через город проходит сеть автомобильных и железнодорожных транспортных артерий. Основные грузопотоки ориентированы на морские порты края: Новороссийск, Анапа, Темрюк, Порт Кавказ. Незначительная отдалённость от краевого центра (100 км), портов города Новороссийска (50 км), Азовского побережья и городов-курортов Геленджик и Анапа является важным фактором в инвестиционном развитии района. Основан как станица Крымская в 1862 г. (город — с 1958 г.). С 22 апреля 2019 г. является городом воинской доблести.

Бои за станицу Крымская (ныне город Крымск) в 1943 г. явились одним из ключевых этапов сражений за освобождение Северного Кавказа. Данный населённый пункт, будучи важным транспортным узлом, был превращён немецко-румынскими войсками в мощный укреплённый район в системе

обороны «Готенкопф» (известной в советской историографии как «Голубая линия»). В марте–мае 1943 года здесь развернулись жестокие бои, в которых участвовали сухопутные войска, артиллерия и авиация, включая единственный женский 46-й гвардейский ночной бомбардировочный авиаполк. Расположенная на стратегически важном направлении к Таманскому полуострову, станция являлась ключевым узлом немецкой оборонительной системы. «Голубая линия» представляла собой глубокоэшелонированную систему обороны, созданную зимой 1942–1943 гг. с использованием принудительного труда местного населения. Центральный участок проходил через Крымский район, где противник создал дополнительные рубежи с опорными пунктами на господствующих высотах. Станция Крымская, как ключевой узел дорог на Новороссийск, Анапу и Тамань, была превращена в крепость с развитой сетью дотов, дзотов и минных полей [1].

4 апреля 194-го 56-я армия под командованием генерал-лейтенанта А. А. Гречко перешла в наступление. Первоначальный план предполагал нанесение главного удара южнее Крымской силами 10-го гвардейского стрелкового корпуса, 61-й и 383-й стрелковых дивизий, а вспомогательного — севернее станции силами 20-й и 83-й горнострелковых дивизий [2].

Однако из-за недостаточной артиллерийской подготовки и сильных контратак противника, поддержанных танками, советские войска не смогли прорвать оборону. Ухудшение погоды (сильные дожди, разлив рек) ещё больше осложнило ситуацию, сделав невозможным подвоз боеприпасов и техники. Тем не менее к вечеру 4-го апреля части 56-й армии вышли к железной дороге восточнее Крымской [3].

14-го апреля наступление возобновилось. В то время как 58-я, 9-я и 37-я армии не добились успеха, 56-я армия прорвалась к южной окраине станции. Однако из-за плохой разведки и слабой координации между пехотой и артиллерией советские части вновь были остановлены. Немецкое командование, опасаясь угрозы своему плацдарму под Новороссийском (операция «Нептун»), 15 апреля 1943 г. нанесло мощный контрудар, задержавший дальнейшее продвижение Красной армии [4].

После неудачных попыток прорыва маршал Г. К. Жуков, прибывший на Северо-Кавказский фронт под псевдонимом «Константинов», отменил запланированное на 20 апреля наступление как плохо подготовленное. Новый штурм был назначен на 29-е апреля. За это время советские войска получили пополнение, боеприпасы, построили 65 мостов и использовали тактику дезинформации (макеты танков для введения противника в заблуждение).

29 апреля началось масштабное воздушное сражение — второе по величине в Великой Отечественной войне после битвы за Новороссийск. Авиация 4-й воздушной армии наносила удары по немецким позициям, однако наземное наступление развивалось медленно из-за упорного сопротивления врага. Лишь к 1 мая советские войска прорвались к хутору Красному и захватили несколько высот южнее Крымской. Особую роль сыграли лётчицы 46-го гвардейского ночного бомбардировочного полка, которые наносили удары по вражеским позициям [5]. Как отмечается в книге З.А. Танцуры «Они мечтали о мирном небе» (2013), 10 лётчиц полка погибли в боях за Крымский район [6].

3 мая 56-я армия возобновила атаки. Важную роль здесь сыграла Особая стрелковая дивизия НКВД под командованием полковника И.И. Пияшева, которая, несмотря на потери, продолжила наступление. К 5 мая немецкие войска, опасаясь окружения, оставили станицу. Первыми в Крымскую вошли разведчики 98-го гвардейского арtpолка, водрузившие красный флаг на здании райисполкома [7].

Освобождение Крымской стало важным этапом в прорыве «Голубой линии». Несмотря на трудности (сильная оборона противника, сложная местность, погодные условия), советские войска сумели выполнить задачу, создав условия для дальнейшего наступления на Таманский полуостров. Бои за Крымск продемонстрировали важность взаимодействия родов войск, а также героизм как военнослужащих, так и местных жителей, помогавших в доставке боеприпасов.

Список литературы

1. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. — Москва: Воениздат, 1989.
2. Исаев А.В. Когда внезапности уже не было. История ВОВ, которую мы не знали. — М.: Яуза, 2006.
3. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. — Москва: Олма-Пресс, 2002.
4. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 276, оп. 811, д. 142.
5. Гречко А.А. Битва за Кавказ. — Москва: Воениздат, 1967.
6. Танцура З.А. Они мечтали о мирном небе. Крымск: МБУ «Крымская МРБ», 2013.
7. Исаев А.В. Освобождение 1943. «От Курска и Орла война нас довела...» Москва: Эксмо, Яуза, 2013.

УДК 004.912:37

СОСТОЯНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА И СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Автор: Ломова Валентина Евгеньевна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса Института экономики и управления АПК, vallomova05@yandex.ru

Научный руководитель: Шерстюк Максим Витальевич

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, maxim99@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты функционирования колхозно-крестьянского сектора аграрного производства в период Великой Отечественной войны. Анализируются изменения в структуре трудовых ресурсов, уровне механизации, посевных площадях, урожайности и животноводстве. Рассматривается роль личных подсобных хозяйств (ЛПХ) в обеспечении продовольственной безопасности сельского населения. На основе статистических данных показаны основные тенденции и проблемы, с которыми столкнулось сельское хозяйство южных регионов СССР в военные годы.

Ключевые слова: колхозы; Великая Отечественная война; сельское хозяйство; трудовые ресурсы; личные подсобные хозяйства; урожайность

THE STATE OF THE PEASANTRY AND AGRICULTURE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Author: Lomova Valentina Evgenevna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127550, Moscow, Timiryazevskaya street 49), 1st year student of Institute of Economics and Management of the Agro–Industrial Complex, vallomova05@yandex.ru

Scientific supervisor: Sherstyuk Maxim Vitalievich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, maxim99@mail.ru

Abstract. The article examines the key aspects of the functioning of the collective farm and peasant sector of agricultural production during the Great Patriotic War. The changes in the structure of labor resources, the level of mechanization, acreage, yield and livestock production are analyzed. The role of personal subsidiary farms in ensuring the food security of the rural population is considered. Based on statistical data, the main trends and problems faced by agriculture in the southern regions of the USSR during the war years are shown.

Key words: collective farms; the Great Patriotic War; agriculture; labor resources; personal subsidiary farms; productivity

Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) оказала значительное влияние на все сферы жизни советского общества, включая аграрный сектор. Колхозно-крестьянское производство столкнулось с рядом серьезных вызовов: сокращением трудовых ресурсов, нехваткой техники, уменьшением поголовья скота и снижением уровня агротехники. Несмотря на это, сельское хозяйство продолжало функционировать, обеспечивая фронт и тыл продовольствием и сырьем. В данной статье рассматриваются основные тенденции развития колхозного сектора на примере южных регионов СССР.

Трудовые ресурсы и организация труда

Великая Отечественная война кардинально изменила демографическую и трудовую структуру колхозного сектора. Уже в первые месяцы войны произошло катастрофическое сокращение численности трудоспособного населения. Наиболее показательной является динамика в колхозах Кубани и Ставрополья: если в 1940 году здесь работали 534,3 тыс. взрослых трудоспособных мужчин, то к концу 1941 года их количество сократилось до 320 тыс. (60% от довоенного уровня), в 1943 году - до 132,6 тыс. (24,8%), а в 1944 году достигло минимального значения - 103,9 тыс. (19,4%). Лишь к 1945 году наблюдался незначительный рост до 146,2 тыс. человек (27,4% от уровня 1940 года)⁶.

Особенно тяжелые последствия имела практика привлечения колхозников к оборонным работам. Для строительства железной дороги Кизляр-Астрахань в октябре 1941 года было мобилизовано 3,6 тыс. колхозников, а к маю 1942 года - дополнительно 1 тыс. человек⁷.

Дополнительными факторами сокращения трудовых ресурсов стали:

1. Депортации малых народов
2. Оккупация
3. Физическое истощение населения вследствие недоедания

⁶ <https://cyberleninka.ru/article/n/krestyanstvo-i-selskoe-hozyaystvo-sssr-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny>

⁷ <https://cyberleninka.ru/article/n/kizlyarskiy-uchastok-zheleznoy-dorogi-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-k-80-letiyu-nachala-spetsstroyki-nkps-8>

В этих условиях произошла радикальная трансформация гендерного состава рабочей силы. Если в 1940 году в донских колхозах соотношение трудоспособных мужчин и женщин составляло 1:1,2, то в 1943 году оно достигло 1:4,8, в 1944 году - 1:5,4, и даже в 1945 году сохранялось на уровне 1:3,6. Женщины стали основной рабочей силой, выполняя более 50% всех трудодней [1].

Для компенсации нехватки рабочих рук применялись следующие меры:

1. Привлечение подростков 12-16 лет⁸ (с апреля 1942 года для них установлен обязательный минимум 50 трудодней)
2. Использование труда престарелых колхозников
3. Мобилизация городского населения (в 1941 году на уборке урожая на Кубани работали 120 тыс. учащихся⁹)

Трудовая дисциплина в военные годы значительно ухудшилась. Весной 1942 года в колхозе "Красный путиловец" Ростовской области рабочий день начинался в 9-10 часов утра и заканчивался до наступления темноты.¹⁰ Численность колхозников, не вырабатывавших обязательный минимум трудодней, в 1943 году достигла максимальных значений за весь военный период, что было связано с минимальными выдачами продуктов на трудодни в этом году.

Посевные площади и урожайность

В начальный период войны сельское хозяйство южных регионов демонстрировало удивительную способность к мобилизации ресурсов. Колхозы Ставропольского края осенью 1941 года не только выполнили основной план сева озимых на 1 140 тыс. га, но и освоили дополнительные 170 тыс. га, что в совокупности дало увеличение на 17,2% по сравнению с 1940 годом. Однако этот кажущийся успех был достигнут ценой серьезных нарушений агротехнических норм. Лишь 32,7% дополнительных площадей были получены за счет распахивания новых земель, тогда как остальные 67,3% - за счет сокращения паров (что в перспективе вело к истощению почв) и уменьшения площадей под яровые зерновые и кормовые культуры. Особенно тревожным показателем стало выполнение плана подъема зяби лишь на 7%, что предвещало серьезные проблемы с урожайностью в последующие годы [2].

К 1943-1945 годам негативные последствия такой политики стали очевидны. В Ростовской области посевные площади по всем основным

⁸ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» от 13 апреля 1942 г. // История колхозного права. Сб. законодательных материалов. Ч. 2. М., 1958. С. 219-220.

⁹ <https://admkrain.krasnodar.ru/content/2428/>

¹⁰ <https://www.hist.msu.ru/Labour/DOCS/ogputext.htm>

культурам, за исключением бобовых (особенно фасоли), так и не смогли достичь уровня 1941 года. Примечательно, что в 1942 году площади под яровыми культурами даже превысили довоенные показатели, однако собрать этот урожай не удалось из-за немецкой оккупации.

Урожайность зерновых культур демонстрировала значительные колебания. Наивысшие показатели были зафиксированы в 1941 году и в относительно благополучном 1944 году. Однако в 1943 году урожайность резко упала из-за сочетания неблагоприятных погодных условий и катастрофического снижения уровня агротехники. Особенно показателен случай с кукурузой в Ростовской области в 1944 году, когда 62% посевов полностью погибли из-за нарушения оптимальных сроков сева - ослабленные войной колхозы просто физически не успевали проводить полевые работы вовремя [3].

Структура посевов претерпела значительные изменения. Колхозы, стремясь выполнить государственные планы по зерновым, вынуждены были сокращать площади под другими культурами. В 1941 году при перевыполнении плана по озимым серьезно пострадали посевы кормовых культур, что впоследствии негативно сказалось на животноводстве. При этом крестьяне в своих личных хозяйствах, наоборот, увеличивали посевы наиболее продуктивных и жизненно важных культур - картофеля и овощей. На Кубани в 1942 году площади под картофелем в ЛПХ превысили довоенный уровень на 5%, а в 1943 году посевы зерновых в личных хозяйствах выросли на 37,9% по сравнению с 1941 годом¹¹.

Особенностью военного периода стало резкое увеличение роли бобовых культур, особенно фасоли, которая в условиях дефицита ресурсов оказалась наиболее устойчивой и неприхотливой культурой. В Ростовской области посевы фасоли в 1943-1945 годах не только сохранились на довоенном уровне, но в некоторых районах даже превысили его, что объяснялось ее высокой пищевой ценностью и относительной простотой выращивания¹².

Роль личных подсобных хозяйств (ЛПХ) в условиях военного времени

В период Великой Отечественной войны личные подсобные хозяйства колхозников превратились в важнейший элемент системы выживания сельского населения. По мере ослабления колхозного производства ЛПХ взяли на себя основную нагрузку по обеспечению крестьян продовольствием, что нашло отражение в статистических данных. В Ростовской области доля

¹¹ <https://cyberleninka.ru/article/n/selskoe-hozyaystvo-sssr-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny>

¹² <https://cyberleninka.ru/article/n/prodovolstvennyy-vklad-rostovskoy-oblasti-v-velikuyu-pobedu/viewer>

хозяйств, имевших посевы, увеличилась с 87,6% в 1941 году до рекордных 99,1% в 1944 году¹³.

Крестьяне целенаправленно увеличивали площади под наиболее продуктивными и жизненно важными культурами. Особенно заметным был рост посевов зерновых - в Ростовской области они расширились в 2-3 раза по сравнению с 1941 годом. На Кубани в 1942 году площади под картофелем превысили довоенный уровень на 5%, а под овощами составили 91,7% от показателей 1941 года [4].

Особое значение приобрел картофель, который давал высокие урожаи при относительно небольших площадях. В условиях, когда колхозы могли обеспечить лишь минимальные выдачи продуктов на трудодни, крестьяне были вынуждены максимально использовать свои приусадебные участки. В условиях войны произошла своеобразная "интенсификация" личных хозяйств. Крестьяне не просто расширяли посевы, но и меняли их структуру, делая акцент на наиболее продуктивных культурах. В донских ЛПХ значительно увеличились посевы бобовых (особенно фасоли), которые отличались высокой пищевой ценностью и относительной неприхотливостью [5].

Таким образом, личные подсобные хозяйства в военные годы не просто сохранили свою роль, но и существенно ее усилили, став настоящим "спасательным кругом" для сельского населения.

Состояние животноводства в условиях военного времени

Колхозное животноводство понесло наиболее значительные потери. На примере Кубани прослеживается драматическая динамика сокращения поголовья лошадей - основного тяглового скота. Если в конце 1941 года их численность составляла 86,7% от довоенного уровня (1939 год), то уже в 1943 году этот показатель упал до катастрофических 20,4%, достигнув минимального значения в 17,6% в 1944 году. Аналогичная ситуация наблюдалась и с продуктивным скотом - даже к 1945 году колхозам не удалось восстановить довоенное поголовье [6].

В отличие от колхозного сектора, личные подсобные хозяйства продемонстрировали значительно большую устойчивость. Динамика поголовья в кубанских ЛПХ показывает, что если в конце 1941 года здесь сохранялось 83,8% крупного рогатого скота от довоенного уровня, то к 1944 году этот показатель снизился лишь до 82,1%

Однако разные виды скота сокращались неравномерно. Наиболее сильно пострадало поголовье свиней (с 39,7% в 1941 году до 22,1% в 1944) и овец с козами (с 62% до 53,7% за тот же период). Такая избирательная динамика

¹³ <https://cyberleninka.ru/article/n/prodovolstvennyy-vklad-rostovskoy-oblasti-v-velikuyu-pobedu>

объясняется тем, что эти виды животных содержались преимущественно ради мяса, которое в первую очередь изымалось для государственных нужд [7].

В экстремальных условиях войны крестьяне выработали особые стратегии сохранения поголовья. Яркой иллюстрацией этого стала история жительницы села Федосеевка Заветинского района, которая, приобретя корову у эвакуированного, буквально выхаживала ее, «рвала траву руками и носила воду», чтобы обеспечить детей молоком. Такие случаи не были единичными - во многих хозяйствах скот становился настоящим «членом семьи», от которого зависело выживание всей крестьянской ячейки.

Государство, осознавая критическую ситуацию, предпринимало определенные меры поддержки. В частности, колхозы обязывались обеспечивать кормами. Однако эти меры носили ограниченный характер и не могли кардинально изменить ситуацию.

Великая Отечественная война нанесла тяжелейший удар по сельскому хозяйству южных регионов СССР. Катастрофическое сокращение трудоспособного населения (особенно мужчин), мобилизации на фронт и оборонные работы, депортации и оккупация привели к резкому ухудшению трудовых ресурсов. Основная нагрузка легла на женщин, подростков и пожилых колхозников, но их усилий было недостаточно для поддержания довоенных объемов производства.

Сельское хозяйство работало в режиме чрезвычайной мобилизации: расширялись посевы зерновых в ущерб кормовым культурам, нарушались агротехнические нормы, что привело к истощению почв и падению урожайности. Личные подсобные хозяйства (ЛПХ) стали главным источником выживания крестьян, увеличив посевы картофеля, овощей и бобовых.

Животноводство понесло потери, особенно в колхозном секторе, тогда как в ЛПХ удавалось сохранять скот за счет личных усилий крестьян. Государственные меры поддержки были недостаточными, и сельское хозяйство вышло из войны крайне ослабленным, потребовавшим долгих лет восстановления.

Список литературы

1. Бондарев, В. А. Селяне в годы Великой Отечественной войны: Российское крестьянство в годы Великой Отечественной войны: (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев) / В. А. Бондарев; В. А. Бондарев; отв. ред. А. П. Скорик. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. – 192 с. – ISBN 5-87872-141-4.
2. Ноздринов, В. В. Экономика Ставрополя в годы Великой Отечественной войны: оккупация и восстановление / В. В. Ноздринов // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. – 2021. – № 3(59). – С. 116-120.

3. Жевалов, С. А. Продовольственный вклад ростовской области в великую победу // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2020. №4 (208). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodovolstvennyy-vklad-rostovskoy-oblasti-v-velikuyu-pobedu> (дата обращения: 09.05.2025).

4. Зельднер, А. Г. Сельское хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник экономической безопасности. 2010. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/selskoe-hozyaystvo-sssr-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 09.05.2025).

5. Панарина, Е. В. Роль подсобных хозяйств в обеспечении продовольствием населения Дона и Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны / Е. В. Панарина // Народ. Война. Победа, Новороссийск, 28–30 мая 2015 года. – Новороссийск: Пензенский государственный университет, 2015. – С. 216-220.

6. Жинкин, А. В. Сражающаяся Кубань. Вклад кубанцев в победу над фашизмом / А. В. Жинкин, В. И. Черный. – Краснодар: НЧОУ ВПО "Кубанский социально-экономический институт", 2014. – 116 с. – ISBN 978-5-91276-083-9.

7. Месропян, А. Э. Деятельность подсобных хозяйств в системе потребительской кооперации Краснодарского края в годы Великой Отечественной войны / А. Э. Месропян // Историческая память о советском прошлом: к 100-летию образования СССР: материалы международной научной конференции, Армавир, 20 декабря 2022 года. – Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2023. – С. 302-306.

УДК 930.2

**ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ФОРМИРОВАНИИ СТАТУСА
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН (КОНЕЦ 1980-Х — НАЧАЛО 2000-Х
ГОДОВ)**

Автор: Майлунов Шамиль Радикович

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», (420008, Казань, ул. Лево-Булачная, 44), студент 2 курса Института международных отношений, истории и востоковедения, maylunov.shamil@gmail.com

Научный руководитель: Шакуров Фарит Наилович

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», (420008, Казань, ул. Лево-Булачная, 44), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии, faritshakur@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено формированию статуса Республики Татарстан в контексте этнополитической мобилизации конца 1980-х — начала 2000-х годов. Основной научный результат заключается в выявлении связи между татарским движением за суверенитет и более широкими процессами постсоветского переосмысления этнической идентичности. Особое внимание уделено влиянию крымскотатарского национального движения как модели ненасильственного протеста, а также особенностям развития татарской идентичности через культуру, образование и дискурс суверенитета. Зарубежная историография анализируется как значимый ресурс, предложивший сравнительную перспективу, в том числе через методы дискурс-анализа и этнографических наблюдений. Работа подчеркивает, что стремление Татарстана к автономии было не только политическим актом, но и культурным выражением многоуровневой идентичности в условиях постимперского и постсоветского пространства.

Ключевые слова: Татарстан; суверенитет; национальная идентичность; этническая мобилизация; мультикультурализм

**FOREIGN HISTORIOGRAPHY ABOUT THE FORMATION OF THE
STATUS OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN
(LATE 1980S - EARLY 2000S)**

Author: Maylunov Shamil Radikovich

Kazan (Volga Region) Federal University (420008, Kazan, Levo-Bulachnaya, 44), student, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, maylunov.shamil@gmail.com

Scientific supervisor: Shakurov Farit Nailovich

Kazan (Volga Region) Federal University (420008, Kazan, Levo-Bulachnaya, 44), Ph.D. in History, Associate Professor of the Department of History of Tatarstan, Anthropology and Ethnography, faritshakur@yandex.ru

Abstract. The study is devoted to the formation of the status of the Republic of Tatarstan in the context of the ethnopolitical mobilization of the late 1980s and early 2000s. The main scientific result is to identify the connection between the Tatar movement for sovereignty and the broader processes of post-Soviet rethinking of ethnic identity. Special attention is paid to the influence of the Crimean Tatar national movement as a model of nonviolent protest, as well as to the peculiarities of the development of Tatar identity through culture, education and the discourse of sovereignty. Foreign historiography is analyzed as a significant resource that offers a comparative perspective, including through the methods of discourse analysis and ethnographic observations. The work emphasizes that Tatarstan's desire for autonomy was not only a political act, but also a cultural expression of a multi-level identity in the post-Imperial and post-Soviet space.

Key words: Tatarst; sovereignty; national identity; ethnic mobilization; multiculturalism

Исторический контекст. Исторический контекст формирования статуса Республики Татарстан в период с конца 1980-х до начала 2000-х годов тесно связан с более широкими этническими мобилизациями и национальными движениями, возникшими в Советском Союзе. Движение за права крымских татар, начавшееся в изгнании после их насильственной депортации Сталиным в 1944 году, служит ключевой точкой отсчета для понимания динамики Татарстана. Крымско-татарское национальное движение, признанное одним из старейших и наиболее организованных диссидентских движений в СССР, отличалось своей приверженностью ненасилию и демократическим принципам политического представительства, значительно эволюционировав за три ключевых периода: 1956-1987 гг., характеризующийся неформальностью; 1987-1991 гг., отмеченный формализацией с созданием Центральных инициативных групп (ЦИГ) и Организации крымскотатарского национального движения (ОКНД); и с 1991 года, после распада СССР, когда были сформированы представительные органы, такие как Курултай и Меджлис [1; 2].

По мере того как в Татарстане в конце 1980-х годов росло национальное самосознание, чему способствовала политика гласности и перестройки, говорящие на татарском языке, все чаще выражали свою обеспокоенность по поводу сохранения своего языка и культуры на фоне опасений политической и культурной маргинализации [3, с. 54]. Этот период этнической мобилизации был не только реакцией на исторические обиды, но и активной попыткой утвердить татарскую идентичность и автономию в постсоветском

пространстве [4, с. 95]. Стремление к суверенитету проявилось в массовых демонстрациях и движениях за культурное возрождение, подчеркивая особые социально-политические устремления татарского населения.

Более того, отношения между русскими и татарами Татарстана часто отражали более широкие националистические противоречия, причем опасения по поводу потенциального лишения прав русскоязычного населения находили отклик в конце 1990-х годов. Ситуация стала особенно острой, поскольку регион стремился к большей политической автономии, которую некоторые рассматривали как прелюдию к этническому конфликту, подобному тому, что наблюдался в странах Балтии. В конечном счете, взаимодействие исторических несправедливостей, культурного возрождения и политических устремлений сформировало траекторию становления статуса Татарстана в этот переломный период, что привело к сложному нарративу идентичности, прав и регионального управления [5, с. 114].

По мере того как в Татарстане в конце 1980-х годов росло национальное самосознание, чему способствовала политика гласности и перестройки, говорящие на татарском языке, все чаще выражали свою обеспокоенность по поводу сохранения своего языка и культуры на фоне опасений политической и культурной маргинализации. Этот период этнической мобилизации был не только реакцией на исторические обиды, но и активной попыткой утвердить татарскую идентичность и автономию в постсоветском пространстве. Стремление к суверенитету проявилось в массовых демонстрациях и движениях за культурное возрождение, подчеркивая особые социально-политические устремления татарского населения.

Ключевые темы в зарубежной историографии. Зарубежная историография внимательно изучила эволюцию национальной идентичности в Татарстане, особенно после распада Советского Союза. Ученые отметили растущий критический дух в советской историографии, который заложил основу для переосмысления татарской идентичности в конце 1980-х - начале 1990-х годов [6, с. 630]. Объявление Татарстаном о суверенитете в 1990 году стало важной поворотной точкой, поскольку оно совпало с ростом числа писем на татарском языке, выражающих стремление к политической автономии и культурному признанию. Этот сдвиг выявил более глубокое стремление этнических татар утвердить свою национальную идентичность, рассматривая ее в контексте отдельной татарстанской нации.

Другой важной темой является динамика межэтнических отношений в Татарстане. Исследование Карин Клеман показывает, что руководство Татарстана часто маневрировало в сложном политическом ландшафте, балансируя между федеральным давлением и местными стремлениями к автономии [7]. Подход, принятый Татарстаном, делал упор на модель

мультикультурализма, стремясь учесть разнообразный этнический состав республики, избегая при этом этнически исключительного нарратива. Эта позиция иллюстрируется такими инициативами как выставка «Я здесь не чужой», направленная на укрепление взаимопонимания между мигрантами и раскрытие мультикультурного потенциала региона.

Дискурс, связанный с суверенитетом Татарстана, характеризовался разнообразием точек зрения, как внутри Татарстана, так и со стороны внешних наблюдателей. Некоторые историки подчеркивают стремление общественности к суверенитету как проявление давних этнических настроений, в то время как другие критикуют этот нарратив как упрощенный. Сложность политической идентичности Татарстана отражена в появлении писем в редакцию, которые формулируют различные точки зрения на национальный суверенитет, демонстрируя раннюю дифференциацию между татароязычными и русскоязычными монолингвами. Этот многогранный политический дискурс повлиял на обсуждение идентичности Татарстана и его будущего в составе Российской Федерации.

Концепция диаспорного национализма стала заметной темой, особенно в контексте крымских татар, которые исторически были рассеяны за пределами своей родины. Ученые утверждают, что опыт диаспорных общин переплетается с глобализацией, поскольку они поддерживают связи со своей родиной, одновременно определяя свою идентичность в принимающих странах. Эта перспектива проливает свет на проблемы, с которыми сталкиваются крымские татары и другие этнические группы, стремящиеся согласовать свое культурное наследие с реалиями современного глобального общества.

Культурная память, особенно в отношении таких событий, как депортация крымских татар, играет значительную роль в формировании этнической идентичности и коллективной памяти.

Исследования подчеркивают, как традиционные практики, такие как народное искусство, служат средством для воспоминания о прошлых травмах и утверждения культурной преемственности, несмотря на исторические репрессии. Сохранение и переосмысление таких нарративов способствует более широкому пониманию татарской идентичности в зарубежной историографии, подчеркивая важность культурного самовыражения перед лицом невзгод.

Зарубежные ученые и работы. Изучение статуса Республики Татарстан и его формирования в период с конца 1980-х до начала 2000-х годов привлекло внимание ряда зарубежных ученых, что способствовало более глубокому пониманию исторического и политического ландшафта Татарстана.

Среди известных ученых - Рафаэль Хакимов, который сыграл значительную роль в формировании дискурса о суверенитете Татарстана своими работами. Его книга (1993) является одним из первых исследований российского федерализма с татарской точки зрения и критикует преобладающие нарративы, связанные с татарской автономией. Взгляды Хакимова имеют решающее значение для понимания легитимности стремления татар к самоопределению, проводя параллели с современными дебатами в России.

Другой важной фигурой является Хакан Киримли, чья работа углубляется в исторический контекст формирования национальной идентичности, который можно сравнить с татарским опытом. Его анализ предоставляет основу для понимания развития националистических настроений среди татар, особенно в постсоветскую эпоху.

Темы, исследуемые этими учеными, часто возвращаются вокруг федерализма, национализма и самоопределения. Например, Национальная доктрина развития системы образования Республики Татарстан, опубликованная Министерством образования Татарстана в 1998 году, подчеркивает важность образования в воспитании нового поколения, соответствующего татарской национальной идентичности. Эта работа свидетельствует о государственных инициативах, направленных на укрепление культурной автономии татар.

Кроме того, различные исследования освещают политические движения внутри Татарстана, уделяя особое внимание роли таких институтов, как Курултай и Меджлис, в отстаивании прав и представительства татар. Эти органы сыграли важную роль в формулировании требований татарского суверенитета и рассмотрении исторических претензий, связанных с депортацией и геноцидом.

Исследования, посвященные суверенитету Татарстана, отражают более широкий дискурс об автономии этнических групп в рамках федеративных государств, аналогичный движениям в других постсоветских регионах. Это академическое внимание подчеркивает значение исторического нарратива Татарстана в контексте российского федерализма и стремления к этнической идентичности.

Методология зарубежных исследований. Зарубежная историография, посвященная формированию статуса Республики Татарстан в период с конца 1980-х до начала 2000-х годов, использует различные методологии для анализа сложного взаимодействия этнической идентичности, политических движений и культурной динамики. Ученые часто используют этнографические методы, чтобы зафиксировать жизненный опыт татарского народа и других этнических групп в республике. Этот качественный подход

позволяет исследователям углубиться в гражданскую социализацию, культурные ценности и нюансы межэтнических отношений в многокультурном контексте [7].

Этнографические исследования сыграли решающую роль в понимании гражданских и социальных структур, формирующих идентичность Татарстана. Этнолог Дамир Исхаков утверждал, что отношение к обществу, культуре и работе является неотъемлемой частью сознательности граждан Татарстана, подчеркивая важность гуманного поведения, уважения прав личности и этического семейного воспитания. Такие исследования часто включают включенное наблюдение и углубленные интервью, дающие представление о том, как многокультурный ландшафт Татарстана влияет как на индивидуальную, так и на коллективную идентичность.

Социологические методологии также играют важную роль в изучении общественного отношения к мультикультурализму в Татарстане. Исследования, проведенные такими социологами, как Клемент, показывают общее принятие мультикультурализма местным населением, хотя они также выявляют скрытые ксенофобские настроения среди определенных националистических групп. Анализируя данные опросов, исследователи могут оценить социально-политический климат и измерить общественное мнение по вопросам, связанным с этнической принадлежностью и управлением.

Сравнительные подходы используются для того, чтобы поместить татарский опыт в более широкий постсоветский контекст. Куртмолла Абдулганиев, например, подчеркивает необходимость всестороннего изучения татарского национализма для лучшего понимания политических последствий исторических насильственных миграций и тяжелого положения «депортированных народов». Эта сравнительная перспектива позволяет глубже изучить, как развиваются национализмы меньшинств в связи с государственной политикой и социальными движениями в разных регионах.

Дискурс-анализ – еще одна методологическая основа, используемая в зарубежной историографии для анализа нарративов, связанных с формированием статуса Татарстана. Ученые анализируют средства массовой информации, политические речи и публичные заявления, чтобы понять, как соотношения сил артикулируются и оспариваются внутри республики. Множественность голосов в дискурсе, как отмечается в концепции Гоффмана о многослойном авторстве, подчеркивает сложное взаимодействие местных и федеральных нарративов. Эта методология проливает свет на то, как этнические идентичности конструируются и согласовываются через различные социальные каналы.

На изучение статуса Республики Татарстан с конца 1980-х до начала 2000-х годов значительное влияние оказала зарубежная историография, которая дает сравнительную перспективу этнополитической динамики региона. Такие ученые, как Куртмолла Абдулганиев, подчеркивали важность изучения крымскотатарского национального движения, утверждая, что такой анализ может углубить понимание проблем меньшинств и политических последствий насильственных миграций в постсоветских государствах. Эта перспектива имеет решающее значение для понимания взаимодействия местных и международных факторов в стремлении Татарстана к автономии.

Зарубежная историография часто критикует нарративы советской эпохи, связанные с татарским национализмом и идентичностью. Память о депортации крымских татар, например, сохраняется посредством различных культурных выражений, которые подчеркивают историческую травму и ее влияние на современную татарскую идентичность. Это критическое осмысление привело к переоценке того, как развивался татарский национализм, особенно в периоды усиления государственного контроля и цензуры. Например, в конце советского периода татарские интеллектуалы сталкивались со значительными рисками, оспаривая господство русских, как показано в работе татарской журналистки Венеры Якуповой, которая документирует случаи репрессий против тех, кто выступал за суверенитет Татарстана.

Различие между татароязычными и русскоязычными сообществами в Татарстане стало еще одним предметом внимания зарубежных ученых. Исследования показывают, что татароязычные, будучи в основном двуязычными, имеют больший доступ к средствам массовой информации и культурным продуктам на русском языке, в то время как русскоязычные часто остаются моноязычными, что приводит к асимметричному пониманию татарских культурных нарративов [7]. Это языковое неравенство сыграло решающую роль в формировании политического ландшафта и идентичности среди татароязычных, поскольку они все чаще стремились отстаивать свои культурные и политические права в преимущественно русскоязычной среде.

Влияние зарубежной историографии также проявляется в символических политических изменениях, произошедших в этот период. Ученые задокументировали, как конституционные изменения Татарстана отражали более широкие сдвиги в его политическом статусе в России. Например, заявление Татарстана о том, что он является «субъектом международного права», и введение таких понятий, как гражданство Татарстана, свидетельствовали о растущем утверждении автономии, несмотря на отсутствие практических последствий в повседневном управлении. Этот развивающийся дискурс, касающийся статуса Татарстана,

был обогащен сравнительным анализом, который подчеркивает уникальное положение региона в постсоветском пространстве.

Список литературы

1. Iakovlenko K. Flavors of Freedom: Rethinking the late 1980s and early 1990s: // Brooklyn, 2023. URL: <https://www.e-flux.com/architecture/reconstruction/551234/flavors-of-freedom-rethinking-the-late-1980s-and-early-1990s/> (дата обращения 03.05.2025)
2. Abdulganiyev K. Institutional development of the Crimean Tatar National Movement // Retrieved July. – 2002. – Т. 15. – С. 2003.
3. Faller, H. M. Nation, language, Islam: Tatarstan's sovereignty movement / H. M. Faller // Nation, Language, Islam: Tatarstan's Sovereignty Movement, 2011. – P. 1-333.
4. Williams C. Tatar nation building since 1991: Ethnic mobilisation in historical perspective // JEMIE. – 2011. – Т. 10. – С. 94.
5. Lazzerini E. J. Tatarovedenie and the “new historiography” in the Soviet Union: Revising the interpretation of the Tatar-Russian relationship // Slavic Review. – 1981. – Т. 40. – №. 4. – С. 625-635.
6. Aydin F. T. Crimean Turk-Tatars: Crimean Tatar Diaspora Nationalism in Turkey //International Committee for Crimea, <http://www.iccrimea.org/scholarly/aydin.html> (accessed January 14, 2008). – 2002.
7. "Tatarstan and Tatars." Encyclopedia of Russian History. . Retrieved May 05, 2025 from Encyclopedia.com: <https://www.encyclopedia.com/history/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/tatarstan-and-tatars>

УДК 4(47+57)"1939/1945"

ТИМИРЯЗЕВСКАЯ АКАДЕМИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Автор: Мальцева Софья Сергеевна

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студентка 1 курса Института экономики и управления АПК, sofamalceva230@gmail.com

Научный руководитель: МIRONIUK Сергей Алексеевич

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, mironyuk@rgau-msha.ru, ORCID: 0000-0002-6874-7595, РИНЦ SPIN-код: 6577-8160, РИНЦ AuthorID: 990521, ResearcherID: ADE-4050-2022

Аннотация. Статья посвящена изучению вклада Тимирязевской сельскохозяйственной академии в Победу в Великой Отечественной войне, а также её отражению в современной историографии. Освещаются ключевые события — эвакуация академии в Самарканд, участие в обороне Москвы, деятельность преподавателей и студентов в тылу и на фронте. Работа опирается на актуальные источники и подчеркивает значимость сохранения памяти о научных и трудовых подвигах тимирязевцев.

Ключевые слова: Вторая мировая война; историография; историческая память; тимирязевцы; Тимирязевская академия

TIMIRYAZEV ACADEMY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: MODERN HISTORIOGRAPHY

Author: Mal'ceva Sof'ya Sergeevna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), student, Institute of Economics and Management of APK, Mal'cevaSof'yaSergeevna, sofamalceva230@gmail.com

Scientific supervisor: MIRONIUK Sergei Alexeyevich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street, 49), PhD in History, senior lecturer of

Abstract. The article is devoted to studying the contribution of Timiryazev Agricultural Academy to victory in the Great Patriotic War and its reflection in modern historiography. Key events are highlighted—such as evacuation of the academy to Samarkand, participation in defense of Moscow, activities of teachers and students both at home front and on battlefields. The work relies on current sources and emphasizes importance of preserving memory about scientific and labor feats achieved by Timiryazevites.

Keywords: World War II; historiography; historical memory; Timiryazevites; Timiryazev Academy

Великая Отечественная война стала тяжелейшим испытанием для всего советского народа, затронув все сферы жизни, включая науку и образование. Высшим учебным заведениям необходимо было адаптироваться к новым, а вернее, военным условиям и продолжать выполнять свою основную задачу – подготовку квалифицированных специалистов. Значительный вклад в этот период истории внесла Тимирязевская сельскохозяйственная академия (Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева).

Академия сохранила учебную деятельность, а также активно участвовала в научных исследованиях, направленных на поддержание сельскохозяйственного производства, обеспечение продовольственной безопасности и подготовку профессионалов, которые смогут восстановить экономику после военных действий. Важную роль сыграли, как и преподаватели, так и студенты, которые вносили вклад в общую Победу в тылу и на фронте [1]. Проведено немало исследований, посвященных этому периоду, позволяющих глубже понять значимость вклада академии в Победу и оценить роль образовательной и научной деятельности в экстремальных условиях.

В сборнике под названием «Документы войны и Победы: материалы Всероссийской научно-практической конференции», представлена статья М.С. Новиковой «Тимирязевская академия в период эвакуации в Самарканд в годы великой отечественной войны», которая довольно подробно описывает события, происходившие после начала войны: как тимирязевским преподавателям и студентам пришлось покинуть родные земли и эвакуироваться в Самарканд. Однако и там их ждали новые трудности [2, с. 99].

Вернёмся к Москве. Ситуация ухудшалась, и Тимирязевский район стал прифронтовым. Вся территория академии была задействована: на опытных полях вырыли противотанковые рвы, в окопах установили средства ПВО,

корпуса переоборудовали под запасной штаб, общежитие, пункт правительственной связи и прочее [3, с. 13]. Все эти события подробно изложены Н.Ю. Рябовой в своей статье «Участие МСХА им. К.А. Тимирязева в обороне Москвы осенью 1941 года».

Статья М.А. Николаевой и Ю.А. Щекиной «Тимирязевская сельскохозяйственная академия: вклад в Победу» также продолжает повествование о начале войны и событиях на территории вуза. Она посвящена всестороннему анализу роли академии как в Москве, так и за её пределами. Авторы описывают трудности, с которыми столкнулись тимирязевцы в эвакуации, включая острую нехватку продовольствия, а также находчивость и стремление к развитию в тяжёлых условиях [4, с. 23].

Очень подробно и последовательно описал события, происходившие на территории академии, А.Б. Оришев в своей книге «Тайны российской аграрной науки: тимирязевский прорыв». Автор освещает, помимо эвакуации, и другие важные проблемы. Исходя из представленного материала можно сделать вывод о том, что Тимирязевская сельскохозяйственная академия проявила исключительную стойкость и самоотверженность, продолжая выполнять свои функции [5].

Рассмотрим книгу «Великая Отечественная война: память и думы, которая представляет собой сборник статей и размышлений, посвящённых событиям Великой Отечественной войны, Победе, ее глобальному значению и влиянию на СССР. А также там представлены воспоминания фронтовиков и детей войны, связанных с Тимирязевской академией [6].

Ярко описывает участие выпускников и сотрудников Тимирязевской академии в легендарном сражении статья «Тимирязевцы в Сталинградской битве», на портале «Ветеранские вести». В материале приведены примеры героизма и мужества тимирязевцев, ушедших на фронт — как в боевых частях, так и в составе инженерно-сапёрных подразделений [7]. Упомянуты имена тех, кто проявил себя в боях, был награждён или погиб на поле сражения

Книга «Тимирязевцы - Герои Советского Союза» представляет собой уникальное издание, посвящённое тимирязевцам — героям Великой Отечественной войны, чьи подвиги прославили не только страну, но и саму академию. Интересна эта книга тем, что основу исследования составили ранее недоступные научному сообществу материалы из российских архивов, воспоминания, непосредственно, самих участников войны, записи разговоров с ветеранами и свидетелями событий самой масштабной и кровопролитной войны. Это первое в истории вуза издание, включающее цветные иллюстрации, которые позволяют представить хронологию жизни героев и ключевых событий [8].

В продолжение темы рассмотрим книгу «Тимирязевцы – герои социалистического труда». Эта монография посвящена всё тем же великим тимирязевцам (преподавателям, сотрудникам и выпускникам, удостоенным звания Героев Социалистического Союза. Книга адресована всем тем, кто занимается воспитанием молодого поколения на примерах патриотизма и любви к Родине [9].

Ещё одно не менее интересное издание под редакцией А.Б. Оришева – «Строки через года. Студенты Тимирязевской академии о Великой Отечественной войне», которая представляет собой сборник писем студентов РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева, адресованных ветеранам Великой Отечественной войны. Издание приурочено к 75-летию Победы и отражает стремление молодёжи сохранить память о героическом прошлом, выразить благодарность ветеранам и осмыслить уроки истории [10].

В предисловии председатель Совета ветеранов РГАУ-МСХА, доктор экономических наук, профессор Ю.И. Агирбов подчёркивает важность сохранения памяти о вкладе тимирязевцев в Победу и отмечает, что из стен академии вышли 15 Героев Советского Союза и 30 Героев Социалистического Труда.

История Тимирязевской академии в годы Великой Отечественной войны остаётся важной темой для современной исторической науки. Современная историография позволяет взглянуть на эти события с новых ракурсов, систематизируя архивные материалы, личные воспоминания и научные труды. Академия проявила исключительную стойкость и преданность своей миссии, продолжая готовить специалистов, проводить исследования и оказывать практическую помощь стране в тяжёлый период. Изучение её вклада позволяет сохранить историческую память и служит основой для формирования патриотического сознания у будущих поколений. Материалы, представленные в публикациях последних лет, подтверждают, что роль Тимирязевской академии в годы войны по праву занимает достойное место в отечественной историографии.

Список литературы

1. Оришев, А. Б. РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева: университетские легенды / А. Б. Оришев. – Москва: Российский государственный аграрный университет - МСХА им. К.А. Тимирязева, 2016. – 156 с. – EDN YKUNMP.
2. Новикова, М. С. Тимирязевская академия в период эвакуации в Самарканд в годы Великой Отечественной войны / М. С. Новикова // Документы Войны и Победы: материалы всероссийской научно-практической конференции, Москва, 21–22 мая 2024 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Сфера", 2024. – С. 99-100. – EDN CIPJOJ.

3. Рябова, Н.Ю. Участие МСХА им. К.А.Тимирязева в обороне Москвы осенью 1941 года / Н. Ю. Рябова // Доклады ТСХА: Сборник статей, Выпуск 287, Москва, 02–04 декабря 2014 года. Том I. – Москва: Издательство РГАУ-МСХА, 2015. – С. 13-15. – EDN LVNLHQ.
4. Николаева, М. А. Тимирязевская сельскохозяйственная академия: вклад в Победу / М. А. Николаева, Ю. А. Щекина // Товаровед продовольственных товаров. – 2020. – № 5. – С. 23-28. – EDN QUGPLN.
5. Оришев, А. Б. Тайны российской аграрной науки. Тимирязевский прорыв / А. Б. Оришев. – Без места: Общество с ограниченной ответственностью «Издательские решения», 2016. – 398 с. – EDN XRQKWV.
6. Великая отечественная война: память и Думы: посвящается 73-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Москва: Российский научно-исследовательский институт информации и технико-экономических исследований по инженерно-техническому обеспечению агропромышленного комплекса, 2018. – 272 с. – EDN YKIKOT.
7. Тимирязевцы в Сталинградской битве // Ветеранские вести: официальный портал. — URL: <https://vet-vesti.ru/timirjazevcy-v-stalingradskoj-bitve/> (дата обращения: 05.04.2025).
8. Оришев, А. Б. Тимирязевцы - Герои Советского Союза: Монография / А. Б. Оришев, С. Г. Величко, Н. Ю. Рябова. – Москва: Российский государственный аграрный университет - МСХА им. К.А. Тимирязева, 2021. – 114 с. – EDN QACIYI.
9. Оришев, А. Б. Тимирязевцы - Герои Социалистического Труда / А. Б. Оришев. – Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2023. – 138 с. – EDN VTNEBY.
10. Строки через года: студенты Тимирязевской академии о Великой Отечественной войне / под ред. А.Б. Оришева. — Москва: РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева, 2020. — 144с.

«МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ: СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ТЕМЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Автор: Палладова Варвара Сергеевна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса Института мелиорации, водного хозяйства и строительства имени А.Н. Костякова, varvarapalladova@yandex.ru

Научный руководитель: Позднякова Анастасия Сергеевна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, chai89@bk.ru

Аннотация. В этой статье рассматривается образ «маленького человека» во время Гражданской войны и Революции в России. Автор анализирует, как современные историки и исследователи понимают и объясняют роль обычных людей – крестьян, рабочих и солдат – в эти сложные годы. В работе показано, какие основные идеи и взгляды существуют сегодня по этой теме. Также рассматриваются разные точки зрения на то, насколько значимым был вклад простых людей в ход исторических событий. Статья помогает лучше понять, что переживали обычные люди в период больших исторических перемен и почему их судьбы остаются важной темой для современных ученых.

Ключевые слова: Гражданская война; советская власть; повседневность; «маленький человек», репрессии

"THE SMALL MAN" DURING THE YEARS OF THE CIVIL WAR AND REVOLUTION: MODERN HISTORIOGRAPHY OF THE TOPIC (ON THE MATERIALS OF VYATKA REGION)

Author: Palladova Varvara Sergeevna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), student, A.N. Kostyakov Institute of Land Reclamation, Water Management, and Construction, varvarapalladova@yandex.ru

Scientific supervisor: Pozdnyakova Anastasiya Sergeevna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), PhD of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, chai89@bk.ru

Abstract. This article examines the image of the "little man" during the Russian Civil War and Revolution. The author analyzes how modern historians and researchers understand and explain the role of ordinary people, such as peasants, workers, and soldiers, during these challenging times. The article explores the main ideas and perspectives that exist today on this topic. It also examines different perspectives on the significance of ordinary people's contributions to historical events. The article provides insights into the experiences of ordinary people during a period of significant historical change and why their stories remain an important topic for contemporary scholars.

Keywords: Civil War; Soviet power; everyday life; "little man"; repressions

Тема "маленького человека" в годы Гражданской войны и Великой русской революции долгое время оставалась в тени крупных исторических событий, но сегодня она привлекает всё больше внимания современных историков. Современная историография стремится не только анализировать официальные документы и политические решения, но и глубже понять повседневную жизнь обычных людей — их страдания, надежды и трагедии. Историки XXI века пересматривают и переосмысливают работы исследователей прошлого, пытаясь восстановить голоса тех, кто оказался в водовороте событий, но сам по себе не был движущей силой эпохи [1].

В контексте военного времени, особенно в периоды масштабных конфликтов, таких как Первая мировая война, Гражданская война или Великая Отечественная война, понятие "маленький человек" относится к простому рядовому, участнику боевых действий, чаще всего — выходцу из крестьянской или рабочей среды. Это собирательный образ солдата, который, будучи частью огромной военной машины, остается личностью со своими переживаниями, страхами, надеждами и стремлением к миру.

"Маленький человек" в военное время — это не только солдат, но и труженик тыла, крестьянин, отдающий последнее фронту, медсестра, спасающая раненых под обстрелом, ребенок, потерявший родителей. Это обычный человек, поставленный в экстремальные условия войны, проявляющий героизм, стойкость и человечность, несмотря на все тяготы и лишения. Такое внимание к судьбам «маленького человека» помогает полноте исторического понимания и напоминает, что за великими переменами стоят реальные человеческие жизни.

Вятская губерния в период Гражданской войны была фронтовой и прифронтовой зоной, здесь разворачивались драматические события того

периода [2]. О многих трагических судьбах людей того периода мы узнаем из судебно-следственных дел революционного трибунала и ЧК [3]. В Вятской губернии в 1918 г. особо свирепствовала ЧК на чехословацком фронте, протоколы допросы которой служат источником по истории повседневности [4].

Ярким примером тому является судьба священника Анатолия Дмитриевича Ивановского из села Салтак-Ял Уржумского уезда, его семьи и окружающих его людей [5]. Через письма его дочери Веры — рассказывается о напряженной ситуации в Казани, где в августе 1918 года шли бои между красными и чехословацкими войсками, как в городе начались расстрелы, аресты и постоянные дозоры. Отец Веры, Ивановский, был арестован и в октябре 1918 года расстрелян.

В 1918 г. в Вятке активно работала Уральская облЧК [6]. Осенью 1918 г. был репрессирован Алексей Николаевич Ушаков (1864–1918) — сибирский общественный деятель и член Первой Государственной Думы, Уральской областной ЧК в период «красного террора». Его обвинили в контрреволюционной деятельности и саботаже без доказательств. Арест и смертный приговор стали результатом политического преследования из-за принадлежности к партии народных социалистов и оппозиционной деятельности. Ушаков был расстрелян как враг советской власти без тщательного расследования.

Объектом изучения в проблематике «маленького человека» являются не только те, кто пострадали от репрессий. Активно изучаются судьбы чекистов, деятелей революционных трибуналов [7], большевиков на местах [8, 9]. К примеру, показательна судьба К.С. Жидялиса [10] — революционера и участника Гражданской войны в Вятской губернии. Описывается его роль в Первой мировой и Гражданской войне, участие в подавлении восстаний и сборе чрезвычайного налога, а также судебное дело по обвинениям в превышении полномочий и насилии над крестьянами. Жидялис представлен как противоречивая фигура — защитник советской власти, вызывавший как поддержку, так и конфликты с населением. В.И. Бакулин также описывает случаи превышения большевиками своих властных полномочий, из его работ можно также увидеть нравы и менталитет того времени [11]. Ю.Н. Тимкин также изучает отдельные биографии коммунистов. Одна из его важных работ посвящена прибалтийским большевикам [12]. Интересной работой является семейная история двух революционеров — семьи Лепсис [13]. На основе архивов и публикаций исследуется их работа в ВЧК, особенности семейной жизни и психологические аспекты жизни в раннем советском обществе. Через биографию и перемещения по регионам раскрывается их роль в укреплении советской власти, а также внутренние конфликты и моральные

дилеммы представителей «старого» и «нового» мира в эпоху революции. К слову, биографии чекистов – довольно популярная тема в отечественной историографии [14; 15; 16].

Эти истории отражают часто незаметные, но очень важные стороны истории — личные переживания, страхи, утраты и моральные испытания, которые испытывали жители провинции. Через призму судебно-следственных документов и писем удаётся глубже понять, как насилие и хаос эпохи разрушали не только социальные структуры, но и семейные судьбы, нарушали традиционные связи и мораль.

Таким образом, изучение «маленького человека» позволяет переосмыслить историю революционного и военного времени не только как серию крупных исторических событий и политических процессов, но и как совокупность судьбоносных личных историй, которые в совокупности формируют наше понимание той эпохи. Это способствует более гуманному и правдивому восприятию прошлого, напоминая, что за громкими событиями стоят судьбы реальных людей.

Список литературы

1. Нарский, И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. / И. В. Нарский. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 632 с.
2. Вятская губерния в 1917-1918 гг.: Революция и эволюция региональной политико-управленческой системы: монография / В.И. Бакулин, М.А. Борчина, А.С. Макарова, А.С. Позднякова, Ю.Н. Тимкин. Киров. 2017.
3. Бакулин, В.И., Вычугжанина А.С. Органы чрезвычайной юстиции Вятской губернии в 1918-1922 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2-5. С. 90-99.
4. Позднякова, А.С. Вятская губерния в годы Гражданской войны: чрезвычайные органы власти. Киров, 2018. 320 с.
5. Позднякова, А. С. «Всюду теперь розыски, расстрелы». Документы о «красном» и «белом» терроре из судебно-следственных дел Вятского отделения ЧК на Чехословацком фронте. 1918 г / А. С. Позднякова // Исторический архив. – 2024. – № 5. – С. 192-199. – EDN BJEFTZT.
6. Позднякова, А.С. Конфликт между ВЧК и НКЮ в региональном измерении (Вятская губерния, 1918-1919 гг.) // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов. Материалы II всероссийской научно-практической конференции, посвящённой памяти историка отечественных спецслужб Александра Михайловича Плеханова и 105-летию образования ВЧК. Омск, 2022. С. 186-192.
7. Позднякова, А.С. Деятельность Вятского губернского революционного трибунала в 1918-1922 гг. как фактор стабилизации власти большевиков в регионе. Дисс. ... канд. ист. наук. Киров, 2015. С. 72.
8. Бакулин, В. И. Управление Вятской губернией в 1920 г.: организационный и кадровый аспекты / В. И. Бакулин // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2008. – № 4-1. – С. 48-55.
9. Коробец, А. С. Социокультурный облик руководящих кадров Вятской губернии в конце 1917-1920гг / А. С. Коробец // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2011. – № 2-5. – С. 81-84.

10. Позднякова, А.С. Константин Семенович Жидялис: судьба революционера // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2023. Т. 33. № 3. С. 573-579.
11. Бакулин, В. И. Как боролись с коррупцией в 1922 году (на примере Вятской губернии) / В. И. Бакулин // Россия XXI. – 2011. – № 6. – С. 172-187.
12. Тимкин, Ю. Н. Роль прибалтийских коммунистов в укреплении власти большевиков в 1918-1919 гг. (по материалам Вятской губернии) / Ю. Н. Тимкин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 10-2(60). – С. 183-185.
13. Позднякова, А.С. Обрученные революцией: чекистская семья Лепсис в Вятке (1919 г.) // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2023. Т. 8. № 2. С. 95-101.
14. Алексеева, О.А. От Гражданской войны к Великой Отечественной войне: судьба чекиста П.А. Каруся (по материалам ГМПР) // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные спецслужбы в войнах и вооруженных конфликтах XX века (к 75-летию Великой Победы): материалы XXIII международной научной конференции М., 2019. С. 82-92.
15. Вебер, М.И. Новые факты о биографии чекистки Г.Н. Штальберг // Органы государственной безопасности на защите Отечества. 11-е Уральские военно-исторические чтения, посвященные 100-летию Управления ФСБ России по Свердловской области. Сб. статей. Екатеринбург, 2018. С. 77-85.
16. Солнцев, Н.В. Сабир // Вопросы истории. 2016. № 2. С. 45-52.

ЭХО ВОЙНЫ В МОЕЙ СЕМЬЕ

Автор: Пичикин Дмитрий Валерьевич

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 3 курса Института Садоводства и ландшафтной архитектуры, студент ВУЦ при РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева, mitia.pi4ikin@yandex.ru

Научный руководитель: Карякин Владимир Владимирович

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), преподаватель ВУЦ при РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева, v.karyakin@rgau-msha.ru

Научный руководитель: Гущин Сергей Николаевич

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), преподаватель ВУЦ при РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева, guchinsergei1963@mail.ru

Аннотация: в статье рассказывается о героическом пути участника Великой Отечественной войны, который прошел через суровые испытания военного времени. На основе семейных воспоминаний и архивных документов воссоздается картина подвигов одного из участников войны, его мужества и самоотверженности на полях сражений. Текст затрагивает важные аспекты военного времени: человеческие судьбы, силу духа и несгибаемую волю советских солдат.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; подвиг; фронтовой путь; военное время.

THE ECHO OF THE WAR IN MY FAMILE

Author: Pichikin Dmitry Valeryevic

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), student RGAU-MSHA named after K. A. Timiryazev.Student. Institute of Horticulture and Landscape Architecture, mitia.pi4ikin@yandex.ru

Scientific supervisor: Karyakin Vladimir Vladimirovic

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), lecturer RGAU-MSHA named after K. A. Timiryazev, v.karyakin@rgau-msha.ru

Scientific supervisor: Gushin Sergey Nikolaevic

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), lecturer RGAU-MSHA named after K. A. Timiryazev, guchinsergei1963@mail.ru

Abstract. The article describes the heroic path of a participant in the Great Patriotic War who went through the harsh trials of wartime. Based on family memories and archival documents, a picture of the exploits of one of the participants in the war, his courage and dedication on the battlefields is being recreated. The text touches on important aspects of wartime: human destinies, fortitude, and the indomitable will of Soviet soldiers.

Keywords: The Great Patriotic War; feat; frontline; wartime

22 июня 1941 года, в четыре часа утра, грохот артиллерийских залпов разорвал тишину над западными рубежами Советского Союза. Германия и её союзники начали вторжение, которое позже назовут самой кровопролитной войной в истории. Гитлеровский план «Барбаросса» предусматривал молниеносный разгром СССР, стремительное продвижение танковых колонн вглубь страны и захват ключевых городов — Минска, Киева, Ленинграда, а затем и Москвы. Однако советский народ, несмотря на сложившуюся обстановку: хаос, растерянность, неготовность отразить нападение на границе и трагические потери первых дней - оказался сильнее, чем предполагал враг.

С первых минут войны народ активно включился в борьбу против врага. К моменту нападения гитлеровская армия была одной из самых мощных и хорошо организованных в мире. Вермахт обладал отточенной тактикой «блицкрига», которая позволила ему ранее покорить Польшу, Францию и множество других стран Европы.

Уже в первые часы войны немецкие самолёты уничтожили сотни советских самолётов прямо на аэродромах. Артиллерийские удары и прорывы механизированных частей обрушились на Красную армию, которая не успела подготовиться к такому натиску. Западные приграничные округа оказались в сложной критической ситуации. Крупнейшие города и стратегически важные объекты подверглись массированным атакам авиации немцев.

В первые недели войны советские войска были вынуждены отступать под натиском превосходящего противника. Немцы стремительно продвигались к Смоленску, Киеву и Ленинграду. Уже к началу июля немецкие войска заняли Минск, а к августу подошли к Ленинграду и Киеву. Несмотря на стойкость советских бойцов, недостаток координации в действиях войск, нехватка боеприпасов, проблема со связью приводили к большим потерям.

Особенно трагичной стала судьба войск в Киевском котле. В сентябре 1941 года здесь в окружение попало более 600 тысяч советских солдат. Это стало одним из крупнейших поражений Красной армии в войне после проигрыша в приграничных сражениях. Тем не менее, упорное сопротивление советских войск замедляло продвижение врага.

Ключевым эпизодом лета 1941 года стало Смоленское сражение. Несмотря на значительные потери, Красная армия сумела задержать продвижение противника. Советские бойцы проявили невероятное мужество, сдерживая врага ценой своих жизней. Это дало время для подготовки к обороне Москвы.

Осенью немецкие войска развернули наступление на столицу СССР. Началась операция «Тайфун» — попытка захватить Москву немецкими войсками до наступления холодов. Бои под городами Вязьмой и Брянском стали одними из самых кровавых. Оборона Москвы строилась в спешке: в бой отправляли всё, что было — от регулярных частей и курсантов военных училищ до народного ополчения, состоявшего из рабочих, студентов, интеллигенции.

Наступление врага продолжалось, но уже в ноябре немецкие колонны увязли в грязи, а затем и в снегах. Мороз, нехватка снабжения и стойкость советских солдат привели к тому, что в декабре Красная армия перешла в контрнаступление. Битва за Москву завершилась поражением немцев, что стало первым крупным успехом СССР в войне. Враг был отброшен от столицы на 150-250 километров.

Одним из участников и свидетелем тех трагических событий был, мой прадед, Глубоков Степан Борисович. До начала Великой Отечественной войны он был обычным советским человеком. Он родился в 1913 году в Москве, с детства привык, что жизнь не легка: послевоенная разруха после Гражданской войны, коллективизация, индустриализация — всё это требовало от людей терпения, выносливости и готовности к переменам. Как и многие его ровесники, он закончил техническое училище, в двадцатилетнем возрасте прошел военную службу, стал минометчиком. После военной службы трудился на благо страны на Черемушкинском заводе Москвы по производству кирпича, верил в светлое будущее и даже не мог

предположить, что вскоре ему предстоит схватка за свою Родину с самым сильным и коварным врагом – фашистской Германией.

Первые дни Великой Отечественной войны были наполнены тревогой, советские люди до конца не могли поверить и осознать, что жестокий враг напал на страну. Степан Борисович, как и многие, ждал повестку. Он получил её 7 июля 1941 года. В этот день его жизнь круто изменилась — он стал солдатом Красной армии, защитником своей родины.

Местом сбора стал военкомат Дзержинского района в Москве. В те дни город жил в напряжённом ритме: на вокзалах толпились мобилизованные, на заводах шла круглосуточная работа, по улицам маршировали новобранцы [1, с. 558]. Степан Борисович был зачислен в 5-ый стрелковый корпус, 86 стрелковой дивизии в минометную батарею, рядовым. Он был миномётчиком – солдатом, от которого зависела поддержка пехоты и успех наступления. Миномётная батарея – это постоянное напряжение, необходимость быстро менять позиции, не давая противнику засечь координаты [2, с. 40]. Это тяжёлый труд – таскать тяжёлые ящики с минами, готовить орудие к бою, стрелять в условиях, когда каждая секунда могла стоить жизни. Иногда приходилось вести огонь по приближающемуся противнику, когда между нашими бойцами и немцами оставались считанные метры. А иногда – уничтожать вражеские укрепления, находясь под ответным обстрелом.

В июле 1941 года он и его дивизия оказалась под Киевом, где Красная армия изо всех сил пыталась сдержать натиск противника. Немцы наступали стремительно, нанося удары с воздуха, применяя тяжёлую артиллерию и танки. Киевская оборонительная операция длилась два с лишним месяца – с 7 июля по 26 сентября. Это была одна из самых трагических страниц начального периода войны. Немцы сумели окружить огромную группировку советских войск, отрезав пути отхода. Степан Борисович оказался в этом аду – сражался в условиях нехватки боеприпасов, еды, без сна и отдыха. Миномёты работали без остановки, прикрывая отступление советских частей. Но ситуация становилась всё хуже – связи с командованием практически не было, линии снабжения прерваны, а враг наступал со всех сторон.

Отход из-под Киева стал настоящим испытанием. Кого-то взяли в плен, кто-то погиб в окружении, немногим удалось вырваться. Степану Борисовичу повезло – он выбрался вместе с небольшой группой бойцов. Отступали через леса, избегая встреч с немецкими патрулями. Сильно выматывала усталость, хотелось есть, но главное – нельзя было попадаться врагу. Когда наконец удалось соединиться с отступавшими частями Красной армии, было понятно – война только начинается, и впереди ещё много сражений [3, с. 80].

После Киева его воинскую часть перебросили под Таганрог. Здесь ситуация была не лучше – враг наступал, пытаясь выйти к Азовскому морю. Бои шли за каждую высоту, за каждую деревню. Миномётчики Степана Борисовича играли важную роль – они накрывали огнём немецкие позиции, помогая пехоте сдерживать врага. Иногда приходилось стрелять по приблизившемуся противнику буквально в упор. Ночами они меняли позиции, чтобы избежать ответного огня. Днём – снова бой, снова натиск немцев, снова усталость, но сдаваться было нельзя.

К лету 1942 года стало ясно – Красная армия терпит поражение за поражением. Южный фронт, в составе которого воевал Степан Борисович, расформировали, а его части передали Северо-Кавказскому фронту. Здесь его определили в 308-й стрелковый полк 108-й гвардейской дивизии. Война продолжалась, и ему предстояло пройти через ещё более тяжёлые испытания.

В минуты затишья он писал домой, но не жаловался – не хотел, чтобы семья волновалась [4, с. 220]. В его письмах никогда не было упоминаний о голоде, смертях и ужасах войны. Он писал, что у него всё в порядке, что скоро Красная армия пойдёт в наступление и разобьёт врага. Он знал, что нельзя терять веру – ни самому, ни родным, которые ждали его дома. Но в душе прадед, конечно, переживал. Он не мог рассказать о том, как под обстрелами приходилось терять близких товарищей, как после каждого боя оставалось всё меньше знакомых лиц. Он не писал, как тяжело было видеть израненных солдат, которые стонали в ожидании медсанбата, и как сложно было не обращать внимания на смерть, ставшую привычной. Вместо этого он спрашивал, как дела дома, как здоровье матери, не болеют ли младшие братья и сёстры. Ему хотелось хоть на мгновение почувствовать, что жизнь продолжается, что где-то далеко, за линией фронта, всё ещё есть мирное небо, детский смех, запах хлеба из печи. В каждой строчке его писем сквозила тоска по дому, но он не позволял себе сломаться, потому что знал – если он сдастся, если дрогнет его вера, то враг победит.

Летом 1942 года ситуация резко изменилась. Немецкое командование начало новое масштабное наступление — операция «Блау». Немецкие войска стремились прорваться на Кавказ, захватить Сталинград и выйти к Волге, чтобы перерезать транспортную водную артерию.

В июле 1942 года немецкие части рвались к Владикавказу и Грозному, планируя взять под контроль нефтяные месторождения. В этих условиях советским войскам приходилось срочно организовывать оборону. Части, в которых воевал мой прадед, были переброшены в район ожесточённых боёв на краснодарском направлении.

Начало 1943 года стало переломным моментом в Великой Отечественной войне. После поражения под Сталинградом немецкая армия утратила

стратегическую инициативу. Красная армия перешла в наступление по всему фронту. Северо-Кавказский фронт, в составе которого воевал Степан Борисович, получил задачу отбросить противника от Кавказа, не дать ему удержаться в этом важном регионе.

Несмотря на то, что летом 1943 года Красная армия одержала победу в Курской битве, сломав последние надежды Вермахта на перелом в войне. В это время на Северо-Кавказском фронте продолжались бои. Немецкие части всё больше отступали, но делали это организованно, устраивая укрепленные линии обороны. Советским солдатам приходилось штурмовать их одну за другой, теряя товарищей в каждом бою [5, с. 28].

Осенью 1943 года Красная армия окончательно очистила Северный Кавказ от немецких войск [6, с. 9]. Некоторые страны Востока изменили вектор своей политики. Иран, в частности, даже объявил войну Германии [7, с. 74].

В своем письме из полевого госпиталя Степан Борисович писал, что во время одного из боёв на Таманском полуострове в октябре [8, с. 135] 1943 года Степан Борисович получил тяжёлое ранение в ноги. Установлено, что осколки артиллерийского снаряда раздробили кости, оставив его практически без возможности передвигаться. В условиях боя его нельзя было сразу эвакуировать, и он остался на поле, в окружении разрушенных укреплений и тел погибших товарищей. Но даже тогда он не сдался. Несмотря на страшную боль и кровопотерю, он начал ползти к своим, опираясь только на руки. Каждый метр давался невероятным усилием. Возможно, он провёл так долгие часы, а может, и несколько суток. Он понимал: если останется – умрёт, а значит, у него был только один выбор – двигаться вперёд, несмотря ни на что. Когда его наконец нашли, состояние было критическим. Инфекция уже распространилась по организму – в условиях фронтовых условий спасти его было практически невозможно. В полевом госпитале врачи сделали всё, что могли, но развитие сепсиса было неизбежным.

2 ноября 1943 года Глубоков Степан Борисович скончался.

Его похоронили в братской могиле под Славянском-на-Кубани, в Краснодарском крае. Возможно, его имя не стало широко известным, но для родных и товарищей он навсегда остался примером стойкости и мужества. Он был награждён двумя медалями «За отвагу» – скромными, но заслуженными наградами, которые говорят о его храбрости лучше любых слов.

Эта история – одна из миллионов подобных, но каждая из них по-своему важна, поскольку они раскрывают дух и характер наших воинов. Ведь война – это не только глобальные битвы, но и судьбы простых солдат, которые сделали всё возможное для победы.

Список литературы

1. Кель, И. Г. Трудовая армия в годы Великой Отечественной войны / И. Г. Кель // Россия молодая: Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием, Кемерово, 21–24 апреля 2015 года. – Кемерово: Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, 2015. – С. 557. – EDN UKVASZ
2. Пути и методы повышения эффективности занятий по военной подготовке в военном учебном центре / А. В. Лапаев, М. Ю. Конкин, А. Ю. Фомин [и др.] // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития: Материалы международной научно-практической конференции, Красноярск, 16–18 апреля 2024 года. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2024. – С. 27-31. – EDN XIMNKM.
3. Макин, С. Г. Управление подразделениями в мирное время / С. Г. Макин, М. Ю. Конкин, С. Н. Гуцин. – Москва: Российский государственный аграрный университет - МСХА им. К.А. Тимирязева, 2020. – 79 с. – EDN FCOVJX.
4. Хисамутдинова, Р. Р. Фронтовые письма периода Великой Отечественной войны как уникальный источник для изучения внутреннего мира человека на войне / Р. Р. Хисамутдинова // Россия в условиях кризисов XIX-XX веков: Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Русской революции 1917 г. и 75-летию начала Сталинградской битвы. В 2-х томах, Оренбург, 20–21 апреля 2017 года / Научный редактор Р.Р.Хисамутдинова. Том 2. – Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2017. – С. 214-221. – EDN YREUSL.
5. Гуцин, С. Н. Психология жертвы как угроза социальной, экономической и политической стабильности / С. Н. Гуцин // Национальная безопасность Российской Федерации: новые вызовы и перспективы: Сборник трудов, приуроченных к Всероссийской научно-практической конференции военного учебного центра Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К. А. Тимирязева, Москва, 09 декабря 2024 года. – Москва: Издательство «Научный консультант», 2024. – С. 27-30. – EDN NXUBEV.
6. Черкасова, И. Ю. Особенности военной мифологии: эхо битвы за Москву в сражении за Кавказ / И. Ю. Черкасова // Былые годы. Черноморский исторический журнал. – 2007. – № 2(4). – С. 7-10. – EDN KXSFET.
7. Оришев, А. Б. Особенности модернизации Ирана при Реза-шахе Пехлеви / А. Б. Оришев // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2009. – № 6. – С. 74-83. – EDN LDEVFF.
8. Линец, С. И. Госпитальная база Кавказских Минеральных Вод в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) / С. И. Линец; С. И. Линец. – Пятигорск: Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 2010. – 135 с. – ISBN 978-5-4220-0001-2. – EDN QLYGSJ.

РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (1917–1922): ОБЗОР СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Автор: Раковский Артем Дмитриевич

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса Института экономики и управления АПК, artem.rackoff@gmail.com, ORCID: 0009-0003-9279-1128

Автор: Строков Владислав Андреевич

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса Института экономики и управления АПК, vladstrokov2006@mail.ru, ORCID: 0009-0004-8595-5195

Научный руководитель: Оришев Александр Борисович

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), доктор исторических наук, доцент, Orishev71@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье анализируется современное состояние отечественной историографии по теме развития Дальнего Востока во время Гражданской войны в России в 1917–1922 гг. Особое внимание уделяется ее основным исследовательским направлениям. Приводятся и характеризуются работы отечественных историков, связанные с развитием дальневосточного региона России в годы Гражданской войны. Основной научный результат заключается в том, что современная российская историография по этой теме отличается от советской. Историки подробно рассмотрели политические проблемы на Дальнем Востоке, влияние интервенции Антанты и ее стран-союзниц на развитие региона, роль партизанского движения в событиях Гражданской войны на Дальнем Востоке, а также дали общую характеристику развития региона в 1917–1922 гг.

Ключевые слова: Гражданская война в России; интервенция; Дальний Восток; Восточный фронт; Антанта

THE DEVELOPMENT OF THE FAR EAST DURING THE RUSSIAN CIVIL WAR (1917–1922): MODERN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY'S REVIEW

Author: Artem Dmitrievich Rakovsky

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street, 49), 1st year student of the Institute of Economics and management in agribusiness, artem.rackoff@gmail.com, ORCID: 0009-0003-9279-1128

Author: Vladislav Andreevich Strokov

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street, 49), 1st year student of the Institute of Economics and management in agribusiness, vladstrokov2006@mail.ru, ORCID: 0009-0004-8595-5195

Scientific supervisor: Orishev Aleksandr Borisovich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Orishev@mail.ru

Abstract. This article analyzes the current state of Russian historiography on the development of the Far East during the Russian Civil War in 1917–1922. Special attention is paid to its main research directions. The studies of Russian historians related to the development of the Russian Far Eastern region during the Civil War are presented and characterized. The main scientific result is that modern Russian historiography on this topic differs from Soviet historiography. The historians examined in detail the political problems in the Far East, the impact of the intervention of the Entente and its allied countries on the development of the region, the role of the partisan movement in the events of the Civil War in the Far East, and also gave a general description of the development of the region in 1917–1922.

Key words: Civil War in Russia; intervention; Far East; Eastern Front; Entente

Развитие Дальнего Востока в различные исторические периоды остается одним из важных научно-исследовательских приоритетов отечественных историков. Среди наиболее важных периодов при этом является 1917–1922 гг., когда Дальний Восток переживал Гражданскую войну. Это было обусловлено тем, что внутрироссийский конфликт в дальневосточном регионе имел свои особенности. Сложная география, особый социальный состав населения, внешнеполитические факторы и военно-стратегическое значение создали уникальную ситуацию, отличную от Гражданской войны в

других российских регионах. Экономическая ситуация на Дальнем Востоке характеризовалась значительными трудностями: острым дефицитом продовольствия и промышленных товаров, а также значительными транспортными проблемами.

Ввиду этого тема развития Дальнего Востока во время Гражданской войны в 1917–1922 гг. вызывала и продолжает вызывать интерес отечественных историков и получила широкое исследовательское распространение в современной российской историографии. Цель настоящей статьи заключается в анализе современного состояния данной историографии. В этом контексте в работе перечисляются основные исследовательские направления, которые выделяются в историографии, с характеристикой работ историков.

В настоящее время выделяются три исследовательские направления в современной отечественной историографии развития Дальнего Востока во время Гражданской войны в России в 1917–1922 гг.: политическая ситуация на Дальнем Востоке, партизанское движение, а также интервенция Антанты и ее стран-союзниц в этом регионе.

Первое направление отражено в работах Н.А. Бутенина, Н.Д. Бутениной [1], В.Л. Землянского [2], Л.И. Галлямовой [3] и Д.А. Ляхова [4]. В статье Н.А. Бутенина и Н.Д. Бутениной описывается значительное влияние германской опасности для России до и после Брестского мира на политическую динамику в дальневосточном регионе в ранний период Гражданской войны. В этом контексте авторы обращают внимание: «идея создания восточного фронта против Германии, спровоцированная Брестским миром и реализованная благодаря выступлению чехословацкого легиона, не только сплотила союзников для открытой интервенции, но и стала катализатором гражданской войны на востоке России, способствовала вовлечению в военное противостояние новых контингентов» [1, с. 63].

В работе В.Л. Землянского рассматривается деятельность Временного Народного собрания Дальнего Востока, которая имела значение в контексте объединения областей региона и улучшение экономического положения.

Интересной работой представляется статья Л.И. Галлямовой. Она описывает процесс обострения социально-политической ситуации в регионе и характеризует факторы дальневосточного гражданского конфликта. «имели место и дипломатическое давление, и участие в подготовке сопротивления советской власти, и оказание помощи местным контрреволюционным организациям, и угрозы открытого вмешательства и ввода иностранных войск. Все это существенно осложняло политическое положение на Дальнем Востоке, завершившись в итоге не только гражданской войной, но и

открытой иностранной интервенцией, принесших дальневосточникам многочисленные беды и разрушения», – отмечает Л.И. Галлямова [3, с. 20].

Другой исследователь – Д.А. Ляхов – выделяет из политических событий, имевших значение для развития Дальнего Востока, деятельность Приамурского Земского Собора в июле-августе 1922 г. Собор был известен тем, что на нем решался вопрос о «будущем региона с рассмотрением альтернативных моделей политического устройства, принципиально отличавшихся друг от друга» [4, с. 43]. В конечном итоге работа Собора завершилась избранием М.К. Дитерихса Правителем Приамурского государственного образования. Это было важное событие завершающего этапа Гражданской войны на Дальнем Востоке, но оно не могло изменить военно-политическую ситуацию в регионе в пользу белых сил и остановить наступление войск Дальневосточной республики.

Отдельным исследовательским направлением по теме развития Дальнего Востока в годы Гражданской войны в России является история партизанского регионального движения. В работах Н.А. Бутенина, Н.Д. Бутениной [5] и В.Г. Хитрого [6] описываются характер, движущие силы, основные события партизанского движения в этом регионе.

Важное влияние на развитие Дальнего Востока в 1917 – 1922 гг. имела интервенция стран Антанты и ее стран-союзниц в этом российском регионе. Эта тема является приоритетным исследовательским направлением в историографии, поскольку влияние интервентов на динамику дальневосточных событий было значительным, в ряде случаев – решающим. А.Б. Волынчук и Я.А. Фролова отмечают геополитическую ценность Дальнего Востока для стран-интервентов в контексте решения их национальных задач [7]. Другие исследователи, такие как А.О. Крылов и С.О. Чумин, считают, что «В течение всего периода интервенции и США, и Япония старались придерживаться собственных планов в отношении Дальнего Востока и то и дело претендовали на интересы другой стороны, что вызывало закономерные дипломатические, политические и даже вооруженные конфликты. Действия двух держав в России объединял лишь захватнический характер, а конечные цели у каждой из них были свои, и привести к согласию обе стороны было просто невозможно» [8, с. 11]. Если рассмотреть работу В.А. Гельмана относительно японской интервенции на Дальнем Востоке, то вмешательство японцев способствовало частичному захвату необходимых природных ресурсов Дальнего Востока. Хотя Япония потерпела неудачу, тем не менее она нанесла значительный ущерб развитию региона [9].

Наряду с изучением истории американской и японской интервенции на Дальнем Востоке важное место занимает также изучение британской

политики интервенции. Эта тема активно исследуется С.А. Миронюком. В его работах анализируется роль британцев в планировании, подготовке и организации общесоюзной интервенции Антанты на Дальнем Востоке; мотивы, побудившие британцев проводить политику вмешательства и оказывать поддержку белогвардейским силам на Дальнем Востоке; конечные результаты интервенции Великобритании; содержание британских официальных документов [10; 11; 12; 13; 14; 15].

Таким образом, современная отечественная историография развития Дальнего Востока во время Гражданской войны в России (1917–1922) имеет важные отличительные особенности от предшествующей, советской, историографии. Если советская историография обращала внимание на классовую ситуацию в регионе и империалистические захватнические намерения стран Антанты и их стран-союзниц, то современная российская изменила подходы к изучению проблемы и использовала рассекреченные документы советского и белогвардейских правительств. Нынешние историки рассматривают вопросы, связанные с политическими проблемами на Дальнем Востоке, влиянием интервенции на этот регион, роль партизанского движения в событиях Гражданской войны на Дальнем Востоке и общей характеристикой развития региона в 1917–1922 гг. Также они фокусируются на малых социальных группах и деятелях обоих противоборствующих лагерей.

Исследования современных российских авторов позволяют увидеть регион не только как арену военных действий, но и как пространство жизни людей: даже в самых тяжелых обстоятельствах люди сохраняли человечность, имели свои интересы и заботы. Одновременно с этим на общее развитие Дальнего Востока имела победа РСФСР в Гражданской войне, которая во многом была обусловлена ее способностью опираться на более широкие социальные слои и использовать геополитическое и логистическое преимущество центра России. Важную роль сыграло также умение маневрировать и использовать противоречия противников в своих интересах.

Современный историографический обзор демонстрирует сложность и многоплановость исторического процесса развития Дальнего Востока в 1917–1922 гг., где военные действия являются лишь одной из составляющих более широкой картины социально-политического, экономического и культурного развития региона.

Список литературы

1. Бутенин Н.А., Бутенина Н.Д. «Германская карта» в политической борьбе на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 - ноябрь 1918 гг.) // Известия Восточного института. 2016. № 1(29). С. 56-66.

2. Землянский В.Л. Временное Народное собрание Дальнего Востока: основные вехи деятельности первого дальневосточного парламента // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3(54). С. 85-95. DOI 10.24866/1998-6785/2020-3/85-95
3. Галлямова Л.И. Гражданская война и военная интервенция в России в региональном измерении: российский Дальний Восток // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. Т. 19. С. 9-22.
4. Ляхов Д.А. Решение вопроса о власти на территории Белого Приморья (Приамурский Земский собор, июль-август 1922 г.) // Казанская наука. 2013. № 9. С. 43-47.
5. Бутенин Н.А., Бутенина Н.Д. Партизанское движение на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны (итоги и перспективы изучения) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 3(19). С. 5-11.
6. Хитрый В.Г. Роль партизанского движения в борьбе против японской интервенции на Дальнем Востоке в 1918-1920 гг. // Военно-исторический журнал. 2009. № 10. С. 14-19.
7. Волынчук А.Б., Фролова Я.А. Столкновение геополитических интересов на российском Дальнем Востоке в годы гражданской войны и интервенции // Россия и АТР. 2010. № 3(69). С. 32-41.
8. Крылов А.О., Чумин С.О. Влияние отношений между США и Японией на ход интервенции Антанты на Дальнем Востоке // Гуманитарный вестник. 2022. № 5(97). DOI 10.18698/2306-8477-2022-5-799.
9. Гельман В.А. Японская интервенция на Дальнем Востоке России // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2023. № 1. С. 12-19. DOI 10.18101/2305-753X-2023-1-12-19
10. Миронюк С.А. Борьба с большевизмом как фактор формирования политики интервенции после Компьенского перемирия (по документам Военного Кабинета министров Великобритании ноября – декабря 1918 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 70. С. 83-88. DOI: 10.17223/19988613/70/12
11. Миронюк С.А. Британская политика интервенции в России (ноябрь 1917 г. - декабрь 1919 г.) как фактор Гражданской войны: этапы и особенности // Исторический вестник. 2024. Т. 47. С. 318-381. DOI 10.35549/HR.2024.2024.47.010
12. Миронюк С.А. Изменения в политике предоставления британской помощи белым силам в Сибири и на Юге России в июле 1919 г. и их причины (на основе протокола заседания Военного Кабинета министров от 25 июля 1919 г.) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 11. С. 1-10. DOI 10.25136/2409-868X.2019.11.31244
13. Миронюк С.А. Интеллектуальное обеспечение интервенции в Россию в записках британских генералов Г. Вильсона и Ф. Пуля // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 2(29). С. 116-139. DOI 10.24412/2409-1413/2022-2-116-140
14. Миронюк С.А. Контроль над Транссибирской железной дорогой как мотив участия Британии в союзной интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири в 1917-1919 гг. и ее роль в этой операции (на основе меморандума Дж.Н. Керзона “Сибирь” от 20 декабря 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 458. С. 153-159. DOI 10.17223/15617793/458/19
15. Миронюк С.А. Обсуждение японской интервенции на Дальний Восток и в Сибирь в Палате общин Великобритании 14 марта 1918 г. как событие британской

политики интервенции в России // Genesis: исторические исследования. 2023. № 6. С. 54-64. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.6.43439

УДК 930.1(470)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТИМИРЯЗЕВСКОЙ АКАДЕМИИ

Автор: Сидорина Елизавета Евгеньевна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет–МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студентка 1 курса, институт экономики и управления АПК, lizasssss123@gmail.com

Научный руководитель: Шерстюк Максим Витальевич

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, maxim99@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена основным направлениям исторических исследований Тимирязевской академии, охватывающим разнообразные темы. На данный момент интерес к этим исследованиям достаточно ограничен, поэтому данная работа направлена на привлечение внимания к их значимости и актуальности в контексте современной научной дискуссии. В статье рассматриваются ключевые исследования, представленные в ряде публикаций, включая работы ведущих ученых и преподавателей РГАУ МСХА им. К.А. Тимирязева, таких как А.Б. Оришев, С.А. Миронюк, Е.И. Гончарук и А.Б. Грачев. Главный научный результат статьи заключается в демонстрации научной значимости трудов тимирязевских историков и их вклада в развитие современной исторической науки, а также в необходимости более глубокого анализа и популяризации их исследований.

Ключевые слова: Тимирязевская академия; исторические исследования; научная значимость; современная историческая наука

HISTORICAL RESEARCH AT THE TIMIRYAZEV ACADEMY

Author: Sidorina Elizaveta Evgenievna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), 1st year student, Institute of Economics and Management of the Agroindustrial Complex, lizasssss123@gmail.com

Scientific supervisor: Sherstyuk Maxim Vitalievich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, maxim99@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the main areas of historical research at the Timiryazev Academy, covering a variety of topics. At the moment, interest in these studies is quite limited, so this work is aimed at drawing attention to their significance and relevance in the context of modern scientific discussion. The article examines key research presented in a number of publications, including the work of leading scientists and teachers of the Russian State Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev, such as A.B. Orishev, S.A. Mironyuk, E.I. Goncharuk and A.B. Grachev. The main scientific result of the article is to demonstrate the scientific significance of the works of Timiryazev historians and their contribution to the development of modern historical science, as well as the need for a deeper analysis and popularization of their research.

Keywords: Timiryazev Academy; historical research; scientific significance; modern historical science

Исторические исследования, проводимые в Российской государственной аграрной академии — МСХА имени К.А. Тимирязева, охватывают широкий круг тем и проблем, отражающих как отечественную, так и зарубежную историю.

Большой вклад в развитие исторической науки вносят исследования А.Б. Оришева (в соавторстве с А.А. Мамедовым). Так, в статье «Ислам в Европе: к истории проникновения» [1] рассматривается процесс проникновения ислама в Европу. Авторы подчеркивают, что процесс исламизации является сложным и многогранным. Они исследуют причины, которые способствовали этому явлению, а также анализируют сложные и зачастую противоречивые отношения между двумя культурами: западноевропейской христианской и восточной мусульманской, тем самым актуализируя проблему культурной интеграции. Тема исламизации продолжена в его работе «Ислам в Европе: первые волны исламизации» [2], где внимание уделено ранним этапам взаимодействия мусульманских народов и европейского мира и их влияниям на европейскую цивилизацию. Также в статье отмечается, что исламизация оказала значительное влияние на культурное, религиозное и политическое развитие континента.

В области религиоведения стоит отметить работу А.Б. Оришева, А.А. Мамедова и Л.П. Шиповской под названием «Зороастризм: формирование религиозного сознания» [3]. В этой статье рассматривается влияние зороастризма на развитие религиозной мысли человечества. В статье говорится о том, что, несмотря на его глубокую философскую природу, зороастризм не стал мировой религией, так как не распространялся

насильственным образом и оставался в основном внутренней верой иранского народа. Тем не менее, авторы приходят к выводу, что зороастрийское религиозное сознание сыграло значимую роль в экономической и духовной жизни этого народа.

В работе «Дуализм зороастризма и проблемы морального выбора в религиозном сознании талышского народа» [4] рассматриваются философские и этические аспекты зороастризма и его влияние на идентичность талышского народа. Авторы подчеркивают, что религиозное сознание этого народа развивалось под воздействием зороастрийских идей, особенно в отношении личной ответственности и свободы выбора между добром и злом. Также отмечается, что концепция дуализма в зороастризме, которая акцентирует внимание на свободе воли и моральной ответственности, оказала значительное влияние на формирование религиозных взглядов талышского народа, где важны личный выбор и стремление к добру.

Можно выделить отдельный раздел исследований, который сосредоточен на истории внешней политики.

С.А. Миронюк в своих исследованиях рассматривает сложные аспекты политических отношений между странами в период интервенции и революционных событий.

Статья «Контроль над Транссибирской железной дорогой как мотив участия Британии в союзной интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири в 1917–1919 гг.» [5] посвящена анализу роли Великобритании в союзной интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири в 1917–1919 гг., с акцентом на стратегическое значение Транссибирской магистрали, основанному на документе Дж.Н. Керзона.

В статье «Обсуждение японской интервенции на Дальний Восток» [6] рассматривается обсуждение, состоявшееся 14 марта 1918 года в Палате общин Великобритании, касающееся японской интервенции в России, в частности на Дальнем Востоке и в Сибири. Основной вывод исследования заключается в том, что, хотя среди членов Палаты общин не было единого мнения по этому вопросу, Военный Кабинет заметил тенденцию к поддержке японского вмешательства в эти российские регионы.

В работе «Борьба с большевизмом как фактор формирования политики интервенции» [7] изучаются изменения в политике Военного Кабинета министров Великобритании по отношению к России после Компьенского перемирия 1918 года. В это время разрабатывалась новая концепция интервенции, учитывающая угрозы миру, особенно «большевизм», который стал основным фактором британского подхода к России.

Анализ меморандума Форин Офиса от 15 апреля 1919 года, представленный С. А. Миронюком в статье «Российско-китайские отношения в XVII — начале XX вв.» [8] показывает, что российско-китайские отношения всегда были неоднозначными и характеризовались чередованием сближений и охлаждений. Британская разведка уже в 1919 году оценила эти отношения как стратегически важные, но нестабильные.

Тематикой Гражданской войны в академии занимается также А.С. Позднякова. Основной ее интерес связан с историей чрезвычайных органов власти, которые функционировали в Вятской губернии, одной из самых больших по территории губерний того времени [9]. К примеру, монография «Вятская губерния в 1917-1918 гг.: Революция и эволюция региональной политико управленческой системы» посвящена становлению советской власти в регионе [10]. Особое внимание А.С. Позднякова уделяет изучению советской судебной системы, а именно ЧК [11] и революционным трибуналам [12, 13]. Помимо репрессивной тематики А.С. Позднякова изучает советскую повседневность, а именно борьбу с эпидемиями [14], уголовным бандитизмом [15], дезертирством [16]. Основное внимание в ее работах сосредоточено на проблеме выживания человека в годы революции и Гражданской войны.

Особый интерес вызывают труды Е.И. Гончарука, в которых он подробно изучает региональную историю Донбасса.

В статье «Роль английского капитала в развитии индустрии Донбасса XIX века» [17] подчеркивается значительное влияние английских инвестиций, особенно деятельности Джона Юза, на формирование индустриального центра Донбасса — поселка Юзовка, который сейчас известен как Донецк. Автор анализирует развитие промышленности в этом регионе, создание необходимых инфраструктурных объектов и социальные изменения, произошедшие в XIX веке. Также акцентируется внимание на предпосылках возникновения поселка и обсуждениях его статуса в конце XIX века.

В статье «Вклад донецких историков-фронтовиков в исследование событий Великой Отечественной войны на Донбассе» [18] рассматривается работа историков, которые, имея опыт войны, изучали её события, особенно в контексте защиты региона. Также подчеркивается их роль в сохранении исторической памяти о войне и в подготовке документальных и научных исследований, посвященных борьбе на Донбассе.

В статье «Становление высшего гуманитарного образования в Донбассе» [19] отмечается история гуманитарного образования в этом регионе с момента его возникновения. Описываются основные этапы развития и создание учебных заведений. Особое внимание уделяется формированию

образовательных программ и подготовке преподавателей, что стало важным фактором для развития гуманитарных наук в Донбассе.

Кроме того, значительное внимание заслуживают исследования А. Б. Грачева.

В своей работе (в соавторстве с Н.А. Пичужкиным и М.В. Шерстюк) «Распространение аграрных знаний через образцовые фермы во второй четверти XIX века» [20] он исследует, как образцовые фермы способствовали распространению аграрных знаний в этот период, и подчеркивает, что такие фермы играли ключевую роль в внедрении новых технологий и методов ведения сельского хозяйства среди крестьян, помогая им улучшать свои навыки и повышать эффективность работы на земле.

В статье В. Н. Тарасенко, А. Б. Грачева и А. Б. Оришева «Основные причины катастрофы польского государства во Второй мировой войне» [21] рассматривается геополитическая ситуация перед войной, которая привела к ослаблению Польши и её неспособности эффективно защитить свои границы.

Отдельно хочется отметить книгу «История России» под редакцией А. Б. Оришева, А. Б. Грачева и С. А. Миронюка [22]. Она охватывает ключевые этапы развития страны от древних времен до современности и предназначена для широкой аудитории, включая студентов и преподавателей вузов, особенно тех, кто занимается историей и социальными науками, а также для исследователей и историков.

Таким образом, исторические исследования в Тимирязевской академии охватывают разнообразные темы, объединённые научным подходом, обширной источниковедческой базой и стремлением к объективности. Ученые РГАУ МСХА значимо способствуют развитию российской и мировой историографии, закладывая надежную научную основу для будущих поколений исследователей.

Список литературы

1. Оришев, А. Б. Ислам в Европе: к истории проникновения / А. Б. Оришев, А. А. Мамедов // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 6. – С. 302-312. – EDN TBGBYD.
2. Оришев, А. Б. Ислам в Европе: первые волны исламизации / А. Б. Оришев // Запад-Россия-Восток. Археология. История. Философия. Юриспруденция. – 2013. – № 1-2. – С. 39-44. – EDN RNDWBN.
3. Мамедов, А. А. Зороастризм: формирование религиозного сознания / А. А. Мамедов, А. Б. Оришев, Л. П. Шиповская // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 9-5. – С. 1140-1143. – EDN PCLJWP.
4. Оришев, А. Б. Дуализм зороастризма и проблема морального выбора в религиозном сознании талышского народа / А. Б. Оришев, А. А. Мамедов // Вестник

Московского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 5(67). – С. 123-128. – EDN UOGWVL.

5. МIRONЮК, С. А. Контроль над Транссибирской железной дорогой как мотив участия Британии в союзной интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири в 1917-1919 гг. и ее роль в этой операции (на основе меморандума Дж.Н. Керзона "Сибирь" от 20 декабря 1919 г.) / С. А. МIRONЮК // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 458. – С. 153-159. – DOI 10.17223/15617793/458/19. – EDN NHENXS.

6. МIRONЮК, С. А. Обсуждение японской интервенции на Дальний Восток и в Сибирь в Палате общин Великобритании 14 марта 1918 г. как событие британской политики интервенции в России / С. А. МIRONЮК // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 6. – С. 54-64. – DOI 10.25136/2409-868X.2023.6.43439. – EDN NIOMOW.

7. МIRONЮК, С. А. Борьба с большевизмом как фактор формирования политики интервенции после Компьенского перемирия (по документам военного кабинета министров Великобритании ноября-декабря 1918 г.) / С. А. МIRONЮК // Вестник Томского государственного университета. История. – 2021. – № 70. – С. 83-88. – DOI 10.17223/19988613/70/12. – EDN FAYNFV.

8. МIRONЮК, С. А. Российско-китайские отношения в XVII – начале XX веков в меморандуме департамента политической разведки Форин Офиса «Основные события в отношениях между Россией и Китаем» от 15 апреля 1919 года / С. А. МIRONЮК // Внешнеполитические интересы России: история и современность : Сборник материалов XI Всероссийской научной конференции, Самара, 28 апреля 2023 года / Самарский государственный социально-педагогический университет, Исторический факультет; Тольяттинский государственный университет, Кафедра теории и истории государства и права. – Самара: Общество с ограниченной ответственностью "САМАРАМА", 2023. – С. 122-127. – EDN TZWCXJ.

9. Позднякова, А.С. Вятская губерния в годы Гражданской войны: чрезвычайные органы власти. Киров, 2018. 320 с.

10. Вятская губерния в 1917-1918 гг.: Революция и эволюция региональной политико управленческой системы: монография / В.И. Бакулин, М.А. Борчина, А.С. Макарова, А.С. Позднякова, Ю.Н. Тимкин. Киров. 2017.

11. Бакулин, В.И., Вычугжанина А.С. Органы чрезвычайной юстиции Вятской губернии в 1918-1922 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2-5. С. 90-99.

12. Позднякова, А. С. Деятельность Вятского губернского революционного трибунала в 1918 - 1922 гг. как фактор стабилизации власти большевиков в регионе : специальность 07.00.02 "Отечественная история" : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. 2015. 199 с.

13. Позднякова, А.С. Деятельность Вятского губернского революционного трибунала в 1918-1922 гг. как фактор стабилизации власти большевиков в регионе : специальность 07.00.02 "Отечественная история" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2015. 22 с.

14. Позднякова, А. С., Вычугжанина Е. Ю. Эпидемия сыпного тифа в Вятском исправительном рабочем доме в 1918-1920гг // Вятский медицинский вестник. 2016. № 2(50). С. 65-68.

15. Позднякова, А. С. Уголовные преступления в практике Вятского губернского революционного трибунала в годы Гражданской войны // Genesis: исторические исследования. 2017. № 7. С. 35-42.

16. Позднякова, А. С. Создание и деятельность Вятской губернской комиссии по борьбе с дезертирством в 1919 году // Genesis: исторические исследования. 2018. № 11. С. 56-66. DOI 10.25136/2409-868X.2018.11.27453.
17. Гончарук, Е. И. Роль английского капитала в развитие индустрии Донбасса XIX В / Е. И. Гончарук // Аграрное предпринимательство: история, тренды, горизонты развития: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 09–10 октября 2024 года. – Москва: Российский государственный аграрный университет, 2024. – С. 23-28. – EDN ТТОУVF.
18. Гончарук, Е. И. Вклад донецких историков-фронтовиков в исследование событий Великой Отечественной войны на Донбассе / Е. И. Гончарук // Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: историческая память и вызовы современности : сборник материалов I-й Международной научно-практической конференции, приуроченной к 79-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне, Москва, 25 апреля 2024 года. – Москва: Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, 2024. – С. 82-86. – EDN ННДNRN.
19. Гончарук, Е. И. Становление высшего гуманитарного образования в Донбассе / Е. И. Гончарук // Преподавание истории в школе. – 2024. – № 1. – С. 25-30. – DOI 10.51653/0132-0696_2024_1_25. – EDN АУFУАС.
20. Пичужкин, Н. А. Распространение аграрных знаний через образцовые фермы во второй четверти XIX века / Н. А. Пичужкин, А. Б. Грачев, М. В. Шерстюк // Международный научный журнал. – 2021. – № 4. – С. 61-67. – DOI 10.34286/1995-4638-2021-79-4-61-67. – EDN IPYWYY.
21. Тарасенко, В. Н. Основные причины катастрофы польского государства во Второй мировой войне / В. Н. Тарасенко, А. Б. Грачев, А. Б. Оришев // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2020. – Т. 10, № 2(59). – С. 434-441. – DOI 10.35775/PSI.2020.59.2.025. – EDN YJVLAM.
22. История России / А. Б. Оришев, А. Б. Грачев, С. А. Миронюк [и др.]. – Москва: Российский государственный аграрный университет - МСХА им. К.А. Тимирязева, 2023. – 568 с. – EDN GDVWNS.

ПРОБЛЕМА ДЕЗЕРТИРСТВА В КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Автор: Сильвестрова Варвара Алексеевна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса Института мелиорации, водного хозяйства и строительства имени А.Н. Костякова, var.silvestr@gmail.com

Научный руководитель: Позднякова Анастасия Сергеевна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, chai89@bk.ru

Аннотация. В статье анализируется современное состояние отечественной историографии по проблеме дезертирства во время Гражданской войны в России в 1917–1922 гг. Особое внимание уделяется ее основным исследовательским направлениям. Приводятся и характеризуются работы отечественных историков, связанные с проблемой дезертирства в годы Гражданской войны. Мы пришли к выводу, что современная российская историография по этой теме отличается от советской. Историки подробно изучили причины данного явления, его последствия, особенности в каждом регионе.

Ключевые слова: Гражданская война; советская власть; дезертирство; Красная армия

THE PROBLEM OF DESERTION IN THE RED ARMY DURING THE CIVIL WAR: MODERN HISTORIOGRAPHY

Author: Silvestrova Varvara Alekseevna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), student, A.N. Kostyakov Institute of Land Reclamation, Water Management, and Construction, var.silvestr@gmail.com

Scientific supervisor: Pozdnyakova Anastasiya Sergeevna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), PhD of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, chai89@bk.ru

Abstract. The article analyzes the current state of Russian historiography on the issue of desertion during the Russian Civil War of 1917-1922. Special attention is paid to its main research areas. The article presents and characterizes the works of Russian historians related to the issue of desertion during the Civil War. We conclude that modern Russian historiography on this topic differs from Soviet historiography. Historians have thoroughly studied the causes of this phenomenon, its consequences, and the specific features in each region.

Keywords: Civil War; Soviet power; desertion; The Red Army

Одной из важных тем в историографии Гражданской войны является проблема дезертирства. Статистические данные говорят о том, что за период с октября 1918 г. по апрель 1919 г., когда правительство объявило о мобилизации более 3 млн. человек, не явилось на призывные пункты 917 тыс. человек [1].

В истории изучения темы дезертирства на современном этапе возобладал региональный подход, вышел ряд работ, раскрывающих аспекты дезертирства и борьбы с ним на местах. Одним из серьезных исследователей, которые длительное время занимаются проблемой дезертирства, является А.В. Долгова, которая раскрывает данную тему на материалах Пермской губернии. Автор изучила деятельность комиссий по борьбе с дезертирством в регионе, судебные дела дезертиров, проблемы мобилизации в Красную армию [2,3,4]. Долгова А.В. пишет о том, что Пермская губерния, которая отличалась лесными массивами, была одним из центров скопления дезертиров, борьба с ними отличалась жестокостью и носила затяжной характер. Нехватка финансовых средств, оружия, транспортная проблема, географические и климатические особенности региона осложняли борьбу с дезертирством. Важным выводом А.В. Долговой является то, что дезертирство приводило к распространению бандитизма [5]. Развивая эту мысль, автор пришла к выводу, что борьба с дезертирством, объявленная центром, положила начало конфликту большевиков с деревней. К концу Гражданской войны с мест все чаще стали поступать сведения об убийствах партийных и советских работников, крестьян. Под угрозой оружия бандиты контролировали местные власти и население [6]. А.В. Долгова пишет, что в деятельности органов власти по борьбе с дезертирством не было единого курса. Методом проб и ошибок подавляющее большинство комиссий по борьбе с дезертирством пришло к выводу о применении конфискации имущества в отношении дезертиров, их семей и укрывателей, осуществлении контроля над советскими учреждениями, которые реализовывали данную политику. Помощь семьям красноармейцев как предупредительная мера появилась ближе к окончанию войны и была также признана эффективной. Активная помощь хозяйствам, главным образом семьям красноармейцев,

положительно отражалась на ходе мобилизаций, так как целью большевиков было не казнить провинившихся дезертиров, а заставить их осознанно воевать на стороне Красной армии [7].

Прикамье включало в себя территорию Вятской губернии, которая также была местом скопления дезертиров. Изучением губернской комиссии по борьбе с дезертирством в Вятке занималась А.С. Позднякова [8]. Борьба с дезертирством была одной из важнейших в работе революционного трибунала, данные дела занимали одно из первых мест по количеству дел [9, 10]. В отличие от иных категорий дел бывших дезертиров не заключали в Вятский исправительный рабочий дом, а отправляли вновь на фронт, что было связано с переполненностью мест заключения, эпидемической ситуацией [11], нуждами фронта. Как и А.В. Долгова, А.С. Позднякова отмечает, что с проблемой дезертирства связана и проблема бандитизма, многие бывшие дезертиры занимались разбоем [12].

На Южном Урале проблемой изучения феномена дезертирства занимается С.И. Панькин. Он подробно изучил полномочия комиссий по борьбе с дезертирством в Челябинской губернии. С.И. Панькин предложил классификацию полномочий территориальных комиссий и периодизацию их развития. Автор пришел к выводу, о том, что статус региональных комиссий обуславливался противоречивостью нормативного регулирования деятельности, сложностями взаимодействия с военно-партийными структурами и рядом местных особенностей [13; 14]. В своих работах он исследует методы проведения негласной разведки специальными сотрудниками комиссий по борьбе с дезертирством в целях обнаружения скоплений дезертиров, выявления их намерений и степени организованности, а также возможных контактов с другими повстанческими группами для последующей эффективной борьбы с данным явлением [15].

Проблема дезертирства изучается историками и в северо-западном регионе [16; 17; 18; 19]. Серьезным исследователем по борьбе с дезертирством является К.В. Левшин [20]. Используя серьезный архивный материал, он пришел к выводу, что проблема дезертирства в Красной Армии была во многом унаследована от старой армии, а первые меры по борьбе с этим явлением были бессистемны, не планомерны, зачастую крайне жестоки. Автор пишет, что создание Центральной комиссии по борьбе с дезертирством изначально не принесло результата. Петроградская комиссия по борьбе с дезертирством была создана в феврале 1919 г. Сфера работы данной комиссии была чрезвычайно широка: оперативная, карательная, судебная деятельность, ведение учета и статистики, составление отчетов и донесений, извлечение оружия и амуниции, унесенных дезертирами, наблюдение и контроль местных органов власти на предмет снабжения

и помощи «семьям честных красноармейцев» [20]. Комиссии по борьбе с дезертирством, как пишет К.В. Левшин, использовали различные меры. Одним из действенных являлись облавы, с 1920 г. основная ставка была на экономические меры – конфискацию имущества. В это же время, как указывает автор, налаживалась работа по помощи семьям красноармейцам [21].

Историография проблемы дезертирства активно развивается, в перспективе дальнейших исследований представляется важным углубленное изучение региональных особенностей этого явления. Необходимо отметить, что масштаб дезертирства был значительным. Например, за период с октября 1918 г. по апрель 1919 г. не явились на призывные пункты около 917 тыс. человек из общей численности мобилизованных свыше 3 млн. человек. Методы борьбы с дезертирством включали: создание специальных комиссий по борьбе с дезертирством, применение силовых мер, включая облавы и показательные расстрелы, конфискацию имущества у семей дезертиров и их укрывателей, оказание помощи семьям красноармейцев. Однако эффективность этих методов была ограничена нехваткой ресурсов и организационными проблемами. Исследования показывают, что дезертирство имело региональные особенности. Например, в Пермской губернии борьба с дезертирством отличалась жестокостью и длительностью, а в Вятской губернии применялись разные методы, такие как агитация и добровольная явка.

Таким образом, дезертирство стало серьезной проблемой во время Гражданской войны в России, оказав значительное влияние на ход военных действий и жизнь гражданского населения. Несмотря на попытки властей бороться с этим явлением, оно сохранялось вплоть до конца войны, создавая серьезные трудности для руководства страны.

Список литературы

1. Овечкин В.В. Дезертирство из Красной армии в годы гражданской войны // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 109.
2. Долгова, А.В. Борьба с дезертирством на Урале в годы Гражданской войны // Россия и мир в конце XIX – начале XX века: материалы 2-й всерос. науч. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов (Пермь, ПГУ, 5–9 февраля 2009 г.). Пермь, 2009. С. 101–104.
3. Долгова, А.В. Дезертирство в Красной и Белой армиях в 1917–1922 годах // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2008. Выпуск 7 (23). С. 39–45.
4. Долгова А. В. Причины дезертирства из армии в годы Гражданской войны // Перспективы науки. 2011. № 3 (18). С. 49–54.
5. Долгова А.В. Бандитизм или борьба с дезертирством в 1919–1920-е гг. // Гражданская война на Востоке России: Материалы Всероссийской научной конференции

(г. Пермь, 25-26 ноября 2008 г.) / Пермский государственный архив новейшей истории. Пермь, 2008.

6. Долгова, А. В. Ликвидация бандитизма в Пермской губернии в годы Гражданской войны: Протоколы допросов и показания свидетелей // Вестник архивиста. 2017. № 1. С. 155-170.

7. Долгова, А. В. Помощь семьям красноармейцев как одна из мер борьбы с дезертирством в Пермской губернии в годы Гражданской войны // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. 2017. № 1. С. 98-105.

8. Позднякова, А. С. Создание и деятельность Вятской губернской комиссии по борьбе с дезертирством в 1919 году // Genesis: исторические исследования. 2018. № 11. С. 56-66. DOI 10.25136/2409-868X.2018.11.27453.

9. Позднякова, А. С. Деятельность Вятского губернского революционного трибунала в 1918 - 1922 гг. как фактор стабилизации власти большевиков в регионе : специальность 07.00.02 "Отечественная история" : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. 2015. – 199 с.

10. Позднякова А.С. Деятельность Вятского губернского революционного трибунала в 1918-1922 гг. как фактор стабилизации власти большевиков в регионе : специальность 07.00.02 "Отечественная история" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2015. 22 с.

11. Позднякова, А. С., Вычугжанина Е.Ю. Эпидемия сыпного тифа в Вятском исправительном рабочем доме в 1918-1920 гг // Вятский медицинский вестник. 2016. № 2(50). С. 65-68.

12. Позднякова, А. С. Уголовные преступления в практике Вятского губернского революционного трибунала в годы Гражданской войны // Genesis: исторические исследования. 2017. № 7. С. 35-42.

1. Панькин, С. И. Комиссии по борьбе с дезертирством в Челябинской губернии (1919-1921): правовой статус, структура, полномочия, кадры // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2023. № 4. С. 185-203. DOI 10.24412/2309-152-2023-4-185-203.

2. Панькин, С. И. Система санкций за дезертирство в РСФСР в 1919-1921 гг. (по материалам Челябинской губернии) // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 4(43). С. 18-24. DOI 10.47475/2311-696X-2024-43-4-18-24.

3. Панькин, С. И. «Красноармейцу из коммунистов выдать документы на дезертира...». Тайная разведка в деятельности комиссий по борьбе с дезертирством на Южном Урале в 1920 году // Военно-исторический журнал. 2023. № 10. С. 56-61.

4. Васильев М. В. «Пока послужим, а потом убежим»: дезертирство в Псковской губернии // Родина. 2011. № 2. С. 81–83.

5. Кукушкин В.Л. Армейское и трудовое дезертирство в среде вологодского крестьянства в 1919-1921 годах // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000/

6. Маковой С.В. Дезертирство и борьба с ним в годы гражданской войны на Северо-Западе Советской республики // Научно-технические ведомости СПбГТУ. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 2.

7. Ходяков М.В. Петроградская комиссия по борьбе с дезертирством в годы гражданской войны // Петербургские чтения - 97. СПб., 1997.

8. Левшин, К. В. Деятельность Петроградской губернской комиссии по борьбе с дезертирством в 1919-1921 гг // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2011. № 4. С. 82-87.

9. Левшин К.В. Дезертирство в Красной армии в годы Гражданской войны: по материалам Северо-Запада России. СПб.: Нестор-История, 2016.

УДК 94(47)

СОВРЕМЕННАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЭПИДЕМИЙ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Автор: Тугуева Мария Ильинична

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса Института мелиорации, водного хозяйства и строительства имени А.Н. Костякова, lyalya93@yandex.ru

Научный руководитель: Позднякова Анастасия Сергеевна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, chai89@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу современной российской историографии в области изучения эпидемий в годы Гражданской войны. Особое внимание уделено регионализации исторических исследований, развитию региональных подходов к изучению медицинских и санитарных проблем того периода. Современные ученые исследуют различные аспекты влияния эпидемий на ход военных действий, условия содержания заключенных, реакцию врачей и местного населения, эффективность профилактических мер и организацию помощи пострадавшим. Таким образом, исследование подчеркивает значимость комплексного подхода к изучению медико-социальных аспектов того времени, предлагая новый взгляд на социальную историю российских эпидемий и способы преодоления кризисных ситуаций.

Ключевые слова: Гражданская война; советская власть; эпидемии; сыпной тиф, здравоохранение

Author: Tugueva Maria Ilinichna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), student, A.N. Kostyakov Institute of Land Reclamation, Water Management, and Construction, lyalya93@yandex.ru

Scientific supervisor: Pozdnyakova Anastasiya Sergeevna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), PhD of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, chai89@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of modern Russian historiography in the field of studying epidemics during the Civil War. Special attention is paid to the regionalization of historical research and the development of regional approaches to studying medical and sanitary issues of that period. Modern scholars explore various aspects of the impact of epidemics on the course of military operations, the conditions of prisoners, the reactions of doctors and the local population, the effectiveness of preventive measures, and the organization of assistance to victims. Thus, the study highlights the importance of a comprehensive approach to studying the medical and social aspects of that time, offering a new perspective on the social history of Russian epidemics and the ways to overcome crisis situations.

Keywords: Civil War; Soviet rule; epidemics; typhus, healthcare

Тема Великой русской Революции и Гражданской войны в России является одной из актуальных в современной российской историографии. Многие вопросы остаются неизученными, особенно история повседневности, в том числе и медико-социальная характеристика той эпохи. Между тем инфекционные болезни всегда сопутствовали человечеству, особенно в экстремальных для него ситуациях. Недостаточность питания, снижение жилищных и бытовых условий, большие скопления людей сопровождают большинство катастроф и войн, играют ведущую роль в развитии различных эпидемий.

В 1990-2000-х гг. развивается региональная историческая наука и в области изучения эпидемий в годы Гражданской войны. Исследуются общие проблемы здравоохранения [1; 2], санитарное состояние [3], эпидемиологическая обстановка [4; 5]. Современные историки все чаще обращаются к теме борьбы с сыпным тифом в годы Гражданской войны. И. В. Нарский в монографии «Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг.» рассматривает эпидемию тифа, как одну из характерных черт того времени, приводит ценные статистические данные о ходе различных эпидемий в уральском регионе [6]. О. А. Морозова изучает проблему с точки зрения военной истории, приходит к выводу, что «более инфицированная армия проигрывала и отступала. Иногда победа – занятие территории противника, где свирепствует эпидемия, или захват зараженных пленников, или переход больной армии на сторону бывшего противника, – становилась причиной изменения хода войны» [7]. В настоящее время появились региональные исследования о медико-санитарном состоянии губернских городов в годы Гражданской войны, организации борьбы с сыпняком [8]. Н.А. Миронова пишет о том, что разгул эпидемии сыпного тифа достаточно редко вызывал панику: люди начинали привыкать. Для противников советского режима он стал еще одной чертой разрухи. Для обычных людей он постепенно становился лишь одной из многочисленных трудностей,

наравне с голодом, холодом и другими проблемами повседневности. Изучая эпидемическую ситуацию в Ярославле автор приходит к выводу о том, что врачи были совершенно беспомощны, лишены всякой материальной поддержки «центра», и если им удалось несколько уменьшить количество умерших во время эпидемии, то лишь за счет энтузиазма и профессионализма, а часто, как говорилось выше, и ценой собственной жизни [8]. Н.А. Миронова изучила состояние Ярославской Коровницкой тюрьмы, как одного из очагов эпидемий. Она пишет, что санитарное состояние Ярославской тюрьмы в первые революционные годы было чрезвычайно тяжелым и постоянно ухудшалось. Ярославские врачи, занятые решением проблемы эпидемий в самом городе, не могли уделить должного внимания тюрьме [9].

Вспышкой эпидемии сыпного тифа в местах лишения свободы занимались А.С. Позднякова и Е.Ю. Вычугжанина [10]. Они раскрывают данную проблему на примере Вятской губернии, где с 1918 по 1920 гг. наблюдалась эпидемия сыпного тифа. Авторы отмечают, что в регионе были известны санитарные методы профилактики заболевания, такие как борьба со вшивостью как бытовым явлением, улучшение питания, мытье в бане, смена белья, дезинфекция помещений. Однако в условиях Гражданской войны, тяжелой социально-экономической ситуации даже эти элементарные меры, как видно на примере Вятского исправительного рабочего дома, не были проведены ввиду отсутствия средств и материалов [10]. Он был постоянно переполнен, поскольку являлся единственным местом заключения для ЧК и революционных трибуналов в регионе [11]. в нем содержались и политические заключенные [12], и уголовные элементы [13], служил временным изолятором для дезертиров [14].

Эпидемии охватили не только советскую Россию, но и территории, на которых располагались белогвардейские правительства. Эпидемия сыпного тифа свирепствовала в Омске в 1919 г. Как пишет С.Г. Сизов, эпидемия сыпного и возвратного тифа распространялась в Белой Сибири в направлении с Запада на Восток и в стороны от железных дорог. По мере продвижения вперёд Белой армии, появлялись всё новые серьёзные очаги заболеваний, так как вся советская часть России была охвачена эпидемией сыпного и возвратного тифа [15]. Эпидемии тифа, массовые заболевания холерой и дизентерией в Белом Омске серьёзно осложняли жизнь горожан. Причинами роста числа этих заболеваний стал почти неуправляемый поток беженцев, отсутствие необходимых медико-санитарных мер для борьбы с эпидемией. Несмотря на то, что наблюдался рост расходов на борьбу с эпидемиями, денег и материальных ресурсов всё равно не хватало. В условиях, когда фронт подходил всё ближе к Омску, властям бороться с

тифом становилось всё сложнее и сложнее. Справиться с эпидемиями можно было лишь с помощью чрезвычайных мер, что уже после взятия Омска зимой - весной 1920 г. смогли сделать большевики [15]. Однако, даже после прихода к власти большевиков эпидемическая ситуация в Омске оставалась тяжелой. Как пишет Глазунова Т.В. в 1920 г. в Омске было зарегистрировано тифов 33097 случаев, в 1921 г. – 3153, в 1922 г. – 13019. В 1921 г. главным источником распространения тифов в Омске была железная дорога, перевозившая голодающих беженцев Поволжья [16]. С этими же причинами связывает эпидемию сыпняка в Новониколаевске С.О. Вишневский [17].

Новый импульс для изучения эпидемий в годы Гражданской войны в России появился после пандемии COVID-19 в 2020 г. Так, Т.И. Трошина на примере Архангельской губернии проанализировала противоэпидемические мероприятия в регионе в годы Первой мировой войны [18].

Современные ученые активно изучают не только эпидемию сыпного тифа, но и заболеваемость туберкулезом [19; 20] и венерическими заболеваниями [21]. В настоящее время в контексте социальной истории эпидемий происходит расширение предметной области исследований, которая теперь охватывает не только комплекс противоэпидемических мероприятий власти и практики борьбы с болезнями, но и социальные реакции и восприятие эпидемической угрозы, влияние акторов и адаптационные ресурсы общественных систем, вопросы социального и медицинского контроля [22].

Современная историография продолжает изучать историю эпидемий в годы Гражданской войны, подчеркивая важность комплексного подхода к исследованию медико-социальных аспектов того времени. Появляются работы, посвященные региональной специфике эпидемий и методам борьбы с ними. Помимо традиционных вопросов медицины, внимание уделяется социальным реакциям и адаптации общества к эпидемиям. Эти исследования помогают лучше понять, как общество справлялось с чрезвычайными ситуациями и какими методами боролось с инфекционными заболеваниями

Список литературы

1. Башкуев В.Ю., Башкуева У.В. Проблемы здравоохранения Дальневосточной республики (1920-1922) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск. 2015.
2. Рослякова О.А. Из истории становления и развития органов здравоохранения Южного Урала и их роль в преодолении заболеваемости в крае // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 6.
3. Булюлина Е.В. Санитарно-эпидемическое состояние и работа органов здравоохранения Нижнего Поволжья в 1919-1922 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4 (10).

4. Гапеева М.С. Борьба с эпидемиями и система здравоохранения: Владикавказ 1917-1920-е гг. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. 2015. № 1.
5. Катанцев Д.В. Характеристика эпидемической ситуации Курганского уезда в 1919-1923 гг. // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 1 (44). С. 9-13.
6. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917 – 1922 г. М. : РОССПЭН, 2001.
7. Морозова О.М. Тифозная вошь в солдатской шинели: о влиянии естественно-природных факторов на ход и исход Гражданской войны в России // Научно-культурологический журнал Релга. 2013. № 1. Дата депонирования: 05.01.2013.-URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3424&level1=main&leve>.
8. Миронова Н.А. Эпидемия сыпного тифа в Ярославле в 1919 г.: «Как вы будете экономику проводить, когда 70% в сыпняке?» // Ярославский педагогический вестник. 2009. №2(59). С. 245–248.
9. Миронова Н. А. Санитарное состояние ярославской Коровницкой тюрьмы в 1918-1920 гг / Н. А. Миронова // Ярославский педагогический вестник. 2010. Т. 1, № 1. С. 278-281.
10. Позднякова, А. С., Вычугжанина Е.Ю. Эпидемия сыпного тифа в Вятском исправительном рабочем доме в 1918-1920 гг // Вятский медицинский вестник. 2016. № 2(50). С. 65-68.
11. Бакулин В.И., Вычугжанина А.С. Органы чрезвычайной юстиции Вятской губернии в 1918-1922 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2-5. С. 90-99.
12. Позднякова А.С. Конфликт между ВЧК и НКЮ в региональном измерении (Вятская губерния, 1918-1919 гг.) // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов. Материалы II всероссийской научно-практической конференции, посвящённой памяти историка отечественных спецслужб Александра Михайловича Плеханова и 105-летию образования ВЧК. Омск, 2022. С. 186-192.
13. Позднякова А. С. Уголовные преступления в практике Вятского губернского революционного трибунала в годы Гражданской войны // Genesis: исторические исследования. 2017. № 7. С. 35-42.
14. Позднякова, А. С. Создание и деятельность Вятской губернской комиссии по борьбе с дезертирством в 1919 году // Genesis: исторические исследования. 2018. № 11. С. 56-66. DOI 10.25136/2409-868X.2018.11.27453.
15. Сизов С. Г. Эпидемическая ситуация в Белом Омске в 1918-1919 гг. и её влияние на повседневную жизнь горожан // Кубанские исторические чтения. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. 2017. С. 73-80.
16. Глазунова Т. В. Санитарно-эпидемическая ситуация в Омске в 1919-1922 гг // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : Материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Западно-Сибирского восстания и 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны, Омск, 20–21 октября 2021 года. Омск: Омский государственный технический университет, 2021. С. 58-63.
17. Вишневский С. О. Тифозная эпидемия в Новониколаевске летом 1918 - осенью 1919 г / С. О. Вишневский // Вестник Томского государственного университета. История. – 2022. – № 75. – С. 20-29. – DOI 10.17223/19988613/75/3.

18. Трошина Т. И. Противоэпидемические мероприятия в годы Первой мировой войны: региональный аспект (на материалах Архангельской губернии) // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2020. № 2. С. 84-92. – DOI 10.25016/2541-7487-2020-0-2-84-92.
19. Загдын З.М. Туберкулез в России в историческом ракурсе // Морская медицина. 2024. № 10 (4). С. 15-25.
20. Кадырова А.А., Мамедов М.К. К 100-летию применения противотуберкулезной вакцины БЦЖ: Живая вакцина, как важнейшее средство борьбы с туберкулезом // Биомедицина (Баку). 2021 Т. 19, № 2 С. 24–28.
21. Венерическая заболеваемость в России в 1914-1924 гг / О. М. Морозова, Т. И. Трошина, Н. М. Морозов, М. Е. Разиньков // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2024. Т. 32, № 3. С. 484-489. DOI 10.32687/0869-866X-2024-32-3-484-489.
22. Кондрашин В.В., Корнилов Г.Е. История голода и эпидемий в России: историографическая ситуация// Уральский исторический вестник. 2021. № 1. С. 6-13.

СОВРЕМЕННАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СИСТЕМЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ТРИБУНАЛОВ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Автор: Харламова Диана Викторовна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), студент 1 курса Института мелиорации, водного хозяйства и строительства имени А.Н. Костякова, harlam_di@yandex.ru

Научный руководитель: Позднякова Анастасия Сергеевна

ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева», Москва, Россия (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, chai89@bk.ru

Аннотация. Данная работа посвящена анализу современного состояния работ по изучению системы революционных трибуналов в годы Гражданской войны. Их деятельность стала предметом активного научного интереса в последние десятилетия. Исследования показывают, что революционные трибуналы выполняли широкий спектр функций, включая расследование контрреволюционных деяний, должностных нарушений, уголовных преступлений и защиту общественного порядка. Таким образом, изучение деятельности революционных трибуналов позволяет глубже понять механизм функционирования судебной системы раннего Советского государства, выявить недостатки и достижения первых лет советской власти, а также осознать сложности, стоящие перед обществом в тот исторический период.

Ключевые слова: Гражданская война; советская власть; чрезвычайная юстиция, революционный трибунал, репрессии

Author: Kharlamova Diana Viktorovna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), student, A.N. Kostyakov Institute of Land Reclamation, Water Management, and Construction, harlam_di@yandex.ru

Scientific supervisor: Pozdnyakova Anastasiya Sergeevna

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia (127434, Moscow, Timiryazevskaya street 49), PhD of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, chai89@bk.ru

Abstract. This work focuses on analyzing the current state of research on the system of revolutionary tribunals during the Civil War. In recent decades, there has been a growing interest in studying the activities of revolutionary tribunals. Research has shown that revolutionary tribunals performed a wide range of functions, including investigating counterrevolutionary activities, malfeasance, criminal offenses, and maintaining public order. By examining the activities of revolutionary tribunals, we can gain a deeper understanding of the functioning of the judicial system in the early Soviet state, identify the shortcomings and achievements of the first years of Soviet rule, and gain insight into the challenges faced by society during this historical period.

Keywords: Civil War; Soviet power; emergency justice; revolutionary tribunal; repression.

Составной частью советской судебной системы явились созданные после Октября революционные трибуналы. Именно они, а не народные суды, первыми были созданы по всей стране, т.е. на них ложилась огромная ответственность по поддержанию порядка и законности в первые месяцы советской власти. Революционные трибуналы функционировали в Советской России с 1918 по 1922 годы. Эти годы были отмечены Гражданской войной, началом становления нового государства. В современной историографии и публицистике в последние десятилетия происходит пересмотр данного периода, ему дается новая оценка. При этом особое внимание обращается на репрессивные меры нового руководства страны, на политику «красного террора». Однако в основу публикаций нередко кладутся тенденциозно подобранные факты и цифры, в результате чего общая картина соответствующих социально-политических процессов приобретает упрощенный и, соответственно, искаженный вид.

В Гражданской войне, равно как и в процессе становления обновляемой государственности, несомненно переплетались сложные, многогранные и нередко противоречивые компоненты, требующие всестороннего и объективного изучения. Одной из важных и, безусловно, интересных сторон сложнейшего процесса становления советской государственности стало рождение и эволюция революционных трибуналов. Изучение их деятельности даёт многое для глубокого понимания событий, происходивших как в стране, так и в регионах. Сюда относятся: особенности формирования новых органов власти, уточнение принципов кадровой политики, криминальные проявления и наказания за их совершения характерные для того времени, их связь с общей политической и правовой обстановкой в государстве. Революционный трибунал – уникальный орган, включающий в себя все ветви судебной системы: следствие, обвинение, защита и судопроизводство. Исследование его работы, осуществляющееся на стыке исторической и правовой наук, представляет немалый интерес и для лиц, занятых в сфере юридической теории и практики. Революционный трибунал, конечно, являлся чрезвычайным органом власти, отсюда уместно его назвать чрезвычайным органом юстиции, как и

Чрезвычайные комиссии (ЧК) [1]. Однако все историки подчеркивают серьезные различия между этими двумя структурами.

За последние два десятилетия появились ряд работ, посвященных деятельности революционных трибуналов в центральных губерниях, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке [2-6]. Одним из серьезных авторов по данной проблематике является А.В. Макутчев, который предметно изучил деятельность Тульского губернского революционного трибунала [7,8]. Автор отмечает, что компетенция ревтрибуналов на практике была шире заявленной законодательством, они брали на себя рассмотрение не только контрреволюционных, но и должностных, воинских и общеуголовных преступлений. Это было обусловлено законодательной неразграниченностью компетенции ревтрибуналов и других правоохранительных структур регионов. Макутчев А.В. считает, что ревтрибуналы находились в зависимости и под контролем местных партийных органов, что стало одним из проявлений формировавшегося однопартийного режима большевистской диктатуры, а также, что деятельность трибуналов зависела от экономической и политической ситуации на местах, что обуславливало специфику деятельности ревтрибуналов в каждом регионе. Эффективность ревтрибуналов в борьбе с преступностью также определял уровень подготовленности кадров, который во многих регионах был невысок.

Самарский историк П.А. Мистрюгов изучает чрезвычайные органы власти, в том числе и губернский революционный трибунал [9, 10, 11]. Он приходит к выводу о том, что установление и деятельность советской власти сопровождались формированием целого спектра структур, наделённых чрезвычайными полномочиями. Как считает П.А. Мистрюгов, при этом преобладающими полномочиями были военно-карательные, реквизиционные, репрессивные над следственно-судебными. Организация чрезвычайных структур отличалась отсутствием единообразия и имела элементы местного правотворчества [11]. Интересной является его работа о повседневности сотрудников ревтрибуналов. П.А. Мистрюгов пишет, что основные формы и содержание служебной повседневности сотрудников ревтрибунала в Самарской губернии были порождены военно-политическим противостоянием: поиском «третьего пути в революции», масштабными крестьянскими восстаниями и голодом, спровоцированным фискально-реквизиционной политикой советской власти. Отношение судей чрезвычайных структур к законодательным нормам организации и осуществление судопроизводства приобрели утилитарные черты. С одной стороны, закономерным явилось стремление местных судебных функционеров к упрощению имевшейся правовой базы, с другой – Гражданская война обусловила превалирование социально-оперативной

целесообразности над общими судебно-правовыми средствами регулирования конфликтов, что вызывало тяготение к официально санкционированным местной властью специальным, преимущественно чрезвычайным формам и методам судебного производства. П.А. Мистрюгов заключает, что общее влияние революционного переустройства и военного времени привело к проявлению девиантных форм поведения – склонности к насилию над подсудимыми и местными жителями, нарушению установленных правил осуществления судебного производства.

Иначе считает историк А.С. Позднякова, которая также занимается изучением системы трибуналов и ЧК на примере Вятской губернии [12]. Она отмечает высокий уровень юридической подготовленности у работников трибунала в отличие от ЧК. Более того сотрудники ревтрибунала Вятки вступили в конфликт с чекистами из-за насильственных действий последних [13]. А.С. Позднякова отмечает, что революционные трибуналы занимались не только должностными и контрреволюционными делами, они активно включались в процессы в регионе, помогали властям справиться со сложной обстановкой [14, 15]. Основным наказанием, который применял ревтрибунал Вятки было заключение на небольшой срок до двух лет в Вятский исправительный рабочий дом. Заключенных часто амнистировали из-за его переполненности, сложной эпидемической ситуации [16].

Мухамедов Р.А., изучая Симбирский революционный трибунал пришел к выводу о том, что данный орган правосудия - радикальный элемент системы власти. В Симбирской губернии борьба с контрреволюционными деяниями носила систематический характер и осуществлялась с различной степенью эффективности, при этом ревтрибунал старался пресекать на корню любые проявления контрреволюционной деятельности и не допускать ее повсеместного распространения на территории губернии. Автор пишет, что итоговый вердикт, выносимый трибуналом, зависел в первую очередь от социального происхождения обвиняемого: к представителям пролетариата, выходцам из крестьянской среды в большинстве случаев применялось мягкое наказание, которое во многих случаях заменялось амнистией. В то же время сотрудники Симбирского губернского революционного трибунала в связи с отсутствием четких критериев оценки «контрреволюционного деяния» зачастую осуждали граждан, не представлявших существенной угрозы для советского государства [17].

Интересной тематикой занимается М.В. Чигрин, который, изучая Симбирский ревтрибунал, обратил внимание на борьбу с должностными преступлениями сотрудников правоохранительных органов. Автор отмечает, что характер приговора зачастую был достаточно мягким, если правонарушение сотрудника не угрожало интересам советской власти. Особо

строгие приговоры выносились, как правило, работникам, занимавшим высокие посты в правоохранительных органах и обвиняемым в превышении должностных полномочий. М.В. Чигрин считает, что преобладающее количество приговоров сотрудникам правоохранительных органов, носивших достаточно мягкий характер, подрывало веру у советских граждан в честный и беспристрастный революционный суд [18].

Историки имеют разные взгляды на деятельность трибуналов. Одни считают их эффективными инструментами поддержания порядка, другие критикуют за чрезмерную зависимость от местных властей и нарушение правовых норм. Изучение юридических механизмов и практик работы трибуналов имеет значение для современных юристов и теоретиков права. Исследование деятельности революционных трибуналов позволяет глубже понять процессы, происходившие в период становления советской власти. Оно подчеркивает сложность и многогранность исторического контекста, необходимость критического осмысления источников и подходов к интерпретации исторических фактов.

Список литературы

1. Бакулин В.И., Вычугжанина А.С. Органы чрезвычайной юстиции Вятской губернии в 1918-1922 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2-5. С. 90-99.
2. Кострова О.В. Судебные преобразования в России в 1917 – 1922 гг.: на примере Нижегородской губернии : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008.
3. Шорохова А.А. Становление и развитие советского суда в Башкирии (1917 – 1927 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007.
4. Абрамовский А.А. Становление советской судебной системы на Урале в 1917 – 1918 гг. (исторический аспект) : автореф. дис. ... докт. ист. наук. Челябинск, 2004.
5. Гороховский Н.Н. Становление и правовой статус военных трибуналов в Среднем Поволжье : дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2004.
6. Гизатулин Ш.Т. Преступность в российской провинции и борьба с ней в октябре 1917 – 1922 гг. (на материалах Самарской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008.
7. Макутчев А.В. Тульский губернский революционный трибунал в 1918 – 1923 гг.: проблемы судопроизводства в годы Гражданской войны // Вестник Московского государственного областного университета. 2011. № 1. История. С. 43-48.
8. Макутчев А.В. «Приговор окончательный, обжалованию не подлежит...» : революционные трибуналы в Советской России в годы Гражданской войны. М. : АИРО-XXI, 2012.
9. Мистрюгов П. А. Кадровый состав чрезвычайных органов юстиции в годы Гражданской войны (на примере ревтрибуналов Поволжья и Приуралья) // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2019. Т. 10, № 9(83). С. 29. DOI 10.18254/S207987840007370-6.

10. Мистрюгов П. А. Служебная повседневность сотрудников революционных трибуналов Самарской губернии в годы Гражданской войны // Российская история. 2018. № 4. С. 35-42. DOI 10.31857/S086956870000130-4.
11. Мистрюгов П. А. Организация чрезвычайных органов советской власти в Самарской губернии в 1917 - начале 1919 г. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 3. С. 65-72.
12. Вятская губерния в 1917-1918 гг.: Революция и эволюция региональной политико- управленческой системы: монография / В.И. Бакулин, М.А. Борчина, А.С. Макарова, А.С. Позднякова, Ю.Н. Тимкин. Киров. 2017.
13. Позднякова А.С. Конфликт между ВЧК и НКЮ в региональном измерении (Вятская губерния, 1918-1919 гг.) // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов. Материалы II всероссийской научно-практической конференции, посвящённой памяти историка отечественных спецслужб Александра Михайловича Плеханова и 105-летию образования ВЧК. Омск, 2022. С. 186-192.
14. Позднякова А. С. Уголовные преступления в практике Вятского губернского революционного трибунала в годы Гражданской войны // Genesis: исторические исследования. 2017. № 7. С. 35-42.
15. Позднякова А. С. Создание и деятельность Вятской губернской комиссии по борьбе с дезертирством в 1919 году // Genesis: исторические исследования. 2018. № 11. С. 56-66. DOI 10.25136/2409-868X.2018.11.27453.
16. Позднякова А. С., Вычугжанина Е.Ю. Эпидемия сыпного тифа в Вятском исправительном рабочем доме в 1918-1920 гг. // Вятский медицинский вестник. 2016. № 2(50). С. 65-68.
17. Мухамедов Р. А. Контрреволюционные преступления в судебной практике Симбирского губернского революционного трибунала в 1918-1920 годах / Р. А. Мухамедов, М. В. Чигрин, А. А. Никитин // Научный диалог. – 2019. – № 5. – С. 348-364. – DOI 10.24224/2227-1295-2019-5-348-364.
18. Чигрин М. В. Должностные преступления сотрудников правоохранительных органов в 1918 - 1919 гг. (по материалам Симбирского губернского революционного трибунала) / М. В. Чигрин // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2018. – Т. 20, № 3-2(83). – С. 315-320.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИКОВ РАМЕЕВЫХ

Автор: Шавалиева Элина Альбертовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д.18, корп.1, студент 4 курса Института международных отношений, истории и востоковедения, shavaliyeva.2003@mail.ru

Научный руководитель: Саматова Чулпан Хамитовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д.18, корп.1, кандидат исторических наук, доцент, chulpan-samatova@mail.ru

Аннотация. Обеспечение социального благополучия населения является одной из обязательств государства перед своими гражданами. Однако существуют и негосударственные механизмы, направленные на обеспечение реализации данной функции. К ним относится благотворительная деятельность. Особую значимость благотворительность имела в имперский период России, в связи с недостаточностью ресурсов государства (например, во время Первой мировой войны) и отсутствия господдержки для некоторых групп, например тюрко-мусульман. В результате татарская буржуазия брала на себя помощь в образовании, религии и поддержке малоимущих. Обращение исследователей к данной теме позволяет выявить и, возможно, использовать позитивный опыт благотворительной деятельности на современном этапе.

Ключевые слова: благотворительность; золотопромышленники Рамеевы; «Вақыт»; народное просвещение; религиозная деятельность

CHARITABLE ACTIVITIES OF THE RAMEYEV GOLD MINERS

Author: Shavaliyeva Elina Albertovna

Kazan (Volga Region) Federal University, 420008, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, Kremlevskaya str., 18, building 1, 4th year student at the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, shavaliyeva.2003@mail.ru

Scientific supervisor: Samatova Chulpan Khamitovna

Kazan (Volga Region) Federal University, 420008, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, Kremlevskaya str., 18, building 1, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, chulpan-samatova@mail.ru

Abstract. Ensuring the social well-being of the population is one of the obligations of the State towards its citizens. However, there are also non-governmental mechanisms aimed at ensuring the implementation of this function. These include charitable activities. Charity was of particular importance during the imperial period of Russia, due to the lack of state resources (for example, during the First World War) and the lack of a state budget.

Key words: charity; gold miners Rameevs; Vakyt; public education; religious activity

Цель работы: изучить благотворительную деятельность купцов Рамеевых на территории Южного Урала в конце XIX – начале XX вв.

В работе использован ряд специальных исторических методов. Проблемно - хронологический метод был применен при изложении отдельных аспектов истории семьи Рамеевых, их золотопромышленной и благотворительной деятельности.

Синхронистический метод позволил установить связи и взаимосвязи между явлениями и процессами, протекавшими в одно и то же время, например, в изучении торговой и общественной деятельности купцов Рамеевых на фоне развития капиталистических отношений и меценатства в стране.

Без внимания не осталась литература, анализирующая теоретические аспекты развития благотворительности в целом - работа «Теоретическое осмысление социально-культурного феномена благотворительности и его границ», авторами которой стали П.Лежендр, М. Черток, В. Нечаева, Э. А. Фомин, Е. З. Чикадзе, Л. В. Юрченко, И. В. Антонович.

Из доступных источников были использованы публикации из газет «Сибирская жизнь», «Епархиальные новости», посвященные жизни, профессиональной деятельности династии Рамеевых и их благотворительности.

По предположениям некоторых учёных семья Рамеевых начинает свою историю еще со времен Казанского ханства. Известно, что кто-то из представителей данной фамилии находился на службе у Ивана III, кто-то был муллой, а кто-то торговцем [1, с. 94-99]. По-настоящему род прославился благодаря золотопромышленной деятельности МухамметсадыкаРамеева и его сыновьям – Мухамметшакиру и Мухамметзакиру. Представители этой династии были известны как на Урале, так и за его пределами. Каждый член семьи сумел достичь впечатляющих успехов в той или иной сфере.

Мухамметшакир и МухамметзакирРамеевы были известны своей благотворительной деятельности в России в XIX – XX веках. Сами братья писали: «Мы ведь не собираемся жить, преклоняясь лишь богатству, <...> наша главная цель — служение народу» [2, с. 9].

Братья шли с веком наравне, и стремились изменить старую систему образования. Ранее обучение было религиозным, но под влиянием общественно-экономических изменений, возникла необходимость в светских знаниях. Поэтому была предпринята попытка изменения системы татарского образования. На средства Рамеевых было решено открыть медресе.

В 1903 году благодаря стараниям братьев, учебное начальство дало разрешение на открытие, на приисках при медресе русский класс, «где учатся русской грамоте около 20 мальчиков, детей русских рабочих» [3, с.1]. В школе преподавали арифметику, физику, историю и географию.

Еще была необходимость в появлении курсов по подготовке татарских учителей. В 1911 году началась работа над открытием татарской учительской семинарии.

Братья сумели помочь Ахмету-ЗакиВалиди, который в будущем станет военно-политическим деятелем. Находясь в Турции, он напишет: «Я с детства интересовался прошлым своего народа. После посещения нашего села историка Мурада Рамзи, мы стали выписывать газеты на татарском языке из Казани... Проучившись одну зиму в Оренбурге, решился посоветоваться с Закир беем Рамеевым и пошел к ним домой. Сообщил ему о своем желании учиться в Казани и общаться там с известными учеными. Он одобрил мое желание» [4, с.1]. Тогда Закир Рамеев – Дэрдемэнд, выручил не только советом, но и деньгами, вручив 50 рублей.

Также при активном участии братьев Рамеевых было принято решение открыть сельскую библиотеку. Позже в период гражданской войны потомки Рамеевых и МирхайдарФайзи приложат все силы, чтобы сохранить книги, и у них это получилось.

Рамеевы, помимо благотворительности, занимались и издательской деятельностью. Как потом напишут в газетах: «Периодическая татарская печать до 1905 года, имевшая на 15-миллионное магометанское население России только Бахчисарайскую газету «Тарджеман» и официальный орган - «Туркестанскую Газету», после объявления свободы печати стала быстро развиваться. В настоящее время издаются: в Оренбурге газеты: «Вакыт» и при ней двухнедельный журнал» [5, с. 1].

В 1906 году на свои собственные средства стали выпускать в Оренбурге газету на татарском языке «Вакыт» (в переводе с татарского языка – «Время»). Первый номер вышел в свет 21 февраля.

Шакир и Закир Рамеевы не забывали о своих работниках и ценили их тяжелый труд. Особое внимание было обращено к хорошему

жизнеобеспечению. Поэтому платили большое жалование в невиданных для той поры размерах. Например, месячное жалование Фатих Карими и Ризы Фахретдина составляло 130 рублей в месяц.

Династия Рамеевых, основанная Мухамметсадыком, стала символом предпринимательской и просветительской мощи: начав с мелкого производства, они создали золотодобывающую империю, внедрив инновации (дифференциальный амальгаматор, вращающиеся бураты) и расширив дело до 79 приисков с передовым оборудованием. Рамеевы стали ключевыми меценатами татарского общества: открывали медресе со светской программой, поддерживали джадидизм, финансировали студентов (включая будущих деятелей искусства и политики), создавали библиотеки. Их издательский проект — газета «Вакыт» и журнал «Шура» — стал голосом эпохи, объединив литераторов, реформаторов и интеллигенцию, продвигая просвещение, критикуя архаику и отстаивая права женщин. Сочетая промышленный прогресс, благотворительность и культурную миссию, Рамеевы оставили глубокий след в экономике Урала, образовании и национальном самосознании татар, став мостом между традицией и модернизацией.

Список литературы

1. Масагутов Р.Ф. Родословная Рамеевых XVIII века // Всетатарское общество краеведов при Исполкоме Всемирного конгресса татар, г. Уфа. - 2018. - №8. - С. 93-101.
2. Хамидуллин Л. Х. // Зарницы на горизонте. - Казань: Татарское книжное издательство, 2017. - С. 8-10.
3. Сибирская жизнь. – 1909– № 184 – С. 1.
4. ЗакиРамиев: путевка в жизнь для скульптора, помощь ЗакиВалиди и первый стих // Миллиард Татар URL: <https://milliard.tatar/news/zakir-ramiev-putevka-v-zizn-dlya-skulptora-pomoshh-zaki-validi-i-pervyi-stix-1213>
5. Епархиальные ведомости, Пермские епархиальные ведомости. – 1910 - № 29.